

Доченька
Возвращение

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Annotation

Мари, маленькая девочка, которая воспитывалась в сиротском приюте, превратилась в красивую сильную женщину. Вторая мировая война, принеся столько несчастий, закончилась. Но мир в семье, которого так ждала Мари, не наступает... Письма, порочащие ее мужа, и полные боли глаза сиротки Мелины будят в ней воспоминания о горьком прошлом. Мари хочет удочерить Мелину. Почему же ее Адриан, нежный муж и любящий отец, наотрез отказывается принять девочку? Почему детей Мари преследует злой рок? А младшая дочь тайно встречается с сыном заклятого врага Мари. Да и сама женщина хранит в тайниках души страшную правду, которую муж не должен узнать никогда...

-
- [Мари- Бернадетт Дюпюи](#)
- [Слова признательности](#)
- [Краткое содержание первой книги «Доченька»](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Эпилог](#)
  -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
-

Мари- Бернадетт Дюпюи

Возвращение

Доченька-2

Моему сыну Иану

Изабель

Всем девочкам-сиротам

Жителям Обазина, которые очень помогли мне в моих изысканиях

Слова признательности

Создание литературного произведения для меня — это всегда приключение, благодаря которому я знакоюсь с очень интересными людьми, и в их числе:

Жан-Клод Ларуш, мой издатель, которого я хочу от всего сердца поблагодарить за дружескую поддержку, советы профессионала и за его терпение...

Жан-Луи Керио, приобщивший меня к удивительному искусству красноречия. Благодаря ему жалобы и стенания Нанетт приобрели яркие краски, свойственные лимузенскому патуа. Надеюсь, мне удалось передать богатство и сочность этого наречия, столь дорогого сердцам многих моих соотечественников. Спасибо Вам, Жан-Луи, спасибо Сильви Рей и Брижитт Верниоль за то, что вы снова и снова перечитывали фрагменты рукописи с патуа, проверяя, не вкралась ли в текст какая-нибудь ошибка.

Мари-Эллен Тассен, щедро поделившаяся со мной историями из жизни, которые помогли мне обогатить повествование историческими подробностями.

Полковник Леон Канар, бывший мэр Обазина, оказавший мне самый теплый прием и создавший наилучшие условия для работы. Его богатейшие архивы во многом упростили мои изыскания. Огромное спасибо его супруге Амели, нашей милой «тете Ненетте». Мне никогда не забыть прелестных вечеров с пением и искренности ее повествования.

Даниэль Добан, который поведал мне о своих детских воспоминаниях и пусть и с опозданием, но открыл мне секрет этого прозвища — «тетя Ненетта». Я подтверждаю: речь идет именно об Амели...

Мадлен Барди, дорогое дитя Мари-Терезы Берже, которую эта заслуживающая всяческого восхищения женщина воспитала с любовью и нежностью. Мадлен все еще проживает в доме «мамы Тере» и много рассказывала мне об этой удивительной женщине, которую до сих пор помнят в Обазине. Добавлю, что Мадлен унаследовала от своей приемной матери бесконечную доброту, и я, пользуясь случаем, еще раз хочу выразить ей свое уважение и симпатию.

Еще раз огромное спасибо моим дорогим друзьям Даниэлю и Мишель Добэн, Жоэлю и Кристине Добэн, Люсьенне Булесте и, конечно же, моей верной Гийометте за доброе отношение и помощь. Спасибо господину

Шараже, булочнику, и всем, с кем я встречалась в Коррезе, за их доброжелательность и улыбки. Спасибо и тем, кто помогает мне день за днем в моих повседневных заботах, пока я отдаюсь литературному творчеству. Как говорит Нанетт, «что бы я без вас делала!»

Постараюсь быть краткой: я никогда вас не забуду. И я всех вас люблю.

Краткое содержание первой книги «Доченька»

Мари росла в приюте при старинном монастыре в Обазине — городке департамента Коррез. Девочка ничего не знала о своих родителях, и хотя это часто служило ей поводом для огорчения, она все же была веселым, ласковым ребенком и очень способной ученицей.

И вот однажды, в мартовский день 1906 года, когда Мари было уже тринадцать, ее просят спуститься в приемную. Сердечко ее бьется быстро-быстро: а вдруг это тот самый господин, который уже приходил повидаться с ней? Что, если он хочет ее удочерить? Но нет — в приют явилась некая мадам Амели Кюзенак, грубоватая и холодная женщина, заявившая, что хочет взять девочку к себе служанкой. Мать-настоятельница после долгих колебаний соглашается отдать девочку в эту зажиточную семью, проживающую в департаменте Шаранта, в регионе Лимузен.

С тяжелым сердцем Мари покидает родные места. По приезде в Прессиньяк мадам Кюзенак оставляет девочку в доме фермеров, располагавшемся поблизости от господского особняка. По задумке хозяйки Мари будет работать на этой ферме вместе с Жаком, Нанетт и их сыном Пьером. Путь из Обазина в Прессиньяк девочка проделала на запятках экипажа, на холоде и под дождем, поэтому неудивительно, что она тяжело заболевает. Выжить ей помогает забота Нанетт, которая готова заменить девочке мать.

Очень скоро Мари и ее ровесник Пьер становятся друзьями, а потом обмениваются клятвами любви и верности в Волчьем лесу возле источника, которому молва приписывает способность излечивать недуги и исполнять желания.

Работая на ферме с Жаком и Нанетт, Мари часто поглядывает на большой дом на холме — «Бори», особняк семьи Кюзенак. Однажды ей представляется случай увидеть и хозяина, как выяснилось, того самого господина, который приезжал на нее посмотреть в обазинский приют.

Примерно через год мсье Кюзенак приходит на ферму, чтобы, наконец, забрать Мари в господский дом, где ей предстоит столкнуться с враждебностью хозяйки и презрением ее племянника Макария. Девочка встает раньше всех в доме и ложится последней, но не утрачивает

ощущения радости жизни, тем более что ее друг Пьер приходит навестить ее дважды в день, утром и вечером.

К шестнадцати годам Мари превращается в очень симпатичную девушку, которой приходится терпеть придирки и приставания Макария. Поведение муссюра^[1] ее тоже беспокоит: мсье Кюзенак с течением времени становится к ней все добрее. Однако опасность таилась не здесь — однажды Макарий пытается изнасиловать молоденькую горничную.

В будущем ее ожидало еще немало сюрпризов. Оказалось, что Жан Кюзенак, муссюр, — отец Мари. Однажды вечером, когда смерть супруги освободила его от данного ей обещания, он открывает девушке свой секрет. Для Мари узнать, кто ее родители, — это огромная радость. Но Пьер совсем не рад. Он вбивает себе в голову, что теперь недостаточно хорош для Мари, и потому решает с ней расстаться. Что до Жана Кюзенака, то он с помощью матери-настоятельницы из Обазина помогает реализоваться заветной мечте своей дочери — стать школьной учительницей.

Девушка и ее отец приезжают к монахине с визитом. В приюте, где она росла, Мари встречает Леони — тринадцатилетнюю девочку, которую она когда-то опекала, и с разрешения отца забирает ее с собой в «Бори». Очень скоро Леони становится для нее не только подругой, но и приемной сестрой.

Незадолго до начала Первой мировой Мари получает назначение в школу Прессиньяка, в то время как Пьера и многих других парней и молодых мужчин поселка призывают в армию.

Через несколько месяцев он возвращается с протезом — на войне он потерял ногу. Инвалидность плохо повлияла на его характер, однако ничто не может помешать Мари любить его. В 1916 году она выходит за Пьера замуж по деревенскому обычаю тех мест. Казалось, жизнь улыбается молодой чете, которая обосновывается в Большом доме — в «Бори».

Брачная ночь не способствует сближению молодоженов. В объятиях Пьера Мари вспоминает о том, как, когда она была горничной в этом самом доме, над ней пытался надругаться Макарий, племянник Амели Кюзенак.

Пьер, со своей стороны, решает, что его увечье отталкивает молодую женщину и что она вышла за него замуж из чувства долга и жалости.

В первый день своей супружеской жизни они стараются видаться как можно реже, однако со временем все как будто бы становится на свои места...

Мари узнает, что беременна. Ребенок рождается в феврале 1917 года при не самых благоприятных обстоятельствах. За несколько дней до родов Макарий приезжает в дом дяди и начинает цепляться к Мари, которая на

глазах у испуганной Леони дает ему пощечину.

На свет появляется мальчик, и этому радуется вся семья, особенно Пьер. Однако через несколько часов дитя умирает. Горе Мари не поддается описанию. Отец всячески старается ее утешить.

Жизнь продолжается. Мари рождает Элизу, а следом за ней — Поля и Матильду. На первый взгляд супружеская чета кажется вполне счастливой. Пьер становится управляющим поместья. Жан Кюзенак с удовольствием играет роль главы большой семьи, радуясь постоянному присутствию рядом своей родной дочери Мари и непосредственной и эмоциональной Леони, которая мечтает стать медсестрой.

И вдруг Леони уезжает. Оказывается, причина тому — недвусмысленные знаки внимания, оказываемые ей Пьером. В «Бори» она возвращается в 1922-ом, за несколько дней до Рождества, уже став медсестрой. Увы, Жан Кюзенак умирает в канун этого праздника вследствие сердечного приступа. Мари сама не своя от горя. Чтобы поддержать ее, Леони решает немного побыть с подругой детства, а вскоре в «Бори» приезжает ее жених, молодой доктор по имени Адриан.

Между Мари и Адрианом зарождается взаимная симпатия, основанная на родстве душ, в то время как Пьер и Леони уступают страсти, которая влечет их друг к другу.

Вскоре после того, как Леони и Адриан уезжают, к новым владельцам «Бори» наведываются другие гости: Макарий является в сопровождении нотариуса, чтобы вступить в права наследства, поскольку Жан Кюзенак не признал официально Мари своим ребенком и не оставил завещания в ее пользу.

Мари с семьей покидает Шаранту и переезжает в Обазин, где им помогает обосноваться новая настоятельница монастыря, преподобная мать Мари-де-Гонзаг. Мари начинает преподавать в местной школе, Пьер становится управляющим усадьбы одного из местных землевладельцев. Мать Мари-де-Гонзаг нанимает Жака на должность приютского садовника, а Нанетт присматривает за внуками. Они живут под одной крышей, в квартире при школе.

Через некоторое время в автомобильной аварии погибает Пьер. Мари узнает о его связи с Леони и о том, что у Пьера есть внебрачный сын Клод, которого он прижил с вдовой по имени Элоди.

Мари снова встречает Адриана и в конце концов позволяет себе увлечься этим мужчиной, который обожает ее и пробуждает в ней чувственность.

Они женятся, и Адриан становится доктором в Обазине. У них

появляется общий ребенок — Камилла.

Во время Второй мировой Леони, Адриан, Поль и Клод, внебрачный сын Пьера, пополняют ряды французского Сопротивления. Элиза становится учительницей.

Поведение Матильды, девицы весьма упрямой и мятежного нрава, тревожит Мари.

Матильду арестовывают по приказу Макария, который теперь служит у немцев. Мари тоже привозят в штаб-квартиру гестаповцев. Макарий предлагает ей постыдную сделку: свободу дочери в обмен на согласие удовлетворить его похоть.

Мари соглашается. Отношение Матильды к матери меняется, когда она узнает, что та спасла ее.

В приюте мать-настоятельница принимает под свою опеку иммигрантов, которые бежали от ужасов войны, а позднее укрывает девочек-евреек, которых к ней приводит Эдмон Мишле и другие участники Сопротивления. После освобождения страны выясняется, что Макария расстреляли, а Мари, согласно найденному завещанию, унаследовала имение «Бори». Однако она предпочитает жить в Обазине, а усадьбу передает своей дочери Элизе, которую с давних пор все зовут не иначе как Лизон.

В произведении описаны реальные события из жизни обазинского приюта для девочек между и во время двух мировых войн. Автором в канву сюжета вплетено множество подлинных фактов.

Глава 1

Крики в ночи

«Беги, Мари, беги! Они идут! Скорее! Спасайся!»

Она оборачивается, удивленная тем, что слышит голос Адриана. Но его нет рядом. Рядом с ней вообще никого нет...

«Адриан? Адриан, где ты?»

Слова застревают у Мари в горле. Она вдруг замечает, что уже ночь и вокруг нее в тумане мигают странные огоньки. Несмотря на вселяющую беспокойство темноту, она различает незнакомый пейзаж, и голос ее теряется в пустоте, как это бывает на обширных открытых пространствах.

«Адриан! Адриан!»

Мари начинает дрожать. Тишина угнетает. Что делает она ночью на этой проселочной, судя по мелким камешкам у нее под ногами, дороге? Борясь с нарастающим страхом, она пытается рассмотреть в темноте очертания дома. Крыша, печная труба... Ну должно же быть где-то поблизости чье-нибудь жилище! Но нет! Страх понемногу усиливается. Она никогда раньше не оказывалась в такой странной ситуации. Мари пытается заставить себя дышать медленно, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце. Нужно что-то придумать, и поскорее...

«Только не паниковать! Паниковать нельзя!»

Мари повторяет про себя эти слова, словно чудодейственное заклинание. Чуть успокоившись, она пытается понять, где находится. Тьма начинает рассеиваться. Мари видит только светлую ленту каменистой дороги, выделяющуюся на темном фоне пейзажа, и очертания низких кустов, но ничего больше. Легкий ветер, напоенный неопределимыми запахами, ласкает ей лицо. Напрягая все органы чувств, она наконец различает глухой мерный шум, рождающийся, казалось бы, ниоткуда.

Она идет вперед. Почва под ногами меняется с каждым шагом: камешков становится меньше, земля теперь более рыхлая. Ветер набирает силу. Запахи уже легко различимы, один проявляется особенно ярко. Мари на мгновение останавливается: в воздухе пахнет смолой. Она продолжает идти и вдруг впереди видит вереницу дюн. Глухой мерный рокот, который незадолго до этого привлек ее внимание, нарастает с каждым шагом. Теперь она поняла. Океан! Она оказалась на берегу океана. А этот рокот —

не что иное, как шум прибоя. И этот запах йода и соли — запах морской воды. С сильно бьющимся сердцем она бежит вперед.

«Нет! Нет! Не туда!»

Услышав голос, который ей так хорошо знаком, она замирает на месте и не осмеливается сделать ни шагу вперед. И снова она осматривается в надежде увидеть Адриана. Он предостерегает ее, значит, просто не может быть далеко! Но как так получается, что он ее видит, а сам при этом остается незримым? Его нигде нет, вокруг только пустота, только пустота... Она одна, одна в незнакомом месте...

«Адриан... Адриан! Адриан, где ты? Мне так страшно!»

Никто не отвечает, рядом слышится только шелест волн. Что ж, пусть даже там притаилась опасность, она должна туда пойти, узнать... Решившись нарушить запрет, она бежит что есть сил. Но ужас нарастает. Лоб ее покрывается холодным потом, и она падает ничком.

В то же мгновение слева доносятся звуки голосов. Мари прислушивается. Создается впечатление, что на некотором расстоянии от нее разговаривают двое.

Наконец-то поблизости кто-то есть! Однако она ни слова не понимает из этого разговора, правда, ей кажется, что говорящие кого-то убеждают или наставляют. И эти люди направляются в ее сторону! Предупреждение... Опасность! Это они! Она расплывается на вершине дюны. Пропитанный ночной влагой песок прилипает к ее щеке. Мари смотрит на океан, видит, как темные волны с шумом ударяются о берег.

Понемногу светлеет — наступает рассвет. Перед ней простираются беспокойные воды океана, пеной разливающиеся на полосе пляжа, находящегося прямо перед ней. Справа Мари видит крыши домов. Должно быть, там город, возможно, портовый... но до него довольно далеко. И вдруг она замечает что-то на поверхности воды — крошечную точку вдалеке... Но нет, таких точек множество! Почему она не заметила их раньше? Океан просто усеян этими точками!

«Мари! Мари, убегай! Они здесь! Беги!»

На этот раз Мари едва слышит крик, тонущий в оглушительном шуме. В небе, похожие на призраки, появляются самолеты и с жутким свистом сбрасывают странные предметы. Дрожание земли передается ее телу, сливается с ее собственной дрожью. Мари кажется, что еще немного — и ударной волной у нее оторвет руки и ноги. Не помня себя от страха, она сжимается в комок. Бомбы! Рядом раздается взрыв, и ее обсыпает песком. Объект бомбардировки, похоже, эта самая вереница дюн над пляжем. В глазах щиплет... И этот шум... Мари закрывает уши руками и утыкается

лицом в колени, прячась от осколков. Она дрожит всем телом. Вспоминаются слова Адриана: «Они здесь! Беги!» Теперь она понимает... Ей надо бы бежать, однако страх пригвоздил ее к месту. Бомбардировщики разворачиваются и летят назад. Мари поднимает голову. И в свете раннего утра, не веря своим глазам, осознает, что за точки она увидела на поверхности океана: она сплошь покрыта кораблями!

Эта картина что-то ей напомнила, но что? Мари не может понять...

Бежать прочь, спастись... Слишком поздно! Корабли открывают огонь по ней, вернее, по дюнам. И снова взметывается песок! Они попадут в нее... Мари с криком вскакивает и пускается бежать что есть мочи. Какая-то неведомая сила влечет ее к морю. И вдруг она замечает, что к берегу плывет множество маленьких лодок. Внезапно вздымаются фонтаны воды, и от лодок остаются лишь осколки, которые прибой несет к берегу.

«Мины!» — восклицает Мари и отшатывается.

Эти слова производят эффект электрошока. Мины... Откуда она может это знать?

Уцелевшие лодки пристают к берегу. Из них выпрыгивают мужчины и, согнувшись пополам, бегут к берегу. Шлепанье сапог по воде, треск автоматных очередей... Мари видит, как солдаты падают под пулями, словно подкошенные, но она ничем не может им помочь. На пляж высаживаются все новые и новые бойцы, и они тоже падают на тела своих товарищей. Мертвые... Раненые... Без конца... Всюду...

«Нет! Нет! Нет!» — кричит Мари, обезумев от этого ужасного зрелища.

Она пытается убежать от этой бойни, но это невозможно. Тело больше ее не слушается. Почему она не может шевельнуть ни рукой, ни ногой? Ведомая ощущением неотложной необходимости, она, наконец, опирается на руки, чтобы подняться, но пальцы ее начинают тонуть в пустоте. Она пытается ухватиться за песок — безуспешно. Мари словно соскальзывает куда-то... Ее руки хватают воздух, ища опору — ветку, хоть что-то, за что можно уцепиться. И вдруг рядом с ее головой появляются сапоги, кто-то формулирует краткий приказ. На этот раз она различает слова, пусть и с трудом. Перед ней падает тело солдата, каску с него сорвало взрывом гранаты. Вместо повернутого к ней лица — кровавое месиво. Мари снова кричит. Ее рот тут же наполняется песком...

***

— Мари! Мари, проснись!

Она открыла глаза. Над ней стоял, склонившись, Адриан. Губы его

шевелились, но она не слышала слов. Муж вынул из кармана пиджака льняной носовой платок и вытер ей лоб, усеянный капельками пота.

— Дорогая, что с тобой? Что случилось? Ты спокойно спала и вдруг так страшно закричала!

Не понимая, где она и что с ней, Мари смотрела на Адриана, доктора Меснье. После первых секунд изумления она вздохнула с облегчением, узнав обстановку гостиной. Рядом с Адрианом стояли Поль и Камилла и смотрели на мать с явным беспокойством.

— Что со мной было? — спросила она шепотом.

— Ты заснула ненадолго, вот и все. А я ведь тебя предупредил! — шутливо заметил Адриан. — Тот глоток ликера явно был лишним. Ты ведь никогда не пьешь спиртного после еды. Ты задремала и вдруг как закричишь, будто тебя режут!

— Папа прав! — подхватила Камилла. — Ты двигала ногами, словно бежала, и махала руками! Ты нас напугала!

— О нет! Не говорите так! — взмолилась Мари. — Это был кошмар. Я очень хорошо его помню. И мне теперь очень стыдно, я терпеть не могу выставлять себя напоказ. Мне очень жаль, правда, что так получилось! Феликс, надеюсь, вы простите меня.

— Ну конечно! Не нужно извиняться, мадам Мари. Это может случиться с кем угодно.

— Мам, может, расскажешь нам, что это был за сон? — спросил Поль. — Мне любопытно!

Мари задумалась на мгновение. Ей очень хотелось найти оправдание этой сцене, которую по меньшей мере можно было бы назвать странной.

— Во сне я оказалась на морском берегу в день высадки союзников, 6 июня 1944 года, — начала она. — Но я это поняла, только когда уже почти проснулась. Господи, это было ужасно, просто ужасно... Бомбы, мины, солдаты падают мертвыми... Похоже, мой дорогой Феликс, меня очень впечатлил ваш рассказ об этом историческом дне. До такой степени, что я, скажем так, прожила его в собственном сновидении!

— Мне очень жаль, что я вас так расстроил, — принялся извиняться молодой человек. Он покраснел, и было видно, что ему неловко.

— Феликс, вам не в чем себя винить, — возразил доктор Меснье. — Просто моя жена — женщина очень эмоциональная, и в этом все дело. Вспомните, она больше других расспрашивала вас об этом дне во время ужина. Она хотела узнать как можно больше, и вот результат!

На лицо Феликса снова вернулась улыбка. Этот неожиданный рождественский гость, уроженец Квебека, был другом Поля. В свое время

он воевал в 3-ей Канадской пехотной дивизии под командованием генерала Келлера. Вместе со своими товарищами он высадился на побережье в районе Курсель-сюр-Мер под интенсивным огнем немецких батарей. Многие солдаты погибли во время высадки. Феликсу посчастливилось выжить в той кровавой бойне, но забыть о пережитом он не сможет никогда.

Стоило Камилле узнать, что они удостоились чести принимать в своем доме героя войны с того берега Атлантики, как она засыпала юношу бесчисленными вопросами и не оставляла его ни на минуту весь вечер. Феликс, который всегда с огромным волнением вспоминал события «Дня “Д”», рассказал им о том, что пережил. Рассказ его впечатлил бы и менее чувствительные души. Говоря, он смотрел в одну точку невидящим взглядом, словно он все еще был там, среди товарищей по оружию. Камилла внимала каждому его слову. Она была очарована гостем. Мало того что он был хорош собой, он к тому же обладал достоинствами, каких были лишены юноши из Обазина: он был незнакомцем, а потому вдвойне интересным человеком, а еще говорил с неподражаемым канадским акцентом.

— Мама, может, выпьешь чашечку кофе? — предложил Поль. — Это лучший способ взбодриться.

Мари привстала и поправила кончиками пальцев свои золотисто-каштановые кудряшки.

— С удовольствием, Поль. Я еще не вполне пришла в себя.

— Мадам, я хочу вас кое о чем попросить, — сказал вдруг Феликс. — Я вижу, что вы — женщина восприимчивая и справедливая. Прошу вас, если представится возможность, на уроке истории упомяните о том, что в высадке союзников принимали участие и канадцы. Разумеется, нас было меньше, чем американцев и англичан, и все же мы сражались наравне с остальными. Пляж «Юнона» помнит об этом! И еще в этой операции участвовал Первый батальон парашютистов под командованием полковника Бредбрука. Пожалуйста, расскажите ученикам о беспримерной храбрости этих солдат, которые погибли за Францию! Англичане, американцы, французы и канадцы — мы все стремились к одному: сражаться с фашистами и заставить их отступить! И нам это удалось. Бои были тяжелыми, потери — огромными, но мы победили! Французы принимали нас прекрасно. В каждом поселке, городке, крупном городе жители встречали нас приветственными криками! Париж никогда больше не будет немецким! Какой это прекрасный город — Париж... Мне его показал Поль.

— Когда вы оправились от ранения, — уточнила Мари.

Феликс потрепал друга по плечу. Молодые люди обменялись взглядами, оба казались смущенными. Камилла ничего не заметила. Стоило только прозвучать слову «Париж», как девочка забывала обо всем на свете. «Париж» — это было как обещание праздника. Она воскликнула с сияющими глазами:

— Папа повезет меня туда, когда мне исполнится пятнадцать! Я увижу Лувр, Нотр-Дам, Сакре-Кёр...

Адриан погладил дочку по щеке, а потом серьезным тоном сказал:

— Я помню, что обещал тебе, моя Камилла! А благодаря Феликсу ты теперь знаешь, каких усилий стоила наша свобода и какой ценой было спасено наше национальное достояние. Но теперь давайте поговорим о чем-нибудь другом, иначе моей любимой жене всю ночь будут сниться кошмары!

— О нет! — воскликнула Мари.

— Не думай больше об этих ужасах, мама! — подхватила Камилла.

— Поль, ты никогда не рассказывал нам, как вы с Феликсом познакомились, — сказала Мари, которая, в отличие от дочери, заметила смущение молодых людей.

Ее сын кашлянул, ему явно было не по себе. Во время оккупации он вступил в ряды маки и в Коррезе. Мать знала об этом, но, вернувшись домой, ни сын, ни муж ничего ей о том периоде не рассказывали. Поль вопросительно, словно ища поддержки, посмотрел на своего отчима. Адриан одобряюще кивнул.

— Ну, скажем так, мам, — я не все тебе рассказал. Шестого июня я был в числе французских парашютистов, которые высадились в Бретани для организации диверсий. Мы, «Армия теней», были очень нужны союзникам. Через несколько дней я познакомился с Феликсом. Его дивизион направлялся к Каприке, это к западу от Каена. Их целью был аэродром. Мы как-то сразу понравились друг другу. Когда меня ранило, именно он доставил меня в ближайшую больницу, рискуя собственной жизнью.

Феликс смутился еще больше и опустил голову. Мари подошла к молодому канадцу и какое-то время молча смотрела на него, а потом крепко обняла.

— Спасибо, Феликс! Спасибо от всего сердца! И вы скрывали это от меня! Благодаря вашей смелости мой сын сейчас жив и здоров. Я всегда буду вам за это благодарна. Считайте этот дом своим домом; его двери будут для вас открыты, когда бы вы ни захотели к нам приехать!

Обернувшись к Полю, Мари прошептала с укором:

— Так значит, тебя ранили в Нормандии, а вовсе не в Коррезе! Почему ты солгал мне, Поль?

— Мама, ты бы так волновалась, если бы узнала, что я уехал в Англию сражаться в рядах тех, кто был с генералом де Голлем и Эйзенхауэром! И потом, партизан не имеет права открывать план операции никому, даже своим родным.

— Но, Поль, я ведь твоя мать! Я имела право знать! И ты, Адриан, ты ведь был в курсе!

— Дорогая, это в прошлом. Я обязан был хранить это в тайне. Главное, что он жив, не так ли?

— Мама, Адриан прав, — воскликнул Поль. — Я здесь, целый и невредимый! И, как сказала бы Нанетт, нет худа без добра — я познакомился с Феликсом, моим товарищем по оружию и спасителем. Послушала бы ты, как он рассказывает о своей родине! Слушая его, я забываю обо всех ужасах той военной операции.

— Поль прав, — поддержал друга Феликс. — Когда я описываю Канаду, то не могу остановиться. Если вам захочется попутешествовать, я буду рад принять вас в Труа-Ривьер. Это очаровательный маленький городок. Мы вместе поедem в Монреаль и в Квебек... Я покажу вам реки Сен-Лоран и Сагены... Кто знает, может, кто-то из ваших предков поднимался вверх по течению, чтобы ступить на неизвестные земли! Говорю вам честно: моя страна прекрасна, у нас есть и бескрайние леса, и огромные озера, и горы с заснеженными вершинами... Мы стараемся сохранить дикую природу, поэтому в лесах часто можно увидеть медведя, лося или волка. Словом, всех тех животных, о которых упоминают авторы романов о беспокойной жизни трапперов и первых поселенцев.

Еще немного — и Камилла захлопала бы в ладоши. Она уже представила себе, как ступает из лодки на неизведанный берег, где ее ждут удивительные приключения...

— Папа, мама, мы поедem туда, правда? Было бы замечательно поехать за границу, я просто мечтаю об этом! И если Феликс нас приглашает...

Мари, которая уже чувствовала себя очень уставшей, сказала примирительным тоном:

— Посмотрим, Камилла, поживем — увидим. Какой оживленный у нас получился вечер! Теперь же, я думаю, пора укладываться спать. Доброй ночи, Поль! До завтра, Феликс!

— Турлу! — отозвался тот.

Мари, Камилла и Адриан застыли от удивления на первых ступеньках

лестницы, ведущей на второй этаж. Увидев их лица, Поль расхохотался.

— Я совсем забыл вам сказать, что у наших соседей из-за океана презабавная манера здороваться и прощаться. Вместо «До свидания!» типичный канадец скажет «Турлу!». В этом слове — все самые лучшие чувства, которые испытывает к вам собеседник. Оригинально, не так ли?

Члены семейства Меснье обменялись лукавыми взглядами и хором произнесли:

— Турлу, Феликс!

Камилла прыснула, но Мари с беспокойством посмотрела на дверь бывшей гостиной, которая стала теперь обычной жилой комнатой. Она сказала тихо:

— Чш! Тише! Я совсем забыла о нашей Нанетт. Не будем ее будить. Слава Богу, сегодня она легла пораньше, а то бы своим ворчанием испортила нам вечер. Наша славная Нан и слова не хочет слышать о войне!

Они молча разошлись по своим комнатам. Очень скоро солидный особняк доктора Меснье, расположенный на центральной площади городка, погрузился в темноту.

Мари долго не могла уснуть. Она еще не вполне оправилась от пережитого во сне ужаса и потому думала о жестокостях войны, которая столько одела в траур и так сильно потрясла всю страну. На сердце у нее было тяжело. В памяти всплыли знакомые строки:

Долгие песни
Скрипки осенней,
Зов неотвязный
Сердце мне ранят,
Думы туманят
Однообразно.^[2]

Строки из стихотворения Поля Верлена, которое ее ученицы заучивали на память, внезапно вызвали у нее желание заплакать. Эти строчки стали зашифрованным посланием, которое передали по Би-би-си, чтобы сообщить слушателям о высадке союзников в Нормандии. Сердца слышавших их французов заставила трепетать надежда: их скоро освободят! Во всех домах Франции, где было радио, нарастало нетерпение, в то время как на берегах Атлантики готовились сражаться насмерть.

Мари потянулась к прикроватному столику и достала из ящичка сложенный носовой платок. Адриан, который успел задремать, проснулся. Удивленный, он спросил:

— Тебе снова приснился страшный сон, дорогая?

— Нет, не беспокойся. Мне просто не спится.

Адриан притянул ее к себе. Она прижалась к его груди, устроила голову на плече. Он пробежал пальцами по гармоничному овалу ее лица, и только тогда его пальцы ощутили на щеках жены следы слез.

— Ты плачешь?

— Уже нет! Я думала о войне. Но теперь я буду смотреть только вперед!

Адриан, успокоившись, нежно обнял ее, потом его губы нашли губы Мари. Они поцеловались...

Колокол на церковной колокольне прозвонил один раз.

Глава 2

Под звуки аккордеона

26 декабря 1945 года

Мари перетирала вымытую после ужина посуду. Из радиоприемника, который стоял возле печки, лилась мелодия — играл аккордеон. Обычно, услышав виртуозную игру Жана Сегюреля, а это был именно он, хозяйка дома начинала пританцовывать. Но сегодня веселой музыке не удалось рассеять ее грусть. Мари вздохнула и сама удивилась тому, как легко по щеке покатилась слезинка.

— Какая я глупая! — прошептала она. — После этого ужасного сна я так легко расстраиваюсь и плачу...

Она поставила салатник на полку в буфете и нашла в кармашке кофты носовой платок.

Волна меланхолии, накрывшая ее, никак не хотела уходить. Мари продолжала плакать, когда в кухню вошла старушка в черном платье и с традиционным лимузенским чепцом на седых волосах. Ее домашние туфли почти неслышно скользили по красной плитке пола. Мари, которая стояла закрыв лицо руками, не заметила, как та вошла.

— Курочка моя, что с тобой? — спросила старушка с сильным лимузенским акцентом. — Что-то я не припомню за тобой привычки рыдать, как кающаяся Магдалина, наедине с мойкой!

— Сама не знаю, что со мной, Нанетт! Я думала о войне... о прошлом... о моем детстве... Дом теперь кажется мне таким пустым, ведь Поль и Феликс уехали! Мне было так радостно в эти праздники, когда они были с нами! Я пыталась уговорить их остаться до первого января, но безуспешно. Феликсу нужно было вернуться в Париж, Поль захотел поехать с ним. Этот замечательный юноша уезжает домой, в Канаду, на корабле, который отплывает из Гавра. Думаю, я бы не решилась пересечь на корабле Атлантику — океан такой огромный! И все же мне придется, если я решусь когда-нибудь побывать в Квебеке...

— Ну и ну! Ехать в такую даль, в страну дикарей, да еще в твоём возрасте!

— Нан, дорогая, канадцы совсем не дикари! И доказательством тому служит то, что они почитают Пресвятую Деву после чуда Сагеня.

— А кто такой этот Сагеней?

— Нанетт, это не человек, это название реки и фьорда.

— Вот еще понапридумывали слов — Сегеней, фийорд... Думаешь, если стала учительницей, то все вокруг полные олухи?

Мари улыбнулась. На секунду она представила, как колоритная Нанетт сходит по трапу корабля на берег в Квебеке, и ей стало еще веселее.

— Ну как тебе объяснить, ты ведь даже не видела океан! Попробуй представить огромную реку с обрывистыми берегами или озеро с морской водой. Вот так и выглядит фьорд. Феликс рассказывал нам красивую легенду об этом месте. В XIX веке один торговец чуть было не погиб, пересекая Сагеней на повозке, в которую была впряжена лошадь...

Нанетт хлопнула себя по бедрам и насмешливо посмотрела на Мари.

— Ну конечно, расскажи мне, что твой торговец всерьез думал перебраться через озеро на повозке с лошадью!

— Ты сначала послушай, а потом говори! Нан, в Квебеке бывает так холодно, что термометры показывают минус сорок и даже больше. И зима у них длиннее, чем у нас. Поэтому в зимние месяцы ручьи, реки и озера покрываются коркой льда. Вот этот человек, некий Шарль-Наполеон Робитай, и решил переправиться через Сагеней, но лед под тяжестью упряжки проломился. Это была верная смерть! Наш славный торговец был человеком верующим, поэтому он стал просить Пресвятую Деву его спасти.

— Ну да, что ему, недотепе, оставалось, кроме как молиться? — высказала свое мнение старушка.

— Нан! Он считал, что опасности нет, ведь лед был уже очень толстым. Так вот, несчастному удалось выбраться из ледяной воды и...

— И помогла ему в этом Дева Мария или, может, собственные сильные руки? Да, уж это чудо так чудо!

— Подожди конца рассказа, а потом будешь насмехаться! Ну как мне рассказывать, если ты все время перебиваешь? Так вот, история на этом не заканчивается. Робитай после своего спасения тяжело заболел и снова взмолился Пресвятой Деве, чтобы она позволила ему пожить еще немного — ведь ему надо было воспитать своих детей. Он просил только десять лет, но ему было даровано намного больше. В благодарность он решил возвести в честь Богородицы памятник.

— Часовню?

— Нет. По его заказу изготовили статую, такую высокую, что на нее ушло три сосны и целый год работы. С тех пор над заливом Вечности стоит Пресвятая Дева Сагенейская...

— Что ж, пускай так! И все-таки ты не убедишь меня, что это подходящая страна для таких, как мы!

— Ну что ты знаешь о Канаде, моя Нан? Я, например, очень хотела бы там побывать. В мае мне исполнится пятьдесят три, это правда. Но ведь я же еще совсем не старуха! Я бы вполне могла совершить кругосветное плавание. А пока я не знаю ничего, кроме Прессиньяка, лимузенской Шаранты, Руайяна, где мы проводим неделю каждое лето, и, конечно, Обазина — городка, где я родилась и где наверняка буду похоронена...

— Уж если ты жалуешься, что не видела мира, то что тогда говорить мне? Вы не берете меня с собой даже в Руайян! Я никогда не видела море! Крошка Жаннетт Канар заботится обо мне, пока вы плещетесь в соленой воде.

— Нан! Ты ведь сама отказываешься от поездки с нами! Говоришь, что придется слишком долго ехать в машине. А из поезда, как ты говоришь, ты живой не выйдешь. Так что же мне, по-твоему, делать? Ты у нас упрямая, как ослик!

Старушка, которая с годами стала довольно-таки тучной, громко хмыкнула и уселась на свое любимое место у печки. Там она не только согревала ноги, но и имела возможность видеть всю кухню.

— Мне ли жаловаться, в мои-то восемьдесят с лишним? Я просто очень устала!^[3]

— Ну вот, снова ты за свое! Я прекрасно поняла твою хитрость, Нанетт! Ты замечательно говоришь по-французски, когда хочешь, но стоит тебе рассердиться или начать себя жалеть, как ты тут же переходишь на свой деревенский диалект! Какой пример ты подаешь Камилле?

— Разве нельзя уже сказать, что я устала? А на каком языке мне говорить, я решу сама. Девчонкой ты прекрасно понимала, когда я говорила на патуа! Поэтому не делай большие глаза, ведь ты выросла в Прессиньяке, в Шаранте... А мне осталось не так и много. Скоро уж я лягу на кладбище рядом с моим славным Жаком. Мне не терпится с ним встретиться пред очами Господа нашего...

Мари воздела руки к небу. Вот уже много лет она слушала одну и ту же песню. Однако Нанетт еще не устала ворчать.

— Вытри нос, а то ты похожа на девчонку, которой дали подзатыльник, — пробурчала она. — Я хотела с тобой поговорить с глазу на глаз. Не нравится мне видеть тебя расстроеной.

— Прости меня, моя Нан! Мне не стоило бы думать о плохом, а тем более жаловаться, ты права! Война закончилась. Не будет больше убийств и арестов. Франция снова свободна, и этого должно хватать нам для счастья!

— Думай лучше о своих старших детях, у которых, как по мне, все благополучно, и о своей младшей, которая все еще с нами! — воскликнула Нанетт. — Кстати, легка на помине... А ты, небось, решила, что она уже в кровати?

Мари обернулась и с удивлением увидела свою младшую дочь, стоящую в дверном проеме. На милом личике Камиллы играла лукавая улыбка, на щеках появились ямочки, глаза смеялись. Девочка с любопытством слушала разговор матери и бабушки.

— Мам, ты из-за чего-то расстроилась, я вижу! А бабушка тебя ругает, и правильно! У нас было такое прекрасное Рождество! Феликс такой милый! Жаль, что он уезжает обратно в Канаду. Прошло бы несколько лет, и я бы вышла за него замуж!

— Камилла! — воскликнула Мари. — Не слишком ли ты юная, чтобы думать о свадьбе? Я-то была уверена, что ты пошла спать одновременно с отцом. И давно ты за нами шпионишь, вместо того чтобы лежать в кровати?

— Мамочка, мне совсем не хочется спать! И я только что спустилась, честное слово!

В свои двенадцать с половиной Камилла была девочкой невысокой, в очертаниях ее тела и повадках еще оставалось что-то от свойственной детям грации, однако давала о себе знать подростковая неуклюжесть. Темно-каштановые волосы струились по плечам. Жители Обазина сходились во мнении, что девочка унаследовала тонкие гармоничные черты своей матери, Мари Меснье, одной из самых уважаемых учительниц кантона.

Жизнерадостная и ласковая, Камилла танцующей походкой приблизилась к матери и прижалась щекой к вскормившей ее округлой груди.

— Мамочка, не ругай меня! Я услышала громкий голос Нанетт и прибежала! И потом, в моей комнате стало прохладно, а здесь, в кухне, есть печка, от которой тепло!

— Тогда ты правильно сделала, что спустилась. — Мари вздохнула. — На улице идет снег, представляешь? Я увидела первые снежинки, когда закрывала ставни. Если не потеплеет, скоро площадь станет совсем белой. Помнишь, пять лет назад снег шел почти всю неделю! И вы с Полем целый день лепили в саду снеговика. Щеки у вас покраснелись, и вы были так заняты, что даже забыли про полдник!

— А утром мы играли у фонтана вместе с другими детьми! Мамочка, пойдем завтра гулять вдвоем, хорошо?

— Обещаю, дорогая!

Камилла захлопала в ладоши от радости. Теперь-то ей точно еще долго не удастся заснуть. Она закружилась по кухне и, подскочив к Нанетт, порывисто расцеловала ее в обе щеки.

— Ты слышишь, бабушка Нан! У меня лучшая мама на свете!

— Чистая правда! — негромко ответила на это Нанетт и поправила свой чепец.

Камилла просто обожала мать. Она с любовью посмотрела на излучающее ласку лицо Мари. Сияющие золотисто-карие глаза, розовые, пухлые, красиво очерченные губы, овал лица, как у мадонн на полотнах итальянских мастеров, густая копна каштановых кудрей... В глубине души девочка всегда мечтала когда-нибудь стать такой же красивой. Но сегодня Мари выглядела обеспокоенной, и Камила это заметила.

— Мамочка, ты грустная! Это потому, что папа ушел спать так рано сегодня? Ему, бедному, пришлось ехать в каменоломню, а там так холодно! Он даже клевал носом за столом.

— Я все это знаю, дорогая, — сказала Мари. — Адриан много ездит, поэтому очень устает, но он занят благим делом. Не беспокойся обо мне. У меня появилась идея: что, если мы поджарим каштанов? У нас их еще немного осталось. Что скажешь, Нанетт?

Старушка как раз ворошила угли в печи. Она прищурила свои серые глаза, как если бы мысленно прикидывала, сколько еще каштанов осталось у них в запасе. По правде говоря, ей очень нравилось, когда невестка, которую она воспитывала как родную дочь, интересовалась ее мнением или спрашивала у нее совета. В такие моменты Нанетт словно бы возвращалась в те времена, когда жизнь в «Бори» текла по установленному ею порядку. В одно мгновение забывались прожитые годы с их горестями, потерями, расставание с землей, на которой она так долго жила... После продолжительной паузы, необходимой для придания ответу требуемой значительности, она сказала одобрительно:

— Почему бы и не поджарить? Наша Камила любит жареные каштаны. Да и я тоже не откажусь.

Мари с улыбкой посмотрела на своенравную старушку. В сопровождении дочери она направилась к кладовой. В четыре руки они выгребли из песка несколько пригоршней каштанов. Это был наилучший способ их хранения. В Коррезе каждую осень молодежь собирала каштаны, стараясь не пораниться о колючую кожуру. Этот «сбор урожая» становился для них веселой игрой: кто наберет больше всех? Поэтому каштанов обычно хватало до следующего урожая.

Потом они втроем устроились у печки и стали надрезать каштаны один за другим, чтобы они не лопнули на огне.

— Какое у нас будет угощение! — шепотом восхитилась Камилла. — У меня уже слюнки текут!

— А мне это напоминает о «Бори», — сказала Мари. — Мы часто ели каштаны в те годы...

Голос Мари дрогнул. Столько ярких воспоминаний было связано с этим знакомым словом — «Бори»! Она закрыла глаза, и дом предстал перед ее мысленным взором так же отчетливо, как если бы она на него смотрела. Он возвышался на холме, окруженный большим парком, в глубине которого росла громадная ель. Чуть ниже, у Волчьего леса, располагалась ферма, где жила Нанетт... Там, в лимузенской Шаранте... Перед ее домом однажды зимним вечером мадам Кюзенак оставила Мари, промокшую насквозь и дрожащую от холода после долгой поездки, часть которой девочке пришлось проделать на запятках экипажа...

Теперь в «Бори» жила ее дочь Лизон с мужем Венсаном и двумя детьми, Жаном и Бертий. Оба они преподавали в школе близлежащего поселка Прессиньяк.

Глава 3

Нежданные гости

— Вы слышите? — вдруг спросила Камилла. — По-моему, в дверь стучат!

В ту же секунду в кухне воцарилась тишина. Все замерли и посмотрели в сторону входной двери. Мари, удивленная столь поздним визитом (было уже около девяти вечера), прислушалась. И правда: кто-то стучал, вернее, колотил во входную двустворчатую дверь, выходившую на главную площадь городка.

— Пойду открою, мам, — сказала Камилла. — Интересно посмотреть, кто пришел!

Малейшая неожиданность вносила свежую струю в их размеренную жизнь. Заинтригованная Мари последовала за дочкой, и слава Богу, потому что в вестибюль вошли сразу несколько человек. Но времени рассматривать их у нее не было. Внимание хозяйки дома сразу же привлекла очень бледная молодая женщина с лицом, искаженным гримасой боли. По ее выпирающему животу было ясно, что она уже на последнем месяце беременности. Перепуганный мужчина поддерживал ее за талию.

— У моей жены пошла кровь! Помогите, прошу вас! Эти девушки сказали, что здесь живет доктор Меснье. Он дома?

— Да, конечно, — ответила Мари.

Только сейчас она узнала еще трех поздних гостей. Это были местные девушки — Амели, Мари-Эллен и Жаннетт. В белых от снега пальто и шапочках они были похожи на снеговиков.

Жаннетт поспешила объяснить:

— Этот господин вез свою жену в больницу в Брив, и, когда они проезжали через Обазин, он заметил, что у нее началось кровотечение. Мы сразу пришли к вам, подумали, что ваш супруг сможет ей помочь.

Мари кивнула: она знала, каким опасным может быть кровотечение. Она шепнула Камилле:

— Пойди разбуди отца. Скажи, что ему срочно нужно спуститься!

Мари-Эллен Дрюлиолю, дочь мясника, подхватила, отряхивая снег с шарфика:

— Дело и правда срочное — в машине эта бедная дама так кричала! Я

сразу поняла, что ей очень плохо. А на улице такой снегопад! Амели чуть не шлепнулась у фонтана, это нужно было видеть!

Мари слушала ее вполуха. Она помогла супружеской чете устроиться в смотровой комнате, где день и ночь в чугунной печи поддерживался огонь.

— Прилягте, мадам, — предложила она будущей матери. — Доктор сейчас придет. И не бойтесь, он вам поможет!

— Мне так больно! Очень больно! — пожаловалась та. — И до сих пор идет кровь!

Ее вконец перепуганный муж порывисто обнял супругу.

— Делай то, что советует тебе мадам, прошу, дорогая! — прошептал он.

Нанетт неторопливо прошла по коридору и заглянула в смотровую. По пути она поздоровалась с девушками, каждая из которых нежно ее поцеловала.

— Ох уж эта молодежь! — воскликнула старушка. — Щечки нежные, пахучие! Прямо как розовые лепестки! Ну, рассказывайте, что случилось на ночь глядя? Вот оно что: еще один маленький Иисус решил родиться с небольшим опозданием!

— Да, бабуль! — отозвалась спускавшаяся по лестнице Камилла. — Я еле-еле разбудила папу! Но он уже идет...

Мари, услышав слова дочери, вздохнула с облегчением. Состояние бедной женщины ее очень беспокоило: та уже была почти без сознания, ее лоб и щеки горели.

«Господи, — взмолилась Мари, — помоги ей!»

В этот момент в смотровую вошел доктор Адриан Меснье. Его русые с проблесками седины волосы были слегка растрепаны. Окинув встревоженным взглядом супружескую чету, он надел белый халат и вымыл руки над раковиной. Только теперь Мари заметила, что дочь с любопытством наблюдает за происходящим.

— Выйди, Камилла! — велела она. — Проводи наших гостей в кухню, и Нан тоже. Если мне понадобится помощь, я позову. Там есть каштаны и сидр, так что угощайтесь!

И с этими словами она закрыла дверь.

***

— Мы гуляли по городу, — пояснила Жаннетт Камилле, как только они уселись в кухне поближе к печке.

— Снег — это всегда праздник! — добавила Мари-Эллен. — Нужно успеть порадоваться ему, пока не растаял. И в снегопад на улице так

красиво! Мы тут принесли вам пирог с яблоками. Недавно испекла. Жаль, правда, что он уже успел остыть.

Амели поставила на стол круглое блюдо, аккуратно завернутое в снежно-белое кухонное полотенце.

— Как вкусно пахнет! — воскликнула Нанетт, облизывая потрескавшиеся губы. — Если он остыл, я это быстро поправлю! Пару минут на краю печи — и ваш пирог будет как свежеиспеченный!

Камилла, которая в душе радовалась такому суматошному вечеру, помогла девушкам снять пальто.

— Я так рада, что вы пришли! Поль и его друг Феликс уехали, и нам всем стало скучно! Дом слишком большой для нас четверых... Расскажите, где вы встретили эту пару? Ой! Вы слышали? Как эта бедная дама кричит! Я не хочу ребенка, если это так больно!

— Думаю, ей очень плохо, — заметила Жаннетт. — Я сразу так подумала, когда они остановили машину напротив нас. Муж перепуганный, жена стонет от боли...

— А я увидела кровь на сиденье! — тихо добавила Амели.

— Чш! — Жаннетт кивком указала на Камиллу. — Не будем об этом. Мадам Мари это не понравилось бы.

Жаннетт было уже двадцать, и она понимала, что некоторых вещей детям знать не следует. Ее мать, Катрин, умерла пять лет назад. Девушка свято чтит ее память. Сколько раз у нее на глазах мать набирала воду в фонтане и несла домой на своих хрупких плечах коромысло с двумя полными ведрами! После ее смерти Жаннетт, такая же энергичная и работающая, как и мать, вела хозяйство в родительском доме и растила братьев, работая при этом в доме судебного исполнителя в соседнем городке Бейна́. Ее отец, Жан-Батист Канар, каменотес и бригадир в каменоломне Даниэль, расположенной в холмистой местности недалеко от Обазина, рассказывал всем, кто хотел его слушать, какое редкое сокровище его дочь.

***

Адриан осмотрел молодую женщину и выпрямился. Руки его были в крови, выглядел он озабоченным. Мари вопросительно посмотрела на него. Молодой супруг в это время беззвучно плакал и время от времени повторял жалобным голосом:

— Дениза, пожалуйста, будь молодцом! Я отвезу тебя в больницу, как только доктор тебя осмотрит!

— Но я еще не закончил свою работу, мсье! — возразил Адриан. — И

вы не успеете доехать до Брива. Ребенок родится здесь, причем через несколько минут. Мари, прошу, согрей воду, принеси мне чистые пеленки и позвони в больницу, чтобы сюда прислали машину «скорой помощи»!

Испуганная Мари затаила дыхание. Она не могла поверить, что очень скоро в ее доме придет в мир новый человечек. Это был первый такой случай, если не считать рождения ее собственной дочери, Камиллы. Она поторопилась выполнить распоряжения мужа.

Нанетт сразу поняла, что происходит, стоило ей увидеть Мари, которая, вбежав в кухню, тут же бросилась к раскаленной печи.

— Готова держать пари, тебе нужна горячая вода! Эта незнакомка кричит, словно ее режут. Я сразу поняла, что ее время подошло. Хотя, скажу я вам, я вела себя сдержаннее, когда рожала на свет своих детишек. Увы, Господь оставил мне только моего Пьера.

— Нан, дорогая, ты напугаешь наших юных гостей и Камиллу заодно. Адриан будет принимать роды у этой дамы. Я иду за бельем. Кто бы мог подумать, что сегодня вечером мне предстоит поработать медсестрой!

— Если надо, я могу помочь! — предложила Жаннетт. — У меня есть опыт!

— Спасибо, не нужно, — отозвалась Мари. — Я справлюсь. Вы ведь пришли поболтать, поэтому не обращайтесь на нас внимания. Моя Нанетт так рада, когда вы ее навещаете!

Мари стала подниматься на второй этаж. Разговор в кухне возобновился. И все же все чувствовали себя немного неловко — из смотрового кабинета, расположенного по другую сторону вестибюля, то и дело доносились жалобные стоны и крики.

— Амели, когда ты собираешься под венец со своим красавцем Леоном? — лукаво щурясь, спросила Нанетт.

Этого вопроса оказалось достаточно, чтобы щеки Амели Лажуани стали пурпурными. Она устроилась поудобнее на стуле и с улыбкой стала смотреть на танцующие язычки пламени. Весь город знал, что она влюблена в этого очень красивого молодого солдата.

— Мы поженимся в июне, бабушка Нанетт, — тихо ответила она. — Мама уже купила мне отрез на платье. Ткань такая красивая! Лучше не придумаешь!

Камилла во все глаза смотрела на Амели. Она немного ей завидовала — от той исходила такая уверенность! Было ли дело в ее каштановых, довольно-таки коротко стриженных волосах, или в волнующем голосе, или в смеющихся голубых глазах? Взгляд девочки переместился на Жаннетт — подстриженную «под Жанну д'Арк», среднего роста девушку, у которой

тоже были каштановые волосы. Она любила ее больше других — Жаннетт всегда была веселой, жизнерадостной, а еще — работающей и такой грациозной! Что до Мари-Эллен, миловидной черноглазой брюнетки девятнадцати лет, то Камилла всегда мечтала увидеть ее невестой своего брата Поля, такой красивой ей она казалась. Поль и Мари-Эллен были добрыми приятелями, поэтому ее желание вполне могло исполниться...

— Что ж, тебе повезло, Амели! — воскликнула Жаннетт. — Жених — красивый парень, и свадьба у вас будет красивая! Вот нашей Мари не так повезло! Когда она попала на ферму в «Бори», ей было столько, сколько нашей Камилле. В дырявых галошах, мокрым пальтишке, она смотрела на меня такими умоляющими глазами... Ее привезли напрямиком из приюта. Ее единственным сокровищем было изображение Пресвятой Девы Обазинской, и она прижимала его к сердцу. Да, у нашей Мари не было доброй матери, которая могла бы о ней позаботиться! Обазинские монахини воспитывали ее до тринадцати лет...

Ее слова произвели на девушек сильное впечатление, и они стали удивленно перешептываться. Мари была заметной фигурой в городке. Они знали ее с детства как учительницу коммунальной школы, уважаемую супругу доктора Меснье. В семейном кругу такие темы не обсуждались, поэтому девушки ничего не знали о прошлом Мари.

— А я об этом знала! — звонко воскликнула Камилла. — Бабушка, пожалуйста, расскажи, как вы встречали Рождество там, в «Бори»!

***

Вернувшись в смотровую, Мари чуть было не вскрикнула от испуга. Адриан склонился над раздвинутыми ногами пациентки, которая, это было очевидно, мучилась от жестокой боли. Будущий отец в это время поддерживал супругу в положении полусидя.

— Тужьтесь, мадам! — повторял доктор Меснье. — Ребенок лежит неправильно, поэтому вы теряете столько крови!

Мари торопливо перекрестилась. Она хорошо знала супруга и в его голосе услышала подлинную тревогу. И неудивительно — смотровая кровать и плиточный пол были сплошь покрыты темно-красными пятнами. Адриан был больше похож на мясника, чем на доктора. Он сказал серьезным тоном:

— Нужно тужиться еще сильнее! Не бойтесь, это скоро закончится... Если вы постараетесь, Дениза!

Молодая женщина испустила протяжный крик боли. Ее супруг отозвался всхлипом, потом пробормотал:

— Она умрет, ведь так? Скажите мне, доктор! Моя жена умирает?

— Замолчите! — оборвала его Мари. — Она в надежных руках. И я уже позвонила в больницу.

Она не стала уточнять, что «скорая» приедет не раньше чем через час. Выпало много снега, и дорога была очень скользкой.

— Хлороформ, Мари! — потребовал Адриан. — Ребенок идет попкой! Ей будет слишком больно, если ее хоть немного не усыпить!

Они поняли друг друга в одну секунду. Положение было очень серьезным. Мари вдруг подумала, что несколькими часами ранее зря жаловалась на свою судьбу.

«Как ужасно, если эта молодая женщина умрет, — подумала она. — Боже милосердный, спаси ее! И я больше никогда не буду жаловаться!»

***

В кухне Нанетт потряхивала глубокую сковороду с дырочками, в которой жарились каштаны. Это была уже вторая порция, как она не преминула заметить. По ее мнению, вечер удался на славу.

— Я правду говорю, мои деточки! — продолжала она свой рассказ. — Наша Мари, которая сейчас хлопочет возле бедной дамочки, — подкидыш, которого вырастили монахини в обазинском приюте. Но в конце концов ее нашел отец и забрал к себе. Это был муссюр Жан Кюзенак, золотое у него было сердце... Это запутанная история, и слишком долго ее рассказывать!

Мари-Эллен, Амели и Жаннетт слушали ее наострив ушки.

— В тот вечер мой Жак ссадил ее с запяток прямо у нашей двери. Эта мегера, мадам Кюзенак, не захотела брать девочку в дом. Мари научилась доить коров, стричь овец и даже чесать шерсть! А больше всего ей нравилось кормить кур и собирать яички. О нет, несчастной она точно не была!

Нанетт улыбалась своим воспоминаниям, позабыв о каштанах. Вдруг ее голова поникла.

— А мой сын Пьер с первого вечера смотрел на нее во все глаза! Как будто не девочка, а сама Богородица была перед ним! Ему тогда было столько же, сколько и Мари, — тринадцать. Настоящий сорванец, школу не любил, зато был сильный и ладный и с удовольствием косил сено, жал пшеницу... Видели бы вы, как он управлялся с косой! Целый луг скашивал за два дня!

Камилла с задумчивым видом покусывала губы, пытаясь вспомнить, что еще она слышала о Пьере. Конечно же, она знала, что речь идет об отце ее старших сестер и брата Поля, который погиб в аварии где-то за городом.

Мать редко вспоминала о нем в разговоре, да и то ограничивалась несколькими словами. Девочка мысленно порадовалась тому, что она — единственный ребенок Адриана, второго супруга Мари.

Нанетт словно бы очнулась:

— Кажется, каштаны наши готовы! Посторонитесь-ка, красавицы! Сковорода горячая!

В кухню вошла Мари. На ее блузке и фартуке краснели пятна крови. Она плакала и смеялась.

— Малыш родился! Мальчик, живой, но весит едва ли пять фунтов... Адриану пришлось его переворачивать, он шел попкой... Господи, как мы переживали! Мне нужен теплый кирпич, согреть роженицу. Ей очень плохо...

Нанетт озабоченно потеряла подбородок. Эти неожиданные роды напомнили ей о многих вечерах, проведенных у изголовья мучившихся в родах соседок.

— Несчастье — родиться женщиной, — пробормотала она. — Столько мук приходится перенести! Мари, на печи два кирпича, оберни их в чистое полотенце, бедняжка согреется, и ей станет легче...

— Сейчас, Нан, все сделаю!

Мари казалась раздраженной. Камилла встала и обняла мать за талию.

— Мапочка, дорогая, а нам можно посмотреть на ребеночка?

— Не сейчас! Мне нужно его обмыть. Мадам Дениза не взяла с собой никакого белья. Она думала, что еще не пора, что это ложная тревога.

На этот раз Амели встала с твердым намерением помочь хозяйке дома.

— Мадам Мари, я могу сходить к матери и принести вещи для новорожденного, мы храним их чистыми в бельевом шкафу. Я вернусь через пять минут!

— Спасибо, Амели, это будет замечательно! Осторожнее на улице, не поскользлись! Снег все идет, и машина «скорой помощи» приедет еще не скоро...

Жаннетт и Мари-Эллен не осмеливались притронуться к каштанам, поскольку вид у Мари был встревоженный. Они предпочли бы сделать что-то полезное.

— Вы точно уверены, что мы ничем не можем помочь? — спросила Жаннетт.

— Можете! — вдруг воскликнула Мари. — Я отправлю к вам в кухню супруга мадам Денизы. Он белый как простыня. Я хотела отнести ему кофе, но пусть лучше он выпьет его здесь, в вашей компании. Это его подбодрит. Он счастлив, что у них родился сын, но боится радоваться,

потому что жене до сих пор очень плохо...

Камилла торопливо вынула из буфета чашку, блюдце, сахарницу и кулек с печеньем.

— Пускай этот парень идет к нам! — Нанетт закивала, радуясь, что слушателей у нее прибавится.

Мари бесшумно вышла и через пару минут вернулась в сопровождении молодого отца.

Атмосфера, царившая в кухне семьи Меснье, всегда способствовала расслаблению и улучшала настроение. Нанетт так радушно кивнула гостю в знак приветствия, что чуть не уронила свой чепец. Она сердечно улыбалась, щеки ее покраснелись от жара печки.

— Подсаживайтесь поближе к теплу, мсье! — с живостью воскликнула Жаннетт. — Хотите горячих каштанов?

— Спасибо, мадемуазель. Разрешите представиться: Бастиен Деклид, каменщик, живу возле Бейна. Это мой первый ребенок. И я никогда не забуду день его рождения! Он должен был появиться на свет через две недели. Мы и подумать не могли...

— Господь сам решает, когда кому родиться, — отозвалась Нанетт. — Счастье, что этот карапуз не вздумал родиться в вашей машине, между Обазинем и Бривом! В такой-то холод!

Камилла подала молодому отцу чашку с кофе, и тот поблагодарил ее улыбкой. Девочка с таким очевидным удовольствием исполняла роль хозяйки дома, что Мари-Эллен поддержала игру:

— Я тоже с удовольствием выпью кофе, Камила!

— Сейчас я тебе налью!

Бастиен Деклид немного расслабился. Эти милые девушки, мирно потрескивающий огонь в печи, дружеские подмигивания колоритной старушки — все это действовало на него успокаивающе.

— Не терзайтесь вы так, — посоветовала Нанетт, которой было лестно внимание неожиданного гостя. — С супругой и с малышом все будет хорошо. В Обазине чудеса случаются часто, спасибо святому Этьену! Вы только послушайте...

***

Новорожденный покрикивал тоненьким голоском. Мари завернула его в теплое шерстяное одеяло и уложила в большую корзину, принесенную из бельевой. Адриан задвинул заслонку, чтобы тяга в печи уменьшилась и в комнате стало теплее. Он прекрасно знал, что температура не должна опускаться ниже восемнадцати градусов.

Мари сидела у изголовья роженицы и поглаживала ей руку, пока доктор ее осматривал.

— Не понимаю, что происходит! — пробормотал Адриан, выпрямляясь. — Сейчас самое время выйти плаценте! Но она не выходит! Мари, нужно позвонить в больницу! Не понимаю, почему до сих пор нет «скорой»! Часы пробили половину одиннадцатого!

— Это из-за снега! — ответила ему жена. — У меня есть немного куриного бульона. Давай я его разогрею? Это лучшее средство для тех, кто потерял много крови...

Доктор Меснье с озабоченным видом ощупывал живот роженицы, который если и стал меньше, то ненамного. Вдруг он выругался:

— Ну что я за осел! Там остался еще один!

— Кто еще один? — со стоном спросила молодая мать.

— Еще один ребенок! У вас двойня, мадам! И нужно снова тужиться! — безапелляционным тоном заявил Адриан.

— Двойня! — повторила Мари. — Дениза, это чудесно! Я могу называть вас так, правда? Еще немного усилий, и я смогу опять обрадовать вашего супруга!

— Я так устала! Я уже не могу, — прошептала молодая женщина.

— Осталось совсем немного, — успокоил ее доктор Меснье. — Я чувствую головку!

Из растянувшегося лона роженицы хлынул поток крови. Бледный Адриан про себя молился, чтобы его пациентка выжила. Мгновение — и он подхватил на раскрытые ладони розовое липкое тельце. Послышался звук, похожий на сердитое мяуканье. Его издавало крохотное существо, явившееся в мир в эту морозную декабрьскую ночь.

— У вас красивая девочка! — воскликнула Мари с непередаваемым облегчением. — Королевская парочка — мальчик и девочка!

В то же мгновение в дверь постучали. Это были Камилла и Амели. Девушка прижимала к груди большой сверток.

— Я чуть замешкалась, мадам Мари, — пояснила Амели. Щечки ее порозовели на холоде, на берете таяли снежинки. — Мама хотела узнать побольше и все подкладывала и подкладывала пеленки и распашонки!

Адриан поспешил накрыть Денизу простыней, чтобы молодая женщина не чувствовала себя неловко. Да и Камилла была еще слишком юна для такого зрелища. Мари подошла к Амели:

— Я и правда уже начала волноваться! Но как же нам повезло, что у твоей мамы есть все необходимое! Поблаговари ее от меня. Представь себе, Амели, у мадам Денизы родилась двойня! Как говорится, королевская

парочка! Я завернула их в шерстяные одеяла, которые мы всегда держим в этой комнате. Иди посмотри, какие они хорошенькие!

Камилла не стала терять время даром. Она со всех ног бросилась в кухню.

***

Бастиен Деклид чистил хорошо прожаренный каштан, когда Камила ворвалась в кухню. Жаннетт и Мари-Эллен старались развлечь новоиспеченного отца рассказами из жизни городка, однако было очевидно, что он очень волнуется. Все взгляды устремились на сияющее личико девочки. Нанетт поторопилась спросить:

— Ты почему так улыбаешься, моя курочка? Молодой мамочке стало лучше, верно?

Но Камилле хотелось растянуть удовольствие. Она остановилась перед Бастиеном и сказала весело:

— Поздравляю вас, мсье! С королевской парочкой!

— С чем? — пробормотал тот в замешательстве. Последние слова девочки поставили его в тупик. Он пробормотал: — Очень мило с вашей стороны, мадемуазель! Я могу вернуться к жене?

— Конечно! — ответила ему Мари, которая как раз торопливым шагом вошла в кухню. — Ваша Дениза вас ждет! Я подогрею бульон и тоже приду. Супруга приготовила вам замечательный сюрприз! Двойняшки! Мальчик и девочка, мсье! Вместе весят десять фунтов! Идите же, муж расскажет, что вам следует делать!

Изумленный Бастиен пробормотал «Да, конечно!» и бросился в смотровую.

— А где Амели? — спросила Мари-Эллен. — По-моему, она только что вернулась...

— Она пеленает малышом. Пойду помогу ей.

И Мари, не сказав больше ни слова, повернулась и вышла в вестибюль. Камила, гости и Нанетт, быстро переглянувшись, встали и последовали за ней. Двойняшки, мальчик и девочка, родились в Обазине на следующий день после Рождества! Ну кто устоит перед искушением посмотреть на такое чудо?

Как волхвы, пришедшие посмотреть на младенца Иисуса, Нанетт, Камила, Жаннетт и Мари-Эллен бесшумно вошли в смотровую. Их глазам предстала трогательная сцена: обессиленная Дениза плакала от радости в объятиях своего супруга, который тоже вытирал слезы. Амели заканчивала пеленать одного малыша, Мари занималась другим.

— Мне достался мальчик, — сказала девушка. — Мадам Мари обмыла девочку, и мы сейчас уложим их в корзину...

Адриан растирал натруженную поясницу, но на лице его читалось глубокое удовлетворение.

— За всю мою практику мне второй раз пришлось принимать двойняшек, — сказал он таким тоном, словно извинялся перед своими пациентами. — Слава Богу, я вовремя заметил, что что-то идет не так!

Все невольно залюбовались новорожденными. Нанетт громко всхлипывала, вспоминая о собственных детях, умерших вскоре после рождения. Амели, которой не терпелось выйти замуж, представляла, как баюкает славного карапуза, как две капли воды похожего на ее жениха Леона. Жаннетт, Камилла и Мари-Эллен рассматривали малышкой — таких крошечных, но уже ищущих губками грудь матери, шевелящих маленькими ручками, писком объявляющих миру о своем присутствии.

— Мама назвала их «королевская парочка», — шепотом сказала Камилла на ухо Жаннетт. — А почему так?

Адриан услышал вопрос дочери и ответил серьезно:

— Не знаю, откуда пошло это выражение, но мне оно встречалось во многих романах. Так называют двойню, когда рождается мальчик и девочка. И оно сразу пришло мне на ум. Но ведь малыши и правда восхитительные! Пора показать деток их маме!

Мари и Амели вместе перенесли корзину поближе к молодой матери. Дениза какое-то время с умилением смотрела на своих детей, потом заплакала.

— Господи, у нас родилось сразу двое деток! Бастиен, вот обрадуются твои родители!

Последовал поток добрых пожеланий и похвал. И тут с площади донесся пугающий звук сирены: прибыла «скорая». Адриан надел теплый пиджак и направился к двери.

— А вот и подкрепление! — сказал он. — Что-то они припоздали, наши спасители!

— Но ведь я теперь могу вернуться домой! — Дениза облегченно вздохнула. — Мои малыши родились, и все хорошо!

— Нет, об этом не может быть речи! — отрезал доктор Меснье. — Вас должен осмотреть гинеколог, а малышкой следует не меньше чем на двое суток поместить в инкубатор. Мы будем рады, если вы нам позвоните и сообщите, как они себя чувствуют и как вы их назвали. Думаю, я не забуду день, когда они появились на свет!

Новоиспеченные родители с лукавым видом переглянулись. Дениза

Деклид робко сказала:

— Вы, доктор, спасли мне жизнь, и ваша супруга была к нам так добра... Вы напоили меня бульоном, эта милая девушка принесла вещи для малышей... Поэтому, если вы не против, я хотела бы назвать детей...

— Адриан и Мари! — воскликнула Камилла и хлопнула в ладоши. — Это просто чудесно, правда, мам?

Мари с трудом сдерживала слезы. От природы скромная, она попыталась возразить:

— Это очень любезно с вашей стороны, но подумайте как следует!

— И думать нечего! — отозвался Бастиен и пожал руку доктору Меснье.

Через четверть часа машина «скорой помощи» уехала в Брив, увозя Денизу и ее двойняшек. Бастиен Деклид следовал за ней в своем автомобиле. Мари, Камилла и девушки проводили их взглядами с порога дома. Это также был повод лишний раз полюбоваться центральной площадью Обазина, укрытой ковром из снега.

— Вернемся в дом! — позвала девушек Мари. — Ну и вечер! Я умираю, так хочется есть и пить! В кухне осталось хоть немного сидра?

Камилла потянула мать за руку в кухню. Амели, Жаннетт и Мари-Эллен, смеясь и переговариваясь, поспешили следом за ними.

Глава 4

Мари вспоминает

— Ну, рассказывайте, о чем вы тут говорили, пока я помогала мужу? — спросила Мари, присаживаясь у печки. — Ему, бедному, сегодня пришлось поволноваться! Он уже поднялся в спальню. Я не поверила своим ушам, когда он сказал, что смотровую мы уберем завтра... Это совсем на него не похоже!

Нанетт с улыбкой подмигнула невестке. Она снова заняла свое любимое место у печи так, чтобы сидеть лицом к «молодежи», как она называла гостей и Камиллу.

— Бабушка Нан рассказывала нам о тебе! — громко сообщила Камилла.

Мари нахмурилась, притворяясь недовольной. Однако это не помешало ей с благодарностью взять приготовленный для нее Жаннетт бутерброд с паштетом.

— Наша Нанетт обожает выставлять меня на всеобщее обозрение! — проговорила она, проглотив первый кусок. — Хотя прекрасно знает, что мне это не нравится.

— Тогда расскажи сама! — не сдавалась Камилла. — Расскажи о том, как вы встречали Рождество в «Бори», ну пожалуйста!

— Да, мадам Мари, расскажите! — поддержала девочку Амели. — Мне совсем не хочется спать! Я все время вспоминаю этих прелестных крошек. Представьте, если бы они родились вчера, на Рождество! Это было бы настоящее чудо!

— А мне стало страшно, когда я увидела столько крови, — сказала Камилла. — Я подумала, что эта бедная мадам умирает.

— Упаси Бог! — отозвалась Нанетт, крестясь.

Мари поняла, что произошедшее произвело на дочь сильное впечатление, а потому решила рассказать несколько эпизодов из своего прошлого, хотя бы для того, чтобы сменить тему разговора.

— Я помню, что в каждый сочельник Нанетт жарила кукурузное печенье в гусином жиру. Это было чудесное лакомство! А потом, одевшись в самое лучшее, мы шли к полночной мессе. До Прессиньяка было не меньше двух километров. Жак и Пьер шли впереди, а мы с Нанетт — она

всегда вела меня за руку — следом за ними. Часто случалось так, что шел снег. А бывало и так, что мы слышали, как воют волки. Мне было так страшно! В украшенной остролистом и омелой церкви я чувствовала себя в безопасности. Потом прихожане пели рождественские гимны, но ни у кого не было таких красивых голосов, как у вас, девушки!

Гости заулыбались, польщенные таким комплиментом. Развеселившаяся Камилла попросила:

— Спойте, пожалуйста, что-нибудь для нас!

— Сейчас нельзя петь, мсье Меснье уже спит! — с беспокойством отозвалась Амели.

— Его комната на втором этаже, в дальней части дома, — внесла ясность Мари. — Вы ему не мешаете.

Нанетт поддержала просьбу Камиллы. Ей не хотелось, чтобы этот полный сюрпризов вечер заканчивался.

— Спойте, мои курочки! Это напомнит мне те вечера, когда несколько соседок собирались в доме колоть орехи и каждая пела какую-нибудь песню...

Мари-Эллен и Амели, отбивая ритм ладошками, запели:

В наши горы и в наши туманы

С ранних лет мы все влюблены!

На зеленых наших полянах

Протекают счастливые дни!

Нанетт радостно захлопала в ладоши.

— Как хорошо поют! Эта песня навевает воспоминания, верно, Мари?

— Да, мне тоже она очень нравится. Это правда, мы лучше себя чувствуем в наших краях, чем в больших городах. Если бы нам пришлось жить в Париже, это было бы ужасно!

В разговор поспешила вмешаться Камилла:

— Для меня это не было бы ужасно! Я уверена, Париж мне понравится. И я жду с нетерпением, когда мы с папой туда поедем!

Жаннетт, улыбаясь, высказала свое мнение:

— Мне тоже больше по сердцу Коррез с его лугами и россыпями цветов летом. Амели, спой «Когда снова сирень зацветет»!

— Хорошо! — с улыбкой кивнула девушка. — Ты готова, Мари-Эллен?

Когда снова сирень зацветет,

Мы пойдем гулять в долину!

Звони, серебристый колокол...

— Спасибо, мои дорогие! — сказала Мари. — Всегда на душе

становится радостно, когда вас послушаешь. Правда, Камилла?

— Конечно! И так веселее... А теперь, мамочка, прошу, расскажи, как ты стала барышней из «Бори»!

— Хорошо. Когда Амели Кюзенак умерла от сердечного приступа, ее супруг рассказал мне правду. Оказалось, что он — мой отец, а моя мать — красивая артистка из Брива, с которой у него был роман. Мое рождение стоило матери жизни. И вот я в одночасье стала мадемуазель Кюзенак, меня поселили в большой комнате и отец засыпал меня подарками. Благодаря ему я смогла стать учительницей, он помог мне наверстать упущенное и сдать экзамены.

— И у тебя была кобылка! Мамочка, расскажи! — попросила Камилла.

— Да, у меня была кобылка... Послушная и невысокая, чтобы на нее легко было взбираться... Ее мне подарил папа. Видели бы вы, как я носилась галопом по проселочным дорогам!

— Вы ездили верхом, мадам Мари? — удивилась Жаннетт. — Просто не верится!

— Конечно ездила! Тогда я была дочкой богатого землевладельца, а теперь я — супруга доктора, — задумчиво проговорила Мари. — Но в жизни мне пришлось много работать, и работать тяжело... Моя жизнь не всегда была легкой.

Дверь кухни тихонько отворилась.

— Милые дамы развлекаются от души, насколько я мог услышать! — заметил Адриан с притворно грозным видом.

— Доктор Меснье, мы вас разбудили! — пробормотала Мари-Эллен, краснея от смущения.

— Не переживайте, вы ни в чем не виноваты, — успокоил ее доктор. — Мне пришлось спуститься, потому что звонил телефон и никто не подошел снять трубку.

Мари вскочила на ноги.

— Что еще случилось? — спросила она. — Не говори, что кому-то снова нужна твоя помощь!

— Не ходите никуда, мой зять! — подхватила Жаннетт. — Вы же не собираетесь всю ночь провести на ногах?

— Думаю, так и будет. Тут уж ничего не поделаешь. Наш приятель-булочник обжегся. И, судя по всему, сильно. Я иду к нему. Думаю, это ненадолго. Возьму с собой медицинский саквояж.

Только теперь Мари заметила, что супруг полностью одет и обут. Это было вполне в его духе — он собрался так, чтобы никого не побеспокоить. Как только они оба вышли в вестибюль, Мари поцеловала его в губы.

— Любовь моя! Счастье, что не все наши вечера такие, как сегодня! Ты возьмешь выходной, и очень скоро!

— Мари, тебя послушать, так мне давно пора на пенсию... Но я ведь еще не так стар! И спать мне совсем не хочется. Возвращайся к нашим очаровательным гостям, дорогая.

— Я только что рассказывала о своей юности. Эти воспоминания навевают на меня печаль, — тихо проговорила Мари. — Да и Нанетт еще немного — и заплакала бы. Впрочем, она плачет всякий раз, когда вспоминает о Пьере и о «Бори».

Адриан сочувственно кивнул. Потом потрепал жену по щеке и вышел. На улице дул порывистый ветер и все еще шел снег.

Мари какое-то время постояла, опершись спиной о створку тяжелой двери, потом прошла в кухню, где все ожидали ее возвращения. За это время у Нанетт переменялось настроение. Камилла предложила ей немного повязать, и она отозвалась ворчливо:

— Нет, вязать я не стану! В последнее время у меня немеют пальцы. Раз песен больше не будет, я подремлю немного.

Мари заметила, что она сложила руки поверх голубого полотняного фартука. Потом голова ее склонилась вперед, подбородок уперся в грудь. Она и правда задремала.

— Моя славная Нан так и не оправилась после смерти Пьера, своего единственного сына! — шепотом сказала она. — Дайте подумать, сколько бы ему сейчас было лет? Да столько же, сколько и мне! Мы оба родились в 1893 году.

— У вас с ним прекрасные дети! — сказала Мари-Эллен. — Это самое главное. Мне очень приятно было повидаться с Лизон, Полем и Матильдой вчера на мессе. Почему они так быстро уехали?

— Я тоже думала, что застану Матильду у вас сегодня вечером, — добавила Амели. — В школе мы были лучшими подружками. Я так по ней скучаю!

— И я тоже! Но теперь у них у каждого своя жизнь, — отозвалась Мари. — Лизон и Венсан торопились вернуться в «Бори».

Камилла решила, что наступил подходящий момент для игры «в годы», которая ей очень нравилась. Она с нетерпением ждала своего тринадцатилетия, поэтому ее очень интересовало все связанное со временем.

— Сколько нам будет в 1946-ом? — спросила она, лукаво улыбаясь. — Говори, Мари-Эллен!

— Мне исполнится девятнадцать! Мама пообещала подарить мне

новое платье.

— Теперь вы, Жаннетт и Амели!

— Мне будет уже двадцать два, — сказала Амели. — Будущий год станет годом моей свадьбы, самого главного для меня события. А Жаннетт исполнится двадцать.

Мари с улыбкой на устах подхватила игру дочери:

— В апреле нашей Лизон исполнится двадцать восемь, а Поль в ноябре задует на пироге двадцать семь свечей! Он пообещал, что приедет на свой день рождения в Обазин. И мы пригласим вас на этот праздник, девушки!

— И в первую очередь Мари-Эллен! — добавила Камилла. Она твердо придерживалась плана соединить судьбы дочери мясника и своего брата.

— Конечно, я приду. — Мари-Эллен усмехнулась, догадываясь о подоплеке такого рвения. — Ты сбила меня со счета, дорогая. Я как раз думала о Матильде, которой в сентябре будет двадцать четыре. Она тоже собирается замуж, если, конечно, ее жених будет держаться молодцом.

Амели улыбнулась шутке. Им ли не знать, какой авторитарной и вспыльчивой бывает красавица Матильда!

— Папе исполнится пятьдесят восемь, но он до сих пор очень красивый! — заявила Камилла. — Мама, есть ведь еще родственник, о котором ты никогда не говоришь. Макарий, твой кузен. Нан сказала мне сегодня утром, что он был настоящим бандитом!

— Макарий? — со вздохом переспросила Мари. — Бандит — это еще не то слово! О нем даже вспоминать не стоит.

По взгляду матери Камилла поняла, что ей эта тема неприятна, и потому сконфуженно замолчала. По телу Мари пробежала дрожь. Племянник Амели Кюзенак Макарий всегда слыл порядочным мерзавцем, а во времена оккупации избрал для себя роль палача. Никогда она не давала никому, даже Адриану и Нанетт, повода заподозрить, какую подлость совершил Макарий два года назад, шантажируя ее. Ей не хотелось ни с кем делиться этой гнетущей тайной, этой душевной раной, которая никогда не затянется. Однако она сочла нужным уточнить:

— Кстати, это именно Макарий выгнал нас из «Бори»! Мой отец умер, не узаконив мое положение посредством завещания. И этот негодяй решил, что хозяин дома теперь он. Приехал судебный исполнитель и выгнал нас с Пьером и тремя детьми. Нан и Жаку тоже пришлось съехать, потому что условия, на которых им предлагали остаться на ферме, были кабальными. И тогда я написала преподобной матери Мари-де-Гонзаг, новой настоятельнице приюта. Она тотчас же предложила мне место

учительницы и квартиру. И вот мы с тяжелым сердцем уехали из «Бори», взяв с собой личные вещи, кое-какую посуду и мебель...

— И поселились на маленькой улочке, которая спускается к каналу, тому самому, что вливается в воды Корреза! — заключила Камилла. — Жаннетт мне ее показывала.

Мари встрепелась:

— Я ведь не упомянула о Леони, моей подруге! Когда мы были в приюте, я заботилась о ней. Когда же я стала старше, то приехала в Обазин и забрала ее с собой. Леони! У нее были такие красивые голубые глаза! Моя сестра по духу... Она очень хорошо училась и потом смогла стать медсестрой. Вы помните ее?

— Леони? — отозвалась Жаннетт. — О да, это наша милая сестра Бландин! Когда я посещала занятия в приютской школе, она преподавала нам основы гигиены и первой медицинской помощи. Она была такая красивая! Я не знала, что раньше она жила с вами...

Мари набрала в грудь побольше воздуха, прежде чем продолжить рассказ.

— Леони погибла во время войны, она была в отряде маки. И ей пришлось вынести ужасные пытки... Бедняжка, она посмертно награждена орденом, как и многие другие мужественные люди, которые сражались с врагом...

Камилла наострила ушки. Обычно в семье такие разговоры велись в то время, когда она уже была в постели. Родные несколько раз вскользь упоминали о страшной смерти тети Леони, и девочка слышала слова «гнусное насилие» и «жестокое издевательство». Матильда отказалась объяснить, что это значит, Лизон тоже. И только Поль сказал, что немцы расстреляли Леони, но перед этим долго «допрашивали» ее, стремясь узнать об отряде сопротивленцев, членом которого она была, но Леони ничего им не сказала.

— Мне так хотелось, чтобы она была рядом с нами в дни всеобщего ликования, когда война закончилась! — добавила Мари. — Помнится, Эдмон Мишле вернулся из Дахау — одного из многих лагерей смерти. Это была суббота, второе июня 1945 года. Какая толпа собралась на железнодорожном вокзале! Тысячи людей пришли его встретить! Брив с радостью и волнением ожидал человека, который стал живым символом сопротивления жителей Корреза нацистскому режиму. Те, кто выбрал путь борьбы, пережили настоящий ад! И вот, стоило только Эдмону Мишле, все еще одетому в робу заключенного, выйти из поезда, как его подхватили на руки, засыпали цветами... Он был региональным главой Объединенных

сил Сопротивления. Гестаповцы арестовали его в феврале 1943 года.

Мари-Эллен поспешила добавить дрожащим от волнения голосом:

— Папа рассказывал, что мсье Мишле — настоящий герой! Он раздавал листовки с призывами к сопротивлению за несколько часов до знаменитого выступления генерала де Голля!

— О, вы говорите о генерале! — громко подхватил Адриан, который энергичным шагом вошел в кухню. — Дамы, поговорим о генерале! Если бы не он, что бы теперь с нами со всеми было? До сих пор жили бы под немецким сапогом... Как я посмотрю, вы от песен перешли к обсуждению политики. Выходит, как только меня вызывают к пациенту, вы, пользуясь моментом, переходите к серьезным разговорам...

Его голос разбудил Нанетт. Она с ошарашенным видом уставилась на зятя.

— Доктор, вы уже полечили нашего славного хлебопека? Хотя лучше бы он позвал заклинателя огня! В мое время жил один недалеко от Шабанэ. Бывало, плюнет на ожог, поводит по нему пальцем, подует — и все заживает!

Не в первый раз Адриану приходилось выслушивать подобные рекомендации.

— Я слышал об этих чудотворцах, дорогая Нанетт. Но мне приходится пользоваться своими мазями и повязками. Булочник пообещал мне к завтраку теплые круассаны. Ну ладно, теперь я снова попробую лечь спать. Кстати, а вы знаете, что генерал де Голль...

— Адриан, в следующий раз! — прервала супруга Мари, подавив зевок.

Она боялась, что тот снова будет бесконечно говорить о человеке, которым искренне восхищался, поэтому поспешила продолжить прерванный рассказ:

— А сколько всего происходило в Обазине, под самым нашим носом! Мать Мари-де-Гонзаг и мама Тере прятали в приюте девочек-евреек, спасая их от ужасной участи. Они правильно сделали, что никому, даже нам, не стали об этом рассказывать. Представьте, как дрожали от страха эти малышки, когда немцы захотели осмотреть помещения аббатства! Их ведь могли найти и отправить в эти ужасные концентрационные лагеря!

— Господь защитил их, — негромко отозвалась Жаннетт. — И снова-таки, к их спасению приложили руку Эдмон Мишле и его супруга! Но что меня по-настоящему пугает, так это то, что случилось шестого августа. Когда мы во Франции радовались освобождению, американцы сбросили на Хиросиму эту ужасную атомную бомбу. В газете я читала, что это можно

сравнить с Апокалипсисом...

— Ты права, крошка Жаннетт! — вздохнул Адриан. — Мания разрушения, свойственная людям, не знает границ... Дай Бог, чтобы в будущем это никогда не повторилось!

Мари кивнула в знак согласия. Женщина добрая и эмоциональная, она всей душой сочувствовала тем, кто тяжело работал в трудовых лагерях, куда попал не по своей воле; тем, кто сражался с фашистами в рядах маки; бедным евреям, которых методично уничтожал нацистский режим... Сколько жутких преступлений было совершено в эту войну! Повешенные в Тюле... А сколько людей было казнено в Орадур-сюр-Глан в отместку за неожиданное нападение партизан на немецкую военную колонну...

Война принесла много горя всем французам, за исключением разве что тех, кто принял постыдное решение сотрудничать с оккупантами.

Мари разволновалась, вспомнив о Клоде, которого убили в ту же ночь, что и Леони. Этот грубоватый и нелюдимый, но в то же время робкий парень был внебрачным сыном Элоди Прессиго, жительницы Прессиньяка, и Пьера, первого мужа Мари. Узнав о существовании этого мальчика, Мари сначала очень огорчилась, но потом смирилась с очевидным: Пьер, будучи неудовлетворенным их отношениями, постоянно ей изменял. С Леони его связывала пылкая страсть. Но этот факт она предпочитала тщательно скрывать. Такие секреты хранят и из стыдливости, и чтя память умерших. Возможно, Пьер и Леони встретились в раю, обещанном Иисусом в Евангелии...

— А мне, когда я овдовела, посчастливилось снова встретиться с тобой, мой милый Адриан! — вырвалось у нее.

Супруг взял ее руку и запечатлел на ней поцелуй.

— Вы с папой сильно полюбили друг друга, правда? — поспешила спросить Камилла. — Вы быстро поженились и переехали жить в этот дом!

— И предел счастья — у нас появилась ты, моя дорогая девочка! — провозгласил Адриан, которому было приятно ловить устремленные на него растроганные девичьи взгляды.

— Это правда, — подхватила Мари. — Я была так рада переселиться сюда, в этот дом на площади, в самое сердце городка!

Она убрала со лба каштановую прядь. По случаю Освобождения она попросила Матильду, с недавних пор работавшую парикмахером, слегка укоротить ей волосы. С новой прической Мари стала выглядеть еще моложе — ей нельзя было дать больше сорока...

— Мадам Мари, время над вами не властно! — сказала Амели. — Все говорят, что вы самая красивая женщина в Обазине! Но я совсем

заболталась, уже поздно, и нам пора домой.

— Это правда! — подхватила, обеспокоившись, Мари-Эллен. — Церковный колокол пробил полночь. Мама будет меня ругать!

— Спасибо еще раз! — сказала им Мари. — Благодаря вам у Камиллы и Нан получился такой замечательный вечер, несмотря на эти непредвиденные хлопоты с роженицей!

— Да, памятный выдался вечер! — подвел итог Адриан. — Я никогда не забуду 26 декабря 1945 года. До нового года осталось совсем немного. Надеюсь, что в сорок шестом жизнь вернется в обычную колею. Наша экономика все еще хромает, до сих пор в ходу талоны на продукты... Хорошо, что эта крупная фирма, «Philips», которая пришла в страну во время войны, продолжает давать людям работу...

— Папа вчера сказал, что в гранитных карьерах есть работа и рабочие приезжают сюда из-за границы вместе со своими семьями, — сказала Жаннетт. — И это очень хорошо для торговли.

— Не будь войны, у нас бы не было нашего чуда! — воскликнула Амели. — Я говорю о теноре Хосе. Если бы он не остался в наших краях, кто бы так хорошо пел в церкви на Рождество? Вы слышали его, мадам Мари? Боже, какой у него голос!

Слова Амели положили начало бурному обсуждению Жаннетт и Камиллой талантов тенора, молодого испанца, который работал в карьере.

Адриан предпочел ретироваться. Он вернулся в спальню с твердым намерением лечь спать.

Мари, разомлевшая от тепла печки, отдалась потоку мыслей.

«Какие они еще молодые и чистые сердцем! — подумала она. — Надеюсь, жизнь будет к ним добра... На мою же долю выпало много несчастий, но и много радостей! И я желаю им узнать такую же любовь, какую мы с Адрианом испытываем друг к другу ...»

За годы брака их взаимное чувство ничуть не ослабло. Ее супруг все еще был очень красивым мужчиной, высоким и крепким. Думая о нем, Мари вздохнула, как юная влюбленная.

«Он сумел заставить меня забыть обо всех моих горестях. Волшебной силой своей любви превратил меня в настоящую женщину, пылкую возлюбленную... Я любила Пьера, но он не сумел разбудить мою чувственность. Адриан открыл меня мне самой. И, как говорят, я все еще хороша! В моем сердце живет любовь, а мое тело, наконец освобожденное, жаждет наслаждений. У меня нет повода грустить рядом с Адрианом! И мои дети не уехали куда-нибудь на другой конец света! Скоро я снова увижу Поля, я обещала навестить его в Лиможе, посмотреть на его

страховое бюро. Матильда приглашала меня пообедать с ней в Бриве, где она в январе открывает собственный парикмахерский салон. А потом я поеду в «Бори», в гости к Лизон и ее семье. Все прекрасно!»

Мари-Эллен, Амели и Жаннетт, видя, что Мари прикрыла глаза, на цыпочках вышли из кухни.

— Я вас провожу! — предложила Камилла.

Мари, очнувшись от своих мечтаний, встала и по очереди поцеловала девушек. Нан тихо посапывала на своем стуле, и она не стала ее будить.

Камилла и Мари немного постояли на пороге, глядя вслед своим гостям. Дул холодный ветер, вздымая вихри снега.

— Какой замечательный рождественский пейзаж! — прошептала Мари. — Наш заснеженный городок сейчас кажется воплощением рая на земле...

Камилла стояла, прижавшись к матери. Ей захотелось запечатлеть в рисунке то, что она сейчас видела: импозантное здание церкви, высокие серые дома с покатыми крышами, липы, платаны и каштаны в зимних одеждах...

Скоро они обе уже дрожали от холода.

— Я замерзла, мама! Вернемся! А завтра пойдем гулять вдвоем, только ты и я!

В кухне они застали Нанетт. Старушка уже не спала. Она засыпала золой последние тлеющие угли в печке и посмотрела на мать и дочь с удивлением.

— С каких это пор вы оставляете меня одну? И где молодежь?

— Девочки ушли, бабушка! Уже ведь очень поздно, — отозвалась Камилла. — Сегодня мы здесь устроили почти ночные посиделки!

Мари присела на стул и потянулась.

— Камилла права. А помнишь, моя Нан, как мы пугались, когда ты рассказывала нам истории про колдунов и привидения? Нам с Пьером казалось, что мы слышим шаги волка-оборотня по крыше фермы...

Камилла улыбнулась и уютилась на коленях у матери.

— Мне бы понравилось жить у тебя, если бы я была маленькой, бабушка Нан! — сказала она.

— Ты никогда не довольна тем, что имеешь! — пошутила Мари. — Кстати, когда мы заговорили о «Бори», я вспомнила, что Элоди Прессиго прислала мне письмо.

— Элоди? — удивилась Камилла. — Та странная женщина, которую мы встретили в Прессиньяке осенью? Она совсем мне не понравилась. И лицо у нее такое злое, что можно испугаться. Честно говоря, она похожа на

ведьму, и даже очень!

— И откуда у тебя берутся такие сравнения? — одернула девочку мать. — Я знаю Элоди с тех пор, как она была девушкой. Ее мать, старая Фаншон, была служанкой у моего отца.

— Ты слишком добрая, а наша крошка права: если кто и ангел, то уж точно не Элоди! — пробурчала Нанетт. — Обе, и мать, и дочка, не слишком порядочные, особенно дочка. Камилла лучше разбирается в людях, чем ты, Мари. Элоди та еще шельма, это я вам говорю, и это так и есть. Знала бы ты, как она обидела твою мать, моя курочка...

Мари передернула плечами. Благородство души и религиозные убеждения побуждали ее многое прощать.

— Нанетт, не говори так! Что было, то было. И не забывай, что это благодаря ей я снова стала хозяйкой «Бори». Элоди вместе со старшей дочкой Розой нашла завещание, которое папа спрятал между страницами одной из книг в библиотеке. Элоди была так добра, что привезла мне этот документ, и я вернула себе отцовское наследство, когда на это уже не было никакой надежды. «Бори» снова стал нашим домом, и я смогла подарить его моей Лизон. Мне приятно думать, что всем моим детям достанется часть наследства. У Матильды есть прекрасная квартира в Бриве; она тоже принадлежала Кюзенакам, и мой отец там вырос. Поль получит ферму, на которой вы с Жаком так славно жили. А Камилле мы оставим этот дом. Поэтому, моя Нан, я не хочу слышать плохих слов об Элоди, которая, как и мы все, пережила немало горя. Вспомни хотя бы, что война отняла у нее сына!

Женщины обменялись многозначительными взглядами. Несмотря на то что они часто расходились во мнении по разным вопросам, обе полагали, что противостоять превратностям судьбы лучше и легче вместе, единой семьей. Поэтому обе замолчали — некоторые темы не следовало обсуждать в присутствии Камиллы.

Нанетт украдкой вытерла слезу. Сын Элоди, Клод, приходился ей внуком. Она приняла его с распростертыми объятиями, когда он пришел навестить ее за несколько дней до своей смерти от немецких пуль. Этот юноша был плодом запретной связи, однако же в его жилах текла кровь ее единственного сына. Кто бы мог подумать, что ее обожаемый Пьер сделает сына дочери старой Фаншон! Старушка каждый раз плакала, когда в разговоре с невесткой вспоминала об этом.

— Так вот, представьте себе, в июле Элоди снова собирается замуж! И всех нас приглашает на свадьбу: Адриана, меня, детей... и тебя, конечно, моя Нан! Это будет прекрасный повод побыть пару дней в «Бори».

— О, мамочка, как я рада! Скажи, а можно мне будет спать в маленькой комнате под крышей, той, которую мне показывал папа?

— Посмотрим! А теперь, Камилла, пора в кровать!

Когда Камилла и Нанетт ушли спать, Мари заперла входную дверь и с мечтательной улыбкой на губах поднялась на второй этаж. Адриан ждал ее на широкой постели, где они занимались любовью так же страстно, как и в первые месяцы после свадьбы. Каждый вечер, ложась с ним рядом и прижимаясь к его горячему телу, она забывала прошлое, которое внезапно напомнило о себе в этот декабрьский вечер 1945 года...

Перед тем как лечь, Мари в последний раз посмотрела на маленькое изображение Пресвятой Девы Обазинской, висевшее на стене над кроватью. Потом скользнула под одеяло и с жаром прильнула к Адриану.

Глава 5

Возвращение в «Бори»

3 июля 1946 года

Адриан припарковал свой «Ситроен Траксьон» — недавнее приобретение — перед металлической оградой «Бори». Мари вздохнула. Она волновалась каждый раз, приезжая в Прессиньяк. Здесь все навевало воспоминания, иногда печальные, иногда очень счастливые. И ей не удавалось скрыть свои эмоции, потому что в этих местах в свои права вступало прошлое.

Камилле, которая сидела на заднем сиденье, еще не был знаком горьковато-сладкий вкус ностальгии. Девочку переполняла радость, она все воспринимала с энтузиазмом. Вот и сейчас она порывисто обняла сидевшую рядом Нанетт. Половину пути старушка мирно дремала.

— Мы уже приехали? — спросила она, зевая.

— Конечно, ба! — громко ответила Камилла. — Мы проехали через весь поселок и мимо школы, в которой когда-то работала мама!

— Я чуть не каждый день смотрела на эту школу, когда тебя еще и на свете не было, моя курочка! — ворчливо отозвалась Нанетт.

Камилла, не теряя ни секунды, выскочила из автомобиля и побежала по аллее, ведущей к особняку. Она была так рада снова оказаться здесь, в месте, которое стало магическим благодаря рассказам матери и Нанетт о тех временах, когда они обе здесь жили.

Мари и Адриану пришлось дожидаться Нанетт. Старушка не торопилась. Отряхнув и расправив платье — из дому она выходила редко, и потому для нее было важно производить хорошее впечатление, — она оперлась на поданную ей Адрианом руку. Доктор Меснье всегда помогал ей выйти из машины. Наконец они втроем не торопясь пошли по главной аллее. Камилла уже бежала им навстречу с радостной улыбкой:

— Посмотрите-ка на ель! Кажется, она еще больше выросла с тех пор, когда мы приезжали в последний раз! Мама, посмотри, какие розы! Всех цветов!

— Да, Камилла, розы прекрасные! Наша Лизон воплотила мою мечту — создать в «Бори» розарий. Глаз радуется — столько их здесь! И я уверена, что не знаю большинства сортов. У твоей сестры легкая рука, она

превратила парк в рай! Моя маленькая Элиза... Она ведь родилась здесь...

Лизон, которую никто, кроме матери, не называл Элизой, должно быть, увидела их в окно. Она поспешила выйти из дома, держа за руку сына и прижимая к груди Бертий, свою младшую дочь. Старшая дочь Мари была очень привлекательной женщиной. Светло-русые волосы она собрала на затылке в пучок, из которого не выбивалась ни одна прядь. В блузке в голубой горошек и широкой белой юбке с кожаным пояском, она показалась Камилле такой же красивой, как и модели на фотографиях в журнале, которые девочка так любила рассматривать.

— Мама, Лизон очень красивая, правда?

— И всегда улыбается, — доброжелательным тоном добавил Адриан.

Мари кивком выразила свое согласие и невольно залюбовалась чудесной картиной, которую являла собой ее старшая дочь с детьми. Они с Лизон всегда прекрасно понимали друг друга, тем более что и профессия у них была одинаковая. Стоило им встретиться, они тут же заводили разговор о своих учениках.

«Моя ласковая Лизон! — подумала Мари. — Как я ею горжусь! У нее золотое сердце. Она не утратила черт, которые так мне нравились, когда она была ребенком, — покладистости и самоотверженности».

Элиза, улыбаясь, торопливо шла им навстречу. Жан, которому скоро должно было исполниться три, засмеялся от радости, увидев «Траксьон». Было очевидно, что мальчику очень нравятся автомобили. В Прессиньяке машины можно было увидеть не слишком часто, потому это зрелище не утратило для ребенка прелести новизны.

Увидев Камиллу, маленький Жан вырвался, подбежал к своей тете и прижался к ней. Камилла с улыбкой склонилась и обняла мальчика. Бертий между тем уже протягивала к тете свои пухленькие ручки в надежде, что та возьмет ее на руки.

— Мой Жанно! Ты так вырос! А ты, Бертий, стала такой красавицей!

Дети обожали свою «тата Ками», как они ее называли. Лизон знала, что может со спокойной душой доверить девочке детей — они будут в надежных руках.

Нанетт чувствовала себя «на коне» — она снова в родных местах! Единственное, чего ей не хватало — это привлечь всеобщее внимание. На патуа она пожаловалась, что все хуже переносит поездку и все тело у нее занемело. Потом, уже на французском, плаксивым тоном добавила:

— Это последний раз я согласилась ехать, слышишь, Лизон? Подумать только, ради кого я так мучаюсь! Ради этой поганки Элоди Прессиге! Это надо же — в таком возрасте показываться на глаза муссюру кюре! Не

всегда она бывала такой щепетильной, тысяча ангелов!

Мари спокойно слушала иеремиады Нанетт, поскольку это уже стало традицией. Их связывали настолько теплые отношения, что для размолвки нужно было нечто куда более существенное, чем эти жалобы. И все же она решила шутливо ее пожурить:

— Нан, дорогая, попридержи язычок! И перестань браниться, пожалуйста! Ты так радовалась, что едешь в Прессиньяк. Постарайся сохранить хорошее настроение.

— И когда это я ругалась? Просто и тысячи ангелов не хватит, чтобы сделать Элоди хоть чуточку добрее!

— Нанетт, не говори так!

— Ладно, я молчу! Но мы так долго ехали... С моими-то суставами... Посмотри-ка на ферму! Когда-то я там хозяйничала! Мне больно видеть ее заброшенной, и эти поля, которые засеивал мой Жак... Я, может, и ворчливая старуха, но у меня еще глаза, а не дырки! Ограда вся поросла колючими кустами, вот несчастье!

Лизон положила конец сетованиям бабушки: крепко взяв ее за руку, она поцеловала старушку в щеку и сказала примирительно:

— Не убивайся так из-за фермы, бабушка. Только дом стоит пустой. Луга арендовал молодой фермер из поселка. Он уже скошил сено. Перестань ворчать! Венсан ждет нас за обеденным столом. Ты уже видела мои розы? Они так разрослись! Я обрезала их так, как ты посоветовала.

Опираясь на руку внучки, Нанетт потихоньку пошла вверх, к дому. Мари, которую Адриан обнял за талию, с наслаждением вдыхала благоуханный аромат парка. У нее дрогнуло сердце, когда она увидела каменную скамью, на которой так любила читать и укачивать детей после кормления грудью. На мгновение ей даже показалось, что отец вот-вот появится на аллее, такой элегантный в своем бархатном костюме и в черной фетровой шляпе на седых волосах...

— Мой дорогой отец! — прошептала она. — После обеда я схожу на кладбище, отнесу цветы на его могилу.

— Я пойду с тобой, — тихо отозвался Адриан. — Мне очень жаль, что я не застал мсье Кюзенака в живых, но я все равно буду рад составить тебе компанию. Я знаю, как ты его любила...

Мари в очередной раз была глубоко тронута деликатностью своего супруга и радовалась тому, что между ними царит взаимопонимание. Под ослепительным июльским солнцем они заговорщицки улыбнулись друг другу.

— Прекрасное выдалось лето! Гроз почти не было. Хорошая пора для

каникул. И у меня есть еще один повод быть довольной: представляешь, мам, я начала получать пособие на детей в специальной кассе! Они положены мне по закону Ландри, который приняли в 1932-ом, ведь у меня двое детей младше пятнадцати лет. Теперь у меня есть дополнительный источник дохода! На первые деньги я купила Жану в Лиможе новые ботиночки.

— И хорошо сделала, — отозвалась Мари. — Счастье, что власти стали уделять внимание социальной политике! Правда, пришлось дожидаться 13 мая, когда в Коррезе открылось отделение Национальной кассы по выплате пособий многодетным семьям. Эти пособия облегчат жизнь многим семьям. У рабочих карьеров бывает и по шестеро детей, и всех их нужно кормить!

Лизон сочувственно вздохнула. Многодетные семьи и правда с трудом сводили концы с концами. Она решила для себя, что Жана и Бертий ей вполне хватит для счастья, тем более что свободного времени для них у нее было немного.

Чтобы сменить тему, она спросила весело:

— А ты, мама, купила новое платье для завтрашней церемонии?

— Купила! Адриан настоял, и я позволила себя уговорить. Но я выбрала довольно-таки простой наряд — не хотелось бы огорчать новобрачную. Скажи, Поль и Матильда ведь тоже собирались приехать? Они нас не опередили?

— Они приезжают сегодня вечером, к ужину, но придется забрать их с вокзала в Шабанэ. Мы соберемся все вместе у меня дома! — воскликнула Лизон. — Я так рада! Венсан с рассвета стоит у плиты. Ты же знаешь, как он любит готовить. Он приготовил твои знаменитые улитки в белом вине, фаршированные чесноком, бабушка Нан! Потом мы попробуем бараний окорок с фасолью. Мы несколько часов спорили насчет меню! Теперь вы понимаете, какие вы долгожданные гости?

Нанетт с готовностью закивала, отчего ее старательно накрахмаленный чепец трясся у нее на голове. Хороший обед — вещь прекрасная, но то, что он приготовлен мужчиной, в голове у Нанетт не укладывалось, ведь она продолжала жить по обычаям былых времен. Тогда женщины вели дом и помогали мужьям по хозяйству, участвовали в жатве и сенокосе. Мужья же не брались за домашнюю работу. Такой уклад давал женщине возможность устроить в доме все по своему разумению и почувствовать себя в нем полновластной хозяйкой. Нанетт ни за что и части своей власти не уступила бы даже своему Жаку, по которому так тосковала.

— Где это видано, чтобы мужчина возился на кухне! Мой Жак за всю

жизнь ни разу не прикоснулся к кастрюле! Да мне бы это и не понравилось. Его дело — ходить за скотиной и работать в поле. Все хорошо, когда каждый занимается своим делом! Как говорила моя покойная мать, половые тряпки со скатертями не смешивают!

Лизон крепко обняла бабушку. Характер у Нанетт с возрастом не становился лучше, но все уже давно привыкли к ее ворчанию. Она всегда говорила что думала, и это ничуть ее не портило, даже наоборот. Все любили Нанетт такой, какой она была, и выслушивали ее, не позволяя себе комментариев. И только Мари иногда могла ее немного пожурить. Старушка в таких случаях обижалась, но ненадолго, и вскоре они уже улыбались друг другу.

Венсан ожидал их на пороге. Это был мужчина среднего роста, с вьющимися каштановыми волосами. В его голубых глазах читались свойственные ему простота и доброта. Его мать Луиза стояла чуть поодаль.

Лизон познакомилась с Венсаном, когда получила место учительницы в Тюле, в самом начале войны. Хотя она быстро нашла работу, ее очень огорчало то, что не встречается подходящий жених. Наконец в соседней школе для мальчиков она заметила молодого учителя. Всегда доброжелательный и улыбчивый, Венсан ей сразу понравился. Во время продолжительных прогулок по старому Тюлю молодые люди обменивались мнениями о системе образования и литературе. Встречались они обычно перед городским собором, а потом рука об руку пускались в исследование полных очарования улочек, сбегаящих сверху вниз, от башни Сеги к воротам дю Мулен, по обе стороны реки Коррез. Город представлялся им учебником истории, в котором они с любопытством рассматривали красивые старинные жилища.

Лизон не устояла перед обаянием этого сдержанного и эрудированного юноши. В те времена он жил в маленькой квартирке в верхней части города. Лизон, которой очень нравились старые кварталы Тюля, любила подниматься по лестнице на улице де ла Тур-де-Маисс, чтобы повидаться с Венсаном. Она приходила запыхавшаяся, потому что поднималась, прыгая через две ступеньки. Венсан жил вместе со своей матерью Луизой, которая давно овдовела, и очень беспокоился о ее слабом здоровье. Мать полностью находилась на его иждивении, о чем Венсан сообщил Лизон, как только речь зашла о браке. Девушке Луиза, женщина добрая и скромная, пришлось по нраву. Такая же щедрая душой, как и ее мать, Лизон согласилась с тем, что жить они будут втроем.

Их жизнь очень изменилась с тех пор, как Мари подарила им «Бори». Они уехали из Тюля, сменив городскую суету на свежий воздух и тишину.

Теперь у них было столько места, сколько можно было пожелать.

Чтобы не беспокоить молодую чету, Луиза поселилась во флигеле возле конюшни, где некогда жил Алсид, конюх и садовник Кюзенаков. Она навещала их так часто, как ей хотелось, хотя Лизон предпочитала сама нянчиться с детьми.

День прошел так, как и мечтала Мари. Ностальгия, нахлынувшая в момент приезда, быстро развеялась. Очень скоро она почувствовала себя абсолютно счастливой, в сердце воцарился мир. В толстых стенах отцовского дома их ожидала приятная прохлада. Обед, обильный и изысканно-вкусный, вызвал всеобщий восторг и шквал похвал в адрес повара. Скромник Венсан тут же покраснел от смущения и удовольствия. В ходе оживленной беседы незримая нить связала поселок Прессиньяк, раскинувшийся мирно на плодородных землях, и городок Обазин с его аббатством Святого Этьена, который казался драгоценным камнем в оправе из холмов.

После трапезы все семейство вышло в парк, чтобы выпить кофе за симпатичным кованым столиком, который установил там Венсан.

— Мне хочется прогуляться! — объявила Мари. — Кто пойдет со мной?

— Я пойду за тобой и на край света! — отозвался Адриан.

— И я с удовольствием! — подхватила Лизон. — После сытного обеда прогулка поспособствует пищеварению. И на улице уже не так жарко...

Нанетт и Луиза предпочли остаться дома. Они предложили присмотреть за детьми. Малышам днем полагалось спать, поэтому Камилла поднялась в детскую, чтобы их уложить.

— Вам нужно хорошенько выспаться, мои дорогие, и тогда вечером, если вы будете слушаться бабушек Нанетт и Луизу, я покажу вам кукольный спектакль! — пообещала она им.

Бертий уже спала и даже не услышала обещания тети. Маленький Жан, глазенки которого блестели в предвкушении такого удовольствия, схватил своего плюшевого медведя и стал им размахивать, воображая, наверное, приключения, в которых его любимая игрушка играла главную роль.

Перед тем как спуститься, Камилла заглянула на чердак. В комнате горничной, в которой Мари спала несколько лет, Лизон заново оклеила стены обоями и перекрасила потолок. Мебель осталась на своих местах. При виде небольшого письменного стола с бюваром из зеленой кожи девочка представила, как Жан Кюзенак на цыпочках пробирается в комнату, чтобы тайком от своей сварливой супруги поставить здесь

металлическую кровать, плетеный стул и голубую керамическую вазу с засушенными цветами. Мари так часто рассказывала дочери об этом эпизоде из своей молодости, что Камилла без труда представила себе эту сцену. Лизон украсила комнату новым ковриком и повесила кружевные занавески.

— Подумать только, я буду спать здесь сегодня! — прошептала Камилла. — Это будет так здорово! Я возьму в библиотеке книгу и буду читать до полуночи, как мама когда-то!

***

Перед прогулкой Мари вместе с дочерьми нарезала великолепный букет роз, чтобы положить его на могилу Жана Кюзенака. Потом, легкие, как феи лугов, они пошли вниз по дороге, ведущей в Прессиньяк, вокруг которого раскинулось радующее глаз море зелени. Июль только начался, и на лугах еще стояли огромные стога сена, а воздух был насыщен стойким ароматом скошенной травы.

Венсан ответил на приветствие крестьянина, который ехал в повозке, запряженной парой лимузенских коров.

— Это мсье Турнье, он потихоньку свозит домой свое сено, — пояснил он Адриану. — Если задождит, оно может пропасть.

Мари с задумчивым видом следила за повозкой. На сиденье примостились двое детей в соломенных шляпах, защищавших их от солнца. Следом с вилами в руках шла женщина — без сомнения, их мать. Отец семейства, насвистывая, погонял животных. Золото хлебов казалось еще ярче на фоне растущих тут и там красных маков, в небе захлебывались песни птицы... Все напоминало Мари о ее детстве, которое прошло здесь, в Шаранте. Иногда они с Пьером помогали сгребать сено деревянными граблями, ручки у которых были слишком длинные для них, детей. Они делали из сена кучки, и Жак перекалывал их на телегу. Когда гора сена достигала высоты сиденья, он отвозил его на ферму, а дети в это время продолжали работать граблями. Вечером они возвращались домой, отдыхали и распряженные, наконец, животные.

Камилла бегала от обочины к обочине, собирая крошечные полевые цветы. Адриан и Венсан, с палками в руках, неторопливо шли по дороге. Местный обычай был соблюден: мужчины, беседуя, идут впереди, женщины — сзади. Такие прогулки не были редкостью, когда семья собиралась в «Бори», но сегодня все особенно радовались этому прекрасному и такому тихому дню, предвкушая удовольствие от вечернего общения, когда приедут Поль и Матильда.

Они прошли по песчаной дороге мимо «школ» — так местные называли школу для девочек и школу для мальчиков. Крытая галерея во внутреннем дворе, с двух сторон которого располагались солидные постройки, позволяла детям играть в свое удовольствие даже в дождливые дни. Взгляд Мари скользнул по окнам классной комнаты. Она увидела себя стоящей у учительского стола в ожидании, когда ученицы рассядутся за партами и можно будет начать урок. Преподавательская работа всегда приносила ей ощущение счастья...

Вскоре они дошли до старых каштанов, в тени которых было так приятно постоять. Мари с ностальгией рассматривала лавку бакалейщика, где продавался еще и табак. Они с Пьером часто бегали туда в дни ярмарки за ячменным сахаром и карамельками.

Приземистая, несколько обветшалая церковь не могла соперничать с церковью аббатства — красивым строением внушительных размеров. Но Камилле этот скромный храм нравился. Раздался колокольный звон. Три часа дня... Девочка взяла мать за руку и спросила шепотом:

— Мама, скажи, как называется этот колокол, а то я забыла... Ты мне рассказывала про него историю.

— О том, как Жак и Нанетт меня разыграли, когда я в первый раз шла в местную церковь? Они рассказывали мне про некую Марию-Антуанетту, у которой чудесный голос. Я слушала их и не решалась спросить, о ком они говорят. А оказалось — о колоколе, о том самом, который звонит и теперь!

Наконец они вошли на территорию кладбища. Остановившись перед могилой отца, взволнованная Мари с трудом сдерживала слезы. Сердце сироты не могло утешиться после потери этого так поздно обретенного родного человека, несмотря на то что Адриану удалось восполнить эту потерю и сделать ее абсолютно счастливой. Однако она не захотела слезами портить настроение своим спутникам.

— Я такая эмоциональная! — сказала она извиняющимся тоном. — Со времен войны я плачу без особой причины. Не обращайтесь на меня внимания!

— Мамочка, не извиняйся, в этом нет ничего плохого, — возразила Лизон. — Это время было трудным для всех нас. А ты так волновалась о Поле и Адриане!

Мари кивнула в знак согласия. Взгляд ее остановился на фотографии, которую по ее распоряжению прикрепили к гранитному надгробному кресту: пятидесятилетний Жан Кюзенак спокойно смотрел вдаль. В его взгляде было столько ласки и доброты...

— Мне бы хотелось знать твоего папу, — шепнула ей Камилла.

— Он тоже был бы рад тебя узнать, дорогая! Он был таким добрым и любящим! — отозвалась Мари. — А еще — щедрым, справедливым... Он бы обожал тебя... Думаю, он оберегает нас, находясь на небесах.

Последние слова она произнесла едва слышным шепотом. Адриан обнял супругу за плечи.

— Идем, Мари! Жизнь продолжается, не забывай об этом.

И они пошли обратно. Лизон и Венсан вели за руки Камиллу, которой немного взгрустнулось. Вскоре они снова оказались на центральной площади поселка. Они обошли ее по кругу, прошли мимо лавочки саботье, затем мимо мастерской тележника, перед которой высились горы колес — поломанных и новых. У последнего работы было немало, хотя количество автомобилей в этих краях постоянно увеличивалось, не говоря уже о проезжающих через поселок.

Перед булочной, откуда разносился вкусный запах еще теплого хлеба, они столкнулись с Элоди Прессиго. Исхудавшее лицо, опаленное солнцем и иссушенное ветрами, неопрятные волосы искусственного светлого оттенка, слегка согбенные плечи — будущая новобрачная имела жалкий вид. Камилла с тяжелым сердцем пожалала ей руку. Что бы ни говорила мать, Элоди точно была похожа на ведьму!

— Вся семья в сборе, как я посмотрю! Очень любезно с вашей стороны проделать такой долгий путь, чтобы побывать у меня на свадьбе. У нас будет много гостей, я так и заявила моему Фирмену! Он славный парень, вы сами завтра увидите! — сказала Элоди.

Мари ей улыбнулась, несмотря на свое очевидное замешательство. Адриан был не больше нее расположен к подобного рода беседам, однако он отозвался со свойственной ему галантностью:

— Да, завтра увидимся, дорогая мадам Элоди! Ровно в десять мы будем у церкви!

Элоди была не прочь поболтать еще, но Мари вежливо простилась. Камилла обогнала мать и зашагала рядом с Венсаном, которому не хотелось задерживаться в поселке, — он и так частенько бывал там. Он предложил всей компанией сходить в Волчий лес и поискать шампиньоны.

— Возьми с собой Адриана и Камиллу, — предложила зятю Мари. — Я возвращаюсь в «Бори». А ты, Лизон?

— Я пойду с Венсаном, мамочка. Если, конечно, тебе не будет грустно возвращаться домой одной...

Камилла схватила мать за руку.

— Не беспокойся, Лизон, — я иду с мамой. Я обещала Жану и Бертий показать им кукольный театр.

Мари вздохнула с облегчением. Ей совсем не хотелось бродить под кронами Волчьего леса. Одного названия было достаточно, чтобы погрузить ее в омут воспоминаний.

«Там я пообещала Пьеру стать его женой... А он поклялся, что будет всегда меня любить! Мы были такие юные, нам едва исполнилось по шестнадцать. Местные старики уверяли, что вода этого родника творит чудеса. Мы доверили ему свои самые заветные желания в надежде, что они исполнятся. Мне хотелось стать учительницей, и мне повезло — моя мечта осуществилась. Пьер сказал, что хочет на мне жениться и что это — его самое горячее желание...»

Камиллу долгое молчание матери удивило. Понаблюдав за ней исподтишка, она заключила, что мать мыслями перенеслась в прошлое. Девочке это казалось чудесным, ведь ее собственная жизнь, по ее мнению, была такой банальной! Подталкиваемая любопытством, она осмелилась задать вопрос:

— Мама, а ты часто бывала в Волчьем лесу?

— Часто. Это было очаровательное и безлюдное место. Теперь, когда стало меньше кустов и зарослей, люди ходят туда чаще. Давай лучше поговорим о завтрашней свадьбе и о твоём платье. Ты вынула его из чемодана, чтобы оно расправилось? Я хочу, чтобы ты была красивой! Давай я накручу тебе волосы на папильотки, и завтра ты будешь вся в кудряшках! Что скажешь?

— Почему бы и нет? Мама, а мне обязательно идти завтра с вами? Думаю, мне там будет скучно. И эта Элоди мне совсем не понравилась!

— Никто и не заставляет тебя ее любить, дорогая! — сказала на это Мари. — Разве не учили тебя на уроках Закона Божьего, что нельзя судить о людях по их внешности? Не суди Элоди строго. Разве она виновата, что не родилась с таким симпатичным личиком, как у тебя? В жизни, чтоб ты знала, она пережила немало горя.

Девочка замолчала и после недолгой паузы добавила неуверенно:

— А бабушка Нан говорит, что Элоди делала тебе гадости, и очень часто...

Мари подсадовала про себя на болтливость Нанетт, которая если уж питала к кому-либо неприязнь, то не стеснялась продемонстрировать это при каждом удобном случае. Что еще она могла рассказать Камилле? О некоторых событиях жизни матери девочка не имела представления. И никто не собирался объяснять ей, каким образом связана Элоди Прессиго с их семьей. Мари пояснила с улыбкой, которая, несмотря на все ее усилия, получилась вымученной:

— Элоди, как ты помнишь, была дочкой старой Фаншон, служанки Кюзенаков. Когда я жила в «Бори», Элоди с матерью приходили стирать белье. Видела бы ты их с тачками и стиральными досками! Головы они повязывали старыми платками и так и сыпали сплетнями. Элоди смотрела на меня презрительно и подтрунивала надо мной, ведь она была на пять лет старше. Для нее я была девчонкой. Сама она уже была симпатичной девушкой и любила танцевать на деревенских праздниках. Теперь ты сама видишь, что ни у меня, ни у нее нет причин для неприязни. И уж тем более не за что называть ее ведьмой!

— Насмехаться над младшими нехорошо! — не сдавалась Камилла.

— Я простила ее, как меня учили дорогие сестры в обазинском приюте. А когда я стала «барышней из “Бори”», Элоди наверняка мне завидовала. Сама она вышла замуж как раз перед началом войны, в 1914 году.

Мари не стала объяснять дочери причину столь поспешного бракосочетания. Нанетт сказала бы, что Элоди «согрешила» — она ждала ребенка.

— И вот она вышла замуж и у них с мужем должен был появиться ребенок. Жизнь обещала быть простой и приятной, но увы — ее супруг погиб на войне, как и сотни других. Как грустно! Это была настоящая бойня, Камилла! Наши края совсем опустели, потому что молодые мужчины и даже не очень молодые — все уходили на фронт. Оставшись вдовой, Элоди жила с ребенком на крошечную пенсию. Всю жизнь она подрабатывала тем, что убирала в домах других людей. Ты только представь себе, как это тяжело!

Камилла кивнула, следя глазами за полетом черно-белой сороки, — ей показалось, что птица их преследует.

— А потом, — продолжала Мари, которой хотелось, чтобы сердце дочери научилось прощать, — Элоди потеряла младшего сына, Клода. Он был в отряде маки во время Второй мировой, здесь, в Коррезе, и погиб в бою. Я с ужасом вспоминаю то страшное время. Клод был хорошим парнем. Сначала Элоди потеряла мужа, потом сына. Для матери не может быть ничего страшнее!

Мари снова сознательно умолчала о некоторых моментах их взаимоотношений. Камилле не следовало знать, что Элоди требовала у нее деньги, все чаще и больше, на воспитание своего Клода. Адриану пришлось почтовым переводом пересылать ей немалые суммы, лишь бы только сохранить мир в семье, а в особенности покой исстрадавшейся Нанетт, которая понятия не имела о существовании этого

незаконнорожденного ребенка. Она так горевала после смерти сына, Пьера, зачем же было делать ей еще больнее? У погибшего за родину в таком юном возрасте Клода и Поля, Матильды и Лизон был один отец. Этого Камилла тоже не знала.

«Как объяснить девочке, которой всего тринадцать, что отношения между людьми бывают очень сложными? — спрашивала себя Мари, крепко сжимая в руке ручку дочери. — Я не могу признаться ей, что Пьер обманывал меня с Элоди и что в этом есть доля моей вины. Я не смогла удовлетворить его потребности. Он так желал меня, а я давала ему так мало... Не то, чего он хотел... Когда она повзрослеет, я все ей расскажу. Не хочу, чтобы она думала, будто я ее обманываю!»

Камилла внимательно слушала объяснения матери. Ей было немного стыдно за то, что она так нехорошо говорила о человеке, которого совсем не знала. И все же Элоди казалась ей женщиной, которой нельзя доверять, и она ничего не могла с этим поделать.

Вскоре за поворотом дороги появился красивый особняк на вершине холма. Камилла ускорила шаг, желая поскорее оказаться в спокойной обстановке старого дома, где в гостиной пахло воском, которым натерли мебель, а пол в просторной кухне по давней традиции был выложен плиткой... Да и племянники, должно быть, уже заждались ее в предвкушении долгого вечера с играми и, конечно, кукольным спектаклем.

— Не волнуйся, мамочка, я буду со всеми вежливой и постараюсь завтра не скучать на свадьбе! — сказала она. — Но... я немного боюсь этих мальчишек из поселка. На Пасху они обозвали меня мерзкой мещанкой, когда я сказала, что мой папа — доктор!

— Сочувствую тебе! Но они просто глупые дети. Когда я была твоего возраста, в поселке меня дразнили «drolla bastarda», что означает «незаконнорожденная». И только за то, что раньше я жила в приюте. Не бойся, Поль сумеет тебя защитить. У тебя золотой старший брат, помни об этом. Он никому не позволит тебя обидеть!

Успокоенная девочка поцеловала мать. Мари, видя, что Камилла так и не прониклась добрыми чувствами к Элоди, несмотря на все ее усилия, решила попытаться снова:

— Хочу, чтобы ты знала еще кое-что, дорогая, — сказала она. — В последнюю войну Элоди, которая очень переживала из-за сына, приехала к нам в Обазин, чтобы узнать о нем. Мы с твоим отцом приняли в своем доме эту жалкую, убитую горем женщину. Даже Нанетт ее пожалела. Поэтому сегодня я радуюсь, что она выходит замуж за этого господина Фирмена Варандо, у которого, думается, есть кое-какие средства. Ему не хотелось

доживать свои дни в одиночестве, и он предложил Элоди выйти за него замуж. Теперь она отдохнет, и она это заслужила! Уверяю тебя, она вовсе не плохой человек!

Камилла кивком дала понять, что усвоила урок. Вообще-то судьба Элоди не слишком ее интересовала. Она больше думала о том, что скоро увидится со старшим братом, которого обожала. Только это сейчас имело значение.

— Я так рада, что увижу Поля! — воскликнула она. — С тех пор, как он открыл страховое бюро в Лиможе, он стал так редко приезжать в Обазин!

— Ты права, моя Камила, но ведь он часто нам пишет! И сегодня нам особенно повезло, ведь приедет и Матильда! Думаю, скоро она выйдет замуж. О, посмотри-ка, кто вышел нас встречать, — Нанетт и малыши!

Растроганные Камила и Мари обменялись взглядами. В золотистом вечернем свете пожилая женщина в черных, если не считать белоснежного чепца, одеждах, одной рукой державшая за ручку Жана, а второй прижимавшая к своей груди Бертий, представляла собой необычное и вместе с тем волнующее зрелище.

— А вот и вы, мои курочки! — воскликнула Нанетт. — Посмотрели бы вы, как эти двое слушаются свою прабабушку! Ангелы, да и только...

Глава 6

Свадьба в Прессиньяке

4 июля 1946 года

На площади в Прессиньяке собралась оживленная и шумливая толпа. Церемония бракосочетания в таких маленьких сельских общинах всегда вызывает живой интерес, а Элоди и ее суженый Фирмен Варандо пригласили на свадьбу добрую половину жителей поселка. Здесь были крестьяне и торговцы с супругами, старики в надвинутых на глаза беретах, опирающиеся на палочки, и весь этот «бомонд» совершенно спокойно соседствовал с персонами куда более значительными — мэром, нотариусом, их женами и детьми.

Мари с некоторым смущением наблюдала за всеобщим оживлением. Она знала большую часть собравшихся, и все же ее не покидало ощущение, что для жителей поселка она стала чужой. Казалось, невидимый барьер теперь отделял ее ото всех этих людей. Она узнала и некоторых своих бывших учениц, но так и не решилась ни к одной из них подойти. И это ее немного огорчало.

«Я слишком нарядно оделась, — упрекала она себя. — Я же говорила Адриану! Эта шляпа из органди, бежевое шелковое платье... Это слишком роскошно! Они-то запомнили меня девчонкой в галошах... И вот я являюсь сюда, разряженная в пух и прах, этакая супруга доктора!»

Эти размышления удерживали ее от участия в общем веселье. Она стояла у подножия памятника погибшим в войне 1914—1918 годов. На постаменте стоял солдат пуалю^[4], в руке у него была винтовка, на голове — каска. Возвышаясь над хохочущими, наряженными в яркие одежды жителями поселка, собравшимися здесь в этот летний день 1946 года, он, казалось, со строгим видом наблюдал за ними.

Но не только Мари чувствовала себя не в своей тарелке. Те же ощущения испытывала и Элоди. По правде говоря, в сельской местности нечасто увидишь пару старше пятидесяти, решившуюся предстать перед кюре. Будущая новобрачная успела пожалеть о том, что пригласила столько народа. Ей приходилось прокладывать себе путь сквозь толпу, держа под руку своего седовласого жениха.

— Смотрите-ка, Фирмен и Элоди! Они идут!

Лизон и Матильда воспользовались тем, что толпа немного отхлынула, чтобы подойти ближе к своей матери. На старшей дочери Мари было светлое простое платье, из украшений она надела только нитку жемчуга. А вот экстравагантный наряд средней вызывал возгласы восторга и удивления. Скромность была Матильде неведома. Она знала, что все считают ее очень красивой, и любила привлекать к себе взгляды. Сегодня на ней было туго стянутое в талии красное платье с головокружительным декольте. От отца она унаследовала не только черные волосы и смуглую кожу, которая уже успела немного загореть, но и выразительные черты лица и красивые карие глаза. Мари долго любовалась ею, но к восхищению примешивалось раздражение. Наконец она сказала:

— Матильда, тебе не стоило так сильно краситься! Что, увидев тебя, подумает кюре? В Дом Божий не входят с такой раскраской на лице!

— Мама, у тебя талант портить людям настроение! Разве ты не заметила, что моя помада подобрана в тон платья? Я купила его специально для этого дня. В Бриве это последняя мода! Побольше цвета, веселья... Война закончилась! Хватит лишений, и да здравствует Америка! В последнем фильме, что я видела, исполнительница главной роли, Ава Гарднер, была накрашена, как я! Кстати, говорят, я на нее похожа. И мой жених так считает. А ты что скажешь?

— И где он, этот отважный юноша? — прыснула Лизон.

Матильда тряхнула черными волосами и ответила в таком же шутливом тоне:

— Я не захотела брать его с собой! Эрве настаивал, он хотел со всеми вами познакомиться, но я была против! Я хочу насладиться обществом родственников... по-холостяцки. Хотя бы еще раз!

Свободные манеры Матильды и ее современный лексикон приводили ее родных в замешательство. Молодая женщина была похожа на бурлящий родник, вечно куда-то стремящийся, свободный и неукротимый. Маленькая дикая кошечка, которая требует к себе внимания и ласки, искусно пряча свои страхи и слабости за игривостью и острыми коготками, — Матильда была выше их понимания. И тем не менее все они любили ее и принимали такой, какая она есть.

Мари воздержалась от дальнейших комментариев: дочь она все равно не могла изменить. Она поискала глазами Адриана и увидела, что он оживленно беседует с помощником мэра. Пару минут она рассматривала своего любимого мужа, того, кто сумел приручить ее тело и душу. Он был таким красивым! Высокий рост и горделивая посадка головы делали его похожим на английского джентльмена, серебристые волосы поблескивали

на солнце. Ей захотелось пробраться сквозь толпу к нему, подойти и прошептать на ухо слова нежности, которые уже готовы были сорваться с ее губ: «Моя любовь, мой нежный и такой красивый Адриан! Знаешь ли ты, как сильно я тебя люблю? Если бы я могла выйти за тебя второй раз, я бы не колебалась ни секунды...»

В этот момент в поле ее зрения появились Поль и Камилла. Она перевела взгляд на младшую дочь. В атласном розовом платье с пышными рукавами девочка была хорошенькой, как картинка. Прическа из завитых волос удивительно шла ей, а прыгающие у лба кудряшки придавали шаловливый вид. Поль в своем строгом сером костюме в полоску был очень привлекательным.

«Он тоже похож на меня, — подумала Мари. — У него мой подбородок и мой лоб. Волосы чуть светлее, почти как у моего отца. Только Матильда взяла много от Пьера, и не только во внешности, но и в характере... Увы!»

Да, Пьер был раздражительным и гневливым. Мари вспомнила его приступы холодной ярости, раскаты его голоса... Сколько раз он грохал по столу своим крепким кулаком... Причиной всех этих перепадов настроения были страдания, которые он скрывал и которые Мари, тем не менее, легко читала по его лицу. Ревность! Вожделение! Невысказанные желания! Фрустрация! Она так и не смогла стать такой подругой этому страстному мужчине, какая была ему нужна. И ее природной мягкости оказалось недостаточно, чтобы спасти их супружеский союз. Пьер искал свою вторую половинку — женщину, сжигаемую таким же сильным огнем, какой полыхал и в нем самом... Мари же была полной противоположностью его идеала. В своей дочери она узнавала то же отсутствие чувства меры, тот же пылкий темперамент и... неспособность прислушаться к голосу разума. Матильда временами позволяла себя уговорить, однако ее натура всегда брала верх.

«Интересно посмотреть на ее счастливого избранника, сумевшего завоевать ее сердце и не обжечь при этом себе крылья... Что ж, будущее покажет, как долго бедный Эрве продержится с ней рядом. Только бы Матильда была счастлива в супружестве!» — со вздохом подумала Мари.

Наконец к ней вернулся Адриан в сопровождении Венсана. Судя по их лицам, оба были довольны общением с жителями Прессиньяка.

— Знаешь, Мари, хорошенькие же вещи я узнал о сегодняшнем новобрачном! — сказал ей тихо Адриан. — Говорят, он обогатился на спекуляциях где-то в Лиможе, если я правильно понял. И он даже этого не скрывает! Невероятно! Война не для всех стала несчастьем. Какой стыд! И

все же наш мсье не любит, когда ему об этом напоминают.

— Заметьте, в наших краях он такой не один, — сердито отозвался Венсан. — Я и других знаю. В школе мальчики иногда невольно проговариваются о том, чем их родители занимались во время оккупации.

Мари посмотрела на мужчин умоляюще и сказала:

— Война закончилась, забудем о прошлом! Более того, мы никогда не узнаем об этом правды. И не нужно принимать на веру все слухи: здесь, в Прессиньяке, — я это знаю по своему опыту, — у людей длинные языки!

Послышались возгласы, смех и приветственные крики. Новобрачные здоровались с гостями, пожимали протянутые руки, расцеловывали в щечки детей. В белом платье с золотым пояском, Элоди, казалось, пребывала на вершине блаженства и была горда собой. Маленькая соломенная шляпка с короткой вуалью слегка притеняла ее лицо с печатью прожитых лет. Она была красиво причесана, но накрашена так же чрезмерно, как и Матильда.

Перед тем как подняться на паперть, Элоди обвела взглядом собравшихся и, заметив Мари, помахала ей рукой. Адриан шепнул жене:

— Элоди нас увидела! Полагаю, она хочет представить нам своего будущего супруга. Нам точно нужно к ней сейчас подойти?

— Давай будем любезными, — так же тихо отозвалась Мари, — и пойдем поздороваемся. Это элементарная вежливость.

Адриан с уважением посмотрел на жену. Природная доброта Мари не переставала его удивлять. Она простила Элоди зависть и обиды, она даже пыталась быть любезной по отношению к этой мегере, когда-то без угрызений совести вымогавшей у них деньги.

— Дорогая, какое счастье, что я на тебе женился! Твоя добросердечность меня поражает! Кто угодно на твоём месте ненавидел бы Элоди.

— Думаю, ты прав, — сказала Мари тихо. — Но к чему ведет ненависть? И Господь учит нас прощать.

Чета Меснье двинулась вперед. Гости, впечатленные элегантностью их нарядов, а еще больше их общественным положением, размыкали свои ряды, давая им пройти. Разговоры стихли, все наострило уши, чтобы услышать, если получится, хотя бы обрывки разговора между ними и женихом с невестой.

— Фирмен! — позвала Элоди, которой было приятно показать, какие у нее связи в обществе. — Хочу представить тебе наших почетных гостей — Мари, ту самую, ее еще прозвали «Мари из “Волчьего Леса”», и ее супруга, доктора Меснье. Были времена, когда они мне здорово помогли...

Фирмен Варандо круглыми от удивления глазами смотрел на Мари. У этого шестидесятилетнего господина была не слишком приятная наружность: лысина, лицо с красными прожилками, довольно полный... Воспитание тоже оставляло желать лучшего, поскольку он воскликнул с явным изумлением и очень громко, так что его услышала вся притихшая площадь:

— Черт побери, Элоди! Ты надо мной смеешься! Это не может быть та Мари, о которой ты мне все уши прожужжала!

— Говорю тебе, это она! — тоже громко ответила невеста, дергая его за руку.

— Но... Ты говорила, она наших с тобой лет... А передо мной молодая и симпатичная дама, с которой я охотно пошел бы танцевать! Настоящая красавица!

— Ты несешь вздор! — сердито одернула его обиженная Элоди. — Мари, скажите ему сами! Иначе он с места не сдвинется, а мсье кюре нас уже ждет!

Адриан отвернулся, силясь сдержать приступ гомерического хохота. Ситуация стала затруднительной для самой Мари, которая, чтобы Элоди не расстраивалась, поспешила положить конец нелепой сцене:

— Мсье Варандо, я и правда та самая «Мари из “Волчьего Леса”»! Благодарю вас за комплименты, хоть и не думаю, что я их заслужила. Что до танца, то об этом мы поговорим позже. Элоди права: вас ожидает отец Андрэ, и Мария-Антуанетта уже качается — так ей не терпится ознаменовать своим звоном ваш союз. Нужно идти!

Мари говорила негромко, при этом ободряюще улыбаясь Элоди. Она не заметила, каким недобрым взглядом ответила ей пока еще невеста.

Появление Поля разрядило обстановку, и каждый вернулся к исполнению своей роли на этом празднике. Молодой человек увлек мать и отчима за собой. Элоди поймала руку своего возлюбленного, и пара, наконец, направилась в церковь, по пути обмениваясь колкими фразами.

— Я тебе это припомню! — сказала она Фирмену. — Не слишком ты церемонишься, любой бабенке начинаешь зубы заговаривать... И это в день нашей свадьбы! Ты мне за это заплатишь!

— Ты мне столько гадостей наговорила про эту женщину... Я поверить не мог, что это — та самая Мари! — отвечал на это Фирмен. — На вид-то она — чистый ангел!

— Как говорится, не все то золото, что блестит! Эта каналья кого хочешь обведет вокруг пальца! Сначала строила из себя принцессу в «Бори», потом вышла замуж за доктора из Обазина! А ее платье? Ты видел

ее платье?

— Еще бы! — игриво отозвался Фирмен. — Но больше я примечал то, что под платьем! И скажу тебе, ради этого стоило задержаться!

Элоди попыталась сделать вид, что ее позабавило это замечание, однако ей плохо удавалось скрывать раздражение. Наконец они переступили порог церкви и направились по центральному проходу к алтарю. Гости, толкаясь, следовали за ними.

Поль, как и подобает внимательному сыну, вместе с матерью и отчимом подождал, пока закончится суতোлка.

— Теперь можно идти. Народу собралось столько, что нам не хватит мест, если мы не поторопимся!

Во время церемонии Мари почти не слышала слов священника. Она не чувствовала себя причастной к происходящему, не питала особой привязанности к невесте и жениху и не имела особого повода радоваться их союзу. Взгляд ее блуждал по нефу, хорам и витражам, сердце сжималось от боли. В этом таком знакомом месте 30 апреля 1916 года состоялась другая церемония, в которой она была одним из главных действующих лиц.

«Здесь я вышла за Пьера. Он был такой красивый в своем черном бархатном костюме! Он шел ко мне, стараясь не хромать, ведь у него был протез. Бедный! Какое несчастье — лишиться ноги! После этого характер у него испортился. И все же я его любила. И была уверена в своих чувствах. Я еще не знала, что такое любовь... Я была так молода и невинна...»

Когда новобрачные обменялись кольцами, заиграла фисгармония. Музыка взволновала Мари, которая на этот раз вспомнила о похоронах отца, состоявшихся в декабре 1922 года. Жана Кюзенака в этих краях очень любили, поэтому церковь с трудом вмещала тех, кто пришел проводить его в последний путь.

Мари уже готова была заплакать, а потому вздрогнула, когда сын Поль тронул ее за руку и прошептал:

— Мам, посмотри на очаровательную девушку, которая так хорошо играет! Ты ее, случайно, не знаешь?

Мари поднялась на цыпочки и увидела девушку с длинными прямыми волосами ярко-рыжего цвета. Она была абсолютно поглощена игрой: взгляд скользил по партитуре, ловкие пальцы — по клавишам.

— Нет, я не знаю, кто это. Но я уже так давно не живу в Прессиньяке!

— Жаль, — прошептал Поль с мечтательной улыбкой, которую тоже унаследовал от матери. — Я нахожу ее восхитительной!

— Нас пригласили на свадебный банкет, дорогой. Возможно, там ты сможешь рассмотреть ее как следует.

— Надеюсь! Кое-что нас уже объединяет — любовь к музыке.

Мари едва заметно усмехнулась. Интерес сына к этой еще незнакомой музыкантше отвлек ее от печальных мыслей. Поль купил себе аккордеон и довольно неплохо на нем играл.

— Слава Богу, церемония заканчивается... — со вздохом прошептал Адриан на ухо супруге. — Не могу дождаться, когда мы окажемся на свежем воздухе. Не находишь, дорогая, что церемония бракосочетания нашей общей знакомой, Амели Лажуани, была намного трогательнее и... приятнее?

Матильда и Камилла, которые услышали его последние слова, закивали. Они о свадьбе подруги сохранили самые теплые воспоминания.

Восьмого июня этого года Амели вышла замуж за Леона Канара, брата милой Жаннетт. Аббатскую церковь для церемонии украсили цветами, дорогу к алтарю усыпали розовыми лепестками. Обряд венчания совершил не кто иной, как аббат Бурду. Перед фисгармонией стояли мать Мари-де-Гонзаг и сироты — они вкладывали в пение всю душу. Церемония получилась необыкновенно трогательной, и Мари тогда ободряюще улыбалась взволнованной невесте.

— Свадьбы бывают разные, — заключила Лизон.

Молодая женщина вспоминала свое торжество, еще крепче сжимая руку Венсана. Луиза и Нанетт сидели чуть поодаль и шепотом обменивались впечатлениями, посматривая на Жана и Бертий, которые зевали от скуки, но сидели смирно.

Из церкви Элоди вышла в прекрасном расположении духа, сжимая руку своего супруга. Теперь она для всех была мадам Варандо, чему несказанно радовалась. Фирмен тоже всем улыбался, вертя головой. Он был счастлив тем, что в этот праздничный день все взгляды обращены на него. Он поселился в Прессиньяке около года назад, и в голове у него зрела масса проектов, в том числе и занять пост мэра.

— Вот они удивятся, когда увидят накрытые столы, Элоди! — шепнул он жене. — Я не поспешил на угощение. Вино будет литься рекой, я заказал даже шампанское! Теперь расслабься и будем праздновать!

Элоди вздохнула с облегчением. Фирмен пообещал ей жизнь в достатке. И он не соврал. «Теперь пришло время забыть о своих горестях, — повторяла она про себя. — Никогда мне больше не придется убираться в чужих домах! Никто больше не станет обращаться со мной, как с прислугой. В будущем всем придется относиться ко мне уважительно, а не то...»

Между церемонией венчания и началом банкета образовалась пауза.

Гости, собравшись на паперти, разговаривали и шутили в свое удовольствие.

Луиза воспользовалась моментом, чтобы уйти вместе с маленькой Бертий. Церемония и так была слишком долгой для такой малышки, поэтому, чтобы не заставлять ее скучать на банкете, мать Венсана сама предложила отвести ее домой и остаться там вместе с ней. Адриан отвез их в «Бори» на своем «Траксьоне» и вернулся к семье.

Что до Нанетт, то настроение у нее было прекрасное. Сам воздух родных мест придавал ей сил, равно как и возможность увидеться со старыми знакомыми, за накрытым столом вспомнить прошлое и послушать последние сплетни. А сплетен набралось за эти несколько лет немало: рождения, смерти, перемены в жизни у одних, у других... Разговоров хватило бы и не на один банкет. Она произнесла тихо:

«Es malaisat d'aver la chamisa neta e lo cuu chijos!»^[5]

Стоявшая рядом с бабушкой Матильда среагировала моментально. Не такая благодушная, как мать, она терпеть не могла, когда старушка изъяснялась на патуа.

— Она снова за старое, мам! — пожаловалась молодая женщина. — Что она сказала?

Мари со смущенным видом пожала плечами и перевела:

— Что-то вроде: «Дурная молва идет за вами следом».

Камилла, которая старалась не пропустить ни слова из разговора взрослых, услышала достаточно.

— Я точно знаю, что ба сказала не так вежливо! — заявила она.

На этот раз Мари по-настоящему рассердилась. Обернувшись к Нанетт, она проговорила с укором:

— Хватит говорить глупости! Какой стыд! И о чем ты только думаешь?

Однако Нанетт не обиделась. Улыбаясь, она направилась туда, где ее ждали подруги. Вот с кем она сможет точить лясы, и при этом никто не станет ее поминутно одергивать!

Когда гости сели за стол, оказалось, что все местные старушки, одетые в черное и с лимузенскими чепцами на волосах, устроились по соседству. Нанетт словно бы растворилась среди них — у всех были седые волосы, загорелые морщинистые лица и одинаково радостные улыбки; все говорили на местном диалекте, что было очень удобно — чужаки их просто не понимали!

Фирмен Варандо торжествовал: вино лилось рекой, гости угощались на славу. Столы установили в просторном ангаре, который Варандо

прикупил вместе с близстоящим домом. Три местных женщины, исполнявшие роли официанток, бегали взад и вперед, разнося тяжелые блюда с приятно пахнущими яствами. На украшенной зелеными ветками и бумажными цветами эстраде оркестр играл модные ритурнели. Гости оживленно беседовали, и их голоса звучали все громче и громче.

Еды на столе было много, причем очень жирной, и собравшиеся обильно орошали ее спиртным. Несмотря на благие намерения, Мари начала скучать. Счастье, что рядом были дети и супруг! И она, и Адриан чувствовали себя немного не в своей тарелке. Адриан, хотя и привык общаться с фермерами и рабочими, находил, что некоторые высказывания соседей были весьма дурного тона. Отовсюду доносились грубые, а то и сальные шутки.

— Многие уже успели напиться, — прошептала Лизон на ухо Венсану. — Нашему маленькому Жану здесь не место.

— Давай я отнесу его в «Бори»! Я не хочу, чтобы ты из-за этого переживала, — ответил ей супруг, успокаивающе улыбаясь.

Даже Матильда, которая не упускала возможности развлечься, выглядела недовольной. Ей постоянно приходилось отвечать на заигрывания сидевшего рядом молодого человека с красным лицом, смотревшего на нее, как кот на сливки. Он представился кузеном новобрачного.

Камилла же не видела ничего и никого вокруг, кроме Поля. Брат только что сообщил ей, что сгорает от желания увидеть девушку, которая играла во время мессы. Услышав это, девочка расстроилась.

— Скажи, она правда нравится тебе больше, чем Мари-Эллен? — в который раз спросила она брата. — Не могу поверить! Вы так хорошо подходите друг другу! На балу в Обазине в прошлом году ты несколько раз с ней танцевал. Я точно знаю, Мари-Эллен будет тебе самой лучшей женой! И я уверена, что она в тебя влюблена! Ну, отвечай! Говори!

— Угомонись, Камилла! — увещевал сестренку Поль. — Мы с Мари-Эллен знакомы сто лет. Она для меня просто хорошая подруга. Но эта девушка... она такая красивая! Ты видела, какие у нее губы? Ее ротик похож на розовый бутон! И глаза зеленые, как листья на солнце, можешь мне поверить! Ну как ты не можешь понять? Дружба и любовь — не одно и то же...

Сомнений не оставалось: брат влюбился в таинственную незнакомку. Это было понятно по тому, как он говорил, по его сияющим глазам... Камилла вздохнула и сказала неохотно:

— Она должна жить где-то поблизости. Нужно будет поискать ее в

поселке. По улицам Прессиньяка рыжие девушки не бегают толпами!
Поль только кивнул в ответ.

Глава 7

Из огня да в полымя

Гостям начали подавать на тарелках большие куски торта с земляникой и взбитыми сливками. Несколько пар танцевали в центральной части ангара.

Оркестр часто менял репертуар. Поскольку спиртного на столах было вдоволь и многие мсье даже при большом желании уже не смогли бы станцевать джигу, музыканты решили сыграть вальс. Фирмен, услышав первые ноты «На прекрасном голубом Дунае», с трудом встал со скамьи, нетвердой походкой приблизился к Мари и схватил ее за плечо:

— Мадам Мари, приглашаю вас потанцевать, если, конечно, доктор Меснье не против.

Адриан не выказал особого энтузиазма, но все же из вежливости ответил согласием. Мари приняла приглашение, чтобы не обижать Фирмена.

Несуразная пара — Мари, стройная и грациозная, и Фирмен, толстый, красный и потный, да к тому же порядочно выпивший, — привлекла всеобщее внимание. Голоса стали звучать тише, зато желающих обсудить происходящее прибавилось. Похоже, каждому хотелось высказать свое мнение. Мари с трудом попадала в такт мелодии, поскольку ее кавалер, куда больше заинтересованный партнершей, чем собственно танцем, постоянно путался в па.

— Поль, посмотри! — воскликнула Камилла. — Мама танцует с мсье Варандо! Не хотелось бы мне быть на ее месте! Он ведь пьяный!

— И не стесняется прижимать ее к своему пузу, — отозвался Поль с заметным раздражением.

Внезапно его внимание привлекло сияние рыжих волос — прекрасная незнакомка с корзинкой в руке вошла в ангар. Походка у нее была быстрая и грациозная, и ситцевая юбка порхала вокруг стройных ножек. Желание молодого человека исполнилось! Он воскликнул:

— Камилла, это она, там! Попробую пригласить ее на танец!

— Ладно, — согласилась его младшая сестра и добавила, сгорая от любопытства: — Расскажешь, как все прошло, обещаешь?

— Обещаю.

Мари, которая заставляла себя с улыбкой смотреть на своего кавалера, дышащего ей в лицо винным перегаром, заметила, что ее сын подошел к девушке, стоявшей у эстрады. Это зрелище ее растрогало. Фирмен, заметив, что она отвлеклась, прошептал ей на ухо:

— Если бы пришлось выбирать между Элоди и вами, я бы не колебался! Вы чертовски красивая женщина! С вами и через пару лет не заскучаешь! Ваш первый муж, Пьер, был просто дурак... если позволите так выразиться, мадам! Я все знаю про вас...

Эти слова Фирмена подействовали на его партнершу, как удар тока: Мари, которая и так с трудом его выносила, не смогла стерпеть такой грубости и остановилась посреди танца. С трудом сдерживая ярость, она тихо и четко проговорила:

— Замолчите! И немедленно отпустите меня! Вы слишком крепко меня обнимаете, мсье!

Она попыталась высвободиться из его объятий, но Фирмен и правда держал ее крепко.

Все гости, в том числе, разумеется, и Элоди, с любопытством наблюдали за происходящим. Новобрачная, которая сидела, расстегнув корсаж на увядшей груди, прищурила свои серые глаза. Она сказала своей подруге, которая сидела рядом:

— Мари опять вздумала кривляться! Посмотрите только на нее! Если бы у меня не подгибались ноги, я бы встала и отвесила ей хорошую оплеуху! Ты слышала, как она говорит с моим мужем? Да кем она себя возомнила, эта мещанка?

Бакалейщик, который успел хорошенько вспотеть и развеселиться, услышав ее слова, крикнул Фирмену:

— Ты там поосторожнее, Фирмен! Твоя Элоди сердится! Оставь Мари в покое! Такую, как она, не купишь даже за те деньги, что ты заработал на черном рынке!

Венсан вздрогнул от негодования. Лизон, предчувствуя неприятности, успокаивающе погладила его по руке и шепнула:

— Гости слишком много выпили, этого следовало ожидать. Я уведу Жана. Он устал, ему пора домой. А ты лучше останься, на случай, если дойдет до выяснения отношений. Ты — школьный учитель, тебя они послушают!

— Ты права. Бери Жана и иди. Такие зрелища не для детских глаз.

Адриан с трудом сдерживался, чтобы не броситься на Фирмена и не вырвать у него из рук Мари, которую он все так же прижимал к себе. Однако ему совершенно не хотелось предстать перед гостями в образе

ревнивого супруга, поэтому он сдерживался и ждал развития событий. Вальс уже закончился, и у мужа Элоди больше не было оснований удерживать Мари.

Адриан вздохнул с облегчением, когда она вернулась и села с ним рядом. Но оказалось, что Фирмен отпустил ее лишь затем, чтобы наброситься на бакалейщика, чья шутка задела его за живое: мало того, что тот намекнул на его неблагоприятные делишки, так еще и предположил, что он не способен завоевать благосклонность какой-то там докторской жены! Новобрачный, схватив своего гостя за ворот рубашки, стащил его со стула.

— Прекрати тыкать мне в нос мои спекуляции, Робер! Ты заработал на этом не меньше моего, мерзавец! А потому закрой свою пасть! И я дважды повторять не буду!

Разозленный бакалейщик решил дать отпор и кулаком врезал грубияну по лицу. Мужчины начали драться, расталкивая танцующих. Оркестр поторопился заиграть пасадобль в надежде, что это успокоит драчунов. Музыканты давно привыкли к таким вещам: в поселках и деревнях праздничные застолья редко обходились без пьяной драки.

Элоди, разозленная даже больше, чем ее супруг, пронзительно закричала:

— Фирмен! Фирмен! Бей его, гадину!

Испуганная Камилла подбежала к Адриану. Мари погладила дочку по волосам.

— Не бойся, дорогая! Они пьяны. Но смотреть на это неприятно. Мне жаль, что все так получилось. Давай найдем Нанетт и будем возвращаться домой.

— Ты права, — согласился Адриан. — Нам незачем здесь оставаться!

Они уже вставали из-за стола, когда ситуация обострилась. Сын бакалейщика Паскаль, крепкий двадцатилетний парень, решил вызволить отца из рук Фирмена. Он полез было в драку, но путь ему преградил кузен новобрачного, тот самый, который десятью минутами ранее пытался ухаживать за Матильдой. Они сцепились. Испуганно закричали женщины.

— Адриан! — позвала мужа Мари, белая как полотно. — Это плохо закончится! Их надо разнять, пока они не поубивали друг друга!

— Я не стану этого делать! — с презрением заявил тот. — Большинство застолий заканчивается сведением счетов, вино в этом хорошо помогает. Оркестр продолжает играть, как если бы ничего не случилось! У этих музыкантов стальные нервы!

Мари вздрогнула, ощутив на своем плече чью-то руку. Это была Матильда. Девушка насмешливо улыбалась.

— Ты не слишком разнервничалась, мам? — спросила она. — А ты, Камилла?

— Мне это совсем не нравится, Матильда! Мне страшно, и они бьют посуду!

— Не бойся, маленькая сестричка! Лизон с Жаном уже ушли. Я тоже уйду и возьму тебя с собой. Ты не против? Мне не по вкусу патуа и запах чеснока. Здесь нам больше делать нечего!

Молодая женщина последние слова произнесла сухо и не без злости, как если бы стыдилась своих крестьянских корней, происхождения своего отца.

— Конечно идите, дорогие мои! — подбодрила их Мари и с облегчением проводила дочерей взглядом.

Между тем двое парней сцепились не на шутку. Свадьба превращалась в кулачный бой. Кто-то спьяну хохотал, кричали женщины, начали всхлипывать дети... Старики наблюдали за дракой, не вставая со своих мест. Таких стычек они повидали немало. С нездоровым любопытством понаблюдав за началом схватки, гости стали расходиться.

Фирмен и Робер пытались разнять парней, но безуспешно. Те бросали друг другу в лицо самые отвратительные ругательства, эхом отдававшиеся от разогретой июльским солнцем крыши ангара.

Мари, напуганная жестокостью драки, едва держалась на ногах. У нее было одно желание: уйти как можно скорее!

— Адриан, где Поль? — спросила она, нервно хватаясь за руку супруга. — Что, если они набросятся на него? Они не понимают, что делают!

— Не бойся, я видел, как он несколько минут назад вышел на улицу с рыжеволосой девушкой. Господи, да эти двое просто с ума сошли! Теперь-то их точно нужно разнять!

В голосе Адриана улавливалась паника. Мари с ужасом смотрела, как кузен Фирмена вынимает нож и выставляет его перед собой. Паскаль только усмехнулся. Потом никто не мог сказать, как все случилось. Слишком быстро... Резкие взмахи рук, столкнувшиеся в звериной жестокости тела... а потом картинка застыла: кузен новобрачного с ножом в руке стоял и ошарашенно смотрел на распростертого на земле сына бакалейщика. Раздались испуганные крики, выведшие участников драмы из состояния шока.

— Паскаль! — кричал Робер. — Мальчик мой! Он вспорол ему живот! Не могу поверить... Паскаль, дорогой!

Побледневший Адриан бросился к ним. Из нижней части живота

несчастливого парня, упавшего на землю лицом вниз, текла кровь. Мари, у которой перехватило дыхание, хотела было последовать за супругом, однако ноги ее не послушались. Она ощутила, что еще мгновение — и она потеряет сознание. Столько крови... Бакалейщик и его жена на коленях стояли возле сына.

— Дайте мне его осмотреть! — воскликнул Адриан. — Я врач! У него сильное кровотечение. Быстро дайте мне чистую тряпку, нужно зажать артерию! Отодвиньтесь, ему нужен воздух!

Круг любопытных, столпившихся возле раненого, расширился. Кузен Фирмена по имени Бертран так и остался стоять с ошарашенным видом и ножом в руке. Бакалейщик с ненавистью посмотрел на него:

— Если мой сын умрет, я с тебя живого шкуру спущу!

Силы понемногу возвращались к Мари. Она выпила воды и стояла, держась за край стола. В ангаре постепенно распространялась паника. Гости, четверть часа назад такие веселые и довольные, теперь испуганно комментировали случившееся. Музыка наконец стихла, уступив место крикам и рыданиям.

Адриан склонился над несчастным Паскалем и занялся раной. Мари не решалась подойти к нему. Элоди увидела ее и, качаясь, направилась к ней. Икая, она сказала:

— Моя свадьба пропала! Я проклята, честное слово!

Мари решила ее утешить:

— Не говорите так! Парни слишком много выпили, такое случается. Ни вы, ни ваш супруг в этом не виноваты!

Слова Мари произвели неожиданный эффект: расстраиваться Элоди передумала, зато она разозлилась. С искаженным ненавистью лицом она что было силы толкнула Мари. Выпучив глаза, она стала изрыгать свою злобу, перейдя на «ты», как это было в детстве:

— Засунь в одно место свои добрые речи! Ты нас всех считаешь грязными мужланами, думаешь, я не вижу? Если бы ты не оттолкнула моего Фирмена, они бы не подрались!

— Элоди, вы не правы! И это подтвердят мои дети, Нанетт. И потом, сейчас не время ссориться, этот несчастный тяжело ранен!

— Ничего, не умрет! — пробормотала Элоди, немного успокоившись.

— Надеюсь на это, — отозвалась Мари.

В ту же секунду Адриан знаком попросил ее подойти. Он был очень встревожен. Она побежала на зов. Он схватил ее за руки. Она увидела, что пальцы у него в крови, лицо перекошено от напряжения.

— Мари, прошу, найди телефон! Может, получится позвонить из

мэрии? Это очень срочно! Вызовите «скорую», ему нужно сделать перфузию... Где ближайшая больница?

— В Лиможе! — воскликнул бакалейщик. — Скажите, доктор... мой мальчик... он ведь выкарабкается, правда? Вы должны его спасти!

— Мой супруг делает все возможное, вы это прекрасно знаете, — попыталась успокоить его Мари. — А пока идите к жене, ей нужна ваша поддержка!

И она отвела его к женщине, которая рыдала, содрогаясь всем телом. Мари вернулась к Адриану, который все так же сидел возле раненого.

— Бедренная артерия перерезана! — тихо сказал он. — Не могу поверить! Хвататься за нож, и из-за чего?! Если бы я только мог предположить...

Ответственный врач, преданный своим пациентам, он сражался за жизнь юноши до последнего. Однако на его лице Мари прочла бессилие и страх. Юноша был бледен как мел. Ситуация казалась безнадежной.

От банкета не осталось ничего, кроме стола, пустых лавок и нескольких плачущих женщин. Музыканты собирали свои инструменты. Ни танцующих у эстрады, ни озабоченных официанток... В ангар вошли вызванные кем-то из гостей жандармы.

Поль увидел сидевшую на эстраде мать. Она только что позвонила в больницу Лиможа, но надежды ей это не прибавило. До Прессиньяка оттуда было очень далеко, она это прекрасно знала. Это была гонка, вероятнее всего, заранее проигранная.

— Какой ужас! Удар ножом! — воскликнул Поль, который уже узнал о драме. — Невозможно! Надо быть сумасшедшим... Напиться так, чтобы драться без причины!

— Я боюсь худшего, Адриан тоже, — прошептала Мари. — Но... Где ты был, Поль?

— Я разговаривал с той самой девушкой, которая играла в церкви. Ее зовут Лора. Она с родителями недавно переехала в Прессиньяк. Они купили булочную...

Мари слушала молча. Она была слишком шокирована случившимся и всем сердцем сочувствовала бакалейщику и его жене, так что не могла заставить себя вникнуть в слова сына.

— Это славно! — пробормотала она рассеянно. — Счастье, что твои сестры уже ушли. И ты поступишь правильно, если тоже пойдешь домой. Тебе здесь делать нечего. Господи, помоги Адриану спасти этого юношу!

Через пятнадцать минут Адриан встал с выражением глубокой тоски на лице. Руки его безвольно повисли. Случившееся казалось ему ужасно

несправедливым, внутри все кипело от возмущения.

— Это все-таки случилось... — проговорил он. — Мне жаль. Его нужно было отправить в больницу сразу же. Я ничего не мог сделать. Я так хотел его спасти! И сделал все, что было в моих силах, без инструментов и лекарств. Но ваш сын слишком ослаб, нужно было сделать переливание крови... Мне ужасно жаль, поверьте... Это... Это страшная трагедия!

Голос Адриана сломался. Мари, которая как раз подошла к нему, взяла его за руку. Она знала, насколько он предан профессии, насколько сильно в нем чувство долга. О смерти этого юноши, которому было не больше двадцати, Адриан всегда будет вспоминать с ощущением несправедливости и своего бессилия что-либо изменить.

— Ты сделал все что мог! — прошептала она ему срывающимся голосом. — Все случилось так быстро... Бедный мальчик, какая ужасная смерть!

Адриан отвернулся и закрыл глаза. Он плакал. У Мари разрывалось сердце. Стоящие рядом с ними, уже протрезвевшие Элоди и Фирмен смотрели на неподвижное тело Паскаля. Родители юноши рыдали, опираясь друг на друга, словно это помогало им удержаться на краю пропасти отчаяния.

Расстроенный мэр Прессиньяка снял пиджак и прикрыл им лицо несчастного парня. Тягостная тишина давила на всех свидетелей этой сцены.

Прибежал кюре. Нанетт и другие старушки перекрестились. Жандармы продолжали опрашивать присутствующих. Фирмен с ошарашенным видом пытался что-то им объяснить. Записав все показания, жандармы подошли, чтобы увести Бертрана. Тот, как заезженный диск, все повторял и повторял, что произошел несчастный случай. Он не хотел убивать Паскаля, не хотел...

Внезапно Элоди с яростным воплем указала пальцем на Адриана и Мари. Из нее полился накапливаемый годами яд:

— Еще смеешь называться доктором! Ты нарочно позволил умереть этому парню, чтобы повесить на нас его смерть! Ты и твоя жена — вы убийцы!

Услышав этот вопль ненависти, присутствующие словно окаменели. Потрясенные столь жутким обвинением, все смотрели себе под ноги, не решаясь поднять глаза на доктора и его супругу. Элоди удалось смутить умы, посеять сомнение, сбить с толку даже самых здравомыслящих. Мари вздрогнула. Убитая такой несправедливостью, она прислонилась к Адриану. Ей казалось, что все это — просто ужасная галлюцинация.

— Вас снедает ненависть, — твердым голосом сказал Адриан, обращаясь к Элоди. — Я — убийца? Нет, я — всего лишь врач, у которого не оказалось под рукой необходимых инструментов, и некому было мне помочь. Вам должно быть стыдно за свои слова! Я все сделал, чтобы спасти этого юношу...

Он замолчал, осознав бесполезность своих оправданий. Эта женщина была истеричкой, и зло она уже сотворила. Он повернулся к Мари и сказал со вздохом:

— Идем отсюда! Я больше не могу на это смотреть!

Жандармы взяли под козырек, давая понять, что не обратили внимания на обвинения Элоди. Новобрачная отшатнулась. Лицо ее было обезображено гневом, слезы текли по накрашенному лицу. Фирмен обнял ее за плечи.

— Ну и свадьбка вышла... я ее запомню! — прошептал он. — И этот болван Бертран! Я не просил его заступаться за меня! Какого черта он схватился за нож?

Элоди переключилась на кузена, который все еще стоял с ошарашенным видом, словно так и не понял последствий своего поступка. Она оскорбляла его, пока не обессилела. Наконец и она замолчала.

Половина жителей поселка собралась у выхода из ангара. Воздух дрожал от громкого говора, от комментариев... Каждый высказывал свое мнение о драме, которую в общине будут обсуждать еще не одну неделю.

Адриан и Мари с трудом уговорили Нанетт сесть в автомобиль. Старушка упрямо твердила, что хочет остаться в Прессиньяке, чтобы «поболтать со старыми знакомыми». Мари пришлось ее умолять:

— Пожалей нас, моя Нан! Подумай, что нам пришлось пережить! Адриану нужно отдохнуть. Он почти без сил!

Старушка пожала плечами и пробурчала:

— Да, плохо дело, когда в день свадьбы кто-то умирает! Элоди это прочит несчастье, или я ничего не понимаю на этом свете!

На этот раз Нанетт уступила. Она прекрасно знала, когда следует «сойти со сцены». Она устроилась на заднем сиденье и стала смотреть на дорогу, тихо бормоча под нос проклятия.

Адриан вел машину словно бы во сне. Его темные глаза казались невидящими. На лице читалось отчаяние человека, которого преследуют злобные тени... Мари испугалась по-настоящему — она никогда не видела его в таком состоянии. Нужно было что-то сделать, и быстро. Она взмолилась:

— Адриан, прошу тебя, не огорчайся так! Это ужасный несчастный

случай! Никто не мог предвидеть, что этот тип вынет нож!

— Их нужно было разнять раньше! Я злюсь на себя за то, что не сделал этого! Если бы я только мог предположить! Я решил, что они достаточно разумны. Ты видела, как на нас смотрели, когда эта жуткая женщина назвала нас убийцами? С подозрением! Они сразу стали сомневаться! Это напоминает мне войну, маки, недоверие... и кровь, пролитую напрасно, как сегодня...

После недолгого раздумья Мари сказала неуверенно:

— Мне было страшно смотреть на Элоди. Я думала, прошлое забылось и она изменилась. Я не ожидала такого потока ненависти. Мне не хотелось бы так говорить, но выходит, что она всю жизнь меня ненавидит. И это заставляет думать о плохом...

Адриан не ответил. Расстроенная Мари закрыла глаза. Она вспомнила ожесточенное лицо Элоди, потом... лицо Макария. Он тоже ненавидел ее, презирал...

Ей стало бы еще страшнее, если бы она знала, что вскоре ее предчувствия станут реальностью.

Глава 8

Адриан и Мари

После кровавой свадьбы Элоди и Фирмена Варандо вечером в «Бори» ощущалась напряженность. Семья сплотилась вокруг Адриана, который никак не мог оправиться от потрясения. Еще бы, его прилюдно назвали убийцей! Но еще больше он терзался тем, что не смог спасти молодого Паскаля.

— Если бы только у меня был с собой мой медицинский саквояж! — повторял он. — Если бы только я смог довести его до больницы!

— Прошу тебя, Адриан, перестань корить себя! — откликнулась Мари и брала его за руку.

Поужинали быстро, тем более что ни у кого не было особого аппетита. Камилле это всеобщее уныние было не по душе, поэтому она поспешила увести своих маленьких племянников поиграть в парк, остальные члены семейства собрались в гостиной. Все сидели с мрачными лицами и думали об одном и том же, но никто не решался снова заговорить о пережитой драме. Наконец Лизон нарушила молчание. Она знала, что лучше не откладывать неприятный разговор, лучше сразу «вскрыть нарыв», как сказали бы местные старожилы.

— Это просто ужасно! — начала она. — Мы могли бы привлечь Элоди к ответу за клевету! Счастье, что я ушла до того, как началась эта отвратительная потасовка! Я бы не хотела, чтобы мой маленький Жан увидел, как один человек убивает другого!

— Слава Богу, что он этого не видел! — подхватила Матильда. — А я рада, что успела вовремя увести Камиллу. Просто позор — так напиваться! А ведь этот парень с ножом за пять минут до этого строил мне глазки! Вот уж остолоп так остолоп! От него уже тогда воняло этим дешевым вином... Элоди тоже была пьяна! Она никогда бы не сказала такого, если бы не перебрала вина и шампанского. Когда протрезвеет, будет себе локти кусать!

Сидевший у камина Адриан печально покачал головой.

— Ну кто бы мог подумать, что эта свадьба закончится кровопролитием? Я был там... и ничего не смог сделать! Мой долг был спасти несчастного юношу! Но он умер у меня на руках. И, в довершение всего, меня назвали убийцей! Я чувствую себя грязным, обесчещенным! Но

ведь я совсем не доктор Петтио! У того было двадцать четыре убийства на совести, и он в апреле понес за это заслуженную кару! Ставить меня в один ряд с этим преступником! И перед моей семьей! Какой стыд!

Мари задохнулась от возмущения. Как и большинство жителей страны, она следила за развитием скандального дела по публикациям в прессе. Процесс над кровавым убийцей вызвал в обществе шквал эмоций, и желтые газетенки успели на этом неплохо поживиться. Слышать, как Адриан сравнивает себя с этим чудовищем, было для нее невыносимо. Мари встала, подошла к супругу, обняла его за плечи и заставила посмотреть себе в глаза. Твердым, уверенным голосом, четко выговаривая каждое слово, чтобы речь ее звучала более убедительно, она сказала:

— Адриан, я запрещаю тебе так о себе говорить! То, что случилось сегодня, и преступления доктора Петтио нельзя ставить на одну доску! Ну подумай сам! Ведь не всех раненых удастся спасти. Вспомни, ты сам мне рассказывал, что во времена Соппротивления некоторые умирали, несмотря на все твои усилия. Ты и сам прекрасно знаешь, что шансы выжить у получившего такую рану ничтожны, особенно если у доктора под рукой нет ни лекарств, ни инструментов... Нож перерезал артерию... Ну что ты мог поделать, если отсюда до ближайшей больницы десятки километров? Мне тоже очень жаль этого юношу и его родителей. Но не ты виноват в том, что он умер! Ты слышишь меня?

— Мама права! — воскликнул Поль. — Поверьте мне, Адриан, в Прессиньяке никому не придет в голову обвинять вас в чем бы то ни было!

— Ты сам не знаешь, о чем говоришь, — поморщившись, словно от боли, отозвался отчим. — Теперь они будут без конца обсуждать этот случай и вслух говорить то, о чем многие успели подумать: «Будь он хорошим доктором, смог бы спасти этого парня!»

Венсан вздохнул и посмотрел в окно, выходящее в сад. Адриан был отчасти прав. В сельской местности люди легковверны, и часто хватает одного дурного слова, чтобы породить слух, который прокатится по поселку или деревне со скоростью лавины. Очень быстро все забудут, как все было на самом деле, но людская молва умолкнет не скоро... И даже если будущее покажет, насколько глупыми были слухи, зло, которое они породили, сделает свое дело. Венсан не мог понять, что нашло на Элоди, как она осмелилась бросить Адриану в лицо такое гнусное обвинение. Какую нужно иметь черную душу, чтобы измыслить такое! Взгляд его остановился на Камилле и детях, освещенных розовым светом заходящего солнца. Девочка качала Жана на качелях, а маленькая Бертий, которую усадили на простеленном на земле одеяльце, смотрела на них и заливиисто

смеялась. Эта картина подействовала на него умиротворяюще, и он предпринял попытку успокоить своего тестя:

— Дорогой Адриан, все не так уж плохо! Поверьте, здесь Элоди все знают, доброй славой она не пользуется, и так было всегда. И ее супруга, Фирмена, тоже не особенно любят. Местные жители относятся к нему с опаской. Им не по нраву его богатство, нажитое за последние годы и неизвестно каким путем. В сентябре, когда начнутся занятия, я приведу в пример этот случай на уроке нравственности. Мои ученики — славные мальчишки, они передадут мои слова своим родителям. И это послужит им живой иллюстрацией того, к чему приводит злоупотребление спиртным и жестокость!

Нанетт, которая прислушивалась к разговору, сидя в удобном кресле, сочла момент подходящим, чтобы высказать свое мнение:

— Венсан прав! Мой зять, не стоит так убиваться! Элоди в Прессиньяке никто и в грош не ставит! Так повелось еще с дней ее молодости. Мы не первые, кому она насолила за свою жизнь! Помните, сколько денег она из вас вытянула на воспитание своего сына, Клода... Это было не слишком-то честно! А помнишь, Мари, как она явилась жаловаться в Обазин? Наверняка хотела посмотреть, как ты живешь, в достатке ли... И сдается мне, что это она постаралась, чтобы Макарий тебя поскорее нашел. Руку готова дать на отсечение! Вот уж две гадины! Славная из них получилась бы парочка! Как говорится, рыбак рыбака видит издалека... Когда вспоминаю про этого Макария, у меня мороз по коже! И этот грязный тип осмелился арестовать нашу Матильду!

После этой тирады в гостиной, где и так было невесело, повисла тягостная тишина. Венсан, Поль и Адриан одновременно посмотрели на Нанетт, и все трое — с очевидным удивлением. Матильда сделала вид, что любитесь своими туфельками на высоких каблуках, которые ей и правда очень нравились. Она не знала, как быть, ведь мать взяла с нее, Лизон и Нанетт слово никому не рассказывать об этой ужасной истории с гестапо. Молодая женщина прекрасно помнила те несколько часов, проведенных в штабе гестаповцев в Тюле, но понятия не имела о том, какую жертву принесла мать, чтобы ее отпустили. Она часто задавалась вопросом, как матери это удалось, но для сохранения своего душевного спокойствия решила ни о чем не спрашивать. В конце концов, Макария и Мари связывало подобие родственных отношений, и это, возможно, помогло им найти общий язык.

Мари не дала дочери возможности высказать свое мнение о той истории. Предваряя неизбежные расспросы, она поспешно сказала:

— Ты зря так говоришь, Нан, дорогая! Макарий и без помощи Элоди узнавал все, что хотел знать. Он всегда был в курсе, где мы живем. Зачем снова вспоминать о войне? Ради бога, забудем об этом!

От Поля не укрылось волнение матери. Ей не хотелось вспоминать тот эпизод из прошлого, это было очевидно. Ему было бы очень любопытно послушать эту историю, но он не стал настаивать. Когда-нибудь, в более благоприятной обстановке, она, быть может, им расскажет, как все было... Уважение его к матери было настолько глубоким, что он безропотно мирился с тем, что о каких-то событиях она предпочитает умалчивать. Венсан ощутил неловкость, однако последовал примеру Поля, тем более что умоляющий взгляд Лизон дал ему понять: она не хочет, чтобы он пускался в расспросы. Но Адриан решил по-другому.

С тревогой глядя на супругу, он спросил:

— Что я слышу? Матильда была арестована? Когда? Почему я об этом ничего не знаю? Мари, как могло случиться, что ты никогда мне это не рассказывала? Похоже, об этом известно всем, кроме меня!

— Прощу, не надо, это уже в прошлом! — взмолилась испуганная Мари. — К чему ворошить неприятные воспоминания, особенно после того, что случилось сегодня? Я все объясню тебе позже, Адриан. Это было просто недоразумение, я хочу сказать, что Макарий чего-то недопонял... И доказательство тому то, что все быстро уладилось...

Мари прекрасно знала, что супруг не удовольствуется этим уклончивым ответом. Адриан ничего не знал об аресте Матильды, и сейчас точно был неподходящий момент для такого рассказа. Ей удалось выиграть время, однако рано или поздно ей придется вернуться к этой теме. Тогда она и решит, как быть. Расстроенная этой новой неприятностью, Мари укоризненно посмотрела на Нанетт. Та, прекрасно понимая, что провинилась, вдруг закашлялась и с невинным видом объявила:

— Венсан, помоги-ка мне подняться с кресла! Не скажу, что оно неудобное, но мне будет уютнее на кровати. Я иду спать! Святые предержители, ну и день выдался!

Лизон пошла проводить бабушку на второй этаж. Повисло неловкое молчание. Адриан нахмурился. Его удивило выражение лица жены. Она явно пребывала в замешательстве, была испугана. Мари скрывала от него что-то важное, он это чувствовал. Сейчас она, разумеется, ничего ему не скажет, однако Адриан пообещал себе, что, когда они останутся наедине, любой ценой добьется признания.

— Что ж, ты, разумеется, права, — сказал он сухо. — Это давняя история, и главное, что Матильда здесь, с нами, не так ли? Венсан, ты,

помнится, предлагал выпить после ужина по рюмочке? Сегодня я точно не стану отказываться. Глоток сливовой настойки поможет мне забыть о сегодняшних злоключениях.

Вошла Камилла, а следом за ней — маленький Жан. Сидевшая на руках у тети Бертий отчаянно зевала. Появление детей разрядило обстановку.

— Думаю, малышам пора в кровать, — сказала Камилла. — Мы хорошо поиграли, и они очень устали...

— Это очень кстати, дорогая, — негромко сказала Мари, с благодарностью глядя на младшую дочь. — Лизон поднялась наверх вместе с бабушкой.

Трое самых младших обитателей дома вышли. Поль помог Венсану налить «по капельке», как сказала бы Нанетт. Мари отметила про себя, что вид у сына задумчивый, да и говорил он в этот вечер совсем мало.

— О чем, вернее, о ком ты думаешь? — шепотом спросила она у него. — Не о той ли девушке?

— Угадала, мамочка! Я бы хотел еще ее увидеть. Она хорошенькая и неглупая... Если бы празднество не закончилось так ужасно, я бы побыл с ней подольше. Жаль... Но я узнал, что она живет на окраине Прессиньяка, это по дороге в «Бори». Думаю, теперь я стану чаще навещать нашу Лизон!

— Камилла расстроится. Ей так хочется, чтобы ты женился на Мари-Эллен! Но, конечно, тебе самому решать, кого выбрать. А вдруг эта девушка уже помолвлена?

— Вот это точно нет! Поэтому я хочу попытаться ее завоевать, — с легкой улыбкой ответил Поль.

И тут в тишине большого дома отчетливо прозвучали три удара во входную дверь. Все, кто в эту минуту находился в гостиной, вздрогнули и обменялись взглядами, в которых читалась тревога. Матильда собралась было выйти в холл, но мать жестом остановила ее:

— Я сама открою!

— Хорошо, мам. А я поднимусь поцеловать детишек на ночь.

Мари не удивилась, увидев Элоди. Она ожидала ее прихода. Женщины обменялись настороженными взглядами и остались стоять где стояли: одна, с неприступным видом и рассерженная, — на пороге, другая, сокрушенно понурив голову, — на ступеньке ведущей к парадной двери лестницы. От наряда невесты остался только увядший цветок, приколотый к блузке. Мари молча ждала, что Элоди ей скажет. Наконец та проговорила, запинаясь, извиняющимся тоном:

— Я виновата перед вами, мадам Мари! Ну, вы понимаете... в том, что

сказала такое о вашем муже. Из-за этой кутерьмы я расстроилась, конечно же... И весь праздник насмарку из-за этого окаянного родственника Фирмена! У парня слишком горячая кровь! Мой муж сказал, что мне надо пойти извиниться. Вы понимаете, он ни с кем не хочет ссориться... Ну вот, мне очень жаль, что все так вышло! Вы и так уже поняли. Мне правда жаль... Я и сама хлебнула лишнего, не стану спорить. Но где, как не на собственной свадьбе, можно разгуляться от души?

— С этим не поспоришь, — подхватила Мари. — Но понимаете ли вы, Элоди, как обидели нас такими обвинениями? Мой муж до сих пор сам не свой! Это было несправедливо, вы не имели права так говорить!

— Знаю, знаю, — пробормотала посетительница, потирая подбородок. — Но я ведь на самом деле так не считаю. Объясните это доктору! Передайте ему!

— Разумеется передам, — сказала Мари, которой было с каждой секундой все противнее смотреть на Элоди. — Возвращайтесь домой. Спасибо, что проделали такой долгий путь, чтобы сказать нам все это.

Элоди, явно испытывая облегчение, протянула ей руку. Мари пришлось сделать над собой невероятное усилие, чтобыжать ее. Уроки, усвоенные в юности, до сих пор приносили свои плоды: как говорила мать Мари-де-Гонзаг, «нужно прощать обиды...»

— Я передам ваши извинения Адриану, Элоди. Доброй вам ночи и много счастья в супружеской жизни!

— И я вам того же желаю, мадам Мари. И будьте настороже: Макарий-то, может, и умер, но он понаделал детишек по всему краю... Я не о законной супруге говорю, как вы понимаете... Будьте настороже! Кое-кто желает вам зла.

— Я вас поняла, Элоди, — оборвала ее Мари. — И я достаточно взрослая, чтобы себя защитить. До свидания!

Мари закрыла дверь и прижалась к ней спиной. У нее дрожали ноги. Она глубоко вздохнула. Этот день истощил ее силы. Она на мгновение закрыла глаза, но перед ее мысленным взором тотчас же появился истекающий кровью сын бакалейщика и обезумевшие от горя родители, стоящие на коленях рядом с ним. Мари разделяла их горе, их возмущение. Ну почему жизнь иногда бывает так жестока? Если бы только можно было повернуть время вспять, сделать так, чтобы этого ужасного несчастья не случилось! Но — увы! — это случилось, и оставалось только смириться.

К усталости добавлялась и еще одна забота. Адриан не успокоится, пока не узнает, что произошло в Тюле в тот день, когда арестовали Матильду. Как только они останутся одни, он начнет ее расспрашивать, а

ей... ей придется солгать.

«Он никогда не узнает!» — пообещала себе Мари.

Пора было возвращаться в гостиную.

— Это была Элоди, — довольно-таки спокойным тоном сказала Мари. — Она пришла перед всеми нами извиниться. Она сожалеет, что говорила о тебе плохо, Адриан. Тебе не стоит так переживать. Давайте не будем больше говорить об этом.

Венсан и Поль, похоже, вздохнули с облегчением, но доктор Меснье оставался угрюмым. Мари оперлась локтем о каминную полку из белого мрамора. Она ничего не сказала о странном предостережении Элоди. Так обычно говорят героини детективных фильмов: «Кое-кто желает вам зла!»

Она погладила статуэтку, которая стояла на каминной полке еще при жизни Жана Кюзенака. Прикосновение к прохладному гладкому фаянсу подействовало на Мари успокаивающе.

«Несчастливая, она сама не знает, что говорит! — подумала она. — Совесть у меня чиста. Ну кто может желать мне зла?»

Легким шагом в гостиную вернулась Лизон. Она была в атласном пеньюаре. Хозяйка дома предложила всем отправиться спать.

— Думаю, мы все очень устали. Бедняжка Нанетт уже спит. Матильда принимает ванну, а Камилла просила передать от нее всем «доброй ночи». Наша юная мадемуазель уже легла. Она так рада, что ей позволили устроиться в той комнатухе на чердаке! Мама, мне кажется, она играет в игру «Мари из “Волчьего Леса”», представляя себя маленькой горничной, которой так одиноко под крышей Большого дома...

Услышав эту тираду, Адриан улыбнулся. Мари стало легче на душе. Супруг зевнул, и она подумала, что, возможно, он быстро уснет. Она заблуждалась...

***

Лизон разместила родителей в комнате, некогда служившей спальней Жану Кюзенаку. Они не первый раз оставались в «Бори» на несколько дней, но никогда раньше не спали в этой комнате, из окон которой были видны внутренний двор и конюшни. Здесь ничего не изменилось, если не считать нового ковра и занавесок.

— И вся мебель на прежнем месте, — прошептала Мари, прижимаясь к Адриану, когда они уже лежали на широкой кровати. — Знал бы ты, сколько раз я стирала пыль с этой статуэтки лошади на каминной полке! И с рамы портрета на стене. Это моя прабабка Аделаида. Мне очень нравится в этой комнате. Я бы не хотела спать в той, где умерла Амели Кюзенак. А

здесь я чувствую себя под защитой папы...

Адриан ничего не сказал. Он слишком порывистым движением выключил лампу, хотя очень ценил эти минуты близости, когда они, обнявшись, рассказывали друг другу о событиях уходящего дня, о его радостях и заботах. Сегодня он не мог поделиться с супругой ничем, кроме своего отвратительного настроения. Он едва удержался от того, чтобы напомнить ей, что и Макарий несколько лет прожил в этом доме и здесь остались следы его присутствия. Он сразу же вспомнил о словах Нанетт и спросил:

— Странно, что ты ничего мне не сказала. Я говорю об этой истории с Макарием... Выходит, по его распоряжению арестовали Матильду. Почему я до сих пор ничего об этом не слышал? Зная, как обращаются полицаи со своими жертвами, ты наверняка места себе не находила от ужаса! Не понимаю, как ты могла скрывать от меня это происшествие, пусть даже все и закончилось хорошо? Поставь себя на мое место! Естественно, у меня масса вопросов...

— Любовь моя, давай поговорим завтра, — вздохнула Мари. — Я очень устала. Не порти эту ночь, которой я ждала с таким нетерпением... Я так рада, что мы будем спать здесь, ты и я... Я так сильно люблю тебя, ты же знаешь...

Мари придвинулась к мужу, обняла ногами его ноги, чтобы быть к нему еще ближе. Указательным пальцем она провела по неподвижной руке Адриана, опустила к ладони и легонько ее пощекотала. Но он не ответил на ласку. Однако Мари на сдавалась: ее рука проникла под пижамную куртку мужа и погладила его мускулистую грудь. Как она любила к ней прижиматься! Пребывая в объятиях Адриана, она верила, что ничто и никто не сможет причинить ей боль. Наконец ее пальцы коснулись светлых волос внизу его живота.

— Любимый, я так по тебе истосковалась! — прошептала она.

Стыдливость мешала сказать больше. Благодаря Адриану она познала счастье любить душой и телом, и их взаимное желание не остыло с годами. Мари приблизила свое лицо к лицу супруга и нежно прикоснулась губами к его губам, которые умели быть такими лакомыми и страстными...

— Мари, прекрати! — сердито сказал он. — Сейчас не время! Я хочу услышать твой ответ, и прошу тебя, говори правду. Тебе пришлось одной выпутываться из этой ситуации — я имею в виду арест. И я хочу знать, как тебе это удалось. Но почему они схватили Матильду? Что она сделала?

Мари какое-то время лежала молча. Сердце гулко билось у нее в груди. Потом она положила голову Адриану на грудь. Она ощущала его

напряжение. Ситуация была для него столь же неприятна, как и для нее, однако он дал понять, что не сдастся, пока не получит объяснений. И это упрямство потрясло ее.

— Тогда слушай, — начала она. — Матильда в то время жила в Тюле. Макарий без труда узнал, кто она такая. Он пытался получить от нее сведения о Поле, поскольку подозревал, и не без оснований, что тот стал членом одной из региональных групп маки. Она держалась молодцом, твердила, что ничего не знает. На самом деле бедняжка умирала от страха, но потом она клялась мне, что ни за что бы не предала своего брата, и я ей верю. Макарий организовал этот арест только для того, чтобы причинить мне боль. Однако он проявил несвойственную ему прежде заботу, поскольку проследил за тем, чтобы нашу Ману не били и не издевались над ней... Без сомнения, он это сделал, памятуя о наших родственных связях.

— В те времена такой доброты от полицаев ожидать не приходилось! — пробормотал Адриан. — И мне с трудом в это верится. Подлецы, которые шли на службу в гестапо, не испытывая угрызений совести, пытали, а то и убивали своих собственных соседей! Матильду должны были подвергнуть пыткам! Знала бы ты, Мари, что они делали с некоторыми женщинами!.. Когда я об этом вспоминаю, стыжусь того, что я тоже мужчина!

— Мне все это известно, — сказала она, напуганная горечью, звучавшей в его последних словах. — Но дай мне закончить. На следующее утро Макарий явился в Обазин с двумя подручными. Они забрали меня. Но без грубости, уверяю тебя!

— Боже мой! — сорвалось с губ Адриана, и все тело его содрогнулось от ярости.

— Было раннее утро, и никто не видел, что меня увезли. В Тюле Макарий стал меня допрашивать. Но на этот раз перед ним была не Матильда. Меня испугать не так легко. Я слишком хорошо его знала, чтобы реагировать на его угрозы и уловки. Мне не в чем было признаваться, и я уговорила его отпустить Матильду. Против нас не было никаких улик, ему пришлось это признать. Вот и все!

— Как это «вот и все»? — удивился он. — Ты правда хочешь, чтобы я поверил, будто этот тип, этот развратник, это дерьмо — прости, но я буду называть вещи своими именами! — повел себя как принц благородных кровей и так просто отпустил тебя и Ману? Вот уж чудо из чудес! Прости, но такие случаи редки в военное время. Если мне не изменяет память...

Мари отодвинулась от супруга. Ей стало трудно дышать. Она не знала, как отвести подозрения Адриана, и воспоминания, о которых она так

старалась забыть, камнем давили на грудь. Муж заметил ее смятение. После недолгого раздумья она произнесла голосом, в котором, несмотря на все ее усилия, улавливалась фальшь:

— Конечно, все было не так просто... Но у меня были аргументы: я напомнила ему о тете, которую он любил, об Амели Кюзенак, о моем отце, о наших родственных связях... Я уговаривала его отпустить нас. Доказывала, что ему нет резона нам вредить. С нас нечего было взять, поскольку усадьба «Бори» и так принадлежала ему. На многочисленные вопросы о Поле я отвечала, что он поступил на службу в Красный Крест, чтобы помогать тебе. И он мне поверил. Возможно, в глубине души он и не был таким уж злодеем...

Голос Мари сорвался. Перед глазами возникла та сцена в штабе гестаповцев в Тюле... К горлу подкатила тошнота.

Адриан попытался представить себе этот допрос в стенах столь ужасной организации. Внезапно ему вспомнилась другая сцена: осенний вечер 1932 года, площадь в Обазине и Мари, которую силой пытался поцеловать незнакомый мужчина... Не помня себя от ярости, он кинулся к ним, готовый убить насильника. Им оказался Макарий. Адриан прочел на его бесцветном некрасивом лице похоть и садистское желание, презрение и ненависть. Он не смог бы забыть день, когда это случилось, уже потому, что за несколько часов до этого отвратительного события Мари сказала, что беременна. Камилла родилась через семь месяцев, сделав его самым счастливым человеком на земле. Он так мечтал о дочери...

Адриан за годы своей медицинской практики повидал множество людей. Когда в теле возникает недуг, характер человека проявляется во всей красе, становятся явными все его слабости и недостатки. Ему доводилось лечить как людей добрых и милосердных, так и отъявленных каналий, наихудших представителей рода человеческого. Последние не поддаются никаким увещаниям, ведут себя скорее как животные, которыми управляют низменные инстинкты.

— Мари, мне трудно в это поверить! — воскликнул он. — Этот мерзавец не мог отпустить тебя просто так, не получив ничего взамен! Он ведь пытался тебя изнасиловать, когда ты была юной девушкой, здесь, под крышей этого дома! Однажды ты призналась мне в этом. И там, в Обазине, он пытался силой тебя поцеловать, и это в нескольких шагах от нашего дома! Этот тип хотел тебя! Ты оказалась в его власти, он просто не мог не воспользоваться этим. Матильда была лишь приманкой, или я не прав? Что ты от меня скрываешь? Скажи! Я имею право знать!

Мари, которая себя не помнила от волнения, повернулась и включила

лампу. В горле у нее так пересохло, что она не могла издать ни звука. Ей нестерпимо хотелось пить. Лизон оставила графин с водой на столике у изголовья. Мари налила себе целый стакан, стараясь, чтобы Адриан не заметил, как дрожит ее рука, и опустошила его несколькими глотками.

— Сильная жажда выдает сильное волнение, — прокомментировал Адриан с легким сарказмом.

— Зачем ты так? — возмутилась Мари. — Кому бы понравился допрос с пристрастием? Ты говоришь со мной так, словно я в чем-то виновата.

Мари всей душой желала сохранить свой секрет. Она знала Адриана. Не будучи столь ревнивым, как ее первый супруг, он любил ее чувственной и требовательной любовью. Как он отреагирует, если узнает правду? У него может возникнуть отвращение к ней, не говоря уже о том, что он сильно огорчится... Справится ли его любовь с испытанием, каким может стать это признание? Она не была в этом уверена, поэтому предпочла не рисковать. Единственное, о чем она думала, — это сохранить свое супружеское счастье.

— Признаю, это было нелегко, — пробормотала она. — Макарий воспользовался ситуацией, чтобы поиздеваться надо мной, но не больше! Ему просто хотелось видеть, как я мучаюсь. Наверняка он наслаждался этим, ведь я никогда не скрывала, что презираю его. И потом, прошло много лет, и я была уже не той женщиной, которую он желал. К тому же не надо забывать о том, что он приходился мне дальним родственником. Он не зашел слишком далеко...

— Поклянись, что так и было, Мари! — серьезно и тихо попросил Адриан. — Если ты поклянешься, я никогда больше не заведу об этом разговор, обещаю!

Адриан прекрасно понимал, о чем просит. Он знал, что для его искренней верующей жены клятва священна. Он был уверен, что она не сможет нарушить предписания религии, поступить вопреки собственным представлениям о порядочности. Для Мари это стало ужасным испытанием. Однако ее решимость сохранить любовь Адриана оказалась сильнее. Она тихо произнесла:

— Клянусь тебе!

И тут же пообещала себе исповедаться матери Мари-де-Гонзаг. Она одна могла помочь ей выйти из этой сложной ситуации. Подсказать, как искупить эту ложь...

Адриан наконец расслабился и погладил жену по щеке.

— Не будем больше об этом, дорогая. Выходит, вам с Матильдой повезло, что вы попали в лапы к Макарию. Если, конечно, это можно

назвать везением...

— Да, — прошептала она. — Я не рассказывала тебе об этом, потому что не хотела тебя расстраивать. Вернувшись домой из партизанского отряда, ты был такой ранимый! Ты ведь тоже не говорил со мной о войне. Что я знаю о том, как ты жил среди твоих товарищей-маки? Моих расспросов ты избегал, заявляя, что хочешь жить будущим, наслаждаться нашим обществом — меня и нашей дочери... Ты не сказал мне ни слова о том, как умерла Леони. Я ничего не знаю, ничего... Поэтому могу только представить, что ей довелось перенести, и это разбивает мне сердце!

Мари чувствовала, как к глазам подступают слезы. Силы оставили ее. Эта ужасная свадьба, поведение Адриана и вот теперь воспоминания о Леони... Она все еще остро переживала боль потери.

— Она была моей сестрой, моей подругой!

— Успокойся, Мари! — взмолился Адриан. Он уже злился на себя за то, что несправедливо обрушил свой гнев на жену. — Я сожалею, что мучил тебя своими вопросами. Прости меня, любимая! Ты права: мы оба живы, и мы сейчас в доме, который ты так любишь. Давай забудем обо всем остальном! Держу пари, наша Камилла сейчас читает книжку в твоей бывшей спальне на чердаке...

Мари разразилась рыданиями. Адриан нежно привлек ее к себе, обнял. Она тотчас же прижалась к нему — своему прекрасному возлюбленному, своему защитнику... Он страстно прижался к ней. Когда она стала успокаиваться, он ласково вытер слезы с ее щек, провел пальцем по ее ресницам, проследил очертания высоких скул. Сердце его переполняла бесконечная нежность к этой прекрасной женщине. Как он сожалел о том, что выплеснул на нее раздражение, накопленное за этот ужасный день!

— Твоя прелестная Лизон отдыхает рядом со своим мужем. Венсан — очень хороший человек. Рядом с ними Бертей; она, должно быть, сосет пальчик и видит сладкие сны. Маленький Жан тоже спит, прижимая к себе плюшевого медвежонка...

При упоминании о своих детях и внуках Мари попыталась улыбнуться. Адриан продолжал, целуя ее в лоб:

— А теперь Матильда, наша кинозвезда! Я представляю ее в шикарной ночной сорочке, курящей сигарету прямо в постели... Мне не терпится познакомиться с ее женихом. Если ему удастся добиться главенства в их паре, я сниму перед ним шляпу!

— И ты туда же! — воскликнула Мари, не зная, смеяться ей или плакать. — Продолжай!

— Остается только Поль. Твой красавец сын, так похожий на тебя,

наверняка мечтает о романтической прогулке при луне с рыжеволосой Лорой, которая, быть может, заставит его отказаться от холостяцкой жизни. Наш Поль, у которого золотое сердце, по-настоящему весел только здесь, в «Бори». Уверен, он любит землю, работа страхового агента ему не по душе и он предпочел бы засеять поля, косить сено... Словом, жить в деревне, на свежем воздухе.

Мари прижалась лицом к шее Адриана и легонько его поцеловала. Потом добавила более уверенным тоном:

— А теперь скажу я! Ты позабыл о нашей славной Нанетт, которая каждый раз чувствует себя «не в своей тарелке», ночуя под крышей дома муссюра, как она называла моего отца. Ты слышал, как она отказывалась остаться в доме на ночь? Она хотела лечь спать у Луизы, в бывшем флигеле Алсида. Мне жаль, что ты не успел с ним познакомиться. Каждое утро старый слуга заходил в кухню, и я наливала ему стаканчик местной водки. Он мне подмигивал, принимая его. Ты знаешь, прислуга в доме всегда должна стоять друг за друга... Он был прекрасным человеком, разве только никогда не торопился браться за работу. Мне часто приходилось ходить за дровами, когда он ложился передохнуть днем или когда наступали сильные холода.

Адриан улыбнулся. Он еще крепче обнял Мари и теперь уже сам нежно поцеловал ее в губы. Она ответила на поцелуй. Это стало искрой, воспламенившей костер ласк. Отдавшись ощущениям, они растворились в удовольствии. Они любили друг друга страстно, а потом уснули обнявшись, как юные любовники, освещенные лунным светом, который проникал в открытое в летнюю ночь окно.

Глава 9

Еще одна сирота

Обазин, 23 декабря 1947 года

Мари с Камиллой, устроившись за столом в столовой, вырезали из золоченой бумаги гирлянды, чтобы украсить камин и потолочные балки. В большом, словно бы уснувшем доме слышался только шорох бумаги. Адриан навещал своих пациентов, Нанетт, как обычно, прилегла отдохнуть после обеда.

— Нам очень повезло! — объявила девочка. — На Рождество снова выпал снег, совсем как два года назад!

— Да! Но вспомни, в 1945-ом снегопад начался 26 декабря, то есть после праздника, — уточнила ее мать. — А в этом году зима решила нас побаловать, и у нас будет настоящий белый сочельник! И мне это очень нравится. Все складывается наилучшим образом, правда, дорогая? Елка у нас просто великолепная. Подумать только, твой отец решил купить рождественское дерево на рынке в Бриве! Это первый раз, когда мы не пошли за елкой в ближайший лес...

— И бабушка никак не может успокоиться! У нее не укладывается в голове, что елку покупают на рынке! — добавила Камилла растроганно.

— Это неудивительно, наша Нан — представитель другого поколения, — сказала Мари. — Ты сама слышала, она не перестает жаловаться с той минуты, как начался снегопад. В такую погоду пожилые люди предпочитают не выходить на улицу, чтобы не упасть.

— Бабушка в последние дни выглядит уставшей, — вздохнула Камилла. — Надеюсь, она не заболела.

Девочка, которой уже исполнилось четырнадцать с половиной, любила Нанетт, как родную бабушку, пусть их и не связывали узы кровного родства. Мари со страхом ждала того дня, когда ее приемная мать угаснет. Камилле до сих пор не довелось столкнуться со смертью в собственной семье. Дети и подростки очень восприимчивы, поэтому такие испытания для них всегда тяжелы. Вставляя подходящую фразу то тут, то там в безобидных повседневных разговорах, Мари пыталась подготовить дочь к этому неотвратимому испытанию.

— Твой отец тоже обеспокоен, однако Нанетт отказывается принимать

лекарства, которые он ей прописал. Она такая упрямая!

Словно в подтверждение ее слов, зазвонили церковные колокола. Мари и Камилла с удивлением переглянулись.

— Уже четыре! — воскликнула Камилла. — Я и не заметила, как пролетело время! В этом вся прелесть каникул: скучать просто некогда! И я обожаю, когда мы с тобой остаемся вдвоем, только ты и я!

— Я тоже, дорогая. Я люблю свою работу, но мне очень нравится проводить время так, как мы с тобой сегодня, — только ты, моя дорогая Камилла, и я, и никто не мешает нам делать гирлянды!

Кто-то постучал во входную дверь. Девочка вскочила со стула и побежала открывать. Мари услышала ее радостный возглас. Заранее радуясь посетителю, она вышла в прихожую. На пороге она увидела мадемуазель Мари-Терезу Берже.

— Мама Тере! — воскликнула Мари. — Скорее входите, вы, должно быть, замерзли!

Никто в Обазине не мог даже представить приюта без этой женщины. В течение многих лет она с любовью и добротой заботилась обо всех девочках, отданных на попечение монахинь. Маленькие сироты отвечали ей любовью и называли «мама Тере». Это прозвище было ей так к лицу, что никто из друзей не называл ее иначе.

Мари всегда с радостью принимала в своем доме эту необыкновенную женщину. Однако случалось это нечасто, поскольку у мадемуазель Берже всегда было много дел в приюте и в гости к горожанам она заглядывала редко.

— Мама Тере, какая приятная неожиданность! — воскликнула она. — Сегодня мы точно не станем разговаривать на пороге, в такой-то холод! Входите скорее в дом! Так мило с вашей стороны нас навестить, тем более что сейчас, в канун Рождества, у вас наверняка хватает забот в приюте.

Невысокого роста, крепенькая и энергичная, мадемуазель Берже пожала плечами и ничего не ответила. Она решила посвятить свою жизнь другим людям и отдавала этому служению все силы, душевные и физические, и все свое время. Мягким голосом, который так легко успокаивал и утешал сирот, она пояснила:

— Вчера утром от Мари-Эллен я узнала, что дорогая Нанетт сильно кашляет. Я принесла ей немного бузинового сиропа, это лучшее средство от болезней бронхов. Раз она отказывается от лекарств, которые ей предлагает ваш супруг, скажите, что этот сироп приготовила монахиня, сестра Мари, возможно, это ее убедит. Мы стараемся заботиться обо всех наших друзьях в Обазине, особенно о самых обездоленных, однако это не повод забывать

нашего доброго друга Нанетт!

Мадемуазель Берже достала из своей корзинки большой флакон и поставила его на стол. Мари была растрогана. Она знала, что Нанетт будет очень приятен этот знак внимания.

— Спасибо от всей души за то, что беспокоитесь о Нанетт. Должна сказать, она и вправду теперь больше спит и меньше ест. Но ведь ей уж восемьдесят три года! И она совсем не слушает моих советов.

Камилла нахмурилась. Нотки беспокойства в голосе матери удивили девочку. Мари-Тереза Берже ласково похлопала Мари по плечу.

— Не расстраивайтесь! Нанетт куда крепче многих из нас! Она быстро поправится, и я надеюсь увидеть ее на рождественской мессе. У меня приятная новость: Хосе пообещал приехать из Брива, чтобы вместе с нами спеть все рождественские гимны. Он споет для нас «*Ave Maria*». Это настоящий подарок небес — слушать такой великолепный тенор!

Обрадованные Мари и Камилла обменялись взглядами. Речь шла о Хосе Аларконе, испанском беженце, который покинул родину в годы гражданской войны. Пожив какое-то время в Обазине, он перебрался в Брив, однако часто приезжал в город навестить свою невесту. Небеса подарили ему голос удивительной чистоты.

— Какая замечательная будет месса! — продолжала мама Тере. — Но мне уже пора. Я еще должна зайти к Брузани, вы, Мари, знаете эту итальянскую семью, глава семейства работает в карьере... У меня для них немного овощей и мед. Потом загляну к мадам Нильс, этой молодой даме, которая так скучает по своей родной Бельгии. У нее скоро родится малыш, и я несу ей пеленки, которые мы сшили из старых простыней.

Судя по размеру ивовой корзины мамы Тере, в ней было еще немало других даров. Жители Обазина часто видели, как она раздает нуждающимся продукты и одежду. Великодушие и самоотверженность этой женщины не могли не вызывать восхищения.

— Мама Тере, дорогая, не стану вас больше задерживать, я знаю, что ваше время бесценно. Передайте мои наилучшие пожелания матери Мари-де-Гонзаг и всем сестрам. Я с нетерпением жду января, когда начну работать на новом месте, в частной школе, которая благодаря вашим усилиям снова откроется... Преподавать там будет для меня огромным удовольствием. Каждый день приходите в аббатство, в приют, где я росла...

— Жизнь часто ведет нас по кругу, — кивнула Мари-Тереза Берже и поцеловала Камиллу. — До завтра, мои милые!

Мари с дочерью проводила гостью до дверей. Мадам Тере вышла на заснеженную улицу. Пушистые снежинки тут же усыпали ее пальто. Зима

волшебным образом преобразила главную площадь городка. Несмотря на пронизывающий ветер, мать и дочь некоторое время постояли на пороге, любуясь этим зрелищем.

— Мамочка, тебе случайно ничего не нужно в бакалейной лавке Лонгвиля? Не может быть, чтобы тебе ничего не было нужно к ужину! Мне так хочется пройтись по улице! Я обожаю гулять, когда идет снег. Начинает казаться, что ты попала в другой мир...

Мари засмеялась и прижала девочку к себе. Она прекрасно понимала дочь. Свою эмоциональность Камилла унаследовала от нее. Мари чувствовала, как в душе воцаряется безмятежное счастье. Был ли тому причиной снег? Или спокойное послеобеденное время, проведенное с дочерью за украшением дома? Или неожиданный визит мамы Тере? Или просто ожидание приятного вечера и возвращения Адриана? Мари удовлетворенно вздохнула.

— Камилла, дорогая, как мне сегодня хорошо! Мне кажется, что и я ненадолго вернулась в детство. Я не против, отправляйся к Лонгвилю и купи для нас пакет риса и свечи. На улице сильный ветер, и наш электрический генератор, хотя он и совсем новый, может нас подвести...

Обрадованная девочка через четыре ступеньки побежала вверх по лестнице в свою комнату, чтобы одеться потеплее. Через несколько минут она спустилась и подошла к входной двери, напевая «Сын Божий родился...».

Перед тем как выйти из дома, она не удержалась, чтобы еще раз не полюбоваться результатом их с матерью совместного труда — огромной елью, украшенной сверкающими гирляндами и стеклянными игрушками. Она была еще красивее, чем в прошлом году. Во время своей последней поездки в Брив к Матильде Мари купила новые елочные украшения.

«Это Рождество должно быть прекрасным! — подумала Камилла, закрывая за собой входную дверь. — Лизон с Венсаном, скорее всего, не приедут, потому что у них скоро родится третий ребенок. Но приедут Матильда и мой дорогой Поль со своей женой Лорой. Мне она нравится, но я все же была бы больше рада, если бы моей невесткой стала Мари-Эллен!»

Со дня трагедии на свадьбе Элоди в семье Меснье произошло несколько радостных событий, которые помогли Адриану и Мари забыть об ужасной смерти сына бакалейщика. В сентябре того же года, то есть в 1946-ом, Поль и Лора встретились на сборе винограда. Свежий аромат только что сорванных гроздей и песни женщин, которые давили их босыми ногами, послужили фоном для их зарождающейся любви.

Полгода спустя, весной, когда на зазеленевших лугах расцвели лютики и на поля вышли крестьяне с плугами, взрывающими землю, готовую дать жизнь пышной и полной жизненных сил летней зелени, молодые люди объявили о помолвке.

Лора смогла очаровать семью своего жениха. Расположение Нанетт ей не так-то легко было завоевать. Но у Лоры нашелся козырь в рукаве — родственник со стороны отца, которого старушка хорошо знала. Оставалось еще перебороть неприязнь Камиллы, которая расстроилась из-за того, что обожаемый брат женился не на Мари-Эллен.

Что до Мари, то она с радостью приняла в семью эту ранимую непритязательную девушку со сдержанными манерами. Скромная и не болтливая, Лора предпочитала выражать свои чувства посредством музыки. Поль любил ее до безумия, и разве не это было главным? Адриан, которого, судя по всему, не оставили равнодушным ангельская улыбка будущей невестки и ее большие зеленые глаза, пообещал подарить им на свадьбу фортепиано.

Бракосочетание состоялось в соборе Тюля в сентябре 1947 года. Камилла по этому случаю надела свое первое длинное платье, потому что была подружкой невесты. Во время церемонии она, сама того не желая, представляла Мари-Эллен, которую так любила, на месте Лоры перед алтарем. Позднее она призналась в этом Полю, вызвав этим его негодование.

— Какой ты еще, в сущности, ребенок, Камилла! — с упреком сказал ей брат. — Некоторые вещи даются нам свыше, и тут ничего не поделаешь. Когда-нибудь ты это поймешь. Я люблю Лору, и только ее одну!

Он сразу же пожалел о своей резкости. Чтобы утешить сестренку, он доверил ей свой маленький секрет: «Я расскажу тебе, как я ухаживал за девушкой, которая сегодня станет моей женой. Это было в Прессиньяке, во время сбора винограда, в винограднике отца Жюстена. На Лоре было розовое платье, руки ее были измазаны соком, ведь она работала с самого утра. Я предложил ей свою помощь. Мы стали работать вместе. Она тихонько напевала. Ее голос волновал меня, и чем больше я ее слушал, тем красивее и грациознее она мне казалась... И тогда я сказал ей, что она мне нравится, что я родился здесь, в «Бори». Она выглядела удивленной, а потом улыбнулась мне. Вечером, за ужином, мы сидели рядом. А потом мы танцевали — до поздней ночи. Я проводил ее домой. И мне хотелось, чтобы этот прекрасный день никогда не кончался. Я не мог позволить ей вот так уйти. Мне казалось, что, если я ничего не сделаю прямо сейчас, я навсегда ее потеряю. И тогда я собрал всю свою смелость и поцеловал ее у

креста, ты знаешь, там, по дороге к школе. Нас освещала луна, и ее рыжие волосы сияли, словно нимб. В тот момент я и решил, что женюсь на ней. Если она захочет...»

Радуюсь, что брат поделился с ней своими сокровенными мыслями, Камилла решила, что должна примириться с невесткой, которая, кстати, была с ней очень ласкова.

После произошло еще несколько приятных неожиданностей. Матильда тоже решила выйти замуж, но без религиозного обряда. Мари очень расстроилась, узнав о таком ее решении. Она всегда была искренне и пламенно верующей, а потому считала узы, не освященные Церковью, неосновательными. Однако Матильда не слушала ничьих возражений, и ее матери пришлось смириться с тем, что брак средней дочери не будет церковным.

И все же самым важным для Мари было счастье Матильды. Она работала в парикмахерской в Бриве и стремилась к финансовой независимости, а потому экономила. Это заставило ее измениться. Она перестала, повинувшись порыву, покупать себе платья и безделушки. Ее молодой супруг Эрве, парень покладистый и, по всеобщему мнению, несколько бесцветный, обожал свою невыносимую супругу и во всем ей потакал.

— Мама, я готова, дай мне кошелек! — крикнула девочка, удивившись, что мать не вышла в прихожую.

Камилла надела ботинки и пальто и была полностью готова к встрече с морозом. Она с восторгом предвкушала удовольствие от прогулки под снегопадом.

Мари с сумочкой в руке вышла из кухни.

— Держи, этого тебе хватит, Камилла! И не задерживайся, скоро совсем стемнеет. И твой отец вот-вот будет дома.

— Обещаю, мамочка! Я пройдуь вокруг площади, и, если встречу Мари-Эллен или Жаннетт, мы поболтаем немного... Ты только не волнуйся!

— Хорошо, разрешаю тебе погулять с полчаса, — снисходительно согласилась Мари. — И все-таки не задерживайся, дорогая! Пстой, ты сегодня такая хорошенькая! И так выросла!

Камилла кивнула, не вдумываясь в смысл услышанного: ну чем плохим ей может грозить тот факт, что она стала симпатичнее и чуть взрослее, чем год назад? Однако она предвидела, что на такой вопрос мать ответит расплывчато, с легким раздражением, и это чуть остудило порыв девочки. И все же такой мелочи было недостаточно, чтобы заставить ее

отказаться от прогулки.

— Не беспокойся, мамочка! Я скоро вернусь. Ты не успеешь даже суп подогреть!

Мари с нежностью улыбнулась дочери. Заботливая мать, она проследила взглядом за тем, как Камилла аккуратно ступила за порог сначала одной ногой, потом другой — чтобы наверняка не поскользнуться. Но снег оказался пушистым и рыхлым. От их дома к фонтану вела цепочка следов.

«Я могла бы пойти с ней, — подумала Мари, закрывая входную дверь. — Но нет, я становлюсь матерью-клушей, и это негоже! Я правильно поступила, позволив ей пойти одной. Ей хочется почувствовать себя взрослой. И в ее возрасте это вполне естественно! Я не должна забывать, что моя девочка растет... Но мне тоже так хочется прогуляться!»

Не в силах противостоять искушению пройтись по заснеженному вечернему городу, она взяла с вешалки свою курточку на меху — подарок Адриана. Мари уже представляла себя на улице, щедро выбеленной и украшенной первым зимним месяцем, когда услышала голос Нанетт. Она вздохнула и направилась к комнате старой женщины, некогда служившей обитателям этого буржуазного дома гостиной.

— Как ты себя чувствуешь, Нан, дорогая? — спросила Мари, переступая порог.

— Лучше. Я хорошо спала и почти совсем не кашляла. Сейчас встану и сварю себе чашку напитка из цикория. Да и некогда мне лежать — работы накопилась целая гора!

В подтверждение своих слов она кивнула в сторону низкого шкафчика для посуды, на котором лежала стопка белья. Всюду в комнате царил безупречный порядок. Нанетт ни за что не хотела отказываться от возни с бельем и одеждой домашних — вязала, чинила и штопала, гладила простыни... Это был ее вклад в жизнь семьи Меснье. Старушке очень хотелось делать что-то полезное и при этом сохранять за собой «свою территорию», на которой она была бы полновластной хозяйкой. Попробайся Мари отобрать у нее хотя бы десятую часть работы, разразилась бы ужасная гроза! Поэтому она даже не думала об этом.

— Мадемуазель Берже, наша мама Тере, принесла тебе лечебный сироп! — объявила Мари. — Ты непременно должна его принять!

— Успеется, доченька...

Нанетт с неохотой принимала лекарства, но от ложки бузинового сиропа она и не думала отказываться. Мари присела на край ее кровати, и они какое-то время болтали о праздниках, о рождественском меню, о детях

и внуках. Наконец Нанетт встала и прямо в белой ночной сорочке, закрывавшей всю ее фигуру до самых тапочек, направилась в кухню. Мари еще какое-то время сидела в нерешительности, но желание прогуляться по городку никуда не девалось. Она представляла себе высокое здание аббатства, церковь с колокольной в одеянии из снега и льда, и желание увидеть все это собственными глазами вскоре стало навязчивой идеей. Она вздохнула, поднялась и тоже пошла в кухню. Ужин еще не был готов. Мари уже подошла к плите, когда внезапно в ней созрело решение:

— Нан, я хочу сходить в приют, отнести сестрам старые вещи Камиллы. Я хотела это сделать еще в прошлом году, но все не было времени. Я выбрала наименее поношенные платья, кофточки и юбки. Маленькие сироты будут очень рады таким обновкам!

Нанетт посмотрела на Мари с укоризной. Неделю назад из-за этих вещей они даже поссорились.

— Что ж, решила — так иди! — ворчливо отозвалась старушка. — Я остаюсь при своем мнении. Я могла бы отпустить подрубку или даже распороть и сшить заново! Отдавать то, что может послужить еще год, а то и больше — это значит сорить деньгами! И когда ты успела привыкнуть к роскоши, доченька?

— Нан! Я уже говорила тебе, что Камилле нужна новая одежда. Она выросла, и ты сама видишь, что она из девочки превращается в девушку. Я не хочу, чтобы она задыхалась в тесных платьях только ради того, чтобы не расстраивать бабушку!

Нанетт продолжала бурчать себе под нос. Она ни за что не признала бы правоту невестки, пусть даже та была сто раз права. Рассерженная Мари оставила старушку ворчать в свое удовольствие и поднялась в спальню на втором этаже. Там она нашла полотняную сумку с аккуратно сложенной одеждой, которая стала мала дочери. Чтобы поскорее справиться с раздражением, Мари решила выплеснуть его здесь.

— Она никак не хочет понять, что я теперь — супруга доктора! — сказала она вслух. — Камилла — единственный ребенок Адриана, и у нас есть средства, чтобы прилично ее одевать. Если бы я ее слушала, мы все ходили бы в заплатках, как в те времена, когда жили на ферме в «Бори»!

Мари вздрогнула, поймав свое отражение в зеркале гардероба. Удивленная, она на мгновение остановилась. Честно говоря, она смотрела на себя в зеркало очень редко. Просто была не из тех женщин, которые с утра до вечера изучают свое отражение. Что ж, похоже, в комплиментах, которые она часто получала, была доля правды — она выглядела моложе своих лет. Мари пристально разглядывала свои гладкие щеки, тонкий носик

и чувственные розовые губы. В уголках глаз и на лбу наметились морщинки, но такие легкие, что облачка рисовой пудры было достаточно, чтобы их замаскировать. И только в моменты, когда мрачные мысли брали верх над природной веселостью, в ее красивых золотисто-карих глазах отражались тяготы прожитых лет. И неудивительно, ведь глаза — зеркало души... А в душе пятидесятичетырехлетней женщины осталось так мало свойственной детям невинности и наивности... И все же Мари не утратила своей способности радоваться каждой мелочи и улыбаться, даже когда на сердце грусть.

Матильда взяла на себя обязанность следить за прической матери. Каскад шелковистых кудрей спадал на плечи Мари, спереди, с правой стороны лба, струилась волнистая прядь. «Эта прическа и правда мне очень идет! Неужели я становлюсь кокеткой?» — подумала она, надевая меховую шапочку.

Через пять минут Мари уже шла через площадь, с наслаждением вдыхая морозный, пахнувший свежестью воздух. Порыв ветра забросил ей за воротник горсть снежинок, которые тут же растаяли, оставив на шее ласковый след своего прикосновения. Мари улыбнулась.

«Это же надо, в моем возрасте так радоваться прогулке под снегом! Иногда, по словам Адриана, я веду себя как девчонка... А ведь у меня уже есть внуки!»

На территорию аббатства Мари ступила, пребывая в удивительном состоянии духа — она была весела и серьезна одновременно. Она сразу же ощутила царивший в этом месте покой. Прекрасные пропорции здания, золотистые отблески на скульптурах фронтона... Эта картина взволновала бы сердце любого ревностного католика.

В этот вечерний час в церкви было пусто. Перед алтарями святых трепетали огоньки многочисленных свечей. Тонкий запах фимиама всколыхнул в памяти Мари облако воспоминаний. В этой самой церкви она, маленькая сирота, всем сердцем молила Господа подарить ей родителей и настоящую семью...

«Пришлось многое пережить, и случилось это не так быстро, однако небеса вняли моим мольбам!»

Она прошла вдоль левой стены туда, где, с недавних пор окруженное металлическими решетками, находилось надгробие могилы святого Этьена. Местные жители искренне чтят память этого отшельника. Столько их приходило сюда, чтобы помолиться, попросить благословения или помощи, что его каменное лицо и руки частично стерлись. Светлый камень хранил следы тысяч пальцев, каждый из которых уносил на себе крохотную

частичку изваяния.

«Подумать только, пришлось оградить могилу решетками! Я часто молилась святому Этьену, но никогда не осмеливалась прикоснуться к святыне. А ведь говорят, что в этой церкви даже что-то украли. Какой стыд!»

Но разве можно было расти в приюте Обазина, в стенах, возведенных за многие века до твоего рождения, и неуважительно относиться к основателю аббатства, историю которого детям рассказывают уже в подготовительном классе? Легенды приписывали монаху-цистерцианцу, которого звали брат Этьен, множество чудес. Мари, которая попала к сестрам конгрегации Святого Сердца Девы Марии будучи трех лет от роду, очень рано открыла для себя радость чтения благодаря историям о жизни святого.

Приблизившись к решетке, она вдруг услышала всхлипывания. Мари замерла и прислушалась. Она не ошиблась — у надгробия кто-то плакал. Растроганная и удивленная, она спросила:

— Кто здесь?

Никто не ответил. Но и всхлипывания стихли, как по мановению волшебной палочки. Мари на цыпочках подошла ближе.

— Здесь кто-то есть? — снова спросила она.

Что-то шевельнулось в тени колонны. Приблизившись, Мари увидела сжавшуюся в комок девочку. Почти черные волосы обрамляли крохотное, как у котенка, личико. Она посмотрела на Мари своими блестящими от слез ярко-голубыми глазами.

— Но... Что ты делаешь здесь совсем одна? — воскликнула Мари. — Моя бедная крошка, что с тобой случилось?

Девочка шмыгнула носом. Она дрожала от холода, а может, и от отчаяния.

— Как тебя зовут? Думаю, мы уже где-то виделись... Ты ведь из приюта, правда?

— Да, мадам, — шепотом ответила девочка.

Мари опустилась на колени рядом с ней. Она вспомнила, что видела эту девочку во время воскресных прогулок сирот по городу. Она держала за руку сестру Женевьеву.

— Но почему ты сидишь на земле? Пол холодный! Не бойся меня, подойди поближе! Я тоже, как и ты, когда-то была сиротой. Сестры вырастили меня здесь, в Обазине. Я тогда была такая же маленькая, как и ты.

Девочка перестала плакать. Все ее внимание теперь было приковано к

Мари. Кто лучше поймет страдания покинутого ребенка, чем тот, кто и сам рос сиротой? Ласковый голос этой красивой дамы окончательно успокоил ребенка: девочка встала и прижалась к руке Мари, которая продолжала говорить в надежде ее утешить.

— Скажи мне, моя крошка, почему ты плачешь? Ты выглядишь такой несчастной!

— Это потому, что у меня нет мамы! И папы тоже нет! И я решила тайком приходить и просить у святого Этьена сотворить чудо. Он один может дать мне маму! Но... у меня не получается!

Мари постаралась не улыбнуться. Девочка наверняка боялась, что она начнет над ней насмехаться. Как она понимала эту отчаявшуюся малышку, которая в нескольких словах высказала всю глубину своего горя! Только сироты не понаслышке знают, какой беспросветной кажется жизнь без родительской защиты и ласки! И самое страшное для большинства из них то, что они никогда не знали своих родителей, своих корней, семейной истории и причины, по которой попали в приют.

— Я думаю, у тебя есть мама, — сказала Мари после недолгой паузы. — Ее имя — мама Тере, и она заботится о тебе каждый Божий день! Она такая добрая, такая ласковая... Ты ведь и Мадлен тоже знаешь, правда?

— Конечно! — шепотом отозвалась девочка. — Она — любимица мамы Тере. Мне так сказала старшая девочка.

— Это неправда. Не слушай тех, кто рассказывает такие глупости! У мамы Тере никогда не было любимиц. Мадлен попала в приют двухлетней малышкой, поэтому мама Тере ее опекала. Без мамы Тере, без ее заботы и любви, эта девочка наверняка бы умерла. А возможно, и ты тоже, кто знает... Поэтому забудь всю эту чепуху и скажи мне, как тебя зовут. Я уверена, у тебя очень красивое имя, такое же красивое, как твои голубые глаза!

Девочка задумалась. Она долго смотрела на Мари. Сказать, как тебя зовут, — не такое уж легкое дело. Имя — это единственное достояние сироты. Однако после долгого изучения красивой незнакомки девочка решилась довериться ей и грустно произнесла:

— Меня зовут Мелина, и мне двенадцать лет.

Супруга доктора Меснье удивилась такому ответу. Для своего возраста девочка была очень маленькой. Ей можно было дать самое большее лет девять. Растроганная до глубины души, Мари обняла этого худенького ребенка и погладила по волосам.

— Мелина! Какое красивое имя! А меня зовут Мари, и я учительница в школе. Скоро я приду сюда, в аббатство, и буду учить тебя и твоих

ровесниц. Мелина, ты не должна грустить в канун Рождества! Завтра вечером ты будешь петь в церкви вместе с другими девочками, верно?

— Да, мадам, но мне все равно грустно. Когда мы гуляем по городу, я вижу за окнами домов людей. У них есть семья, и дети такие радостные, ведь они у себя дома... А у меня нет мамы! Сестры очень добрые, но это... не одно и то же. И дома у меня тоже нет!

— Иногда дети бывают несчастными, даже если живут со своими родителями в родном доме. Не завидуй другим, это ни к чему хорошему не ведет и только усиливает твою печаль. Да, кстати, а ты подумала, как волнуются сейчас сестры? Они ведь наверняка всюду тебя ищут! Это нехорошо, ведь они так добры ко всем сиротам! И ты совсем замерзла, сидя здесь на холодных плитах!

И Мари стала растирать хрупкое тело девочки, чтобы хоть немного ее согреть. Тогда-то она и заметила дырку на ее левом чулке.

— А это откуда? Ты упала?

На колене девочки была кровоточащая ссадина.

— Я вышла из столовой и, когда бежала вниз по лестнице, поскользнулась. Я хотела поскорее прийти сюда после полдника, чтобы помолиться святому Этьену. Когда получается, я всегда прихожу сюда, смотрю на могилу и прошу его о чуде!

Мари с сочувствующим видом кивнула. Она тоже часто искала место, где могла бы уединиться, когда чувствовала себя совсем несчастной. Как понятны ей были желания этой девочки, ее неутолимая жажда иметь семью! Мелина, должно быть, ощутила ее волнение — девочка вдруг порывисто прижалась к ее груди и вздохнула с облегчением. Прижавшись друг к другу, они являли собой необычайную картину: взрослая женщина делилась любовью, которой всегда было переполнено ее сердце, с маленькой девочкой, мечтавшей об утешении, чувстве защищенности и в особенности о любви.

— Вы очень добрая, мадам! Вы мне очень нравитесь... Скажите, а вы не хотите быть моей мамой?

Эти несколько слов иголками вонзились в сердце Мари. Еще мгновение — и она разобьет вдребезги надежду этого ребенка, который так внимательно смотрит на нее своими голубыми глазами в ожидании знака, выражающего согласие... Наконец та, которая и сама когда-то считала себя сиротой, ответила с волнением:

— Я не могу, моя крошка! Но я буду заботиться о тебе, обещаю!

Мелина, опустив голову, снова беззвучно заплакала. Она никому не нужна! Потом она прошептала со вздохом, словно бы это все объясняло:

— И мама Тере ушла!

— Я знаю, — сказала Мари. — Она сейчас в городе, навещает деток, которые еще несчастнее, чем ты. Их родители зарабатывают очень мало денег. У них не будет ни сахарного Иисуса в рождественском чулочке, ни апельсинов. Хочешь, я расскажу тебе историю о святом Этьене, у которого ты просишь маму?

— Конечно хочу, мадам!

— Тогда слушай! Святой Этьен был очень добрым человеком. Всю свою жизнь он боролся с несправедливостью и злом. Всей душой он любил Господа, но и людей он любил не меньше. Когда он пек хлеб для бедняков, тесто все время подходило и подходило, так что хлеба хватало на всех. Это было настоящее чудо, ведь в городке не оставалось голодных.

Мелина кивнула и с очаровательной улыбкой заметила:

— Наверное, это очень практично!

— Да, моя крошка, ты права. Но это еще не все. Святой Этьен вместе со своими братьями-монахами решил построить это прекрасное аббатство. Однажды огромная балка, которая поддерживала свод, сломалась. Еще мгновение — и каменный потолок обрушился бы на бедных рабочих и раздавил их, но святой Этьен бросился к балке, чтобы ее удержать. И балка чудом тотчас же стала как новенькая. Позднее, когда святой умер, люди стали приходить помолиться на его могиле, и случилось еще много чудес: больные выздоравливали, слепые обретали зрение... Скажи мне, Мелина, ты когда-нибудь задумывалась над тем, как тебе повезло, что ты не слепая, что можешь любоваться заснеженным садом, весенними цветами? Быть может, святой Этьен не торопится дать тебе то, что ты просишь, потому что он считает нужным помогать людям, которых мучат сильные боли, или тем, у кого случилось ужасное горе. В приюте у тебя есть хорошая постель, еда, привязанность подружек и любовь мамы Тере. Тебе пора перестать плакать и прятаться в церкви, понимаешь?

— Да, мадам, я буду вести себя лучше, и, может быть, однажды за мной придет моя мама... Так мне сказала Мадлен. Сама она мечтает остаться в аббатстве с мамой Тере.

Мари почувствовала, как на глаза набегают слезы. Выражение лица этой девочки, такой хрупкой, во взгляде которой еще читалась недетская тоска, растрогало ее до глубины души.

— Я тоже надеялась, что однажды мои родители придут и заберут меня с собой. Мне было хорошо у сестер, но, как и ты, я мечтала о маме, о доме...

— И что было дальше? — широко распахивая голубые глазенки,

спросила девочка.

— Однажды в приют пришел господин и меня позвали в приемную. Он показался мне добрым. Позже я узнала, что это был мой отец. Он забрал меня к себе. Как видишь, нужно «уметь заметить самую крошечную искорку надежды, которая остается даже тогда, когда надеяться уже не на что...» Однажды так сказала мне наша мать-настоятельница, Мари-де-Гонзаг.

Мари умолкла и стала тихонько баюкать девочку, которая, похоже, совсем успокоилась. Послышались чьи-то шаги, и появилась мать Мари-де-Гонзаг собственной персоной. Ее длинная юбка мела мощный каменными плитами пол.

— Мелина, вот ты где! Мое дорогое дитя, я всюду тебя искала! Мы все так волновались!

Мари встала и поцеловала протянутую матерью-настоятельницей руку. Было видно, что монахиня расстроена.

— Здравствуйте, Мари, дорогая! Как вышло, что вы оказались тут с Мелиной?

— Матушка, это счастливое совпадение! Я нашла ее здесь, у могилы святого Этьена. Она спряталась и плакала. У нее рана на колене, она упала по дороге сюда. Я как раз собиралась отвести ее к вам.

Мать Мари-де-Гонзаг внимательно посмотрела на Мелину, потом привлекла ее к себе и стала шепотом журить. Наконец она со вздохом сказала:

— С Мелиной иногда бывает трудно сладить. И все чаще она не хочет слушаться. Спасибо вам, Мари, что позаботились о ней. Мы очень волновались, а сестра Женевьева даже искала девочку на чердаке... И все напрасно! Хорошо, что я догадалась заглянуть сюда.

Мари кивнула. Беспокойство сестер в подобной ситуации было ей вполне понятно. Она вспомнила о цели посещения аббатства.

— Я принесла вещи Камиллы, из которых она выросла. Как хорошо, что это пришло мне в голову именно сегодня и я смогла утешить маленькую Мелину. Но скажите, как она попала в приют? У нее остались родственники?

— Мари, этого ребенка оставили на мое попечение. Как вы понимаете, я не могу сказать больше. Долг обязывает меня хранить тайну.

Супруга доктора Меснье покраснела. Ей стало стыдно за столь бестактные расспросы.

— Разумеется, — прошептала она. — Прошу извинить меня!

После непродолжительной беседы Мари передала сумку с одеждой

матери Мари-де-Гонзаг, которая направилась в сторону рукодельни, крепко сжимая ручку девочки в своей руке. Уже поднявшись по лестнице и занеся ногу над порогом сводчатой двери, которая соединяла аббатство со зданием приюта, Мелина обернулась и посмотрела на женщину, которая подарила ей немного нежности в тишине старинной церкви. Сердце Мари замерло — столько мольбы было в этих огромных глазах цвета лазури... Взволнованная, чувствуя комок в горле, она вдруг поймала себя на странной мысли... Да, теперь она поняла! Мелина напонила ей другую девочку, о которой она когда-то заботилась в приюте, давно, больше сорока лет назад.

«Господи, эти глаза... Такие голубые... Совсем как глаза Леони. Бедняжка, как она страдала от того, что у нее не было семьи! Но у этой девочки, наверное, еще живы родственники. Если бы я только осмелилась... Нужно навести справки...»

Мари вышла из церкви и снова оказалась на площади. Все так же шел снег, но он стал гуще, и все так же дул сильный ветер. «Траксьон» Адриана был припаркован у их дома. Падавший из окна свет отбрасывал на снегу тень автомобиля. Подняв голову, Мари увидела на втором этаже освещенное окно спальни Камиллы. За стеклом вырисовывалась тоненькая фигурка. Было темно, почти как ночью.

«Не думала, что мы с Мелиной так много времени провели в церкви! Камилла уже вернулась, и Адриан тоже. А я ведь еще собиралась зайти к Дрюлиолям, чтобы заказать мясо на следующую неделю... Что ж, в другой раз!»

Мари ускорила шаг и едва не упала, поскользнувшись на обледеневшей плитке у фонтана. Она почувствовала, что на улице стало холоднее. Она снова посмотрела на фасад своего дома.

«У нас так много места! И наша Камилла чувствует себя одинокой во время каникул и в выходные... Если бы я только осмелилась... если бы я осмелилась поговорить об этом ребенке с Адрианом... Как замечательно было бы взять к себе эту девочку! Я сделала бы все, чтобы она снова почувствовала себя счастливой!»

Она ни секунды не сомневалась, что супруг не станет возражать.

Сердце Мари забилось быстрее. В голове ее уже родился план. Сегодня вечером... или завтра, после полуночной мессы, она поговорит о Мелине со своими домашними. Убедит их согласиться, только нужно найти слова, которые пробудят в каждом из них желание сделать доброе дело, проявить милосердие...

Теперь она радовалась, что поддалась порыву, который привел ее в

аббатство в этот снежный вечер. Это не было случайностью, Мари твердо в это верила. Это был перст судьбы. И быть может, она подарит им еще больше счастья. И Мари почувствовала, что ради Мелины готова преодолеть любые трудности.

Глава 10

Чудо любви

Камилла с беспокойством поджидала мать, стоя у окна в своей комнате. Увидев ее на площади, девочка быстро спустилась по лестнице на первый этаж.

— Мама, где ты была? — спросила она, едва открылась входная дверь.

— В аббатстве, дорогая. Папа уже вернулся, я вижу. Он не очень устал? В такую погоду он очень не любит садиться за руль.

Тотчас же послышался низкий голос Адриана, который вышел в вестибюль следом за дочерью.

— Я ждал тебя с нетерпением, дорогая! — воскликнул он. — Но что это? Твои глаза сверкают так же ярко, как шарики на елке! Что хорошего с тобой приключилось?

— Я кое с кем познакомилась! — с таинственным видом ответила Мари. — Я расскажу вам позже. Я припозднилась, а ужин еще не готов!

Отец с дочерью обменялись удивленными взглядами. Что означало это «кое с кем»? Однако они не стали настаивать. Мари была так рада, что они решили дождаться вечера, когда она сама все расскажет. Они втроем отправились в кухню. Настроение у всех было прекрасное. Из-за двери доносились стук кастрюль и обрывки фраз на патуа: Нанетт уже занялась приготовлением ужина.

24 декабря 1947 года

Адриан положил руку на плечо Мило, венгерского камнелома, которого только что осмотрел. У того был сильный кашель.

— Нужно побыть в тепле как минимум три дня, мсье Ковач! У вас слабые легкие и в груди нехороший свист. Это сильный бронхит.

— Но, доктор Меснье, что я скажу патрону? У нас большой заказ от нотариуса из Узерша, который строит себе второй дом в Бейна. В каменоломне нужны все рабочие руки! Я не могу остаться дома, даже на день не могу!

Мило Ковач работал в каменоломне Даниэля. Это место славилось своим розовым гранитом. Разработкой камня руководил Жан-Батист Канар, отец Жаннетт.

Венгр был работником надежным и знающим. На французском он изъяснялся немного неуверенно, а голос у него был очень звучный. Адриан написал рецепт и окинул комнату озабоченным взглядом. Здесь было холодно, темные стены блестели от влаги. Женщина тридцати лет, миниатюрная, с длинными черными косами, готовила обед на чугунной печке.

— Нужно пожарче натопить в доме, мадам Ковач. У вашего мужа высокая температура. Да и дети могут заболеть в таком холоде.

Адриан вздохнул. Семья венгров жила в домике в переулке, куда солнце не заглядывало даже летом, а потому здесь весь год было сыро. Складывалось впечатление, что декабрьская стужа и ветер проникают сквозь стены.

— Вы знаете, доктор, в каменоломне я зарабатываю на жизнь, — сказал Мило. — Нам приходится нелегко, да и жилище наше могло бы быть получше. Но я не хочу жаловаться, как многие другие. Я люблю свою работу. Я хорошо знаю камень. Поверьте, нет ничего лучше в работе, чем местный розовый гранит! В моих руках он становится мягким и нежным.

Адриан усмехнулся. В первый раз он слышал, чтобы гранит из его родных мест называли нежным.

— Да вы поэт, мой славный Мило! Думаю, ваш гранит подождет вас несколько дней, не беспокойтесь! И прошу, не нужно самовольничать, оставайтесь в постели! — посоветовал он камнелому. — Что до работы, то на обратном пути я зайду к Жану-Батисту. Я знаю Канара, он охотно даст вам несколько дней отдыха.

— Спасибо, доктор! — с дрожью в голосе тихо проговорила женщина.

Оказавшись на улице, Адриан вздрогнул. В воздухе носились колкие снежинки. Он моментально продрог и направился к кафе «Сюдри», чтобы выпить чего-нибудь горячего. Он выбрал место у раскаленной печи и в ожидании своего кофе мыслями вернулся к вопросу, который задала Мари вчера в конце обеда. Доктор Меснье сыграл в этой сцене незавидную роль — роль главы семьи, говорящего «нет». И это «нет» преследовало его, поскольку было ясно, что оно повлечет за собой напряженность в семье и страдания его супруги.

Перед затуманенным взором Адриана снова прокрутилась вся сцена. Мари спросила у него негромко: «Что скажешь, если мы удочерим девочку из приюта?»

Личико Камиллы засияло от радости при мысли, что в доме, который после переезда сестры часто казался ей пустым, появится еще одна девочка. Однако Адриан положил конец разговору своим категорическим

«нет», и эта реакция была непонятна не только жене и дочери, но и Нанетт. Однако на то у него были свои причины.

До этого дня ему не случалось огорчать свою супругу, они были очень дружной парой. Да, они поссорились из-за истории с арестом Матильды, но это было уже в прошлом, по меньшей мере для Адриана. Они жили в полном согласии, у них были одинаковые взгляды на жизнь, их желания часто совпадали... Но на этот раз, хотя новая идея Мари застала его врасплох, он ни секунды не колебался. Нет! Он не хочет усыновлять ребенка! В особенности эту девочку!

Настроение у него портилось, стоило вспомнить расстроенное лицо Мари, которая смотрела на него разочарованно и недоумевающе. Потом он, конечно, попытался объяснить:

— Я с радостью воспитывал Лизон, Поля и Матильду, дорогая, и нашу маленькую Камиллу, но мне совсем не хочется, чтобы в этом доме появился еще один ребенок...

И он запутался в объяснениях под ошеломленными взглядами трех дорогих ему женщин — Нанетт, Камиллы и Мари.

Последняя сделала вид, что не слишком расстроилась, и настаивать не стала. Но у Камиллы уже пробудилась женская интуиция, и девочка поняла: отец проявил несвойственную ему непреклонность, и необычное напряжение, повисшее над столом, не сулит ничего хорошего. Она предпочла поскорее подняться к себе.

«Я поговорю с ней завтра! — пообещал себе Адриан. — Завтра сочельник, и соберется все семейство. Нельзя портить новогодние праздники такой малоприятной историей! Решено: завтра я извинюсь за то, что был слишком резок, отказывая ей. Но решения я не изменю: нет, нет и нет! И еще я предложу Нанетт остаться дома и не ходить к полуночной мессе после ужина. Зимы становятся все холоднее, и с ее кашлем лучше остаться дома, в тепле. Сколько нас будет за столом? Поль и Лора, Эрве и Матильда, нас четверо... Значит, всего восемь!»

Адриан, которого эти размышления о предстоящем празднике в кругу семьи слегка успокоили, помешал свой кофе. В чашку он положил много сахара — ему еще были нужны силы. Он целый день навещал пациентов и успел устать. С утра он проехал немало километров по скользким заснеженным дорогам. После обеда у него было запланировано еще несколько визитов, но оставшиеся пациенты все проживали в городке. Адриан не считал, сколько часов работает. Открывая кабинет в Обазине, он понимал, что профессиональная деятельность будет часто вторгаться в его частную жизнь. Такова участь любого сельского врача, но он был к этому

готов. Работа врача была его призванием, и он отдавался ей целиком и полностью.

В кафе вошли двое высоких мужчин с густыми усами. Их толстые шерстяные куртки и шляпы были усыпаны снегом. Одним из них был Жан-Батист Канар, патрон каменоломни Даниэля, второй — Марк Лажуани, отец Амели, которого прозвали Маршалом. Они дружили много лет, вот и теперь оживленно беседовали и громко смеялись. Оба этих господина пользовались в городке большим уважением. Адриан помахал им рукой, приглашая за свой столик. Все трое пожали друг другу руки.

— Рад вас видеть, доктор! — воскликнул Марк Лажуани. — Вот уж не ожидал вас здесь встретить!

— Я обхожу пациентов и совсем замерз... Кстати, Жан-Батист, я хотел поговорить с вами о вашем рабочем, Мило Коваче. Я как раз от него. У него сильный бронхит...

Адриан объяснил, что венгр нуждается в нескольких днях отдыха, потом попрощался и отправился дальше. Мари в это время стояла у окна столовой в ожидании приезда Поля. При виде своего супруга, тяжелым шагом пересекавшего площадь, она вздохнула и сказала себе: «Он даже не посмотрел в сторону дома! Думаю, он плохо себя чувствует. Он устал. Каждую зиму одно и то же — слишком много работы! Мне не нужно было задавать ему этот вопрос вчера вечером. Ну, по крайней мере, не так, не в присутствии Камиллы и Нанетт. Лучше мне немного подождать... Сегодня Мелина будет на полуночной мессе. Я сделаю так, чтобы он ее увидел. Они должны познакомиться, прежде чем я снова затрону эту тему. Я повела себя неуклюже, слишком поторопилась!»

От дыхания Мари стекло затуманилось. Она протерла стекло и снова погрузилась в созерцание заснеженной площади. Каждое Рождество в их доме походило на предыдущее, менялись разве что праздничное меню и украшения на елке... Она всегда с нетерпением ждала приезда своих взрослых детей и переживала, зная, что они едут по скользким дорогам. И она всегда старательно, с любовью готовила праздничный ужин. Поль недавно купил последнюю модель «рено» — «4 CV». Этот практичный автомобиль имел большой успех на автомобильной выставке в Париже. Мари очень хотелось посмотреть на это новое приобретение сына, о котором он ей столько рассказывал.

— Что еще нужно сделать? Нанетт поставила гуся в печь. Мне осталось только запечь паштет и приготовить трюфеля... — перечисляла с озабоченным видом Мари себе под нос.

В комнату ворвалась Камилла.

— Мам, ты что тут делаешь совсем одна?

— Собираюсь идти в кухню, дорогая!

— Готова спорить, ты поджидаешь Поля! — улыбнулась девочка. —

Или грустишь из-за папы...

Такая проникательность удивила Мари, и она внимательно посмотрела на дочь. Камилла повязала большой белый фартук, чтобы не испачкать свое черное бархатное платье. Ее светло-каштановые волосы были зачесаны назад и скреплены двумя гребешками, оставляя на виду гладкий красивый лоб. «Как она выросла! И похорошела...» — подумала Мари.

Грациозной походкой дочь неторопливо подошла к окну. Стоя рядом с матерью, она посмотрела ей в лицо, омраченное печалью, причиной которой стал отказ Адриана.

— Скажи, мам, ты расстроилась из-за вчерашнего разговора? Сейчас, когда мы только вдвоем, я хотела спросить: ты имела в виду какую-то конкретную девочку, когда заговорила об усыновлении ребенка из аббатского приюта? Знаешь, я часто видела их на улице, когда их выводили на воскресную прогулку. Я была бы очень рада, если бы вы решились взять кого-нибудь из девочек моего возраста. Тогда у меня была бы подружка!

Для Мари ее слова стали неожиданностью. Она какое-то время покусывала губы, не зная, как ответить. Чтобы выиграть время, она поправила гребешок, который соскользнул с положенного ему места на волосах дочери, потом сказала:

— А что, если бы она оказалась младше тебя? Этой девочке двенадцать, но она такая маленькая и миниатюрная, что я с трудом дала бы ей и девять...

Камилла растерялась: весь день она представляла себе жизнь с приемной сестрой своего возраста, с которой могла бы делиться секретами и мечтами...

— Ей двенадцать! — повторила она. — Но о ком ты говоришь?

Мари увлекла дочку за собой к канапе. Они сели рядышком, держась за руки.

— Слушай, дорогая! Я хотела рассказать это папе, но он так отреагировал, что я не осмелилась. Похоже, он по-настоящему рассердился! Вчера я пошла в аббатство отнести твои старые вещи и в церкви услышала, как кто-то плачет. За могилой святого Этьена спряталась маленькая девочка. Она пришла попросить у него маму. Знала бы ты, как я растрогалась! Я готова была разрыдаться. Эта крошка надеется на чудо, ей так хочется иметь семью! Это, конечно же, замечательно, однако так мучительно для нее... Я постаралась утешить ее, как могла, потом мы

немного поговорили. Там, перед статуей святого Этьена, я поняла, что встретились мы неслучайно, и это может означать только одно: мне дано указание свыше взять ее за руку и всегда идти рядом по жизни. Когда мы расстались, видела бы ты, как она на меня посмотрела! Сколько в этом взгляде было надежды и тоски! Тогда я подумала о нашем огромном доме, о двух пустых комнатах... В будние дни ты в колледже, в Бриве, и мне, признаюсь, бывает одиноко. Понимаешь?

— Как зовут эту девочку? — спросила Камилла.

— Мелина. У нее черные волосы и красивые голубые глаза, такие же сияющие, как у тети Леони. И она такая хрупкая, такая грустная, что о ней сразу же хочется позаботиться! Видела бы ты, как она прижималась к моим коленям... Я все время о ней думаю...

— Бедняжка! — прошептала Камилла. — Значит, мы увидим ее сегодня на мессе?

— Да, я рассчитывала увидеться с ней и показать ее твоему отцу. У него щедрая душа, он не сможет остаться равнодушным!

Камилла поцеловала мать. Они были очень близки и понимали друг друга лучше, чем когда бы то ни было. Девочка как раз собиралась сказать матери, что та не должна расстраиваться заранее из-за отказа отца, когда из кухни донесся легкий запах гари. Девочка вскочила с криком:

— Мой пирог! Если он подгорел, все пропало!

— И все из-за меня! Ты печешь миндальный пирог?

— Да! Я пообещала Полю в последнем письме, что приготовлю самый лучший — с миндалем и начинкой из каштанов с сахаром и ванилью, под шоколадным кремом! Скорее, мам, скорее на кухню!

***

Через час серый «Рено 4 CV» Поля остановился перед домом. Мари, которая как раз возвращалась из мясной лавки Дрюлиолей, ускорила шаг — она увидела сына. Он крикнул с улыбкой:

— Только не упади, мам! Под снегом часто оказывается лед! Ну, как тебе моя машина?

— Она забавная! Я так привыкла к «Траксьону» Адриана, что не осмелилась бы сесть в такой маленький автомобиль!

Лора открыла дверцу и вышла из машины. На молодой женщине был серый костюм и шляпка в тон. Изысканным туалетам она предпочитала удобство. Эта ее черта нравилась Мари. Они поцеловались и негромко заговорили о подарках и детях. На пороге нетерпеливо переминалась с ноги на ногу Камилла.

— Быстрее входите! — с улыбкой позвала она. — На улице так холодно! Вы сможете поговорить и в доме, у елки!

Поль взял жену за руку и помог подняться по ступеням. Камилла сделала маленький реверанс и вежливо сказала, обращаясь к невестке:

— Добрый вечер, Лора! С Рождеством тебя!

Адриан все еще не вернулся. Мари уже начала волноваться. Ей нравилось, когда вся семья собиралась вокруг нее в теплом доме, особенно в сочельник.

— Где же папа? — забеспокоилась и Камилла. — Он ведь сегодня ушел пешком! Он уже минимум час как должен быть дома!

— Может, случилось что-то непредвиденное. Это не редкость, особенно зимой, — со вздохом отозвалась Мари.

Она сама не знала, насколько оказалась права: Адриан в это мгновение как раз входил в дом своего товарища по движению Сопротивления Ги Маролло. За годы войны мужчины стали хорошими друзьями.

Дочка Ги серьезно заболела. Она слегла еще вчера с сильным жаром и кашлем. Осмотрев ее, Адриан поспешил успокоить отца:

— Не волнуйся, Ги, Виолен нужно просто полежать в постели, пока не спадет температура, а потом еще недельку побыть в тепле, чтобы утих кашель. Я прописал ей средства, которые быстро поднимут ее на ноги. Ее бронхит пройдет без последствий, можешь мне поверить!

— Спасибо, Адриан! Подумать только, понадобилось кому-то в доме заболеть, чтобы мы встретились! И это после всего, что мы пережили в маки... Как грустно! Мы с тобой в последний раз виделись летом.

— Это правда! Время летит слишком быстро, и у меня прибавилось пациентов, особенно с тех пор, как в городок переехали новые семьи. И зима выдалась холодная, многие болеют...

Ги кивнул, соглашаясь. Они улыбнулись друг другу, вспоминая церемонию, состоявшуюся 14 июля 1947 года на кладбище в Бриве. Все участники Сопротивления из Корреза собрались возле склепа семьи Лер. Эдмон Мишле, некогда командир региональных сил, воздал честь аббату Шарлю Леру, и слова его глубоко взволновали присутствующих: «Прекрасно воспитанный человек, который оказался прекрасным солдатом...»

В тот день на кладбище Брива никто не остался равнодушным к происходящему. На церемонию съехались не только выжившие партизаны и семьи погибших, но и официальные лица, и делегации, и целая толпа простых людей, которых в свое время глубоко тронула судьба этого молодого аббата, геройски погибшего, но не предавшего своих товарищей.

Нацисты расстреляли его, тридцатилетнего, в мае 1944-го в Людвигсбурге.

— Прости, но мне пора домой, — сказал Адриан. — Меня ждут к ужину и наверняка волнуются. И Поль, пожалуй, уже приехал. Ты помнишь Поля? Они с женой Лорой ждут своего первенца. Они приехали к нам на Рождество, поэтому я спешу откланяться, и счастливых вам праздников!

В то время как доктор Меснье спешил домой по покрывшемуся коркой снегу, в Обазин въезжала Матильда со своим супругом. Ярко освещенный большой дом, украшенный остролистом и омелой и полный изысканных ароматов праздничной еды, принимал гостей.

Поль снял куртку и воскликнул радостно:

— Какое это все-таки счастье — оказаться среди родных! А где бабушка? Я хочу ее обнять!

Нанетт услышала голос внука. Она неторопливым шагом вышла из кухни, придерживаясь за стену.

— Поль, мой мальчик! Я ждала тебя с полудня! Ты заставил меня поволноваться, сорванец ты эдакий!

Молодой человек с волнением смотрел на бабушку. Он никогда не видел ее такой утомленной, поэтому с беспокойством посмотрел на мать.

— Что с тобой случилось, ба? — спросил он, прижимая Нанетт к груди.

— Ничего! Ничего! Что ты хочешь? Я уже не такая молодая, мой мальчик! И ноги у меня часто немеют, но это не важно. А жена твоя где? А, вот и она! Иди и поцелуй меня, моя девочка! Не робей перед старой Нан, она тебя не съест!

Лора подошла и подставила старушке свою розовую прохладную щеку.

Камилла сторала от нетерпения. Она ждала целую вечность, но никто не обращал на нее внимания. И это при том, что она поторопилась снять свой фартук и теперь, сцепив руки за спиной, с невинным видом ожидала, чтобы брат похвалил ее бархатное платье и прическу.

Наконец Поль соблаговолил повернуться к ней, подхватил за талию и закружил по комнате.

— Здравствуй, сестричка! Какая ты сегодня хорошенькая! А что пирог, получился? Надеюсь, ты его не сожгла. Я только о нем и думал всю дорогу! Жаль, что в этом году я приехал слишком поздно и елку уже нарядили. Берегись, если она окажется не такой красивой, как я надеялся!

Брат и сестра расхохотались и поспешили в столовую, где стояла елка. В дверном проеме они застряли — каждый хотел войти первым. Лора с улыбкой наблюдала за ними. На первых порах ей не очень нравились такие близкие отношения между Полем и его младшей сестрой, но все ее страхи

быстро улетучились. Единственный ребенок у родителей, она открывала для себя прелести жизни в большой дружной семье.

— Какая красота! — воскликнул Поль. — Посмотри, Лора, дорогая! Эта елка — настоящее произведение искусства.

Молодая женщина ответила улыбкой. Поль был прав: елка была великолепна. Но это только усилило испытываемую ею неловкость: в этом буржуазном доме Лора ощущала себя не в своей тарелке. Все вокруг было слишком красивым, слишком изысканным, даже эта елка, сверкающая сотнями огоньков! К счастью, ее пламенная любовь к Полю помогала ей преодолевать смущение, однако факт оставался фактом: рожденная в деревне, она никогда не будет иметь такой же статус, как члены семьи Меснье, и это ее немного огорчало.

«Я не из их круга! — в который раз подумала она. — И я не пошла учиться дальше после средней школы. Поль закончил институт, Лизон — Эколь Нормаль. В итоге только с Матильдой мы на равных. Ее жизнь больше похожа на мою, ведь она — парикмахер...»

Вскоре появилась и Матильда. Она уже успела снять меховую шубку и шелковый платок и поправить макияж. Напевая, она вместе с мужем Эрве подошла к елке. Рядом с ней супруг казался совсем незаметным — молчаливый, круглолицый, с коротко стриженными светлыми волосами.

— Изумительно красиво! — воскликнула она. — Камилла, тебе нужно идти учиться в Школу изящных искусств!

Девочка удовлетворенно вздохнула, но Мари возразила:

— Не забивай ей голову подобными глупостями, Матильда! Иметь хороший вкус — это одно, а зарабатывать этим на жизнь — совсем другое! Камилла будет сдавать экзамен на степень бакалавра...

Приход Адриана с покрасневшим от холода носом и ледяной коркой на шляпе положил конец разговору. Мари, обрадованная и сердитая одновременно, бросилась мужу на шею:

— Где ты был? Уже поздно, я начала беспокоиться!

— Что ты хочешь, дорогая? Не мог же я оставить моих больных на произвол судьбы под тем предлогом, что сегодня канун Рождества!

Мари в знак прощения радостно улыбнулась. Наконец-то она может расслабиться! Вся семья в сборе, и только это важно, этого достаточно, чтобы она была счастлива. И все же откуда-то из глубин сердца на нее смотрело маленькое личико с большими умоляющими глазами. Мелина постоянно напоминала о себе... Мари, разливая аперитив, невольно представляла себе девочку сидящей возле елки в ожидании подарков.

«В будущем году, возможно, она будет с нами на Рождество! В

будущем году, если так будет угодно небесам...» — сказала она себе с надеждой.

***

На полуночную мессу в аббатство Обазина пришли многие. Жители окрестных поселков ради этого проделали немалый путь. Церковь по этому случаю была роскошно украшена.

Магия Рождества сияла в глазах детей, с зачарованным видом любовавшихся прекрасными яслями слева от алтаря, в трансепте. Сцена Рождества Христова была воссоздана с помощью ярко раскрашенных статуэток, расставленных в бумажном гроте под сенью двух елей.

Камилла тоже задержалась возле яслей с младенцем. Однако это был только предлог, чтобы посмотреть на Мелину: в этот момент воспитанницы приюта как раз проходили мимо. Мать довольно точно описала девочку, сомнений быть не могло. Камила узнала ее по глазам цвета лазури и маленькому росту. Вокруг люди рассаживались на скамьях в теплом свете свечей на главном алтаре.

Мари и Адриан сели на одной из скамей первого ряда вместе с Полем, Лорой, Матильдой и Эрве.

— Надеюсь, Нанетт не будет скучать, — шепнула Мари на ухо супругу. — Это первый раз, когда она не пошла на полуночную мессу! Думаю, она очень расстроилась!

— Так будет лучше, уверяю тебя! — прошептал в ответ Адриан. — Сегодня вечером я говорил с ней как доктор с пациенткой, и она прекрасно меня поняла. Доказательство — она даже не попыталась спорить. Поэтому успокойся, дорогая!

Он взял ее руку и осторожно поднес к губам. Мари посмотрела на мужа с нежностью, тронутая его деликатностью. Решительно, ее супруг — прекрасный человек, всегда предупредительный и тонко чувствующий, и он обладает даром угадывать причину ее беспокойства даже раньше, чем она сама ее осознает... По крайней мере, до недавнего времени было именно так. Взгляд Мари переместился к группе сирот, стоявших перед фисгармонией. Вспомнился их с Адрианом разговор, и она снова расстроилась.

Мама Тере и мать Мари-де-Гонзаг присматривали за воспитанницами, но в этот праздничный вечер даже самые непослушные вели себя примерно. Мадемуазель Мори взяла первые аккорды рождественского гимна, который должны были исполнять девочки. Эта высокая худенькая женщина с серебристо-седыми волосами сидела за фисгармонией. Она

помогала настоятельнице Мари-де-Гонзаг в руководстве приютом и была директрисой школы, в которой, помимо сирот, училось несколько девочек из семей горожан. Камилла села на скамью рядом с родителями в тот самый момент, когда сироты запели «Ангелы в нашем краю».

Их легкие, прозрачные голоса поднялись к сводам церкви, сея в сердца каждого слушателя крупницы доброты и красоты и, конечно, чистой радости по поводу Рождества. Мари вдруг захотелось плакать, так ее растрогал этот гимн и тот факт, что вместе со своими подружками его пела Мелина. Девочка, которая сегодня была аккуратно причесана, смотрела на Мари так пристально, что между ними, казалось, установилась невидимая связь.

Камилла ничего этого не замечала. Она ждала момента, когда Мари-Эллен и Амели подхватят припев своими вибрирующими высокими голосами. Однако она не удержалась, чтобы не шепнуть Полю на ухо:

— Ты видишь, какой красавицей стала Мари-Эллен?

— Вижу, маленькая дьяволица! Но я женат и очень счастлив!

Лора их не слышала. Она любовалась церковью, поддавшись чарам праздника. Когда Хосе запел «Полночь, христиане...», она замерла от восторга.

Мари искренне восхищалась молодым тенором, и Адриан, заметив это, сказал:

— Дорогая, я скоро начну ревновать тебя к Хосе! Неужели это его испанский акцент так тебя растрогал?

— Не говори глупости! — пробормотала она. — Но ты должен признать: он никогда еще не пел так хорошо! Адриан, посмотри на девочку, которую мадемуазель Берже приобняла за плечи. У нее черные волосы и большие голубые глаза... Это Мелина, я хотела тебе ее показать. Вчера в церкви я нашла ее плачущей. Она убежала, чтобы попросить святого Этьена дать ей родителей... Ей очень тяжело оттого, что она — сирота. Вот почему вчера я спросила тебя...

Мари искренне надеялась, что эти слова, сказанные во время рождественской мессы, в стенах аббатства, растроят Адриана. Он не сможет остаться равнодушным к красоте Мелины, к ее горю... Она в нетерпении сжала его руку, но была жестоко разочарована.

— Мелина? Так ты ее назвала? — переспросил он ледяным тоном. — Уверен, не она одна мечтает о родителях! Все эти девочки, как бы хорошо о них ни заботились монахини и мать Мари-де-Гонзаг, хотят иметь дом и семью. Или ты рассчитываешь удочерить сразу весь приют?

— Тише, папа! — сказал Поль. — Ты говоришь слишком громко!

Амели предстояло спеть соло первый куплет знаменитого «Сын Божий

родился!», потом гимн должны были подхватить сироты. Молодая женщина решила спеть его вместе с девочками, как во времена своего детства, несмотря на то что стала мадам Леон Канар. Ее исключительной чистоты голос восхитил слушателей.

Мари едва слышала пение, так велико было ее отчаяние. Ей показалось, будто рядом сидит чужой человек, как две капли воды похожий на ее супруга. Его почти оскорбительный ответ глубоко ее ранил. Она так надеялась разделить с ним волнение, которое испытывала, глядя на Мелину, но он оставался холодным и отстраненным, заставив ее ощутить свое одиночество и растерянность.

Хосе Аларкон исполнил «*Ave Maria*». Растроганная Камилла взяла мать за руку. Все видели, как Мари достала из сумочки белоснежный носовой платок и нервным движением вытерла глаза. Как только музыка стихла, в хоре сирот произошло какое-то движение, толкотня... и вот маленькая девочка подбежала к первой в ряду скамье.

Мелина! Ей удалось ускользнуть от мамы Тере, и она бросилась в объятия Мари.

— Скажи, почему ты плачешь? Ты такая грустная! — заговорила девочка.

Ее сказанные звонким голосом слова эхом прокатились под сводами церкви.

Прихожане словно приросли к своим скамьям и молча наблюдали за неожиданной сценой. Многие сворачивали шею, чтобы лучше видеть. Тут же послышались негромкие комментарии. Члены семьи Меснье застыли от удивления. Матильда и ее супруг с трудом сдерживали улыбки. Растроганная Лора смотрела на Поля. Камилла не знала, что делать, и с недоуменным видом рассматривала маленькую хрупкую девочку, которая прижималась к ее матери. Взволнованная и в то же время огорченная, она готова была расплакаться. Адриан, казалось, окаменел. Он старался не смотреть на ребенка, обнимавшего его жену.

— Я не плачу, моя крошка! — пробормотала Мари. — Не беспокойся обо мне! Просто «*Ave Maria*» прозвучала так трогательно...

С этими словами она наклонилась и стала осыпать поцелуями бледное личико девочки. Если этот ее поступок и не понравится Адриану, что ж! Пусть так!

К ним торопливо подошла расстроенная мать Мари-де-Гонзаг.

— Мелина, не надоедай нашему другу Мари! Идем, хор еще будет петь! И будь послушной, дитя мое, хотя бы в Рождественский вечер!

— Не ругайте девочку, прошу вас! Бедная крошка разволновалась,

увидев меня плачущей.

Мари не заметила, что мать-настоятельница и Адриан обменялись растерянными взглядами. Она смотрела на маленькую девочку, занявшую свое место в хоре.

Камилла приподнялась на цыпочки и шепнула отцу за спиной у Мари:

— Папа, ты видишь, какая она маленькая, эта Мелина? Это ее мама хочет удочерить.

Адриан ответил серьезным тоном, достаточно решительно, чтобы прекратить дискуссию:

— Не вмешивайся в это дело, дорогая! В любом случае сейчас не время и не место для таких разговоров!

Обиженная девочка отвернулась. Мари не упустила ни слова из их короткого диалога. Ощущение страха в душе нарастало.

«Это невозможно! — подумала она. — Что могло настолько изменить Адриана? Никогда он не был таким упрямым и равнодушным... Господи, помоги мне!»

Глава 11

Ветер гнева

На следующее утро Адриан встал рано и вышел купить газету. Они с Мари не говорили о Мелине. Возвращение домой было довольно унылым, никто не осмеливался шутить или для собственного удовольствия напевать прекрасные мелодии, услышанные на мессе. Поль попытался разрядить атмосферу, запустив в младшую сестренку несколько снежков на выходе из церкви, но никто и не подумал веселиться.

По традиции в семействе Меснье подарки открывали по возвращении с полуночной мессы. Как обычно, в доме прозвучали возгласы удивления, звонкие поцелуи благодарности, от удовольствия сияли глаза, на лицах лучились растроганные улыбки... Если бы кто-то заглянул в этот момент в окно, то подумал бы, что именно таким и должен быть рождественский вечер в счастливом семействе.

Однако Адриан и Мари не ощущали особой радости. Вопрос об удочерении остался без ответа, отравлял их сердца и мысли.

После ритуального «Доброй ночи!» домочадцы разошлись по своим комнатам. Адриан и Мари легли спать молча. Он быстро уснул, утомленный суматошным днем. К Мари, которая никак не могла объяснить поведение супруга, сон не шел. Она пыталась понять, почему Адриан отреагировал именно так. Казалось бы, не было ни единой серьезной причины для этого. Она не понимала своего супруга, и констатация этого факта леденила ее сердце. Что с ними случилось? Их взаимопонимание и нежность, их страстная ненасытная любовь — словом, все, что соединяло их тела и души, — неужели это исчезло? После бессонной ночи Мари пришла к единственному логичному выводу: Адриан просто не хочет, чтобы в доме появился еще один ребенок. И ради того, чтобы сохранить мир в доме в этот день, двадцать пятого декабря, она решила быть милой и веселой, несмотря на то что на душе у нее было тяжело.

Это было прекрасное семейное утро, из тех, какие Камилла и ее мать особенно любили. Сегодня каждый мог как следует, без суеты, рассмотреть свои подарки. И, конечно, их обновить. Мари поставила подаренную Адрианом пластинку «На прекрасном голубом Дунае» Штрауса. Что до Камиллы, то она искала себе партнера для партии в шахматы на новой

доске.

Однако в доме не было привычного веселья, и Поль это сразу уловил. Оставшись с матерью наедине, он сказал расстроено:

— Мам, ты с завтрака не сказала мне ни слова! Лора это тоже заметила. Ну и Рождество! Камилла надулась, потому что отец отказался сыграть с ней в шахматы. Матильда убежала к Мари-Эллен, чтобы познакомить ее со своим Эрве. И бабушка еле-еле ходит и кашляет так, что сердце разрывается! Так недалеко и до хандры!

Мари невозмутимо выслушала его жалобы. Она стояла, прислонившись спиной к стене, скрестив руки на груди. Сегодня на ней было бежевое шерстяное платье с присборенной на талии широкой юбкой и пояском, длиной до тонких, красивой формы лодыжек.

— И ты, мамочка, похожа на модную картинку — безмолвная и безупречно элегантная! Адриан не жалеет денег на твои наряды!

Поль увидел, что мать нахмурилась. Наконец-то ему удалось ее расшевелить! Мари поспешила ответить сыну:

— Мне бы хотелось, чтобы Адриан меньше денег тратил на нашу одежду и чтобы у него были более широкие взгляды на христианское милосердие! Прости, что я не так много улыбаюсь, как обычно на Рождество, но у меня хватает забот!

Она вздохнула и прижалась к груди сына, ища хоть немного нежности, в которой ей отказывал супруг. Уткнувшись лицом в его плечо, она на время постаралась забыть о своих печалях и вопросах без ответа. Поль обладал даром успокаивать ее одним своим присутствием, навевать спокойствие, внушать уверенность...

— Ты не хочешь мне рассказать, мам? Вы с Адрианом никогда не ссоритесь... И я не могу понять, что не так!

Мари мгновение сомневалась, но потом решила и рассказала сыну обо всем, что ее печалило. Когда она закончила, Поль задумчиво покачал головой.

— Мам, ты должна постараться его понять. Возможно, Адриан нуждается в покое... И потом, ты ведь уже бабушка! Лора ждет малыша, Лизон носит под сердцем третьего ребенка. Матильда тоже скоро станет матерью. У тебя будет кого холить и баловать, и на каникулах в доме снова будет полно детей. Мелина — это та самая девочка, которая бросилась тебе на шею в церкви? У меня такое впечатление, что она хитрая bestия! В тебе она угадала чувствительную душу и теперь пытается тебя растрогать, разбудить в тебе жалость. И ей это удастся! Но тебе не стоит так из-за нее убиваться. Подумай сама, целый год ты живешь в окружении детей, у тебя

ведь есть твои ученицы... Неужели тебе этого мало?

Мари отвернулась с ощущением, что ее не поняли. Как объяснить, что она испытывала, глядя на Мелину? Это желание защитить, приласкать, это странное притяжение, неконтролируемое и непостижимое...

— Может, ты и прав, — наконец ответила она с улыбкой. — Адриану не пришлось по душе мысль, что в доме появится еще одна девочка, которой нужно уделять время, внимание, которую нужно любить... Да, он вырастил вас троих. И если он не хочет снова вступать на этот путь, я не могу его заставить. И все же очень жаль, что это так! Признаюсь, я ужасно разочарована, больше, чем ты можешь себе представить...

Поль крепче обнял мать и нежно ее поцеловал в лоб. В глубине души он восторгался ее способностью сопереживать чужому горю, тем, что она всегда готова отдавать себя во имя чьего-то блага, вместо того чтобы наслаждаться налаженным бытом и своим завидным статусом супруги уважаемого в городе человека.

— Мам, ты никогда не изменишься! — шепнул он ей. — Ты чувствуешь себя никому не нужной, если не заботишься о ком-то обделенном или отверженном. Но ведь у тебя есть бабушка, которую нужно лечить, Адриан, которого нужно баловать, и, конечно, Камилла, которая нуждается в тебе, когда приезжает домой из пансионата!

Мари грустно улыбнулась и с явной неуверенностью кивнула:

— Договорились, я не буду больше об этом думать. Ты убедил меня, доволен? И прошу, ни слова о Мелине Лоре и Матильде! Это вызовет ненужные разговоры, и Адриан расстроится. Он рассердится на меня за то, что я рассказала об этом всему семейству.

На следующее утро Поль и Лора уехали в Тюль, где они жили, хотя уже и подыскивали себе жилье в Бриве. Первый день нового года они планировали отпраздновать в «Бори» с Лизон и Венсаном. Лора радовалась этой поездке, потому что очень хотела повидаться с родителями. Матильда с супругом два дня провели в Обазине, и молодая женщина то и дело поражала Мари и Камиллу своими придумками и весельем. Ее высокие каблучки стучали по всему дому под аккомпанемент песен Эдит Пиаф, которые она бесконечно напевала. Мари-Эллен, Амели и Жаннетт пришли к ней в гости, и они провели несколько беспечных и радостных часов возле елки, аромат которой понемногу ослабевал.

Потом Матильда и Эрве уехали на автобусе в Брив. Мужу Матильды, по его же словам, не терпелось «вернуться в настоящий город». С их отъездом в доме снова воцарились тишина и покой. Нанетт много спала; старушка медленно выздоравливала после продолжительного бронхита.

Адриан снова стал навещать больных, и хлопот у него прибавилось, поскольку стояли холода и многие дети кашляли.

После полудня второго января Мари решила немного прибраться в столовой. Камилла рисовала за столом под лампой, в ласковом свете которой красиво блестели елочные украшения. Гудела чугунная печь. Комната наполнилась протяжными и гармоничными аккордами вальса «На прекрасном голубом Дунае».

— Как нам сейчас хорошо, мам! — сказала Камилла, поднимая голову. — И мне так нравится эта музыка! Папа угадал с подарком, ты ведь так любишь вальсировать! Только... Мы точно не разбудим бабушку Нан?

— Нет, музыка совсем негромкая, — ответила Мари, грациозно двигаясь по комнате под вальс Штрауса.

Приблизившись к окну, она заметила, что на снежном покрове появились проталины.

— Да, мы с тобой — как птички в теплом гнездышке! — отозвалась она.

И внезапно словно окаменела на середине па: по площади в сопровождении мадемуазель Берже шли воспитанницы приюта. Все в одинаковых бирюзовых пальтишках, девочки шагали сгорбившись, словно борясь с сильным ветром. Над их плечами развевались шарфики.

«Сегодня их вывели на прогулку наверняка потому, что дождь перестал. И девочки сделают круг по городку!»

Девочки шли парами, самые высокие впереди, маленькие — сзади. Они как раз проходили мимо дома доктора Меснье. Неужели Мелина почувствовала ее взгляд? Или она знала, что Мари живет здесь? Девочка смотрела прямо на окно, возле которого застыла Мари. Лампа хорошо освещала комнату, открывая взглядам прохожих большую елку в серебристых гирляндах, печку, мягкую мебель, сидевшую за столом Камиллу... и ласковое лицо Мари, бледное в ореоле золотисто-каштановых волос.

Мари вздрогнула, словно от удара электрического тока. Не вид маленькой сироты ее поразил, но выражение одновременно мольбы и отчаяния на ее порозовевшем от холода личике. Она знала, что Мелина увидела ее дом именно таким, в каком хотела бы жить сама, — теплым и уютным. И, вне всяких сомнений, благодаря живому, как у всех детей, воображению, на месте Камиллы она представила себя!

«Бедная крошка! Она такая худенькая и такая одинокая! Никто не держит ее за руку!» — подумала Мари, с трудом сдерживая слезы.

Ее сердце учащенно билось. Она искренне сочувствовала этому

ребенку, лишенному всего самого ценного в жизни — семьи и любви. Ей показалось, что она ощущает, как маленькое тельце девочки прижимается к ней возле могилы святого Этьена.

— Что с тобой, мам? — спросила Камилла. — Ты плачешь?

Обеспокоенная девочка встала и подошла к окну как раз вовремя, чтобы увидеть удаляющуюся Мелину. Сирота снова и снова оглядывалась на докторский дом, и выражение ее личика было несчастным.

— Ты увидела Мелину, правда? И поэтому расстроилась. Она такая миниатюрная!

Растроганные, мать и дочь обнялись.

— Послушай, мам! Ты должна снова поговорить с папой! Он такой добрый, всегда готов бежать к своим больным! Наверное, он не совсем тебя понял, когда ты спросила у него о девочке накануне Рождества. И потом, ну почему ему отказываться? Не понимаю! Скажи ему, что я буду убирать в доме, готовить и стирать одежду девочки. Поговори с ним в ближайшие дни, хорошо?

Мари вытерла слезы и поцеловала дочь. Она видела, что Камилла очень хочет взять девочку под свою опеку.

— Ты права, дорогая! Я поговорю с отцом, и на этот раз серьезно. Я не хотела с ним ссориться в праздники, но я имею право услышать хоть какое-то объяснение!

Девочка не ответила. Она заметила, что отношения родителей стали напряженными, но, по ее мнению, повода для серьезного беспокойства не было.

— Мама, но вы ведь с папой не поссорились?

— Нет, Камилла. За последние без малого двадцать лет мы с ним вообще не ссорились. Не беспокойся, все хорошо...

5 января 1948 года

Тепло одетая Мари стояла на пороге своего дома. Она поджидала Адриана, рассеянно рассматривая прохожих. В этот день на площади Обазина было многолюдно и шумно — здесь проходила ярмарка свиноводов. Приехавшие со всего края покупатели переходили от загородки к загородке, осматривая животных и выбирая самых видных и, конечно, самых откормленных. Затем следовало обсуждение цены, при этом свиноводы упорно торговались, громко нахваливая свой товар.

Нанетт сидела у окна в своей комнате, прижавшись носом к стеклу, и наслаждалась зрелищем. Она получала удовольствие от всей этой какофонии. В прошлые годы ради того, чтобы побывать на такой ярмарке,

она вставала очень рано. Как всякая порядочная лимузенка, Нанетт любила поговорить и потолкаться среди таких же, как и она сама. Этой зимой она часто бывала в плохом настроении, поскольку тот, кого она обычно называла своим зятем, а в последнее время — своим палачом, предписал ей покой и тепло, заставив смириться со множеством всяческих запретов.

Мари снова обвела взглядом площадь. И задержала дыхание, ощутив беспокойство.

«Адриан уехал в район Бейна, но пообещал вернуться к обеду. Каким пустым мне кажется дом...» — думала она.

Накануне Камилла уехала в Брив, где она училась в коллеже для девочек. Мари до сегодняшнего дня откладывала разговор с мужем. И сгорала от нетерпения.

«Это правильно, что я решила подождать! Если Адриан повысит голос или разозлится, Камилла об этом не узнает. Но почему он до сих пор не вернулся?»

Наконец ее желание сбылось: «Траксьон» Адриана медленно проехал вдоль загородок, сквозь которые виднелись розовые спины свиной, — одни животные барахтались в грязи, другие спали там же.

— Ну и шум! — воскликнул доктор, выходя из автомобиля. — А запах! Мари, как мило с твоей стороны ждать меня на пороге! Я чувствую себя моряком, который возвращается в порт!

С этими словами он обнял жену за талию и привлек к себе. Она показалась ему слегка расстроенной, но он не обратил на это особого внимания. Они быстро пообедали в кухне в компании Нанетт. Когда старушка, как обычно, удалилась к себе в спальню для послеобеденного сна, супруги оказались тет-а-тет в тишине, нарушаемой только тиканьем настенных часов.

— В котором часу ты снова уедешь? — спросила Мари, скатывая пальцами кусочек хлебного мякиша.

— Ближе к вечеру. Нужно навести порядок в бумагах. С радостью приму твою помощь, если у тебя найдется для меня немного времени. Это возможность несколько часов побыть вместе!

Адриан лукаво улыбался. На его широкий лоб, который она так любила гладить, упала прядь серебристых волос. На мгновение Мари решила отказаться от своей затеи. Зачем портить такой прекрасный момент близости? И тут Адриан сказал:

— Сегодня вечером мне нужно зайти в приют, послушать одну из девочек. Наверняка у нее бронхит. Речь идет о маленькой Мадлен.

— Наверное, мама Тере очень переживает, ведь она так привязана к

этой девочке! Тем более что Мадлен такая ласковая и послушная! Адриан, раз ты сам заговорил о приюте, скажи, ты подумал о моей просьбе в канун Рождества?

Мари не осмеливалась поднять глаза на супруга в страхе, что прочтет на его лице раздражение или даже гнев. Опасаясь худшего, она встала, подошла и устроилась у него на коленях, словно дитя, которому нужны ласка и нежность. Воцарилась тишина. Через какое-то время она попыталась еще раз:

— Любовь моя, умоляю, не бросай «нет» мне в лицо, как в тот раз! Я понимаю, на это должны быть какие-то причины, но мне ты показался тогда таким жестким, таким отстраненным... Я пришла в полное замешательство!

Адриан ничего не ответил, но напрягся, Мари это почувствовала и, прижавшись щекой к его чисто выбритой щеке, сказала:

— Дорогой, я снова завела с тобой этот разговор, потому что уверена: этой девочке очень нужен дом, мама и тепло семьи...

— И, разумеется, ты должна стать этой мамой, а наш дом — тем самым «идеальным домом»! — живо откликнулся Адриан. — Мари, к чему все это? С завтрашнего дня ты начинаешь работать в школе при аббатстве и будешь видеть эту девочку каждый день! Сколько я тебя знаю, ты всегда кого-то учишь читать и писать, если не утешаешь и уговариваешь, что ссадина на коленке скоро заживет. Я сказал тебе раз и повторяю снова: я не хочу усыновлять ребенка.

Адриан деликатно, но настойчиво отстранился, потом помог ей встать.

— Прости меня, Мари, но у меня нет других аргументов. Я хочу, чтобы ты поняла: тема закрыта!

Она внимательно посмотрела на него. Адриан был рассудительным человеком, умел владеть собой. Чувствительный и щедрый душой, он всегда старался поддержать того, кто нуждался в сочувствии и участии. Однако сегодня он показался ей упрямым, жестким и чересчур авторитарным.

Их взгляды встретились. Адриан первым отвел глаза и воскликнул:

— Не смотри на меня так! Я не чудовище! Я уважаю труд монахинь, которые отдаются душой и телом служению этим сиротам. Я достаточно часто бываю в приюте по делам, чтобы знать: у девочек все есть, и ласка, и внимание. И если ты будешь видеть их каждый день...

Мари нервно закивала и через пару секунд спросила:

— Адриан, что происходит? Стоит мне заговорить о Мелине, как ты начинаешь злиться!

В кухне повисла долгая тишина, если не считать теперь уже раздражающего тиканья часов и свиста чайника. Адриан провел рукой по волосам. Он был похож сейчас на человека, который готов броситься в воду, но еще колеблется, не зная, будет ли удачным прыжок. И все же он решил объясниться и заговорил серьезным тоном:

— Мари, случай с Мелиной особенный. Несколько дней назад я разговаривал о ней с матерью Мари-де-Гонзаг и... Скажем так, мы вспомнили обстоятельства рождения девочки. Я не должен был тебе рассказывать, но ты меня вынуждаешь. Мелина — плод насилия над женщиной. И прости, если я покажусь тебе человеком недалеким, но мне противна сама мысль об этом! Это ребенок, о корнях которого ничего не известно. Ее отцом может быть гнусный пьяница, а наследственность — это не шутка. Хочу тебе напомнить, что я врач и кое-что об этом знаю. Идея взять в свой дом девочку, которая, возможно, происходит из порочной семьи, мне совсем не нравится!

Мари в одно и то же время почувствовала облегчение и отчаяние. Одно только слово «насилие» всколыхнуло в ней жуткие воспоминания. Наихудшим же было отвращение, которое ясно читалось на лице Адриана. Она сказала едва слышно:

— Но ведь ее мать ни в чем не была виновата! На ее месте могла оказаться любая женщина, здоровая телом и душой, с которой подло поступил мужчина. Разве то, о чем ты говоришь, — достаточное основание, чтобы оттолкнуть Мелину, невинное дитя?

Адриан прошел к застекленной двери, выходящей в сад. Повернувшись к жене спиной, он сказал быстро:

— Да, это достаточное основание! По крайней мере, для меня. Я знал отца твоих детей. Пьер был честным, непьющим и работающим, хоть и гневливым. Я счел своим долгом воспитывать Лизон, Поля и Ману и делал это с радостью, потому что любил тебя.

Мари вздохнула. Ману... Так они звали Матильду, когда та была маленькой девочкой.

— Я все это знаю, Адриан! Для них и для нашей Камиллы ты всегда был прекрасным папой. Поэтому я считала, что ты можешь дать любовь и еще одному ребенку...

Голос Мари сломался. Она не могла больше сдерживать слезы.

— О Адриан, я никогда не просила тебя ни о чем настолько важном для меня. Не могу объяснить, почему меня так тянет к этой девочке! Она такая хрупкая, такая печальная... И это в столь юном возрасте! Я знаю, как ей бывает страшно, как больно ощущать себя одинокой в этом мире,

каждое утро ждать чуда... Отца или мать, которые придут в аббатство и заберут ее домой. И это все никак не происходит! Не происходит, Адриан!

Адриан стремительно обернулся, пораженный отчаянием, которое звенело в голосе жены. Увидев, что Мари, как ребенок, трясется от рыданий, он поспешил подойти к ней, обнял ее и стал нежно баюкать, стараясь не смотреть на искаженное горем родное лицо.

— Любимая, дорогая моя, не плачь! Единственное, чего я не переносу, — это видеть, как ты страдаешь! Прошу, успокойся! И забудь о Мелине. Она не должна была попасть сюда, в обазинский приют. Тебе никогда не следовало ее видеть, но судьба посмеялась над нами!

— Что такое ты говоришь? — спросила Мари. — Что ты от меня скрываешь? Почему мне не следовало ее видеть? Ты знаешь что-то, чего я не знаю, это очевидно! И причем здесь судьба? Объясни!

Адриан вздохнул, изнемогая от бессилия и гнева. Он, возможно, и был кое в чем ограниченным, но и она оказалась — на редкость упрямой... Он отошел от Мари и стал ходить взад и вперед по кухне, стараясь собрать остатки самообладания. Удивленная Мари наблюдала за ним. Наконец она подошла к нему и изо всех сил сжала его руки:

— Адриан, успокойся и перестань сердиться! Скажи мне правду, я имею право ее знать! Ты пугаешь меня!

— Хорошо, — пробормотал он, сдаваясь. — Знай, что ты принуждаешь меня нарушить клятву. Мари, я поклялся матери Мелины никому не открывать ее имя и имя отца девочки, хранить этот секрет всю свою жизнь. Для меня это стало таким наказанием...

Мари, пораженная словами мужа, отшатнулась и бессильно опустила на стул. Внезапно ей стало страшно. Она закрыла руками лицо, чтобы Адриан не видел ее дрожащих губ.

— Говори! — потребовала она.

— Леони! — тихо сказал Адриан. — Ты уже догадалась... Это она — мать Мелины.

Мари показалось, что она проваливается в темную пропасть, до краев полную секретов и лжи, и эта пропасть могла поглотить ее навсегда. Она закрыла глаза и уцепилась за край стола, как если бы реальность этого предмета могла помочь ей выбраться из кошмара. Минуту назад ей хотелось знать правду, но теперь она сожалела о том, что разрушила закрытый уютный мирок своей прошлой жизни. Жизни в неведении, такой, какой она была до признания Адриана. Потрясенная Мари переспросила:

— Леони... Она мать Мелины? Как это возможно? У Леони не было детей! По крайней мере, насколько я знаю...

Мари запнулась, во рту у нее пересохло. В ее душе происходило нечто странное: возмущение и негодование боролись с неясным, но уже нарастающим страхом. Зачем бы Адриану придумывать такую историю? Если бы он и решил что-то от нее скрыть, то не стал бы измышлять столь жуткую ложь, которая, он наверняка знал это, нанесет ей глубокую рану. Все, что касалось памяти Леони, было для Мари свято. Она ждала продолжения, и оно не замедлило последовать.

Адриан сел на стул. На его лице читались усталость и... облегчение. Он проиграл партию. Упрямство жены восторжествовало над его желанием сохранить тайну. Оказавшись припертым к стенке, он был вынужден рассказать все, и эта правда обжигала его губы. Опустив глаза и положив руки на колени, он стал рассказывать, словно бы сам себе, как человек, мысли которого где-то далеко:

— Что ж... Леони родила девочку. Они ведь похожи, правда? И это от тебя не укрылось. Я должен был предусмотреть, что однажды ты обратишь на Мелину внимание...

В висках у Мари стучало. Сердце колотилось, как сумасшедшее, она дрожала, словно от озноба. Влажные руки конвульсивно сжимались и разжимались. Ей нужно было успокоиться и собраться с мыслями. В рассказе Адриана она уловила противоречие.

— Мелине двенадцать... По крайней мере, насколько я знаю. Но Леони... Где она жила в то время? Дай подумать... Здесь! В Обазине, с сестрами! Теперь я вспомнила, она была послушницей! Чтобы монахиня из аббатства встречалась с мужчиной?.. Невозможно! И только не Леони! Я не верю тебе, Адриан! И Леони мне бы обязательно сказала, если бы у нее был ребенок! Ты ошибаешься... Наверное, ты перепутал события, даты...

Мари ждала с немой мольбой во взгляде. Он поднял голову и посмотрел в полные боли глаза жены. Оба бледные, с напряженными лицами, они понимали, что это для обоих нелегкое испытание. После грядущих признаний каждый из них станет немного другим... Они переживали свой первый серьезный кризис.

Адриан первым нарушил ставшую невыносимой тишину:

— Я не ошибаюсь, Мари! Я сам принимал роды у Леони. Она очень мучилась, я даже думал, что она не выживет. У нее было сильное кровотечение. Потом я отвез крошку к женщине, которая должна была ее воспитывать. Леони все предусмотрела... чтобы никогда не видеть свою дочь!

Слова Адриана, казалось, не затрагивали разума Мари. Она просто им не верила. Это звучало как пересказ романа или сценария! Ее собственная

реальность не совпадала с реальностью Адриана. И он понял, что происходит в ее душе, по пустому, неуверенному взгляду. Он подошел, взял ее лицо в ладони и серьезным тоном сказал:

— Мари, посмотри на меня! Я не придумал ни слова! Ты не ожидала услышать такую правду, я знаю! Но ты заставила меня нарушить обещание. И самое меньшее, что ты можешь теперь сделать, — это выслушать меня. Отступить уже поздно...

Эти слова Адриана хлестнули ее, как плетка. Она высвободилась из тисков его рук и, покачиваясь, встала. Из буфета достала стакан и наполнила его водой из-под крана. Рука дрожала так сильно, что вода расплескалась. Мари взяла полотенце и стала вытирать капли. Наконец ей удалось задать терзавший ее вопрос:

— Изнасилование... Но как это могло случиться с Леони? Она не... Только не она! Она бы мне рассказала! Как могла она скрывать от меня такую боль? Почему?

— Увы, это правда! Если бы не изнасилование, Леони, вероятно, не приняла бы монашество. Мать Мари-де-Гонзаг приютила ее, чтобы она могла жить в отдалении от мира. Никто из монахинь не знал о ее беременности. Леони переносила свое положение стойко, и решимость ее ни разу не поколебалась. Она все предусмотрела. Положила в банк все деньги, которые имела. Каждый месяц часть их должны были передавать одной молодой вдове, которая жила возле Узерша. Та, обрадованная такой удачей, в письменном виде пообещала заботиться о девочке до ее совершеннолетия. Леони была порядочной женщиной. Не отрицаю, она оставила свою дочь, но хотела помочь ей получить образование. Однако судьба иногда зло шутит над нами... Началась эта ужасная война. Ты, как и я, знаешь, при каких страшных обстоятельствах погибла Леони. А четыре года назад умерла приемная мать девочки. Кому-то из родственников покойной пришла в голову идея написать в приют, чтобы узнать, что делать с ребенком. И мать Мари-де-Гонзаг, естественно, не колебалась ни секунды... Любовь и уважение, которые она испытывала к Леони, не позволили ей поступить иначе. Вот что гораздо позже она сказала мне, слово в слово: «Я чувствовала себя обязанной позаботиться о ребенке нашей дорогой сестры Бландин, на долю которой выпали такие страдания и которая умерла за Родину. Я счастлива дать маленькой Мелине крышу над головой и всю любовь, на которую я способна!»

Мари поднесла руку ко лбу. У нее кружилась голова. Она ощущала жар и ледящий холод одновременно. Все тело ее изнемогало от боли. Она сжала челюсти, сдерживая ураган ярости, кипевшей в ней. Изнутри

поднималась сила, грозившая ее уничтожить. Такого гнева она прежде не испытывала!

— Леони изнасиловали! Расскажи мне, как это случилось! Не пытаешься ли ты скрыть от меня часть правды? Сначала ты говорил, что не знаешь Мелину, теперь же оказывается, что тебе прекрасно известно о том, что девочка родилась в результате насилия над ее матерью! Сколько еще версий у тебя заготовлено? Я могу предложить вполне правдоподобную: не твоя ли, случайно, дочь Мелина, не плод ли она вашей с Леони связи? Вы ведь многие годы были любовниками, такое не забывается! Страсть могла вернуться к вам, как говорится... Я пойму, признайся! Адриан, сейчас мы достигли такой точки, что ты должен сказать мне всю правду!

Мари чувствовала себя прозревшей и преданной. Адриан смотрел на нее ошарашенно. Жена намекала на ту часть его прошлого, о которой он давно забыл. Времена, когда их с Леони связывали не столько романтические, сколько дружеские отношения, казались ему не стоящими внимания по сравнению с глубокой и искренней любовью, которую он питал к Мари.

— Дорогая, и ты осмеливаешься бросать мне в лицо такое обвинение?! — возмутился он. — Ты сама веришь в то, что говоришь? Когда я обручился с Леони, твоей Матильде было три месяца! А когда мы расстались, она только начинала говорить. А сама ты была замужем за Пьером. Я никогда тебя не упрекал в том, что ты связала свою жизнь с другим мужчиной. Леони и я! Значит, ты считаешь, что я мог иметь связь на стороне в 1935-ом, когда мы были так счастливы и у нас уже была наша крошка Камилла? Ты слишком плохо обо мне думаешь! Я никогда не обманывал тебя, никогда!

Мари, не помня себя от горя, ходила взад и вперед по кухне. Руки она скрестила на груди, словно обороняясь.

— Ты меня не обманывал? А как же назвать то, о чем ты только что рассказал? Ты принял роды у Леони, ты знал, что она оставила свою дочь... И в довершение всего ты знал, что ее ребенок живет в Обазине, рядом с нами! Разве это не предательство?

Она подошла к Адриану и несколько раз ткнула ему в грудь пальцем:

— Это бесчестно — поступить так со мной! Я была единственной подругой Леони! Больше того, я была ее названной сестрой! И я не знала ничего об этой отвратительной истории. Не знала о существовании Мелины!

Мари не могла ни кричать, ни плакать. Она говорила тихо, и лицо ее застыло от заполнившего всю ее гнева. Адриан никогда не видел ее в таком

состоянии. Он испугался.

— Мари, пойми, Леони взяла с меня клятву, что я никогда не открою тебе ее тайну. Она так стыдилась этого... Повторяю, для нее этот ребенок был плодом отвратительного насилия, невыносимого осквернения... Она хотела уберечь тебя... И даже больше! Зная тебя, она все сделала, чтобы держать свою дочь как можно дальше отсюда. Едва оправившись после родов, она так объяснила мне свое решение: «Я не хочу, чтобы Мари знала о Мелине. Она захочет взять ее к себе, воспитывать... И я не желаю этого! Я не позволю ей обременить себя ребенком, зачатым в страхе и отвращении». Леони приняла решение, я дал ей слово молчать. И скажу больше: если хочешь знать, я был согласен с ней, Мари! Это все! Вопрос закрыт, больше мне нечего сказать!

Они смотрели друг на друга — соперники, выискивающие друг у друга брешь в броне: Адриан с растрепанными волосами, Мари, сотрясаемая нервной дрожью. Упрямая, она не сдавалась:

— Ну нет, вопрос далеко не закрыт! Изнасилование... Как это случилось?

— Это было в Лиможе. Ты знаешь, как страдала Леони после смерти Пьера. Она пускалась во всякие авантюры, часто бывала на людях. И она была красивой, за ней многие ухаживали. Она любила танцевать, а по вечерам много пила, надеясь утопить в бокале свою тоску. Леони создавала себе праздник, чтобы убежать от отчаяния и одиночества. Она утратила вкус ко всему, даже к жизни! Ее существование превратилось в бег без цели, в своего рода суицид... Но она была слишком гордой и никогда не просила о помощи!

Мари сделала Адриану знак замолчать. Она не хотела этого слышать! Что он может знать об отчаянии страстной женщины, которая отказывается смириться со смертью любовника? Он не может себе даже представить... Она, Мари, знала свою подругу лучше, чем кто бы то ни было! Она ясно представила красивое лицо Леони, вспомнила о ее полной риска жизни, всегда между страстью и печалью... Леони... Как могла она все это от нее скрывать?

Мари подавила горькие слезы. Ее подруга страдала, а она, фактически ее сестра, не сумела понять, помочь... Мари решительно повернулась к Адриану спиной, ей был ненавистен его взгляд, осознание его превосходства, поскольку он владел этой тайной, а она — нет... Мари подошла к застекленной двери и прижалась горячим лбом к стеклу.

«Леони... — думала она. — Я снова вижу ее маленькой девочкой в приюте... Я рассказывала ей волшебные сказки, чтобы она уснула... Когда

мы выходили из столовой, она цеплялась за мое платье... В первый раз я покинула ее, когда таинственный господин Кюзенак приехал на меня посмотреть. Я тогда еще не знала, что это был мой отец. Но однажды мы с папой вернулись в Обазин. Я снова увидела мою Леони, которая на меня обижалась, и забрала ее с собой в «Бори». Я заботилась о ней. Мы были так счастливы втроем! Она вела хозяйство, шила... Была лучиком солнца в доме. Я помогала ей заниматься, когда она захотела стать медсестрой...»

Последовавшее за вспышкой гнева молчание удивило Адриана. Он позвал тихонько:

— Мари! Мари, что с тобой? О чем ты думаешь?

— Замолчи! Оставь меня в покое!

Закрыв глаза, Мари прогнала из сознания мысли о муже и вернулась в свои воспоминания. Там была Леони — миниатюрная, с ладной фигуркой. Какая она была красавица — черные волосы, голубые глаза! Леони в розовом платье... Леони в форме медсестры... Леони в шелковом наряде и в шляпке из органди, когда она приехала в Обазин через год после внезапной смерти Пьера...

«Господи! — мысленно воскликнула Мари. — Она представила мне Адриана как своего будущего супруга, хотя в это время уже сгорала от запретной любви к моему мужу! И они с Пьером стали любовниками... Не смогли противостоять своему желанию... Как я тогда их ненавидела! А потом простила... Когда умер Пьер, это Леони, а не я стала настоящей вдовой. И она так и не оправилась после этой потери. Она лишилась Пьера, своей единственной настоящей любви! А я, я вышла замуж за Адриана, ее бывшего жениха. Гротескная ситуация! Как она, должно быть, тогда меня презирала!»

Адриан начал беспокоиться: происходящее стало казаться ему слишком драматичным, чего он никак не ожидал. Поведение жены привело его в замешательство. Он приблизился неловко к Мари и обнял ее за плечи. И заставил повернуться к себе лицом.

— Мари, прошу, не закрывайся в молчании! Я не в ответе за жизнь Леони. Я только выполнял ее волю. Я чтил ее память, так что не нужно меня в этом упрекать! Когда она рассказала мне все — и об изнасиловании, и о беременности, — я понял, как она несчастна и что я не имею права ни оттолкнуть ее, ни предать. Послушай, дорогая! Ты должна понять, почему Леони отказалась от дочери. Когда ты узнаешь, как это произошло, то поймешь. Мне неприятно говорить это, но что мне остается... Ты примешь решение своей подруги. Как я уже сказал, Леони была в «Кафе де ла Гар», это в Лиможе. Она немного выпила, но не была настолько пьяна, чтобы

лишиться способности рассуждать здраво. В кафе к ней приставали трое мужчин, они были очень навязчивы, поэтому она решила уйти, чтобы не нарываться на неприятности. Когда она вышла из кафе, мужчины пошли за ней. Ей не удалось от них отвязаться. Они силой затащили ее в пустынный сквер. Ты ее знаешь, в отчаянных ситуациях у Леони находились силы бороться. Она оскорбляла их, отталкивала, но все трое были пьяны и быстро пришли в ярость. Она отбивалась, и тогда они начали ее бить. Втроем... Она упала, но продолжала защищаться, а они снова и снова били ее ногами... Они словно с цепи сорвались, разгоряченные алкоголем и видом голого тела сквозь разорванную одежду. Когда она почти потеряла сознание, они по очереди надругались над ней.

Адриан замолчал. Говорить такое Мари ему было противно до тошноты. Ему казалось, что он оскверняет ее, описывая эту страшную, гнусную сцену... недостойную мужчины!

— Продолжай! — услышал он шепот жены. — Не бойся, я давно не девочка... Увы!

— После этого они оставили Леони в сквере. Придя в сознание, она с трудом добралась до своей квартиры. Тогда у нее было одно желание — свести счеты с жизнью. Она не хотела жить оскверненной. Ее тело постоянно напоминало ей об изнасиловании. И все же она и себя считала виноватой. И ненавидела себя за это. Я понимаю ее: такое не случается с порядочными женщинами...

Услышав это, Мари дернулась.

— Что? Что ты сказал? — вскричала она. — Моя Леони была порядочной, более того, она была восхитительной! Вот мое мнение! Краситься, курить, любить танцы... С каких пор это преступление? Как можно за это осуждать женщину и считать ее падшей? Только не ты, Адриан! Я думала, ты выше этого! Это недостойно тебя! Я запрещаю тебе осквернять память моей единственной подруги!

— Мари, послушай, ведь она сама упрекала себя в том, что ушла из дому ночью, в неподходящее для посещения таких заведений время. Представь, что она почувствовала, поняв, что беременна. Это было для нее невыносимо. И тогда она, чтобы не покончить с собой, приехала искать утешения у матери Мари-де-Гонзаг.

— О да, теперь я припоминаю! — воскликнула Мари. — Мне сказали, что Леони дала обет молчания и мне не стоит ее беспокоить. Когда я видела ее издали, ее бледность пугала меня. Потом она заболела. Как же я волновалась! Господи, она избегала меня, а на душе у нее было так тяжело! Эти кошмарные для женщины вещи, которые она не осмелилась мне

доверить... Но тебе она все рассказала! Значит, дело было не в стеснении. Адриан, почему Леони мне ничего не сказала? Мы были почти как сестры... Мои дети называли ее «тетя Леони»! Господи, столько лет я даже не догадывалась о ее муках! Знал бы ты, как мне сейчас плохо!

Исполненный сострадания, Адриан раскрыл объятия. Он надеялся утешить ее, а со временем и урезонить. Но Мари смотрела на него так, словно он был незнакомцем. Она отступила назад, на лице ее было написано отвращение.

— Не прикасайся ко мне! — выдохнула она. — Я считала, что мы — дружная, сильная пара! Настоящая пара, из тех, кто не имеет друг от друга секретов... Я ошиблась! Ты даже не можешь представить, что я сейчас чувствую! Ты обманывал меня, Адриан! Как ты мог годами скрывать от меня существование Мелины? Эта девочка должна была расти в нашем доме. Я ее названная тетя! Мой долг — принять ее под крыло, дать ей всю любовь, в которой она так нуждается. Мадлен повезло больше, чем ей: мама Тере приняла ее под свою опеку крошкой и воспитывала, даря свою нежность и утешение. И не делай такие глаза! Ты прекрасно знаешь, что Мадлен — подкидыш и только мама Тере согласилась за ней ухаживать. А теперь эта девочка сияет от счастья. В воскресенье я наблюдала за ней во время мессы. Она стояла, такая миленькая, ее густые каштановые волосы были причесаны на английский манер. Мелина благодаря твоему эгоизму не получила своей доли материнской любви, пусть даже любви приемной матери! Да уж, тебе есть чем гордиться!

Адриан вздохнул, не зная, как на это реагировать. Он надеялся, что рассказ об изнасиловании вызовет у жены отвращение, которое распространится и на маленькую сироту. Но результат получился противоположным. Раздраженный бесконечными упреками, он сказал негромко:

— Мари, прошу тебя! Я понимаю, ты недоумеваешь и сердишься. Но ты должна уважать желание Леони. Ты ведь ее любила! Мы достаточно долго говорили, я очень устал. И у меня еще есть работа! Теперь, когда ты знаешь правду, поступи сообразно ситуации... Или я прошу слишком многого?

Мари уставилась на мужа. Он и вправду думает, что так легко отделался? Ну уж нет! Вопрос еще не закрыт! Наоборот, отныне многое должно измениться, потому что теперь она все знает и сделает то, что считает нужным... хочет он того или нет!

— Нет! — отрезала она. — Мы не закончили. Слышишь, Адриан? Да, я злюсь на тебя и не могу тебя простить. Для тебя наилучший выход —

просто забыть о дочке Леони. Ты думаешь только о себе и милом твоему сердцу покое! Ты положил детство Мелины на алтарь своего эгоизма и считаешь, что я соглашусь с этим? Стоит мне только подумать об этой крошке, которая ничего не знает о своей матери и так хочет иметь семью... А ты запрещаешь мне взять ее к нам! Дочку Леони! Теперь я знаю, какой ты на самом деле, — ты лицемер и трус! Неужели у тебя совсем нет сердца? Я в жизни никогда не злилась так, как сейчас!

— Ты называешь это злостью? — насмешливо отозвался Адриан. — Посмотри на себя: настоящая мегера! Твои оскорбления беспочвенны, и ты это прекрасно знаешь. Ты злишься, потому что Леони тебе ничего не сказала, и мстишь мне за это. Прекрати истерику, прошу тебя! Ты ведь обычно такая мягкая, спокойная...

Мари сорвала с себя фартук и стала убирать со стола со скоростью, выдававшей степень ее возбуждения.

— Будь доволен, скоро ты обретишь свой обожаемый покой! Вот мое последнее слово: я считаю своим долгом удочерить Мелину. И даже если мне придется пойти против твоей воли, я не стану колебаться ни минуты. Так и знай!

Адриан, не находя слов, воздел руки к небу. Он решительно не понимал, что происходит. Выходя из кухни, он бросил через плечо:

— Пойди прогуляйся, надеюсь, это поможет тебе успокоиться! Я поступал, как мне диктовала совесть, ради блага нас всех. Тебя это шокирует? Ну и пусть! Мне добавить нечего!

Адриану хотелось хлопнуть дверью, чтобы дать выход своему раздражению, однако он сдержался, не желая будить Нанетт.

Мари подбежала к умывальнику и умылась холодной водой.

— Господи, я себя не помню от гнева... — прошептала она. — Помоги мне, умоляю! Дай мне сил!

Глава 12

Бегство

Мари на цыпочках поднялась в спальню. Она дрожала всем телом, однако решение уже было принято. Пребывая в состоянии крайнего волнения, она схватила чемодан и бросила в него кое-какую одежду. Потом трясущимися руками собрала предметы первой необходимости в несессер. Спустя полчаса она была готова.

«Я не останусь здесь больше ни секунды! Мне нужно все обдумать, но не здесь!»

Ей еще предстояло сделать самое трудное: написать записку тому, кого она покидала.

Адриан,

Я уезжаю и пока не знаю, надолго ли. Мне нужно побыть одной, все обдумать. Надеюсь, что когда-нибудь сумею тебя простить. Скажи Жаннетт, что я уехала в Тюль навестить Поля и Лору. В общем, сочини ей что-нибудь правдоподобное, ты ведь специалист по измышлению историй и хранению секретов! Я зайду к Жаннетт и попрошу ее присмотреть за бабушкой Нан. О Камилле не беспокойся: я заберу ее из коллежа в пятницу вечером и привезу обратно в понедельник.

Мари

***

Спокойную и обходительную Мари невозможно было узнать в этой растрепанной женщине с красным лицом и неподвижным взглядом. Жаннетт очень удивилась, увидев на пороге своего дома супругу доктора Меснье в таком состоянии. Обеспокоенная, она стала уговаривать гостью войти.

— Нет, моя хорошая, у меня нет времени! — пояснила Мари. — Мне нужно успеть на автобус до Брива. Лизон ждет меня в «Бори». Жаннетт, хочу попросить тебя об услуге: ты сможешь присмотреть за бабушкой Нан, пока меня не будет? Она прилегла отдохнуть, и я не смогла ее предупредить о своем отъезде...

— Ведь ничего серьезного не случилось? — спросила Жаннетт с беспокойством. — Вы выглядите встревоженной, мадам Мари! Я вас

никогда такой не видела... Что произошло?

Мари пожала плечами. Она не подозревала, что ее лицо так изменило волнение. То, как она выглядит, в настоящий момент было наименьшей из ее забот. Ее занимала только одна мысль — поскорее уехать!

— Моя дорогая Жаннетт, не беспокойся, — сказала она, целуя девушку. — Я просто хочу навестить Лизон. И вернусь очень скоро!

Это прозвучало фальшиво, выдавая Мари с головой, равно как и ее взбудораженный вид. Жаннетт не стала настаивать — мадам Мари торопилась и не желала исповедоваться. Девушка слишком уважала ее, чтобы позволить себе продолжать задавать вопросы.

— Будьте спокойны, мадам Мари! Я схожу к Нанетт через час. Не пропустите ваш автобус, он уже стоит на площади! Думаю, водитель собирается закрыть дверь...

Мари еще раз поблагодарила девушку и побежала к автобусу. Она боялась, что ей не хватит решимости, если Адриан выйдет из дома и попытается ее остановить. Но все произошло очень быстро: пять минут спустя тяжело груженный автобус уже катил по направлению к Бриву.

***

Мари смотрела на проплывающие за окном пейзажи. Высокие холмы, луга, реки казались ей одинаково серыми, с рыжеватыми проплешинами вспаханной земли. В низинах остались островки снега. Январь облачал природу Корреза в свое грустное одеяние.

«Я убегая из собственного дома! — подумала она, с трудом в это веря. — Я никогда и представить не могла, что такое может случиться! О, как я на него за это злюсь! Как я злюсь...»

Мари чувствовала себя потерянной. Этот поступок был неожиданным для нее самой, но она не могла себя контролировать. События развивались неотвратимо, подводя ее к этому решению — жесткому, но логичному. Адриан будет стоять на своем относительно Мелины, но и она не уступит. Однако речь шла не только о сироте. Мари не хотелось думать о том, что было связано с ее тайной раной, о которой ей так хотелось забыть. Издерганная, с тяжелой головой, она надеялась собраться с мыслями где-нибудь — все равно где, лишь бы подальше от Адриана, один вид которого пробуждал в ней возмущение и недовольство. Их совместное будущее зависело от ее способности преодолеть кризис, который обрушился на них обоих. Чувствуя себя вконец обессиленной, она закрыла глаза и положила голову на спинку сиденья.

Теперь предстояло решить, что делать дальше после столь поспешного

отъезда.

«Если я явлюсь к Матильде или Полю, они перепугаются, увидев меня одну на пороге. Нет, я поеду в «Бори», к себе... Вернее, к Лизон! Я сяду на поезд, следующий в Лимож, а потом на местный поезд до Шабанэ. Но как связаться с Венсаном, чтобы он встретил меня на вокзале? Ничего, возьму такси. Один раз можно себе это позволить!»

Эти соображения чисто практического плана на время отвлекли ее от печальных размышлений. Однако стоило принять решение, как напряженное и бледное лицо Адриана снова возникло перед ее мысленным взором. Мари видела его гневный взгляд, когда он рассказывал ей о совершенном над Леони насилии. Ему было стыдно говорить об этом, стыдно за то, что он тоже мужчина, как и те подонки, которые сотворили такое... Мари понимала его отвращение, оно делало честь ее супругу. Однако с чем она не могла примириться, так это с его мнением относительно порядочности женщин, которые выбирали для себя жизнь, не соответствующую общепринятым нормам. Неужели это делало их законной добычей любого насильника? Послушать Адриана, так Леони была не жертвой, а чуть ли не виновницей случившегося! Мари считала, что это пристрастное мнение и проявление нетерпимости с его стороны. Никогда Мари не сможет простить супругу этих слов! Он не имел никакого права осуждать ее подругу только потому, что она жила не так, как другие. Не как «порядочная женщина»! Значит, остальные — непорядочные, все до единой? В чем отличие между ними? Это недостойно его...

У Мари не укладывалось в голове, что мужчина всей ее жизни, которого она так любила, мог проявить нетерпимость, рассуждая о «порядочности». Она считала, что, узнав о ситуации, в которой оказалась Леони, любой нормальный человек должен ополчиться на насильников, но никак не обвинять жертву насилия. Если бы Адриан узнал о том случае с Макарием... он бы осудил и ее, и тогда...

«Теперь ясно, что он совсем меня не понимает! Доказательство тому — он скрывал от меня правду о Мелине и отказывается взять девочку в нашу семью. Дочку Леони!» — в отчаянии думала Мари.

В семь вечера по улицам Прессиньяка проехал автомобиль и свернул к «Бори». Мари посчастливилось найти свободное такси сразу же по приезде в Шабанэ. Она не стала посылать Лизон телеграмму, чтобы ее не тревожить. Бакалейщик поселка еще не закрыл свою лавку, несколько жителей шли по своим делам. Очень скоро улицы опустеют и семьи соберутся за ужином. Венсан, конечно же, уже дома, в кухне, ведь он так любит готовить!

Мари понимала, что ее неожиданный приезд вызовет тысячу вопросов, и готовилась отвечать на них, пока такси ехало к «Бори». Была уже ночь, поэтому никто не увидел в свете, льющемся из окон, силуэта мадам Меснье, которая поднималась по аллее к дому. Оказавшись перед дверью, Мари набрала в грудь побольше воздуха и постучала. Венсан открыл створку двери и замер с открытым от удивления ртом. Через мгновение он воскликнул:

— Это вы? Добрый вечер, дорогая теща! Это так неожиданно!

Смущенный и растерянный, он все же проявил дипломатичность и ни о чем не стал спрашивать. Взяв у Мари чемодан, Венсан пригласил ее войти.

На возгласы мужа прибежала Лизон. Она смотрела на мать с таким же изумлением, что и Венсан, но от расспросов воздержалась, понимая: случилось что-то серьезное. Она распахнула объятия, и Мари упала в них и разрыдалась. В ней снова проснулся гнев, заставляя забыть о пережитой боли. Нервы Мари были напряжены до предела. Наконец она пробормотала:

— Лизон, дорогая, я так рада вас видеть! Мне было нужно приехать сюда...

Супруги обменялись озадаченными взглядами, но не осмелились расспрашивать. Они помогли Мари снять пальто.

— Мам, идем в кухню, выпьешь чего-нибудь горячего, — предложила Лизон спокойным тоном. — Ты наверняка замерзла. А потом мы поговорим, если ты, конечно, захочешь...

Венсан понял, что его присутствие необязательно, и вернулся в гостиную, где играли Жан и Бертий. Мари последовала за дочерью в кухню, где они устроились за широким столом друг напротив друга. Вся мебель оставалась на своих местах, огромная чугунная печь мурлыкала, как в былые времена. Мари, которая всегда обожала кухню, сказала тихо:

— Подумать только, мне едва исполнилось пятнадцать, когда я пришла в этот дом в качестве горничной Кюзенаков! Я сидела здесь, возле печки, пока варился суп. В кухне всегда бывало очень жарко, и я мечтала спать между шкафом и буфетом, только бы не возвращаться на чердак, где я дрожала от холода!

— Мама, не плачь! Лучше скажи, что случилось. Не помню, чтобы ты приезжала в гости без предупреждения!

— Я уехала из Обазина внезапно. Мы с Адрианом поссорились. В первый раз за двадцать лет... И я так на него зла! Возможно, нам придется расстаться...

Лизон не верила своим ушам. Она промолчала, пытаясь представить мать одинокой. Невозможно! Это было так же абсурдно, как снегопад в августе или цветущая сирень в декабре! Для нее Мари и Адриан были идеальной парой, любящими друг друга людьми, живущими в полной гармонии. И все же она не могла подвергнуть сомнению слова матери. Пытаясь понять, что могло стать причиной драмы, Лизон сделала самое простое предположение:

— Мама, он тебя обманывал? В этом дело? — тихо спросила она. — У Адриана есть любовница, и ты об этом узнала!

Настал черед Мари удивляться. Она с грустной улыбкой покачала головой.

— Нет, другой женщины нет, но в одном ты права: Адриан меня обманывал! А я была так счастлива! Послушай меня, дорогая. Ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было... Я от природы скорее флегматик, но сегодня я испытала такой гнев, что готова была ударить своего мужа... Да, мне хотелось его ударить! За то, что он так поступил со мной, я не могу его простить!

Мари с возмущением рассказала во всех подробностях об их яростной ссоре, о Леони и ее ребенке, однако скрыла то, что так ее мучило, — мнение супруга о женщинах, которые стали жертвами насильников.

Лизон по характеру была очень похожа на мать. Они хорошо понимали друг друга, поэтому делились некоторыми секретами. Так, Лизон знала о взаимной страсти своего отца Пьера и Леони, двух огненных натур, которых по очереди унесла преждевременная смерть. Когда мать замолчала, молодая женщина сказала:

— Если Мелина — дочь Леони, то я тоже считаю, что ее место в нашей семье, а не в приюте. О бедная моя мамочка, для тебя стало ужасным потрясением то, что ты узнала об этом ужасном случае с Леони! А отказ Адриана, наверное, разбил твое сердце!

Мари с унылым видом кивнула. В это мгновение в кухню вбежал ее внук Жан, держа за руку свою сестричку Бертий. Дети были очень рады увидеть бабушку и, улыбаясь, бросились в ее объятия.

— Мои дорогие! Я вас до сих пор не поцеловала! — пробормотала Мари, прижимая их к груди.

Успокоенная бурной радостью малышей, она вдруг заметила округлившийся живот дочери.

— О Лизон, я — плохая мать! Я приехала к тебе плакаться и даже не спросила, как ты себя чувствуешь! Что говорит доктор?

— Мамочка, не беспокойся обо мне! Беременность проходит

нормально. Я очень хорошо себя чувствую для семи месяцев. И потом, у меня золотой муж! Он помогает мне во всем, старается, чтобы я побольше отдыхала. Сегодня он снова приготовил ужин, и уже по одному запаху я знаю, что мы получим огромное удовольствие от еды! Венсан всегда готовит с запасом, поэтому не беспокойся, хватит на всех! Думаю, у нас есть повод устроить маленький семейный праздник.

Как и обещала Лизон, еда была вкуснейшей. Венсан подал прекрасный, густой овощной суп, потом рулет из говядины с жирным темным соусом. А в конце ужина у Мари появилась возможность вспомнить забытый вкус десерта под названием булигу.

— Но откуда вы узнали рецепт? — удивилась она. — Нанетт готовила это блюдо в особенно холодные вечера. Сладкие яблоки, тесто для блинчиков — вот вам и булигу, верно, Бертий?

Девочка, которая помогала отцу, торжествующе улыбнулась.

Ужинали дольше обычного. Лизон много рассказывала о своих учениках. Болтовня детей прогнала темные мысли из головы Мари. Она ощутила умиротворение, которое передвинуло все ее страхи в будущее. В настоящий момент «Бори» был для нее спокойной гаванью, и только это имело значение.

Когда Жан и Бертий легли спать, Венсан предложил выпить по рюмочке. Они втроем с комфортом устроились в гостиной у камина. Это был первый случай, когда супружеская чета принимала одну лишь Мари. Вечер получился исключительно приятным, поскольку каждый вел себя самым естественным образом. Лизон с согласия матери объяснила ситуацию Венсану. Глубоко тронутый историей Мелины, зять высказал свое мнение:

— Я понимаю вас, Мари! Дитя не виновато в ошибках тех, кто его зачал! И абсолютно естественно ваше желание позаботиться о дочери вашей подруги. Но ваш супруг... Думаю, что Адриан очень о вас беспокоится. Это так мало на вас похоже — хлопнуть дверью и прыгнуть в первый же автобус!

Мари вздохнула. Адриан... Ее отъезд не только оставлял в подвешенном состоянии ситуацию с Мелиной, но и создал в семье прецедент, ранее невообразимый! И все же она ощущала некое удовлетворение от того, что поступила так импульсивно. Она тоже может быть непреклонной, когда это необходимо! Она не изменит своего мнения по поводу удочерения ребенка Леони! Мари была готова идти до конца... пусть и без Адриана!

— Знаю, что мое бегство ничего не решает. И потом, он догадался, что

я остановилась у кого-то из детей, — сказала она. — Надеюсь, что он не поедет искать меня в Брив или в Тюль. Матильда ничего не знает о нашей ссоре, Поль тоже.

Они еще долго обсуждали животрепещущую тему, но решения так и не нашли.

— Мама, нужно послать в Обазин телеграмму! — предложила Лизон. — Это успокоит бабушку и Адриана.

Мари пообещала сделать это завтра. Они разошлись по спальням около полуночи.

Улегшись, Мари начала мерзнуть. Лизон приготовила ей грелку из песчаника, однако ее было мало, чтобы прогнать холод, пронизывающий Мари. Ей не хватало Адриана. В течение многих лет каждую ночь она засыпала в его объятиях, счастливая и спокойная. Пылкие любовники ночью и прекрасно понимающие друг друга супруги днем, они с трудом переносили разлуку. И на этот раз причиной ее стал поступок Мари.

«Адриан, любовь моя! Что я делаю здесь, без тебя? Но ты сделал мне так больно... И у меня не получается тебя простить!»

Гнев улетучился, но остались боль и сомнение. Мари плакала, пока сон не сморил ее. Она уснула на одной половине кровати, прижимая к груди вторую подушку.

***

На следующее же утро Мари отправила Адриану телеграмму, в которой сообщила, где она, но ничего больше. В этот свой незапланированный приезд она могла больше времени проводить с внуками, обстоятельно поговорить с дочерью. Жарко натопленный большой дом укрыл ее своим надежным крылом. В каждой комнате та или иная вещь будила в ней воспоминания. Все напоминало о годах юности. В эти несколько дней она размышляла о своей жизни в статусе супруги доктора Меснье, о пройденном пути, о счастливых моментах, о своих печалях.

В четверг утром, все еще раз хорошо обдумав, Мари наконец решила, как будет действовать. На первый этаж она спустилась уже более уверенным шагом и за завтраком уведомила Лизон о своем решении.

— Я собираюсь в Брив. Навещу Матильду и попрошу ее приютить меня на несколько дней. Завтра вечером я заберу Камиллу из коллежа. Она не должна страдать из-за нашей размолвки. Скажу ей, что субботу и воскресенье мы проведем в городе. Сходим с ней на рынок Бон Марше, купим несколько безделушек...

— Мама, тебе все равно придется рано или поздно вернуться домой! — сказала Лизон. — Ты не сможешь жить неделю у Матильды, а потом у Поля в Тюле! У них меньше места, чем у нас. Если хочешь, возвращайся в понедельник в «Бори».

Они могли бы еще долго говорить об этом, но им помешал троекратный стук во входную дверь. Лизон пошла открыть и через минуту вернулась с телеграммой в руке. Вид у нее был растерянный.

— Это тебе, мам! Из Обазина.

Мари развернула листок и быстро прочла. Она моментально побледнела, руки у нее задрожали.

— О нет! Послушай только, дорогая: «Нанетт очень больна, требует тебя. Очень беспокоюсь о ней. Твои ученики тебя ждут. Мать Мари-де-Гонзаг в недоумении. Адриан».

Потрясенная Мари прижала руку к сердцу и пробормотала с виноватым видом:

— Господи, что я наделала, Лизон! Я оставила бабушку Нан, а она так кашляла! И школу! Как я могла забыть обо всех них? Я должна была выйти на работу во вторник, то есть позавчера! Господи, я и правда потеряла голову! Лизон, мне так стыдно за себя! Мне нужно было остаться с Нанетт! Бедная, она нуждается во мне! Она же ничего не понимает! Скажи скорее, в котором часу поезд на Лимож?

Лизон, как могла, постаралась успокоить мать:

— Не волнуйся так! Венсан отвезет тебя на вокзал, и ты сядешь на поезд, который отправляется в час дня. Все будет хорошо!

Мари словно бы вернулась с небес на землю. Всю обратную поездку она осыпала себя суровыми упреками, злилась из-за того, что позволила гневу овладеть собой, повела себя совершенно безответственно! Учительница с ее опытом забыла о начале занятий! Невероятно! Мать Мари-де-Гонзаг пребывает в полнейшем недоумении и наверняка сердита на нее! Кто заменил Мари на уроках? Однако самым серьезным поводом для тревоги была болезнь Нанетт.

«Как могла я оставить мою дорогую Нан? Она ведь еще в праздники очень плохо себя чувствовала...»

Теперь самым большим страхом Мари, который она пыталась гнать от себя, было приехать слишком поздно и столкнуться с необратимым.

— Господи, сделай так, чтобы моя Нанетт была еще жива! — молилась она шепотом. — Она заменила мне мать, которой я не знала! Я не хочу ее потерять! Если она угаснет, когда меня не будет рядом, я себе этого не прощу!

Дорога показалась Мари бесконечной. Она бросилась к дому, как только вышла из автобуса. Когда она открыла дверь, у нее возникло ощущение, что она не была здесь вечно. А ведь она уехала всего четыре дня назад! Сердце неистово колотилось, ноги подгибались. Ее одолевали такие разные, такие противоречивые эмоции. Однако реальность была такова: это ее единственный дом и она никогда не сможет его бросить. Мари наконец осознала, и ей на это понадобилось всего пару секунд, что она — не из тех женщин, которые разводятся.

Бегство не решает проблем... Мари понимала, что ей вновь придется столкнуться со сложной ситуацией и найти из нее выход. Альтернативы не было.

Она поставила чемодан и как раз снимала пальто, когда дверь смотрового кабинета резко распахнулась. Застигнутая врасплох, она испуганно обернулась. Мари еще не решила, как будет вести себя с мужем. В белом расстегнутом халате поверх серого твидового костюма, того самого, который Мари нравился больше других, он с удивлением смотрел на жену. После нескольких секунд молчания, в течение которых супруги со смущенным видом смотрели друг на друга, доктор Меснье сказал тихо:

— Ты уже вернулась? Спасибо, что поторопилась! Нанетт плохо, а я не могу все время быть с ней, у меня много пациентов. Жаннетт приходит каждый день, но состояние старушки ухудшается...

— Какой диагноз ты поставил? — спросила Мари испуганно. — Говори!

— Надо готовиться к худшему. Она не может встать, отказывается есть...

Мари вздохнула с облегчением: Нанетт жива, значит, еще не все потеряно! Она будет о ней заботиться, и та поправится! Мари разулась и, не говоря больше ни слова, вошла в комнату своей свекрови. Ставни были закрыты, от печи шло приятное тепло. Нанетт лежала на безукоризненно белой простыне, смежив веки и сложив руки на груди. Зрелище леденило кровь. Если бы муж не успел рассказать, в каком состоянии пребывает его престарелая пациентка, Мари подумала бы, что находится в комнате умершего, где не хватает только свечей. Черты лица Нанетт заострились, она была бледна, волосы слиплись от пота. Мари подошла к кровати и прошептала:

— Нан, дорогая! Я пришла! Ты меня слышишь?

Нанетт не ответила, но приоткрыла один глаз. Невзирая на жар и слабость, она нашла в себе силы послать невестке сердитый взгляд, в котором читался упрек.

— А, приехала? Не слишком ты торопилась! Как ты могла так поступить, Мари, — бросить меня на произвол судьбы? Когда я не могу встать с кровати! Я умираю!

— Нет, моя Нан, ты не умрешь! И лучшее доказательство тому — ты опять заговорила на своем любимом патуа! Ты в здравом рассудке, а я здесь, рядом с тобой! Прости, что уехала так внезапно и не предупредила тебя! Ты же знаешь, я ни за что тебя не брошу! Я слишком сильно тебя люблю!

Мари присела на край кровати и обхватила своими прохладными ладонями руки приемной матери, шершавые, с узловатыми пальцами из-за тяжелой работы на ферме и по хозяйству.

— Нанетт, мне сказали, что ты не ешь и у тебя нет сил встать. Неужели ты сдалась? Только не говори, что ты разучилась противостоять неприятностям, как раньше! Я приготовлю тебе чашку кофе из цикория, а потом сварю густой суп.

Старушка приподнялась, опираясь на локоть. Ее глаза лукаво поблескивали.

— Мне сразу стало лучше, моя курочка, как только я увидела тебя. Это стыд — бросать своего мужа и бежать непонятно куда! Я знаю, что немало кумушек треплют языками в эти дни! Жена и мать не убегает из дома без причины... А твой Адриан прав, чтоб ты знала! Девчонка, которую ты хочешь взять в дом, вполне может остаться у монахинь!

Мари онемела от удивления. Значит, Нанетт все известно... Она нарочно прикинулась умирающей, чтобы заставить Мари как можно скорее вернуться в Обазин!

— Нан, тебе рассказал Адриан?

— Я, может, и больна, но еще не оглохла! Слышала, как вы ссорились в тот день! Я не спала. А ты кричала на весь дом. И твой муж тоже. И я сказала себе: опять в доме неприятности, и опять из-за Леони! Даже мертвая, она переворачивает все вверх дном! Теперь через свою незаконнорожденную дочку!

— Нанетт! — прикрикнула на старушку Мари, не веря своим ушам. — Перестань немедленно! Никогда больше не называй так эту девочку, слышишь? Я знаю, что ты никогда не любила Леони. Но она была моей названной сестрой, и я хочу, чтобы ты это помнила!

Свекровь скорчила недовольную гримасу и сказала, потирая подбородок:

— Сестра, говоришь? Она прибрала к рукам моего Пьера, а потом кутила в Тюле и в Лиможе! Меняла мужчин, как гулящая бабенка!

Мари кусала губы, сдерживая резкие возражения. Было бесполезно говорить на эту тему с Нанетт. Она принадлежала к другому поколению и считала, что ответственность за все несут женщины, которые подразделяются только на две категории: женщины серьезные, трудолюбивые и, само собой, во всем слушающиеся супруга, и существа, достойные презрения, которые отказываются вступать в брак и ведут беспорядочную жизнь. Ничто не смогло бы изменить ее взглядов. Для Нанетт все было ясно: Леони украла у Мари Пьера, а значит, она попадала в категорию распутниц. И поведение мужчины в подобном случае мало что значило — он всего лишь поддавался на женские уловки.

У Мари не было желания оправдываться. Самая насущная проблема имела имя — Мелина. Переубедить старушку не представлялось возможным. Поэтому она поправила одеяло и спросила негромко:

— Скажи, моя Нан, а почему ты так не хочешь, чтобы я взяла Мелину к нам? Я полюбила эту малышку, еще не зная, что она — ребенок Леони. Адриан должен меня понять, и ты тоже...

Задетая за живое, Нанетт резко села на постели. Мари редко видела ее без чепца, поэтому вид белоснежных волос, собранных в гульку на затылке, умилил ее.

— Ты такая забавная с этой прической, моя Нан! У тебя такая маленькая головка...

— Нашла время говорить о моей голове! — ворчливо отозвалась свекровь. — Послушай меня, Мари: эта девчонка, если ты приведешь ее в дом, принесет нам только несчастья... как и ее дрянная мать! А твой муж имеет право на спокойную жизнь. Он ухаживал за мной по вечерам, приносил мне грелку... И даже приготовил омлет. Но я к нему не притронулась... Не смогла, слишком была расстроена!

Мари вздохнула. Как с ней трудно! Притвориться умирающей, чтобы вернуть невестку! Надо же такое придумать! И все же Мари не собиралась отказываться от принятого решения здесь, в своем собственном доме! Но, представив Адриана на побегушках у Нанетт, Мари растрогалась и не смогла удержаться от улыбки.

Оживило атмосферу в доме появление Жаннетт и Мари-Эллен. Девушки увидели в окно мясной лавки, как мадам Меснье выходит из автобуса, и решили зайти, узнать, как она, — поспешный отъезд Мари всех привел в недоумение. Однако природное чувство такта удерживало их от даже самых невинных вопросов.

— Я старалась, как могла, мадам Мари! — заявила Жаннетт. — Но с Нанетт не так просто сладить!

— Сегодня утром я предложила свою помощь! — подхватила Мари-Эллен. — Вдвоем у нас, может, и получилось бы заставить ее хоть что-нибудь съесть!

— Не беспокойтесь! — сказала Мари. — Я дома и сама ею займусь. Нан дулась, потому что я уехала, ничего ей не сказав. И готова поспорить, сегодня вечером она поест с аппетитом! Но я очень вам благодарна за заботу.

Девушки поболтали немного с больной и ушли. Мари оставила Нанетт отдыхать, а сама отправилась в кухню, намереваясь приготовить вкусный суп с овощами к ужину. Фартук ждал ее на крючке за дверью. Она завязала его на талии, включила радиоприемник над печью. Полилась мелодия аккордеона, возвращая ей бодрость.

«Нужно потерпеть, скоро все решится! — сказала она себе. — Теперь, когда я дома, Нанетт быстро поправится. А Адриан... Посмотрим, как он себя поведет...»

Мари очистила несколько картофелин, помыла стебли порея. Она отложила один стебель, чтобы позже нарезать его мелко и добавить в суп в самом конце. Эта кулинарная хитрость придавала классическому супу новые вкусовые оттенки. Финальным аккордом стала ложка сливок, добавленная в уже готовое блюдо. Еще Мари приготовила рис и соте из овощей. Она обнаружила, что кладовая почти пуста. Это ее рассердило.

«Адриан даже не сходил за покупками! Эти мужчины... Они не могут делать несколько вещей одновременно!»

Мари, не дожидаясь возвращения мужа, накормила ужином Нанетт, и та поела с хорошим аппетитом. Потом она приготовила свекрови ромашковый чай. Было уже восемь вечера, но Адриан все еще не вернулся.

— Ты попросишь у него прощения, моя девочка? — спросила у нее Нанетт. — Твой муж — муссюр, доктор! У него доброе сердце, ведь он взял меня в свой дом! Помни, Мари, здесь все его — и дом, и обстановка... Если он выставит тебя за порог, что с нами станет?

Мари пожала плечами. Она никогда не смотрела на ситуацию с этой точки зрения. Она не представляла, что Адриан может повести себя так жестоко. Может, их мнения и разошлись, но все же ее муж — не зверь!

— Спи спокойно, моя Нан! Мы с Адрианом обязательно найдем общий язык!

***

Мари предполагала лечь в комнате, в которой обычно спал Поль, когда приезжал в Обазин. Ссора не забылась, и будущее было так же туманно,

как и в момент ее отъезда. Вернуться к совместной привычной жизни в данный момент не представлялось Мари возможным.

Адриан вернулся поздно, излучая несвойственную ему холодность. Мари как раз мыла посуду, когда он вошел в кухню. Он молча положил себе на тарелку рис, взял бутылку вина и унес все это в кабинет, где и закрылся. Выходит, доктор Меснье решил держаться отстраненно. Мари сразу поняла, что он не станет первым делать шаг к примирению. Стена молчания и взаимного непонимания разделяла супругов.

«Что ж, война — так война! — сказала она про себя, подметая плиточный пол. — Адриан наверняка очень рассердился на меня, когда я ушла из дому без объяснений. Но ему прекрасно известно, почему я так поступила...»

Работа по дому отвлекала ее от размышлений, успокаивала. Когда Адриан снова вошел в кухню, она вздрогнула.

«Какая я глупая! — упрекнула себя Мари. — Он думает, что я до сих пор злюсь на него, а на самом деле при виде него у меня начинает биться сердце, как у шестнадцатилетней!»

Мари старалась не смотреть на Адриана из опасения, что он прочтет правду в ее глазах. Он порылся в шкафу, как если бы что-то искал. Потом взял сахарницу и сделал вид, что уходит, но бросил на Мари один взгляд, другой... Наконец он поставил сахарницу на стол и спросил тихо:

— Мари, мы можем поговорить?

Она выдержала паузу: сняла фартук, поставила в угол веник и, дрожа всем телом, наконец посмотрела на него и проговорила, стараясь, чтобы голос прозвучал уверенно, однако это ей не удалось:

— Я тебя слушаю.

— Мари, я думал, что за эти дни сойду с ума... В доме без тебя стало ужасно грустно. Никогда больше так не поступай... Ты сделала мне больно, очень больно. Я ощущал себя потерянным...

Он с волнением ожидал, что жена подаст ему знак, который положит конец враждебности. Мари, тоже очень взволнованной, хотелось, в сущности, того же, но она решила повременить. Тех слов, что она услышала, было недостаточно. В нарыве еще оставался гной, а потому их будущее зависело от того, что еще скажет Адриан.

Вновь повисшая в кухне тишина была давящей. Адриан, который испытывал неистовое желание преодолеть, наконец, мизерную дистанцию, их разделявшую, не выдержал, он сломался:

— Ты — моя жена, и я тебя люблю! У нас всегда получалось понять друг друга, мы делили все беды и справлялись со всеми проблемами. Не

могу жить без тебя. Пока тебя не было, я как следует все обдумал. У меня было время, потому что ночи в одиночестве, когда считаешь минуты, кажутся такими долгими... Если удочерение Мелины может сделать тебя счастливой, я не могу отказывать тебе в этом. Я понимаю, что ты считаешь это своей священной обязанностью теперь, когда узнала всю правду.

— Именно так! — прошептала Мари со слезами на глазах.

Она не верила своим ушам. Адриан согласился! Она сможет позаботиться о дочери Леони! Мари умирала от желания броситься супругу на шею, чтобы выразить свою благодарность, но время еще не пришло. После паузы, которая показалась ей бесконечной, Адриан продолжил:

— Дорогая, то, что я соглашаюсь взять в наш дом этого ребенка, — самое большое доказательство моей любви. Ты должна это знать! Я люблю тебя больше жизни и не хочу, чтобы наши отношения испортились. Наш брак выдержал испытание войной. Я оставил тебя одну на долгие месяцы, когда участвовал в Соппротивлении, и ты никогда меня в этом не упрекала. Тебе пришлось многое пережить в одиночку, и ты справилась! Ты — воплощенная честность, а я тебя обманывал. Я делал это, потому что дал обещание молчать, но я не представлял себе, что ты почувствуешь, узнав правду. Я не понимал... Теперь же я понимаю, что ты ощутила себя преданной! И была права. Я должен был нарушить слово, поскольку Леони в то время была не совсем адекватна. У нее была сильная депрессия. Я поступил неправильно. Если бы я тебе тогда обо всем рассказал, кто знает, как бы все обернулось? Тебе с твоей добротой и способностью к убеждению, возможно, удалось бы поколебать решимость Леони, и она в конце концов забрала бы своего ребенка. Прости мне мою недальновидность!

Его слова поразили Мари в самое сердце, и она не смогла сдержать слез. Ей удалось убедить супруга взять в дом Мелину, и это замечательно! Но что делать с угрызениями совести, с сожалением? Последние слова Адриана были справедливы, увы! Все могло бы быть по-другому... но никому не дано исправить свои прошлые ошибки. Мелина могла расти рядом с матерью хотя бы несколько лет... Быть может, Леони и не ушла бы в маки... Быть может... Но никто не скажет, что было бы, а что — нет... Бесконечная череда «быть может...» ничего не изменит в настоящем и уж тем более «не изменит мир», как сказала бы Нанетт.

Адриан, взволнованный собственными признаниями и слезами Мари, наконец подошел к ней. Они стояли друг напротив друга. Он деликатно взял ее за подбородок и поднял ее лицо, пожирая его глазами... желая поцелуя, которого не осмеливался попросить.

Мари поняла этот жест не сразу. Камень свалился с ее плеч благодаря данному Адрианом обещанию. Из всех этих фраз, произнесенных пылко, но с внутренней болью, она запомнила одно: Мелина будет жить с ними. Ей хотелось как можно скорее заняться организацией переезда девочки. Она мысленно начала перечислять, что предстоит сделать: «Нужно купить ей новую одежду и игрушки... Я поселю ее в комнате Лизон, она по соседству со спальней Камиллы...»

Внезапно она заметила выражение муки на лице Адриана, его сдерживаемый порыв, его желание поцеловать ее, обнять... Он ожидал от нее жеста любящей женщины... того, что она, увы, пока не могла ему дать.

— Спасибо, — прошептала Мари. — Спасибо от всего сердца! Я бесконечно тебе признательна! Но...

— Но что? — опешил он.

Мари закрыла глаза, не в силах выносить его вопрошающий, несчастный взгляд. Ей предстояло разочаровать его, а ведь он только что воздал ей наивысшую похвалу, о которой может мечтать женщина! Но она ее недостойна. Он считал, что ее совесть не обременена ложью, он ничего не знал о тяжелой тайне, которую она никому не могла доверить в течение последних двух лет... Пришла пора вскрыть этот ужасный нарыв, чтобы он не лопнул однажды внезапно, сделав несчастными их обоих. Адриан ее отвергнет... Его любовь не вынесет такого испытания. Мари сделала глубокий вдох и посмотрела в глаза супругу. Он не сможет скрыть своих подлинных эмоций, когда она все расскажет... Она слишком хорошо его знает! Она прочтет вердикт в его голубых, как небо, глазах, вердикт, который разорвет ей сердце.

— Адриан, я должна тебе кое в чем признаться. Я стою не больше, чем ты. Я не столь невинна, как ты полагаешь. И у меня тоже есть что от тебя скрывать. До сегодняшнего дня мое молчание сохраняло наш брак. Когда ты все узнаешь, то поймешь, почему для меня было невозможно признаться раньше, но от этого признания зависит наше будущее. Мы больше ничего не должны скрывать друг от друга. Выслушай все, что я хочу сказать тебе. Адриан, возможно, потом ты не захочешь меня больше видеть, и я не буду тебя в этом винить. Когда ты рассказал мне о подробностях ужасного изнасилования, жертвой которого стала Леони в Лиможе, я почувствовала, что тебе противно говорить об этом... До такой степени противно, что ты стал испытывать отвращение и к этому невинному ребенку! Ты рассудил, что его мать сама виновата в том, что с ней случилось.

Адриан побледнел и буквально упал на стоявший поблизости стул. Он ничего не хотел слышать, он взглядом умолял ее замолчать... И все же

напряженное, внушающее страх выражение лица жены завораживало его. Он стиснул зубы, готовый ко всему.

— Прошу, не смотри на меня так! — взмолилась Мари. — Пожалей меня! Теперь моя очередь краснеть от стыда! Я тоже не все тебе рассказала. Это касается Макария. Арест Матильды преследовал одну цель — заставить меня прийти в гестапо. Сделка была проста и отвратительна: либо он отдает Матильду палачам-полицаям, либо я даю ему то, чего он от меня хочет. Он сочился ненавистью, и я понимала, что он исполнит свою угрозу. Слишком долго он преследовал меня, чтобы не воспользоваться такой возможностью. На этот раз у меня не было шанса вырваться. И не было выбора, потому что любая мать на моем месте поступила бы так же. Только жизнь дочери имела значение, а все остальное... Я согласилась, с помертвевшим сердцем, сама не своя от возмущения. Но я думала только о моей крошке Ману. Мое тело стало ценой ее свободы. Теперь ты все знаешь. Знал бы ты, как мне стыдно...

Убитый этим признанием, Адриан опустил голову. Он с трудом дышал, он задыхался под бременем ужаса и гнева. Кулаки его сжались, готовые поразить невидимого противника. Мари быстро заговорила, опасаясь вспышки ярости:

— А потом он отпустил нас, как и обещал. Можешь мне не верить, но, оказавшись на улице и держа за руку дочь, я почувствовала себя почти счастливой. Несмотря на случившееся. Это произошло быстро, это было отвратительно и жалко, но я была жива, и Матильда тоже. Ты был далеко, и Макарий посмел сказать, что ты мертв и что это известно ему из достоверных источников. У меня же в голове вертелась только одна мысль: вернуться сюда, в Обазин, помыться ледяной водой, сжечь одежду и попытаться очиститься от прикосновений этого чудовища. Что ты знаешь о боли, которое испытывает оскверненное насильем тело? О том, что потом становится невозможно принять себя самое? О безрассудном желании умереть, чтобы уйти от воспоминаний, которые возникают перед глазами снова и снова? Я пыталась забыть тот ужас. Мне нужно было жить ради детей, ради тебя... И единственно правильным решением было постараться забыть о произошедшем, подальше спрятать эти воспоминания от самой себя... Я никогда и никому об этом не рассказывала. Я стала ждать твоего возвращения. И ты наконец вернулся, истерзанный, обессиленный... Тебе нужны были только любовь, спокойная жизнь. И... я ничего не стала рассказывать. Мы оба слишком много страдали, нам нужно было восстановить силы.

— Мари, моя бедная, моя дорогая Мари! — выдохнул Адриан, не

решаясь смотреть на жену. — Ты перенесла такое... Господи!

— Прощу, дорогой, постарайся понять! — проговорила Мари тихо. — Ты, конечно, не женщина, но как бы ты поступил на моем месте? И потом, знаешь ли, это изнасилование показалось мне пустяком в сравнении с теми ужасами, которые заполонили наши края. С теми несчастными, которых повесили на деревьях или на балконах в Тюле, обошлись куда более жестоко. Сегодняшняя пресса утверждает, что нацисты делали это в отместку за действия партизан. Венсан же рассказывает, что это было на самом деле варварство триумфаторов... С людьми обращались, как со скотом на бойне! А Орадур! Все эти убитые, сожженные заживо... За день поселок сравняли с землей, уничтожив все население! Сколько невинных жертв! Какое я имею право жаловаться, я, со своей жалкой историей? Можно сказать, мне посчастливилось, что Макарий сдержал обещание! Получив желаемое, он мог оставить меня в тюрьме, а Матильду отдать гестаповцам, которые пытали бы ее в надежде, что она расскажет о маки, поскольку он подозревал, что вы с Полем ушли к партизанам. Он ненавидел меня, и все же родственные узы удержали его от худшего...

Мари сделала паузу, упрямо глядя на танцующий в печке огонь. Она присела на тот стул, где обычно устраивалась Нанетт.

— Адриан, когда я услышала от тебя, что изнасилованная женщина недостойна любви, мне стало страшно. Ты жил со мной, а я прятала от тебя эту скверну. Я потеряла почву под ногами, я не понимала, что мне делать! Мне всей душой хотелось удочерить девочку, но ты отказался. У меня не оставалось надежды, поэтому я уехала. Мне было страшно, что я потеряю тебя, если ты узнаешь, что и я тоже была изнасилована. Но теперь, если ты захочешь со мной расстаться, я скажу: ты имеешь на это право. У меня есть профессия, я сумею обустроить свою жизнь, воспитать Камиллу и Мелину. Одна. Решать тебе!

Она не могла больше говорить. Слезы потекли по ее щекам. Сил больше не оставалось.

— Скажи же хоть что-нибудь! — взмолилась она. — Умоляю!

Адриан наконец встал, подошел к пострадавшей жене и опустился перед ней на колени.

— Иди ко мне, дорогая! — прошептал он.

Он притянул ее к себе, нежно обнял и стал баюкать, как ребенка.

— Мари! Я все еще в состоянии шока, но знай одно: ты — моя жена и останешься ею. Это изнасилование... Оно — как ранение в войну... Ты права — в сравнении со всеми преступлениями, с жестокостями, осиротившими столько людей, это — мелочь. Взять план Гитлера,

названный «окончательное решение еврейского вопроса». Миллионы нашли смерть в концентрационных лагерях... Эдмон Мишле может это подтвердить. В прошлом году я встречался с ним, когда он приезжал в аббатство. Так к чему нам терзать друг друга? Чего стоят наши мелкие размолвки, обиды, угрызения совести в сравнении с ужасами, которые потрясли мир? Слава Господу, я обнимаю тебя, живую и здоровую! И большего счастья быть не может! Для меня пусть слабым, но утешением станет тот факт, что этот мерзавец Макарий получил по заслугам! А тобой я теперь восхищаюсь еще больше! И если я дрогнул, то от гнева, ведь я не смог вырвать тебя из его лап! Я не могу даже представить, что мог бы вернуться домой после освобождения и не найти там тебя... Я бы не пережил твоей смерти! Мне очень жаль, Мари, что я проявил такое непонимание. Ты страдала все это время и молчала, щадя меня! Дорогая, ласковая моя...

Прижавшись к Адриану, Мари плакала. Им предстояли многие часы разговоров, которые помогут им избавиться от груза давних тайн... Однако теперь это ее не пугало. Ей не придется больше носить бремя насилия; рана зарубцуется, ведь теперь Адриан знает все. Она чувствовала, что они простили друг друга и эти дни в гневном скоро станут просто неприятным воспоминанием.

Мужчина, которого она любила, крепко сжимал ее в объятиях, как если бы страшился ее потерять. Она больше не боялась смотреть на него. Медленно подняв голову, Мари подарила ему поцелуй, которого он так ждал. Их губы вначале соприкоснулись робко, но потом страсть поглотила их и перед очагом они слились в одно существо, трепещущее от желания, — возлюбленные, которые обрели друг друга после долгой разлуки.

Мари обняла его за шею, и Адриан взял ее на руки, как жених невесту. Уютная спальня в этот вечер стала свидетельницей самого страстного воссоединения. Это была ночь, когда ласки заменяли собой все слова. На рассвете, обнявшись, они заснули спокойным сном — вновь единое целое, супружеская чета, готовая рука об руку идти по жизни.

Глава 13

Мама Мари

После бегства Мари в «Бори» прошло десять дней. Мари вновь обрела способность улыбаться, и глаза ее блестели ярче обычного. Она вся просто светилась от счастья. Они с Адрианом вышли более сильными из сложного испытания, в котором обоим пришлось нелегко. Удивленная и обрадованная, Нанетт, конечно, попыталась разузнать, как развивается ситуация, однако в ответ на все ее расспросы Мари неизменно начинала напевать мелодию вальса «На прекрасном голубом Дунае», который часто слушала. Старушка отступилась, зная, что скоро все прояснится. Здоровье ее поправилось, вернулась и способность ворчать не переставая.

В это утро Мари оделась с особой тщательностью и, став перед зеркалом в спальне, критическим взглядом окинула свое отражение.

«Надеюсь, я ей понравлюсь! Сегодня я представлюсь ей как ее будущая мать... Захочет ли она стать моей дочерью?»

Беззвучно вошла Камилла. Она присела на край кровати и стала молча ждать вердикта зеркала. Через пару секунд мать пришла к выводу, что все в порядке, и расслабилась. Мари выглядела превосходно, однако Камилла чувствовала, что дело было не только в природной красоте матери. Нанетт впервые удалось удержать язык за зубами — она ни словом не обмолвилась о жестокой ссоре супругов и бегстве Мари, и напряжение между родителями исчезло так же быстро, как и возникло. Теперь все снова было хорошо и вполне можно было надеяться, что лучшее — впереди!

К тому же Адриан перестал противиться удочерению Мелины. Камилла узнала новость вчера, вернувшись из коллежа. Она не понимала, какое чудо заставило отца изменить свое мнение. Сперва девочка удивилась, потом обрадовалась и стала взволнованно ожидать этого события — почти так же сильно, как и Мари.

— Мам, почему мне нельзя пойти с тобой в аббатство? — в сотый раз спросила она.

— Мы об этом уже говорили! Твое присутствие может смутить девочку. И потом, мне нужно кое-что сказать Мелине наедине, без свидетелей.

Камилла скорчила гримаску, притворяясь обиженной. Но ей вовсе не

хотелось дуться. В голову ей пришла новая идея:

— Мам, поскорее возвращайся! Мне так не терпится ее увидеть! А я пока пересмотрю свои старые игрушки — некоторые должны понравиться Мелине!

— Закончи лучше делать уроки! И я ведь тебе уже сказала — я вчера купила ей на рынке новые игрушки!

— Ладно! — вздохнула Камилла. — Мам, не задерживайся, хорошо?

Мать дала обещание, и девочка вернулась в свою комнату, напевая модную песенку. Прежде чем выйти из спальни, Мари подошла к своему прикроватному столику. На нем стояла маленькая фотография статуи Пресвятой Девы с Младенцем, которая находилась в приемной аббатства. Мать Мари-Ансельм подарила ей это фото в тот день, когда Мари уезжала с Амели Кюзенак в Шаранту. С тех пор Пресвятая Дева Обазинская всегда была с Мари, где бы та ни находилась. И, в определенном смысле, заботилась о ней. Мари вспомнились молитвы, которым в свое время ее научили монахини. Растроганная, она пробежала кончиками пальцев по изображению, которое так часто возвращало ей надежду.

Рядом с фотографией стояла вазочка с букетом подснежников. Адриан, как юный влюбленный, нарвал их вчера по дороге из Куару. Он знал, как любит жена украшать цветами их спальню. В вазе рядом с изображением Девы Марии Обазинской всегда стояли сезонные цветы.

«Какой очаровательный знак внимания! — подумала она. — Я знаю, он станет для Мелины хорошим отцом, ведь он стал таковым для детей Пьера».

Она легким шагом спустилась по лестнице и постучала в дверь комнаты Нанетт, потом приоткрыла ее:

— Нан, дорогая, я иду в аббатство!

— Покажись-ка мне, моя курочка! Я вижу только кончик твоего носа! И что тебе нужно у сестер?

— Не притворяйся, что забыла, я тебе не поверю! Сегодня — тот самый долгожданный день! Если все пройдет хорошо, я приведу с собой Мелину!

— Не слишком торопись, послушай старуху! Погоди немного, прежде чем подписывать бумаги, иначе будешь потом локти кусать, это точно!

— Я не передумаю, Нанетт! Решение принято. Послезавтра мы с Адрианом уладим все формальности с удочерением.

— И ты так радуешься из-за девчонки, которая принесет нам одни неприятности? Что ж, иди!

Мари нахмурилась, вздохнула и все-таки вошла в комнату.

— Ты заставила меня зайти, хоть я и тороплюсь! — шепнула она старушке на ухо. — Нан, послушай, что я скажу: вместо того чтобы ворчать, вспомни о наших планах... В будущую субботу в доме будетлюдно, тебе это пойдет на пользу, ведь ты так долго болела и не могла никуда выходить. Это будет хороший повод представить Мелину нашим друзьям. Но если ты слишком расстроена, мы можем все отменить. Ну, как ты решишь?

— Ба! Уж постараюсь выйти к гостям... если ты настаиваешь. Но только чтобы доставить тебе удовольствие!

Мари хотела было вздохнуть от огорчения, но тут поймала лукавый, веселый взгляд Нанетт. Решительно, ее приемная мать никогда не изменится!

— Ворчи сколько хочешь, моя Нан, я уверена, что в глубине души ты довольна! Кстати, на краю плиты я оставила тебе липовый настой. До скорого!

Мари шла через площадь, с наслаждением вдыхая пахнувший морозом воздух. Как и каждое утро, этот короткий отрезок пути наполнял ее радостью. Она с некоторым опозданием начала преподавать в приютской школе. Таким образом, у нее появилась возможность каждый день видеть Мелину.

Официальное решение относительно удочерения еще не было принято. Мать Мари-де-Гонзаг была осведомлена о планах Мари и все же предпочла не сообщать пока девочке радостную новость.

— Здравствуйте, матушка! — воскликнула Мари, входя в небольшую приемную.

— Здравствуйте, Мари! Вы вся светитесь от радости!

— Да, матушка, я очень счастлива! Неделя, которую вы дали нам на размышления, наконец прошла. Должна признаться, мне показалось, что она тянулась бесконечно. Я дожидаться не могла дня, когда заберу Мелину домой. Я могу поговорить с ней прямо сейчас?

Мать Мари-де-Гонзаг со вздохом сцепила руки. Разумеется, она радовалась за девочку, как и за каждую свою воспитанницу, которую брали в семью, однако случай Мелины был особенным — из-за тайны, которой было окутано ее рождение. Благожелательное, чуть усталое лицо матушки омрачила тень беспокойства. Она знала, насколько щедра душой ее собеседница, однако задача ей предстояла нелегкая.

— Дорогая Мари, ваше решение удочерить эту девочку тронуло мое сердце. И я рада, что доктор Меснье согласен стать Мелине отцом. Но перед тем, как доверить ее вам, я хочу кое-что сказать. Вы говорили, как вас

растрогала ее просьба, обращенная к нашему доброму святому Этьену, дать ей семью. Мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что ей у нас плохо. Но Мелина — девочка взбалмошная и капризная, а еще непоседливая и недисциплинированная. Когда мы ставим пьесы, она бывает невыносимой — непременно требует себе главную роль. Вы должны быть очень строги с ней! Воспитывая девочку, будьте бескомпромиссны и прозорливы, Мари! У нее сильный характер, и мне будет очень больно, если вы пожалеете о своем решении, таком благородном!

Мари внимательно выслушала мать-настоятельницу. Удивление пришло на смену нетерпению. Но последние слова монахини вызвали у нее живую реакцию:

— Матушка, разве смогу я хоть когда-нибудь пожалеть об этом? Мой долг — удочерить дочь Леони! Вы знаете, как много это для меня значит...

Жестом настоятельница попросила ее помолчать и поспешила добавить:

— Успокойтесь, дорогая Мари! Я верю в вас, вы — образцовая мать семейства и прекрасный преподаватель. Идемте в рукодельню, там мать Мари-дез-Анж занимается с девочками по субботам. Август не за горами, и нам следует подготовиться к летней благотворительной ярмарке. Несколько месяцев едва хватит, чтобы закончить работу. Качество наших товаров не должно разочаровать покупателей!

Мари последовала за матерью Мари-де-Гонзаг по лабиринту аббатских коридоров. Она так хорошо знала это место, что могла бы пройти в любой конец с закрытыми глазами. Они прошли по арочному коридору, соединявшему сад и двор, потом поднялись по лестнице из камня, отполированного за годы множеством ног. Ступени были истерты так сильно, что посередине каждой образовалась ложбинка. Наконец они подошли к рукодельне. Из-за двери слышались хрустальные голоса воспитанниц. Мари узнала песню, как только они переступили порог комнаты, где девочки занимались шитьем.

Я прихожу, о матушка, к вам на колени,

Чтобы сказать: я посвящаю вам всю свою жизнь!

Вашей любви я ее доверяю,

Храните ее, она ваша до последнего дня!

Мари почудилось, что она вернулась в прошлое. Она увидела себя сидящей за одним столом с Леони. Взгляд ее пробежал по комнате, по склоненным головам занятых работой девочек. Младшие наравне со старшими занимались шитьем и вышивкой, зарабатывая тем самым дополнительные деньги для приюта. Мари была знакома с большинством

присутствующих воспитанниц, некоторые из них были ее ученицами. Сестра Мари-дез-Анж, сидя в центре, царила в этом женском мире, помогая воспитанницам в работе.

Она ласково улыбнулась, заметив, что маленькая Мадлен, занятая вышивкой салфетки, от усердия покусывает верхнюю губку. И только одна девочка обернулась. Словно почувствовав на себе взгляд Мари, Мелина, не переставая петь, посмотрела на нее одновременно со страхом и радостью. Мать Мари-де-Гонзаг обошла комнату и кивком поздоровалась с девочками.

— Мелина! — позвала она благожелательным тоном. — Можешь отложить на время свою работу. Мадам Меснье хочет с тобой поговорить.

В одну секунду девочка вскочила со своего места, как если бы только и ждала этих слов — так чертик выскакивает из коробочки. Она подбежала к Мари, и в ее голубых глазах светилась тысяча вопросов. Она не знала цели этого разговора. Как только девочка подошла к супруге доктора, мать-настоятельница сделала им знак, что они могут выйти.

Мари взяла Мелину за руку, и они вместе пошли по коридору, пол которого был выложен красивыми разноцветными плитками. Их расположение было не случайным, а образовывало некие символы жизни монахов, некогда обитавших в аббатстве. Здесь можно было увидеть лист клевера с четырьмя лепестками, солнце, луну и четыре звезды. Последним было изображение восьмерки — символа бесконечности.

Они вышли через деревянную дверь на лестницу, которая вела в церковь. Внизу, на лестничной площадке, стоял в течение многих веков старинный шкаф, изготовленный еще в двенадцатом столетии, то есть такой же древний, как и само аббатство.

Дойдя до левого нефа, они остановились и посмотрели на могилу святого.

— Мелина, — начала Мари, — я привела тебя сюда не случайно. Ты помнишь, что именно здесь мы с тобой познакомились? Ты пришла просить у святого Этьена чуда...

— Да, мадам, я помню!

— Ты хотела иметь семью, не так ли? Так вот, у меня для тебя хорошая новость: твое желание исполнилось! Мой муж и я, мы решили тебя удочерить. Отныне и навсегда ты будешь жить с нами... если ты хочешь, чтобы я стала твоей мамой!

Мелина была до такой степени поражена, что стояла с открытым ртом и безвольно повисшими вдоль туловища руками. Девочка, казалось, окаменела.

— Давай присядем на скамейку и поговорим! — предложила Мари. — Ты не ответила на мой вопрос. Ты хочешь, чтобы я была твоей матерью? Быть может, я кажусь тебе слишком старой?

Эти слова, произнесенные ласковым, взволнованным голосом, вернули ребенка к реальности. Ей все это не снится! Эта красивая дама, которая утешала ее в церкви, хочет стать ее мамой! Девочка поспешила с ответом, почти крикнула:

— О нет, мадам! Вы очень красивая! Вы правда хотите взять меня к себе, в большой дом возле мэрии, в дом доктора?

— Да, Мелина! Я все уже подготовила. У тебя будет красивая комната, мы только что переклеили в ней обои. Я поменяла шторы и перекрасила деревянную обшивку стен в розовый цвет!

— Комната! Для меня одной! — отбивая ногами чечетку, воскликнула девочка. — О, спасибо, мадам! Вы слишком добры ко мне! Это правда, что вы будете моей мамой?

Мари, слишком взволнованная, чтобы говорить, притянула Мелину к себе и крепко обняла.

— Моя дорогая девочка! Теперь у тебя есть семья, и, надеюсь, ты будешь с нами счастлива. Знай, что я уже очень сильно тебя люблю. И я рада, так рада!

Они какое-то время сидели, прижавшись друг к другу, проникшиеся важностью этого момента. В безмятежном сумраке церкви плыл легкий аромат ладана. Где-то далеко слышалось убаюкивающее пение сирот. Мелина никогда не сможет забыть день, когда ее жизнь переменялась. Она больше не будет бедной сироткой! Наконец у нее появятся родители и дом. Раз исполнилось одно желание, остальные исполнятся тоже, теперь девочка была в этом твердо уверена. Все казалось ей возможным, стоило только протянуть руку! И она рассчитывала получить как можно больше...

Мари поцеловала Мелину в лоб и шепнула на ушко:

— Сестра Юлианна уже собирает твои вещи. Ты можешь пойти попрощаться с подружками. Но не огорчайся из-за того, что вы расстанетесь, — ты каждый день будешь с ними видеться в школе!

Мелина тоном послушного ребенка спросила:

— А можно называть вас «мама»?

— Если тебе это доставит удовольствие! Но сначала внимательно выслушай меня, Мелина, потому что мне нужно рассказать тебе один секрет. Когда я утешала тебя накануне Рождества, уже тогда мне хотелось позаботиться о тебе. Ты доверилась мне, и мне захотелось сделать тебя счастливой. Позже я узнала часть твоей истории. Думаю, ты достаточно

взрослая, чтобы узнать ее тоже. Твоя настоящая мама, та, которая тебя родила и которой ты не знала, была моей подругой. Я любила ее как сестру. Поэтому я вдвойне рада, что ты станешь моей дочкой. Но это нежное слово — «мама» имела право слышать только она одна... Ты понимаешь? Поэтому почему бы тебе не называть меня «мама Мари»?

Мелина слушала, не перебивая, но нахмуренные брови говорили о ее замешательстве. Удивление пришло на смену восторгу первых минут. О раннем детстве у нее были весьма смутные воспоминания. Девочка едва помнила кормилицу, ведь в приют она попала очень маленькой. Настоящая мать... Никто и никогда ей о ней не рассказывал. Слова Мари взволновали девочку, однако она предпочла прогнать из головы вопросы о своем происхождении и ответила весело:

— Хорошо! Это красиво — «мама Мари»! И похоже на «мама Тере»... как говорит Мадлен и другие девочки!

Это не укладывалось у Мари в голове: Мелину не интересовал вопрос ее происхождения! Сама она, когда ей было двенадцать, часто думала о том, кто ее родители, старалась раскрыть тайну своего рождения. Знать это было так же важно, как и быть удочеренной. Мари подумала, что не сумела донести до девочки свою мысль, но пока предпочла не развивать эту тему.

— У нас еще будет время поговорить об этом наедине. А пока я хочу, чтобы ты знала: я удочерила бы тебя в любом случае, даже если бы ты и не была дочкой моей подруги. Теперь поговорим о твоей новой семье. Ты скоро со всеми познакомишься. У меня есть дети, все они старше тебя. У моей старшей дочки Лизон двое детей и скоро родится третий. Мой сын Поль станет папой в мае. Еще есть Матильда и Камилла, самая младшая. Они очень рады, что у них появится маленькая сестричка.

Мелина обняла Мари за шею. Девочке хотелось кричать от радости, но она не решалась. Счастье переполняло ее. Она крепче сжала ручонки.

— Мадам, прошу, заберите меня поскорее! Я так хочу увидеть дом, мою комнату...

— Мелина, называй меня «мама Мари»!

— Да, мама Мари! — послушно повторила девочка.

Слово «мама», которое до этих пор ей не приходилось произносить, возымело на девочку магический эффект, пусть даже к нему было добавлено имя. Она расслабилась, глаза ее засияли, на губах появилась счастливая улыбка. Эта бесконечная радость, осветившая маленькое личико, стала для Мари наилучшим подарком. Она навсегда прогнала воспоминание о ссоре с Адрианом.

— Идем, дорогая! — сказала она девочке. — Я провожу тебя к

рукодельне. Дома, на кровати, тебя ждут подарки! Сегодня у нас с тобой праздник!

Мелина кивнула. Она чувствовала в себе такую легкость, что готова была взлететь.

«У меня есть мама! — повторяла она про себя. — Самая красивая мама! И ее зовут Мари!»

***

Наконец Мелина вышла из аббатства не ради воскресной прогулки. И никого из монахинь не было рядом... Не было и других сирот. Она перешла через площадь, держась за руку своей новой мамы. На ее кошачьем личике сохранялось выражение и удивления, и радости. Последний час в аббатстве показался ей очень долгим. Нужно было сделать то, что представлялось девочке малоприятным, — к примеру, поцеловать каждую из воспитанниц приюта и сказать «до свидания» сестрам и маме Тере. Сборы были просто бесконечными! Однако, несмотря на недавнее нетерпение, она сумела сдержаться. Мелина интуитивно понимала, что в ее интересах скрывать плохие черты своего характера. Но радость девочки была так велика, что она не смогла попридержать свой язычок, прощаясь с маленькой Мадлен. Она прошептала девочке на ушко: «Теперь у меня тоже есть мама! И она богаче твоей! Она купила мне кучу игрушек и новых платьев!»

Никто не услышал этих слов. Монахини, растроганные происходящим, не заметили ни мстительного выражения лица Мелины, ни расстроенного — маленькой Мадлен. Поэтому первой, поспешившей принять ангельский вид, удалось избежать заслуженных нравоучений.

Что до Мари-Терезы Берже — «мамы Тере» для всех девочек, совсем маленьких и подростков, — она не поняла, почему ласковая Мадлен, которую она уже многие годы считала своей дочерью, молча плачет над своей вышивкой. На расспросы девочка ничего не ответила, чтобы не выдавать злюку. По правде говоря, она настолько боялась Мелину, что ее уход стал для нее большим облегчением, как и для большинства воспитанниц приюта. Однако мама Тере решила, что Мадлен грустит из-за расставания с одной из подружек.

***

Мари открыла дверь и ввела Мелину в просторный вестибюль с плиточным полом и стенами, обшитыми светлыми деревянными панелями, который сразу понравился девочке. Щелчок замка объявил об их приходе. Обитатели дома поторопились выйти в вестибюль, чтобы поздороваться.

Камилла, которая поджидала возвращения матери у окна, появилась первой. Она сказала радостно:

— Здравствуй, Мелина! Добро пожаловать домой!

Следующей показалась Нанетт. Она вышла из своей комнаты, подозрительно поглядывая на девочку, которую уже заранее недолюбливала. Из своего кабинета, где он разбирал почту, вышел Адриан. Оба поздоровались с девочкой. Доктор произнес радушно: «Ну, здравствуй!», старушка ледяным тоном обронила: «*Vai quo?*»^[6]

— Любой смутится, если на него так пристально смотреть! — воскликнула Мари. — Мелина, познакомься с Нанетт, которая заменила мне мать, с Адрианом, твоим отцом, и Камиллой — моей самой младшей дочкой.

— Здравствуйте! — пробормотала девочка, переминаясь с ноги на ногу.

— А теперь, когда все формальности соблюдены, давай я покажу тебе дом! — предложила Мари.

Девочка не успела ответить, как Нанетт, которая все это время внимательно ее рассматривала, громко озвучила на патуа часть своих наблюдений:

— Вот несчастье! Она щуплая, эта девчонка! И на мать похожа так, что страх берет!

— Бабушка, не говори на патуа, ты же знаешь, что я ничего не понимаю! — попросила Камилла. — И потом, это невежливо по отношению к Мелине.

— Главное, что Мари понимает! А ты притворяешься, что не понимаешь сельский говор, потому что твой отец, видите ли, доктор! Не строй из себя барышню!

Дочь Леони, оробев, уцепилась за руку Мари. Она чувствовала враждебность, исходившую от старушки, и инстинктивно поняла, что труднее всего будет очаровать ее. Камилла угадала состояние девочки. Она готова была сделать все, чтобы ее новая сестричка чувствовала себя в их доме комфортно, а потому предложила Мелине:

— Чего тебе больше хочется: увидеть сад или свою комнату?

— Комнату! И игрушки!

Лишь только прозвучали эти сказанные тихим голосом слова, как все трое сорвались с места и побежали вверх по лестнице. Адриан с удивлением смотрел, как Мари взбегаёт по ступенькам с таким же энтузиазмом, что и девочки. Он улыбнулся. Однако взгляд его затуманился, стоило этому трио скрыться в коридоре. Он подумал о капризах судьбы,

которая, невзирая на все усилия Леони, привела этого ребенка в его дом.

«Ну, будь что будет! — сказал он себе. — Придется считаться с тем, что в семье появился ребенок, которого нужно растить!»

Доктор Меснье не знал, что эта мысль окажется пророческой. Отныне им придется считаться с присутствием Мелины в их жизни и со всеми последствиями этого присутствия...

А пока девочка сидела на краю своей кровати и с восторгом смотрела на подаренную Мари великолепную куклу. У нее были целлулоидные руки и ноги и фарфоровое личико с розовым румянцем, а еще — светлые волосы под симпатичной кружевной шляпкой.

Не успела девочка выразить свое восхищение, как Камилла показала ей стопочку аккуратно сложенных вещей:

— А наряды куклы ты видела? У нее есть бархатное пальто и еще одно платье, расшитое цветами! Ты сможешь ее переодевать!

Мелина, у которой от волнения пересохло во рту, смогла только кивнуть в ответ. Дрожащим пальцем она провела по обрамленным ресничками векам куклы. Больше всего девочке нравилось то, что, если куклу положить на спину, глаза, такие же голубые, как и у нее самой, закрывались.

Мари поспешила добавить:

— А еще я купила тебе пазлы. Это увлекательная игра: нужно собирать фрагменты разной формы в одну картинку. Камилла тебе поможет.

На коробке был изображен яркий тропический пейзаж с дикими животными. Мелина провела рукой по твердому картону. Пазлы... Это удивительное слово она слышала впервые, но не сомневалась, что это нечто очень занимательное... Девочке до сих пор не верилось, что все это теперь принадлежит ей. Слишком много счастья за один раз! Обуреваемая множеством эмоций, Мелина наконец проговорила:

— Спасибо, мадам! Простите... Спасибо, мама Мари!

Растроганная Камилла кусала себе губы. Хрупкая красота этой девочки вызвала у нее желание плакать. Не верилось, что Мелине двенадцать, до того она была миниатюрной и хрупкой. Камилла пообещала себе, что будет заботиться о своей новой сестричке.

Мари удивляла сдержанность приемной дочки, которая едва осмеливалась говорить и зачарованно смотрела на все. Да, пройдет какое-то время, прежде чем она привыкнет к новой обстановке... Мари сказала весело:

— Сейчас время полдника! Девочки, в кухню! А ты, Мелина, не бойся Нанетт. Она часто ворчит, но сердце у нее доброе. Можешь называть ее

«бабушка», ей понравится!

На следующее утро Камилла с Мелиной в первый раз вдвоем вышли в город. Мари была вместе с ними на мессе, но потом вернулась домой готовить обед.

Девочки шли за покупками: нужно было купить хлеба и мяса для завтрашнего «пот-о-фё» — густого наваристого супа, который, по установленной Нанетт традиции, семья ела по понедельникам. Погода была прекрасной, хотя стоял сильный мороз. Шиферные крыши сверкали в лучах солнца. Вода в фонтане напоминала золотой каскад.

— Сначала зайдем в мясную лавку! — объявила Камилла. — Ты увидишь Мари-Эллен, дочку хозяев. Она — наша подруга. Мне очень хотелось, чтобы мой брат Поль на ней женился, но он выбрал Лору. В мае у них родится ребенок.

Мелина внимательно вслушивалась в слова Камиллы, с которой она чувствовала себя комфортно. Ее новоявленная старшая сестра объясняла ей каждый эпизод новой жизни, помогая побыстрее к ней привыкнуть. Девочка с улыбкой отметила:

— Скоро младенцев в семье будет много! Ребенок Лизон, потом Поля... И твоей сестры Матильды тоже!

— Она — не такая! Она не спешит, — отозвалась Камилла. — Матильда работает в салоне причесок в Бриве. Мама нас туда свозит.

Пока они болтали, сироты, которых в Обазине часто называли «монастырские дети», пересекли площадь. Они направлялись к дороге, ведущей к берегам Куару. Впереди шли мама Тере и мадемуазель Мори. Как и большинство занятий в аббатстве, прогулка сопровождалась пением, причем пели не только дети, но и монахини. Сегодня они распевали:

Подружки, идемте-ка гулять!

Нет ничего полезнее для здоровья,

Чем свежий воздух и пешая прогулка...

Камилла почувствовала, как ручка Мелины сжалась в ее руке. Ей показалось, что она угадала чувства девочки.

— Наверное, тебе непривычно сейчас смотреть на них со стороны, — сказала она. — Но теперь у тебя есть семья, и ты можешь быть спокойна.

— Знаю, — ответила девочка со странным выражением лица. — Но они даже не посмотрели на меня! А я так хотела всем показать мое бархатное пальто и красивую шапочку! Они бы позавидовали, и это было бы забавно...

Удивленная Камилла не нашла, что сказать. Рассуждения Мелины шокировали ее. Она бы никогда не подумала, что в этой ангельской головке

могут рождаться такие низменные мысли. Ей захотелось осадить Мелину, но она не осмелилась. Вот мать, она бы нашла нужные слова, чтобы объяснить девочке, что так говорить и думать нехорошо. Камилла решила, что она пока на это не способна. Она предпочла забыть об инциденте, говоря себе, что, возможно, это из-за того, что девочка слишком много страдала. Мелина недовольно надула губки, поэтому Камилла поспешила ее отвлечь:

— Идем скорее! Нам еще нужно купить мяса! Я разрешу тебе сделать заказ и расплатиться, ведь список покупок и кошельки у тебя!

Личико Мелины моментально посветлело. Она торопливо объяснила:

— Некоторые девочки ходили за покупками в магазин, но мне никогда не позволяли! А мне, когда мы проходили мимо бакалейной лавки, всегда так хотелось войти! В витрине были такие красивые конфеты! Я каждую прогулку на них смотрела! И выглядели они такими вкусными!

— Не расстраивайся, мы наверстаем упущенное, обещаю! Мама часто будет посылать тебя в бакалейную лавку за хлебом по утрам! И мы все вместе будем ходить по магазинам в Бриве и Тюле. И ты увидишь, на рынке Бон Марше столько всего интересного!

Ее последние слова заставили глазенки девочки заблестеть от радости. На лицо Мелины снова вернулась улыбка. Ни на секунду не отпуская руку приемной сестры, Мелина открыла для себя мясную лавку Дрюлиолей, бакалейную — Лонгвилей и булочную, где они купили бриошей к полднику. Каждый раз Мелина тщательно пересчитывала сдачу. Все, кого они встречали, были очарованы ее голубыми глазенками. Когда необходимые продукты были куплены, а корзинка — наполнена, пришла пора возвращаться.

— А теперь домой! — сказала Камилла. — Мама, наверное, нас уже ждет.

Слова эти прозвучали для Мелины как музыка. Это был не сон, у нее теперь есть семья, есть дом... Вчера вечером она играла с красивой куклой. Пазлы она отложила на потом. Комната ей очень понравилась, а кровать была такой мягкой! Когда пришло время ложиться в постель, Мари зашла к ней в комнату и поцеловала Мелину в лоб. Все это было для девочки настоящим волшебством. У нее была мама!

— Я такая счастливая! — сказала она Камилле. — Хочу, чтобы так было всегда! Я буду послушной, обещаю!

***

Мелина сдержала обещание: всю неделю она вела себя примерно.

Мари пришла к заключению, что удочерила ангела. Это была не девочка, а просто чудо послушания! Дни пролетали быстро, заполненные школьными занятиями. Камилла была в коллеже, и маленькая сирота оказалась на целую неделю единственным ребенком в доме. Лучшего она не могла бы желать! Все свободное время Мари посвящала ей, и это положение вещей вполне устраивало девочку.

Адриан был с Мелиной очень добр, и все же она едва осмеливалась с ним заговорить. Возможно, интуиция подсказывала ей, что ее новый отец не слишком жаждал этого удочерения. Мари же без конца восхищалась кротостью Мелины, окружала ее заботой, дарила ей свою нежность. Что до Нанетт, то ее мнение о девочке не переменилось. Ей не улыбалась мысль жить под одной крышей с дочкой Леони, поэтому она то и дело заговаривала с Мелиной на патуа, пугая ее своим хриплым голосом. Девочка не понимала ни слова и шептала в ответ нечто невразумительное.

Однажды, попытавшись заговорить с Мелиной, из чего толку вышло не больше чем обычно, Нанетт выдала Мари свое заключение: «Эта твоя девчонка — дуреха, каких мало!» Мари, удивленная такой необъяснимой враждебностью, ответила, пожимая плечами: «Нет, моя Нан, она умница, просто она тебя боится. И потом, ты всегда говоришь с ней на патуа. И делаешь это нарочно! Помни, что я-то тебя понимаю! И слышу все твои колкости! Вместо того чтобы оттачивать на девочке свой острый язычок, лучше была бы к ней добрее! Стань снова той Нанетт, которая заботилась обо мне в «Бори», которая подарила мне материнскую нежность...»

Старушка была глубоко тронута ее словами. Она даже попыталась относиться к Мелине помягче, и все же между ними оставалась стена подозрительности и враждебности.

Что же касается отношения к ней Адриана, Мелина ошибалась. Он не думал о ней плохо. Он просто наблюдал за ней, стараясь уловить черты Леони. Но только большие, ярко-голубые глаза ребенка казались ему знакомыми. Занятый своими больными, он видел ее не более двух часов в день, а потом она поднималась в свою комнату спать. Поэтому он легко привык к ее почти незаметному присутствию.

Как-то утром, в конце первой недели пребывания Мелины в доме, он поделился своими впечатлениями с Мари. Супруги как раз собирались спуститься в кухню выпить кофе.

— Она скромная и послушная, твоя воспитанница! Временами мне сдается, что она передо мной робеет. Ты обратила внимание, как они болтают с Камиллой? А в моем присутствии она слово сказать боится!

— Это неудивительно! — отозвалась Мари. — Мелина росла в

женском окружении, и ты — первый мужчина, которого она видит каждый день. И потом, твой строгий громкий голос на кого угодно наведет страх! Думаю, с Полем они легко поладят. Он такой ласковый!

Адриан притворно надулся и воскликнул шутливо:

— Из твоих слов следует, что я — менее любезен, чем твой сын!

— Так и есть! — усмехнулась Мари, закутываясь в халат. — Идем завтракать! Я очень люблю болтать с тобой, дорогой, но мои сковородки ждут меня! В котором часу ты уезжаешь в Узерш?

— В четыре. И вернусь завтра, ближе к полудню.

Мари с легкой гримаской разочарования смотрела на мужа. Впереди выходные, а он уезжает! А ведь сегодня — не обычная суббота! На этот день назначены вечерние посиделки. Мари все организовала так, чтобы этот вечер стал праздником для Нанетт, которой этой зимой пришлось перенести немало — начиная с болезни и заканчивая появлением в доме Мелины. Старушка часто говорила о своем прошлом, о своей прежней жизни, о «Бори»... Мари хотелось верить, что она, с возрастом становившаяся все более неуживчивой, после этого маленького праздника смягчится, ведь соберутся их хорошие друзья. К тому же это была прекрасная возможность представить им девочку.

Адриану не очень хотелось присутствовать на этом празднике, поэтому он решил навестить одного из своих двоюродных братьев, который жил недалеко от Узерша. Он предвкушал возможность провести вечер в кругу родственников за обильным столом, а затем сыграть партию в бридж.

Мари радовалась за мужа, зная, что у него очень мало свободного времени и он редко позволяет себе расслабиться. И все же в последний момент она решила поиграть в брошенную женщину и повисла у него на шее:

— Дорогой, я буду по тебе скучать! И вообще, по субботам вечером мы обычно занимаемся тем, что тебе так нравится...

Адриан обнял ее за талию. Забавно было видеть на лице Мари лукавую улыбку... Мари продолжала играть свою роль. Интимная обстановка в спальне, приглушенный свет подействовали на нее возбуждающе. Она встала на цыпочки и нежно поцеловала его в шею и в щеку, коснулась губами его губ.

— Ты правда решил от меня уехать? — спросила она едва слышно.

Он сильнее прижал ее к себе. Она поддалась и прикинула к нему. Своими тонкими пальцами она расстегнула его рубашку и оголила мускулистую грудь, к которой так часто прижималась.

— О нет! — притворно возмутился он. — Я только что оделся! И

слишком поздно думать о развлечениях, плутовка!

Однако голос Адриана, внезапно севший от желания, противоречил его словам. Мари вздохнула и вдруг поцеловала его с необычным для себя жаром. Этот поцелуй разжег в них жажду наслаждения. Они упали на кровать. Очень скоро Мари оказалась в одной ночной сорочке, еще через мгновение — совершенно обнаженной и открытой его ласкам.

— Моя любимая женушка! — прошептал он, скользя рукой меж ее бедер. — Не знал, что на рассвете ты бываешь такой пылкой!

Взволнованный сияющим радостью взглядом Мари, Адриан лег на нее сверху, и она обвила его своими красивыми ногами. Задыхаясь, она взмолилась:

— Иди ко мне, любовь моя! Я так хочу тебя! Я так тебя люблю!

Он медленно вошел в нее, теряя голову от наслаждения, но все так же не сводя глаз с ее лица. Мари была на грани экстаза. Он двигался взад и вперед в умопомрачительных воротах ее самого интимного местечка, такого жаркого, со страстью и в то же время с нежностью.

— Да! Да! — вскрикивала она, приподнимая бедра ему навстречу.

Через некоторое время, умиротворенные, они лежали обнявшись и наслаждались моментом этого неожиданного единения. Потом Мари сказала с улыбкой, уткнувшись ему в шею:

— Будь осторожен на дорогах! Подумать только, ты нарочно уезжаешь из дому, чтобы не присутствовать на наших посиделках! Надо же быть таким вредным!

Адриан перевернулся так, что она оказалась на нем, и поцеловал ее. Счастливый и улыбающийся, он пощекотал ее, а потом ответил:

— Что ж, дорогая, как говорит Нанетт, я — муссюр, да еще и доктор! Я волен делать что хочу, ни на кого не оглядываясь!

— И вовсе нет! — возмутилась Мари. — Ты — сама простота, и те, кто придет к нам в гости, это прекрасно знают. Ну, тем хуже для тебя! Мы уничтожим все твои запасы сидра и будем петь так, что нас и в Узерше услышат! А кстати, помнишь тот день, в Узерше?

Адриан притворился, что не понимает, о чем она говорит. Он нежно перебирал пальцами ее кудряшки.

— О чем ты? А, ну конечно! Я показывал тебе мой родной город. Как же давно это было!

Мари, слегка обидевшись, села в постели. И тогда увидела лукавую улыбку мужа. Они расхохотались. Адриан нежно поцеловал ее и добавил:

— Я подтрунивал над тобой, дорогая! Я не забыл ту прекрасную ночь, которую мы провели в Узерше... Наша первая ночь на настоящей большой

кровати, только ты и я! Мы любили друг друга как сумасшедшие... А утром я попросил тебя стать моей женой.

Счастливая этим ответом, Мари снова положила голову на грудь Адриану. Они еще несколько минут наслаждались тем, что они вместе, потом стали одеваться к завтраку. Когда они уже стояли в дверях спальни, Адриан притянул Мари к себе, чтобы еще раз ее поцеловать. Но она увернулась и, смеясь, побежала вниз по лестнице.

Глава 14

Вечерние посиделки для Нанетт

Камилла завтракала в кухне. Она с аппетитом уминала хлеб с медом.

— Доброе утро, моя Камилла! — поприветствовала ее Мари. — Ты правильно делаешь, что подкрепляешься, силы тебе понадобятся! Нам нужно много сделать, чтобы вечер удался! Мелина уже встала?

— По-моему, она еще спит. Ты не волнуйся, я приведу себя в порядок и вымою полы в вестибюле. Там будет безукоризненно чисто!

— Нужно еще начистить картошки. А где Нанетт?

— Она одевается. Я слышала ее шаги за дверью. Ворчит что-то сама себе! Похоже, потеряла шпильку, одну из тех, которыми прикалывает свой чепец.

Адриан, который только что вошел в кухню, улыбнулся, услышав комментарий дочери. Он поцеловал ее и налил себе кофе.

В кухню вошла Мелина. Лицо у девочки было сонное, под мышкой она держала куклу. Она поцеловала Мари, со смущенным видом, глядя на свои тапочки, поздоровалась с Адрианом. Видя ее замешательство, Мари поторопилась сказать:

— Мелина, клади куклу и садись скорее завтракать! Как ты помнишь, у нас сегодня вечерние посиделки. Времени у нас немного. Поручаю тебе почистить картошку, ее мне нужно килограмма три.

Узнав о том, что и ей придется как следует потрудиться, девочка моментально надулась. Похоже, чистка овощей ее не вдохновляла. Адриан это заметил, но воздержался от замечания.

Вошла Нанетт. Она все еще ворчала на патуа и поправляла на ходу свой белоснежный чепец. Окинув взглядом помещение, она быстро проговорила «Доброе утро!» и налила себе кофе в слегка щербатую по краю фаянсовую чашку, на которой были нарисованы ягоды черники. Мари часто просила свекровь перестать ею пользоваться, но все напрасно. Нанетт дорожила своей чашкой, словно это было бесценное сокровище. Эта чашка была одной из немногих вещей, служивших ей еще «во времена “Бори”». Она привезла ее в Обазин в числе прочих пожитков. Старушка пила свой кофе, стоя у печки. И вдруг она воскликнула:

— Свечи!

Все вздрогнули. С чего бы сейчас говорить о свечах? Мари нарушила молчание вопросом:

— Зачем нужны свечи, моя Нан?

— Странно это слышать от тебя, доченька, ты же сама говорила, что сегодня у нас вечерние посиделки! Честное слово, можно подумать, ты забыла, как это бывает!

Мари все стало ясно.

— Но у нас есть электричество! — воскликнула она. — Даже без свечей мы замечательно проведем вечер!

— Ох уж эти современные нравы! В былые времена мы сидели при свете печки или при свечах. Печка у нас большая, но свечи тоже понадобятся.

Чтобы мать с бабушкой не поссорились, в разговор поспешила вмешаться Камилла:

— Мама, в пристройке у нас есть керосиновая лампа. Я ее почищу. Тебе понравится сидеть при свете лампы, бабушка?

Нанетт поморщилась, но ничего не ответила. Мари поспешно вышла во двор и, вернувшись с той самой лампой, поставила ее на стол.

— Ты была права, Камилла! — отметила она. — Похоже, она в рабочем состоянии, но ее нужно хорошенько протереть. А вот керосина у нас точно нет!

Мелина тут же с лету ухватила за этот шанс увильнуть от чистки картошки. Она сказала неуверенно:

— Я могу сходить в скобяную лавку за керосином...

Камилла и Адриан, разгадавшие ее маневр, переглянулись. Мари же повернулась к девочке и кивнула:

— Ты хорошо придумала, Мелина! Очень мило с твоей стороны!

Нанетт продолжала молчать. Вымыв свою чашку, она взялась за веник. Адриан поспешил покинуть оккупированную женщинами кухню и удалился в кабинет. Он не ощущал себя причастным к этим посиделкам, которых так хотел избежать. К тому же скоро должны были прийти первые пациенты...

Камилла с Мелиной закончили завтракать и пошли наверх переодеться. Камилла вскоре спустилась и достала из шкафа ведро и половую тряпку. Мелина пришла много позже. Она обошла лужицу на плитке в вестибюле и проскользнула в кухню.

Под бдительным оком Нанетт Мари отбирала самые красивые картофелины. Из радиоприемника лилась песня Луи Мариано «Красотка из Кадикса», такая веселая, что даже на уста старушки вернулась улыбка. Она

воскликнула:

— Хорошо поет! Прямо как наш Хосе!

Запах кофе, зажигательная музыка... В доме царила атмосфера праздника, очаровывавшая Мелину. Мари заметила, что она стоит на пороге, и улыбнулась — черные косы девочки были старательно заплетены.

— А вот и ты, Мелина! Вижу, ты уже готова сходить в скобяную лавку мсье Юльмэ и купить литр керосина. Вот тебе мой кошелек. Можешь зайти в бакалею и купить себе конфету.

— О, спасибо, мама Мари!

От хорошего настроения Нанетт не осталось и следа. Из ее бурчания можно было понять, что девочку слишком балуют. И все же ей не хотелось выслушивать упреки Мари, требующей говорить по-французски, поэтому она спросила плаксивым тоном:

— И кто же придет на твои вечерние посиделки? Вот о чем я себя спрашиваю, моя курочка!

— Нан, я ведь тебе уже три раза повторяла!

— Не моя вина, если я забываю! В моем-то возрасте! — отозвалась старушка. — У меня ничего в голове не держится!

— Хорошо, — уступила Мари. — Если это тебя так волнует, я перечислю еще раз. Придут Амели и ее муж Леон, лейтенант, а еще Жаннетт с отцом, Жаном-Батистом Канаром, ты его знаешь! Вы часто разговаривали, когда встречались на площади, с тех самых пор, как мы переехали в Обазин. Еще я пригласила мадемуазель Берже. Она возьмет с собой Мадлен. Девочкам придется лечь спать поздно, но один раз можно сделать исключение, верно?

Мелина наморщила нос. Она не знала, что в гости придут и мама Тере со своей подопечной. Сперва она расстроилась, но потом подумала, что сможет похвастаться перед Мадлен своей комнатой и игрушками.

— Еще я пригласила Мари-Эллен и ее маму Ирэн. Может, придет и мсье Дрюлиоль, если только не предпочтет отправиться в кафе «Сюдри» на партию белота^[7]. В общем, с нами четверыми нас будет двенадцать!

Мелина сказала:

— Я уйду! Я взяла сумку и деньги.

— Счастливо, дорогая! Обязательно надень пальто и шарфик. Они на вешалке у двери. На улице так холодно...

Девочка пообещала надеть их и легким шагом вышла из комнаты. В вестибюле Камиллы уже не было. Мелина услышала ее пение на втором этаже. Она подбежала к двери, оставив пальто и шарф на своем месте. Оказавшись на улице, она понеслась со всех ног, огибая замерзшие лужи —

напоминание о вчерашнем дожде. Она оббежала вокруг фонтана, поглядывая на импозантное здание аббатства. Наконец, уверенная, что ее никто не видит, она повернулась лицом к приюту, показала язык, расхохоталась и помчалась к скобяной лавке.

Вернувшись в свой новый дом с покрасневшими щеками и большим леденцом из ячменного сахара во рту, она приняла вид послушной и спокойной девочки — такой, какой и полагалось быть дочери доктора и учительницы. Возле вешалки она притормозила, как если бы собиралась повесить на нее верхнюю одежду, и направилась в кухню. Сердце ее переполняла неистовая радость.

Камилла отчищала керосиновую лампу, Мари нарезала картошку тонкими ломтиками, а Нанетт мыла руки, причем чепец у нее съехал набок. Она продолжала ворчать:

— Я знаю, что говорю... В наше время на вечерних посиделках каждый чем-то был занят, сложа руки не сидели... Вспомни, Мари, как это бывало в «Бори»! Мы лущили фасоль, кололи орехи, шелушили початки кукурузы... Старики сидели у огня, молодые — за столом. Часто на таких посиделках намечались помолвки. Парень и девушка, если нравились друг другу, давали об этом знать. А весной родители объявляли помолвку.

— Нан, — со вздохом сказала Мари, — я организовала этот праздник для тебя, а ты не перестаешь жаловаться! Если ты настаиваешь на том, чтобы руки были заняты работой, что ж, мы, женщины, будем вязать носки и отдадим их потом в Красный Крест для неимущих. Я думала, что можно просто посидеть у печки и попеть, но ты никогда не бываешь довольна! Ну хорошо, что еще нам нужно сделать?

— Три пирога с орехами! — подсказала Мелина, ставя сумку на край стола. — Я знаю рецепт, мне Камилла его написала на бумажке. Я тебе помогу, мама Мари!

Нанетт, Камилла и Мари одновременно взглянули на девочку, которая, несмотря на покрасневшие от холода щечки и кончик носа, светилась от радости. Самая старшая из женщин, несмотря на свою отчужденность, одарила девочку растроганной улыбкой, которую Мелина, конечно же, заметила. Возможно, отношения между двумя самыми своевольными обитателями этого дома — приемной матерью Мари и дочкой Леони — со временем наладятся...

***

На Обазин опустилась холодная ясная ночь. Шиферные крыши заблестели в лунном свете. Когда церковный колокол прозвонил восемь раз,

в доме доктора Меснье все было готово к приему гостей. Для очистки совести Мари и Камилла в последний раз осмотрели кухню — стратегический пункт, где и пройдут долгожданные посиделки. На большом, покрытом красной скатертью столе стояли пироги с орехами, на их румяных корочках танцевали блики огня, пылающего в печке. Остальные яства, чтобы не остыли, стояли на краю печи. Двенадцать стаканов, заботливо расставленных Мелиной перед бутылками с сидром, дожидались момента, когда понадобится развязать языки самым скромным и смочить пересохшее горло самым болтливым.

Нанетт уже устроилась на своем любимом месте у печки и ждала развития событий, держа в фартуке свое вязание. Ее чепец, отбеленный и накрахмаленный, казался новым — так тщательно она за ним ухаживала. Этот последний намек на кокетство умилял многих, как в городке, так и в ее семье.

Первыми пришли Жаннетт и Жан-Батист Канар. Камилла и Мелина вышли их встретить. Этот небольшой спектакль казался им забавным. Обе тщательно выбрали себе наряды — платья из шотландки с белыми воротничками, и долго расчесывали свои шелковистые волосы. Жаннетт, которую в семье доктора очень любили, приветствовали не только словами, но и поцелуями. Что до ее отца, то он пожал руку Мари и сразу же присел рядом с Нанетт. Они тут же завели оживленный разговор, как это всегда случалось, стоило им встретиться.

Еще спустя полчаса пришли все приглашенные на этот не совсем обычный вечер гости, наполнив кухню в доме Меснье гомоном и смехом. Когда утихли первые возгласы удивления, гости стали восхищаться освещением — светом от начищенной Камиллой керосиновой лампы и огня в печи. Мари поспешила объяснить им причину, по которой они отдали предпочтение такому уютному полумраку:

— Не волнуйтесь, авария не случилась, просто Нанетт не хочет, чтобы я зажигала электрический свет. А она у нас упрямая! Поэтому мы посидим, как в старые добрые времена, при керосиновой лампе. По-моему, это очаровательно! А вы как считаете?

Все признали, что это — прекрасная идея и навевает массу воспоминаний, особенно тем, кто постарше. Молодые же открывали для себя штрихи жизни своих родителей, когда фея по имени Электричество еще не навестила дома, чтобы облегчить жизнь их обитателям.

Вскоре все уселись на стулья, которые Камилла принесла из столовой и расставила полукругом перед печкой. Камилла и Мелина устроились на ящике, в котором хранились дрова для растопки печи утром. Им обеим

было очень весело, и они заливались хохотом по малейшему поводу.

Мадемуазель Берже держала Мадлен на коленях. Малышке было чуть больше девяти. Вокруг было много незнакомых людей, поэтому девочка оробела, и все же ее глазенки сверкали от удовольствия. Мелина, осознавая, что у них с Мадлен значительная разница в возрасте, строила из себя взрослую. Бывшая сирота свысока смотрела на маленькую Мадлен, всячески стараясь подчеркнуть свое новое, завидное положение. Ведь теперь она была дочкой уважаемых людей!

— Мы пришли на часок, — сказала мадемуазель Берже, как только вошла в дом. — Не хочу, чтобы Мадлен легла слишком поздно.

— Я понимаю, — отозвалась Мари. — Мелина тоже еще очень маленькая, чтобы допоздна сидеть со взрослыми.

К счастью, приемная дочь этих слов не слышала, иначе они непременно ее расстроили бы!

Амели и Леон сидели рядышком, держась за руки. Они явно были очень довольны — то ли приятным вечером, то ли просто тем, что они вместе. Они часто вполголоса обменивались комментариями и при этом смотрели друг другу в глаза. Как и многие влюбленные, они, похоже, парили в облаках.

Мари устроилась на низенькой скамейке напротив Нанетт. Так она имела возможность всех видеть и следить за тем, чтобы разговоры не иссякали. Потакая Нан, которая непременно желала работать, как на вечерних посиделках в былые времена, она принялась штопать носки. Старушка только и ждала этого сигнала: со вздохом удовлетворения она взяла с колен свое вязание. Застрекотали спицы, поблескивая в свете пламени, которое лизало крупные дубовые поленья.

Мари-Эллен и ее мать Ирэн сидели в центре и, казалось, руководили происходящим. Приготовленный ими великолепный пирог-флонард с яблоками соседствовал на красной скатерти с ореховыми пирогами. Увидев, что хозяйки дома взялись за работу, обе вынули из своей корзинки салфетки, иголки и нитки для вышивания. Что до Жаннетт, которая сидела на табурете рядом со своим отцом Жаном-Батистом, то она достала из сумочки едва начатое вязание крючком — сетку для продуктов.

— Как приятно видеть в кухне столько народу! — сказала Мари.

— Мадам Мари, ваш супруг случайно не из-за нас сбежал из дома? — спросил Леон. — Сегодня вечером мужчины здесь в меньшинстве! Вдвоем нам столько дам не переговорить, правда, Жан-Батист?

— Может, и так, а может — и нет! Вечер впереди длинный, так что берегитесь, милые дамы!

Мари улыбнулась, а Камилла поспешила вставить свое слово:

— Папа уехал в Узерш к двоюродному брату. И сейчас, наверное, играет в бридж. Я была бы рада, если бы он остался!

— А ваш супруг чем занят, мадам Дрюлиоль? — спросил Жан-Батист.

— Не захотел пропускать партию в белот! — отозвалась жена мясника.
— Но он попросил всем передать от него привет.

Жаннетт молчала. Взгляд ее пронизательных серых глаз скользил от лица к лицу, а руки знали свое дело, ей даже не приходилось считать петли. Старушка ждала своего часа. После предписанного правилами вежливости обмена обычными банальностями и новостями вечер, наконец, станет действительно интересным, начнутся настоящие разговоры. Вот тогда-то она и возьмет на себя роль главного распорядителя. И она предвкушала эти мгновения подлинного счастья.

Леона попросили открыть бутылки с сидром. Как и положено галантному кавалеру, сначала он обслужил дам. Передавая стакан Жаннетт, он сказал ей с улыбкой:

— За твое здоровье, сестричка! Надеюсь, этот год подарит тебе достойного мужа!

Реакция Амели была мгновенной: не успела Жаннетт и слова сказать, как она, бросив на своего красавца супруга лукавый взгляд, добавила шутливо:

— И пусть тебе повезет больше, чем мне!

— Я понимаю, что ты хочешь этим сказать! — подхватила Жаннетт. — И как ты только терпишь моего брата, бедная Амели! Такое не каждому по силам!

Леон притворился обиженным. По правде говоря, эта шутка уже не в первый раз звучала в компании, где они оказывались втроем. Улыбаясь, они поспешили чокнуться.

— За нашу любовь! Пусть живет вечно! — провозгласил Леон, взглянув на жену.

— Глядя на вас, я бы сказала, что так и будет! — подхватила Жаннетт. — Вы знаете, мадам Мари, что Леон и Амели влюбились друг в друга еще будучи школьниками?

— Это правда! — с торжествующим видом сказала Амели. — Благо мы часто виделись, и я не могла глаз от него отвести. Вы ведь согласитесь, если я скажу, что он — самый красивый парень в Обазине? Я ревную его к каждой оказавшейся поблизости юбке...

— Но ведь к Жаннетт и ко мне ты его не ревнуешь? — спросила Мари-Эллен с гримаской возмущения.

— Конечно нет, — согласилась Амели. — Я доверяю ему, но... не полностью. Остальных девушек я держу на расстоянии.

— О-ля-ля! — шутливо протянул Леон. — Послушать вас, так меня в пору пожалеть!

И тут же, противореча сказанному, крепко обнял жену за талию и нежно поцеловал. И только присутствие посторонних удержало его от того, чтобы сделать этот поцелуй долгим. Одного взгляда на молодую чету было достаточно, чтобы понять, как страстно они любят друг друга.

Камилла, смутившись, отвела глаза. Поцелуй влюбленного Леона навел ее на размышления. Ей тоже хотелось, чтобы ее так любили... Девочка достигла возраста, когда начинают мечтать об очаровательном принце, который сумеет покорить сердце избранницы... Камилла вспомнила юношу, которого повстречала в Бриве на прошлой неделе. Он ей улыбнулся. Настойчивый взгляд вернул ее к реальности: на нее смотрела Мари! Камилла почувствовала, как краснеет до ушей. Смутившись, она сделала вид, что прислушивается к разговору, потом улыбнулась матери. Та, успокоившись, снова уткнулась в свою штопку.

— А Матильда? — спросила вдруг Амели. — Я почти не видела ее после свадьбы. Как она поживает?

— Хорошо, я думаю, — ответила Мари. — Ты ее знаешь: она не слишком щедра на новости. Хотя у нее наверняка масса забот с ее салоном причесок!

— Как жаль, что она не приехала сегодня! — сказала Жаннетт. — Она такая веселая! И всегда рассказывает нам все городские новости!

— Ее муж, Эрве, не любит сельскую жизнь, — пояснила Мари. — Свободное время они проводят в кинотеатрах или слушают радио.

— Вот еще дьявольское изобретение — ваше радио! — воскликнула Жаннетт и отложила свои спицы. — Камилла тоже слушает и, когда я хочу с ней поговорить, отвечает: «Помолчи, бабушка!» И что хорошего рассказывают эти дикторы? Они же даже патуа не знают там, в этом радио!

— Жаннетт, я с вами не соглашусь! — возразил Жан-Батист. — Радио — хорошее изобретение. Во время войны оно сослужило нам добрую службу. О себе скажу так: если бы я не слушал новости из Лондона, то наверняка так и захирел бы в своем кресле! Когда говорил генерал де Голль, к французам возвращалось мужество! Он умел найти слова, которые брали за душу! Даже тот, кто не был патриотом, становился им! Я слово в слово помню, что он сказал в тот знаменательный день, восемнадцатого июня 1940 года, в передаче из Лондона, призывая нас к сопротивлению. Не будь радио, мы бы не услышали этого призыва! Благодаря ему многие французы

ушли в маки, стали бороться против оккупантов. Поверьте, милые дамы, если генерал приедет в Коррез, я буду в первых рядах приветствовать его!

— Вы не один такой в Обазине! — сказала Мари. — Адриан был бы рад поговорить с вами на эту тему.

— И мы часто говорим с ним, когда встречаемся в кафе! — отозвался Жан-Батист. — Скажу вам больше, мадам Мари: нужно, чтобы наш генерал де Голль приехал в Обазин. Нам уже выпала честь принимать полковника Берже! Вы знаете, в том красивом доме, который принадлежит кому-то из состоятельных жителей Брива. Берже — это было подпольное имя Андре Мальро. Да, мои милые дамы!

Нанетт слушала, покачивая головой, потом проговорила изменившимся голосом:

— Ваши речи хороши, но я скажу, что для стариков это радио — сущее наказание! Нас больше никто не слушает! Молодые хотят слушать дикторов! Меня это расстраивает. Я больше ни на что не годна и прекрасно это вижу... Включайте скорее ваше радио...

И тут, ко всеобщему изумлению, Нанетт заплакала. Она приоткрыла рот, как если бы ей не хватало воздуха, крупные слезы стекали у нее по щекам.

Это расстроило собравшихся. Камилла вскочила одновременно с матерью.

— Бабушка! — вскричала она встревоженно.

— Нан, дорогая, что с тобой? — спросила Мари.

— Никто со мной больше не считается в этом доме...

Эта жалоба, такая несправедливая, встревожила Мари. «Уж не теряет ли Нанетт рассудок?» — подумала она.

В установившейся тишине Нанетт поднесла руку к груди. Рыдания прекратились так же неожиданно, как и начались, но выражение лица старушки стало странным.

— Господи, у нее приступ! — вскричала Амели. — Ей плохо с сердцем!

— О нет! — пробормотала Мари, готовая заплакать. — И Адриана нет дома! Нан, дорогая, прошу, скажи что-нибудь!

Леон встал, он был очень бледен.

— Нужно дать ей водки! — заявил он.

Перепуганная Камилла подбежала к буфету, в котором Мари хранила спиртное, и дрожащими руками налила водки в маленький стаканчик.

В свете огня и свечей сморщенное лицо Нанетт было страшным. Испуганная Мадлен закрыла лицо руками и прижалась к своей маме Тере.

Мелина же стояла и бесстрастно ждала развития событий.

— Выпей, моя Нан! — умоляла Мари, подавая той стаканчик. — Умоляю!

Вмешалась Жаннетт. Она опустилась на колени рядом с Мари и тоже стала уговаривать старушку:

— Выпейте, бабушка Нан!

Нанетт напряглась и сделала пару глотков. Она задышала в обычном ритме, покрасневшие веки приоткрылись. Все смотрели на нее. Наконец к Нанетт вернулся дар речи:

— Вот несчастье! Думала, все — настал мой смертный час! У меня так болело здесь...

Взволнованная Мари увидела, что старушка тычет в свою шерстяную кофту слева, под грудь.

— Нан, моя Нан, как же ты меня напугала! Адриан осмотрит тебя, как только вернется. Наверняка это снова твое сердце!

Мари поспешила обнять свою приемную мать за шею. Гости и домочадцы вздохнули с облегчением и стали забрасывать едва пришедшую в себя старушку вопросами. Та, словно желая скрыть свою слабость, отвечала спокойно и даже с некоторой гордостью — она явно была довольна таким вниманием.

Камилла, которая еще не отошла от пережитого страха, стала нарезать пироги с орехами и яблочный флорард.

— Бабушка, съешь что-нибудь! — сказала она громко. — Тебе сразу станет лучше!

— Не откажусь, моя курочка!

Вечеринка продолжалась, однако тень озабоченности омрачила чело Мари. Мелина, воспользовавшись моментом, подошла к приемной матери и погладила ее по руке. И не без задней мысли...

— Можно я пойду с Мадлен в свою комнату, мама Мари? — попросила она. — Я хочу показать ей мою красивую куклу!

— Конечно идите, но нужно спросить позволения и у мамы Терезы.

Мелина поморщилась, но поспешила подчиниться.

— Можно Мадлен пойти со мной в мою комнату?

— Конечно! — ответила мадемуазель Берже, бросая на Мари многозначительный взгляд. — Это ее развеселит!

Мари поняла: приступ, случившийся с Нанетт, испугал девочку.

Мелина тотчас же схватила Мадлен за руку и повела к лестнице. Мадлен, девочка послушная и ласковая, последовала за ней без возражений. Девочки вышли из кухни. Едва оказавшись в вестибюле,

Мелина щелкнула выключателем. Загорелась электрическая лампочка, на мгновение ослепив их. Однако их глаза быстро приспособились к яркому, по сравнению с мягким освещением кухни, свету.

— Я не люблю темноту! — шепнула Мелина маленькой Мадлен. — Под лестницей прячутся чудовища! Скорее бежим по ступенькам!

Мадлен послушалась и побежала вверх, испуганно глядя по сторонам. Ее страхи улетучились, стоило ей увидеть комнату Мелины. Открыв ротик от изумления, малышка замерла на пороге, любуясь розами и сиренью на обоях, красивым желтым атласным одеялом, миленькими кружевными занавесками... Это многоцветье поразило ее, особенно в сравнении со скромно отделанной приютской спальней. Наконец Мелина показала ей свою куклу.

— Посмотри, какая красивая! И у нее есть настоящие одежды! Я сложила их в своем комод. Нет! Не трогай, ты ее испачкаешь! Тебе еще рано иметь такую куклу, большую и красивую!

— У меня чистые руки, — несмело возразила девочка. — Я только хотела потрогать ее платье... И это неправда! У меня тоже была кукла, такая же красивая, как эта! Мама Тере мне подарила! Она была почти такая же, вспомни! И это ты ее сломала! Ты и еще одна старшая девочка, Дениза!

Мелина обиженно поджала губы. Она-то думала, что та история давно забыта! Минуту она молчала, подыскивая себе оправдания:

— Во-первых, я сломала не нарочно! А во-вторых, ты сама во всем виновата! Ты не хотела дать ее нам поиграть! Вот мы и...

У Мадлен на глаза навернулись слезы. Снова этой ужасной Мелине удалось ее расстроить! Разве могла она забыть ту историю с куклой? Когда она получила этот подарок, зависть других девочек к ней, «почти дочке мамы Тере» удесятилась. Девочке постоянно приходилось терпеть насмешки и придирки, но она никогда не жаловалась своей покровительнице.

— Мы не смогли ее починить, — добавила Мадлен. — А когда я заплакала, ты стала надо мной насмехаться!

— Естественно! Ты была такая страшенькая с красным носом, — сквозь зубы проговорила Мелина. — А теперь у меня есть старшие сестры, брат и родители. Они подписали бумагу у матери-настоятельницы. И я теперь навсегда их дочка. Мой папа доктор. А у тебя есть только мать, и она никогда не станет тебе настоящей мамой! Я это знаю, я слышала, как мама вчера это сказала...

Мелина уже не могла остановиться. Холодный гнев заставлял ее говорить маленькой Мадлен все новые и новые гадости, подстерегая

момент, когда появятся первые слезы. Мадлен закрыла уши ладошками. Она ничего не хотела слышать. Если бы только она осмелилась, то убежала бы к маме Тере на первый этаж. Обозленная Мелина стала тянуть ее за руки, чтобы принудить слушать. Ни за что Мадлен не спрячется от ее мести! Все эти годы она, Мелина, завидовала ей, ревновала... Она приблизила лицо к лицу младшей девочки и почти крикнула:

— Ты — всего лишь сирота! А я — нет! И не вздумай никому рассказывать, что я сейчас тебе говорю! А если расскажешь, я обрежу твои красивые косы прямо возле ушей!

У Мелины не хватило времени на другие угрозы: дверь комнаты распахнулась и вошла Камилла. Она не слышала последних слов своей приемной сестры, но по виду девочек сразу догадалась, что происходит что-то необычное. Мадлен выглядела жалкой, ее глаза блестели от слез.

— Что вы тут замышляете? — спросила Камилла, удивившись тому, что они не заняты игрой в куклы. — Мадлен, уж не плачешь ли ты?

— Нет! — прошептала девочка.

Камилла с подозрением посмотрела на Мелину, но та улыбалась с самым невинным видом. Камилла не знала, что и думать. На лестнице ей почудился злой, насмешливый голос, совсем не похожий на голос Мадлен. Она сказала сухо, обращаясь к приемной сестре:

— Что ты ей наговорила?

— Ничего, Камилла! Я показала ей куклу, и она расстроилась, потому что ее кукла сломалась!

Голубые глаза Мелины уже не казались невинными, они потемнели от злости. Камилла про себя это отметила. Теперь сомнений не оставалось: она поймала Мелину на злой выходке. Искренне огорченная этим открытием, она решила отложить объяснения на потом — сейчас было важнее утешить Мадлен. Камилла присела, и малышка, дрожа всем телом, бросилась к ней в объятия, счастливая оттого, что спасение пришло так быстро. Камилла стала гладить ее по вьющимся волосам, тихонько баюкая, чтобы успокоить и прогнать страх, который она, похоже, только что испытала.

Странное чувство родилось в душе Камиллы, и одновременно с ним появилась мысль, которая часто посещала ее в последующие годы: «Если бы ОНА стала моей маленькой сестричкой! Такая хрупкая, такая ласковая...»

С этого дня Камилла стала относиться к Мелине несколько настороженно. Вспомнились всякие мелочи — случайное слово, злой взгляд ангельских глаз...

— Что ж, пора спускаться! — сказала она. — Я очень надеюсь, Мелина, что ты не обижала маленькую Мадлен!

Говоря эти слова, она внимательно смотрела на сестру. На лице Мелины тут же появилось обиженное выражение, но весьма неубедительное.

— Клянусь, это не так! — пробормотала она после секундного замешательства.

В отсутствие детей Нанетт, которая уже вполне оправилась от внезапного недомогания, держала свою аудиторию в напряжении. Конечно, не кусок вкуснейшего орехового пирога и не менее аппетитного флонарда, а стакан сидра развязал ей язык. К тому же девочки ушли наверх, и можно было перейти к излюбленной теме — всякой дьявольщине. Слушали ее с полнейшим вниманием и в абсолютной тишине, из страха что она снова может расстроиться.

— Да-да, дьявол, он часто подшучивает над нами, простыми смертными! Одна женщина из Прессиньяка, где мы с моим Жаком арендовали ферму, видела нечто весьма странное. Это было в сарае с сеном. На самом верху появился какой-то человек и стал пританцовывать. Она, конечно, закричала, он и исчез в облаке дыма. А через неделю у нее умерли все коровы!

Жан-Батист, разгладив пальцем усы, подхватил:

— Надо признать, в наших деревнях часто случаются загадочные вещи! Я знал одного старика, который жил возле Аржента, так тот божился, что видел белые огоньки на башнях в Мерле. Это странное место... Я там однажды бывал. И мне этого хватило. Это громадные руины посреди леса. Мороз по коже... А тот старик, о котором я говорю, видел, как эти огоньки перебегают с камня на камень, как мятущиеся духи. Да, они летали по воздуху!

Нанетт подняла руку и спицей указала на дымовую трубу. Амели вздрогнула и поспешила прижаться к своему Леону. Загробным голосом старушка начала новый рассказ:

— Колдуны много бед приносят людям! Часто из зависти или просто из зловредности. Если бы Маргарита, моя подруга-знахарка, была еще в этом мире, она бы вам много интересного рассказала... Колдовство — оно всегда было, это не шутка! Рассказывали об одном фермере, дела у которого вдруг пошли совсем плохо. У свиноматки отнялись ноги, поросята ее передохли, козы перестали давать молоко, куры не неслись. Его жена волосы на себе рвала от огорчения. Они позвали ветеринара — вы знаете, сколько это стоит... — да только он ничем не смог помочь. И неспроста! В

конце концов наш фермер позвал одну старуху, знахарку. Она велела им обыскать весь дом и все сараи. Хлев они перерыли сверху донизу. В доме тоже — и солому на полу, и орехи, которые разложили для просушки, и стопки простыней... И ничего! И вот хозяин дома находит в стене ямку, а в ней — клочок материи, утыканный иголками. Он сразу его сжег. На следующий день свиноматка встала, куры стали нестись, а из сосков коз полилось молоко. На них навели порчу, вот оно как было!

— О Нанетт! Мне такие истории не нравятся! — взмолилась Жаннетт. — Не надо говорить о дьяволе, подобные разговоры только придают ему сил...

— Говори о нем или нет, дьявол всегда появляется там, где его меньше всего ждут! — заявила Нанетт.

Мари едва успела перевести ее последние слова с патуа на французский, как появилась Камилла с Мадлен и Мелиной.

— А вот и девочки! — проговорила Мари громко и многозначительно посмотрела на Нанетт. — Теперь поговорим о хорошей погоде!

— С удовольствием! — подхватила мама Тере, усаживая Мадлен к себе на колени. — Некоторые истории не для детских ушей!

Намек был более чем прозрачный. Нанетт тут же нахмурилась. Она вернулась к своему вязанию, но с нетерпением поджидала момента, когда можно будет снова броситься в атаку. Взгляд ее серых глазах остановился на Мелине, сидевшей на скамеечке. Это напомнило ей те отдаленные времена, когда она рассказывала истории Мари и Пьеру. Они тоже сидели и дрожали, потому что все дети боятся дьявола и призраков, но обожают страшные рассказы. Она не удержалась, столь велико было желание так просто, ради смеха, напугать эту дерзкую девчонку. Сделав страшное лицо, она сказала громко:

— А ты, Мелина, слышала, что волк-оборотень скачет по крышам домов по ночам в полнолуние? Если дети не спят после полуночи, они слышат грохот его шагов. Тех, кого поймает, он уносит с собой и съедает поскорее, пока солнце не встало. Волк-оборотень — это человек с большими зубами, который может превращаться в волка. И есть один способ от него уберечься — держать на руках котенка!

— Нан! — одернула ее Мари. — Ты забываешь, что больна, когда выпадает случай напугать кого-нибудь! Посмотри на Мадлен! Она, бедняжка, плачет! Что подумает мадемуазель Берже? Зачем ты рассказываешь всякие глупости?

Мама Тере жестом дала понять, что ничего страшного не случилось, но обеспокоенное выражение ее лица говорило о противоположном. Она

склонилась над Мадлен и прошептала на ушко ребенку слова утешения:

— Ничего не бойся, моя крошка! Если ты от всего сердца помолишься Пресвятой Деве, никакой волк-оборотень не сможет причинить тебе зло. И потом, скажи, ну кто осмелится бегать по крышам аббатства? Наш добрый святой Этьен и все небесные ангелы нас оберегают...

Нанетт удалось задуманное: в сознании каждого отныне запечатлелся образ волка-оборотня, невзирая на замечания Мари и религиозные каноны.

— Вот что я скажу, — продолжала старушка. — Если уж добрый Господь существует, то и дьявол тоже! И я могу кое-что о нем рассказать!

Мари нахмурилась. Торжествующее лукавство, которое читалось во взгляде Нанетт, озадачило ее.

— Ох, Нан, не знаю, что мне с тобой делать! Но об этом мы поговорим завтра, — прошептала она.

Глава 15

Разговоры...

После «дьявольских» рассказов Нанетт в кухне на какое-то время повисла тишина. Первым решился ее нарушить Леон, но вовсе не для того, чтобы сменить тему разговора. Призывая Амели в свидетели, он начал так:

— Нанетт права! У одной из моих кузин — ну, ты помнишь, у той, что живет возле Бейна, — была подруга, которая вдруг потеряла сон и аппетит. Несчастливая угасала на глазах. Ее муж вспорол подушку, на которой его супруга имела обыкновение спать, и что вы думаете? Внутри оказался комок перьев и веточек, смутно напоминающий человеческую фигуру. Они выбросили его в навозную кучу на заднем дворе, и эта бедная женщина снова смогла спать и есть, сколько вздумается...

Довольный тем, что поддержал разговор, он встал. На губах его играла легкая ироническая улыбка, но никто этого не заметил, кроме... его супруги. Подумать только, а ведь ему удалось провести и ее тоже! Ну и хитрец этот Леон!

Мари-Эллен, которой слушать весь вечер рассказы о нечистой силе вовсе не улыбалось, со вздохом сказала:

— Добрым христианам нечего бояться, верно, мам?

Ирэн Дрюлиоль с серьезным видом кивнула. Нанетт перекрестилась и открыла было рот, чтобы высказать свое мнение, но Мари поспешила вмешаться:

— Нан, а почему бы тебе не рассказать нашей молодежи историю поинтереснее? Например, о папаше Диктоне, которому пришлось иметь дело с очень хитрым лисом.

— Ба, что-то я не помню такой истории! — проворчала старушка.

— Не может быть! — не сдавалась Мари. — Ну вспомни, лис попросил у этого крестьянина его кур, и тот согласился, а в итоге оказался в замке, разодетый в бархат и накормленный всякими яствами!

— Не помню я такой сказки, говорю тебе! — воскликнула Нанетт сердито и добавила на патуа: — Я вообще ни слова больше не скажу, потому что мне затыкают рот!

Мари с трудом удавалось скрывать свое огорчение и раздражение. Гости, ощутив напряжение, молчали, чтобы не усугублять ситуацию.

Камилла, которая привыкла к бабушкиному ворчанию, опасаясь, что той снова станет плохо, заставила себя улыбнуться. И тут же почувствовала, что кто-то дергает ее за руку. Мелина, очень бледная, с глазами, полными слез, смотрела на нее умоляюще. Камилла тихо спросила:

— Мелина, что с тобой?

— Мне страшно... Скажи, волк-оборотень может войти в любой дом?

Растроганная Камилла притянула ее к себе, забыв свои недавние подозрения относительно ангельского нрава своей приемной сестры.

— Не бойся, я с тобой! И никто никогда не видел волка-оборотня!

— Может, давайте что-нибудь споем? — предложила Мари-Эллен, которая заметила, что и у хозяйки дома, и у старушки Нан испортилось настроение. — Но на этот раз все вместе, а не только мы с Амели! Помоему, раньше на вечерних посиделках пели?

— Конечно! — подхватила Мари. — Но сначала надо открыть еще одну бутылку сидра. Мы приготовили вам сюрприз: каштаны в горшочке!

— Замечательно! — воскликнул Жан-Батист. — Я давно не ел каштанов в горшочке! Моя покойная Катрин делала такие вкусные, что пальчики оближешь! Немного брюквы, картошки, а сверху — каштаны, и все это тушится в горшке! Это навевает столько воспоминаний...

Мари вскочила на ноги — грациозная, живая, улыбчивая. В печи танцевало пламя, отбрасывая золотистые блики на лица гостей. В кухне была такая удивительная атмосфера, что Мари почувствовала себя очень счастливой.

«Как мне сейчас хорошо! — подумала она. — Жаль только, что Нанетт, похоже, разучилась радоваться приятной компании! И ей удалось все-таки напугать мою маленькую Мелину! Как с ней бывает трудно!»

Леон взялся разливать сидр. Жаннетт пыталась разговорить Нанетт, но та продолжала дуться. Амели пришла на выручку подруге:

— Мадам Мари приготовила для нас каштаны, а раз так, дорогая Нанетт, не спеть ли нам подходящую к этому случаю песню? Припев поем хором!

Амели встала лицом к собравшимся и, отбивая ритм рукой, запела с энтузиазмом:

Они украшают стол в каждом доме,
Даже у президента их подают!
Замечательный десерт для бедняков,
Но и богатые ему тоже рады.
В Париже, Лондоне и Марселе,
В Тюле, Бриве и Сен-Сернене

Под бутылочку все едят
Каштаны из Лимузена!
Каштаны из Лимузена!

Жаннетта с отцом первыми подхватили припев этой песенки под названием «Лимузенские каштаны». Леон тоже стал подпевать своим низким голосом, а затем и Камилла, Мари, Мари-Эллен. Мари, догадавшись, что Мелина стесняется, встала перед ней на колени и подбодрила ласковым взглядом.

Едва переведя дух после пения, Амели со свойственной ей веселой энергичностью запела «В отцовском саду сирень зацвела».

Эта песня нашла живой отклик у аудитории, поскольку напомнила всем о весне и о надежде. Потом Мари-Эллен завела песенку, которая, по ее мнению, должна была непременно понравиться Мадлен и Мелине. И через пару секунд все хором подпевали: «В далеком лесу ухаёт филин...»

Мари украдкой поглядывала на Нанетт. Та, все еще мрачная, уткнулась в свое вязание, но нога ее отбивала ритм песни. Жан-Батист тоже это заметил и решил немного расшевелить старушку:

— Нанетт, одарите меня своей улыбкой! А иначе я могу подумать, что вам не нравится у нас в Обазине! Вы давно покинули Шаранту и должны были бы уже полюбить наш прекрасный Коррез!

Нанетт не смогла не поддаться на такую провокацию! Сравнить ее родную Шаранту с Коррезом казалось ей кощунством. Насмешливым тоном она ответила:

— Ба! Да здесь ничем не лучше, чем в Прессиньяке! Да и разве я видела Коррез? Я чаще сижу у печи, чем гуляю! Наверное, некоторые думают, что на большее я уже и не гожусь!

— Нан, ну что ты такое говоришь? — отозвалась Мари. — Ты ведь сама отказываешься выходить на улицу! Даже когда мы едем в «Бори», тебя приходится долго упрашивать!

Мари-Эллен ловко повернула беседу в новое русло, возвратившись к теме Корреза.

— Я ни за что не уеду из Обазина! Это мой родной городок. И край у нас такой живописный! А в последние годы летом к нам приезжает все больше туристов. И я не удивляюсь, потому что места у нас красивейшие и столько озер! Папа говорит, что теперь, когда оплачиваемые отпуска стали чем-то само собой разумеющимся, туризм будет развиваться очень быстро!

— Настоящий прогресс — эти оплачиваемые отпуска! — поддакнул Леон. — До 1936-го работающие просто не могли взять хоть ненадолго передышку, тем более куда-то поехать. Люди рождались, жили и умирали

на одном и том же месте, по крайней мере, в одном и том же департаменте. А теперь каждый может время от времени иногда взять отпуск и поехать посмотреть, как живет в других краях!

Мама Тере в первый раз за вечер присоединилась к беседе. Она говорила размеренно, с ласковой интонацией:

— Должна признать, что в прошлом году в аббатстве было много посетителей. Как только становится тепло, я приступаю к своим обязанностям гида. Истории о нашем аббатстве интересны и поучительны, особенно о монастыре и святом Этьене. Жаль, что нельзя показать желающим подземный ход, которым некогда пользовались монахи, чтобы относить еду монахиням-затворницам, жившим в отдельном здании.

Угощая гостей каштанами, Мари сказала:

— Однажды в воскресенье мы с Адрианом поднялись на плато, то, что над Обазинном. Нам хотелось полюбоваться городком с вершины горы Полиак.

Мари-Эллен, которая всегда с энтузиазмом говорила о красотах своего родного края, добавила:

— Недалеко от Обазина есть еще гора, которая называется Прыжок Пастушки. Мы с мамой и папой часто ходили туда гулять.

Жаннетт повернулась к подружке и с улыбкой попросила:

— Мари-Эллен, а что, если ты расскажешь нам историю этой пастушки? Девочки не испугаются, даже наоборот! Это поучительная история!

— С удовольствием! — ответила девушка. — Это произошло очень и очень давно. Несколько охотников стали преследовать пастушку, чтобы надругаться над ней...

Мари-Эллен умолкла, смутившись. Любопытная Мелина поспешила спросить:

— А как это — «надругаться над ней»?

Мари пришла на выручку рассказчице:

— Скажем так: они хотели за ней поухаживать, а может, поцеловать, но она не собиралась замуж ни за кого из них.

— И вот, — продолжала Мари-Эллен, — эта девушка долго бежала, пока вдруг не поняла, что стоит на краю обрыва, который нависает над Каналом Монахов. Вы знаете, в том месте, где река Куару впадает в канал, подпаивая его своей чистой водой...

— Я не раз ловил в этой речушке форель и раков! — весело вставил Жан-Батист.

— И вот стоит наша пастушка, у которой, вполне возможно, был

жених, и понимает, что выход у нее один — прыгнуть с обрыва высотой в сто пятьдесят метров. Перекрестившись, она бросается вниз! О чудо! Она оказывается внизу совершенно невредимая! Да-да, живая и невредимая! Она спешит к своей семье и рассказывает, что с ней приключилось. Все удивляются, переспрашивают. Люди не хотят ей верить и заявляют, что она лжет. Они не хотят верить в чудо. Увы! Маленькая пастушка, оскорбленная всеобщим неверием, чувствует себя очень несчастной. Для нее все объясняется просто и очевидно: перекрестившись перед прыжком, она предалась в руки Пресвятой Девы, умоляя спасти ее всей своей невинной душой. Небесные ангелы, Дева Мария и Иисус вняли молитве.

— Как говорит Иисус Христос в Евангелии: «Если будет у вас веры хотя бы с горчичное зерно, вы передвинете горы»!^[8] — подхватила Жаннетт.

Мама Тере с серьезным видом кивнула. Тихим голосом Мари-Эллен продолжила рассказ:

— И что делает пастушка? Чтобы заставить поверить тех, кто насмеялся над ней и отрицал чудо, она снова поднялась на обрыв и прыгнула. Но теперь-то ей ничего не угрожало, вера ее в чудо была не так сильна. Несчастная разбилась... С тех пор гора носит имя Прыжок Пастушки.

— Бедняжка! — зевая, пробормотала Мадлен. — Эти люди были злые! Я бы сразу поверила пастушке!

Мари-Тереза Берже решила, что ей и девочке пришло время уходить. Она искренне поблагодарила Мари:

— Я провела с вами всеми прекрасный вечер, но нам пора идти! Мадлен засыпает, да и мне вставать на рассвете.

— Конечно, мама Тере! — отозвалась Мари. — Очень любезно было с вашей стороны прийти! И девочкам было очень приятно снова увидеться!

Гости попрощались с мадемуазель Берже и маленькой Мадлен, и разговоры возобновились. Жан-Батист стал перечислять Леону проблемы, с которыми они каждый год сталкивались в карьере Даниэля:

— Мои рабочие не жалеют сил, это я могу сказать точно! Но когда идет дождь или подмораживает, нужно иметь железное здоровье, чтобы работать в карьере! Вот, к примеру, Мило, тот самый, которого ваш супруг, мадам Мари, лечил не так давно. Нардоваться не могу на его работу! Видели бы вы, как он управляется со своим молотом! Никогда не ленится! Он научился любить гранит. В карьерах — адский труд! Но у моих ребят сильный дух товарищества, и во время перекусов они разговаривают и шутят. Однако с началом снегопадов в первые дни нового года работать

стало намного тяжелее. На ветру руки коченеют, ноги постоянно в грязи...

— Адриан беспокоился о Мило. Он говорил, что у него сильный бронхит, — сказала Мари.

— Ему уже лучше, — отозвался Жан-Батист. — Но все же покашливает. Как вы знаете, мадам Мари, я не из тех патронов, которые не берегут своих людей. Я сам варю для моих парней кофе и частенько даю им передышку!

Жаннетт взяла отца за руку:

— Не беспокойся, пап, это всем известно!

Теперь пришел черед Мелины зевать. Однако Жаннетт, к которой вернулось хорошее настроение, потребовала еще песню.

— Про жаворонка! Мой Пьер очень ее любил, когда был маленьким!

Все были так рады снова видеть старушку улыбающейся, что сразу же запели хором:

Жаворонок, милый жаворонок!

Твои перышки я оциплю...

Потом Амели и Мари-Эллен спели две самых модных песенки — «Говорите мне о любви» и «Песню бедного Жана». Последняя песня принесла огромный успех Эдит Пиаф, чей уникальный голос покорила сердца французов. Все жители Обазина гордились тем, что эта знаменитая певица время от времени покидала Париж, чтобы насладиться воздухом Корреза. Она останавливалась в отеле Сен-Этьен.

Потом говорили о том о сем, о разных обазинских делах. Мари услышала, как церковный колокол прозвонил одиннадцать раз. Она не заметила, как пролетело время! Она хотела было подкинуть в печь еще одно полено, но, окинув взглядом собравшихся, передумала. Жаннетт клевала носом над своим вязанием, Жан-Батист выглядел усталым, Мелина терла глаза. Амели и Леон молчали с задумчивым видом и держались за руки, как и в начале вечера.

— Думаю, нам пора прощаться! — мягко сказала Мари. — Камилла и Мелина обычно в это время уже спят. Огромное спасибо вам всем, что пришли! И мне очень жаль, что Жаннетт вдруг стало плохо. Она нас так напугала, правда?

Гости закивали, причем некоторые из них — с улыбкой. Потом, выразив хозяйке дома благодарность за прекрасный вечер, стали прощаться.

— Нам было очень весело, мадам Мари! — заверила ее Жаннетт. — Хотите, я помогу вам помыть посуду?

— Не беспокойся об этом! Посуда подождет до утра. Я успею здесь

прибраться до мессы.

Нанетт и девочки ушли спать, как только закрылась дверь за последним гостем. Вскоре дом погрузился в тишину. Мари погасила керосиновую лампу и, напоследок еще раз осмотрев кухню, в которой прошел этот беспокойный вечер, вышла.

Как обычно по вечерам, Мари поочередно зашла в комнаты дочерей, чтобы поцеловать их перед сном. Уже стало обычаем, что сначала она заходила к Камилле. Девочка ждала ее, лежа в постели и натянув простыню до подбородка.

— Доброй ночи, дорогая! — сказала Мари ласково. — Тебе понравились наши посиделки? По-моему, все прошло хорошо. А ты как думаешь?

— Я тоже так думаю, мам! — отозвалась девочка. — Больше всего мне понравилось, как мы пели все вместе. Но когда бабушка стала задыхаться, я испугалась. И я еще что-то хочу тебе сказать...

Мари внимательнее посмотрела на дочь. На освещенном розовым светом прикроватной лампы личике Камиллы отразилось беспокойство.

— Что-то случилось, дорогая?

— Будет лучше, если я расскажу тебе не откладывая! Это касается Мелины. Когда я поднялась наверх, чтобы позвать их с Мадлен, я услышала чей-то громкий голос. Когда я вошла в комнату, то увидела, что Мадлен готова расплакаться, а у Мелины... У нее был такой странный вид, словно я застала ее за чем-то нехорошим... Но она ничего не захотела мне рассказать.

Первой реакцией Мари было удивление, потом она на несколько секунд задумалась. В памяти всплыли слова матери-настоятельницы. Наверняка пожилая монахиня знала, о чем говорила, обращая внимание Мари на сложный характер девочки.

Мари вздохнула, взяла Камиллу за руку и сказала серьезно:

— У Мелины нелегкий характер, дорогая. Мать Мари-де-Гонзаг меня предупреждала. Ты не знаешь, как это больно — расти, не имея семьи. Лишения по-разному сказываются на характере. Удочеряя Мелину, я понимала, что мне придется учить ее терпению, доброте... Только времени под силу залечить тайные раны! Ты хорошо сделала, что рассказала мне об этом, Камилла! И не вздумай ни в чем себя упрекать. А теперь спи спокойно...

Камилла закуталась в одеяло, поправила под головой подушку. Мари нежно ее поцеловала и вышла.

Перед дверью комнаты Мелины она остановилась, но через пару

секунд решила и вошла. В комнате царил мягкий полумрак, который едва рассеивал свет ночника. Мари купила его в скобяной лавке два дня назад, потому что Мелина с трудом засыпала в темноте. На кровати угадывалась детская фигурка.

— Ты спишь? — спросила она.

— Нет! — раздался голос из-под атласного одеяла.

— Я пришла пожелать тебе доброй ночи, моя крошка! — сказала Мари, подходя к кровати.

Она присела на кровать и отвернула край одеяла, чтобы поцеловать девочку. Она очень удивилась, обнаружив, что лицо у Мелины мокрое от слез.

— Мелина, что с тобой? Дорогая, почему ты плачешь?

— Мне страшно, мама Мари! Скажи, это правда, что волк-оборотень может войти в дом?

Мари погладила девочку по щеке. Ей следовало бы догадаться, что рассказы Нанетт напугают девочку, которая и так боялась темноты. Мелина казалась как никогда маленькой. Ей с трудом можно было дать девять лет, не то что двенадцать.

— Конечно нет, мое сердечко! Нанетт пугает нас своими историями, но ты ей не верь! Здесь ты в полной безопасности. И потом, ты взрослая девочка, тебе ведь уже двенадцать. Ты должна научиться держать себя в руках!

Мелина схватила руку приемной матери и крепко ее сжала. Задыхаясь, вздрагивая от нервного плача, она призналась жалким голоском:

— Я еще хочу сказать тебе, мама Мари... Я сегодня была не очень послушной... И мне стыдно!

— Это правда так важно, Мелина?

— Да! Может, ты не захочешь, чтобы я была твоей дочкой...

При виде такого отчаяния сердце у Мари сжалось. Девочка не разыгрывала перед ней комедию. Она обняла Мелину и прошептала ей на ухо:

— Тебе станет легче, если ты все мне расскажешь! А потом мы об этом поговорим.

— Сначала я не послушалась тебя, когда бегала в скобяную лавку утром. Я не надела ни пальто, ни шарфик.

— А потом?

— Я побежала к фонтану и перед окнами приюта показала им всем язык. Я знаю, что это плохо, но я была так рада, что больше там не живу... Мне хотелось отомстить!

Мари покачала головой. Буйный темперамент Мелины совсем не соответствовал ее внешности. Неужели за ангельским личиком скрывается дьяволенок?

— Отомстить? Но за что, дорогая? Если бы не монахини и приют, кто знает, что бы с тобой стало? Ты права, это плохие поступки. И я тобой недовольна.

Мелина снова заплакала, прижавшись к Мари, которая продолжала ее гладить, вопреки своим строгим словам.

— А потом я была злой с Мадлен! — продолжала, рыдая, девочка. — Я говорила ей разные плохие вещи... Что у нее нет папы, что мама Тере не по-настоящему ее удочерила...

— Откуда тебе это известно? — спросила озадаченная Мари.

— Я слышала, как ты говорила об этом с доктором вчера... Я слушала под дверью...

Мари легонько отстранила девочку и заглянула ей в лицо. Мелина умоляюще смотрела на нее, глаза ее расширились от ужаса.

— Мама Мари, прошу, прости меня, я не знаю, почему я такая плохая! Я не могу себя сдержать! Мадлен — она очень хорошая! И ты, и Камилла... А у меня так не получается. Скажи, ты ведь меня не отдашь обратно?

— Успокойся, — тихо сказала Мари. — Я не сержусь и не собираюсь выставлять тебя за дверь. Не забывай, ты теперь моя дочь! Мелина, удочерение ребенка — это не игра и не каприз. Отныне ты никогда не будешь одна, и я буду о тебе заботиться, пока ты не станешь взрослой. Ты страдаешь от своей злости, завидуешь Камилле и Мадлен, но ведь их воспитывали по-другому, чем тебя! Я помогу тебе, дорогая! Я не хочу, чтобы ты боялась. Подожди, я через минуту вернусь!

Мари вышла, прошла в свою спальню и порылась в ящике комода. Ей нужно было найти то, что помогло бы успокоить девочку. Идея пришла к ней внезапно, простая и великолепная. Она вернулась в комнату Мелины с улыбкой на лице. Девочка ждала ее, дрожа от волнения.

— Посмотри, я принесла тебе то, что всегда будет тебя оберегать, — и от волка-оборотня, и от печали! — сказала она. — Первый подарок — фотография, которую мне самой подарила мать-настоятельница Мари-Ансельм, она управляла приютом до матери Мари-де-Гонзаг. Мне тогда было тринадцать. Ты наверняка узнаешь эту Мадонну! Это статуя Богородицы с Младенцем, та самая, что стоит в приемной. Теперь эта фотография твоя. Ее место будет на столике у твоего изголовья. Когда почувствуешь, что тебе хочется быть злой, скорее попроси Мадонну

прийти тебе на помощь. И вот увидишь — ты не осмелишься послушаться или насмеяться над подружками... Эта фотография много для меня значит. Надеюсь, она станет дорога и тебе...

— А второй подарок? — спросила Мелина, грызя край простыни.

— Это — портрет твоей мамы. Помнишь, я рассказывала тебе о ней в тот день, когда привела тебя домой? Она была моей подругой, названной сестрой. Думаю, если мы поставим ее фотографию возле твоей кровати, с тобой никогда не случится ничего плохого!

Фотография матери! Мелина приподнялась, опираясь на локоть, и, нахмурившись, стала рассматривать лицо своей настоящей матери. Мари видела, что девочка задрожала, что ее губы приоткрылись, когда она впиалась глазами в лицо Леони.

— На этой фотографии ей двадцать лет. Мы тогда еще жили в «Бори», в Шаранте. Скоро мы с тобой там побываем. Это фото сделал один фотограф из Шабанэ. По такому случаю Леони распустила волосы и надела новое платье.

— Какая она была красивая! — пробормотала Мелина. — Значит, это — моя мама... Настоящая...

Своим маленьким пальчиком девочка обвела лицо на фотографии. Это был трогательный и в то же время очень печальный жест. На лице Мелины играла задумчивая улыбка.

— Да, твоя настоящая мама! — сказала Мари, которая едва сдерживала слезы. — Мелина, я уверена, Леони хотелось бы, чтобы ты была славным ребенком, послушным и неленивым. Были времена, когда она помогала мне с моими детьми, по-моему, даже кормила Камиллу из бутылочки.

Мелина попробовала представить эту красивую молодую женщину с фотографии живой и разговаривающей с Мари. И с ребенком на руках...

Улыбка ее мгновенно исчезла, с искривившихся губ сорвался горестный вздох. Вот если бы она была тем ребенком, которого сейчас представила! Девочке страстно захотелось войти в фотографию, чтобы встретиться с матерью прежде, чем она исчезнет. Все могло бы быть по-другому: ей бы не пришлось расти в приюте и никогда бы она не мечтала о другой матери! Это было так несправедливо...

— Почему она умерла? — спросила она.

Девочке не стоило знать эту часть истории. Мари поцеловала ее в мягкую, слегка влажную щеку и ответила ласково:

— Она была очень больна. Леони больше не с нами, но я уверена, она оберегает тебя, будучи на небесах, потому что ты — ее ребенок. А теперь спи! И пообещай мне одно: если когда-нибудь тебе захочется сделать

глупость или стать злой, беги скорее ко мне и скажи об этом. Договорились?

— Обещаю, мама Мари! Ты такая добрая! Я очень тебя люблю.

Мелина вздохнула, и ее маленькое тело, до этого момента свернувшееся калачиком, выпрямилось и расслабилось. Она повернулась на бок, положила руки на колени Мари и, зевая, улыбнулась. У нее закрывались глаза. Мари некоторое время сидела с ней рядом, растроганная и задумчивая. Ей придется нелегко, в этом мать Мари-де-Гонзаг оказалась права. Этой девочке понадобится помощь, чтобы обуздать неосознанное желание мстить. Но супруга доктора Меснье была убеждена, что в глубине души дочери Леони прячутся сокровища доброты.

Время поможет ей превозмочь свои слабости, но жизнь в семье между Мелиной, наделенной таким сложным характером, Нанетт с ее «настроениями», Камиллой, растущей и задающей все большим количеством вопросов, и Адрианом, который все еще сохранял дистанцию по отношению к новому ребенку в доме, обещала быть непростой. Когда дыхание девочки стало ровным, Мари на цыпочках вышла из комнаты.

Наконец и она ляжет... Уставшая, она все же нашла в себе силы прошептать: «Моя Леони, я обещаю тебе оберегать твою дочь и любить ее, как люблю своих собственных детей, до конца моих дней...»

Глава 16

Выбор Поля

4 августа 1948 года

Мари под руку с Адрианом вошла во внутренний дворик аббатства. В синем атласном платье и кокетливо сдвинутой набок соломенной шляпке, она по привычке двигалась довольно быстро. Супруг согласился пойти с ней вместе на благотворительную ярмарку, устроенную монахинями. Этот ежегодный праздник стал событием регионального масштаба, а аббатство славилось высоким качеством своих товаров.

Исключительный случай — все семейство Меснье было в полном сборе. Лучившаяся радостью Мари обернулась, чтобы удостовериться, что все ее дорогие и любимые рядом. Стояла прекрасная погода, которая гармонировала с радостной атмосферой ярмарки, развернувшейся на открытом четырехугольном участке, ограниченном со всех сторон аллеями. В центре возвышался фонтан. Его прозрачная прохладная вода стекала в монолитный бассейн диаметром около трех метров. Питаемый небольшим источником, в давние времена этот бассейн служил монахам умывальней. Иссущающее августовское солнце серебрило шиферные крыши зданий аббатства, окружавших, подобно защитным крепостным стенам, место, где расположились продавщицы.

Свои столики под полотняными навесами сироты и ученицы аббатской школы расставили на лужайке. Все девочки улыбались, и все же за их улыбками угадывалось напряжение — все они осознавали важность события. Сегодня им предстояло пережить свой «момент славы», которого они ждали несколько долгих месяцев.

Монахини тоже радовались происходящему. Благотворительная ярмарка была для них не только возможностью продемонстрировать работу своих подопечных, но и своего рода развлечением. К тому же удачная ярмарка означала дополнительные поступления в бюджет их благотворительного заведения.

Жители городка встречались перед прилавками, здоровались, обменивались новостями. Отовсюду звучал детский смех, то здесь то там образовывались группки «по интересам».

Мари наслаждалась этим прекрасным днем и ощущением полноты

жизни, которое не оставляло ее вот уже несколько месяцев. За это время она поняла, что Мелина — не настолько «трудный ребенок», как она боялась, — все их конфликты быстро исчерпывались. Сейчас девочка в нетерпении перескакивала с ноги на ногу. Она искала подходящие слова, которые помогут убедить Мари отпустить ее погулять по ярмарке одну. Пара минут — и благовидный предлог был найден.

— Мама Мари, можно я пойду поздороваться с Денизой и Одетт?

— Конечно, дорогая! Только не отвлекай их, если девочки заняты!

— Погоди, — остановил ее Адриан. — Вот несколько су, можешь что-нибудь себе купить.

— Спасибо, папа Адриан! — пробормотала Мелина и затерялась между посетителями ярмарки.

С зимы она практически не подросла, оставалась все такой же миниатюрной, и ей все так же нельзя было дать больше девяти лет. Адриан прописал ей общеукрепляющие средства, но результат заставлял себя ждать.

Если забыть о мелких повседневных заботах, Мари была счастлива и постоянно благодарила Провидение за все хорошее, что было у нее в жизни. С мужем отношения у них были прекрасными, дети дарили столько радости! Она украдкой посмотрела на Камиллу, очень симпатичную в белом платье с рисунком из розовых цветочков. В свои пятнадцать она уже расцвела и обещала стать красавицей. Поль и Лора немного отстали. Молодая женщина толкала перед собой коляску со своим первенцем — маленькой трехмесячной Люси. За ними следовали Лизон и Венсан, тоже с детской коляской. Их сын Пьер, родившийся в марте, что-то радостно лепетал, глядя на разноцветные, трепещущие на ветру полотняные навесы над прилавками. Чуть дальше шла Матильда, держа за руку Бертий и Жана, которые были рады поездке в Обазин.

Мать Мари-де-Гонзаг, заметив Мари, поспешила ей навстречу:

— Дорогая Мари! Вы пришли со всем семейством, ну, почти со всем...

— Здравствуйте, матушка! Увы! Нанетт не захотела идти с нами! Она все время на что-нибудь жалуется. Сегодня — на сердце, как в тот достопамятный зимний вечер посиделок... завтра — на боль в колене. Но Адриан, когда осматривает ее, не находит ничего серьезного. Бедная, она не сможет насладиться праздником... Я устроила ее в саду под зонтиком.

— Не сомневаюсь, что вы заботитесь о ее удобстве! С вашим-то добрым сердцем! А что касается нашей славной Нан, скажу вам, характер у нее не сахар!

Монахиня поочередно склонилась над колясками, чтобы полюбоваться

личиками младенцев.

— А вот и наши Люси и Пьер! — тихо проговорила она. — Они — двоюродные сестра и брат, верно? Думаю, через несколько лет им будет весело играть вместе. Да благословит их Господь...

Мари задумчиво улыбнулась. Как быстро летит время! Незаметно выросли ее дети, и вот они уже, в свой черед, стали родителями... Подумать только, она — бабушка четверых малышек! Однако она совсем не чувствовала себя старой, наоборот! Во втором браке она, казалось, помолодела. Любовь способна творить чудеса... Легкий ветерок подхватил прядь ее волос, и она ее машинально пригладила.

— Я не вижу Мелины! — удивилась мать-настоятельница.

— Она захотела поздороваться с подружками, — пояснила Мари. — Ей всегда трудно усидеть на месте. И с самого утра она радовалась, что мы идем на ярмарку!

— Надеюсь, она не доставляет вам слишком много хлопот? — обеспокоенно спросила мать Мари-де-Гонзаг. — Она такая непоседа!

— Никаких хлопот, не беспокойтесь, матушка! Правда, я была бы рада, если бы она лучше училась. По вечерам я занимаюсь с ней, но она плохо усваивает материал.

С лукавым видом Камилла вставила свое слово:

— Ну что ты, мам! У Мелины прекрасная память, особенно если надо запомнить слова песенки, которая звучит по радио! Она знает наизубок тексты большинства модных песен этого года!

Мать Мари-де-Гонзаг улыбнулась, но ничуть не удивилась. Она сказала Мари:

— Девочка совсем не изменилась! Если нужно было разучить текст роли для пьесы или скетча, она показывала себя прилежной и схватывала все на лету. А вот уроки истории и грамматики казались ей ужасно скучными, и услышанное совершенно не задерживалось в ее красивой головке. Ну а теперь я вас оставляю. Вы наверняка хотите прогуляться вдоль прилавков. Маму Тере вы увидите не раньше чем через час, она показывает аббатство группе туристов. По-моему, парижанам...

Мать-настоятельница удалилась, величественная в своих просторных черных одеждах. Семья Меснье продолжила прогулку и через несколько метров столкнулась со своими добрыми друзьями Ирэн и Мари-Эллен Дрюлиоэль: обе в праздничных нарядах гуляли в компании Жаннетт Канар.

— Здравствуйте, мадам Мари! Вся ваша прекрасная семья в сборе! — воскликнула Ирэн, спеша полюбоваться малышами в колясках.

Мари-Эллен поцеловала Камиллу. Девушки стали перешептываться, а

потом обе схватили под руки Жаннетт и отошли в сторону.

— Мы немного пройдемся! — крикнула Мари-Эллен. — Не бойтесь, мадам Мари, за Камиллой мы присмотрим! До скорой встречи!

Адриан отошел, чтобы поприветствовать Жана-Батиста Канара и Марка Лажуани, отца Амели. Трое мужчин, которых мало интересовали вышитые носовые платочки, кухонные полотенца и связанные крючком салфетки, пустились в оживленное обсуждение региональной велогонки «Боль д'Ор». Разумеется, они были страстными болельщиками своей команды.

Мари же переходила от прилавка к прилавку в сопровождении Лоры, которая была все так же немногословна. На многочисленные попытки свекрови завязать разговор она отвечала кратко и вежливо. Мари никак не удавалось пробить панцирь отчуждения, в который, казалось, спряталась молодая женщина.

— Сколько здесь прекрасных вещей, правда, Лора? — обратилась к невестке Мари. — Это — результат целого года работы! Девочки шьют и вышивают в рукодельне, под присмотром сестры Юлианны или сестры Мари-Этьен. И вот что я тебе скажу: мне никогда не забыть этих уроков шитья! Не забудет их и Коко Шанель!

— Коко Шанель? — повторила Лора едва слышно. — Это имя мне незнакомо.

— Тебе наверняка приходилось читать о ней в журналах. У нее крупный Дом моды в Париже. В моде она произвела настоящую революцию! И, представь себе, я ее знала! Она была воспитанницей нашего приюта, когда мне было восемь. Ее вкус к шитью и к моде, возможно, родился здесь, в Обазине!

Лора смущенно улыбнулась. И снова ей стало стыдно из-за своей неосведомленности. Она так остро ощущала себя неполноценной в присутствии свекрови, что практически не могла говорить. Она не находила слов и боялась показаться смешной. Все ее родственники со стороны мужа были к ней очень добры, и все же этого было недостаточно, чтобы чувствовать себя комфортно. Поль сообщал ей последние новости, советовал, какие книги читать... Однако же миром, где Лора расцветала, был мир партитур и нот. Музыка была ее стихией...

— Мама! — вдруг раздался голос Матильды. — Посмотри на эти платочки! Они из натурального шелка, и такая великолепная тонкая вышивка!

— Они и правда очень красивые! — сказала подошедшая к прилавку Лизон.

Жозетт затаила дыхание, надеясь, что ее изделия купят. Юная сирота так старалась, украшая эти платочки вышивкой в деревенском стиле!

Матильда вынула из своей кожаной сумочки кошелек, купила комплект платочков и протянула их Бертий.

— Это тебе, дорогая! Я видела, что тебе они понравились, да и твоей маме тоже!

— Спасибо, Матильда! — вздохнула Лизон. — Но Бертий еще слишком маленькая. Я их спрячу пока и дам ей через год или два, когда она подрастет и сможет их по достоинству оценить.

А покупателей на лужайке все прибывало. Помимо местных жителей любопытство и возможность совершить удачную покупку привлекло в аббатство обитателей соседних местечек — Бейна и Вергонзака. Мари увидела две семьи иммигрантов, о которых ей рассказывал муж, — Ковачей, приехавших из Венгрии, и Вандюренгов из Бельгии. Оба мужчины работали в гранитном карьере Обазина. Они уже могли изъясняться на французском, чего нельзя было сказать об их супругах, молчаливых и очень сдержанных женщин. Дети же их быстро привыкли к жизни в Коррезе. Некоторые из них ходили в класс Мари. Она пояснила Лоре доверительным тоном:

— Не перестаю удивляться успехам сына Мило Ковача! По диктантам у него оценки лучше, чем у многих здешних детей!

— Мне бы понравилось учить детей другой национальности! — сказала Лизон. — В Прессиньяке мне постоянно приходится бороться с патуа. Было бы веселее, если бы его разбавили венгерский или итальянский!

Мари собиралась ответить старшей дочери, как вдруг увидела приходящего парикмахера приюта, господина Дюрана. Он проживал в Бриве, а в аббатство сегодня приехал со всей семьей — с супругой и детьми.

— Мсье Дюран, только не говорите, что приехали, чтобы остричь косы нашим девочкам! — воскликнула Мари с улыбкой. — Хочу представить вам мою дочь Матильду, она открыла собственную парикмахерскую в Бриве!

Зашел разговор о модных прическах, потом семейство Дюран откланялось.

Обойдя все прилавки, Мари выбрала товары по своему вкусу. Она была желанной клиенткой — каждый год считала за честь пополнить запасы постельного белья именно на этой благотворительной ярмарке. На этот раз она приобрела простыни с ажурным краем, наволочки и столовые

салфетки, отделанные тонкими кружевами.

У каждого прилавка Мари разговаривала с девочками и монахинями. Она приветливо поздоровалась с сестрой Мари-де-ла-Круа, управительницей аббатской кухни. Это был исключительный случай, когда монахиня оторвалась от своих печей ради того, чтобы постоять за прилавком с аппетитными пирогами. Две ученицы аббатской школы помогли ей отгонять слетевшихся на сладкое пчел.

— Эти пироги такие соблазнительные! — шепнула Лора на ухо свекрови. — После родов мне все время хочется есть. Это из-за кормления грудью.

— Это и мне знакомо, Лора! — шепотом отозвалась Мари. — Единственный способ иметь достаточно молока — это кушать столько, сколько хочется. Давай купим по куску пирога!

Лора кивнула. Создавалось впечатление, что недавние роды подточили ее силы. Ее лицо, обрамленное ярко-рыжими блестящими волосами, казалось болезненным. Мари беспокоилась о ней. Ей самой никогда не бывало так плохо после родов. Но, возможно, Лора более хрупкая, чем она... Мари пообещала себе, что хорошенько расспросит Поля, дабы убедиться, что с Лорой все в порядке. Только нужно будет выбрать подходящий момент... Она осмотрелась и увидела невдалеке Поля. Сын разговаривал с зятем. Венсан слушал и степенно качал головой.

— Что вы с Полем задумали? — спросила Мари у невестки. — Со вчерашнего дня они с Венсаном постоянно о чем-то разговаривают, понизив голос. У вас ведь нет никаких проблем?

Лора, смутившись, потрепала Мари по руке и сказала со вздохом:

— Поль все вам расскажет перед ужином. У нас есть кое-какая задумка, и нам очень хочется, чтобы все получилось!

— Хорошо, подожду до вечера! Но, признаюсь, эта таинственность меня немного тревожит.

— Не беспокойтесь, Мари! Забудьте пока об этом и наслаждайтесь праздником! Вечер настанет так быстро, что вы и не заметите, как пролетит время!

Мари не стала настаивать. Она уже подошла к эстраде, на которой воспитанницы приюта, как и каждый год, готовились к представлению. Обычно программа состояла из небольших скетчей и песен. Лизон и Лора с удовольствием присели на одну из расставленных для зрителей скамеечек. Обе молодые мамочки синхронно заглянули в свои коляски, чтобы удостовериться в том, что их дети спокойно спят.

«Какие же малыши сегодня спокойные! — подумала Мари. — Свежий

ветер с наших холмов навевает им сон!»

В то же мгновение перед ней появилась маленькая Мадлен с букетом в руке, мама Тере и мадемуазель Мори.

— Мари, дорогая, как приятно вас видеть! — воскликнула Мари-Тереза Берже. — Ба, да вы сегодня в замечательной компании! Держу пари, это ваши внуки — Люси и Пьер!

Мадлен с восторгом смотрела на малышкой. Мари погладила девочку по голове и спросила:

— Мадлен, ты не видела Мелину?

— Видела, мадам Мари, но мы не разговаривали.

— Меня это не удивляет! — заявила вдруг Матильда. — Эта девчонка всегда самовольничает! А вот и она! Как говорится, легка на помине!

Мелина неслась по аллее со стороны монастыря. Задыхаясь, она повисла на шее у приемной матери. Щеки у нее покраснелись, глаза блестели. Она торопливо заговорила:

— Мама Мари, можно мне взять щенка? Скажи «да», пожалуйста! Мсье Брузини их раздает! Пойдем скорее! Ты должна их видеть, они такие маленькие, что все помещаются в одной корзинке!

Девочка схватила Мари за руку и стала тянуть за собой, но та, вместо того чтобы поддаться на уговоры, строго сказала:

— Мелина, угомонись! Я разговаривала с Мадлен, и ты меня перебила. Это очень невежливо! Затем, я бы хотела, чтобы ты поздоровалась со своей подружкой. И наконец, ты должна научиться терпению. И что за спешка! Не улетят же эти щенки, в конце концов! В любом случае сначала я должна поговорить с Адрианом. На щенков я пойду смотреть, только если ты успокоишься. Ты меня поняла?

— Да, мама Мари! — пробормотала девочка.

Повернувшись к Мадлен, она поцеловала ее в щеку, буркнув едва слышно «Здравствуй!», и, не в силах сдержаться, снова затараторила:

— Ну пожалуйста, мама Мари! Ну пойдем! Это совсем рядом! Только посмотреть!

Мари колебалась. Соглашаться посмотреть на щенков не значило дать девочке обещание взять одного и тем более уйти с щенком на руках. Она уже готова была уступить, когда вмешалась Матильда. Она приехала не для того, чтобы видеть, как мать расстраивается из-за выходок Мелины. Эта стала последней каплей в чаше ее раздражения. Молодая женщина вскочила со скамьи и схватила девочку за плечо:

— Какая ты капризная! Или ты думаешь, что мы будем потакать всем твоим прихотям? Мам, она из тебя веревки вьет, а ты этого даже не

замечаешь!

Мелина вырвалась. Матильду она не любила и даже не пыталась это скрывать. Она крикнула:

— Ты, оставь меня в покое! И ты не имеешь права меня ругать! Здесь не ты командуешь!

Ко всеобщему удивлению, Матильда не сдержалась и отвесила приемной сестре порядочную оплеуху. Эта несносная девчонка не понравилась ей с первого взгляда.

— Не смей говорить со мной таким тоном, маленькая дрянь!

Черные глаза Матильды гневно уставились на Мелину.

Прежде чем Мари успела вмешаться, девочка залилась слезами и убежала.

— Матильда! — воскликнула потрясенная Мари. — Что на тебя нашло? Ударить ее, и из-за чего?

— Как это «из-за чего»? — сердито отозвалась молодая женщина. — Ты слишком добрая, дорогая мамочка! Эта девчонка постоянно капризничает! А ты ничего не замечаешь. Видите ли, она — дочь Леони! Так что, из-за этого ей все должно сходить с рук? И не делай такое лицо, я говорю чистую правду! Но с меня хватит, я уезжаю! Я от вас устаю! И зачем я только приехала...

Матильда развернулась и пошла прочь. Юбка ее зеленого шелкового платья порхала над стройными икрами.

— Моя дорогая сестричка! — проговорил ставший очевидцем этой сцены Поль. — Прекрасная и гневная! Красавица с каменным сердцем! Я нахожу, что завитые волосы очень ей идут!

Мадемуазель Берже, которая чувствовала себя неловко оттого, что стала свидетельницей семейной размолвки, взяла Мадлен за руку и сказала:

— Я должна вас оставить. У меня еще много дел. Нужно обойти прилавки и помочь девочкам.

Мари очень расстроилась. Напряжение между Мелиной и Матильдой возникло еще накануне вечером. Инцидент можно было предусмотреть.

— Почему ты так говоришь, Поль? — шепотом спросила она у сына. — Матильда — не такая! У нее есть сердце, но она легко поддается гневу!

— Когда-нибудь ты признаешь мою правоту, мама, — со вздохом произнес Поль. — Ты не замечаешь того, что бросается в глаза!

— О чем ты? У нее есть все для счастья, и муж ее обожает! В салоне всегда много клиентов. Быть может, она просто немного устала?

Поль нахмурил брови и взял мать за локоть.

— Мамочка, ты редко бываешь у нас, и у меня, и у Матильды. О

нашей жизни ты знаешь только то, что мы тебе говорим. А у каждого из нас есть свои проблемы, свои печали... Я думаю, что моя сестра несчастлива. Она не любит Эрве, это очевидно! Поэтому она такая нервная...

Мари была ошарашена услышанным. С утра она была так счастлива, и вот вся ее радость рассыпается, как песочный домик, накрытый волной! И Мелина... Где она? Нужно было немедленно найти девочку.

— Где она спряталась? Поль, ее нужно разыскать! У нее ранимая душа! И я очень на себя сердита! Ну что мне стоило пойти и посмотреть на этих щенков? А Матильда... Надеюсь, она вернулась домой!

— Я так не думаю, — со вздохом отозвался Поль. — Наверняка Ману зашла попрощаться с бабушкой и уехала в Брив.

В этот момент появилась Камилла. Лицо ее покраснело от волнения и удовольствия. Только что, гуляя с Мари-Элен и Жаннетт, девушка повстречала красивого незнакомца. Он пристально смотрел на нее и даже ей улыбнулся! Камилле такое внимание было очень лестно. Сердце ее билось от небывалого восторга, за плечами словно выросли крылья. Она мечтала о новой встрече с этим черноволосым юношей.

— А вот и ты, Камилла! — воскликнула Мари. — Прощу, помоги мне! Мелина куда-то убежала, потому что Матильда дала ей пощечину. Пожалуйста, беги прилавки, может, ты ее встретишь...

Камилла тотчас же убежала на поиски приемной сестры с преувеличенным энтузиазмом, чего никто не заметил. Лизон, жалея встревоженную мать, подошла к ней:

— Mamочка, давай пойдём домой! Мелина наверняка дома. И мне скоро кормить Пьера.

— А как же представление сирот? Оно начинается в пять часов! — пробормотала Мари.

— Мы вернёмся! — заверила ее Лизон. — Правда, Лора? По-моему, и твоя крошка уже начала ворочаться в коляске!

— Да, она проголодалась! Я тоже хочу пойти в дом и посидеть в прохладе и покое.

Лизон поручила присматривать за Бертий и Жаном их отцу. Поль пообещал остаться на ярмарке и утешить Мелину, если встретит ее.

Три женщины покинули территорию аббатства. Осмотрев площадь, Мари с горечью отметила, что новый автомобиль Матильды исчез. Значит, Поль оказался прав: она уехала в Брив, даже не поцеловав мать на прощание.

«Неужели она ревнует меня к Мелине? — подумала Мари, но это предположение казалось ей совершенно неправдоподобным. Скорее всего,

как считает ее брат, она несчастлива! А у меня даже не было времени с ней поговорить!»

Расстроенная Мари поднялась на второй этаж и обнаружила Мелину в ее комнате. Девочка лежала на кровати и плакала. На левой щеке все еще были заметны отпечатки пальцев Матильды.

— Моя крошка! Мне так жаль! Матильда слишком порывистая...

— Меня никто не любит! — рыдала девочка.

— Как ты можешь говорить такое? — возразила Мари. — Мы все тебя любим. Вчера Лизон подарила тебе красивую книжку, а с Полем ты утром ездила кататься на велосипеде!

Мелина привстала и посмотрела на приемную мать. Ласковое лицо Мари возымело на нее магическое действие — она успокоилась. Всхлипывая, девочка протянула к ней руки:

— Мама Мари! Mamочка, мне так грустно!

— Не нужно грустить! Иди ко мне, милая!

Мари гладила и баюкала Мелину, как маленькую. Она расцеловала ее в побледневшие щеки, нежно поглаживала ее длинные черные волосы.

— Ну вот, тебе уже лучше! Лизон и Лора в столовой, кормят своих малышей. Если хочешь, давай вернемся на ярмарку и сходим посмотрим на щенков, которые так тебе понравились!

— Правда? Только ты и я? Мама Мари, как я рада!

— Так-то лучше! — кивнула Мари. — А потом мы посмотрим представление воспитанниц приюта. Я хочу только одного: чтобы ты была с нами счастлива. Поэтому доставь мне удовольствие, перестань сердиться на Матильду. У нее всегда был тяжелый характер. Камилла тоже получала от нее пощечины, можешь мне поверить!

Мелина, глаза у которой успели высохнуть, кивнула в знак понимания. Однако она не могла так легко забыть о своем унижении! Девочка была не из тех, кто спускает обиды, особенно такие, которые уязвляли ее самолюбие. Ее антипатия к Матильде с течением времени только усиливалась.

***

Несмотря на поспешный отъезд Матильды, день закончился очень приятно. Лизон и Лоре удалось уговорить Нанетт прогуляться по ярмарке. Старушка явилась как раз вовремя, чтобы посмотреть представление сирот.

Семейство заняло две скамейки. Адриан сел рядом с Мари, а Камилла устроилась чуть поодаль. Мелина смотрела на сцену с преувеличенным восторгом. И не столько выступление ей нравилось, сколько она радовалась

полученному от приемной матери обещанию.

«У меня будет щенок! — повторяла девочка про себя. — Мой, только мой! Мсье Брузини оставит нам одного, черно-белого, пушистого!»

Матильда была права: Мари исполняла любое желание этого ребенка, поправ семейный принцип, ранее бывший незыблемым: каждое решение принимать совместно, после обсуждения с Адрианом.

В тот же вечер Мари и Мелина отправились за щенком.

«Мы сделаем всем сюрприз! — размышляла Мари на обратном пути. — Я не успела поговорить с Адрианом, но почему бы ему быть недовольным? Он тоже любит животных!»

Выйдя из рабочего кабинета, доктор Меснье первым увидел щенка у Мелины на руках. Мари, которая как раз закрывала входную дверь, сказала:

— Это щенок! Отличный крысолов!

— Я вижу, что это щенок, — отозвался Адриан. — И откуда он взялся?

Мари очаровательно улыбнулась супругу и ответила:

— Камилле и Мелине так захотелось иметь щенка! Вспомни, мы им обещали завести кошку или собаку. Этот щенок мне очень понравился. Мсье Брузини, ты его знаешь — это итальянец-рабочий из карьера Даниэля — отдавал троих. Если бы никто их не взял, он бы утопил этих малышей. Представляешь, какой ужас?! Мы назвали его Юкки!

Адриан не скрывал своего недовольства. Он поморщился и подошел посмотреть поближе на этого Юкки. Наконец он заговорил:

— Я бы предпочел котенка, от него меньше шума. И я делаю вывод, что Мелина опять получила то, что хотела! И не надо приплетать сюда Камиллу, Мари, я вижу тебя насквозь! Никогда Камилла не требовала щенка, и я готов поспорить, она даже не знает, что вы его принесли!

— Я ей сейчас покажу! — воскликнула Мелина, которая не помнила себя от радости. — И бабушке Нан тоже!

Адриан воздел руки к небу, демонстрируя свою беспомощность перед плутовками, которые вьют из него веревки. Как только девочка убежала, он притянул жену к себе:

— Когда ты смотришь на меня так, дорогая, у меня не хватает силы воли с тобой спорить. Я приму Юкки со всеми его блохами... если ты позволишь мне по воскресеньям играть в бридж!

— Хм! Мне нужно обдумать сделку! Это дорогая цена, тем более что ты ходишь играть все чаще! Надеюсь, за этим не скрывается какая-нибудь молодая дама?

Адриан хотел было возмутиться, но тут заметил насмешливый взгляд супруги. Они рассмеялись. Мари подтрунивала над ним, ни секунды не

веря в то, что сказала. По правде говоря, она не могла представить своего супруга с другой женщиной, равно как и Адриан ее — с другим мужчиной. Поцеловав его, она проговорила, направляясь в кухню:

— Я иду готовить ужин, дорогой! Скорее переодевайся! Матильда разозлилась и уехала в Брив. Она дала Мелине пощечину. Если бы ты был рядом, она бы не осмелилась...

— Я в этом не уверен! Лизон мне все рассказала. С Матильдой нужно быть готовым ко всему! Но на самом деле она хорошая девочка.

Адриан был одним из немногих, кого Матильда любила и уважала. Эта взаимная симпатия зародилась очень давно, в те времена, когда он и Мари поженились. Он серьезно занялся воспитанием капризной и гневливой девочки, какой тогда была Матильда. И только ему удалось приручить маленькое чудовище по имени Ману.

Глава 17

Снова переезд

Нанетт первой села за стол. С нетерпением ожидая, когда остальные члены семьи последуют ее примеру, она мяла в руках салфетку. Но Лизон все еще баюкала сына, а Лора кормила грудью свою маленькую Люси. Наконец вошел Поль с корзинкой для хлеба.

— Мой мальчик, что у вас у всех за дела сегодня вечером? — недовольным тоном спросила старушка. — Я скоро умру с голоду!

— Суп уже готов, ба! Венсан помогает маме нарезать ветчину.

Нанетт схватила внука за руку и, испытующе глядя ему в глаза, спросила на патуа:

— Так ты собираешься сегодня поговорить с матерью?

— Да, бабушка. Я же тебе обещал.

— Как я довольна, мой Поль! У меня душа поет от радости! Зови всех скорее за стол!

— Зачем звать? Они и так скоро все соберутся. Потерпи еще немного!

Наконец семейство расселось за столом — Лизон и Венсан, Поль и Лора, Мелина и Камилла, Адриан и Мари.

Как только с густым наваристым супом было покончено, Поль налил себе в бокал вина и сказал торжественным тоном:

— У меня для вас важная новость! Я уже поделился ею с бабушкой. Она очень обрадовалась. Те, кто еще не в курсе, скорее всего, очень удивятся. Тебе, мама, идея поначалу не понравится, я знаю, но, надеюсь, ты меня поймешь.

При этих словах сына Мари не на шутку разволновалась. Если Поль предполагает, что она может воспротивиться его начинаниям, то речь пойдет, без сомнения, о чем-то серьезном. Однако Поль никогда не принимал поспешных решений. Она постаралась скрыть свое беспокойство и сказала ободряющим тоном:

— Думаю, я сумею тебя понять, сынок! Ты — мальчик серьезный и всегда поступаешь разумно. О чем идет речь?

Лора ободрила супруга взглядом, полным любви и восхищения.

— В общем, я решил продать мое страховое бюро и клиентуру. Мы с Лорой просто не можем больше жить в городе. Нам не хватает чистого

воздуха, простора... Когда ты приезжала к нам, мам, ты не могла не заметить, какой маленький у нас двор. Солнце заглядывает туда только утром, на час или два. И я подумал о ферме в «Бори». Я хочу все там отремонтировать и переселиться как можно скорее, еще до зимы.

Мари не верила своим ушам. Удивленная, она воззрилась на сына:

— Но, Поль, у тебя все так хорошо получалось в твоём бюро! Чем ты станешь зарабатывать на жизнь?

Адриан взял жену за руку, пытаясь ее успокоить. Раньше, чем Поль успел ответить, он сказал Мари:

— Дай сыну закончить! К чему волноваться заранее, ведь он не объяснил еще сути своего плана! Давай сначала его выслушаем!

Поль был очень благодарен отчиму за поддержку.

— Спасибо, Адриан! Я действительно еще не закончил. Это решение — не минутный порыв, я все хорошо обдумал. Да, нам с Лорой нужно на что-то жить, но я вовсе не собираюсь сидеть сложа руки. Я хочу заняться разведением коров, наших рыжих красавиц лимузенки. Я уже навел справки в Сельскохозяйственной палате^[9]. Я сам буду производить корма. Я только об этом и думаю, мам! О земле! У меня крестьянские корни, любовь к земле у меня в крови!

Мари смотрела на сына так, словно видела его впервые. Невысокий, крепкого сложения, а тонкие черты он унаследовал от нее... Это был ее Поль, однако таким воодушевленным она его прежде не видела. Обычно сдержанный и рассудительный, о крестьянском труде он говорил увлеченно, с жаром.

— Мам, ну что ты так смотришь? Можно подумать, что ты упала с небес на землю! Постарайся понять меня! Мне надоело целыми днями сидеть в костюме, галстук меня просто душит! Вспомни, отец тоже больше любил работать в поле, чем сидеть за рулем машины, исполняя обязанности управляющего. Вспомни дедушку Жака! Не думай, что я забыл, чему он учил меня, когда мы еще жили в «Бори». Больше всего мне нравилась молотба! Жак запрягал в молотилку, которую купил мсье Кюзенак, четыре коровы. В то время она казалась мне огромной — настоящее чудовище на колесах! На молотбу собирались все местные жители, а вечером, чтобы достойно закончить день, мсье Кюзенак выставлял угощение. Я никогда не забуду, как хорошо было на таких праздниках! Когда мы переехали в Обазин, я всегда охотно помогал знакомым косить сено и жать пшеницу. Я не новичок в этом деле, ты сама знаешь. В «Бори» много земли стоит под паром, там хорошие луга...

При упоминании о «Бори» Нанетт восторгалась. Слушая внука, она

тихонько бормотала что-то на пагуа. Однако старушка опасалась, что Мари может не понравиться идея сына. Поэтому она решила помочь «своему Полю».

— Мальчик знает что говорит, Мари! Не сбивай его с пути истинного! Хорошо, что он решил привести ферму в порядок. Душа кровью обливается, как вспомню заросший бурьяном огород, заброшенный птичий двор... Лора разведет курочек, мы это уже обговорили! Они станут жить, как мы с Жаком когда-то. И свежие яички у них будут, и овощи... — Нанетт дрожала от волнения. Ее узловатые пальцы без конца сплетались и расплетались. — Там им точно будет лучше, чем в городе! Делай что задумал, мой Поль! Нуждаться вы наверняка не будете!

— Спасибо, ба! Ты хорошо сказала! — отозвался довольный Поль.

— Дорогой, ты на меня не обижайся, но я не вижу тебя в роли фермера! — не сдавалась Мари. — Это изнурительный труд! И, насколько мне известно, часть земли арендует кто-то из жителей Прессиньяка?

Теперь пришла очередь заговорить Лизон:

— Это можно уладить, мам! Если заранее уведомить арендатора о расторжении договора, то уже весной Поль сможет заняться этим участком. И потом, большие площади недалеко от «Бори» сейчас под паром. Я лично считаю, что это замечательный план! И после ремонта жить на ферме будет одно удовольствие!

Венсан поторопился дать теще кое-какие разъяснения:

— Мы поможем Полю и Лоре привести дом и двор в порядок, мадам Мари! У меня есть знакомый каменщик, хороший мастер. На ферме многое придется перестроить, это очевидно. Но там у них будет гораздо просторнее, чем в Тюле!

— И ограду нужно починить, мой мальчик! — подхватила Нанетт. — Лора, тебе, моя крошка Лора, я покажу, где лучше всего сеять петрушку — под окном, с южной стороны...

Лора, которая сидела рядом со старушкой, нежно погладила ее по руке.

— Конечно, бабушка! — тихо сказала она. — Я буду благодарна за все ваши советы — касательно огорода и птицы. Мне хочется завести еще двух-трех коз, чтобы делать сыр.

Выслушав мнения всех собравшихся, Адриан наконец озвучил свое собственное:

— Как говорит пословица, «кто не рискует, тот не выигрывает», а потому, Мари, если Поль чувствует в себе силы и желание стать фермером, зачем его отговаривать? И потом, ферма — это его часть наследства, ты сама так решила. Им не придется платить за аренду, а это уже большое

дело. Мне тоже жаль, что ферма столько лет стоит в запустении!

Лора поблагодарила свекра растроганной улыбкой. Она с таким нетерпением ожидала возвращения в Прессиньяк! Ее юная робкая душа заранее предвкушала радость от встречи с родными краями. Но она молчала, поскольку право решать принадлежало супругу. Лизон высказала ее мысли:

— И детям полезнее расти на свежем воздухе! Я очень рада, что чаще буду видеть племянницу и у Пьера будет с кем играть!

Аргументы членов семьи почти убедили Мари. И все же с ноткой грусти она сказала:

— Когда вы заведете коров, то не сможете часто приезжать в Обазин. Со скотом всегда столько хлопот! Признаюсь, ваш план меня немного пугает. Он влечет за собой столько перемен!

Поль не смог усидеть на месте. Он встал и принялся расхаживать между столом и буфетом.

— Мам, пожалуйста, поверь в меня! Я, конечно, влезу в долги, ну и пусть! У меня в планах купить современную технику: трактор американского производства, сноповязалку; я приведу в порядок хлев... Я все просчитал, и у тебя нет причин беспокоиться. Ты ведь очень любишь «Бори»! Не понимаю, почему ты так реагируешь!

Мари тяжело вздохнула: мать всегда беспокоится о своих детях... Ее страхи стеной отгородили ее от остальных членов семьи. Она принялась нарезать картофельную запеканку, которую приготовила на ужин. Хрустящая корочка растрескивалась под ножом, выпуская на волю ароматы чеснока, сливок и чабреца.

Нанетт в нетерпении несколько раз стукнула ножом о край своей тарелки, так она проголодалась. Мари положила ей первый кусок. Поль, который был явно взволнован, занял свое место за столом. Он с нетерпением ожидал слов матери, и Мари об этом знала. Сделав над собой усилие, она все-таки сказала то, что он ожидал услышать с самого начала разговора:

— Дорогой, не сердись на меня! Если ты любишь землю, то, конечно, поступаешь правильно. Делай как знаешь! Я от всей души желаю тебе успеха!

На этом обсуждение закончилось, и все воздали должное картофельной запеканке и салату.

На десерт Мари подала вкуснейший пирог со сливами, купленный на ярмарке в аббатстве. Адриан предложил «отметить как следует» решение Поля и попросил Камиллу принести из погребка бутылку шампанского.

Девочка была очень рада, что все так хорошо закончилось, и не заставила себя просить дважды. Она выскочила из кухни. Мелина сорвалась следом за приемной сестрой, но у нее была другая забота — поскорее вернуться к своему щенку. Ужин показался ей бесконечно долгим.

— Юкки! Юкки, ты где?

Щенок перевернулся на спинку и радостно затыкал. Мелина подхватила его на руки и стала гладить.

— Испачкаешь платье! — предупредила сестренку Камилла. — И он сделал лужицу! Скорее берись за ведро и тряпку!

Мелина кивнула. Она была так счастлива, что у нее теперь есть Юкки, что такая мелочь не могла ее расстроить.

Прессиньяк, 20 августа 1948 года

Поль ждал своих родственников на пороге дома в «Бори». Он был в рубашке, волосы его трепал свежий утренний ветерок. При виде сына Мари затрепетала. Ей вдруг подумалось, что в этом доме под рыжей черепичной крышей, на чердаке которого ей пришлось спать несколько месяцев, происходит нечто необыкновенное. Прошлое и будущее встретились здесь перед ее изумленным взором! Ей показалось, что не Поль, а Жак, муж Нанетт, порядочный и надежный, правда, малоразговорчивый, стоит на пороге своего дома. Внезапно Мари ощутила бремя прожитых лет, чего раньше с ней не бывало. Она почувствовала себя постаревшей, в душе проснулись воспоминания обо всех пережитых потерях и горестях. Как давно ей было двадцать, когда она, жизнерадостная и полная сил, только открывала для себя жизнь...

Камилла и Мелина наперегонки бросились к Полю. Юкки несся следом и лаял своим еще слабеньким голоском.

Зеленые лимузенские просторы, казалось, дремали под жарким августовским солнцем. Плодородная земля, отдавшая людям вдоволь сена для скота, пшеницы, ржи и кукурузы, с нетерпением ждала осенних дождей. Но прежде она наделит всех еще и прекрасным виноградом, и каштанами, и дровами на зиму...

Адриан почувствовал, как рука Мари дрогнула в его руке, и внимательно посмотрел на жену. Взгляд ее был устремлен вдаль. Он слишком хорошо знал супругу, чтобы не догадаться, какие эмоции ее обуревают. Адриан нежно приобнял Мари.

— Ты в порядке, дорогая?

— О Адриан, у меня такое чувство, словно я вернулась в прошлое! Посмотри на этот колодец! Сколько воды я из него вычерпала! А лавка под

окном сломалась! И загородка для кур тоже развалилась!

Лизон и Венсан шли за ними следом, поддерживая под руки Нанетт. Одетая в черное, старушка с трудом пробиралась через густую траву, которой зарос двор, не переставая ворчать:

— Ну, что я говорила? Надо тебе поскорее очистить двор от бурьяна, мой мальчик! Во времена твоего деда Жака тут пырей не рос, а крапива — тем более!

— Конечно очищу, ба! Ну, осталось всего пару шагов! — подбадривал ее Поль.

Из дома вышла Лора в широком голубом фартуке. Волосы она убрала под платок. Маленькую Люси она оставила у своих родителей, которые жили на выезде из поселка, в полукилометре от «Бори».

— Всем здравствуйте! — звонко воскликнула она и улыбнулась. — Я успела подмести в доме к вашему приходу!

Мари не могла не заметить, какой довольной выглядит невестка.

— Здравствуй, Лора! Нечасто тебя увидишь такой веселой! — сказала она шутливым тоном. — Во всем виноват свежий деревенский воздух, готова поспорить!

— Конечно! — отозвалась невестка. — Сказать правду, я так счастлива! Нам с Полем здесь будет хорошо! Лизон, а где твои малыши?

— Я оставила их с Луизой. У моей свекрови настоящий талант — с ней они всегда послушны, как овечки! И там, наверху, сейчас прохладнее...

Услышав это «там, наверху», Мари улыбнулась. Обе молодые женщины вошли в дом следом за Полем, а бывшая сирота из «Волчьего Леса» обернулась и посмотрела на вершину холма, где виднелся большой особняк в обрамлении зелени парка — «Бори». У одной из стен дома высилась огромная ель.

Мари долго любовалась домом, потом, сжав руку Адриана, сказала:

— Странно, но, когда мне было тринадцать, я говорила так же, как и Лизон сейчас. Я жила у Нанетт, но по двадцать раз на день смотрела на «Бори», стоящий «там, наверху». Больше всего мне нравилось, когда в доме загорались окна. Как я мечтала попасть в этот прекрасный дом, который, как мне представлялось, был наполнен тысячей чудес! Однажды мое желание исполнилось. Я попала туда, но в качестве служанки. И стала жалеть о жизни «внизу», на ферме. Я так скучала по Нанетт, по Пьеру! Ах, прости меня, но это все в прошлом... Тогда я любила его как брата. Он был так добр ко мне!

Адриан прошептал растроганно:

— Не надо извиняться, дорогая! Пьер — твоя первая любовь, и ты

никогда не сможешь забыть его, тем более что он — отец твоих детей. Лизон и Поль хорошо его помнят. Ты только посмотри на Поля! Я уверен, его тяга к земле родом из детства, он видел, с какой любовью трудился его отец. Но давай все же переменим тему, дорогая. Не хочу видеть тебя грустной! У нас ведь небольшие каникулы, верно? И когда я вижу тебя в легком платье на фоне голубого неба, мне хочется схватить тебя за руку и увести в лес, где кроме нас никого не будет...

С этими словами Адриан отпустил руку Мари и обнял ее. Губы его замерли в ложбинке на шее жены, руки сжали ее талию, потом скользнули чуть ниже... Дыхание Мари участилось. Закрыв глаза, она наслаждалась тем, что желанна, но... в доме ее ждал сын и мог появиться на пороге в любую минуту. Она со вздохом высвободилась из объятий Адриана. Щеки ее порозовели, глаза сияли. Она схватила мужа за руку и повлекла за собой.

— Жаль, что у нас нет времени! — шепнула она ему на ухо. — Идем скорее в дом! Лора, наверное, недоумеает, где мы, а Поль может подумать, что я боюсь запачкаться!

Сложив руки на животе, взволнованная Нанетт со слезами на глазах осматривала жилище, некогда служившее ей домом.

— Боже мой, двадцать лет прошло, как я уехала отсюда! *Quau malur!* [10] На стенах паутина, везде сырость!

Поль кивнул. Он тоже недоумевал, почему после отъезда Жака и Нанетт никто не захотел взять ферму в аренду. От земляного пола кое-где исходил неприятный запах, и это свидетельствовало о том, что в дом заходили дикие животные.

Мари сморщила нос и указала на окно:

— Стекол в рамках давно нет, так что животные забирались в дом через окно. Нужно будет положить на пол плитку. Господи, сколько предстоит сделать, прежде чем в этом доме можно будет жить!

— А обстановка? Куда делась обстановка? — снова запричитала Нанетт. — В этом углу стояла наша кровать. А тут, у стены, — сундук. Я увезла с собой наши настенные часы, но мебель... Мебель мне пришлось оставить, хотя у меня сердце кровью обливалось. Помнишь, Мари, как ты садилась на ларь, что стоял в том углу...

— Наверное, Макарий раздал все, бабушка, — предположила Лизон.

— О, этот мерзавец мог, конечно! Вышвырнул нас из собственного дома...

Старушка, качая головой, подошла к печке. Ее деревянный колпак потемнел от многолетней службы.

— Вот несчастье на мою голову! А ведь здесь мы спали с моим Жаком.

А здесь ели суп за нашим столом! А потом садились поближе к печке и разговаривали... Это были хорошие времена, что ни говори! А мои малыши, те, что спят на кладбище, они все родились в этом доме. Бедненькие! Как я за ними плакала! Но счастье, что у меня остался мой Пьер! Он оказался крепким мальчишкой.

Последние несколько лет Нанетт не вспоминала о своих детях, умерших у нее на руках. Одну из дочерей она назвала Элиза... В память о ней Мари дала это имя своей старшей дочери, которую в семье называли не иначе как Лизон.

Сочувствуя Нанетт, Мари подошла к ней, поцеловала и сказала ласково:

— Нан, милая, тебе не следовало приезжать!

— Как это? Я очень хотела приехать! Чтобы порадовать моего Поля!

Уголки губ старушки горестно опустились, она отвернулась и стала смотреть на то место, где когда-то стоял шкаф для одежды. Поль понял, что бабушка плачет. С Нанетт это случалось крайне редко, и он расстроился. Он так радовался приезду своей «бабушки Нан», думал, что ей будет приятно увидеть свой прежний дом... Но все получилось с точностью до наоборот — Нанетт так огорчилась, что не смогла сдержать слезы. Поль чувствовал себя виноватым.

— Бабушка, милая, я понимаю, что все в этом доме напоминает тебе о прошлом, — сказал он, приобнимая старушку за плечи. — Мы с Лорой поселимся здесь, и вот увидишь, скоро на этот дом будет любо-дорого посмотреть! И мы будем в нем так же счастливы, как и вы с дедушкой Жаком!

— Мой Поль, ты славный мальчик, спасибо тебе на добром слове! Но я-то уже одной ногой в могиле, и у меня сердце разрывается, когда вижу нашу ферму неухоженной!

Странный звук, донесшийся сверху, привлек всеобщее внимание. Все подняли головы к потолку. Лора, благодаря своему музыкальному слуху, расслышала смех девочек и воскликнула испуганно:

— Господи! Камилла и Мелина поднялись на чердак! Что, если доски не выдержат? Они кое-где прогнили, да и на лестнице не хватает пары ступенек!

Мари в панике крикнула девочкам, чтобы они немедленно спустились. Они послушались, но без особой спешки.

— Мам, на чердаке так здорово! — сказала Камилла. — Там полно старых инструментов и мы нашли даже скелетик летучей мышки!

— И соломенный матрас, весь в дырках! — добавила Мелина. —

Скажи, Лора, где вы собираетесь спать? В доме нет спальни и туалета тоже!

Девочка задала этот вопрос, искренне обеспокоенная неустроенностью своих родственников, и все рассмеялись. Это разрядило обстановку. Адриан поспешил объяснить:

— Поль и Лора сначала отремонтируют этот дом, Мелина. Думаю, что им придется даже пристроить еще комнат...

— Адриан прав, — подхватила Мари. — Но я не думаю, что вы успеете закончить ремонт к зиме. Мне кажется, здесь целое море работы! Быть может, лучше перенести переезд на будущую весну?

Устав от взрослых разговоров, Камилла и Мелина решили вернуться в «Бори», прихватив с собой собачку. Поль вздохнул с облегчением, потому что возня девочек его немного раздражала.

— Теперь, слава Богу, можно поговорить спокойно! — сказал он со вздохом. — Мы с Венсаном уже все рассчитали. И даже составили проект. За этой стеной есть пристройка. Достаточно будет пробить дверь, и тогда на первом этаже у нас получится две комнаты. Потом мы починим лестницу и устроим на чердаке две спальни — одну для Люси, вторую — для нас с Лорой. И это еще не все! Площадку перед домом я хочу зацементировать и устроить там веранду. Это приятно и практично, как зимой, так и летом. Позже мы, наверное, сможем добавить еще комнат, если, конечно, дела пойдут, как хотелось бы...

Лора улыбалась и кивала, слушая мужа. Прочитав на лице свекрови сомнение, она поспешила поддержать Поля:

— Не беспокойтесь, мадам Мари! Приятель моего отца — замечательный столяр, а у Венсана есть знакомый каменщик, они сделают нам скидку! Бетонный пол мы покроем линолеумом, это не менее красиво, чем плитка, зато намного дешевле!

— Да, работы здесь много, — пробормотала Нанетт. — *Sei plan 'bracada!*^[11] Где бы мне присесть?

Венсан поспешил развернуть кусок чистой ткани, который он принес из «Бори». Он устроил Нанетт перед домом, в тени виноградной лозы, по-прежнему оплетавшей фасад.

— Час от часу не легче! — воскликнула старушка. — Смотрите, как измельчал виноград! Его надо обрезать! Жак делал отличный пикет^[12], скажи это Полю!

— Хорошо, бабушка, я передам! — кивнул Венсан. — Отдохните немного, вам станет лучше!

Осмотрев дом, они стали обходить хозяйственные постройки. Поль и

Венсан сошлись во мнении, что сарай, хлев и овчарня нуждаются только в хорошей чистке.

— Стены лучше побелить известью, — посоветовал Адриан. — Для дезинфекции. Несущие конструкции и перегородки в хорошем состоянии. И места предостаточно!

Лора с восторгом рассматривала помещение, где она планировала устроить курятник. Мари сказала, что старый курятник находился почти на том же месте, буквально в нескольких метрах. Она не смогла сдержать восклицания:

— Лора, дорогая, я тобой восхищаюсь! Что до меня, то я стала очень ленивой и понимаю, что не смогла бы уже жить той жизнью, о которой ты мечтаешь!

Она не решалась заговорить о том, что ее беспокоило, но Поль догадался. Он знал свою мать. Обняв ее за плечи, он сказал, глядя Мари в глаза:

— Мам, мы с Лорой смогли отложить кое-какие деньги. И я рассчитываю в скором времени получить ссуду в банке. Фермерство теперь приносит неплохой доход, и если у меня будет хорошая скотина, то будут и деньги. Знаешь ли ты, сколько стоит лимузенская корова с теленком?

И слова полились из уст Поля, ее некогда такого сдержанного, немногословного мальчика, неудержимым потоком. Мари слушала его, и в ее душе росла надежда, что все будет именно так, как рассказывает сын. День подходил к концу, солнце покатилося к горизонту. На соседнем поле супружеская чета с детьми собирала оставленные жнецами колосья.

Вдалеке, по дороге, со стороны Волчьего леса, вел свое стадо какой-то мужчина. Крупные рыжие коровы, покачивая рогатыми головами в такт своим шагам, брели к хлеву. Замычал теленок.

— Мамочка, здесь мне будет очень хорошо! — заявил Поль. — Вот посмотришь, все сложится как нельзя лучше. Тебе не о чем тревожиться!

Перед ними внезапно, как чертик из коробочки, возникла какая-то женщина. Мари тотчас же узнала Элоди, именовавшуюся теперь мадам Варандо. За ней по пятам следовал супруг. Он догнал ее, протиснувшись между колючими кустами, которые выросли между колодцем и грушевым деревом.

— Какой приятный сюрприз! — вскричала Элоди. — Это же Мари и бабушка Нанетт! Я не знала, что вы в Прессиньяке!

Все без особого энтузиазма обменялись рукопожатиями. Краснолицый Фирмен Варандо предпринял неловкую попытку завести разговор:

— А вот и доктор Меснье! Да, мы не очень хорошо расстались после

той скверной истории на свадьбе. А мы с Элоди решили прогуляться по тропинке, что проходит за фермой, и вдруг слышим голоса! Ну и захотели зайти посмотреть, что да как...

— Ну да, решили узнать, что за люди на ферме, — подхватила его супруга. — Я столько раз бывала тут девчонкой, что ноги меня сами сюда понесли...

Нанетт, которая обычно не стеснялась говорить на патуа то, что думает, на этот раз выругалась про себя: нежданные гости без труда поняли бы ее! Старушка спросила шепотом у Лизон:

— Чего эта парочка сует нос в наши дела?

— Чш, бабушка!

Мари теперь хотелось одного: уйти отсюда и поскорее вернуться в «Бори». Даже просто смотреть на Элоди было для нее мучением. Она стала тихонько продвигаться к воротам, когда жадный взгляд Фирмена Варандо остановился на ней. Он поспешил к ней, толкнув мимоходом собственную жену. Подойдя, он схватил Мари за руку.

— Мадам Мари, вы решили вернуться в наши края? Обязательно заходите к нам, когда будете в Прессиньяке! Такой женщине, как вы, я всегда рад! Ах, был бы я холостяком!.. И если бы мы были знакомы, когда вы овдовели... Спросите у Элоди, после нашей свадьбы я о вас частенько вспоминаю! Да уж, такую красивую женщину трудно забыть!

— Чистая правда! — подхватила его жена. — Он мне все уши прожужжал, мадам Мари! А я не ревную, он от природы бабник каких мало. Но вы же понимаете, это шутка!

Адриан, с губ которого все это время не сходила вежливая улыбка, обнял жену за талию, вынуждая тем самым Фирмена отпустить ее руку.

Элоди посмотрела на Лору, потом на Венсана и, наконец, скользнула взглядом по лицам Поля и Лизон.

— И чем вы все тут занимаетесь?

— Уборкой, мадам! — ответил Поль, у которого не было никаких причин скрывать свои планы. — Вы узнаете первыми: я скоро перееду на ферму вместе с женой и ребенком!

Фирмен громогласно заявил, что это замечательная новость. Элоди же скривилась. Похоже, известие ее не обрадовало.

— Кто б сомневался! Когда денежки водятся, почему бы и не вложить их повыгоднее... — завистливо процедила она. — Вот будет разговоров в поселке! Я знаю что говорю, Фирмен! Сын Мари переезжает жить в Прессиньяк! Если бы мне кто такое сказал, я бы не поверила!

Адриан, у которого терпение лопнуло, сказал любезным тоном:

— Поль, мы возвращаемся в «Бори». Ждем вас вечером на ужин. Мадам, мсье Варандо, мадам, всего доброго!

И, не дожидаясь ответа, он развернулся на сто восемьдесят градусов, увлекая за собой Мари, которая успела пробормотать невнятное «До свидания!». Она готова была бежать, лишь бы поскорее укрыться от прямого взгляда Фирмена, в котором читалось неприкрытое вожделение. Элоди же посматривала на Мари украдкой, ревниво и завистливо.

— Уйдем поскорее! — попросила Мари мужа шепотом.

— Бабушка, пойдем и мы тоже! — предложила старушке Лизон. — Сейчас как раз время полдника!

Нанетт считала дурной привычкой пропускать хоть какой-то из приемов пищи. Еда оставалась для нее одним из немногих удовольствий в жизни. Она в последний раз окинула взглядом ферму, встала и, сгорбившись и опираясь на руку своей самой старшей внучки, побрела к автомобилю.

— Только бы это все добром закончилось! — пробормотала она, качая седой головой.

Элоди почувствовала себя униженной таким поспешным бегством хозяев. Она проводила взглядом грациозную фигуру Мари, подсвеченную лучами заходящего солнца, и заметила, как Адриан что-то прошептал жене на ушко и поцеловал ее в шею. Это проявление нежности буквально взбесило женщину.

«Строят из себя невесть что! — подумала она, досадливо поджимая губы. — И эта Мари! Я едва дождалась, чтобы она протянула мне руку! Ну ничего, ее гордость еще выйдет ей боком!»

Лора, которой хотелось со всеми соседями быть в хороших отношениях, вежливо предложила Элоди пройти в дом. Та была польщена и, снова заулыбавшись, воскликнула:

— Ты, видать, будешь полюбезнее своей родни!

Полю пришлось стоически выслушивать болтовню Фирмена. Молодой человек пересыпал свою речь шутками, как это было принято в Прессиньяке, ведь он намеревался обосноваться здесь, на земле, которая обещала стать источником будущего благополучия его семьи. Поль прекрасно усвоил манеры и приемы, которые следует использовать страховому агенту при общении со своими клиентами; здесь же, в сельской местности, ему снова предстояло учиться, на этот раз общаться с соседями. Его будущее зависело от того, удастся ли ему стать своим в кругу местных скотоводов, будет ли он соблюдать обычаи этих людей. Задача была нелегкой, а значит, по его мнению, и очень интересной. Когда Фирмен и

Элоди наконец ушли, Поль окинул взглядом свое маленькое «имение» и радостно улыбнулся.

Глава 18

Тайный недруг

Ноябрь 1948 года

Мари погасила свет в классной комнате. Взгляд ее скользнул по пустым партам, большой карте Франции, деревянному компасу, забытому кем-то из учениц транспортиру, распятию на стене... Все было в порядке, и она могла со спокойной совестью идти домой. Было около пяти вечера, но за окном уже сгущались сумерки. День выдался пасмурным, с двенадцати часов шел сильный дождь.

«Погода по-настоящему осенняя, — подумала Мари. — Какое счастье, что завтра воскресенье! Мне так хочется отдохнуть!»

Эта суббота показалась ей бесконечной. Утром выяснилось, что у Мелины температура. Несколько дней назад девочка простудилась, и в субботу ей неожиданно стало хуже, поэтому Мари решила оставить ее дома, в тепле. Мари не находила себе места от беспокойства, хотя на большой перемене успела сбежать домой.

Она решила не задерживаться больше в школе и взяла пальто. В коридоре навстречу ей шла Мари-Тереза Берже, она жестом попросила Мари остановиться.

— Мари, мне нужно с вами поговорить! Это не займет много времени.

— Надеюсь, не случилось ничего серьезного?

— Нет, не беспокойтесь. Это касается одной вашей ученицы. Сестра Мари-дез-Анж хотела поговорить с вами о ней и попросила вас разыскать.

Мари стояла, покусывая губы, что выдавало ее беспокойство. Она сказала негромко:

— Мама Тере, а это не может подождать до понедельника? Мелина больна, и я хочу поскорее вернуться домой. Понимаете, Адриану пришлось уехать в Тюль, а на Нанетт я не могу рассчитывать. Она не в состоянии позаботиться о девочке... Со своим ревматизмом она даже не сможет подняться на второй этаж! Прошу вас, передайте сестре Мари-дез-Анж мои извинения...

— Простите, что задерживаю вас, Мари! Я не знала, что Мелина заболела. Конечно же, мы поговорим в понедельник утром. Быстрее возвращайтесь к Мелине!

Женщины обменялись улыбками. Они прекрасно понимали друг друга. Обе очень любили детей и волновались, если кто-либо из них заболел.

— Я убегаю, мама Тере! Мне очень жаль, правда... Мелина нуждается во мне! Я знаю, меня можно упрекнуть в том, что я веду себя с ней так, словно она пятилетний ребенок, Адриан часто мне это повторяет. Но ведь она такая маленькая для своих тринадцати! И я дождаться не могу, когда она вырастет... И эта смерть собачки Юкки... Девочка так расстроилась!

Мари-Тереза Берже поняла, что ее коллега, несмотря на спешку, испытывает потребность выговориться. Это ее не удивляло — ведь у доктора Меснье всегда столько работы! А с кем матери поделиться своими переживаниями и заботами, как не с другой женщиной?

— Бедный Юкки! — вздохнула мама Тере и взяла Мари за руку. — Это так грустно! Весь городок привык видеть Мелину всегда в сопровождении этого песика! Они были просто неразлучны! И она, похоже, его обожала!

Мари кивнула, на лицо ее набежало облачко грусти.

— Это правда, собачку она очень любила. Я долго не могла ее утешить. Она еще больше расстроилась, когда ветеринар сказал, что Юкки отравили! И мы не можем понять, как такое могло случиться! Наверное, за городом пес нашел кусок чего-нибудь с отравой для крыс... А может, даже в нашем саду... Адриан предположил, что кто-то из соседей, кому надоел постоянный лай, перебрал отраву через забор.

— Как такое возможно?! — возмутилась мама Тере. — Кто мог желать смерти безобидной собаке у нас, в Обазине? Все знают и любят вас, Мари, и очень уважают вашего супруга. Он — замечательный врач, преданный своим пациентам, понимающий... Вот если бы на земле было больше таких людей, как он!

Мари с задумчивым видом кивнула.

— Спасибо, вы так добры! Что ж, мне и вправду пора домой! До понедельника! Я приду на полчаса раньше, чтобы успеть поговорить с сестрой Мари-дез-Анж.

Несколькими минутами позже Мари уже переходила через площадь. Она ускорила шаг, думая о несчастном Юкки. Мелина завернула его в одеяло и держала на коленях все время, пока длилась агония. Бедное создание скулило и корчилось от боли. Ветеринару не удалось его спасти.

«Это было месяц назад, — сказала себе Мари. — Но я уверена, что Мелина часто вспоминает о нем. Она никогда не заговаривает об этом, просто не осмеливается. Слава Богу, что сегодня последним автобусом приедет Камилла. Это станет для всех нас таким облегчением...»

Мари удивилась, когда дом встретил ее полнейшей тишиной. Ей

показалось, что она очутилась в замке из сказки «Спящая красавица». В прихожей мрачно тикали настенные часы. Из кухни и из спальни Нанетт не доносилось ни звука. Нигде не горел свет, и полумрак в вестибюле совсем не казался уютным.

— Господи, как здесь страшно!

Прежде чем подняться в комнату Мелины, Мари решила придать дому более жилой вид и поспешила зажечь стоявшую на комодке красивую фарфоровую лампу, которую ей подарил Адриан. Розовый абажур моментально наполнился мягким светом, и Мари увидела, что на маленькой настенной полочке, висевшей над крючком для ключей, лежат два письма. Одно из них было в синем конверте, что удивило Мари, но не более того.

«Странно, днем я их не заметила, — подумала она. — Я была так занята, бегая между Мелиной и Нанетт! Вскрою их попозже...»

Мари сняла пальто и шляпку, потом прошла в комнату свекрови. Та дремала, сидя у печи.

— Нан, дорогая, сожжешь себе юбку!

— *Sei plan 'bracada!* — пожаловалась старушка.

Последние несколько месяцев это был ее любимый «напев» — «Я устала, сил нет больше!» Мари со вздохом обняла старушку.

— Нан, постарайся хоть немного взбодриться! Если меня нет дома, ты даже не пьешь свой цикорный напиток и пропускаешь полдник! Сейчас приготовлю тебе настоящий кофе, и очень сладкий, он придаст тебе сил! Но сначала сбегаю наверх к Мелине.

— Я слышала, как эта девчонка скакала по дому пять минут назад! Эта *bastardo*^[13] тебя надула и рада! Что угодно, лишь бы не ходить в школу!

— Нанетт! — прикрикнула на свекровь Мари. — Я уже просила тебя не называть девочку безотцовщиной! Сколько можно!

— Хочешь ты или нет, а она и есть *drollo bastardo!* Ты ведь не знаешь, кто ее отец, значит, я права! Твоя Леони была развратней, чем кошка во время течки!

Мари стиснула зубы. Характер у Нанетт стал еще хуже. Никому не удавалось призвать ее к порядку, и из-за ее ядовитых замечаний в доме часто возникали раздоры. Пытаясь справиться с раздражением, Мари поставила на поднос чашку с яблочным компотом и стакан молока и понесла все это своей приемной дочери.

Мелина вовсе не скакала по комнате. Наоборот, она смирно сидела на кровати, скрестив ноги «по-турецки». Немного бледная, в пижаме из бумазеи в розовый цветочек, она читала иллюстрированную книгу «Неделя

Сюжетты», которую ей прислала Лизон.

— Добрый вечер, дорогая! — воскликнула Мари. — Как ты себя чувствуешь?

— У меня жар, мама Мари! И совсем недавно меня чуть не вырвало. Мне пришлось спуститься в туалет.

— Быстрее ложись в постель, если так! Ну-ка, давай под одеяло! В твоей спальне не слишком жарко!

Мари поправила подушку, потом заботливо подоткнула одеяло. Мелина казалась обиженной.

— Я скучала целый день, мама Мари! Когда уже приедет Камилла? Может, она захочет поиграть со мной в «желтого гнома» или в куклы...

— Крошка моя, нашей Камилле шестнадцатый год. Не думаю, что ей захочется с тобой играть. Но ведь у тебя столько книг! Ты закончила читать «Гостиницу на Ямайке» Дафны Дю Морье? Это очень интересный роман!

— Мне не нравится читать! — пробурчала Мелина. — И... мне грустно. Я все время думаю о моем маленьком Юкки. Сегодня ночью он приснился мне, и сон был очень страшным! Он кричал, а из носика текла кровь...

Обескураженная взглядом этих печальных и таких красивых голубых глаз, устремленным на нее, Мари не сразу нашлась, что сказать. Эта девочка была так дорога ее сердцу! Время шло, и она все чаще узнавала в ней черты и даже выражение лица Леони. Это одновременно и волновало Мари, и было источником глубочайшей радости.

— Мелина, мне так же, как и тебе, жалко твоего песика! Но что тут поделаешь? Весной возьмем в дом другого, если ты захочешь.

— Нет, я хочу моего Юкки!

Мари обняла девочку и попыталась ее утешить. Она шептала ей на ушко нежные слова из тех, что бальзамом проливаются на раны, слова, которые можно услышать только от матери.

— Я тебя понимаю, дорогая! Пока тебе не хочется другой собачки, ты печалишься. Но однажды ты проснешься и поймешь, что передумала. Поймешь, что хочешь любить другое живое существо, котенка или щенка. Ты никогда не забудешь Юкки, но у тебя будет другая радость. У меня в жизни, Мелина, тоже было много горя. Лизон — не первый мой ребенок. До нее у меня родился мальчик, и я назвала его Жан-Пьер. Жан — в честь моего отца, а Пьер — в честь моего первого мужа. И случилось так, что этот прекрасный малыш, такой долгожданный, которого я уже полюбила всем сердцем, не прожил и двух дней... Я думала, что никогда не утешусь. Но вот родилась моя Лизон, и я снова стала радоваться жизни...

Мелину это признание растрогало. Она обняла Мари и поцеловала в щеку.

— Ты тогда, наверное, много плакала! — прошептала она. — Бедная мамочка Мари! Но ведь Люси и Пьер не умрут, правда?

— Нет, конечно! С малышами Лоры и Лизон все хорошо. Обещаю, что скоро мы поедem их навестить!

Мари поцеловала приемную дочь в лоб и встала. Глядя на нее, такую трогательную в своей постели, она в очередной раз поразилась противоречивому характеру девочки. Мелина испытывала сложности в общении со взрослыми. Она все еще опасливо относилась к Нанетт и Адриану, но малышей — Люси, дочку Поля, которой недавно исполнилось полгода, и ее двоюродного братика, маленького восьмимесячного Пьера, — просто обожала. Мелина с бесконечной нежностью и интересом вслушивалась в их лепет, с удовольствием с ними возилась при первой же возможности.

— Мама Мари, можешь еще немного побыть со мной?

— Нет, дорогая, мне нужно приготовить ужин. Адриан вернется, как обычно, голодный и очень уставший. Я принесу тебе наверх супа и омлета с белыми грибами. Сегодня утром Жан-Батист Канар дал мне целую корзинку. Это мои любимые грибы! Так что омлет получится — просто объедение! Я попрошу Камиллу к тебе зайти, как только она приедет. Почитай еще немного, мне это будет очень приятно!

— Хорошо, — пообещала Мелина. Было видно, что она успокоилась. — Скажи, если я дочитаю эту книжку про Ямайку, ты поведешь меня в кино, когда мы снова поедem в Тюль?

Мари засмеялась. Ее приемной дочери стало лучше, в этом не могло быть никаких сомнений! Девочка всегда умела выторговать какую-нибудь привилегию за каждое свое усилие, будь то даже просто чтение книги!

Мелина открыла для себя чудо кинематографа, посмотрев «Детей рая» — фильм, который в год своего выхода, а было это в 1945-ом, имел огромный успех. Его показывали и в Тюле, и Мари устроила девочке сюрприз — свозила ее посмотреть фильм. С тех пор Мелина только и говорила, что о кино. И хотя обычно ей никак не удавалось запомнить основные даты из истории Франции, имена актеров она знала назубок: Арлетти, Жан-Луи Барро. И даже имя режиссера запечатлелось в ее памяти — Марсель Карне.

— Если будешь очень послушной... может быть! Я прочла статью об одном американском фильме, он называется «Верная Лесси». Это фильм о собаке пастушьей породы — о колли. Он бы тебе понравился.

Мелина с энтузиазмом согласилась и быстренько схватила одну из лежавших на прикроватном столике книг. Потом она очаровательно улыбнулась Мари, и та, успокоенная, вышла из комнаты.

«Теперь я займусь ужином! — сказала себе Мари. — Он должен быть готов к приезду Камиллы и Адриана!»

Она усадила Нанетт поближе к печке, на знаменитом стуле, который старушка так любила. Какое-то время она не отрывалась от кастрюль и сковородок. Но как только суп был поставлен на маленький огонь, яйца взбиты, а белые грибы — вымыты и нарезаны тонкими ломтиками, она решила немного отдохнуть и прочесть письма.

Она взяла их с полки в вестибюле, вернулась в кухню и устроилась в двух шагах от Нанетт. Старушка очень любила эти моменты совместного отдыха, когда они вдвоем с Мари сидели в кухне возле теплой печки и вдыхали ароматы готовящихся блюд. Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что кухня — нечто намного большее, чем место, где готовится пища. В этом женском царстве плетутся интриги, передаются от поколения к поколению накопленные знания, поверяются секреты... Когда работают руки, легче развязываются языки... Сердце дома очень часто бьется именно в кухне, и так было с незапамятных времен. В семье Меснье дело обстояло именно так.

— Смотри-ка, нам пришло письмо из Брива! Наверняка от Поля! — воскликнула Мари. — Нан, он прислал нам фото Лоры и Люси, посмотри, какое замечательное! Их сфотографировали в Прессиньяке, перед церковью. Теперь я вспомнила! Это было летом, когда мы были там в последний раз!

— Не знаю, где мои очки! — пожаловалась Нанетт. — *Quau malur!* Не ищи, я посмотрю на фотографию попозже. И что нам пишет мой Поль? Он уже живет на ферме?

— Ну как же он может жить на ферме, Нан, дорогая! Я буквально вчера тебе объясняла, что ремонт еще не закончен. Поль запланировал переезд на март. И это разумно.

— Меня уже не будет на свете весной, это я тебе точно говорю! С моим коленом и этой болью здесь, в груди, я уже ни на что не гожусь!

— Нан, я не хочу даже слушать твои глупости! Адриан осматривает тебя каждую неделю и не находит у тебя ничего страшного. А на втором письме штамп Лиможа... Посмотрим, что нам оттуда пишут...

Нанетт поворошила угли в печи. Ей было очень интересно знать, от кого второе письмо. Пауза настолько затянулась, что старушка встревожилась. Выпрямившись, она посмотрела на Мари. Та не отрывала

взгляда от письма. Лицо ее прямо на глазах менялось — его заливала неестественная бледность.

— Ну что там, в этом письме? Ты сама не своя!

— Ничего интересного, — пробормотала Мари и поспешно сложила листок.

— А мне все равно интересно! И я знаю тебя, дочка! Когда у тебя такое лицо, значит, тебя что-то сильно расстроило!

Мари спрятала письмо в кармашек фартука и встала.

— Не тревожься, моя Нан! В письме нет ничего страшного. Сейчас принесу твои очки.

Оказавшись в столовой, Мари с глубоким вздохом опустилась на стул. Ноги у нее внезапно стали ватными, по шее стекла струйка холодного пота. Она внимательно перечла несколько отпечатанных на пишущей машинке строк в надежде, что не так все поняла. Нет, этого просто не может быть! Это чья-то злая шутка! И все же гнусные слова никуда не делись с листа бумаги.

Доктор Меснье — не тот, кем вы его считаете! Он — мерзкий коллаборационист и должен заплатить за все! Недолго ему осталось жить на этом свете! Смерть всем коллаборационистам! Смерть доктору! Смерть жене коллаборациониста!

— Господи, что это значит? — пробормотала Мари. — Кто мог прислать нам эту гадость? Адриан — коллаборационист? Какая нелепость!

Хлопнула входная дверь — кто-то пришел. Наверняка это Камилла! Только у нее и у отца были ключи от дома. Мари быстро спрятала письмо обратно в кармашек фартука и, постаравшись изобразить на лице радость, поспешила в вестибюль.

— Мамочка! — воскликнула Камилла. — Я всю неделю жду этого субботнего вечера! Так приятно снова вернуться домой, к вам всем!

Девушка поставила на пол свои чемоданчик и портфель, бросилась на шею матери и расцеловала ее в обе щеки. Мари с удовольствием принимала ласки дочери, и все же от Камиллы не укрылась ее непривычная сдержанность. Женская интуиция ее не обманула.

— Что с тобой, мамочка? Ведь ничего плохого не случилось, правда? Бабушка в порядке? А папа? Ну конечно, Мелина ведь болеет...

— Не волнуйся, все чувствуют себя хорошо, — успокоила дочку Мари. Она упрекала себя в том, что так серьезно отнеслась к этому жалкому поклепу. — Я тоже очень рада, что моя взрослая дочь вернулась домой!

— А где Мелина? — удивилась Камилла. — Обычно она ждет меня на площади, на автобусной остановке...

— Она простудилась, и у нее еще держится небольшая температура. Твой отец велел ей оставаться в постели. Сходи поздоровайся с ней, она будет рада!

Камилла без возражений побежала наверх, прихватив свои вещи, чтобы по пути занести их в свою комнату.

Стоило Мари остаться одной, как она снова погрузилась в раздумья. Она пришла в смятение и не могла решить, как себя вести. Кто мог написать этот пасквиль? И зачем? Нужно ли ей рассказать об этом домашним? Но если да, то кому? И как отнестись к этому письму? В нем ведь только ложь, приправленная угрозами... А что, если просто его сжечь? Тогда никто ни о чем не узнает и вечер не будет испорчен...

У нее появилось отвратительное ощущение, получившее в психологии название «дежавю» — «уже виденное»... Подобные послания были в ходу в конце Второй мировой, люди сводили счеты друг с другом.... В то время, когда страна медленно поднималась на ноги после пережитого ужаса, находились «благонамеренные граждане», которые доносили на соседей, друзей, коллег... исходя всего лишь из собственных предположений или просто из зависти. Разве можно упустить шанс быстро и легко избавиться от того, кто мешает? Тогда обвиняли только в одном — в сотрудничестве с фашистами. Франция едва-едва обрела свободу, как стали швырять в тюрьму или даже ставить к стенке мужчин, доказательств вины которых не было. Женщин стригли наголо и выставляли на позор в общественных местах, таскали по улицам с плакатом на шее, чтобы каждый желающий мог унижить и оскорбить их, плюнуть им в лицо, ударить, бросить в них камень... Столько злобы, столько льющейся через край ненависти!

Мари вздрогнула. Она ощутила страх, невзирая на то, что решила ему не поддаваться. Она должна быть выше этого, не позволять подобной низости отравлять себе жизнь... Мари сделала глубокий вдох, ища в себе силы, чтобы противостоять злу.

«Этому нет объяснения! — подумала она. — Камилла ничего не должна знать. И Нанетт! Я расскажу только Адриану. И, насколько я его знаю, это ему совсем не понравится!»

Нанетт все еще дожидалась возвращения невестки. Потеряв терпение, она позвала:

— Ну, ты нашла очки, моя курочка? Я слышала разговор, это наша Камилла вернулась?

— Да, Нан! Она сейчас придет тебя поцеловать. Еще минутку, и я приду к тебе!

Она и так задержалась. Нужно сделать вид, будто ничего не случилось,

чтобы вечер шел как обычно... В противном случае проницательная Нанетт сразу заметит ее состояние.

В этот момент в кабинете Адриана раздался телефонный звонок. Мари вздрогнула. Как же пронзительно звонит этот проклятый телефон!

«У меня нервы на взводе! — со вздохом подумала она. — И я никак не могу привыкнуть к этому звонку».

Расстроенная Мари подошла к телефону и подняла трубку. Каково же было ее удивление, когда она услышала голос мужа.

— Адриан?

— Мари, хотел тебя предупредить, что сегодня вернусь позже, чем планировал. Я в карьере Даниэля. Один из мастеров Жана-Батиста ранен, и мне придется отвезти его в Тюль, в больницу. Обо мне не беспокойся, буду дома через пару часов.

Адриан пробормотал ласково «до встречи», и связь оборвалась. Мари аккуратно положила трубку на черный бакелитовый аппарат.

Она была разочарована: ее муж придет не раньше чем через два часа, и, конечно, очень усталый, а ведь ей именно сейчас так необходима его поддержка! Показывать ему это отвратительное письмо сразу, как только он вернется, — не лучшая идея. И все же только он один сможет выбрать правильную линию поведения. Адриан наделен свыше способностью рассуждать здраво и находить верное решение... даже в самых сложных ситуациях.

«Может, мне все-таки сжечь это письмо? — подумала она. — Ведь тот или та, кто написал эти гадости, обвиняет именно Адриана! Сейчас ему только этого не хватает! Уничтожить эту гнусность — вот самый простой выход...»

Однако она колебалась. Поступить так означало нарушить их с Адрианом обещание: не иметь больше никаких секретов друг от друга!

Камилла спускалась по лестнице, и звук ее шагов вывел Мари из задумчивости. Девушка еще со ступенек спросила:

— Я слышала телефонный звонок. Кто это был?

— Твой отец. Он вернется поздно. А раз так, идем накрывать на стол. Сегодня для разнообразия поужинаем в кухне. Зато и убирать придется меньше!

Камилла по-детски обрадовалась этой новости и все же добавила с гримаской огорчения:

— Если бы Мелина не задержала меня наверху, я бы успела поговорить с папой и поздороваться с ним. А так я не смогу его обнять до самого утра! И я обожаю отвечать по телефону, это так забавно! Знаешь,

мои подружки мне завидуют, не у многих из них дома есть телефон...

— Этим нечего гордиться, Камилла! — оборвала ее Мари. — Меня, к примеру, этот аппарат доводит до сумасшествия. Иди поздоровайся с бабушкой, она тебя давно ждет!

Камилла была рада увидеть старушку. Обменявшись поцелуями, они принялись болтать, в то время как Мари мыла листья салата и присматривала за жарящимися на краю плиты грибами. Скоро аромат белых грибов, приправленных петрушкой и чесноком, распространился по всему дому. Это напомнило Мари другие осенние вечера, более спокойные, когда такая же сковорода на краю плиты дожидалась возвращения Адриана, приход которого служил сигналом к началу ужина.

«Мы так счастливы! — подумала Мари, и сердце ее дрогнуло. — Но это не может длиться вечно! Наверное, кого-то это раздражает до такой степени, что он решился написать все эти гадости... Каким нужно быть злобным, чтобы опуститься до такого!»

Девушка отметила про себя продолжительное молчание матери, которая обычно принимала участие в разговоре и расспрашивала, как прошла неделя в лицее. Она решилась задать вопрос:

— Мам, о чем ты задумалась?

— Ни о чем, дорогая! Все хорошо... Жаль только, что твой отец до сих пор не вернулся. Ужинать всей семьей так приятно, правда? Что ж, вот все и готово! Садитесь за стол!

***

Часы пробили половину десятого. Дом, казалось, заснул. Ни лучика не просачивалось сквозь ставни на окнах второго этажа. Мари ждала возвращения мужа в столовой. Она вышла в вестибюль, как только щелкнула «собачка» дверного замка. Наконец Адриан дома!

— Ты до сих пор не легла? — удивился он при виде жены. — Впрочем, мне очень приятно, что ты меня ждешь, дорогая!

— Бедный, ты, наверное, умираешь от голода! — с беспокойством сказала Мари. — У тебя такой усталый вид!

— Не беспокойся, я перекусил у Жана-Батиста перед поездкой в Тюль. Иди лучше ко мне, я тебя поцелую...

Мари вздохнула с облегчением и поспешила в объятия мужа. Потянувшись к нему, она подарила ему долгий поцелуй. Какое это все-таки счастье — ощущать его рядом!

— Милая, какая ты ласковая сегодня! — прошептал Адриан. — Что-то случилось?

— Ты угадал, нам нужно поговорить. Но давай пройдем в кухню. Я приготовила ромашковый чай.

Адриан обнял супругу за талию, и они вместе вошли в кухню. Мари разлила чай в чашки и присела рядом с Адрианом. Достав из кармана письмо, она положила его на стол.

— Я получила это сегодня. Сначала хотела сжечь, но передумала. Прочти, и ты сам все поймешь.

Адриан взял в руки листок и быстро пробежал глазами эти несчастные несколько строчек. Реакция не заставила себя ждать.

— Святые небеса, какая невообразимая мерзость! Бедная моя, тебя, наверное, это шокировало!

— Да, я очень расстроилась! Признаюсь, мне пришлось перечитать несколько раз, прежде чем до меня дошел смысл этого. Я не могла поверить своим глазам! Это так зло и так глупо... Кто-то осмелился бросить тебе в лицо такое оскорбление, написать такую ересь... Просто слов нет! На конверте штамп Лиможа. Я не понимаю... Почему? И кто?

— Вот это главное! Кто ненавидит меня до такой степени? — громыхнул Адриан. — Это серьезно, Мари, очень серьезно! Думаю, я сообщу об этом письме в жандармерию. Ужасы войны слишком свежи в памяти, чтобы воспринимать такие писульки как шутку! Анонимное письмо... Какая подлость! Пусть бы этот аноним пришел и в лицо сказал мне, что я — коллаборационист!

Мари не удалось скрыть своего удивления. Она не думала, что Адриан отреагирует подобным образом.

— Дорогой, успокойся! И на твоём месте я бы не стала идти в жандармерию. Закончится тем, что весь городок узнает об этом!

— И что? — отозвался Адриан. — Кто поверит в эту ересь? Я — коллаборационист! Да уже в войне 1914 года я носил на рукаве повязку Красного Креста! И присоединился к Сопротивлению, как только у меня появилась возможность! У меня масса свидетелей! Все знают, как я жил и что делал, и скажут свое слово в мою защиту!

Не помня себя от ярости, Адриан встал, он просто не мог больше сидеть на месте. Кружа по кухне, он пытался успокоиться, взять себя в руки. Ему хотелось ударить того, кто осмелился так его оскорбить, но, ввиду отсутствия такой возможности, его гнев мог обрушиться на любой безобидный предмет. Адриан довольствовался тем, что пнул ногой дверь.

— Адриан, прошу, не расстраивайся так! Никто не сомневается в твоей порядочности! Послушай, будет лучше, если мы сожжем этот поганый листок и все забудем!

— Ни за что! — серьезно ответил доктор. — Не проси меня забыть об этом. Я имею право знать, кто называет меня коллаборационистом, и я не отступлюсь. Пусть только мерзавец, который это написал, попадется мне на пути!

Увлеченные разговором, они не услышали, что по коридору шелестят подошвы мягких тапок. В кухню вошла, кутаясь в халат, Нанетт. Она выглядела непривычно с гладко зачесанными волосами и без своего чепца. Она по очереди посмотрела на обоих и спросила хрипловатым голосом:

— И чего это вы раскричались в такое время? И кто этот «коллабо», про которого вы говорите?

— О нет! — воскликнула Мари со вздохом.

Адриан с трудом поборол искушение призвать в свидетели Нанетт, чью манеру говорить правду в глаза всегда ценил, но, посмотрев на испуганную жену, предпочел промолчать.

— Нан, дорогая, возвращайся в постель! Прости, что мы тебя разбудили! Мы говорили об оккупации, об этой проклятой войне...

— Может, я и старая, но из ума не выжила! — буркнула в ответ Нанетт. — И еще не оглохла! Что тут не понять? Кто-то обозвал Адриана «коллабо»!

Нанетт и при обычных обстоятельствах было трудно провести, а сейчас не стоило даже и пытаться. Мари, скрестив руки на груди, стала объяснять:

— Нан, я сегодня получила письмо. Оно напечатано на машинке, и в нем всего несколько строк — Адриана обвиняют в коллаборационизме. И угрожают ему смертью. И мне тоже. Но мы же не станем принимать это всерьез! По-моему, эти угрозы — просто вздор. Во всем этом есть что-то... детское. Может, кто-то из местных детей наслушался всяких глупостей и решил так над нами подшутить?

— Ребенок — и написал такое? — с иронией спросил Адриан. — Интересно было бы узнать, что это за дитя, которое развлекается тем, что угрожает смертью порядочным людям?

Нанетт, прищурившись, качала головой. С минуту она молчала, потом поделилась своими соображениями:

— Я думаю, это дело рук той же гадины, которая отравила собаку нашей младшенькой! Кто-то вас ненавидит, это точно! Вспоминаю, как у нас в Прессиньяке, еще до рождения моего Пьера, один парень отравил всех кошек в поселке, чтобы отомстить девушке, которая ему отказала!

Мари с сомнением посмотрела на старушку и нахмурилась. То, что мелочность и жестокость присущи некоторым представителям рода

человеческого, не укладывалось в ее голове. И все же она в своей жизни сталкивалась и с ненавистью, и с завистью...

— Нан, письмо пришло из Лиможа. Это доказывает, что между этими угрозами и смертью Юкки нет никакой связи. Послушай, уже поздно, иди спать, поговорим об этом завтра. И прошу, ни слова девочкам! Не нужно им об этом знать.

— Я не вчера на свет родилась, моя курочка! И не стану говорить при детях о такой ерунде! Спокойной ночи!

— И ты спи спокойно, моя Нан!

Мари и Адриан вскоре тоже покинули кухню. То, что Нанетт услышала их разговор, было к лучшему. По-лимузенски практичная, старушка расставила все на свои места, а ее замечание относительно собачки, возможно, имело смысл.

Уже в постели они еще долго разговаривали. Оба все еще находились под впечатлением: он никак не мог успокоиться, она продолжала принижать значимость происшествия, опасаясь, как бы это ужасное письмо не разрушило их счастья.

И оба не подозревали, что это только начало...

На следующее утро, довольно рано, Мари вышла за покупками. Дождя не было, робко выглянуло солнышко. Погода стояла довольно теплая для ноября. Одетая в бежевый плащ с пояском, Мари неторопливо шла по улице, наслаждаясь прекрасным утром. Деревья уже потеряли все свои листья и все же оставались красивыми; спокойно струилась вода в фонтане.

Сначала Мари зашла в бакалейную лавку, принадлежащую семье Милле. Там, помимо прочего, можно было купить газеты и табак. Хозяйка, обычно такая приветливая, бросила лишь пару слов, не отводя глаз от кассы. Доброжелательная по натуре, Мари обычно обменивалась с продавцами в магазинчиках парой любезных банальностей или шуток. Жителям такого маленького городка всегда было о чем поговорить: о дожде и о хорошей погоде, о последних слухах, о чьей-то грядущей свадьбе, о сообщениях прессы... Поэтому сухое приветствие бакалейщицы ее удивило, однако не помешало послать той на прощанье очаровательную улыбку.

— До свидания, мадам Милле! У вас ничего не случилось?

Но та лишь скорчила непонятную гримасу.

Мари направилась в булочную. И здесь ее жизнерадостную учтивость погасили настороженные взгляды и вежливые, но сухие ответы.

На этот раз она не на шутку обеспокоилась.

«Господи, что такого страшного случилось за ночь в этом городке? —

подумала она, выходя из лавки. — Насколько я знаю, никто не умер... Мне об этом сообщил бы первый же встречный, как это обычно бывает!»

На противоположной стороне дороги она увидела мужчин, которые дружелюбно ей улыбались. У Мари сразу же стало легче на душе. Это были Марк Лажуани, отец Амели, и Жан-Батист Канар. Они что-то тихо обсуждали, но стоило Мари подойти, как мужчины замолчали.

— Здравствуйте! Наверное, спешите в кафе «Сюдри»? Сегодня воскресенье, и вас там заждались! — пошутила она.

— Доброе утро, мадам Мари! — сказал Жан-Батист, протягивая руку.

— Как поживаете? — спросил Марк Лажуани, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Спасибо, хорошо! — ответила Мари.

Она отметила странное выражение лица Жана-Батиста.

Тот кашлянул, потом открыл было рот с таким видом, словно собирался сказать что-то важное, но передумал и пробормотал невнятно:

— А наш славный Адриан как поживает?

— Могло бы быть и лучше, — со вздохом ответила Мари. — Что ж, оставляю вас, господа. Я еще не все купила.

Мари улыбнулась на прощанье и пошла в сторону мясной лавки. Мужчины проводили ее многозначительными взглядами.

— Я не смогу заговорить об этом первым! — шепотом сказал Марк Лажуани.

— А я переговорю с доктором. В понедельник, — добавил Жан-Батист Канар. — При таком разговоре женщинам лучше не присутствовать.

К счастью, Мари ничего этого не слышала. Когда она вошла в мясную лавку, Мари-Эллен как раз нарезала мясо. Звон дверного колокольчика заставил ее поднять голову. При виде Мари она с встревоженным видом бросилась в подсобку и стала звать мать. Мари удивилась — ни привычных слов приветствия, ни банального «простите»...

«Да что такое происходит? — спросила себя она, по-настоящему встревожившись. — Мари-Эллен никогда не вела себя так невежливо со мной! А, вот и она!»

Девушка вернулась в сопровождении своей матери Ирэн, на которой был белый рабочий халат. Та сразу же заговорила:

— Мадам Мари, очень рада вас видеть! Не сердитесь на Мари-Эллен, я велела ей сразу же позвать меня, если вы зайдете. Поймите, девочка так расстроилась...

Мари удивленно смотрела на своих друзей, а те отвечали ей сочувствующими взглядами. Ирэн обошла прилавок, решительным шагом

прошла к входной двери и заперла ее на ключ.

— Мадам Мари, если бы вы только знали! Вчера утром с первой почтой мы получили письмо. Я была возмущена до глубины души, уверяю вас!

Не зная, что добавить, взволнованная Ирэн вынула из кармашка конверт и протянула его Мари.

— Скорее читайте! Это такая мерзость! Увы, не мы одни получили такое письмо!

С остановившимся сердцем Мари развернула листок бумаги. Строчки были тоже напечатаны на пишущей машинке, но слова были другими:

Доктор Меснье — не тот, за кого себя выдает. Тот, кто вас лечит, работал на врага во время войны. Он — убийца. У нас есть доказательства его преступлений. И его жена, Мари Меснье, ничем не лучше! Она всех вас презирает и бесстыдно выставляет всем напоказ свою внебрачную дочку! Не страшно ли вам доверять такой своих собственных детей?

На этот раз удар пришелся в самое сердце. Стиль письма был более непринужденным, обвинения — конкретными.

— О Господи! — пробормотала Мари глухо. — Ирэн, дорогая, и ты, Мари-Эллен, надеюсь, вы не верите в эти ужасы?

— Конечно нет, мадам Мари! — сказала девушка. — Я просто не осмелилась сразу сказать вам, когда вы пришли. Я бы расплакалась. Страшно подумать, что вас так оскорбляют!

— Странно даже, что вы спрашиваете об этом! — пылко произнесла жена мясника. — Неужели вы думаете, что я могла бы поверить в такую чушь? Я ведь очень долго вас знаю, вас и вашего супруга! Но... Это необъяснимо... Чем больше люди делают добра другим, тем больше их за это не любят!

У Мари пересохло в горле. Она читала и перечитывала строчки письма, словно надеялась увидеть за ними лицо своего недруга.

— Я правильно поняла, Ирэн? Вы говорите, что и другие получили такие же письма? — пробормотала она.

— Такое же письмо пришло в скобяную лавку, в бакалею Милле, Лонгвилям... Ну, и в булочную, конечно! Это очень странно! Видите ли, такие обвинения... они... заставляют людей сомневаться. Люди начинают спрашивать себя: а что, если... Кстати, Жан-Батист Канар только что был здесь, и он уже в курсе!

— Но... Я его встретила по пути сюда, и он ничего мне не сказал! Он должен был меня предупредить! — воскликнула Мари.

— Наверное, он просто не решился, — предположила Ирэн Дрюлиоля.

— Если Жаннетт узнает о том, что кто-то доставляет вам неприятности, она очень расстроится! — добавила Мари-Эллен.

— И что вы с супругом планируете предпринять? — спросила Ирэн.
— Могу вас заверить, сегодня в кафе «Сюдри» разговоры будут только об этом! Скоро о письмах узнает весь городок! И, вы сами понимаете, у нас в Обазине найдутся такие, кто попадет на эту удочку! Завистников у нас немало...

Мари кивнула, она просто не знала, что сказать. Теперь ей стало понятно поведение торговцев, их смущенные взгляды, неловкое молчание... Огромная тяжесть легла ей на грудь, мешая дышать. Мари казалось, что это кошмарный сон. Набрав в грудь побольше воздуха, она сказала:

— Вчера мы тоже получили письмо. Такая же бумага, та же пишущая машинка... По крайней мере, мне так кажется... И такой же, как у вас, голубой конверт, отправленный из Лиможа. Все письма пришли оттуда же, вне всяких сомнений. Мы с Адрианом долго думали, кто может до такой степени нас ненавидеть, но у нас нет никаких предположений. А теперь мне пора, нужно все рассказать мужу... Ирэн, не могли бы вы дать мне это письмо? Я хочу показать его Адриану.

— Конечно, мадам Мари! Мне оно точно не нужно. И не переживайте так! Кстати, вы ведь хотели что-то купить?

— Уже не помню... Я зайду попозже. Простите!

Мари поспешно вышла из магазина, словно спасаясь бегством. Она вбежала в дом и направилась напрямиком в кабинет Адриана, даже забыв постучать. Муж как раз перебирал свои лекарства.

Глава 19

Клевета и сомнения

— Дорогой, ты только прочти это! — пробормотала Мари, протягивая мужу сложенный вдвое листок. — Все еще хуже, чем можно было предположить. И это уже не шутки! Ирэн Дрюлиоль получила это письмо, и все торговцы в городке — тоже. И, кто знает, может, и все наши друзья, и мэр... Нужно быть готовыми ко всему! Кто-то ненавидит нас и хочет нас уничтожить!

Адриан стиснул зубы, сжал кулаки. Мари умоляюще смотрела на мужа, словно надеясь, что он совершит чудо. Ее испуганный взгляд приводил Адриана в отчаяние, ведь он не знал, что сказать ей в утешение. Он ощущал свою беспомощность, не представляя, что можно предпринять в этой ситуации. И самое худшее — было непонятно, какую цель преследует их недруг. У доктора никогда не было явных врагов, у его супруги — тоже. Их жизнь текла спокойно, не создавая вокруг себя волн. А раз так, то к чему все это? Кому выгодно чернить их имя?

Мари упала в кресло. Силы оставили ее.

— А что, если люди станут оскорблять Мелину? — с дрожью в голосе предположила она. — Это невыносимо! Представляешь, какие будут последствия? Я знаю в Обазине не одну кумушку, которая с удовольствием в глаза назовет девочку безотцовщиной!

— Мари, прошу, возьми себя в руки! Я понимаю, ты взволнована, но сейчас самое важное — все как следует обдумать. Мы должны каким-то образом найти виновного. Я уверен, мы знаем этого человека! Прятаться с нашей стороны было бы грубой ошибкой; тогда люди станут всю трепать языками и придут к выводу, что нам есть чего стыдиться. Нет, мы должны вести себя как обычно и ходить с гордо поднятой головой. Нам не в чем себя упрекнуть! Я как раз собирался сходить в кафе «Сюдри» и я пойду, посмотрю, как меня там встретят. Знаешь, эта история напомнила мне «дело анонимщика»!

— Какого анонимщика? — переспросила удивленная Мари.

— Это было в Тюле, в 1921-ом. Целый год в городе только и говорили, что об этих письмах. Семья начальника одной конторы стала получать анонимные письма. Оказалось, что их автор — молодая особа, без ума

влюбленная в своего шефа. Но тот не подозревал об этом, он был влюблен в другую девушку, тоже свою коллегу. Гнев, ревность, желание мстить... В общем, в голове тридцатилетней Анжель Лаваль родилась идея посылать такие вот письма. Но скоро дело получило совсем другой размах. В августе 1921-го на двери муниципального театра в Тюле появился листок, на котором были поименно перечислены все пары, состоявшие во внебрачных отношениях. Разразился скандал, и полиция пришла к выводу, что это — тоже дело рук Анжель Лаваль. Неужели ты никогда об этом не слышала?

Мари передернула плечами:

— В 1921-ом был еще жив мой отец и мы все жили в «Бори». Может, до нас и долетели какие-то отголоски, но я не припоминаю. Возможно, я слышала, но потом забыла... И чем закончилось это дело?

— Громким процессом в 1922 году. В Тюль приехало много парижских журналистов. Анонимщицу признали виновной, но суд при вынесении приговора учел «смягчающие обстоятельства». — Адриан невесело вздохнул. — Тот, кто пишет эти письма, наверняка бывал в Обазине, иначе откуда бы ему знать адреса местных торговцев? И все же кто может до такой степени нас ненавидеть? Кто?

Несколько минут оба молчали. Адриан вспоминал своих соратников по Сопротивлению, потом перебирал в памяти имена многочисленных пациентов. На Мари, которая тоже вспоминала всех своих знакомых, вдруг снизошло озарение:

— Элоди, это дело рук Элоди! Она ненавидит меня, я это знаю! Вспомни, на своей свадьбе она назвала тебя убийцей!

— Говоришь, Элоди... Но этого просто быть не может! Ты сама рассказывала, что она едва умеет писать. А в этих письмах нет ни единой орфографической ошибки, да и стиль не тот, каким могла бы изъясняться такая женщина, как Элоди... Нет, это не может быть она. И потом, Элоди никуда не выезжает из Прессиньяка. Лизон и Венсан нам не раз об этом говорили. Она ни за что бы не оставила свой наблюдательный пост возле «Бори»! Нет, человек, который ополчился против нас, — это кто-то поумнее, чем Элоди, и живет он где-то поблизости. Иначе как ты объяснишь намек на Мелину? Только жители Обазина знают, что мы удочерили девочку!

— Да, ты прав! У Элоди злой язык и она завистливая, но чтобы повернуть это дело с письмами... Для этого она недостаточно хитра. Но то, что говорится в письме о Мелине, — это просто ужасно! Теперь люди будут думать, что она — моя родная дочь, которую я сначала бросила, а потом забрала! Прощай моя репутация преподавателя!

— Никто не поверит в эти бредни, дорогая!

Мари вдруг вскочила на ноги, подбежала к двери и прижалась к ней ухом. Обернувшись, она прошептала:

— Тише! Девочки спускаются по лестнице! Сходи в «Сюдри», если считаешь, что это стоит сделать. Я же найду занятие для своих рук и головы, иначе совсем расклеюсь. Я и так не знаю, на каком я свете...

Адриан ласково обнял жену. Ему хотелось бы утешить ее, уверить, что все уладится само собой, но... он в этом сомневался. Этот поклеп мог серьезно попортить им жизнь. Он нежно поцеловал Мари и шепнул ей на ушко:

— Будь сильной, моя любовь! Мы не одиноки, помни об этом! К счастью, у нас есть друзья, настоящие друзья!

Мари смахнула набежавшие слезы и тихо сказала:

— Возвращайся поскорее! Я так нуждаюсь в тебе! Я люблю тебя...

***

Адриан вернулся через час и сразу же поднялся в спальню, где Мари как раз меняла простыни. Она, взглянув на мужа, спросила с беспокойством:

— Ну что?

— Что... Я разочарован, если не сказать больше! Сначала люди не решались со мной заговорить, рассказать открыто о том, чем были заняты их головы. На меня смотрели искоса, морщились, перешептывались... А я все это терпеть не могу, ты меня знаешь!

Мари подбежала к Адриану и обняла его.

— Но ведь там были Жан-Батист Канар и мсье Лажуани, верно? — шепотом спросила она. — Что они говорят?

— Разумеется, они на нашей стороне! Они рассказали мне о полученных письмах и посоветовали не забивать себе этим голову, не обращать на писульки внимания. А я, который собирался во всеуслышание заявить, что все это — подлая клевета, я... не осмелился это сказать. Словно побоялся нарушить некий обет молчания... Меня избегали, и это напомнило мне о войне. Мари, как эти люди, которых я столько лет лечу и которые нас хорошо знают, могут сомневаться в нашей порядочности?

— Они не сомневаются, дорогой! Они смущены и, конечно, обеспокоены! Представляю, что ты почувствовал! Сегодня утром, когда я ходила за покупками, я ощутила себя чужой в этом городке!

Они обнялись и оба закрыли глаза, словно пытаясь укрыться от всех в своей любви. Мари так хотелось вдруг проснуться и осознать, что вся эта

история с письмами — лишь дурной сон...

— Дорогая, послушай меня! — сказал Адриан. — Мы должны продолжать жить как обычно. Давай насладимся этим днем отдыха! Камилла приезжает домой только на выходные, поэтому не будем портить ей и себе настроение! Я сегодня не работаю, и, надеюсь, срочных вызовов не будет. А если тебе понадобится выйти из дому по делам — веди себя как всегда! И смотри людям в глаза. Помни: нам не в чем себя упрекнуть. Ты ведь сама понимаешь: подобные анонимные письма имеют целью посеять сомнения, вызвать подозрительность. Нам нужно быть сильными!

— Обещаю, я буду сильной, Адриан! Я уже знаю, что Дрюлиоли так же шокированы, как и мы, на них можно положиться. Если понадобится, они замолвят за нас словечко...

Мари подарила супругу легкий и нежный поцелуй. Она понимала, что он глубоко уязвлен клеветой, которая в это самое время с быстротой молнии распространяется по Обазину.

— Сегодня я напеку блинчиков, и мы все вместе будем слушать радио! Мелина спустится к нам, а чтобы ей было теплее, мы посадим ее в кресло. Я не желаю впускать несчастье в наш дом!

Адриан улыбнулся, но на сердце у него по-прежнему было тяжело. Он не мог забыть об угрозах анонима. Подойдя к окну, он посмотрел на городскую площадь. Вспоминался тот мрачный период, когда коллаборационистов расстреливали без суда и следствия; ему даже показалось, что он слышит ружейные залпы, крики ненависти... Потом он вспомнил, каково это — быть маки... Много дней они прятались по лесам, опасаясь доноса, появления немецкого патруля... Сердце его сжалось, когда он вспомнил о молодых партизанах, которые погибли во время внезапной вражеской атаки.

Мари уже почти закончила перестилать постель, когда обратила внимание на то, что Адриан довольно долго стоит у окна. Она встревожилась.

— Адриан, может, спустишься в гостиную и прочитаешь немного у теплой печки...

— Да, ты права, — пробормотал он. — Ничто так не помогает забыть о том, сколько ненависти таится в иных людях, которые просто не могут жить спокойно, как хорошая книга. Мари, как ты думаешь, можно ли где-нибудь обрести покой?

***

Шли дни, кошмар продолжался. С вечерней почтой в понедельник в

дом семьи Меснье принесли еще одно письмо, следующее — в среду. Расстроенная Мари-Эллен пришла сказать, что и ее родители получили еще одно письмо с теми же обвинениями.

Камилла вернулась в пансион, не подозревая, о чем гудит городок. Мелина сильно кашляла и, на этот раз, к большому облегчению Мари, снова не пошла в школу. Не встречаясь со своими школьными подружками, девочка еще на какое-то время будет оставаться в неведении. Злословие отравляет жизнь не меньше, чем худшая из болезней...

Нанетт, будучи в курсе событий, проявляла чудеса сдержанности! Эта история с письмами еще больше сблизила их с Мари. Старушка престала ворчать и жаловаться и старалась всячески подбодрить «свою курочку». Она расточала Мари такие ласки, словно та вдруг снова стала маленькой девочкой, нуждающейся в защите и утешении.

Одно удивляло Мари: складывалось впечатление, что слухи, спровоцированные «обличительными» посланиями, не проникли за стены аббатства. Мама Тере и мать Мари-де-Гонзаг вели себя как обычно. Однажды Мари выпалила Адриану:

— Я уверена, они знают! Просто не осмеливаются заговорить со мной об этом, вот и все! И я, идиотка, тоже молчу!

— Ты ошибаешься, дорогая! — отозвался он и обнял ее. — Признаюсь тебе, большинство моих пациентов делают вид, что ничего не знают об этой истории с письмами. За исключением двух-трех кумушек, которые пару раз намекали, что им кое-что известно.

В пятницу Нанетт с нетерпением ожидала возвращения Мари из школы. Стоило той переступить порог, как она протянула ей четвертое письмо.

— Держи, моя курочка! Еще одна мерзость! Мой тебе совет: просто возьми и брось его в огонь! Я специально надела очки и проверила почтовый штамп. Оно опять пришло из Лиможа.

— Я не хочу его открывать. — Мари вздохнула. — Хватит с меня этих писем! И этот бесконечный дождь... Как будто без него мало огорчений!

Обе женщины посмотрели в окно. Небо было сплошь затянуто свинцово-серыми тучами, и казалось, что наступила ночь. Шел сильный дождь. В печной трубе завывал ветер, и под его порывами капли воды попадали даже на плитку кухонного пола. Сад выглядел унылым и грязным. Мари запомнила эту неделю на всю жизнь.

— Я не могу так больше, моя Нан! Сколько еще это будет продолжаться? Адриан совсем извелся, ты и сама это знаешь. Ты заметила, что в его волосах добавилось седины? Бедный, он так нервничает...

— И есть отчего! А я вот что тебе скажу: на вас навели порчу! Если бы моя бедная подружка Маргарита была жива, она бы вам пособила. Она хорошо разбиралась во всяких наговорах и колдовстве! Ты предупредила Лизон?

Мари отрицательно помотала головой. Она решительно отвергла идею рассказать о том, что происходит, своим старшим детям. Как однажды сказал ей Поль, «у каждого свои проблемы».

— Да и зачем? Они не смогут нам помочь. Матильда только посмеется, Лизон и Поль станут волноваться. Нет, давай пока не будем этого делать.

— А я еще раз тебе скажу: когда такое случается, нужно друг дружку поддерживать! — пробурчала Нанетт. — На то и семья, моя крошка!

Мари поцеловала старушку, и они приготовили себе по чашке напитка из цикория.

Нанетт даже не подозревала, каковы масштабы этой истории с письмами. Языки в городке молотили безостановочно, и когда доктор Меснье проезжал по улицам на своем «ситроене» или просто шел по тротуару, с ним здоровались куда менее уважительно, чем раньше. Приходя в тот или иной магазин за покупками, Мари то и дело наталкивалась на вежливые, но холодные улыбки или потупленные от смущения взоры. Радостные приветствия, веселая болтовня, обмен новостями — всего этого как и не бывало.

Городок постепенно разделился на два лагеря. В первом оказались те, кто защищал чету Меснье и опровергал изложенные в письмах обвинения. Второй составляли сомневающиеся и злобствующие. Находились даже те, кто говорил: «На самом деле у этого доктора денег больше, чем он мог заработать! И кто может подтвердить, что в войну он и правда был в маки?» Это было еще не все. «А его жена? Где она жила, прежде чем переехала в Обазин? Никто не знает! И говорят, она слишком строга с ученицами!»

Мари «держала руку на пульсе» благодаря Ирэн и Мари-Эллен. Милая Жаннетт никому не позволяла при ней злословить о семье своих друзей. Амели, узнав о том, что происходит, от отца, была возмущена до глубины души. Она предложила даже, хотя для этого ей пришлось бы на день расстаться со своим красавцем Леоном, собрать на площади митинг, чтобы на нем пристыдить хулителей доктора и его супруги.

— Ну, вынимай это проклятое письмо! — воскликнула Нанетт, допив свой цикорный кофе.

Мари колебалась. Текст письма не менялся — это была одна из особенностей этих клеветнических посланий. Адриан сказал даже, что это

свидетельствует о недостатке фантазии у их тайного недруга.

— О Нан, я тогда расстроюсь еще сильнее! — воскликнула она.

Однако старушка не сдавалась. Мари вскрыла конверт и вынула сложенный вдвое листок. Развернув его, она прочла текст, который отличался от текста предыдущего письма. Для нее это стало последней каплей.

— Ты белая как мел! Что там еще такое? — спросила Нанетт.

— Мне нужно выйти! Не беспокойся, это ненадолго. Я поднимусь к Мелине и предупрежу ее. Прошу, приготовь суп на ужин!

Не вдаваясь в объяснения, Мари встала и, открыв дверцу печи, швырнула письмо в огонь, а потом побежала к лестнице, ведущей на второй этаж.

Вынужденное безделье в конце концов приобщило Мелину к радостям чтения. Стоило ей перевернуть последнюю страницу одного романа, как она тут же принималась за другой. Это была настоящая книжная булимия! Даже в этом проявилась свойственная дочери Леони склонность к крайностям. Когда Мари стремительно вошла в комнату, девочка подняла глаза от книги.

— Мама, ты не сразу зашла ко мне после школы, — с упреком сказала она. — Я слышала, как ты вернулась и пошла в кухню!

— Прости меня, мое сердечко! Мне нужно выйти по срочному делу, но обещаю: я быстро вернусь. Знала бы ты, как я рада видеть тебя в теплой постели! На улице ужасная погода — дождь, на небе черные тучи, всюду лужи...

Мелина с видом послушного ребенка позволила себя обнять. Мысли Мари были заняты другим, поэтому она не замечала, что девочка последние дни ведет себя уж слишком примерно. А ведь для ребенка с таким, как у Мелины, характером это было весьма подозрительно.

— Я скоро, дорогая!

С этими словами Мари вышла, быстро спустилась по лестнице, надела пальто и шагнула в темноту и слякоть.

***

Путь Мари не был долгим, и все же эти несколько десятков метров показались ей дорогой на Голгофу. Однако решимость ее была такова, что ничто не могло ей помешать — ни ледяной ветер, ни потоки дождя. Мари поняла наконец, что должна была сразу пойти в аббатство, где непременно найдет утешение и прибежище. Это обиталище веры и христианского милосердия казалось ей в тот вечер единственным бастионом, куда не

могла проникнуть ненависть и злоба... Подставляя лицо дождю, с промокшими ногами, продрогшая, бывшая сирота из «Волчьего Леса» шла к тем, кто никогда не отвергал ее и не презирал. Она шла к обазинским монахиням. Мари нуждалась в их добрых улыбках, полных сострадания взглядах, утешающих жестах... Встреча с ними обещала умиротворение и радость, которые ей были так необходимы.

Переступая порог церкви, Мари прошептала:

— Умоляю, Господи, помоги мне! На кого мне еще надеяться?

Мари шла по центральному проходу с чувством, которое испытывает капитан корабля, прибывшего в свой порт, где его не могут поджидать опасности. Тишина, мерцающий свет свечей и аромат благовоний встретили ее, являя резкий контраст с тьмой и непогодой за стенами церкви. Ее нервозность пошла на убыль, стиснувшие грудь тиски разжались. Мари вновь обрела способность нормально дышать и спокойно мыслить.

«Рай после ада!» — подумала она, направляясь к усыпальнице святого Этьена.

Мари остановилась, поддавшись внезапному искушению помолиться святому, попросить его прийти на помощь ее семье.

«Здесь я разговаривала в первый раз с Мелиной, когда нашла ее плачущей...» — растроганно подумала она.

Пару минут Мари смотрела на каменное надгробие. Она успокоилась, вера придавала ей сил. Тысячи людей излечились, молясь святому Этьену, и истории, свидетельствующие об этом, передавались из уст в уста. Совсем недавно одна жительница Обазина просила святого спасти жизнь своему мужу, который был тяжело ранен в гранитном карьере, и небо даровало ей это чудо.

«Господи, прошу, сделай так, чтобы этот кошмар закончился! — взмолилась Мари про себя. — А теперь смелее, делай то, что решила!»

Мари прошла мимо старинного шкафа с одеяниями для литургии, которым всегда так восхищались туристы, и стала подниматься по каменной лестнице, ведущей к помещениям приюта. Она выросла в этих стенах и прекрасно знала расположение комнат, так что выбирала кратчайший путь.

Она прошла по одному коридору, свернула в другой. Звук собственных шагов, пусть и очень тихих, вернул Мари на много лет назад, в те времена, когда для нее, еще маленькой, приют был домом. Навстречу ей вышла сестра Юлианна. Монахиня была очень удивлена, увидев посетительницу в столь неурочный час.

— Сестра, не подскажите ли мне, где найти мать Мари-де-Гонзаг?

— Конечно подскажу, дорогая Мари! Они с мадемуазель Берже в маленьком кабинете занимаются бухгалтерией. Нелегкий труд!

Мари поблагодарила монахиню и пошла дальше. Из кухни доносился аромат супа и свежее испеченного хлеба, в коридоре слышались смех и голоса девочек. Несмотря на внушительные размеры здания, здесь царил атмосфера безмятежного покоя и простых радостей.

«Возможно, было бы лучше, если бы я никогда не покидала аббатство! — подумала она, когда волна ностальгии затопила душу. — Жить вдали от мира, молиться, шить, петь и заботиться о детях, как мама Тере...»

Еще минута — и Мари оказалась у двери маленького кабинета. Она постучала. Услышав звонкое «входите!», она открыла дверь в скромно обставленную комнату, где мать Мари-де-Гонзаг и Мари-Тереза Берже сидели, склонившись над тетрадью, листы которой были сплошь исписаны черными рядами цифр.

— Мари, дорогая! — воскликнула мадемуазель Берже. — Что привело вас к нам так поздно? Прошу, присаживайтесь!

Мать Мари-де-Гонзаг ласково посмотрела на гостью, словно приглашая ее к доверительной беседе. Мари пребывала в смятении, она не знала, с чего начать. Наконец она сделала глубокий вдох и заговорила:

— Мне нужен совет! Не знаю, матушка, известно ли вам о том, что происходит... А может, вам, мама Тере? Ведь вы чаще бываете в городе... Мы с мужем не находим себе места от беспокойства. Дело в том, что...

И Мари подробно рассказала о том, какую тяжелую неделю им пришлось пережить, об анонимных письмах, о слухах, о подозрительности горожан... и о невыносимом страхе, от которого она не могла избавиться.

— Я решила прийти из-за сегодняшнего письма. Там были ужасные угрозы, ужасные... Автор письма заявлял, что скоро всей нашей семье придется уехать из Обазина, поскольку мы позорим город. А меня он называл... называл... О, я не могу это повторить! И обещал доказать всем, что Мелина — мой внебрачный ребенок, рожденный от связи с... немцем! Матушка, вы, которая во время войны прятала девочек-евреек и защищала их, вы ведь знаете, что мой муж скорее умер бы, чем предал бы Францию и вас! Теперь я все вам рассказала. Я заметила, что одна моя ученица, болтушка каких мало, хихикает у меня за спиной. Она шептала что-то на ухо своей соседке по парте. Я боюсь худшего! Что, если родители потребуют моего увольнения? Я люблю свою работу, и...

Мари не смогла закончить фразу, она просто разрыдалась перед двумя исполненными сочувствия женщинами. Мама Тере подошла и ласково

обняла ее за плечи.

— Честно говоря, Мари, я слышала про эту грязную историю, но я ждала, чтобы вы сделали первый шаг. Мне не хотелось ставить вас в затруднительное положение. Это — единственная причина, почему до сегодняшнего дня я молчала.

— Мадемуазель Берже в нескольких словах рассказала мне об этих письмах, — призналась мать Мари-де-Гонзаг. — Моя дорогая Мари, это прискорбная история, и я хочу, чтобы вы знали: мы всем сердцем с вами. И вам нечего бояться! Мы никогда не сомневались ни в вас, ни в вашем супруге!

За этими серьезными и искренними словами последовало недолгое молчание. Мари, которой стало легче после своей импровизированной исповеди, тихо плакала, вытирая глаза уголком своего носового платка. Она заговорила первой.

— Матушка, прошу, посоветуйте, что мне делать? — дрожащим голосом спросила она. — Особенно я беспокоюсь о Мелине. Если она услышит эти гнусные измышления о своем происхождении... Я этого не перенесу! Как объяснить невинному ребенку, что некоторым людям нравится вредить другим любыми возможными способами? И ситуация усугубляется день ото дня. Вчера Адриан зашел к одному своему пациенту, а этот господин закрыл дверь у него перед носом, заявив, что отныне предпочитает доверять свое здоровье доктору из Брива. Если эти письма будут и дальше источать свой яд, сомнения и подозрительность только усилятся. И может дойти до того, что мы будем вынуждены уехать из Обазина. О, это разбило бы мне сердце! Я боюсь наихудшего! Помогите мне, умоляю!

Мать Мари-де-Гонзаг, предвидя новый поток слез, помогла Мари встать. Она обняла ее, а потом посмотрела ей в глаза:

— Дорогая моя девочка, вы должны верить в высшую справедливость! Но мы попросили Господа нашего как можно скорее обелить ваше имя. И я знаю, кто согласится нам в этом помочь. Идемте к нему немедленно!

— Но к кому мы должны идти? — спросила озадаченная Мари.

— К аббату Бурду, конечно!

У супруги доктора Меснье не было сил спорить. Мама Тере осталась в кабинете.

— Я должна закончить мои подсчеты. Не тревожьтесь, Мари, все уладится. По-другому быть просто не может, я это твердо знаю!

Успокоенная, Мари последовала за матерью-настоятельницей. Она послушно шла за монахиней, как ребенок, вверивший свою судьбу

взрослому, которому он всецело доверял.

Глава 20

Верные сердца

В воскресенье утром Мари и Адриан оказались в числе первых прихожан, занявших свои места на церковных скамьях. Камиллу они попросили остаться дома, чтобы Мелине не было скучно. Девочка не усмотрела ничего особенного в этой просьбе, поскольку понятия не имела о кошмаре, который вот уже неделю переживали ее родители.

Нанетт настояла на том, чтобы пойти в церковь вместе с ними. Величавая в своем белоснежном чепце и новом черном платье, старушка сидела, распрямив плечи и высоко подняв голову. В ее взгляде читался вызов. Прихожан становилось все больше. Мари взглядом искала среди них друзей. Ирэн Дрюлиоль с супругом, а также Мари-Эллен и Жаннетт приветственно помахали им. Амели и Леон тоже были здесь. В боковом проходе Мари увидела маму Тере с Мадлен, мать Мари-де-Гонзаг и других монахинь. Сироты, все одетые с иголки и аккуратно причесанные, стояли возле фисгармонии.

— Какая это радость — иметь верных друзей! — шепнула Мари на ухо супругу. — Единственное, что есть хорошего в этом ужасе, — так это то, что мы теперь наверняка знаем, кто никогда нас не предаст!

— Ты права, дорогая! — ответил Адриан. Он был очень бледен. — Но мне этого недостаточно! Ты заметила, как некоторые на нас смотрят? Господи, скоро и я сам начну думать, что я — преступник!

Нанетт слышала их диалог. Толкнув Мари локтем, она сказала, прищурившись:

— Самое время явиться доброму Господу и отделить зерна от плевел!

— Тише! — шикнула на старушку Мари, поскольку та не позаботилась понизить голос. — Я не хочу скандала!

— Не хочешь скандала? — переспросила Нанетт. — Поздно, скандал начался еще в прошлую субботу, когда какая-то гадина стала оскорблять нас, порядочных людей!

К счастью, в этот момент в сопровождении детей из хора появился аббат Бурду. Прихожане ожидали обычной воскресной мессы, поэтому, когда священник направился к кафедре, все удивленно зашушукались.

Мари взяла Адриана за руку. Ей было трудно дышать, в горле стоял

комков. Она уже почти жалела, что попросила аббата о помощи. Адриан почувствовал, как напряглась рука жены.

— Не волнуйся так! Что бы он ни сказал, это не ухудшит наше положение. Пришло время покончить с этим раз и навсегда.

— Знаю, — отозвалась Мари. — Но я больше не могу это выносить!

Аббат Бурду кашлянул, ожидая, когда в церкви установится тишина. Наконец он заговорил. После краткой преамбулы, в которой он выразил свое удовлетворение видом многочисленной паствы, пришедшей в храм в это ноябрьское воскресенье, он на мгновение замолчал и обвел присутствующих взглядом. Потом продолжил громко и отчетливо:

— Должно быть, все вы, пребывающие в ладу со своей совестью, как и полагается добрым христианам, спрашиваете себя, что такого важного я хочу вам сказать. А я хочу сказать следующее: в нашем приходе случилось большое несчастье. После войны, после выпавших на нашу долю лишений, когда мы все должны сплотиться, чтобы восполнить утраченное и забыть о пережитом ужасе, дурной ветер подул над нашими крышами, лишив многих из вас способности рассуждать здраво! Этот ветер напомнил мне о другой истории, которая случилась в Тюле более двадцати лет тому назад. Вы помните историю об анонимных письмах, в то время о ней писали все газеты. Их автора осудили, но эти письма разрушили судьбы многих жителей города!

Но поговорим немного о последней войне, которая погубила много невинных жизней, и о паршивых овцах, которые нашлись и в нашей овчарне, — о коллаборационистах! Большинство из них жизнью заплатили за свои злодеяния. Спросим же себя, что толкало их предавать Родину, своих соотечественников? Жажда наживы, вне всяких сомнений, желание сохранить свою жизнь и, что еще хуже, жажда власти! Но бывают и люди совсем другого склада. Я знаю одного такого человека, жившего в Обазине, который отказался от поста заместителя мэра, что доказывает, что он не желает занять видное место и управлять нашей общиной. И этот человек, о котором я говорю, в любую погоду, в снег и в дождь, не страшится отправиться в путь по плохим дорогам в отдаленные концы нашего края... даже к карьере Даниэля по обледеневшей дороге! Зачем ему рисковать своей жизнью, в то время как большинство людей преспокойно сидят у очага с газетой в руках? Он делает это ради вас! Он преодолевает множество трудностей, чтобы спасти раненого, принять роды или вылечить ребенка! Скажете, им движет корысть? Что ж, поговорим и об этом! Я часто беседую с вами, моими прихожанами, и сколько раз вы мне рассказывали о том, что этот замечательный человек навещает самых

бедных больных и не просит за это платы, что он дает им лекарства и не требует за них ни су! Да, друзья мои, вы знаете, о ком я говорю, не так ли? Этот безупречный человек — не кто иной, как доктор Меснье! Вот уже двадцать лет он самоотверженно трудится во благо жителей нашего края. И, несмотря на это, некоторые осмеливаются подозревать его в таком ужасном преступлении, как сотрудничество с врагом!

Голос аббата громыхал, как глас небесного судии. Никто не осмеливался даже шевельнуться. Аудитория вся превратилась в слух. Мари со слезами на глазах смотрела на распятие над алтарем. Выдержав паузу, чтобы его слова лучше запечатлелись в умах прихожан, аббат продолжил:

— Доктор Меснье... Вы готовы обвинить его, вы его подозреваете, вы на него клеветаете... И все это из-за каких-то писем! И не смотрите на меня такими невинными глазами, вы прекрасно знаете, о чем идет речь! Я говорю об анонимных посланиях, которые уже некоторое время переходят из рук в руки, распространяя ложь, сея раздоры и огорчения... Кто же осмелился написать этот донос? Без сомнения, тот, чей разум затмили зависть и ненависть. Но и этого ему показалось недостаточно! Он ополчился и на супругу нашего славного доктора! Вы ведь все ее знаете, верно? И в ее порядочности вы стали сомневаться! Но по какой причине? Я привык думать, что доброта, милосердие, щедрость и преданность есть добродетели, которые вызывают лишь восхищение и благодарность. И я не преувеличу, если скажу, что все они присущи Мари Меснье, которая учительствует в этой общине уже больше двадцати лет. Многие из вас восхваляли ее достоинства. Но хватило нескольких желчных обвинений, и вот результат — имя порядочной женщины втоптывают в грязь! Неужели я должен стыдиться своих прихожан? Ведь эта женщина, воспитав четверых детей, добрых католиков, не сочла возможным отдохнуть от праведных трудов! Она взяла в семью сироту, невинное дитя, дочку прекрасной женщины, погибшей от немецкой пули... Так почему же к этой девочке следует относиться не так, как к другим воспитанницам приюта? Разве она не имеет права на любовь, образование и заботу?

И вот я говорю вам: сегодня Адриан и Мари Меснье — жертвы. Мало того что некто стремится испортить им жизнь, но и вы — соседи, знакомые — вы позволили этому дурному поветрию, которое проникло в наши почтовые ящики, помутить свой разум и отравить свои сердца!

Аббат Бурду помолчал, чтобы перевести дух. С высоты кафедры он метал гневные взгляды, щеки его покраснелись. Оценивая эффект своих речей, священник переводил взгляд с одного лица на другое, ожидая увидеть на них раскаяние, осознание низости мыслей, обуревавших этих

людей... Наконец он продолжил все таким же громоподобным и твердым голосом:

— Прошу вас, жители Обазина, и в особенности те, кто повернулся к нашим друзьям Мари и Адриану спиной, я вас заклинаю: в будущем уничтожайте не мешкая эти послания, написанные человеком со столь черной душой! Сжигайте их! Не оскверняйте свой разум чтением этих пасквилей! Не опускайтесь до распространения клеветы, ибо стыд и бесчестье падут и на вас. Пускай Обазин снова станет гаванью мира и покоя! Это в вашей власти! И пускай наш дорогой доктор и его супруга поскорее забудут о тех испытаниях, через которые им пришлось пройти. Да пребудет с вами всеми Господь и да поможет вам эта проповедь стать на путь истинный!

Мари опустила голову, не решаясь посмотреть на лица прихожан. Она боялась, что может на них прочесть не то, чего бы ей хотелось. Адриан, наоборот, выпрямился и улыбкой поблагодарил святого отца, который так пылко их защищал. Удовлетворенная проповедью, Нанетт улыбалась одними уголками губ; она ни минуты не сомневалась, что речь аббата Бурду принесет свои плоды.

Священник спустился с кафедры и прошел к алтарю. В этот день во время мессы ощущался небывалый энтузиазм. Прихожане думали об услышанном, и многие из них будто очнулись от дурного сна. Как если бы аббату магией своей проповеди удалось вернуть их к обычной мирной жизни, которую недавно потряс злонамеренный и пагубный ураган.

Когда девочки-сироты под аккомпанемент фисгармонии, клавиши которой вибрировали под тонкими пальцами мадемуазель Мори, запели «*Ave Maria*», все почувствовали, что зло, бродившее от двери к двери всю неделю, наконец рассеялось.

Мать Мари-де-Гонзаг вздохнула с облегчением. Она была счастлива, снова увидев на лице своей подопечной улыбку. Мари послала ей полный признательности взгляд. В ее глазах все еще блестели слезы, но в сердце зарождалась радость... и надежда!

***

— Говорю тебе — это правда! — воскликнула Мелина. — Я их читала, эти письма! После обеда, когда Нанетт спала. Я была в доме одна, вот и порылась в комоды мамы Мари и нашла их!

Камилла недоверчиво смотрела на приемную сестру. Девочки, устроившись в кухне перед печкой, оживленно спорили уже четверть часа. И тема их разговора была весьма щекотливой.

— То есть ты утверждаешь, что кто-то обвиняет моего отца в сотрудничестве с немцами во время войны? — сердито спросила Камилла. — Но почему тогда мама мне ничего не сказала? И Матильда, похоже, тоже не в курсе! В четверг она забрала меня из пансионата на прогулку, и, поверь мне, она была очень веселая! Если бы у родителей были неприятности, Матильда бы знала! И Поль с Лизон тоже!

Мелина в исступлении подняла глаза к потолку. Вскочив со стула, кажущаяся еще более худенькой в своей детской пижамке, она топнула ногой:

— Тебя ведь целую неделю нет дома! А я-то вижу, что в доме творится что-то странное! Мама Мари все время грустная, папа Адриан еще больше поседел. Нанетт так и сказала за столом. А люди всегда садятся, когда у них неприятности! Камилла, нужно найти того, кто пишет эти письма! Это важно, потому что... ты не знаешь всего...

— А есть еще что-то? — чуть насмешливо спросила девушка.

— В одном письме меня называли безотцовщиной! Но это неправда, скажи, я ведь не внебрачный ребенок? Это не может быть правдой, потому что у меня есть... у меня есть родители! Мою настоящую маму звали Леони, мне это сказала мама Мари! Она даже дала мне фотографию, старую, на которой моей маме двадцать лет! Безотцовщина — это дети, у которых нет родителей, правда ведь?

Голос Мелины оборвался. Стараясь не заплакать, девочка потянула носом и повернулась лицом к печи. Видя ее состояние, Камилла не осмелилась ей больше перечить. Такую гадость о себе ее приемная сестра точно не могла придумать! Но это было так жестоко!

— Мелина, послушай! Конечно, у тебя есть родители, семья... Я тебе верю. Прости меня, но я правда подумала, что ты надо мной подшучиваешь. Только не плачь! Я теперь с тобой! И прошу, покажи мне эти письма!

Мелина обернулась и улыбнулась ей сквозь слезы. Смахнув их рукавом, девочка протянула Камилле руку. Они вместе поднялись на второй этаж. Перед дверью родительской спальни старшая сестра остановилась. Эта комната представлялась ей священным местом, и проникнуть туда в отсутствие родителей было настоящим святотатством. В нерешительности она обернулась к Мелине, готовая сказать, что передумала. Почувствовав колебания Камиллы, девочка потянула ее за руку:

— Скорее, месса уже заканчивается! Они вот-вот вернутся! Здесь, в ящике, под носовыми платками! Ну что, теперь ты видишь, что я не врала?

Камилла разрывалась между желанием все оставить как есть и

любопытством. Последнее победило. Она взяла конверты и вынула письма. Прочла она их быстро.

— Но... Это ведь ужасно! — пробормотала она. — Родители должны были мне сказать... Они не имеют права скрывать от меня такое... Мне надоело, что меня считают ребенком!

— При мне они тоже ничего не говорили. Не хотели меня расстраивать, как я понимаю. Однажды вечером они говорили очень громко, и я встала с кровати, спустилась на пару ступенек и услышала, как Нанетт сказала, что это тот же человек, который отравил Юкки! Представляешь? Может, он и меня собирается отравить!

Мелина дрожала и от волнения, и от холода. Она забыла надеть халат. Камилла притянула ее к себе и стала растирать ей спину.

— Ты совсем продрогла, иди оденься! Давай положим письма на место и не будем подавать вида, что мы что-то знаем, ладно? Когда мама придет поцеловать тебя на ночь, веди себя как обычно! Обещаешь, Мелина?

— Обещаю! — сказала девочка. — Я целую неделю делала вид, что ничего не знаю... Главное — ты нас не выдай!

Камилла посмотрела на девочку и внезапно ощутила прилив нежности. Впервые она почувствовала к этому ребенку с красивыми, слишком большими для ее симпатичного кошачьего личика синими глазами, глубокую привязанность, усиленную искренним желанием позаботиться о ней, защитить. Смириться с появлением Мелины в семье оказалось для Камиллы непросто. Ей захотелось попросить прощения за свое поведение, часто авторитарное, и за свою подозрительность.

— Мелина, я не хочу, чтобы ты чувствовала себя несчастной. Знай, я люблю тебя, как родную сестру! И когда ты поступишь в колледж, я буду о тебе заботиться! Никто не сделает тебе больно!

Мелина слушала ее с открытым ртом. Ее чувства к Камилле были сложными — нечто среднее между уважением и восхищением. Она с первого дня своего появления в семье ощущала, что приемная сестра относится к ней с недоверием. Однако девочка еще в приюте привыкла к тому, что бывают друзья и недруги, и у нее развилась поразительная способность приспосабливаться к обстоятельствам. Она бессознательно копировала поведение человека, с которым общалась, и отражала питаемые к ней чувства, словно зеркало. Неожиданные слова Камиллы нашли путь к ее сердцу.

— Я тоже тебя люблю, Камилла! И потом, у нас теперь есть общий секрет! Один на двоих! И ты права: мы не будем говорить о письмах при родителях.

Камилла и Мелина торжественно пообещали друг другу хранить секрет и, прислушиваясь, не раздастся ли шум в вестибюле, вышли из родительской спальни. Камилла повернулась к сестре и, приняв такой серьезный вид, что Мелина прыснула, сказала:

— Я точно знаю, что нам нужно сделать! В такой ситуации другого выхода просто нет. Вот мой план. Первое: ты пойдешь и наденешь халат, иначе окоченеешь от холода! Второе: чтобы показать, что мы ничегошеньки не знаем об этой истории с письмами, мы испечем шоколадный торт, огромный, с тонной крема!

— Bravo! — зааплодировала младшая. — Я согласна!

И она побежала в свою комнату одеваться. Буквально скатившись по лестнице, она ворвалась в кухню, где Камилла уже доставала с полки тетрадь матери с кулинарными рецептами. Вскоре по всему дому разносился звон кастрюль и стук ложек, сопровождаемые хрустальным смехом двух сестер, которые наконец помирились, по-настоящему подружились.

Мари и Адриан вернулись домой нескоро. После мессы Жан-Батист Канар пригласил их на аперитив в кафе «Сюдри». Семья Дрюлиолей, закрыв свой магазин, направилась туда же. Словом, через какое-то время в кафе собралась веселая компания, с удовольствием поднимавшая бокалы за здоровье семьи Меснье. На смену подозрительности и сомнениям в сердца жителей городка возвращались добрые чувства, к которым примешивались угрызения совести.

Сидящая тут же Нанетт наслаждалась происходящим. Она давно отказалась от спиртного и очень удивилась, обнаружив в своей руке бокал с белым полусладким вином.

— Что ж, за такую замечательную мессу грех не выпить! — сказала она Мари, которая сидела рядом с ней. — Дельно говорил господин аббат, моя курочка!

— Да, дорогая Нан! И я последую его совету — буду сжигать эти письма сразу, если они еще будут приходить!

— И мы все тоже, Мари! — подхватила Жаннетт.

Никто не знал, кто отправлял эти клеветнические послания и зачем... Единственное, в чем не было сомнений, — это делалось из желания навредить семье Меснье, однако их автор потерпел поражение. С этого дня доктора и его супругу стали уважать и любить больше прежнего. И, ко всеобщему облегчению, вскоре письма перестали приходить в Обазин.

Однако страдания, причиненные этими анонимными посланиями, забылись не сразу. Мари и Адриан чувствовали себя оскорбленными в

самых лучших чувствах. Их щедрость, доброта и гуманность не только были поставлены под сомнение, но и испачканы этой подлой клеветой. Когда их беспочвенно обвинили в дурных поступках, это было больно, но труднее оказалось пережить предательство тех, кто счел их способными на такое. Чета Меснье ощутила на себе всю тяжесть общественного осуждения, а такое не забывается!

Это весьма прискорбное дело так и не получило логического завершения, поскольку личность недруга установить не удалось. Адриан и Мари часто задавались этим вопросом, но безрезультатно. Зато большим утешением после этого трудного в их жизни периода стало сближение Камиллы и Мелины. Судя по всему, отныне девочек связывала искренняя и крепкая дружба.

— Еще одна тайна! — сказала Мари мужу однажды вечером. — Счастье, что они ничего не знают об этих ужасных письмах!

Июль 1949 года

Мари любовалась видами, мелькавшими за окнами автобуса, буквально пять минут назад выехавшего из Обазина. Коррез снова красовался в одеянии из ярко-зеленой листвы, луга с густой и еще мягкой травой нежились под лучами летнего солнца. Тут и там в тени старых деревьев с раскидистыми кронами отдыхали коровы. При виде них Мари улыбнулась. Она вспомнила о сыне, занявшемся разведением скота. Ему этот буколический пейзаж непременно бы понравился.

«Как хорошо! — сказала она себе. — Завтра я снова его увижу! Увижу Поля и всю его семью! Подумать только, их крошка Люси уже ходит сама, и это в год и два месяца!»

Эта поездка обещала стать радостным событием. Мари решила устроить себе недельные каникулы. Брив был первым пунктом в ее маршруте. Адриан остался в Обазине, чтобы с помощью услужливой Жаннетт Канар присматривать за Нанетт. Камилла и Мелина, которых пригласила в гости Лизон (молодая женщина всегда с распростертыми объятиями встречала всех членов своей большой семьи), еще в прошлое воскресенье уехали в «Бори». Мари же решила навестить Матильду, которая давала о себе знать очень редко.

«Она удивится, увидев меня! — думала Мари. — Если бы я ее предупредила о своем приезде, она наверняка отменила бы всех клиенток, чтобы побольше времени провести со мной».

Из всех детей Матильда реже других бывала в Обазине и никогда не писала писем. С недавних пор, когда в ее салоне появился телефон, она

стала изредка звонить матери, но разговоры эти были такими короткими, что Мари каждый раз расстраивалась. Матильда никогда не рассказывала о своей жизни, словно расстояние между Бривом и Обазинем являлось непреодолимой границей между ее миром и миром матери. Она словно бы ограждала себя секретами...

Поэтому Мари не терпелось увидеться с дочкой. Она рассчитывала провести ночь в Бриве, а утром сесть на поезд до Лиможа, откуда можно было добраться до Шабанэ.

«Мой Поль ждет меня с нетерпением, как он сам сказал. — Мари улыбнулась своим мыслям. — Если верить последнему письму Лоры, на ферме уже многое сделано, и теперь дом наверняка сияет, как новая монетка!»

Мари очень хотелось поскорее оказаться в «Бори». Она пообещала себе, что непременно сводит Камиллу и Мелину в Волчий лес и покажет источник, который местные старики считают чудотворным.

«И я смогу вдоволь поиграть с моими внуками! Пьер тоже начал ходить и теперь бегает по всей усадьбе!»

Членов семьи все прибывало, однако Мари, даже будучи уже пять раз бабушкой, оставалась очень красивой женщиной. Вот и сегодня, за несколько минут до отъезда, супруг сделал ей очередной комплимент: «Дорогая, как же ты хороша! Мне очень повезло! И это новое платье тебе удивительно к лицу, и соломенная шляпка... Хм, я буду ревновать, зная, что ты в Прессиньяке! Фирмен Варандо обязательно станет к тебе приставать, как только тебя увидит!»

Польщенная и счастливая оттого, что Адриан смотрит на нее с любовью, Мари поцеловала его — слишком торопливо, по мнению супруга, — но рейсовый автобус уже остановился на площади. На прощание они улыбнулись друг другу, и Мари побежала, как девушка, которая боится, что автобус уедет без нее.

Сидя в пассажирском кресле за спиной водителя, Мари улыбалась, радуясь жизни. Во всем теле она ощущала приятную расслабленность, настроение было под стать этому прекрасному солнечному дню. Машинальным движением она разгладила складочки на своем платье из шелковистой материи в разноцветную полоску.

Перед парикмахерским салоном Матильды Мари оказалась ровно в половине третьего. Деревянные рамы витрины были выкрашены в нежно-зеленый цвет с желтой окантовкой. Через стекло она увидела ряды аппаратов для сушки волос и силуэт ученицы. Ее звали Одиль; по словам Матильды, девушка была серьезной и старательной.

«А где же сама Матильда? — удивилась Мари. — Она должна быть где-нибудь рядом!»

В парикмахерской была всего одна клиентка. Мари толкнула дверь и вошла под серебристый звон дверного колокольчика.

— Здравствуйте, Одиль! Я приехала навестить Матильду. Она в салоне?

— Да, мадам! Она на втором этаже. Там маленькая квартирка — до ремонта это помещение служило кладовкой.

Мари кивнула. Она не знала о ремонте, но решила не показывать своего удивления. Еще одна деталь из жизни дочери, о которой та не сочла нужным рассказать ей, своей матери! Мари прикинула, что они с Матильдой не виделись больше двух месяцев...

— Хорошо. Я поднимусь наверх.

Одиль хотела было что-то сказать, но передумала и со смущенной улыбкой уставилась на кончики своих сандалий. Мари не обратила внимания на странное поведение девушки и решительно открыла внутреннюю дверь, за которой начинался длинный узкий коридор. В конце него располагалась еще более узкая лестница, которая вела на второй этаж.

— Хм, и все-таки Матильда могла бы рассказать мне о ремонте! — пробормотала Мари себе под нос. — И зачем тратить деньги на эти три комнаты верхнего этажа, когда у нее такой уютный дом? Это очередной ее каприз, я уверена!

Мари поднялась на темную лестничную площадку. Здесь было намного прохладнее, чем на улице. Она дважды негромко стукнула в запертую дверь. Никто не ответил, но послышался чей-то приглушенный голос, тихие шаги, потом шепот и, наконец, резкий щелчок замка. Мгновение — и Матильда приоткрыла дверь. Вид у нее был встревоженный.

— Мама? Но... Как ты тут очутилась? Ты не говорила, что собираешься в Брив... Мы ведь не договаривались...

Молодая женщина продолжала стоять, высунув из-за двери только голову. На ее лице не было и намека на радость. Мари и представить не могла, что дочь может встретить ее подобным образом. Встревоженная, она внимательнее посмотрела на Матильду. Щеки молодой женщины покраснелись, губы припухли, волосы растрепались.

— Дорогая, можно я войду? — нетерпеливо сказала Мари. — На улице очень жарко, я в легком платье, а тут я стою как раз на сквозняке! Скажи, ты ведь не заболела? У тебя странный вид...

— Что ж, входи! — со вздохом произнесла Матильда и открыла дверь.

Мари увидела, что на дочке нет ничего, кроме тонкой шелковой комбинации, и на паркете она стоит босиком. Она сначала решила, что Матильда просто отдыхала, пусть выбрала для этого и неподходящее время. Ситуация с каждой минутой становилась все более неловкой. Матильда не знала, что сказать, и Мари остро ощутила, что ее присутствие здесь нежелательно.

— Мне кажется, что я тебе помешала, Матильда, — тихо сказала она, входя в первую комнату, переоборудованную в кухню.

— Нет, конечно! Я просто удивилась, вот и все! — отозвалась молодая женщина. — Я как раз собиралась одеться и спуститься в салон. И все же... Ну почему ты не позвонила, не сообщила, что приезжаешь?

Мари окончательно расстроилась. Она представляла себе радостную встречу, совместный ужин в ресторане как завершение вечера... А вместо всего этого Матильда упрекает ее в том, что она вообще приехала!

— Прости, дорогая! — мягко сказала она. — У меня сейчас каникулы, Камилла и Мелина вот уже неделю у Лизон, и я тоже поеду в «Бори». Хочу увидеть семейство Поля. По пути я решила сначала заехать в Брив и повидаться с тобой. Матильда, мы так редко с тобой видимся и разговариваем! Ты могла бы меня хотя бы поцеловать!

Молодая женщина поморщилась и неохотно подставила матери щеку. От ее черных волос сильно пахло табаком, Мари это сразу уловила.

— Похоже, ты много куришь, — сказала она. — Это не слишком хорошо для работающей женщины, у которой столько клиентов... Мне не следовало бы говорить тебе это, ты — взрослая и вольна поступать, как считаешь нужным, но Адриан полагает, что табак очень вреден для здоровья.

— Мам, снова ты читаешь мне нотации! Большинство моих клиенток тоже курят. Послушай, я пойду надену платье и причешусь. Можешь подождать меня внизу? Потом выпьем чего-нибудь в ресторанчике быстрого обслуживания, это в двух шагах отсюда. Согласна?

Мари собиралась ответить, когда из соседней комнаты послышался голос мужчины. Сомнений быть не могло: он не имел ничего общего с тембром и интонациями голоса мужа Матильды Эрве.

Изумленная Мари, которая уже направилась было к выходу, развернулась на сто восемьдесят градусов. Глядя на испуганное лицо дочери, она спросила:

— Но... Кто это?

Ответить Матильда не успела: дверь распахнулась и в кухню вошел молодой мужчина. С обнаженным торсом и сигаретой в уголке рта, он, явно

чем-то недовольный, направился к ним, застегивая на ходу ширинку. Матильда вскрикнула от досады. А ее мать мало-помалу начинала понимать... И все же она отказывалась верить в очевидное. И эта очевидность ужасала! Зная, что это ничего не изменит, она все же захотела услышать объяснения дочери.

— И что все это значит?

Матильда, казалось, забыла о присутствии матери. Все ее внимание было обращено на полуодетого мужчину. Она была готова заплакать.

— Жиль, неужели ты не мог подождать пару минут? — воскликнула она жалобно. — Ты словно нарочно это сделал! Мама, прошу, оставь нас наедине! Иди в кафе и жди меня там, я скоро! Я все тебе объясню. И пожалуйста, не иди через салон. Когда спустишься с лестницы и пройдешь по коридору, увидишь дверь, которая выходит прямо на улицу.

Мари поспешила уйти. Она ни одной минуты не желала оставаться в помещении, где ее дочь и этот человек... Гнев бурлил в ней, беря верх над огорчением. Эрве, конечно, не был идеальным мужем, о каком она мечтала для дочери, но они ведь были женаты!

Женщины такого склада, как Мари, считали брак священным союзом двух людей, символизирующим не только их взаимную любовь, но и готовность строить совместное будущее, основанное на уважении и верности. И для нее это были не пустые слова. Получив религиозное воспитание и серьезная по натуре, Мари не могла не осуждать скандальное поведение Матильды.

«Какая же я глупая! Она вовсе не больна, она только что выбралась из постели! Они были в постели, когда я постучала! Моя собственная дочь... Поступить так!» — повторяла Мари про себя.

Ее радостный настрой сменился глубоким разочарованием. Мари села за столик на террасе кафе и попросила стакан лимонада. Она не могла спокойно думать о случившемся — ей без конца вспоминался этот наглый молодой человек, там, в квартире Матильды, его гладкий голый торс и насмешливый взгляд. В нем было нечто животное и вульгарное, что вызывало в ней чувство гадливости.

«Он красив, это бесспорно, но я очень сомневаюсь, что он порядочный и заслуживающий уважения человек! Красота — это еще не все... По крайней мере, это не повод обманывать своего мужа! Моя дочь потеряла голову!»

Вскоре появилась Матильда. Она быстро шла по улице. Происшествие, должно быть, выбило ее из колеи, поскольку молодая женщина накрасила только губы и оделась очень просто — в белую блузку

и синюю юбку. Волосы она в спешке собрала в хвост на затылке. Это был один из редчайших случаев, а быть может, и единственный, когда Матильда вышла на улицу, не приведя себя в порядок. Но даже в таком виде она привлекала внимание мужчин! Ее лицо с четко прорисованными чертами, ее бархатные черные глаза были очень красивы, и все же не только этим объяснялась ее удивительная притягательность для особой противоположного пола. Ее расслабленное смуглое тело излучало такую чувственность, что мужчины тут же останавливались и смотрели ей вслед. И Матильда об этом прекрасно знала. Однако до недавнего времени для нее это была всего лишь игра, ей нравилось быть соблазнительной, и она подчеркивала с помощью экстравагантных нарядов свои идеальные формы. Нанетт часто повторяла: «У нашей Ману дьявольская красота!»

«Она — вылитый отец! — думала Мари, глядя на дочь. — И у Пьера было это почти животное обаяние... И он вечно был неудовлетворен, как и Матильда!»

Мать и дочь смотрели друг на друга, обе были смущены. Матильда знала заранее, какие упреки услышит от матери, но у нее не было настроения их выслушивать, поэтому она решила перехватить инициативу. Нападение всегда было для нее лучшей защитой!

— Мам, только не надо делать из этого драму! Сначала мы с Жилем были просто друзьями. Потом он предложил мне сделать его своим компаньоном. Видела рядом с моим салоном заброшенный магазинчик? Он арендовал его и в следующем месяце начнет делать ремонт. Он откроет там салон для мужчин, который будет сообщаться с моим салоном. Ну, ты понимаешь... Мало-помалу все эти планы нас сблизили, мы влюбились друг в друга. Это не была любовь с первого взгляда, мам! Я как следует все обдумала, прежде чем... скажем так, уступить ему...

— Матильда, как ты могла так поступить со своим мужем?

— Мама, не делай таких глаз! Я же не преступница! Просто я до сумасшествия люблю Жилия. Признаю, большую часть времени он живет в той моей квартирке. Да, он — мой любовник. И мне не стыдно! С Эрве мне было скучно до смерти!

Мари постукивала пальцами по столу. Гнев постепенно охватывал ее, брал верх над разумом.

— Никто не заставлял тебя выходить замуж за Эрве! Я даже предостерегала тебя, когда ты меня с ним познакомила! Ты ведь так любишь все яркое, блестящее, тебя привлекают видные мужчины, и вдруг ты бросаешься на шею ему, такому обыкновенному и неприметному! Ты испугалась, что он ускользнет из твоих рук? Он один старался тебя не

расстраивать, терпел все твои капризы, твою тиранию... И, не спрашивая нашего мнения, ты вышла за него замуж, причем настояла на гражданской церемонии. А ведь ты знаешь, что я думаю по этому поводу. Гражданский брак не имеет веса в моих глазах! Вот и результат!

Матильда закурила сигарету, вздохнула и сказала не без сарказма:

— Если мой гражданский брак для тебя — ничто, почему ты так шокирована тем, что я сплю с Жилем?

— Не строй из себя идиотку, Матильда! — рассердилась Мари. — То, что ты делаешь, это — адюльтер, другого названия еще не придумали! Я в тебе разочаровалась. И этот тип... Он мне не понравился. Он производит отталкивающее впечатление, я уж не говорю о его манерах! Он не поздоровался со мной и даже не извинился за свой вид. И потом, воспитанный мужчина в такой ситуации вообще бы не стал показываться! Скажи, ты собираешься развестись?

— Да, — ответила Матильда. — Я хотела на днях поговорить с Эрве. И Жиль тоже собирается кое с кем поговорить — он женат на какой-то безголовой дуре, которая следит за ним и портит ему жизнь. Mamочка, ну постарайся меня понять! Я влюбилась, по-настоящему влюбилась... Никогда раньше со мной такого не бывало! Я не могу жить без Жилия! Ты должна знать, о чем я говорю, ведь у тебя в жизни было двое мужчин!

Мари метнула на дочь гневный взгляд и с трудом сдержалась, чтобы не отвесить ей оплеуху. Как посмела Матильда сравнивать свою жизнь с ее жизнью?! Только желание соблюсти приличия помогло ей совладать со своим возмущением — не хватало еще ссориться на террасе кафе, на виду у всего города! Она сделала дочери знак говорить потише, поскольку люди за соседними столиками начали прислушиваться к их разговору.

— Жиль женат! Господи, час от часу не легче! Решительно, вас ничто не останавливает! И прошу, не сравнивай меня с собой! Я была вдовой, когда полюбила Адриана! Это совершенно другое дело. Скажи, ты подумала о последствиях вашей связи? Эрве терпел все твои капризы, он помог тебе открыть салон! Неужели ты думаешь, что он так легко согласится все потерять — и жену, и свои капиталы?

Матильда нервно отмахнулась. Мари, глядя на нее, видела, какого рода внутренний огонь полыхает в сердце молодой женщины. Страстная по натуре, она душой и телом отдалась своему любовнику, и никому не под силу будет ее урезонить. Во имя всепоглощающей страсти Матильда была готова без малейшего сожаления разрушить две семьи. И эта перспектива ошеломила Мари.

— Дорогая, умоляю, не поступай необдуманно! Развестись не так

просто, как ты думаешь! И потом, виновной стороной окажешься ты. Это может нанести ущерб твоему делу. Если Эрве разозлится и решит тебе навредить, закон будет на его стороне!

Матильда пожала плечами. Ей было плевать на практическую сторону дела. Ее разум подчинила себе страсть к Жилю. Только он один был для нее важен! Она вспомнила, как поспешно он ушел. Он так разозлился из-за того, что им помешали, что даже не поцеловал ее на прощанье! Когда он вернется? Пока мать говорила, Матильда уже искала способ поскорее увидеться с любовником.

— Мама, не беспокойся понапрасну! Я сама зарабатываю себе на жизнь. Поживем — увидим! Если Эрве не захочет разводиться, — а я не удивлюсь, если так и будет, — то я просто от него уйду! В любом случае я больше не собираюсь его терпеть! Ладно, ладно, он неплохой, но... это даже хуже! Мне порой кажется, что я живу с марионеткой, которую сама вожу за ниточки! И потом, он меня совсем не привлекает как мужчина. Если хочешь знать, мы с ним никогда друг другу не подходили... в сексуальном плане. А с Жилем я наконец поняла, как это прекрасно!

— Замолчи, Матильда! — воскликнула шокированная Мари. — Люди услышат!

Матильда насмешливо улыбнулась.

— Что ж, давай поговорим о погоде, если моя откровенность тебе не по вкусу! Постой, ты сказала, что едешь в Прессиньяк! Где же твой чемодан?

Мари была до такой степени расстроена, что не сразу смогла ответить:

— Мой чемодан? Я оставила его в камере хранения на вокзале. Я думала, что переночую у тебя и мы на твоей машине съездим и заберем его. Я так радовалась, что мы проведем вместе вечер! Но все вышло не так, как я ожидала. Я бываю такой наивной! Будет лучше, если я уеду. Зачем задерживаться? Ты не рада меня видеть, да и я не рада тоже!

Голос Мари дрогнул. Она с трудом сдерживала слезы, но не хотела, чтобы дочь их видела. Внезапно Матильде стало не по себе. Она взяла руку матери и тихонько ее сжала.

— Мамочка, мне правда жаль, что так вышло! Если бы ты меня предупредила! Но что сделано, то сделано... Я бы все равно тебе рассказала, не сегодня, так завтра! Теперь ты все знаешь. Прошу, не осуждай меня! Я тоже имею право быть счастливой! Ты должна радоваться за меня, ведь я наконец встретила мужчину всей моей жизни! А ты вместо этого меня упрекаешь!

— Нет, Матильда, я не могу радоваться, видя, что ты готова все

разрушить на своем пути! И это ради того, кто, возможно, несерьезно относится и к тебе, и к твоим чувствам. Мне прискорбно говорить об этом, но Жиль не показался мне человеком, которому можно довериться, поэтому прошу тебя только об одном: не выставляй свою связь напоказ! Многие жители Обазина бывают в Бриве, они не должны узнать об этом. Нам с Адрианом меньше всего хочется снова стать темой для сплетников целого города!

У Мари были свежи в памяти события прошлой осени, когда весь Обазин получал клеветнические анонимные письма. Об этой грязной истории еще долго говорили, и ей не хотелось давать тем, кто усомнился в их с Адрианом порядочности, новый повод для злословия. Матильда ничего не знала об этих письмах, поэтому не поняла намека матери, ее слова рассердили молодую женщину:

— Мне плевать на этих людишек, вечно о чем-то сплетничающих! Если покопаться в грязном белье многих из них, обнаружится такое, о чем и подумать страшно! А те, кто нас судят, обычно оказываются самыми худшими из всех! Но ты наверняка этого до сих пор не поняла. В общем, прости, но мне пора возвращаться в салон. Одиль, наверное, нервничает. Так как ты планируешь теперь поступить?

— Вернусь на вокзал и сяду на поезд до Лиможа, а потом — до Шабанэ. Буду добираться привычным путем. Прошу тебя, Матильда, подумай как следует, прежде чем просить у мужа развод!

С этими словами Мари встала, положила на стол деньги за свой напиток и в последний раз посмотрела на дочь. Матильда ответила упрямым взглядом, который во времена ее детства выводил из себя дедушку Жака. А сколько раз ее шлепала за упрямство бабушка Нанетт! Каким терпением нужно было обладать Лизон и Полю, чтобы переносить капризы и выходки младшей сестры, которая их била, ломала их игрушки, кричала...

— Вот какой ты стала, моя маленькая Ману! — тихо проговорила Мари. — Впрочем, это имя тебе не подходит, оно слишком ласковое для тебя... Что ж, до свидания, доченька! Надеюсь, что ты порвешь с этим мужчиной... Для своего же блага!

Матильда понурилась. Реакция матери ее расстроила. Она искренне надеялась, что мать сумеет ее понять.

— Мам, ты же не уедешь, не поцеловав меня? — грустно спросила она.

Мари коснулась губами щеки дочери и ушла. У нее было доброе сердце, она очень любила Матильду и все же не считала, что в этой

ситуации не следует проявлять снисходительности. Перед глазами стояло лицо молодой женщины, которая уже давно не была ее крошкой Ману. Это было лицо незнакомки с кроваво-красным ртом, разругавшимися щеками и взглядом, в котором чувственность смешалась с отчаянием.

«Господи, помоги мне! — взмолилась Мари, удаляясь быстрым шагом. — Мне противно думать о собственном ребенке! Я не должна... Иисус простил падшую женщину, и я должна простить... Я носила ее под сердцем, я кормила ее своим молоком, учила ходить, разговаривать... И все это — чтобы однажды застать полуголой с этим мужчиной, который смотрел на меня, как на постороннего человека!»

Устроившись в вагоне поезда, следующего в Лимож, Мари дала волю слезам. С горечью она думала о том, каким радостным было утро и как грустно ей стало сейчас.

«Но разве могло быть по-другому?» — вздохнула она.

Мари так и не узнала, что после ее ухода Матильда тоже долго плакала. Молодая женщина чувствовала себя отвергнутой, ощущала на себе тяжесть осуждения и презрения человека, которым восхищалась, — своей матери. Отныне все будет не так, как раньше... Жизненный выбор сделал Матильду изгоем, хотя она искала только любовь... Стоило мужчине, которого она до умопомрачения желала, уйти, как она совершенно теряла голову и не могла думать ни о чем, кроме него. Жилую удалось оторвать ее от семьи, заставив забыть разницу между тем, что хорошо и что плохо...

Глава 21

Дела семейные

Лизон ожидала, что мать приедет на следующий день, поэтому удивилась, когда Камилла сообщила, что к воротам подъехало такси. Молодая женщина вышла на крыльцо. Сестры пребывали в недоумении.

— Кто это может быть? — шепотом спросила Камилла.

— Возможно, Матильда или кто-то из друзей Венсана, — ответила Лизон.

Она залюбовалась знакомым пейзажем, который был ей так мил. Это было ее любимое время дня. Дневная жара наконец спала, от ручьев и темных роц тянуло приятной прохладой. Крестьяне в это время обычно спешили закончить все свои дела. Солнце клонилось к горизонту, золотило верхушки деревьев.

В Прессиньяке жизнь сельских жителей словно бы замерла в ожидании начала жатвы. Бледно-желтая пшеница, в вечернем свете казавшаяся чуть розоватой, мягко стелилась по ветру, обещая, как и в былые годы, хороший урожай. Красивые округлые зерна дадут муку, а потом и хлеб с коричневой корочкой, без которого не обходится трапеза ни в одной семье...

Мари толкнула калитку и с удовольствием вдохнула запах теплой земли и скошенной травы. Она на мгновение замерла, радуясь тому, что она здесь. Ее все так же восхищала красота этих мест, где прошла ее юность. В этот спокойный час приближения сумерек каждая деталь пейзажа обретала исключительную красоту... На соседнем холме, на краю поля, оставленного под паром, стояла косилка-сноповязалка в ожидании того момента, когда в нее запрягут пару лимузенских коров. Косилка напомнила ей об отце, который первым в регионе стал покупать современную сельскохозяйственную технику. Благодаря ему Прессиньяк открылся для нововведений. И все же сам Жан Кюзенак сожалел о том, что это ведет к исчезновению старинных традиций — нет больше ритмичного танца серпов в поле, женщины не вяжут в снопы золотистую пшеницу, не стучат в руках самых сильных парней в округе цепи... И все же «муссюр» знал, что выживание крестьян в этом постоянно меняющемся мире напрямую связано с механизацией их труда.

Узнав гостью, Лизон и Камилла одновременно вскрикнули от удивления:

— Мама!

Камилла бросилась к ней, грациозная и легкая в своем белом платье. С покрасневшими щеками и распущенными волосами, она была воплощением юности и счастья.

— Моя взрослая девочка! — воскликнула Мари, прижимая дочь к груди. — Ты такая красивая, просто глаз не отвести! Похоже, воздух Шаранты идет тебе на пользу! Подумать только, тебе шестнадцать! Уже шестнадцать!

— Разве это так важно, мамочка? — с лукавым видом спросила Камилла.

Мелина спускалась по аллее, ведя за ручку маленького Пьера — пухленького, крепко стоящего на маленьких ножках. Глазенки его смотрели весело, личико расплылось в улыбке. Ему был всего год и четыре месяца, но он семенил уже довольно быстро и что-то лепетал, посасывая пальчик.

— Мелина, иди сюда, дай я тебя поцелую!

Было ли дело в общеукрепляющих средствах, прописанных Адрианом, или в любви, которой окружили девочку в приемной семье, но она наконец-то стала потихоньку подрастать. За несколько месяцев ее тело изменилось: под блузкой угадывались округлости груди. Гармоничные черты лица четче проявились. Мари отметила эти перемены не без тревоги, поскольку была уверена: Мелина вырастет очень хорошенькой, а характер у девочки такой, что она непременно станет злоупотреблять этим даром небес!

— Разве ты не собиралась приехать завтра вечером, мам? — спросила Камилла, покусывая травинку. — Ты не застала Матильду в Бриве?

— Почему же, мы с ней виделись! Но поскольку я приехала без предупреждения, она не смогла оставить меня у себя. Я потом все расскажу. А где моя Лизон?

— Ждет тебя на крыльце, — сказала Мелина. — Когда Камилла крикнула нам, что подъехало такси, мы как раз готовили ужин. Я чистила овощи, а сегодня даже помогала гладить белье!

— А я весь день присматривала за Жаном и Бертий! — подхватила Камилла. — Лизон сказала даже, что не против оставить нас в «Бори» насовсем.

Мари похвалила своих девочек, и они все вместе неторопливо пошли вверх по аллее, к особняку. Камилла взяла у матери чемодан, поскольку ей показалось, что Мари очень устала. Девушка решила, что причина тому — долгая дорога.

Парк был великолепен. Мари восхищалась симфонией цвета и аромата, каковую являли собой цветущие розы. Вид парка навевал такое умиротворение, что Мари прогнала из головы образы Матильды и ее любовника. Ей хотелось насладиться каждым мгновением в этом обожаемом месте, в окружении детей и внуков.

— А Поль? — спросила она. — Он не слишком устает?

— Нет, мамочка! — успокоила ее Камилла. — Ты удивишься, когда его увидишь! Нашего Поля не узнать! Он загорел, волосы выцвели на солнце. Он с утра до ночи работает в своем комбинезоне, который надевает прямо на майку!

— Ты забыла сказать про соломенную шляпу, он надвигает ее на самые брови! — прыснула Мелина.

Лизон радостно встретила мать и не стала задавать никаких вопросов. Они всегда без слов понимали друг друга. Этот неожиданный приезд напомнил Лизон один январский день 1948 года, но она, разумеется, не стала говорить об этом. Она сразу догадалась, что Мари чем-то серьезно расстроена, и, когда весь дом уснул, они бесшумно вышли и уселись на каменной скамье в парке.

Все вокруг было залито лунным светом, возле деревьев двигались неясные тени. Тень от огромной ели была такой длинной, что доставала до скамейки, сидя на которой, Мари и дочь тихо беседовали.

— Теперь ты знаешь, что меня заботит, — с невеселой улыбкой заключила Мари. — Снова Матильда принялась за старое!

Лизон ласково обняла мать за плечи, пытаясь ее успокоить. Наконец она заговорила шепотом:

— Я давно подозревала, что у нее не ладится семейная жизнь. И, признаюсь, я с зимы опасалась чего-то подобного! Ты ведь помнишь, мы пригласили Матильду и Эрве к нам на Новый год. В этот праздничный день она была с ним особенно злой, говорила свысока и насмехалась над его слабостями. Он ничего не отвечал, смотрел на нее, как побитая собака... Ей больше не найти такого терпеливого мужа, который, к тому же, так бы любил ее! Эрве — робкий, сдержанный... И даст себя четвертовать за одну улыбку Матильды!

Мари кивнула. Когда она оказывалась в «Бори» без Адриана, то частенько вспоминала о Пьере, своем первом муже, которого поклялась любить вечно перед алтарем прессињьякской церквушки...

— Проблема в том, что твоя сестра унаследовала темперамент отца и его способность соблазнять. Ты одна знаешь о нем всю правду. Он страстно любил женщин, особенно Леони. Боюсь, наша Ману стала заложницей тех

же страстей. Но, увы, в отличие от него, она не способна себя сдерживать. Пьер долго противился страсти, которая толкала его к Леони. Если бы ты только видела свою сестру! Ее лицо... И этот мужчина, такой бесцеремонный, я бы сказала, вульгарный... Красивый, не стану отрицать, но что-то мне в нем не понравилось. Из-за него она станет несчастной, я уверена! Когда-нибудь она поймет, что совершила ошибку!

Лизон удивилась, услышав от матери такие речи. Это было на нее совсем непохоже. Мари, должно быть, испытала настоящий шок от увиденного в квартире Матильды!

— Мам, не будь такой суровой! Я понимаю, ты расстроена, но я хорошо знаю сестру. В душе она намного ранимее, чем кажется. Я помню вспышки ярости, которые часто случались с ней в детстве; они обычно заканчивались объятиями и поцелуями, стоило только ее успокоить. Думаю, своими капризами она пыталась просто привлечь наше внимание. Ей не так-то просто жилось, если подумать! Ты целыми днями была в школе, мы с Полем тоже. Матильда оставалась с Нанетт и дедушкой Жаком, но и у них не было времени поиграть с ней, поговорить, а особенно выслушать. Вот наша Ману и устраивала сцены...

Мари вздохнула. Слова старшей дочери растрогали ее.

— Ты права. Матильда была самой младшей и, возможно, боялась, что никто не будет с ней считаться. О, как я теперь жалею, что обошлась с ней холодно! Я едва поцеловала ее, когда уходила! Но она была настроена так решительно, говорила так дерзко... А я все еще была шокирована...

— Мамоchка, она не станет на тебя сердиться! Если ты еще раз к ней съездишь и вы все спокойно обсудите, вы помиритесь. Но что касается развода, я полностью разделяю твое мнение: нужно помешать ей совершить эту глупость. Рано или поздно она об этом пожалеет!

Лизон и Мари улыбнулись друг другу, невзирая на то, что обе тревожились о будущем Матильды — «трудного ребенка» в их семействе. Она так сильно от них отличалась!

— Думаю, нужно принимать ее такой, какова она есть! — заключила Лизон. — Постараюсь до начала занятий к ней съездить. Может, мне удастся ее вразумить...

— Я в этом уверена! Ты такая терпеливая! Я же не могу найти нужных слов...

Лизон почувствовала, что мать уже не так напряжена. Пришла пора сменить тему разговора. И она стала рассказывать Мари о шалостях Жана, забавных словечках Бертий и проказах Пьера, младшего из ее детей, которого в семье все стали называть Пьеро.

— А видела бы ты Люси! — говорила Лизон. — Это такой чудесный ребенок и вылитая копия своего папы Поля! Mamочка, раз у тебя каникулы, я бы хотела, чтобы мы были счастливы, все вместе! Прошу, не тревожься о Матильде! Ей нужно, чтобы ее любили, ею восхищались... Эта ее связь, вне всяких сомнений, — очередная прихоть, не более! Когда она поймет свою ошибку, мы будем рядом, чтобы утешить ее и помочь. Обещай мне, что постарайся забыть о плохом и будешь улыбаться, как раньше, с легким сердцем и радостью в душе!

Безмятежность дочери понемногу передавалась Мари, и она пообещала попытаться. Она расслабилась и стала наслаждаться нежностью ночи. На соседнем дереве заухал филин, вдалеке пробежала лисица. Снизу к «Бори» подбирался едва различимый запах дыма. Его принес от ближних ферм капризный ветерок. Непревзойденные летние музыканты — сверчки — напевали свою монотонную мелодию. Во всем ощущалась магия жизни — и в самом тихом из звуков, и в самом малоразличимом из ароматов... Мари снова почувствовала себя ребенком. Она вздохнула, подумав о том, какими малозначащими оказываются большинство битв, которые ведут люди. К чему так усердствовать? Земля продолжает вертеться, сменяют друг друга времена года, день наступает вслед за ночью... Разве не являются люди ничтожными песчинками на огромном колесе Вселенной? Госпожа Природа всегда права...

— Лизон, я обдумала твои слова и скажу, что ты права. Зачем так терзаться? Завтра наступит новый день, и он будет прекрасным для всех нас! Я очень рано научилась, причем именно здесь, в «Бори», на лету ловить любое мгновение счастья. Капризное и переменчивое, счастье слишком ценно, чтобы расточать его понапрасну! Жизнь научила меня ценить его по достоинству, когда оно стучит в мою дверь. Его бывает трудно распознать, уж слишком наши умы забиты повседневными заботами. Все будет хорошо... Вопреки всему! — заключила Мари с загадочной улыбкой на устах.

***

«Ну что можно делать столько времени?» — спрашивала себя Мари, поправляя солнечные очки.

Она ждала Камиллу и Мелину, чтобы всем вместе съездить в Прессиньяк на велосипедах. Нужно было купить кое-что в бакалейном магазине и в булочной. К обеду их ждали на ферме Поль и Лора.

В белых полотняных брюках и легкой блузке Мари выглядела лет на тридцать, такой она была стройной. Она старалась одеваться модно. В этот

день она выбрала очаровательную полотняную шляпку, защищавшую лицо от солнца.

Звонкий смех заставил ее обернуться: Камилла и Мелина бежали вниз по аллее, держась за руки. То, что девочки сблизилась, радовало Мари, хотя она и не знала, что стало тому причиной. Как сказала бы Нанетт, «нет худа без добра», поскольку сближение это началось в тот ужасный период в ноябре прошлого года, когда на Обазин обрушился ливень анонимных писем.

— Мам, в своих темных очках ты похожа на кинозвезду! В поселке ты произведешь сенсацию! — воскликнула Камилла.

— Кто бы говорил! — отозвалась Мари. — Симпатичная девушка шестнадцати лет в шортах, с голыми ногами — такого лимузенская Шаранта еще не видела!

Камилла покраснела, чем немало позабавила Мелину. Девочка про себя порадовалась, что надела длинную юбку. Ее нарождающаяся грудь была надежно спрятана под слишком просторной блузкой. Мелина была болезненно стыдлива. В свои четырнадцать она старалась выбирать одежду свободного кроя, чтобы скрывать свои формы, несмотря на то что была худенькой. Сегодняшний наряд старшей сестры показался ей чересчур смелым и экстравагантным.

— Мам, Мелина мне все уши прожужжала по поводу моих шорт, пыталась заставить меня переодеться! — сказала Камилла. — Но я не понимаю, зачем? Когда мы с папой ездим в Руайян, я хожу так и никто не обращает на меня внимания. И потом, на улице так жарко...

Мари с улыбкой пожала плечами. Продолжать этот разговор не было смысла. Ее девочки были такими разными! Мелина рано или поздно повзрослеет и переменится. И в тот день, когда она решит показать миру свою гармоничную фигурку, начнутся проблемы. А пока Мари больше всего хотелось поскорее оказаться у Поля и поцеловать маленькую Люси.

— Девочки, в дорогу! Или мы опоздаем на обед к вашему брату!

Мари и Камилла оседлали одолженные у Венсана велосипеды, которые он приобрел в Шабанэ. Мелина устроилась на багажнике у приемной матери.

— Как видишь, я положила тебе подушечку, чтобы было помягче! В такой, как у тебя, юбке не очень удобно ездить на велосипеде. Придется все время приподнимать ноги, чтобы не зацепиться юбкой за колесо!

Мелина приподняла подол юбки, но ровно настолько, чтобы она не мешала во время езды. Усевшись поудобнее позади Мари, она со смехом оттолкнулась ногами от земли, чтобы помочь ей тронуться. Потом она

обняла Мари за талию и вытянула ноги так, чтобы они не касались колеса.

Камилла, у которой за спиной не было груза, быстро набрала скорость и обогнала их. Она что было сил крутила педали, наслаждаясь тем, как ветер раздувает волосы и ласкает кожу. Деревенская природа радовала глаз яркими красками маков, васильков и ромашек, подчеркивавших зелень сочной травы на лугах (на обочинах она успела слегка пожелтеть) и деревьев, листва которых дрожала от легкого ветерка. Отсюда были даже видны длинные силуэты тисов на кладбище, за колокольней.

— Осторожно! — крикнула Мари. — На этой дороге много ям и кочек! Я пытаюсь их объезжать, но ты, если не будешь осторожней, рискуешь получить пару синяков, дорогая!

Мелина, которую слегка потряхивало на багажнике, прыснула и крепче обхватила талию Мари. Жизнерадостная тройца въехала в Прессиньяк незадолго до полудня, обычно в это время в поселке царило наибольшее оживление. Жители выходили на улицу: один — чтобы побеседовать с тележником, другой — купить круглый хлеб. Перед бакалейной лавкой, в которой, помимо прочего, продавались и спиртные напитки, разговаривали трое крестьян, сдвинув на затылки свои соломенные шляпы. Волосы у них слиплись от пота. Их взгляды тут же обратились на вновь прибывших, но больше всех их заинтересовала, естественно, хорошенькая Камила. Один даже присвистнул и, многозначительно ухмыльнувшись, подмигнул девушке. Та моментально покраснела, уже сожалея о том, что надела эти пляжные шорты.

«Я забыла, что я уже не маленькая девочка, — с досадой подумала она. — Как глупо вышло!»

Мари прислонила свой велосипед к стволу липы, которые во множестве росли вокруг площади, и положила руку Камилле на плечо.

— Не расстраивайся, дорогая! — шепнула она на ушко дочери. — В следующий раз ты будешь знать, что между Прессиньяком и приморским городом большая разница. Бери свою корзинку, а я возьму сумку!

Мари с девочками направились в булочную. От ее взгляда не укрылось осовременивание поселка: появилось муниципальное электрическое освещение, две улицы были недавно заасфальтированы.

— Надеюсь, мы не повстречаемся с Элоди! — негромко сказала она. — Но уж лучше встретиться с ней, чем с ее мужем! Он такой прилипала! Всегда пристанет ко мне.

— Это потому, что ты такая красивая, мамочка! — с гордостью заметила Камила.

— Посмотрите-ка, какая там толпа! — воскликнула Мари.

И правда, перед булочной собралось много людей. Подойдя ближе, Мари сразу поняла, что привлекло их внимание, — автомобиль с откидным верхом ярко-красного цвета. Восторженным взглядам открывалась роскошная отделка салона. Такие спортивные автомобили, совершенно новенькие к тому же, нечасто можно было увидеть в Прессиньяке! Стайка ребятишек и их родители сновали вокруг яркого «феррари».

— Надо думать, в Прессиньяк приехала какая-то знаменитость! — пошутила Мари, направляясь к магазину.

Камилла чувствовала себя не в своей тарелке под придирчивыми взглядами женщин, которых ее наряд заинтересовал куда больше, чем ярко-красный автомобиль. Щеки Камиллы снова порозовели от смущения, длинные золотисто-каштановые волосы раздувал летний легкий бриз... Такой была она, когда ее взгляд встретился со взглядом голубоглазого светловолосого молодого человека в полотняной фуражке. Очень элегантный в своем бежевом костюме, он резко отличался от деревенских жителей. Это мог быть только водитель «феррари»! Довольно высокий, худощавый, с тонкими чертами лица и миндалевидными глазами, незнакомец разговаривал с человеком, встречи с которым Мари так хотелось избежать, — с Фирменом Варандо.

— О нет! — тихонько воскликнула она. — Теперь мне придется с ним заговорить! Мы ведь должны купить хлеба! И потом, я очень хочу поздороваться с родителями Лоры!

Мелина почувствовала нервозность приемной матери и взяла ее за руку. Камилла же ничего не заметила, так она была очарована молодым человеком, который смотрел на нее с улыбкой. Фирмен обернулся, чтобы узнать, кому улыбается собеседник, и тотчас же заметил женственное трио.

— Глазам своим не верю! — воскликнул он. — Да это же мадам Мари Меснье с дочками! Идемте, Гийом, я представлю вас дамам!

Еще не закончив тираду, Фирмен торопливым шагом направился к Мари. Подойдя, он схватил женщину за руку и сжимал ее куда дольше, чем того требовали приличия. Стараясь скрыть раздражение, Мари сняла очки и постаралась быть вежливой.

— Добрый день, мсье Варандо! Как поживаете?

— Когда я вижу вас, мадам, я на седьмом небе от счастья! А эта красивая девушка — ведь ваша Камилла! Как она выросла! А кто же эта мадемуазель? — спросил Фирмен, указывая на Мелину.

— Это моя дочь.

Мари воздержалась от пояснений, несмотря на явную

заинтересованность Фирмена. Вспомнив о приличиях, супруг Элоди похлопал молодого человека по плечу:

— Разрешите представить вам Гийома, моего хорошего друга. Этот мсье управляет банком в Лиможе. Вы не поверите, ему всего двадцать три! У этого парня есть будущее!

Поведение Гийома являло резкий контраст с нарочитым добродушием Фирмена — он попросту молча слушал речи своего приятеля. С задумчивым видом, скрестив руки на груди, он не сводил глаз с Камиллы, чем до крайности взволновал девушку.

— Что ж, не будем мешать вам обсуждать деловые вопросы, господа! — закончила разговор Мари и поспешно скрылась в булочной.

Мелина последовала за матерью, но Камилла замешкалась. Ей хотелось хоть минутку поговорить с молодым человеком, который так ей понравился!

— Сегодня хорошая погода, — начала она и тут же упрекнула себя в том, что сказала такую банальность.

Гийом посмотрел на небо, словно чтобы удостовериться в правдивости ее слов, потом ответил с очаровательной улыбкой:

— Да! В такой день приятно прогуляться! Поэтому я решил навестить одного из моих клиентов. А вы, готов спорить, здесь на каникулах...

Камилла покраснела и ответила:

— Да. В лицее летом занятий нет.

О, как бы ей хотелось быть более взрослой! Она ощущала себя такой неловкой и смешной перед этим молодым мужчиной, который, должно быть, видел в ней ребенка!

Фирмену, объект внимания которого скрылся в булочной, теперь не терпелось продолжить разговор. Стоило ему увидеть эту женщину, Мари Меснье, как он терял голову! Она ему очень нравилась, очень! Но та, став супругой доктора, строила из себя недотрогу. Если бы только они познакомились раньше! Он тяжело вздохнул и потянул Гийома за рукав в сторону, нимало не беспокоясь, что прервал их с Камиллой беседу.

Девушка с безмерной грустью посмотрела им вслед. Она тоже вошла в булочную, но настроение у нее испортилось, радость этого утра испарилась. Она не сумела бы выразить словами смутные чувства, которые испытала при этой встрече, но одно было ясно: красивый незнакомец не оставил ее равнодушной. Сердце девушки ускоренно билось, в висках стучало, все тело горело... Он ушел минуту назад, а ей уже хотелось снова с ним увидеться... Никогда с ней такого не случалось! Конечно, она воображала себя влюбленной, повстречав в праздничный день в Бриве или

Обазине симпатичного парня. Но теперь ее юное сердечко пылало...

«Какой он красивый! — с волнением думала она. — И он мне улыбался... Это он, мой прекрасный принц из сказки! И мы с ним разговаривали...»

Мари не обратила внимания на странное состояние дочери. Она как раз беседовала с Мирей, матерью Лоры, которая угостила их поджаристой сдобной булкой к чаю. Наконец, после традиционного обмена любезностями, женщины расцеловались, и трио Меснье снова оказалось на улице.

— Поторопимся, мои крошки, нам еще нужно зайти к бакалейщику! Хочу купить печенья и бутылку хорошего вина.

— И лимонад для нас! — напомнила ей Мелина.

Гораздо большее впечатление, чем привлекательный Гийом, на нее произвела красивая машина. Она еще не достигла того возраста, когда девочки начинают интересоваться мальчиками.

Камилла мимоходом посмотрела на Гийома, который стоял, прислонившись к дверце своего «феррари». Она шла через площадь в мягкую тень лип, уверенная, что ее прекрасный принц на нее смотрит. Она старалась идти грациозно, распрямив худенькие плечи и время от времени потряхивая волосами. Внезапно она с болезненной остротой ощутила собственное тело, ей до сумасшествия хотелось нравиться! Смотрел ли он ей вслед? Засомневавшись в этом, она оглянулась. Взгляд Гийома был прикован к ней. Он даже слегка поднял руку, словно в знак прощания. Впервые в жизни Камилла почувствовала себя красивой и готовой любить.

А Мари как раз выругалась про себя. Будь Нанетт здесь, с ее хорошо подвешенного язычка сорвалось бы выражение и похлестче: как назло, единственной покупательницей в бакалейной лавке оказалась... Элоди! При виде Мари она побледнела, но поспешила растянуть губы в медовой улыбке:

— Вот уж не ожидала вас увидеть, Мари! Что привело вас к нам? — спросила она громко, пристально разглядывая Мари.

— Станный вопрос, Элоди! — услышала она в ответ. — Если вы помните, двое моих детей живут в Прессиньяке.

— Конечно я не забыла! — буркнула Элоди. — Значит, приехали в гости? Мило с вашей стороны!

— Да, мы у Лизон в гостях. И нас давно ждут к обеду. Но не обращайтесь на нас внимания, делайте ваши покупки!

— Почему бы и не поговорить с соседями? — возразила Элоди, и ее улыбка стала еще шире. — С тех пор, как отменили эти продуктовые

талоны, одно удовольствие пройтись по магазинам и спокойно купить себе все, что душа пожелает! Я вам скажу, могли бы и раньше их отменить, а то ждали до самого марта! У вас все благополучно, в Обазине? Бабушка, конечно, постарела, как же... Это сколько ей стукнуло?

Мари, которая как раз выбирала вино, ответила холодно:

— Нанетт чувствует себя прекрасно! В следующем месяце она тоже приедет в Прессиньяк.

Мелина шепнула что-то на ухо Камилле, и девочки прыснули. Элоди же спросила громко:

— А это что за девочка? Подружка вашей Камиллы?

— Нет, это моя приемная дочь.

Бакалейщица слушала их разговор, и вид у нее был печальный. Каждый раз, когда Элоди приходила в ее магазин, перед бедной женщиной возникал образ единственного сына, распростертого на земле и истекающего кровью. Несчастье случилось в день бракосочетания мсье и мадам Варандо... Мари тоже не забыла этой истории. Она поспешила рассчитаться за свои покупки.

— До свидания! — сказала она и вышла из магазина, так что любопытство Элоди осталось неудовлетворенным.

Мари и девочки сели на велосипеды, но теперь Камилла крутила педали куда медленнее. Она с удовольствием задержалась бы в Прессиньяке, ей очень хотелось еще раз увидеться с красавцем Гийомом. Она представила себя и его оживленно беседующими, и ее воображение расцветило эту сцену самыми радостными красками. В своих мечтах Камилла не робела и не краснела, наоборот, она говорила легко и живо, у нее даже получилось его рассмешить...

Дорога, ведущая к ферме «Бори», была тщательно расчищена. Поль радостно приветствовал их, стоило троице войти во двор. Он стоял на огромной копне сена с вилами в руке. Телега с сеном стояла у стены крытого гумна, на крыше которого было широкое отверстие, через которое Поль подавал сено внутрь. Лора с вилами принимала душистое сено и равномерно его распределяла.

— А я-то боялась, что мы опоздаем! — крикнула им Мари.

— Еще полчаса, мам, и мы закончим! — улыбаясь, радостно отозвался Поль. — Я купил это сено у папаши Ренара, ты его знаешь, его ферма недалеко от Шассенона. У него осталось всего три коровы. Ну и пришлось же мне поработать! И еще дважды придется съездить к нему на телеге. Представляешь, я научился править волами и запрягать их! И все же с трактором дело пошло бы быстрее!

— Но трактор стоит бешеных денег! — смеясь, подхватила Лора. — Эти машины — для богатых фермеров с Севера, а не для нас!

— Можно мы вам поможем? — спросила Камилла.

— Конечно, если есть желание! Мари, маленькая Люси здесь, со мной. Мне будет легче, если вы ее отсюда заберете и присмотрите за ней, пока мы не закончим.

— С огромным удовольствием, Лора! Сейчас я к вам поднимусь!

И Мари стала быстро карабкаться вверх по лестнице. На нее нахлынули воспоминания. Сумрак, пробитый насквозь солнечными лучами, одуряющий аромат сена, сильный запах скотины, которая находилась внизу, — все это перенесло ее на сорок с лишним лет назад, в то время, когда она помогала Пьеру укладывать сено, а он всегда успевал сорвать поцелуй с ее губ!

Люси сидела на одеяле с игрушкой в руке. Похоже, размеренные движения отца и матери, разгружавших телегу с сеном, ее забавляли. Лора приветливо махнула Мари рукой. На ее усеянном веснушками красивом лице блестели капельки пота. Она выглядела такой же бодрой и довольной, как и супруг. Создавалось впечатление, что эта новая жизнь обоим пошла на пользу.

— Здравствуйте, мадам Мари! Не буду вас целовать, я вся мокрая!

— Вы прекрасно выглядите, Лора! Люси, моя крошка, узнаешь бабушку?

Девочка заулыбалась и протянула к Мари ручки, а та подняла ее легко, как перышко. Прикосновение к ребенку, чье маленькое тело было таким нежным, доверчивым и теплым, подарило ей драгоценное ощущение счастья. Любуясь невинной малышкой, Мари наконец смогла окончательно прогнать из головы образ Матильды с припухшими от поцелуев губами и черными глазами, полыхающими страстью... Ребенок — вот истина, безмятежность...

— Моя дорогая девочка! — прошептала Мари ласково. — Давай теперь спустимся по лестнице! Обними меня за шею и держись крепко-крепко! Вот так, умница! Бабушка не должна упасть, иначе моя крошечка, моя куколка ушибется!

Лора с беспокойством наблюдала за ними, но, увидев, как ловко свекровь спускается, успокоилась.

— Сразу видно, что вам не привыкать к работе на ферме, мадам Мари! — крикнула она. — Я не такая проворная, как вы! Идите поскорее в прохладу, в кухню! Рагу на печке!

Прижимая к груди свою обожаемую ношу, Мари прошла через двор

под звонкие крики Камиллы и Мелины. Девочки влезли на стог сена к Полю и теперь вовсю подтрунивали над ним, передавая Лоре буквально по пучочку сена.

— Уж не знаю, помогут эти плутовки твоему папе или, наоборот, будут ему только мешать! — прошептала Мари в шейку малышки.

У этой маленькой девочки были круглые щечки и светлые кудряшки, которые на солнце сверкали рыжими искорками мамы Лоры. Особенно хорошеньким был ее ротик с четко очерченными, всегда влажными губками.

— Моя Люси, если бы ты знала, как я счастлива быть здесь, с твоими родителями! Ну что, посмотрим, каким теперь стал дом?

Мари вошла в комнату, куда в самом начале столетия, когда ей не было и тринадцати, ее ввели однажды мартовским вечером, насквозь промокшую и очень несчастную. Но теперь внутреннее убранство дома было совсем другим. Вместо земляного пола сияла чистотой красная плитка, стены были выкрашены в светло-желтый цвет. На белой газовой плите тушилось рагу.

— Как здесь красиво и сколько света! — воскликнула Мари.

Поль сделал в западной стене еще одно окно, напротив старого. Обрамленные белоснежными занавесками, оба окна были открыты, пока не наступил тяжелый послеполуденный зной. На длинном дубовом столе, подаренном родителями Лоры, красовался великолепный букет полевых цветов. Большой комод, а над ним — шкафчик для посуды находились на том месте, где некогда стоял сундук Нанетт. Что до огромной печи, то Поль не захотел ее убирать, несмотря на настойчивые уговоры каменщика. Мастер полагал, что она зря занимает место и служит только источником сквозняков. На печном колпаке из покрытого лаком вощеного дерева были расставлены глазурованные глиняные горшочки без крышечек.

— Что ж, моя Люси, у твоей мамы прекрасный вкус! У вас очень красивый дом!

Мари опустила внучку на землю и взяла ее за ручку. В этот момент вошла Камилла — веселая, с покрасневшимися щеками. Она принесла корзинку и сумку.

— Лора попросила меня накрыть на стол. Я лично просто умираю с голоду! Поль и Лора скоро придут. Видела бы ты, каких он купил телочек! Они просто красавицы!

— Я посмотрю на них после обеда, дорогая. Давай поскорее накроем на стол! А где Мелина?

— Отгадай, мамочка!

— И не проси! Ты же знаешь, я опасюсь этих игр в догадки!

— Они с Лорой пошли смотреть на котят! Поль взял в дом кошку, потому что у них завелись мыши, а она недавно родила целый выводок котят. И у Мелины теперь одно в голове — взять себе котенка!

Мари поморщилась. Она не знала, какое удовольствие может доставить общение с кошкой. Сама она всегда предпочитала собак. Однако у нее не осталось времени на раздумья, потому что в кухню вошли Поль, Лора и Мелина.

— Мама! — воскликнул Поль. — Иди я тебя поцелую! Я уже не такой грязный — только что ополоснулся водой из шланга. Господи, сколько потов с меня сошло! Если бы ты только знала, как мне по душе такая жизнь! По крайней мере, когда устаешь, то точно знаешь, от чего! Не сравнить с той усталостью, которую я ощущал в моем бюро после многочасового расхваливания страховых полисов!

Лора сняла платок, которым были покрыты ее волосы, и занялась едой. Она приготовила салат к мясному рагу и жареному картофелю. Мари вынула из сумки купленную в поселке бутылку вина — бордо десятилетней выдержки. Трапеза получилась оживленной, маленькая Люси часто привлекала к себе всеобщее внимание. Мелина и Камилла по очереди кормили малышку, потом Мари взяла ее к себе на колени, чтобы приласкать.

— Вы прекрасно устроились, дети! — сказала она, когда пришло время для кофе. — Не думала, что у вас получится сделать из старой фермы такую конфетку!

— Ты еще не видела нашу спальню! — подхватил Поль. — Пока дочурка спит с нами, но в следующем году мы обустроим второй этаж. Я жду ответа от банка и пока не хочу тратить то, что накопили. Я попросил ссуду, но мне кажется, что мою заявку рассматривают слишком долго!

Мари нахмурилась. Она подозревала, что сын и так успел потратить немало. С беспокойством она спросила:

— У тебя хватит сена на этот год?

— Да, если верить папаше Ренару. Знаешь, он напоминает мне дедушку Жака... Кстати, мам, он показал мне одно место, которое, думаю, тебя заинтересует. Там есть постройки, оставшиеся еще от галлов и римлян. Похоже на старинные термы... Люди копаются в развалинах, надеясь найти клад, который, по преданию, там зарыт. Мне тоже придется там все перерыть, если банк откажет мне в этой злополучной ссуде!

— Мамочка, как здорово! — воодушевилась Камилла. — Давайте сходим туда завтра! Я так люблю все древнее! И было бы здорово найти клад! Хотя его там наверняка нет...

— Почему бы и не сходить? — согласилась Мари. — Мне когда-то рассказывали об этом месте отец и один его друг, который увлекался историей. Говорят, давным-давно, двести миллионов лет назад, там упал огромный метеорит. Этим объясняется тот факт, что состав почвы в том месте не такой, как во всем регионе. Римляне, конечно, тоже это заметили, они были хорошими строителями. Жаль только, что в этом историческом месте — я имею в виду Шассеноне — в 1912 году открыли каменоломню! Отец мне объяснил, что из-за добычи камня сгинули руины галло-римского театра. Если я правильно помню, это древнее галло-римское поселение называлось Кассиномагус. Подумать только, это в шести километрах отсюда, а я никогда там не бывала! Пора наверстать упущенное!

— Какая у тебя память, мамочка! — восхитился Поль. — На минутку в тебе проснулась школьная учительница, но пока тебе нет веры, потому что сама ты всего этого не видела! Решено: завтра я отвезу вас в Шассенон на повозке, запряженной волами. Так ездили наши предки галлы!

Лора, которая при родственниках редко открывала рот, робко пояснила:

— Я однажды зашла в полуразрушенное помещение, укрывшееся в зарослях плюща и колючих кустов. Это было здорово! Но я очень обрадовалась, когда вышла на свет. С Полем мне было бы не страшно...

Мари ободряюще улыбнулась невестке. Она часто сокрушалась из-за того, что Лора так молчалива. Пока Камилла и Мелина радостно обсуждали завтрашнюю прогулку, Поль вернулся к своим заботам фермера:

— У меня получилось купить телок и двух взрослых коров, это самое главное. Я знаю, поначалу легко не бывает. Но нам повезло, и птичий двор стал нам хорошим подспорьем, спасибо Лоре — она придумала завести гусей. Мы будем делать мясные консервы в собственном жиру и фуа-гра. На ярмарках в праздничные дни это ходовой товар!

Лора, вокруг тонкой талии которой был повязан кухонный фартук, добавила:

— Мы живем скромно по здешним меркам. Как крестьяне... Я занимаюсь огородом, мы будем собирать каштаны и орехи. Еще у нас есть сад, и яблони обещают порадовать хорошим урожаем!

— А в сентябре я пойду собирать виноград на виноградник Фирмена Варандо. Он пообещал дать мне работу. И ссуду эту я все-таки получу... — закончил Поль.

Планов у Поля и Лоры было много. Энтузиазма и энергии им тоже было не занимать. Этой парой просто невозможно было не восхищаться! Мари предложила:

— Если вам понадобится финансовая помощь, то у нас с Адрианом есть кое-какие сбережения... в надежном месте. Мы могли бы одолжить вам эти деньги, пока...

— В этом нет необходимости, мама! — заявил очень решительно вдруг побледневший Поль. — Лишь бы только этот мсье Герен наконец мне поверил. Он постоянно просит у меня сметы, бюджет и еще бог весть что! Увы, я не могу обратиться в другой банк, потому что в Лиможе только он выдает ссуды фермерам. Но в следующем году у меня уже будут собственные сено и солома, а значит, затрат станет меньше!

Мелина и Камилла поспешно выскользнули из-за стола, забрав с собой маленькую Люси. Подобные разговоры казались девочкам скучными. Когда они ушли, Мари почувствовала себя более свободно и сразу перешла к теме, которая ее беспокоила.

— Кто такой этот господин Герен? — спросила она.

— Директор банка. Молодой выскочка, если хочешь знать мое мнение! — сердито отозвался Поль. — Смотрит на меня свысока, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не схватить его за грудки и не потрянуть хорошенько, чтобы с него слетела спесь!

— Это вряд ли поможет тебе получить деньги, — нахмурившись, сказала Лора.

Мари задумалась. От одной фамилии — Герен — у нее мороз пробежал по коже. Это была фамилия Макария, ее свойственника, который когда-то выгнал их из «Бори». И этот человек в годы войны стал полицаем и надругался над ней. Своим поведением банкир поразительно напоминал Макария. Такое совпадение не могло не вызвать беспокойства, пока еще смутного. Мари нужно было найти подтверждение своим опасениям, прежде чем делать выводы...

— Поль, как выглядит этот Герен? Можешь мне его описать?

— Высокий блондин, изысканно одевается. Недавно купил себе красный спортивный автомобиль. Наш мсье участвует в «Circuit des Remparts». Ты знаешь, это гонки, которые каждый год проводят в Ангулеме. Меня поражает то, что он часто бывает у семейства Варандо. Хотя, надо признать, у Фирмена, в отличие от меня, есть деньги. И он, разумеется, разместил их у Герена...

— Значит, это твоего банкира я видела сегодня в полдень в Прессиньяке, — сказала Мари. — Все совпадает — машина, манеры, да и разговаривал он не с кем иным, как с Фирменом Варандо! Герен — фамилия Макария. Да, того самого племянника Амели Кюзенак, супруги твоего деда Жана. И я думаю, может... Дорогой, может ли быть, что твой

банкир — один из наследников Макария?

Поль встал и, сунув руки в карманы, принялся расхаживать по комнате. Если мать права, то его проблемы могут усугубиться. Об этом нужно было подумать. Наконец он ответил:

— Понятия не имею, мам! Герен — довольно распространенная фамилия в наших местах. Заметь, я допускаю, что твое предположение может оказаться верным. Но так ли это важно?

Мари промолчала, хотя у нее были все основания дать положительный ответ на последний вопрос сына. Полю не были известны некоторые события из ее прошлого, и Мари совершенно не хотелось, чтобы он о них узнал. Ее тайна долго принадлежала ей одной, теперь об этом знал и Адриан. Но зачем беспокоить Поля, если у нее нет подтверждения своим предположениям? Она задумалась: у кого можно получить необходимые сведения?

Ласковый голос Лоры озвучил решение этой проблемы:

— Я спрошу об этом у мамы. Она каждый день в лавке, поэтому знает всех в поселке. Дожидаясь горячего хлеба, женщины много чего рассказывают. Особенно Элоди!

— Будьте осторожны с нею, Лора! Должна вам сказать, эта женщина — настоящая змея и лицемерка. А может быть, и того хуже... Я только что встретила с ней в бакалейной лавке. Видели бы вы, как она рассматривала Мелину! Крайне невежливо! И даже не пыталась скрыть свое болезненное любопытство. Словом, она похлеще ста недобрых кумушек, поверьте мне на слово!

Поль положил конец этому разговору. Подойдя к матери, он приобнял ее за талию, заставляя встать:

— Мам, идем! Давай оставим в покое этих Варандо! Предлагаю тебе обойти владения под руку с обожаемым сыном! Мне столько надо тебе показать — мою скотину, птицу, сараи, которые я собственноручно побелил известкой... ну, или почти собственноручно! Признаюсь, Венсан здорово мне помогал по воскресеньям. У меня золотой зять!

Мари снова улыбалась. Она не могла сопротивляться желанию сына, однако смутилась при мысли, что Лоре придется одной убирать со стола. Обернувшись, она попросила невестку дожидаться своего возвращения.

— Не беспокойтесь об этом, мадам Мари! Идите прогуляйтесь с Полем! Он так радовался, что вы увидите, сколько всего он уже сделал! И очень долго этого ждал! Мне тут так хорошо, я всем довольна, и уж тем более не расстроюсь из-за того, что надо помыть посуду. К тому же у меня сегодня две няни! Не присматривать за Люси — это уже гора с плеч!

Глава 22

Времена года

Рука об руку мать и сын вышли из дома. Услышав на дороге блеяние, они одновременно обернулись — папаша Гонтран гнал своих овец на пастбище. Увидев Поля и Мари, он махнул в знак приветствия своей палкой. В одиночку ему было бы нелегко возвращать в стадо то одну, то другую овцу, которые так и норовили отстать, но его пес хорошо нес службу, подгоняя упрямиц.

— У Нанетт и Жака тоже были овцы, — вспомнила Мари и ощутила укол ностальгии.

— А я хочу купить несколько коз и делать сыр! — отозвался Поль.

Они обошли ферму. Мари выразила свое восхищение рыжими телочками с острыми рогами, полюбовалась утками варварийской породы, серыми курочками и гусями.

— Это — самые лучшие несушки! — пояснил Поль. — Бакалейщик берет у нас на продажу яйца.

— Дорогой, все это замечательно, но этого не хватит, чтобы обеспечить вам достойное будущее. Надеюсь, что вы не столкнетесь со слишком большими трудностями в плане финансов... Об остальном я не беспокоюсь. У меня впечатление, что вы здесь очень счастливы и с Лорой у вас прекрасные отношения. Пока в семье живет любовь, все получается. Но когда денег на все хватает, жить спокойнее...

Поль притянул мать к себе и шепнул ей на ухо:

— Лора — идеальная жена, по крайней мере, для меня. Я люблю ее как сумасшедший! Не знаю, что бы со мной было, если бы мы не встретились! Она чудесная! Знала бы ты, какая она энергичная, работающая, и всегда в хорошем настроении! Она даже находит время играть на фортепьяно...

Мари кивнула. Она вспомнила, что видела инструмент — подарок Адриана — у окна в спальне молодых супругов.

— Хочешь верь, хочешь нет, но стоит Лоре заиграть, как Люси становится просто ангелом и сразу засыпает! Получается, мы оба созданы для такой жизни. И, уверяю тебя, мы здесь очень счастливы! Нам так хорошо, что временами это меня даже пугает!

— Почему, Поль?

— Не знаю. Я боюсь, что могу однажды проснуться и понять, что это был прекрасный сон, что наше благополучие в один миг куда-то испарится! Давай лучше поговорим о чем-то другом. Например, о тракторе. Я слабо представляю, как бы я пахал мое поле плугом, как это делает большинство местных крестьян. Хотя, если придется, я смогу...

Мари с улыбкой слушала сына. Он же увлеченно расхваливал ей достоинства современной сельскохозяйственной техники. То, что Поль так быстро стал ориентироваться в этой новой для него сфере жизни, поражало, а ведь он несколько лет проработал страховым агентом! Если у Мари оставались сомнения в правильности выбора сына, то, послушав его и увидев результаты его труда, она сомневаться перестала.

Мари хотелось рассказать сыну о Матильде и ее новом капризе, но она сдержалась. К чему? Поль относился к младшей сестре снисходительно, если не сказать с некоторым безразличием. И он был так увлечен своей фермой, у него было такое хорошее настроение! Мари не хотелось портить прекрасный день упоминанием о столь неприятных для нее событиях.

Вернувшись во двор, украшенный горшками с розовой геранью, они застали Мелину играющей с белым котенком. Девочка сидела на скамье перед фасадом дома, в тени виноградной лозы. Камилла была рядом. Девушка стояла на пороге кухни и смотрела на небо над Прессиньяком.

— А где же Люси? — с беспокойством спросила Мари.

— Она спит, мадам Мари! — ответила Лора из глубины дома. — В такую жару малышам обязательно нужно спать днем. А вечером, когда становится прохладнее, я расстилаю для нее на земле одеяло.

Поль вытащил два шезлонга, принесенных из «Бори». Мари тотчас же их узнала.

— Мам, может, отдохнешь немного? Я совсем замучил тебя своими разговорами, а ведь у тебя отпуск, и им надо наслаждаться! Устраивайся поудобнее, сейчас к нам присоединится и Лора. Дорогая, хватит начищать все до блеска, иди сюда, поболтаем все вместе!

Это было приятное времяпрепровождение — обсуждение планов на будущее... Синички, дрозды и воробьи чирикали на изгороди у дороги. Редкие облачка украшали голубое небо своими перламутровыми округлостями. Лора вязала, Мари листала сельскохозяйственный журнал, Поль присел на траву рядом с женой и матерью.

Когда в Прессиньяке Мария-Антуанетта прозвонила пять раз, Камилла спросила, можно ли им с Мелиной съездить в поселок.

— Мы быстро вернемся. Особенно если Поль одолжит нам

велосипеды. Я хочу купить конфет Жану и Бертий, у меня есть карманные деньги. Я обещала угостить их вечером конфетами.

Мари не увидела в просьбе дочери ничего странного. Девочки уехали веселые, их волосы развевались по ветру.

— Камилла расцветает на глазах, — негромко заметил Поль, глядя вслед сестре. — Ты уже понимаешь, что недалек тот день, когда она влюбится?

— Полагаю, что она пока не интересуется мальчиками, Поль, и я этим очень довольна, — отозвалась Мари, которая искренне верила в то, что говорила.

— Мадам Мари, любая девочка в шестнадцать мечтает о первой любви! — возразила Лора. — Спросите у Камиллы, и вы убедитесь...

На лицо Мари набежало облачко. Ее очень беспокоило поведение Матильды, недоставало еще мыслей о будущих влюбленностях Камиллы! На самом деле она в глубине души отказывалась признавать, что младшая дочь вырастет, зная, чего можно ожидать от этого. В ее глазах Камилла оставалась подростком, и уж точно она пока не видела ее женщиной, способной любить и страдать.

— Давайте поговорим о чем-то другом! — предложила она весело, но веселье это было наигранным. — Всему свое время! Единственное, что меня сейчас беспокоит, — это поведение твоего банкира. Дело в том, Поль, что если он и вправду родственник Макария Герена, то он вполне может относиться ко всем нам плохо и поэтому отказывает тебе в ссуде многие месяцы!

— Мы это скоро узнаем, — вздохнул сын. — Я задам ему этот вопрос прямо при следующей встрече. Может отказаться, что ты права. Макария я помню смутно, но с этим банкиром они точно одного поля ягоды... Давайте и правда поговорим о чем-нибудь более приятном! Пришло время кормить скотину; ты со мной, мам?

— С удовольствием! Я докажу тебе, что умею работать на ферме не хуже тебя, дорогой! Правда, Лора? Когда после завтрака мы пошли кормить кур, я быстро вспомнила, как нужно разбрасывать зерно!

— Это правда, я сама видела! — подтвердила Лора.

И Мари с Полем энергичным шагом направились к хлеву.

***

Мелине надоело ждать. Она схватила Камиллу за запястье и прошептала на ухо:

— Долго мы еще будем здесь сидеть? Он не приедет, твой Гийом! И

вообще, мне он совсем не понравился!

Девочки присели на низкую кирпичную ограду недалеко от главной площади поселка. Расстроенная Камилла сказала:

— Ты просто его плохо разглядела! Он красивый, говорю тебе, очень красивый! И эта улыбка... Пока мы тут, у меня есть шанс. Если он проедет здесь на машине, то обязательно меня увидит!

— Тогда тебе лучше было бы вернуться сюда в шортах! — заявила Мелина. — Зря ты попросила у Лоры юбку. У тебя красивые ноги, значит, их надо показывать!

Камилла, которая не ожидала от младшей сестры такой нотации, покраснела и посмотрела на Мелину с удивлением:

— Что ты такое говоришь?

— То что надо! — отозвалась Мелина. — В кино актрисы показывают свое тело. Вспомни, Марлен Дитрих прославилась благодаря своим ногам, а у Авы Гарднер вырезы на платье во-о-от такие!

Лукаво улыбаясь, Мелина пальцем нарисовала на своей груди линию глубокого декольте, чем вызвала возмущение Камиллы:

— Слышала бы тебя мама! И потом, ты еще слишком маленькая, чтобы меня учить!

Синие глаза девочки насмешливо сверкнули, когда она сказала:

— Почему бы и нет? Готова спорить, ты еще не целовалась ни с одним парнем!

— Что ты можешь об этом знать? — пробормотала Камилла.

— Побольше, чем ты! И не делай такие глаза! Помнишь мсье Брузини, итальянца-каменотеса? Так вот, его сыну Луччано четырнадцать лет. Как-то вечером я встретила его возле Канала Монахов. Он сказал, что я хорошенькая, и поцеловал меня... в губы!

Глаза у Камиллы стали огромными, как блюдца. Она помолчала немного, словно оценивая правдоподобие услышанного, потом рассмеялась:

— Ты все придумала! Ты — и целовалась с мальчиком? А что, если я расскажу про это маме?

— Если ты меня выдашь, я расскажу, что ты влюбилась в этого Гийома и бегаешь за ним, как дурочка!

Камилла пожала плечами, признавая свое поражение. Это был далеко не первый раз, когда последнее слово оставалось за младшей сестрой. Она внимательно посмотрела на Мелину, пытаясь представить ее целующейся с сыном Брузини. Возможно, это не так уж и невероятно, да и Мелина смотрит на нее свысока... Впрочем, если даже младшая сестра позволила

Луччано себя поцеловать, это не ее, Камиллы, забота. А вот о том, что она влюбилась в красавца Гийома, матери знать никак нельзя! У Камиллы было предчувствие, что эта новость мать совсем не обрадует. И все же, как старшая сестра, она решила пожурить Мелину:

— Лучше бы тебе не повторять этот опыт, Мелина! Мне — шестнадцать, а ты еще мала для этого. О, слышишь, машина!

Со стороны дороги на Шабанэ донесся шум автомобиля. Девочки моментально забыли о своей размолвке.

— Это он! — воскликнула Камилла. — О нет! Свернул на боковую улицу! Черт!

— Едем туда! — воскликнула Мелина. — Мы можем кататься где захотим, разве нет?

Девочки вскочили на велосипеды и помчали туда, где скрылся автомобиль. Найти его оказалось несложно. Это и вправду оказался «феррари» Гийома Герена. Молодой банкир только что припарковал автомобиль перед домом семейства Варандо — красивым особняком с белым фасадом и свежеекрашенными в голубой цвет ставнями. У окна, горделиво улыбаясь, стояла Элоди.

Девочки, налегавшие на педали, заметили ее в последний момент. Теперь им нельзя было оборачиваться, это выглядело бы неприлично. Поэтому обе проехали мимо спортивного авто и его владельца, так и не осмелившись на него посмотреть.

— Смотрите-ка, дочка Мари и ее байстрючка!

Несмотря на набранную скорость, Камилла отчетливо услышала эту фразу. У нее быстрее забилося сердце, так она была возмущена. Мелина, которая крутила педали еще быстрее, была уже на другом конце улицы.

«Хорошо бы она этого не слышала! — подумала Камилла. — Какая все-таки гадина эта Элоди! Назвать Мелину байстрючкой — какое бесстыдство! И почему Гийом общается с такими людьми? А я прождала его целый час и даже не смогла ему улыбнуться!»

Мелина остановилась перед церковью, возле памятника погибшим. Девочка обернулась, чтобы удостовериться: Камилла едет следом. Когда старшая сестра, наконец, догнала ее, Мелина спросила весело:

— Ну что, ты все-таки увиделась со своим прекрасным принцем? Надеюсь, ты довольна. Только ждать его пришлось долго!

— И да и нет, — отозвалась Камилла. — Но мы сильно задержались, едем домой! И ни слова маме! Ты поняла?

— Хо-ро-шо! — нараспев проговорила Мелина.

Камилла вздохнула с облегчением, и не только из-за обещания сестры

молчать, но и потому что, по всей видимости, девочка не услышала оскорбительных слов Элоди. Камилла полагала, что, если бы это было не так, Мелина как-нибудь отреагировала бы. Однако лицо девочки не выражало ни боли, ни гнева. Наоборот, оно светилось радостью и лукавством.

Камилла подумала было, что стоит рассказать об инциденте матери, но вскоре отказалась от этой идеи. Ей так хотелось снова встретиться с Ним! Девушка погрузилась в сладкие грезы, отбросив все, что мешало ей думать о «своем» Гийоме.

Неделя в «Бори» пролетела, как один миг. Мари не только удалось на время забыть о проблемах с Матильдой, — длительное пребывание в местах, где прошла ее юность, позволило по-новому насладиться простой и счастливой крестьянской жизнью. И все же, несмотря на благость, которой были отмечены эти семь дней, Мари постоянно с беспокойством вспоминала о Нанетт. Адриан же часто навещал ее во сне, когда она вертелась на кровати, неосознанно ища теплое тело своего мужа. Если же говорить в целом, то поездка в Лимузен пошла ей на пользу, как и ее младшим дочерям.

Накануне отъезда матери в Обазин Поль и Лора с малышкой Люси пришли к Лизон и Венсану на ужин. Отношения между молодыми семьями сложились прекрасные, жили они по соседству, а потому часто виделись.

Мари настойчиво убеждала Поля принять их с Адрианом финансовую помощь. Когда детей уложили спать и в комнате остались только взрослые, она вернулась к этой теме:

— Поль, ты должен согласиться! У нас с твоим отчимом есть сбережения. Эти деньги будут вам хорошим подспорьем, пока вы не получите кредит в банке. Мне невыносимо думать, что вы оказались в затруднительном положении!

Смущенная Лора поблагодарила свекровь поцелуем. Полю пришлось признать, что это разумное решение. Мари тотчас же почувствовала облегчение. Она прекрасно знала, что нехватка денег разбивает самые крепкие семейные союзы и рушит надежды.

Удовлетворенная, она откинулась на спинку кресла и в последний раз перед отъездом вдохнула аромат земли, нагретой жарким солнцем. Ей было грустно уезжать из «Бори». Венсан принес рюмочки с ликером. Все присутствующие наслаждались безмятежностью этого летнего вечера. Момент был подходящим для размышлений и доверительных бесед, которые не предназначены для детских ушей. Мари внезапно ощутила потребность выговориться. Иную ношу так тяжело нести, что, сбросив ее,

ощущаешь, как освобождаются сердце и душа... Мари испытала потребность рассказать о пережитых страхах и беспокойстве, надеясь, что это поможет стереть их из памяти навсегда. Вот так, сидя в золотистом свете подвесной фаянсовой лампы, Лизон, Поль, Лора и Венсан услышали историю об анонимных письмах.

— И ты от нас это скрывала! — обиженно воскликнул Поль. — Мама, ну почему ты не сказала раньше? Ты не доверяешь своим собственным детям? Знай, ты очень меня обидела!

— Это уже в прошлом, дорогой! Я знала, что ты бурно отреагируешь, и это была одна из причин, почему я молчала. Прошу, не расстраивайся так! После Рождества в Обазин не пришло ни одного письма. И потом, наши друзья так нас поддержали!

— Бедная моя мамочка! — вздохнула Лизон. — Подумать только, ты прошла через такое испытание, не жалуясь на судьбу, — нам, я хочу сказать. Мне даже думать об этом страшно!

Они обсуждали историю с письмами до полуночи, но так и не нашли разгадки этой тайны. Никто из знакомых не подходил на роль сочинителя клеветнических посланий.

Наконец Лизон завела речь о Матильде. Заручившись согласием матери, она коротко изложила ситуацию, сложившуюся в семье сестры. Как Мари и предполагала, Поль совсем этому не удивился. Более того, он не видел в случившемся серьезной проблемы.

— Что ж, пусть разводится! — с раздражением отмахнулся он. — Матильде всегда хочется того, чего она не имеет, и она не изменится! Желаю этому бедняге Эрве встретить женщину поласковей, чем моя сестра, и посерьезнее!

Лоре Матильда никогда не нравилась, но она не стала высказываться по этому поводу. Венсан поступил так же. Они всегда чувствовали себя неловко в обществе второй дочери Мари Меснье. Слишком экстравагантная и жизнелюбивая, она без конца шокировала их. Матильда жила по своим законам, пренебрегая правилами приличия и нормами морали, которые для остальных ее родственников являлись основой жизни. Поэтому ее так трудно было понять и полюбить.

— Надеюсь, она по-настоящему любит этого Жюля, — завершая разговор, сказала Мари. — Я позвоню ей, как только вернусь в Обазин. А сейчас я иду спать, уже поздно. Доброй ночи, мои дорогие!

То, что Мари ощущала усталость, никого не удивило. Целую неделю она постоянно пребывала в движении — устраивала пикники на природе, помогала, не дожидаясь просьб, на ферме: чистила крольчатник, кормила

коров, вместе с Лорой возилась на огороде... И это еще отнюдь не все! С маленьким Жаном они выучили алфавит и цифры, а Бертий благодаря бабушке пополнила свой запас детских песенок и считалок, которые не переставала повторять целыми днями, к вящей радости своих родителей. Когда выпадала свободная минутка, Мари вместе с Камиллой и Мелиной каталась на велосипедах по ухабистым тропинкам своей юности. Как и было обещано, она показала девочкам источник в Волчьем лесу. По всеобщему мнению, энергии ей было не занимать!

Мари легко и грациозно встала и поцеловала каждого. Все — дети, зять и невестка — восхищались Мари, и поводов для этого было немало. Последнюю неделю она «дирижировала» жизнью в «Бори» с любовью и выдумкой. Ею невозможно было не восторгаться! От Мари исходила внутренняя сила и покой, так что с трудом верилось, что у нее очень ранимая душа. Несколько дней, проведенных в обществе «сироты из “Волчьего Леса”», дали всем возможность осознать, насколько исключительной женщиной была Мари — простой, щедрой, доброй, энергичной и жизнелюбивой.

Пока Мари обходила вокруг стола, Поль сказал:

— Мы будем скучать по тебе, мам!

Лизон со слезами на глазах добавила:

— Да, мы будем по тебе скучать! Мы все!

Растроганная Мари поблагодарила их улыбкой. Ей было очень грустно уезжать от детей и внуков.

— Я провела у вас прекрасную неделю! — ласково сказала она. — И расставаться с вами мне нелегко... Но, к несчастью, все хорошее когда-нибудь кончается. Вот почему мы это хорошее так ценим! Я же возвращаюсь к моему дорогому Адриану и нашей славной Нан! Они соскучились по мне и девочкам, можете мне поверить...

Октябрь 1949 года

— Не знаю, когда я снова увижу Гийома, ведь я теперь буду в лицее! Целый год ни малейшего шанса его встретить! У меня сердце останавливается, когда я об этом думаю! Хотя разве он может заинтересоваться такой девчонкой, как я? Я никогда его больше не увижу... Если бы только можно было еще поехать в Прессиньяк! Но родители пока даже не думают об этом!

Камилла в это дождливое октябрьское воскресенье уже больше часа жаловалась на судьбу. Мелина пришла в ее комнату и, не говоря ни слова, слушала доверительные речи сестры. Наконец она потянулась, зевнула и

сказала насмешливым тоном:

— А я, наоборот, очень даже довольна, что мы теперь не ездим так часто в «Бори»! Как вспомню о той неделе, когда мы собирали виноград! Какая скукотища! Целыми днями перед глазами один виноград! Я по меньшей мере лет десять теперь его есть не буду! А еще этот запах навоза, колочки, куриные какашки!.. Ужас! Жить на ферме мне совсем не нравится!

— Ты просто очень ленишься, и в школе, и в деревне! — возразила Камилла, пожимая плечами. — Мне собирать виноград понравилось! Тем более что тогда... я встретила Гийома на площади в Прессиньяке, перед бакалейной лавкой. Он узнал меня и поздоровался, ты помнишь? Мелина, он смотрел на меня! По-особенному! Ну, ты понимаешь?

— Может, и смотрел, я не знаю! — безразлично отозвалась девочка. — Не понимаю, что ты находишь в этом типе? Правда, мне он сказал, что у меня красивые глаза!

— Говорить о людях «тип» невежливо! И особенно о Гийоме! — обиженно воскликнула Камилла. — Ну и что, что он похвалил твои глаза? Все так говорят, это же банально! Конечно, с твоими черными ресницами ты похожа на куколку... Но посмотри на себя — у тебя же, бедняжки, еще нет груди!

Раздался стук в дверь, остановив Мелину, которая уже приготовила обидную реплику в ответ на колкость сестры.

— Девочки, ваши чемоданы готовы? Автобус отправляется через час, не забыли?

— Да, мамочка! — успокоила мать Камилла. — Скажи, ты ведь приедешь в четверг в Брив?

— Да, мама Мари! — подхватила Мелина. — И мы пойдем в кино, как ты обещала!

Мари сделала девочкам знак не кричать, поскольку у нее началась мучительная мигрень.

Мелина в этом году перешла в четвертый класс. То, что она пропустила год, не стало для девочки проблемой. Внешне она выглядела моложе своих лет, хотя тело ее понемногу развивалось. Мелине предстояло открыть для себя жизнь в пансионе, а это значило, что пять дней в неделю она будет избавлена от бдительного надзора Мари и Нанетт. Как же девочка этому радовалась! Правда, теперь ей, наверное, придется серьезнее относиться к занятиям...

До этого года Мари предпочитала оставлять младшую дочь на «полупансионе»: каждое утро Мелина садилась в автобус на городской

площади в Обазине и каждый вечер возвращалась домой. Ее соученикам повезло куда меньше — с поступлением в коллеж им пришлось узнать, что такое жизнь в пансионате. Решение Мари объяснялось ее желанием щадить и оберегать девочку, которую она взяла под свою опеку. Поэтому она баловала Мелину куда дольше, чем остальных своих детей.

Коллеж и лицей являли собой единое учебное заведение, но находились в разных зданиях. А вот пансионат был общим. Предполагалось, что Камилла поможет младшей сестре привыкнуть к новой жизни. Мари пообещала девочкам, что иногда по четвергам станет приезжать и забирать их из пансионата на целый вечер, который они, вероятнее всего, будут проводить в кинотеатре.

— Скорее всего, я приеду в следующий четверг, — ответила она. — На этой неделе мне нужно съездить в Лимож.

— В Лимож! — воскликнула Камилла с неожиданным интересом.

— Это деловой визит, дорогая, — отозвалась Мари. — А теперь поторопитесь! Вы пообещали Нанетт, что посидите с ней немного, и она давно вас дожидается. Боюсь, вы не уедете, пока не выполните свое обещание!

Стоило двери закрыться за Мари, как Камилла стала изобретать самые невероятные предлоги, чтобы поехать с матерью в Лимож. Она прекрасно знала, что у нее ничего не выйдет, и все же мысли ее понеслись галопом, стоило только услышать название города. Там живет ее суженый — и этого уже было достаточно для нового погружения в сентиментальное исступление.

На лестничной площадке о ноги Мари потерлась Опаль — кошечка, которую Мелина привезла из «Бори». Место маленького Юкки в сердце девочки занял этот котенок.

— Моя лапочка, ты хочешь молока? Подожди немного, твоя хозяйка занята!

Опаль последовала за Мари в кухню, где у печи с вязанием в руках сидела Нанетт. Старушка вполголоса разговаривала сама с собой, что случалось с ней все чаще. Когда вошла Мари, она спросила громко:

— А как там наша Ману? Когда уже у нее будут детки? Она давно к нам носа не кажет! Видите ли, в Обазине, как на ее вкус, слишком тихо!

— Нан, дорогая, ты же знаешь, она постоянно занята! И недавно она прислала тебе открытку. Мило с ее стороны, ты не находишь? Она думает о тебе, тебе это прекрасно известно!

— Почтовая открытка — это не то! — пробурчала в ответ Нанетт. — Я хочу поцеловать свою внучку, а не клочок бумаги! Я уверена, что у нее не

все гладко, а ты не решаешься мне признаться в этом!

Мари ответила не сразу. Она подавила вздох усталости, который только укрепил бы ее приемную мать в своих догадках. Ну как только Нанетт удавалось уловить самую суть проблемы, которую от нее пытались скрыть? Вдобавок она обладала талантом попасть прямо в больное место... каким в данный момент для Мари являлась жизнь Ману.

Матильда, как и Жиль, ее любовник, начала процедуру развода. Однако молодая супруга последнего требовала в качестве отступных приличное ежемесячное содержание. Что до Эрве, который по-прежнему был влюблен в свою капризную Матильду, то он согласился на все требования в тщетной надежде ее разжалобить.

«Скрывать такие вещи очень утомительно, — подумала Мари, наливая в чайник воду. — И не только от Нанетт, но и от Камиллы и Мелины! Я уже не знаю, что мне делать! Рано или поздно все станет известно. Но я не буду ничего рассказывать, пока развод не будет оформлен, — так лучше для репутации Матильды».

Нанетт смотрела на нее сквозь двухфокусные стекла своих очков. Безмятежное выражение лица Мари поставило ее в тупик. Вернувшись к своему вязанию, она решила зайти с другой стороны:

— Значит, не хочешь говорить? Вот только не ври, что у тебя все прекрасно! Я знаю, когда тебе плохо, благо мы не первый десяток лет живем вместе, доченька...

— Нан, ну что ты хочешь, чтобы я тебе сказала? Утром я уже тебе объясняла, что меня беспокоит: Поль до сих пор не получил ссуду в банке. Теперь этот молодой нахал Гийом Герен требует, чтобы мы с Адрианом выступили поручителями. Мне придется поехать в Лимож и подписать бумаги.

— Сынок Макария, этот банкир? Пусть бы Поль искупал его в навозной жиже, и дело с концом! Я думаю, он такая же жаба, как и его отец!

И Нанетт, передернув плечами, плюнула на угли. Таким образом она подчеркивала свое презрение к мерзавцам. Естественно, такие выходки были Мари не по нраву. Потеряв терпение, она воскликнула:

— Я сто раз просила тебя так не делать, Нан! Это отвратительно!

— Ты меньше манерничала, когда тебе было тринадцать, доченька!

И старушка, поджав губы, отгородилась стеной молчания.

Мари давно привыкла к ежедневным перебранкам, а потому стала спокойно готовить чай. Она вздохнула, утомленная этими внутрисемейными баталиями. А ведь им предстояло столкнуться с куда

большими проблемами... С некоторых пор у нее появилось смутное ощущение, что судьба ополчилась против их семьи. После смерти Южки и анонимных писем теперь эта история с ссудой Поля... Обычно процедура кредитования проходит без особых трудностей, но только не для членов семьи Меснье. Дело предстало в новом свете, как только Лора узнала, что Гийом, этот молодой банкир, отказывавшийся дать им кредит, действительно сын Макария Герена. На этот вопрос мать Лоры получила положительный ответ от деревенских кумушек. Макарий... От одного этого имени Мари словно мороз пробирал. А ведь она полагала, что те темные периоды в ее прошлом забыты навсегда! Сколько же еще лет она будет сталкиваться со злом, порожденным Макарием? Теперь его сын подхватил эстафету! В это просто невозможно было поверить!

Новость не слишком обрадовала обитателей фермы в «Бори». Адриан сказал даже, что Полю ни за что не получить этой ссуды. Мари часто размышляла о сложившейся ситуации, ища способ ее разрешить.

«Я должна все уладить! У Гийома Герена нет никаких причин относиться к нам плохо! Это просто смешно! Мне нужно объясниться с ним лично, он должен меня выслушать!» — сказала она себе, пытаясь приободриться. И все же перспектива встречи с сыном Макария ее совершенно не радовала.

Погруженная в невеселые размышления, Мари вздрогнула, когда вошли Камилла и Мелина.

— А, это вы, мои курочки! — воскликнула Нанетт. Она была рада забыть о своем плохом настроении. — Идите я вас расцелую! Без вас неделя тянется так долго! Такие, как я, старухи любят, когда вокруг них суется молодежь!

Камилла наклонилась и ласково поцеловала ту, кого привыкла называть бабушкой. Увидев в руках старушки спицы, она спросила:

— Что ты вяжешь? Шарфик?

— Да, для Поля! В Прессиньяке зимой северный ветер так и свищет! Твой отец пообещал отвезти меня в «Бори» на Рождество!

Мелина налила немного молока для Опаль, которая отчаянно замыкала, стоило хозяйке появиться в кухне. Напившись, кошечка вспрыгнула к девочке на колени, и та стала ее гладить. Тотчас же послышалось звонкое мурлыканье. Мари в очередной раз с улыбкой подумала, насколько похожи ее приемная дочь и этот маленький зверек: у обеих треугольные мордашки, большие светлые глаза, немного надменный взгляд, обе капризные и обладают шармом, который весьма расчетливо применяют.

— Вы прекрасно ладите, Опаль и ты! — заметила она.

— Вот только я не ем мышей! — прыснула Мелина.

— Что до мышей, то кошке приходится потрудиться! — сказал Адриан, который только что вернулся домой и услышал последние фразы их диалога. — Вы готовы, медмуазель^[14]? Думаю, что автобус уже приехал. Поторопитесь и не забудьте зонтики! Идет сильный дождь!

Пять минут спустя Мари, стоя на пороге, с щемящим сердцем смотрела, как они уходят. Расставаться с дочерьми каждое воскресенье было очень грустно, но ведь Обазин — всего лишь маленький городишко, и всем детям, которые хотели продолжать обучение, приходилось ездить в Брив, коллеж и лицей которого принимали учеников из всех окрестных общин.

Недели будут медленно тянуться, но такова жизнь... И Мари это понимала. И все же первое расставание давалось ей очень тяжело. И лучшим утешением была мысль, что в понедельник она снова вернется в школу. Смысл ее жизни состоял в том, чтобы заботиться о ком-то, передавать свои знания, дарить нежность и внимание. Она старалась, чтобы каждая доверенная ей ученица добилась наилучших результатов.

Печальная, взволнованная, она оперлась о створку двери. На Обазин опускалась ночь. Дождь ознаменовал начало осени, на соседних холмах свистел ветер. Тут и там зажигался свет в окнах. Мари дрожала от холода и тревоги. Этот промозглый, холодный вечер, это затянутое черными тучами небо напомнили ей другую осень, тоже дождливую и мрачную, когда отвратительные анонимные пасквилы наводнили городок. И вот сезон мертвых листьев вернулся, заставляя опасаться новых испытаний...

«Теперь мне придется встретиться с сыном Макария, — сказала она себе. — Ну почему в жизни все так сложно? Я устала бороться... И мне уже кажется, что все мои усилия напрасны, потому что снова и снова возникают препятствия... Но на этот раз я буду защищать своего сына, и Гийом Герен мне не страшен! И все же было бы лучше, если бы я не смогла сказать о нем “каков отец, таков и сын”!»

Глава 23

От отца к сыну

Вот уже полчаса Мари мерила неслышными шагами банковский холл. Супруга доктора Меснье нервничала все сильнее, это ожидание уже казалось ей бесконечным. Должно быть, Гийом Герен очень занят, раз не смог принять ее в оговоренное время...

Мари торопилась покончить с этой историей, волновавшей ее куда больше, чем она согласилась бы признать. Будущее ее сына зависело от этой встречи с наследником Макария, так что она была вынуждена ждать.

«И все же это очень невежливо! Я пришла за пять минут до условленного времени и вот уже больше получаса жду!» — сердилась Мари.

В сотый раз она поймала в зеркале свое отражение. Она долго думала, как одеться, и остановила свой выбор на синем тергалевом костюме, а под него надела красивую белоснежную блузку. Отражение ее порадовало: в зеркале она видела все еще красивую, уважаемую женщину, достойную супругу доктора и учительницу.

— Мадам Меснье! — позвала ее молодая сотрудница банка. — Господин Герен готов вас принять!

— Наконец-то! Я уже думала, что проведу здесь весь день!

— Просто сегодня у господина Герена много дел, — пояснила молодая женщина. — Уверяю вас, он в первый раз заставляет ждать такую женщину, как вы!

«Это меня не удивляет! — подумала Мари, усмотревшая в этой детали очевидное проявление враждебности. — Мы еще не знакомы, но начало не самое обнадеживающее!»

Наконец она вошла в просторный кабинет. Свет попадал в него через огромное окно, но, поскольку день был пасмурный, комната выглядела серой и немного грустной. За столом в стиле ампира, уставленным дорогими безделушками, восседал Гийом Герен. Глаза полужакрыты, губы поджаты... Молодой банкир даже не пытался выглядеть приветливым. Пальцы его правой руки постукивали по подлокотнику кожаного кресла.

«Смотрите-ка, он нервничает не меньше, чем я!» — подумала Мари без удовлетворения.

— Присаживайтесь, мадам!

Супруга доктора Меснье, осознавая, что хозяин кабинета откровенно и пристально ее рассматривает, хранила молчание. Гийом смотрел чуть ли не нагло, и это раздражало, однако Мари взяла себя в руки: надо было помнить о Поле. Сейчас, когда будущее сына стояло на кону, не время учить наглеца правилам вежливости!

— А вот, наконец, и Мари из «Волчьего Леса»! — проговорил вдруг Гийом негромко.

Первой реакцией на столь фамильярное приветствие было удивление, но Мари решила, что не стоит начинать беседу с перепалки. Тихим и ласковым голосом она сказала, улыбаясь:

— Вы знаете мое детское прозвище! Меня давно так никто не называет, за исключением Элоди Варандо. Вы, я полагаю, с ней знакомы...

— Когда отец говорил о вас, он называл вас так... если, конечно, был в хорошем настроении!

Разговор соскальзывал на тему, обещающую стать настоящим «минным полем». Мари недоумевала: предполагалось, что они будут обсуждать вопрос займа Поля, но никак не вспоминать Макария! Она проделала этот путь до Лиможа вовсе не затем, чтобы говорить об этом человеке. Мари оказалась в затруднительном положении. Она воздержалась от ответа, дав тем самым молодому банкиру понять, что ему не следует развивать эту скользкую тему.

— Думаю, вы хорошо помните моего отца! — ледяным тоном произнес Гийом.

— Разумеется. Он был моим свойственником. Но не думаю, что эта тема представляет для нас интерес. Мы планировали обсудить вопрос о кредите. Поймите, для моего сына...

Гийом Герен схватил разрезной нож для бумаг с вычурной рукояткой из слоновой кости и посмотрел на Мари с ироничной ухмылкой:

— А что, если я хочу поговорить с вами о моем отце? Вас это смущает, мадам? Уж не мучают ли вас угрызения совести? Я бы не удивился, узнав, что это так!

На этот раз Гийом в открытую дал понять, что эта встреча — всего лишь предлог для сведения личных счетов. Из этой словесной атаки Мари сделала вывод, что он считает, будто она виновата в чем-то перед его отцом. Это было абсурдно и несправедливо! Если уж говорить о злодеяниях, то Макарий в этом не знал себе равных! Никогда ей не приходилось встречать более злобного человека и к тому же склонного к насилию. Пришло время расставить все точки над «i». Она сказала

спокойно:

— Мсье Герен, я не понимаю, на что вы намекаете. Было бы странно говорить с вами о том, чего вы не можете помнить в силу своих юных лет. Поэтому позволю себе сказать, что вы ошибаетесь. У меня нет причин мучиться угрызениями совести, и уж тем более по отношению к вашему отцу!

— Вы — прекрасная актриса! — глумливо воскликнул банкир. — Меня предупреждали, но я и представить не мог такого! Стоит только на вас взглянуть — и любой грех хочется отпустить без исповеди! Вы думаете, так и будете безнаказанно всю жизнь прятать свою натуру под личиной благопристойной дамы, которая выше любых подозрений? А, как же, я забыл! Выйти замуж за доктора — какой великолепный ход! Это сразу придало вам веса! Вам, конечно, нравится строить из себя важную даму...

На лице Гийома Герена читалась такая ненависть, что Мари почувствовала себя в опасности. Она узнавала в поведении этого молодого мужчины жестокость Макария, его манеру оскорблять, его немотивированную злобу, удовольствие от того, что кому-то больно... Она выпрямилась и посмотрела на дверь. Уйти, чтобы не выслушивать эти бредни, или защищаться? Нет, она останется и не позволит себя оскорблять ни секунды больше!

— Мсье, с какой стати вы обращаетесь со мной столь неучтиво? Я пришла поговорить с банкиром, а не с потомком Макария, достойным своего отца. Прошу вас, возьмите себя в руки и говорите со мной вежливо! Я не понимаю, какую цель вы преследуете. Ваш отец относился ко мне плохо. Долгие годы он считал меня незаконнорожденной. Но это дело прошлое. Уверяю вас, я никогда не делала ничего, чтобы ему навредить. Ваше поведение утвердило меня в мысли, что он как следует постарался очернить меня...

Ее ответ, спокойный и полный достоинства, заставил молодого банкира растеряться. Он помолчал. Мари он напомнил хищника, готового прыгнуть на свою жертву, ищущего самый верный способ атаковать ее и сразить!

— Мадам, повторяю, вы абсолютно зря стараетесь меня одурачить! Я с презрением отношусь к вам, и не я один... Вы сеете несчастья, сохраняя при этом вид эдакой святоши!

Рассерженная Мари встала. Этот человек попросту не воспринимал сказанное ею. Ей удалось сохранить самообладание, она попыталась с помощью ясных и логичных аргументов опровергнуть обвинения Гийома, но тот не желал ничего слышать. Складывалось впечатление, что он

унаследовал от отца все его худшие качества и, судя по всему, его глубокую ненависть к ней, Мари. Этот молодой человек заслуживал хорошей трепки, которая, возможно, вернула бы ему способность мыслить здраво. Ей вдруг захотелось схватить его за шкуру и как следует встряхнуть, словно шаловливого ученика, который сделал что-то дурное. Однако ей было любопытно услышать продолжение, и она все еще с трудом верила в услышанное. Это помогло Мари сдержать свой порыв. Раз уж она здесь, нужно покончить с этим ужасным недоразумением!

— Как вы можете говорить такие глупости?! — возмутилась она. — Вы ведь совсем меня не знаете! И позволю себе заметить, что как раз ваш отец обладал даром сеять вокруг себя несчастья, а не я! Вы ведь выросли в «Бори», не так ли? Так вот, это — дом моего отца, и я много лет жила в нем со своими детьми, пока Макарий нас оттуда не выгнал! Просто взял и вышвырнул нас за порог!

Гийом разразился циничным смехом. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы он смог выговорить со злобной радостью в голосе:

— Я бы поступил так же, поскольку по закону дом принадлежал моему отцу! И вы потом бесились от злости, признайте! И долгие годы варились в этой злобе, чтобы потом самым мерзким образом ему отомстить! И не стройте из себя божьего ангела! Я знаю, мадам, что это вы виноваты в смерти моего отца! Его расстреляли, когда освобождали Тюль, прямо на улице, по доносу, как коллаборациониста! Точнее, по вашему доносу! Он умер из-за вас, и я никогда это не забуду! Ваш сын может хоть всю жизнь ждать ссуды, он ее не получит! Пусть переезжает в другой регион, обращается в другой банк... мне нет до него никакого дела! Пока я жив, он не получит ни су! И вот ирония судьбы: ваш дорогой супруг, доктор Меснье, — он-то точно работал на немцев! Мне все про него рассказали... А вы, вы лишили меня отца! Как мы с матерью вас проклинали, знали бы вы...

Эти сочившиеся ненавистью слова напомнили Мари о недавних событиях...

— От кого вы слышали всю эту ложь, мсье? — спросила она, пытаясь сохранять спокойствие. — От кого? Покажите мне хотя бы одну живую душу, которая может подтвердить ваши обвинения! Я не боюсь этих клеветнических нападок! Нас с мужем уже обвиняли во многих грехах, но вы перешли все границы!

Гийом с ухмылкой передернул плечами. Мари, раздражение которой росло, продолжала:

— Насколько я поняла, вы обвиняете меня в том, что я донесла на

вашего отца. Поскольку мы не имели чести знать друг друга, должна вам объяснить, что на мой счет вы заблуждаетесь. Видите ли, я выросла в приюте в Обазине, где сестры учат своих воспитанниц милосердию и терпимости. Воспитанная на принципах любви и уважении к ближнему, я живу, как подобает христианке. Как могла я желать чьей-то смерти и тем более способствовать убийству, пусть даже такого человека, как ваш отец? Мне бы и в голову не пришло такое, не говоря уже о том, чтобы так поступить! Могу только еще раз повторить: все, что вы сказали, — неправда! Но вы вольны верить во что хотите. Моя совесть чиста, и мне не в чем оправдываться.

Мари снова опустилась на стул. Ей нужно было подумать. Было бы проще рассказать правду... Однако внутренний голос советовал ей оставить при себе свои секреты, к которым имел отношение Макарий, особенно учитывая то, что факты были слишком интимного свойства, чтобы упоминать о них в подобной беседе, тем более перед человеком, который ее слепо ненавидел.

Погрузившись в свои мысли, Мари на минуту забыла о присутствии Гийома. Склонив голову и глядя перед собой, она, не отдавая себе в этом отчета, щелкала застежкой своей сумочки.

«Если Гийом принял эту версию прошлого, то неудивительно, что он меня ненавидит! — говорила она себе. — Он, разумеется, обожал отца, возвел его на пьедестал... Но как могло случиться, что он не знал, чем занимался Макарий во время войны? Послушать этого юношу, так его отец был героем Сопrotивления, достойным получить награду из рук генерала Кенига этим летом в Бриве... Если бы, конечно, он был еще жив...»

Мари так глубоко задумалась, что вздрогнула, когда ее собеседник крикнул:

— Я достаточно насмотрелся на вас, мадам! Выйдите вон! Я мечтал увидеться с вами, мечтал заставить вас заплатить за смерть отца и за весь тот стыд, который я испытал в юности, ловя на себе косые взгляды! Еще бы, ведь я был для всех сыном коллабо! Вам не понять моих страданий, когда я видел, что тем временем настоящие мерзавцы живут припеваючи, в свое удовольствие... в Обазине, например! Но что сделано, то сделано, и ничего теперь не исправишь... И вставлять палки в колеса вашему дорогому сыночку кажется мне слишком незначительной мезтью. Вам не на что жаловаться, вы еще легко отделались!

Расстроенная Мари подняла голову. Она какое-то время смотрела на Гийома своими золотисто-кариими глазами, прежде чем сказать:

— Господи, как же вы, должно быть, несчастны! Мне очень жаль, что

вам пришлось столько перенести, и именно поэтому я предпочитаю промолчать. Не хочу причинять вам новую боль. Прощайте, мсье Герен! Оставляю вас наедине с вашей никчемной ненавистью!

Мари надела перчатки, встала и твердым шагом направилась к двери. Ее финальная тирада попала прямо в десятку. И это притом, что она говорила без всякой задней мысли и ее сочувствие по отношению к молодому человеку было искренним.

Уязвленный в самое сердце, поколебленный в своих убеждениях, Гийом не знал, как вести себя дальше — посмеяться над этой невероятной женщиной, которой было не занимать элегантности и уверенности в себе, или же попытаться узнать больше... После секундного раздумья он вскочил и резко схватил свою собеседницу за руку. Он не отпустит ее так просто после этих слов! Она должна объяснить! Он воскликнул в ярости:

— Зачем вы сказали, что предпочитаете молчать? Что вы знаете такое, о чем я не знаю? Говорите же!

После недолгого колебания Мари высвободила свою руку и открыла сумочку.

— Я оставляю вам номер телефона моего супруга. Кто знает? Вы можете передумать...

Гнев Гийома растворился. Он чувствовал себя беспомощным перед необъяснимым сочувствием Мари. Не глядя на нее, он проговорил:

— Если вы намекаете на ссуду, то мое решение окончательное! И вашего поручительства мне не нужно!

— Я это уже поняла. Это был всего лишь жалкий предлог, чтобы заставить меня прийти, — это позволило вам освободиться наконец от боли, которая вас мучила. Надеюсь, теперь, когда вы излили свой яд, вам стало легче. Я начинаю к этому привыкать... Около года назад кто-то счел уместным слать нам, и не только нам, письма с оскорблениями и угрозами... И это продолжалось около двух месяцев! Интересное совпадение — там тоже говорилось о сотрудничестве с фашистами... Это странно, не так ли?

Молодой банкир внезапно побледнел. Неужели она угадала? Все указывало на него как на организатора этого мрачного фарса! И все же ей трудно было представить его печатающим на пишущей машинке измышления, которые заставили ее так страдать...

— Вы вдруг замолчали, мсье! — не отступала Мари. — Все сходится: на письмах был штамп Лиможа, где вы и проживаете; вы назвали моего мужа коллаборационистом... Так кто же в этой комнате преступник — вы или я?

— Не знаю, о чем вы говорите, мадам!

— Неужели? Вы сказали, что изнемогали под грузом общественного осуждения после смерти вашего отца. Я же говорю вам о боли, которую спровоцировали эти анонимные письма. Я их сожгла, но эти строчки навсегда запечатлелись в моей памяти. Еще немного, и нам пришлось бы уехать, расстаться с друзьями, оставить свой дом... И все это из-за труса, который побоялся бросить все эти обвинения нам в лицо! Но наша невиновность была признана публично, и письма перестали приходить. Если человек честен и порядочен, никакой поклеп ему не страшен. Поймите главное: прежде чем обвинять, наведите справки и не принимайте за чистую монету то, что кем-то преподносится вам как правда; всегда все проверяйте сами! Зачем снова барахтаться в грязи? Забудьте то, что заставило вас страдать, и смотрите вперед! Вы не должны отвечать за преступления других, за их ошибки. А теперь, с вашего позволения, я ухожу!

На этот раз Мари быстрым шагом направилась к двери и вышла из кабинета. На улице она набрала полную грудь прохладного и влажного воздуха. Какое это облегчение — наконец расслабиться и отпустить на волю эмоции! После этой встречи у нее остался горький осадок. Изнуренная конфронтацией с сыном Макария, Мари мечтала только о том, чтобы вернуться домой и поставить финальную точку в этом деле, каковой станет разговор с Адрианом. Теперь, когда ситуация прояснилась, им предстояло принять решение.

— Господи, как это неприятно! — прошептала она. — Макарий продолжает мне вредить, даже будучи мертвым! Этот бедный мальчик упадет с небес на землю, когда узнает, на что был способен его отец! Но я не стану до этого опускаться! Если он и узнает правду, то не от меня! В любом случае он бы и не поверил мне...

В поезде, следующем из Лиможа в Брив, у Мари было достаточно времени, чтобы обдумать эту невероятную встречу и ее последствия.

«Завтра же напишу Полю. Как он будет разочарован! Но мне противно даже думать, что будущее моего сына зависит от доброй воли Гийома Герена! Возможно, нам стоит проконсультироваться в другом банке, в Ангулеме. Нужно поговорить с Адрианом об этом, он знает, как лучше поступить!»

Мари прижалась лбом к стеклу и закрыла глаза. Тотчас же красивое и своеобразное лицо сына Макария возникло перед ее мысленным взором. Потребность в отмщении за перенесенные в юные годы унижения и ложь матери подтолкнули его организовать сегодняшнюю мизансцену. За всем

этим Мари видела куда больше страданий, чем злости. Как ни странно, ей было искренне жаль Гийома. К концу разговора у нее сложилось впечатление, что он скорее обеспокоен и растерян, чем одержим желанием мести.

Пора бы уже этому осеннему дню и закончиться! Она вздохнула и посмотрела на часы, с нетерпением ожидая, когда же покажутся крытые плитняком крыши Брива.

Уже почти стемнело, когда Мари, наконец, приехала в свой городок. Стоило автобусу из Брива остановиться на площади, как из дома вышел поджидавший жену Адриан. В доме вкусно пахло и было тепло, и у Мари сразу стало легче на душе. Нежность Адриана бальзамом пролилась на растревоженные раны. Он знал, как она боялась этой встречи в Лиможе с того самого дня, когда они узнали о родственной связи между Гийомом и Макарием. Не в силах больше оставаться в неведении, он спросил:

— Этот банкир — порядочный негодяй, надо полагать?

— Это было очень неприятно... Но я расскажу тебе все потом, в нашей теплой постели. Прошу, дай мне отойти от всего этого. И я бы съела чего-нибудь. Когда я волнуюсь, у меня просыпается волчий аппетит! А где Нанетт?

— В кухне, дорогая! Есть другие предположения? Вяжет, как обычно. Ты совсем не думаешь обо мне! Я так волновался, а ты не хочешь побыть со мной наедине!

Адриан часто просил жену уделять ему больше времени, находя, что Мари слишком погружается в повседневные заботы. Он испытывал потребность убеждаться вновь и вновь в том, что она все так же любит его, в том, чтобы целовать ее при малейшем поводе, прижимать ее к себе...

Она улыбнулась и приблизила свои губы к его губам. Адриан крепко обнял жену за тонкую талию и стал целовать с пылом юного влюбленного. Они воспользовались покоем большого опустевшего дома, чтобы насладиться этими объятиями в полутьме вестибюля. Некому было им помешать. Мари вздохнула, счастливая любовью своего супруга и его неутолимимым желанием. Она обожала его жадные губы, его потребность в прикосновениях, в поцелуях, обожала, когда его ласковые руки скользили по ее бедрам...

— Идем, мне нужно подкрепиться! — шепнула она ему на ухо. — Надеюсь, ты сможешь немного подождать?

С игривым видом она отстранилась и увлекла его за собой в кухню.

Опаль, рожденная на ферме в «Бори», стала для Нанетт, которая частенько ощущала себя одинокой, приятной компаньонкой. Ласковая

кошечка часто сворачивалась клубочком у ног старушки и мурлыкала от удовольствия. Когда ей хотелось есть, она взбиралась на угол буфета и оттуда подстерегала мышей.

— Эта кошка будет похитрее иных людей, — часто повторяла Нанетт и, невзирая на свой ревматизм, вставала, чтобы налить Опаль молока.

В этот вечер Нанетт, по своему обыкновению, сидела у печки. Пушистая любимица устроилась у нее на коленях, в ногах стояла корзинка с начатым вязанием. Адриан включил для старушки радио: Нанетт теперь часто слушала передачи, в которых читали отрывки из литературных произведений. Вот и сейчас как раз передавали отрывок из радиоспектакля «Семья Дюратон».

— Какое это счастье — вернуться домой! — со вздохом сказала Мари и опустилась на стул. — Нет ничего лучше огня в очаге, чтобы поднять себе настроение и согреть промокшие ноги! Мне совсем не нравится Лимож. Там я чувствую себя потерянной...

Адриан нахмурился. Ему не терпелось услышать, о чем разговаривала его жена с Гийомом Гереном, но желание его осуществилось только спустя два часа, уже в их с Мари спальне. Лежа рядом в темноте, они наслаждались этим моментом, столь располагающим к доверительному разговору.

— Так, значит, ты полагаешь, что Гийом Герен писал те письма! — заключил Адриан, когда жена закончила свой рассказ. — Это серьезное обвинение, дорогая, и доказательств ты никогда не получишь...

— Я знаю. Но это останется между нами, между мной и тобой. Я думаю, бедного мальчика убедили в том, что это я донесла на его отца! Естественно, он меня ненавидит! Он был дерзок, его слова были оскорбительны... И все же я не могу на него за это злиться.

— Ты — просто святая, моя любимая женушка! Я бы не удержался и как следует тряхонул этого молокососа! И если бы у меня была уверенность, — а у тебя она возникла! — что это он автор писем, из-за которых мы прошли все круги ада, я бы с удовольствием вытряс из него весь яд! Мы пережили такой кошмар, и, возможно, он в этом виноват...

Мари прижалась щекой к плечу Адриана и легонько погладила его по голове:

— Не сердись, ведь ничего не известно наверняка! Эта мысль внезапно пришла мне в голову, вот и все! Что меня действительно беспокоит, так это положение Поля. Я спрашиваю себя, как он сможет выкрутиться без этой ссуды? И мы больше ничем не можем ему помочь!

— Я подумала об этом, — шепотом пообещал Адриан. — А от

Матильды есть свежие новости?

— С прошлой недели — ни слова. Но она наслаждается счастьем со своим Жилем! Клиентов у них много, и они живут вместе, хотя развод и у нее, и у него еще не оформлен. Мне это не нравится!

Адриан не стал высказывать свое мнение, он просто прижал Мари к себе. В уюте и тепле их постели некоторые проблемы утрачивали свою значимость. Внезапно он шепнул, желая ее поддразнить:

— Если уж ты так беспокоишься о Матильде, можешь поволноваться заодно и о Камилле с Мелиной! Они ведь такие хорошенькие! Думаю, наши девочки вскружат многим головы и разобьют немало сердец!

— Не говори так! — взмолилась Мари испуганно. — «Да, новый день приносит новые заботы», как любит повторять наша Нанетт.

— Чтобы заставить меня замолчать, тебе придется вставить мне в рот кляп... или поцеловать меня!

Мари выбрала второй вариант, более приемлемый для ее натуры. На этот раз она не стала разрывать объятий, совсем наоборот... Все ее страхи и потребность в утешении подталкивали к тому, чтобы забыться, отдавшись лакомым ощущениям, которые дарили ее тело и тело Адриана. Исключительный случай — Адриан первым попросил пощады! Мари ласково пожурила его, и ее провокаций было достаточно, чтобы в нем снова проснулись сила и желание. И опять оказалась на высоте! Остатка ночи им едва хватило, чтобы хоть немного отдохнуть...

Апрель 1950 года

Повязав волосы платочком, Камилла энергично вытряхивала половой коврик, свесившись из окна своей комнаты. Потом она положила его на подоконник и, опершись на него же локтями, посреди яркого и солнечного апрельского дня погрузилась в мечтательную задумчивость.

Она вздохнула, закрыла глаза и подставила лицо ласковым лучам. Теплый ветерок навевал желание отдаться вихрю новых чувств, которые проснулись в ней с возвращением весны, в голову иногда приходили чудные мысли. Кожей открытой шеи и рук она остро ощущала каждый порыв ветерка. Раньше она никогда не обращала внимания на такие мелкие и такие приятные детали. Казалось, ее тело проснулось от зимней спячки и ожило, совсем как почки на деревьях, переполненных жизненными соками. Камилла потянулась, давая жизни, которая была в ней ключом, напитать каждую клеточку своего тела...

В листве обрамлявших площадь деревьев громко щебетали птицы. Пел фонтан, природа вновь обрела свои яркие краски... Городок казался совсем

другим, как если бы она видела его впервые. Без всякой причины девушка улыбнулась. И все же сердце доставляло ей не меньше волнений, чем тело. Если бы ее попросили описать свое эмоциональное состояние в эти первые апрельские дни, она наверняка бы сказала так: «Мне хочется и смеяться и плакать!»

Девушка снова вздохнула, сняла с подоконника коврик и отошла от окна.

— Говорите со мной о любви, скажите мне что-нибудь нежное! — напевала она.

Держа в руках коврик, словно это был прекраснейший из кавалеров, она стала медленно и томно вальсировать. Глаза ее были закрыты, и своих грез в этот момент она бы не доверила никому...

С прошлого лета любовь была самой большой мечтой Камиллы и ее самой большой мукой. Раз в месяц семья выезжала в Прессиньяк, но ей больше ни разу не посчастливилось встретиться с Гийомом Гереном. И это несмотря на то, что о молодом банкире теперь часто говорили в доме родителей. Первое упоминание о нем связывалось с одним октябрьским днем, когда Мари побывала в Лиможе. Так что, даже если бы Камилла захотела о нем забыть, в данной ситуации это было просто невозможно.

В этот весенний четверг, ознаменовавшийся началом пасхальных каникул, Камилла снова мечтала о своем прекрасном принце. Но для ее родителей, брата и сестер он был каким угодно, но только не прекрасным!

«Мне так хочется его увидеть... Ну и пусть он не дал ссуду моему брату! Никто не захотел мне сказать почему. Значит, у него была на то причина! Гийом знает свое дело. Быть может, Поль не показался ему достойным доверия...»

Мелина вошла в тот момент, когда Камилла как раз вальсировала с напольным ковриком, и сначала оторопела, а затем расхохоталась. Застигнутая врасплох, Камилла густо покраснела и рассердилась.

За несколько месяцев хрупкая и нескладная девочка-подросток сильно переменилась. Мелину уже никто не принимал за маленькую девочку. В свои неполные пятнадцать она была почти такой же высокой, как и Камилла! Те времена, когда она скрывала свои нарождающиеся округлости, давно прошли. Теперь она гордилась своими уже весьма заметными грудями и ходила, выпятив их, чтобы обратить на себя внимание. Ее красивая шея, белая кожа и сапфировый взгляд привлекали внимание многих парней в городке.

— Разве я не просила тебя стучать? — спросила раздраженно Камилла. — Ну что, ты закончила писать письма?

— Да, — ответила Мелина жеманно. — Похоже, ты завидуешь, ведь в меня влюблены целых трое парней! Не моя вина, что у тебя нет ни одного, хотя ты на два года меня старше!

Камилла ущипнула ее за руку.

— Ты снова подтруниваешь надо мной, маленькая вредина? Твои поклонники — просто мальчишки! А я переживаю настоящую драму, как у Джульетты с Ромео... Я как раз об этом думала. Вот послушай: моя семья ненавидит Гийома, потому что он — сын Макария, который был, похоже, настоящим злодеем. А Гийом не любит нашу маму, но непонятно почему. И никто ничего не хочет объяснять! Сколько раз я ни пыталась расспросить родителей, они тут же меняют тему. А Лизон и Лора делают вид, что ничего не знают.

— Мне это известно, — отозвалась Мелина. — Я тоже пыталась хоть что-то у них выведать... чтобы тебе помочь, естественно! Но они считают нас еще маленькими и отвечают: «Вам еще рано знать такие вещи!» Единственная, кого можно было бы разговорить, это Нанетт. Ты должна попробовать! У меня не получится, она меня не любит.

Камилла нахмурила брови.

— Если бы мама услышала, что ты такое говоришь о бабушке, она бы рассердилась! И потом, ты не права! Нан очень добра к тебе.

— Да, она ко мне добра... но она меня не любит, и все тут! А скажи, что случилось с Ромео и Джульеттой?

— Они любили друг друга до безумия. Им пришлось пожениться тайно, потому что их семьи враждовали, а потом они умерли вместе...

Мелина сделала круглые глаза, а потом подошла к окну.

— Умерли вместе! Не очень-то это весело! Я бы на месте героини лучше бросила этого Ромео и влюбилась в кого-то другого. Кстати, помнишь, тебе ведь в лицее передали записку от мальчика! Ты должна ему ответить! Он точно в тебя влюблен, я уверена! И ты можешь встречаться с ним всю неделю! Это же здорово!

Камилла встала рядом с сестрой, оперлась локтями о подоконник и посмотрела на площадь. Безразличным тоном она сказала:

— Ты говоришь об Этьене, сыне преподавателя пения? Я о нем уже забыла! Ой, смотри, мама выходит из мясной лавки! Нам лучше спуститься, потому что она просила убрать посуду...

— У нас еще есть время, — отозвалась Мелина. Внезапно она оживилась: — Посмотри, там, возле фонтана! Это Луччано!

Мелине очень льстила робкая любовь сына каменотеса Брузини. Она настолько высунулась в окно, надеясь, что юный итальянец ее заметит, что

Камилле пришлось схватить приемную сестру за талию, чтобы та не упала. Но не взгляд красивых бархатных глаз Луччано стал им наградой, а улыбка и кивок матери, которая привычным быстрым шагом направлялась теперь в магазин скобяных товаров.

— Ты сама видишь, время еще есть, — сказала Мелина. — Ух ты, глянь-ка туда, на дорогу в Брив! Там машина...

Камилла посмотрела в указанном направлении и без труда узнала ярко-красный «феррари». Во рту у нее моментально пересохло, сердце сжалось.

— Это... Это Гийом... — пробормотала она. — Мелина, это он! Зачем он приехал в Обазин? Может, к нам? Ну, я хотела сказать, к маме...

Камилла отскочила от окна. Щеки ее пылали.

— Давай подумаем! Кого он знает в городке, кроме нашей семьи? Думаю, никого. Значит, он постучит к нам, и я ему открою! Мне нужно переодеться! Помоги мне, Мелина!

— Если так, то поторапливайся! Ты не причесана и почти раздета!

По комнате пронесся вихрь паники. Камилла заскочила в свою ванную, умылась холодной водой, причесала волосы и надела новое платье, купленное в Тюле на прошлой неделе.

— Мелина, пожалуйста, дай мне мою цепочку, золотую, и кулон с розовым камешком... и повязку для волос! Мама часто говорит, что с открытым лбом я похожа на принцессу!

Мелина осталась стоять у окна, сделав вид, что не слышит. В позаимствованной у Мари розовой блузке, подчеркивающей ее бюст, девушка выглядела ослепительно хорошенькой со своей перламутрово-белой кожей и гладкими волосами цвета воронова крыла.

— Ты права! — тихо сказала она старшей сестре, отходя от окна. — Красавец Гийом остановился возле нашей двери! И как назло, папы Адриана нет дома, чтобы нас защитить!

— Вот глупости! Послушать тебя, так мой Гийом — разбойник! Конечно, он не сделает нам ничего плохого! Подумать только! Минуту назад я переживала, что больше никогда его не увижу, и вот он здесь, в Обазине!

Девочки тихонько подошли к окну и затаили дыхание. Гийом бродил по площади с таким видом, словно искал кого-то. Когда Мари вышла из скобяной лавки, он сразу же направился к ней.

— Он говорит с мамой! — прошептала Камилла. — Господи, знать бы, что ему от нее нужно! Мелина, давай спустимся вниз — вдруг мама пригласит его зайти!

— А мне что там делать? — спросила Мелина, предчувствуя приключение.

— Ничего! Просто постой со мной рядом! А если Гийом войдет, иди в кухню! В общем, мне нужна будет свобода действий!

Камиллу даже затошнило от волнения. Она часто дышала, ладони стали влажными, колени дрожали; от смятения она порозовела, став еще более хорошенькой...

Мари очень удивилась, увидев Гийома Герена в Обазине. К тому же молодой банкир решительным шагом направился ей навстречу. Он приехал поговорить с ней, в этом не было никаких сомнений. На его лице читалась крайняя озабоченность. Что еще могло случиться? Мари недоумевала. Что ему понадобилось от нее, ведь он практически выгнал ее из своего кабинета в лиможском банке? Его присутствие здесь казалось ей по меньшей мере неуместным.

— Мадам Меснье! Мы могли бы поговорить? Это очень важно!

— Конечно! — ответила с легкой тревогой в голосе Мари. — Это надолго?

— Я не знаю...

— Если так, лучше останемся на улице! Я не хочу приглашать вас к себе, по понятным вам причинам.

Гийом кивнул в знак согласия. Мари же оказалась в затруднительном положении: она не хотела впускать его в свой дом, но понимала, что не сможет долго гулять с тяжелой корзиной, которая и так уже порядком оттянула ей руку. Да и о том, чтобы разговаривать стоя посреди центральной площади городка, не могло быть и речи!

— Послушайте, молодой человек! Предлагаю вам подождать меня здесь. Я только отнесу в дом покупки. А потом мы прогуляемся по берегу Канала Монахов, это недалеко отсюда. Там нам никто не помешает, и вы сможете рассказать, что привело вас в Обазин.

Гийом опешил: эта женщина не переставала его удивлять. Было бы естественнее, если бы она сердилась на него после той, первой встречи и говорила бы с ним куда менее любезно... пожалуй, даже с негодованием. Но вместо этого она вежливо и миролюбиво предлагает ему прогуляться! Опять он не знал, что и думать...

— Вы не боитесь, что я задумал что-то плохое?

Мари внимательно посмотрела на него. Во взгляде Гийома она прочла тревогу, но не ненависть и не коварство.

— Нет, я вас не боюсь. И полагаю, что вы не стали проделывать такой путь без серьезной причины! Дайте мне пять минут, и я буду готова вас

выслушать.

Камилла и Мелина наблюдали за ними из окна. Сестры обменялись недоумевающими взглядами, когда мать оставила гостя посреди площади, а сама стремительно направилась к дому. Они видели, как она открыла входную дверь, услышали, что она вошла и почти тотчас же вышла. Камилле это ожидание было невыносимым! Она не удержалась и позвала из окна:

— Мам, куда ты?

Мари подняла голову.

— Не высовывайтесь так сильно! Я уйду ненадолго. Гийом Герен приехал со мной поговорить. Приготовьте обед и присмотрите за Нанетт. Я постараюсь вернуться побыстрее.

— А что сказать папе, когда он вернется?

— Правду, разумеется! Это совсем нетрудно. Я скоро!

Мари настолько была озабочена этой неожиданной встречей, что снова ничего не заметила — ни нарядного платья Камиллы, ни ее волнения. Она подошла к молодому банкиру, который бродил по площади, рассматривая близлежащие дома. Перед импозантным зданием аббатства он остановился.

— Я готова вас выслушать, мсье! — со вздохом сказала Мари. — Идемте! Берега Канала Монахов очень хороши в это время года. Местные девушки собирают там фиалки. Жаннетт и Мари-Эллен вчера принесли мне чудесный букет...

Гийом молча слушал. Мари говорила с ним так естественно, чуть ли не сердечно... и все же он перебил ее, не удержавшись от вопроса:

— Почему мы идем именно туда?

— Потому что там очень спокойно, особенно по утрам. Увидите, это очаровательное место! Вы ведь ищете покоя, не так ли?

Мари жестом обвела ставший за многие годы родным пейзаж. Воды канала блестели под лучами солнца. Одичавшие фруктовые деревья окутывала легкая дымка цветов.

— В Обазине, мсье, вера — не пустое слово! Святой Этьен основал здесь аббатство, монахи продолжили его дело. Здесь вера породила много чудес. Примерно год назад анонимные письма с обвинениями в адрес моего супруга и меня нарушили мир в нашей общине, но все уладилось, и знаете почему?

— Нет! — сказал молодой человек, который выглядел теперь еще более растерянным.

— Потому что аббат Бурду, наш священник, поднялся на церковную кафедру и своей проповедью направил своих прихожан на путь истинный.

Он публично снял с нас все обвинения. Поэтому не судите меня бездоказательно!

Волнение Гийома стало более явным. Пришло время рассказать о цели своего приезда, однако нужные слова никак не находились. Наконец он сказал тихо:

— Я приехал и поэтому тоже. После той встречи с вами, в Лиможе, я много думал. Вы показались мне такой уверенной в себе и такой... спокойной! Я начал сомневаться. Вы не выглядели виноватой. И тогда я стал расспрашивать мать, которая в конце концов рассказала правду. Оказалось, что мой отец действительно сотрудничал с немцами в Тюле. Он был полицаем. Она хранила этот секрет, дабы не осквернить память о своем супруге и уберечь меня от душевных мук. Она хотела, чтобы я по-прежнему любил отца и уважал его. Какой удар! Я ведь привык считать его героем, которого несправедливо расстреляли! Прошло много времени, прежде чем я смог прийти в себя. И однажды утром сказал себе, что это наверняка не единственная ложь о нем! Хотите верьте, хотите нет, но мне необходимо восстановить справедливость. Для меня пришло время узнать, кем на самом деле был мой отец и что он успел натворить за свою жизнь...

— Я вам искренне сочувствую, — вежливо отозвалась Мари.

— Правду сказать, — продолжал Гийом, — у меня уже возникали некоторые сомнения, особенно после войны... Родители на время оккупации отправили меня в Овернь, к бабушке с материнской стороны. Когда отец умер, я так горевал, что с облегчением принял все объяснения матери. Она же была убеждена, что на него донесли. Еще до того, как мы с вами встретились в Лиможе, мне сказали, что это ваших рук дело. И я вас возненавидел, я вас презирал... и мечтал отомстить! Когда вы вошли в мой кабинет, то я подумал: вот оно, свершилось! Вы в моих руках! По рассказам вы представлялись мне жесткой, насмешливой... Но вы совсем не похожи на бессовестную, развратную женщину, которую мне описывали...

Мари остановилась как вкопанная. Она смотрела на Гийома с неподдельным изумлением:

— Я — развратная женщина? Это уж слишком! Я полагаю, что всегда вела себя достойно. Мне очень интересно, кто мог наговорить вам обо мне столько «лестного»?

Гийом заметил у воды остатки каменной стены, подошел к ней и присел. Мари после недолгого колебания села на некотором расстоянии от молодого человека.

— Первым, кто говорил о вас, был мой отец. Он часто рассказывал

моей матери, сколько гадостей вы ему сделали. Он так и не смирился с потерей «Бори». Твердил, что вы — не дочь Жана Кюзенака, а его любовница... Тогда я был еще маленьким, меня это поразило, но я многого не понимал! Потом несколько раз они с матерью сильно ругались — она ревновала отца к вам, потому что он рассказывал о вас такое...

Заинтригованная Мари нахмурилась:

— Неужели? И что именно?

— Говорил, что вы преследовали его и ему приходилось не раз вам отказывать! Я подслушал это под дверью... Они оба так кричали! Мать вас ненавидела...

Мари, возмущенная такой ужасной клеветой, встала и посмотрела Гийому прямо в глаза. На этот раз она расскажет правду, пусть даже она будет шокирующей!

— Видит Бог, это уже слишком! Я не могу слушать всю эту ложь! Знайте, Макарий пытался меня изнасиловать, когда мне едва исполнилось шестнадцать! В то время я была служанкой в «Бори». Однажды вечером он поднялся на чердак, где я спала, и, не спрашивая моего согласия, накинулся на меня, как зверь! Если бы Жан Кюзенак, мой отец, не вмешался, я была бы обесчещена, запятнана...

Гийом смотрел на нее невидящими глазами. Его разум отказывался воспринять то, что слышали его уши. Мало того что его отец — коллаборационист, он еще и насильник! Это уж слишком! И это так отличалось от того, что он привык слышать... Побледнев, он воскликнул:

— Мадам, я вам не верю! Мой отец никогда бы не сделал такое! Он был верующий человек и любил мою мать! Ну нет, на этот раз, я думаю, вы врете!

— Мне жаль вас, но я больше не могу молчать! Я хотела пощадить вас, но не такой ценой! Я запрещаю вам марать мою честь и рассказывать такие ужасы обо мне, и это при том, что вы знаете о моей жизни только отдельные детали, и то в искаженном виде! Поэтому вы дослушаете меня до конца! Потом вы уйдете, но не раньше! И мне плевать, поверите ли вы мне, но предупреждаю: правда вам совсем не понравится! И помните, что речь пойдет о тех временах, когда Макарий был еще не женат, но обручен...

Однако начнем с начала. Видите вон там церковную колокольню? В том здании располагается приют, в котором я выросла. Однажды за мной приехал мужчина — Жан Кюзенак, супруг Амели, тети Макария. Тогда я ничего не знала о своих родителях. Отец рассказал мне все только после смерти своей жены. Макарий по воскресеньям приезжал в Прессиньяк. Ему

нравилось меня унижать, называя безотцовщиной, а ведь тогда я была еще подростком! Я так его боялась! Позже, когда я выросла, он стал действовать по-другому. Время шло, но он продолжал меня преследовать. Однажды вечером, зимой, когда я ждала своего первого ребенка, ваш отец вошел без стука и снова стал меня оскорблять. Когда я попросила его уйти, он насильно поцеловал меня и укусил за губы... Мне пришлось соврать мужу, что я ударилась...

Мари умолкла, ощутив внезапную усталость оттого, что пришлось воскресить в памяти эти болезненные воспоминания. Картины из прошлого возникали перед мысленным взором, ясные и жестокие, равно как и безжалостные слова... Она отвернулась и снова села на камень.

Гийом молчал. Да и слышал ли он слова Мари? Она не знала наверняка. Но нет, каждое ее слово каленым железом было запечатлено в его сознании! Глядя на воду канала, он испытывал мучительное желание раствориться в ней навсегда, чтобы вся эта гнусность исчезла вместе с ним. Цепляясь за остатки надежды, он проговорил едва слышно:

— Я не могу поверить, что отец был таким жестоким!

Повисла долгая пауза. Молодой человек повернулся и посмотрел на Мари. Она беззвучно плакала, взгляд ее затерялся где-то вдали. Он заметил, что она дрожит всем телом, что на лице ее написана невыносимая боль... Ни эти слезы, ни это волнение не могли быть наигранными. Они были лучшим доказательством, чем любые слова, тем самым доказательством, которого недоставало Гийому. Но теперь сомнений у него не осталось.

— Мадам, что с вами? — спросил он. Ему было странно видеть, что такая сильная и мужественная женщина плачет перед ним.

— Вы не понимаете? Просто мне больно вспоминать все эти ужасы! Я не настроена враждебно по отношению к вам, молодой человек. Даже наоборот, мне кажется, что вы — славный мальчик, которого обманули. Макарий умер, и я ничего не могу с этим поделать. И его смерть, о которой я никогда не сожалела, освободила меня от ярма его ненависти, навсегда оставшейся для меня непонятной. Может, он злился на меня из-за той неудавшейся попытки изнасилования? Мне жаль чернить образ вашего отца, но жить во лжи — не выход! Рано или поздно правда настигнет вас, и придется заплатить за нее страшную цену, поверьте, я кое-что об этом знаю...

У Гийома недоставало смелости продолжать разговор. Обхватив голову руками, он вдруг осознал, что ему тоже хочется плакать. Он чувствовал себя снова маленьким мальчиком, и ему было так плохо, так хотелось прижаться к этой женщине, которая казалась такой

мягкосердечной, такой ласковой и великодушной... Ему хотелось утешить ее, но и услышать от нее слова прощения, получить немного материнской нежности...

— Вы все мне рассказали? Или есть еще что-то, о чем вы не решаетесь сказать?

Мари колебалась. Зачем вспоминать о том изнасиловании в гестапо? Сын Макария теперь знал достаточно, чтобы не спутать злоумышленника с его жертвой!

— Большого вам знать и не надо! Гийом, говорю вам снова: радуйтесь своей юности, смотрите в будущее! Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на воспоминания! Оставьте прошлое тем, кто умер!

То, как Мари произнесла его имя, успокоило молодого человека. Подружески, почти ласково... И эта фамильярность не то что не рассердила его, она придала ему смелости говорить доверительно:

— Мадам, мой отец портил вам жизнь, и я чувствую, что вы не открыли мне всю правду! Когда я вспоминаю, что натворил, я сам себя стыжусь!

Мари пожала плечами, думая, что он намекает на отказ в ссуде Полю. Она даже попыталась найти для него оправдание:

— Как говорится, на войне все средства хороши! Зачем бы вы стали помогать моему сыну, если были уверены, что это я донесла на вашего отца? Как бы то ни было, это мужественный поступок — приехать в Обазин, чтобы со мной поговорить. А теперь мне пора, уже полдень или даже позднее. Муж и дочери будут волноваться...

Она робко улыбнулась Гийому. Потом дружелюбно протянула ему руку и добавила:

— Давайте мириться!

— Не знаю, возможно ли это! — воскликнул он, отстраняясь. — Вы бы не предложили этого, если бы знали...

Мари повнимательнее присмотрелась к юноше. В его светлых глазах была тревога, кулаки сжались, на лбу обозначилась морщинка гнева. Неужели это никогда не закончится? Устало и с некоторым отвращением она сказала тихо:

— Объяснитесь раз и навсегда!

— Мадам, вы несколько раз упомянули об анонимных письмах. Я знаю, кто вам их посылал! Если бы в то время я был поумнее, я мог бы этому помешать! Но я не стал, наоборот, я радовался, представляя, сколько неприятностей вам это причинит. То, что вам угрожали смертью, тогда казалось мне справедливым, особенно по отношению к вашему мужу. Из-за

него умер молодой парень в Прессиньяке — ваш муж отказался ему помочь...

Ошеломленная этим признанием, Мари вскочила и отступила на пару шагов. Мгновение — и этот высокий молодой человек с низким волнующим голосом уже не казался ей достойным даже малейшего снисхождения!

— Кто писал эти письма? Ваши добрые друзья Варандо? Элоди или Фирмен? И это казалось вам забавным? Боже мой, да вы понимаете, о чем говорите? Из-за этих писем я чуть не сошла с ума от горя, а мой муж поседел! И эти кретины — что он, что она — еще осмелились называть мою приемную дочь безотцовщиной! Видеть, как оскорбляют сироту, — это забавно, конечно! Вы так же виноваты, как и они! Не хочу больше видеть вас! И никогда больше не вмешивайтесь в нашу жизнь!

Гийому был понятен гнев Мари. Отвращение, которое она даже не пыталась скрыть, глубоко его ранило.

— Простите меня, мадам Меснье! Я виноват в том, что поверил тем, кто врал мне, вы правы! Я не заподозрил в злом умысле Элоди, она казалась такой искренней... И она столько всего знала о моем отце...

— Замолчите и возвращайтесь к своим друзьям! — крикнула Мари. Ее захлестнула ярость. — Эта змея Элоди наверняка дожидается вас, чтобы наговорить про меня еще каких-нибудь гадостей! Но знайте: мой муж никого не убивал! Спросите у бакалейщицы в Прессиньяке! Она расскажет, как погиб ее сын в день свадьбы вашей дорогой Элоди! Я никогда вас не прощу! Прощайте!

— Мари!

Адриан, который как раз поднимался по тропинке, разыскивая жену, услышал ее голос. Он ускорил шаг, ощущая растущее беспокойство. Наконец тропинка повернула и он увидел Мари и помахал ей рукой.

Мари радостно поспешила ему навстречу. Приход мужа стал для нее таким облегчением! Дрожа от недавно пережитой вспышки гнева, она прижалась к нему.

— Мари, больше не пугай меня так! Девочки сказали, с кем ты ушла...

Гийом не стал ждать, когда Адриан обратится к нему первым. Чувствуя себя весьма неловко, он встал, одернул пиджак и пригладил свои очень коротко стриженные волосы. Создавалось впечатление, что он готовится к новым ударам судьбы и чувствует себя при этом весьма неуверенно.

— Доктор Меснье, я не имел чести познакомиться с вами раньше. Я — Гийом Герен, и...

— Я знаю, кто вы, мсье! Что вам нужно от моей жены? Вам мало было той встречи в Лиможе? — запальчиво спросил Адриан.

Мари повернулась к молодому банкиру и сказала:

— Прошу вас, мсье Герен, расскажите моему супругу о ваших подвигах! Ему будет интересно послушать, вот только он наверняка окажется менее снисходительным, чем я!

И она сбивчиво передала Адриану суть их разговора, не дав Гийому вставить ни слова. Гнев ее еще не утих, он камнем лежал на ее сердце. Нужно было избавиться от него, чтобы снова обрести покой!

— Он только что рассказал мне, кто писал те ужасные письма! Это Элоди, которая оказалась не такой глупой, как мы думали! Идея, скорее всего, принадлежала ее мужу, который образован лучше... или вот этому молодому человеку, которого, как видно, угрызения совести не мучают! И я доверилась ему, я пыталась его оправдать! Нет, каков отец, таков и сын! Все же поговорки не лишены здравого смысла! Адриан, уведи меня домой! Я так от всего этого устала!

Мари дрожала, хотя апрельский день выдался очень теплым. Ее супруг с презрением смотрел на Гийома.

— И вам хватило наглости явиться сюда и донимать мою жену еще и здесь, в Обазине! — громыхнул он. — Это тяжело, но я сдержусь, мсье! Возвращайтесь в Прессиньяк и найдите утешение на груди у этой мерзкой женщины, у Элоди! Как же можно было поверить этой дряни и так нас мучить! Ты права, Мари, идем!

Глядя на разгневанную чету, Гийом не знал, что ему делать и что говорить. Раскинув руки, он преградил им путь. Меснье придется выслушать его до конца, потому что ему может не представиться другой случай оправдаться...

— Прошу вас, примите мои извинения, доктор Меснье! Фирмен Варандо — мой клиент, между нами возникла симпатия, и он пригласил меня к себе на обед. Его жена... Мало-помалу я стал ей верить. Она столько знала об отце! Она рассказала мне и о своем сыне Клоде, который погиб на войне. Она много страдала... И вот однажды она вспомнила о Мари из «Волчьего Леса», и я, учитывая обстоятельства, позволил себя убедить... А эти письма показались мне просто дурной шуткой!

— Шуткой? — резко бросила Мари. — Вы не слишком дальновидны, мсье Герен! Что до Элоди, то она теперь так просто от меня не отделается! Я тоже ей напишу! Подумать только, неужели эта глупая женщина всю жизнь будет вставать у меня на пути со своими уловками?

Адриан попытался увести ее домой, но она заупрямилась. Мари хотела

знать... Подойдя к молодому человеку, она спросила холодно:

— Что именно рассказала вам эта женщина? Что я донесла на вашего отца? Или что моя приемная дочь родилась от постыдной связи с немцем? Что мой муж, уважаемый человек и врач, преданный своим пациентам, — убийца? О, я так и вижу ее рассказывающей вам все эти бредни! Но как образованный, умный юноша мог поверить грязным сплетням и позволить так «дурно пошутить», не подумав, какими могут быть последствия этой шутки?

Гийом развел руками и пробормотал:

— Я прошу у вас прощения! Вы же знаете, мадам, что в то время я считал вас аморальной женщиной...

— И развратницей. Я знаю! — подхватила Мари.

— Именно! Поэтому, когда Элоди сказала, что это из-за вас расстреляли отца, ну, и все остальное, я поверил! На тот момент меня это устраивало. Мне было кого ненавидеть! И я согласился отправлять эти письма из Лиможа, чтобы «замести следы», как говорил Фирмен... Теперь мне стыдно за себя, поверьте! Я поступил гадко.

— Это слабо сказано, — отрезал Адриан. — Считайте, что вам повезло, так как я не стану жаловаться. Такого рода поступки караются законом, молодой человек! А теперь дайте мне пройти!

Рука об руку Адриан и Мари пошли вдоль канала. Гийом не решился последовать за ними. Расстроенный, он вернулся к камню и сел. Он просидел там добрые четверть часа, прежде чем вернулся на городскую площадь к своему автомобилю.

Мари не чувствовала себя удовлетворенной. Оставалось еще несколько вопросов, на которые молодой банкир мог бы ответить. У него наверняка нашлось бы объяснение и другим событиям, которые принесли им столько огорчений... Однако Адриан запретил ей возвращаться к Герену-младшему, как она его ни просила.

— Но я должна знать! Юкки, щенка Мелины, вполне могла отравить Элоди! А что, если Варандо примутся за Лизон, или за Поля, или за наших внуков? Адриан, мне вдруг стало так страшно!

— Они не осмелятся! Мы с тобой были их целью, и никто другой! Идем домой!

Камилла и Мелина, стоя на пороге дома, дожидались их возвращения. Девочки сразу догадались, что произошло что-то серьезное, и поэтому от расспросов воздержались. Адриан был таким сердитым!

Сестрам пришлось сесть за стол, так и не узнав, что приключилось с визитером, который так их интересовал. Когда же с улицы донесся рокот

мощного мотора «феррари», Камилла, рискуя навлечь на себя гнев родителей, спросила:

— Этот Гийом Герен, чего он хотел? Почему он не зашел к нам?

— Никогда больше не произноси его имени! — вспыхнул отец. — Этот человек недостойн уважения...

Мари стиснула зубы. Потом, выпив воды, добавила:

— Если ты повстречаешься с ним здесь, в Обазине, я запрещаю тебе с ним разговаривать! Это и тебя касается, Мелина!

Нанетт склонилась над своей тарелкой с пюре. Бросив украдкой взгляд на Мари, она сказала негромко:

— Ваша мать права! Я хорошо знала Макария, а потому скажу: эти Герены — нехорошие люди!

Мелина насмешливо сморщила нос. У Камиллы же пропал всякий аппетит. Всем ее мечтам конец! Сдерживая слезы возмущения, она понурила голову. Гийом приехал в Обазин, а она даже не смогла к нему подойти, не смогла с ним поговорить! Он показался ей еще красивее, чем запомнившийся ей образ. Девушка просто не могла смириться с приговором, не понимая причины...

— Но что такого плохого он сделал? — осмелилась она спросить. — Вы все от нас скрываете, как будто мы с Мелиной дети!

Мари, которая еще не оправилась от треволнений, вызванных разговором с Гереном, такая настойчивость дочери рассердила, так что ответила она довольно жестко:

— Это тебя не касается, Камилла! И, по моему убеждению, вы еще недостаточно взрослые, ни ты, ни Мелина! А потому делай, как тебе говорят, и не пытайся разобраться в этой истории!

Эти резкие слова моментально положил конец дискуссии.

С этого четверга начался самый мрачный период в жизни Камиллы. Взрослые не желали делиться с ней своими заботами и рассказывать о том, что она так хотела знать! С горечью приходилось признать, что родителям трудно смириться с тем, что их дети взрослеют. А ведь она уже девушка! Ну нет, нужно сделать так, чтобы родители, наконец, посмотрели на вещи реально!

Упрятав в тайные уголки души свою печаль, девушка всю свою нежность отдавала Мелине, а та пыталась утешить сестру:

— Вот увидишь, он вернется! Наверняка он заметил тебя в окне! Ты была такая миленькая! Он вернется, я уверена!

Через некоторое время Камилла узнала от своей невестки Лоры, что молодой банкир выдал Полю столь желанную ссуду. Эта новость ее

взволновала. Значит, она с самого начала была права: семья ополчилась против великодушного человека, вовсе не заслуживавшего столь враждебного отношения. Вместе с этой уверенностью вернулась и надежда. Поддерживаемая Мелиной, Камилла снова предалась романтическим мечтам.

— Он вернется! — говорила она приемной сестре. — И раз он помог моему брату, все уладится!

Но Гийом Герен перестал появляться в Прессиньяке, и уж тем более он не приезжал больше в Обазин.

Глава 24

Матильда

Июль 1951 года

Сад дома семьи Меснье был огорожен высокими стенами, о которые разбивались шумы городка. Тишина царила в этом зеленом уголке, где розовые кусты и гортензии соседствовали с декоративными кустарниками — бирючиной обыкновенной, лавровишней, камелией, японской айвой. Над всем великолепием царила величественная ель. Сад был очаровательным местом, и обитатели дома с удовольствием отдыхали здесь в жаркие летние дни, наслаждаясь прохладой.

Нанетт спала в старом ивовом кресле, которое обожала. Мари, устроившись под липой, тихонько напевала себе под нос, чтобы не разбудить свекровь. Она листала модный журнал, подыскивая модель платья для Камиллы.

«Ну чем они могут там заниматься? — спрашивала она себя. — И почему девочки сидят в доме в такую прекрасную погоду? Им лучше было бы в саду, вместе с нами! И потом, я не могу выбрать модель без самой Камиллы!»

Со второго этажа донесся смех. Снисходительно улыбаясь, Мари встала и направилась к застекленной двери, открывающейся в коридор. В доме было темно и прохладно.

Как бы ей хотелось провести эти несколько спокойных часов после полудня с Адрианом! Мари давно смирилась с тем, что работа врача в сельской местности имеет свои особенности, но все чаще и чаще постоянные отлучки мужа ее раздражали. Время шло, и ей хотелось бы почаще делить моменты счастья с тем, кто так сильно ее любил. Пока Мари о нем вздыхала, Адриан находился у постели старика на соседней ферме, недалеко от речушки Куару.

«Поднимусь-ка я к этим девицам и посоветую им пойти прогуляться... если сидеть со мной в саду им скучно!» — подумала она по пути в кухню, где собиралась попить воды.

В комнате с закрытыми ставнями прежней сироте из «Волчьего Леса» взгрустнулось. Дистанция, которая возникла между ней и девочками, заставляла ее то и дело вспоминать о своем возрасте. Камилла и Мелина

росли, все сильнее становилось их желание избавиться от родительской опеки, и Мари все чаще оказывалась дома вдвоем с Нанетт. Разрыв между поколениями был налицо, и это печалило Мари. Она сожалела о тех днях, когда девочки были младше, — тогда они так хорошо понимали друг друга! В доме звенел смех, он был наполнен жизнью, на лестнице постоянно звучали торопливые шаги... Теперь об этом остались одни воспоминания. Присутствие внуков оживляло большой дом во время семейных праздников, но это случалось все реже с тех пор, как Лизон и Поль с семьями обосновались возле Прессиньяка.

«Как быстро летит время! — пожаловалась самой себе Мари. — Камилле восемнадцать, и она будет учиться в Эколь Нормаль. Приходится признать, что она уже не девочка, но красивая и видная девушка... почти женщина. А моей маленькой Мелине уже шестнадцать! Она такая же хорошенькая, как Леони, и становится все больше на нее похожа...»

Через открытую дверь из сада влетела оса и отвлекла Мари от невеселых мыслей. Резким движением руки она прогнала насекомое, которое направилось было к лестнице. В то же мгновение кто-то постучал во входную дверь.

«Интересно, кто мог прийти в такое время? Наверное, кто-то из пациентов...»

Мари открыла и не сдержала удивленного восклицания: на пороге стояла Матильда в белом наряде и широкополой шляпе из соломки.

— Здравствуй, мам! Как видишь, я еще не забыла дорогу домой! Мне захотелось снова побывать в Обазине! Можно войти?

— Конечно! Ты... одна?

— Да, мам. Я не настолько глупа, чтобы привезти с собой Жилия.

Матильда говорила спокойно и приглушенным голосом. Ее сдержанность и серьезный взгляд озадачили Мари.

— У тебя ведь ничего плохого не случилось? — спросила она. — Дорогая, прости, что спрашиваю об этом, но ты ведь так давно нас не навещала! Последний раз ты приезжала как минимум год назад! Ты приехала на машине, как я вижу?

Мари посмотрела на припаркованный перед домом маленький черный автомобиль.

— Разумеется! Мне захотелось поцеловать бабушку и поболтать немного с тобой и с Камиллой.

Матильда намеренно не упомянула о Мелине, и в этом не было ничего удивительного. После их последней ссоры в день монастырской ярмарки молодая женщина игнорировала свою приемную сестру. Мари не стала

делать ей замечание — к чему ссориться с Матильдой спустя пять минут после ее приезда? Она была слишком рада своей неожиданной гостье, чтобы портить этот момент упреками.

С тех пор как Матильда стала жить одним домом с Жилем, своим компаньоном и любовником, Мари старалась поддерживать с ней контакт. Дважды в месяц она ездила в Брив, чтобы повидаться с дочерью. Обычно они общались за столиком в ресторане. Они обедали, обсуждая дождь или хорошую погоду, успехи Поля, оценки Камиллы... Семейные дела были лейтмотивом разговора. По взаимному молчаливому уговору они никогда не затрагивали деликатных моментов. Матильда оживляла беседу смешными историями, приключившимися в ее салоне, и с присутствием ей чувством юмора описывала капризы некоей супруги видного горожанина или требования молоденькой секретарши. Мари смеялась от души, на некоторое время забывая обо всех своих заботах.

Слава Богу, им удалось сохранить связывавшие их узы. Делая над собой огромные усилия, Мари терпела ситуацию, которую абсолютно не одобряла. Что до Матильды, то она старалась сконцентрироваться на разговоре с матерью и хотя бы этот час не думать о своем любовнике. Жиль стал единственной целью ее жизни, ее кислородом, ее наркотиком!

Однако мать об этом даже не подозревала. А вот Адриан имел правильное представление о той страсти, какую испытывала его приемная дочь. Пусть он и не одобрял поведения Ману, но понимал, что они с Мари ничего не смогут изменить. По роду своей деятельности доктор Меснье общался с разными людьми, чьи жизни порой складывались весьма непросто. Недуги тела часто соседствуют с болезнями души... Он наблюдал и учился смотреть, не осуждая, помогать, не унижая, понимать, не осуждая... Словом, время сделало его философом.

Приученная руководствоваться строжайшими нормами морали, Мари на многое реагировала как учительница. Первым ее порывом было отринуть, не вдаваясь в подробности, то, что не могла принять ее набожная натура. Жиль до сих пор не развелся, и, по ее мнению, пара жила во грехе. Однако ей не хотелось терять Матильду, а потому она заставила себя смириться. Этот постоянный конфликт между отрицанием и приятием глубоко ее ранил, однако она очень старалась, чтобы дочь ничего не заметила.

Вот и сегодня, как и при каждой их встрече, Мари предпочла сделать вид, что в жизни у Матильды все в порядке. Она взяла дочь за руку и увлекла за собой по коридору.

— Я как раз была в саду с Нанетт. Идем, ты с ней поздоровайся!

Она будет рада, когда ты разбудишь ее после дневной сиесты! Она часто вспоминает о тебе, жалуется, что давно тебя не видела. Она скучает по тебе, Матильда! Иди в сад! А я пока приготовлю лимонад.

Однако молодая женщина не дала матери ускользнуть в кухню. Поймав ее за руку, Матильда притянула ее к себе и прошептала на ухо:

— Мама, мамочка, ты могла бы меня хотя бы поцеловать? Или обнять?

— Но дорогая... Крошка моя, конечно! Я не осмелилась...

Мари, удивленная и взволнованная, сжала дочь в объятиях. Матильда, закрыв глаза, наслаждалась лаской матери, ее навевающей покой близостью. Ей вдруг захотелось снова стать маленькой Ману, захотелось, чтобы жизнь, как по мановению волшебной палочки, вдруг снова стала простой и прекрасной! Но это желание быстро растаяло. Ни за что на свете она бы не отказалась от своего обожаемого Жилия!

— Я закрыла свой салон на два дня! — сказала она. — Дела идут хорошо, и я прилично зарабатываю.

— Разумно ли это? — удивилась Мари. — Этап гонки «Тур де Франс» пройдет через Брив, в город съедутся толпы народа и ожидается бум торговли! Ты отдаешь себе отчет в том, какое это событие для Корреза? Да и для целого региона! И потом, велосипедисты приедут как раз четырнадцатого июля! У тебя был бы наплыв клиенток, ведь все женщины захотят привести себя в порядок перед прибытием гонщиков, это точно! Представь только: Луизон Бобе, чемпион Франции с 1950 года, бок о бок с Фаусто Коппи, итальянцем! Какое зрелище! Адриан уже заказал столик по этому случаю. Мы будем обедать все вместе, ты же помнишь?

— Да, мамочка, но мне хотелось увидеться с тобой раньше, еще до четырнадцатого июля, увидеться наедине, только ты и я!

Было очевидно, что Матильде не по себе. Чуть более напряженная, чем обычно, она явно хотела о чем-то рассказать, но не знала, с чего начать разговор. Мари быстро это поняла и решила не форсировать события.

— Ты прекрасно сделала, что приехала, дорогая! Я всегда очень рада тебя видеть, и ты это знаешь!

Матильда так и не выпустила из своих рук руки матери.

— Мам, у меня просто не хватило терпения ждать! — вдруг призналась она. — У меня такая новость! Я беременна...

Мари выдержала удар. Принимая во внимание двусмысленность ситуации, в какой оказалась Матильда, она не обрадовалась по-настоящему. Если бы событие произошло в те годы, когда дочь жила с мужем, Мари отреагировала бы по-иному. Радость вспыхнула бы в ней в ту же секунду. Смущенная и немного встревоженная, она проговорила:

— О Матильда! Когда-нибудь это должно было случиться! Ты теперь уже разведена, но, что касается Жилья, все остается по-прежнему. Нужно сделать что-то, чтобы убедить его жену, ведь теперь ты ждешь ребенка! Скажи мне, ты рада?

Матильда была разочарована столь вялой реакцией. Она высвободилась из материнских объятий.

— Я себя не помнила от радости, когда узнала! Мне так хочется ребенка! Жиль, наоборот, разозлился. Говорит, что сейчас не время. Я думала, что он будет гордиться своим отцовством, разволнуется... Ну, ты понимаешь, будет вести себя как любой влюбленный мужчина... Мы поссорились, и я уехала! Мама, мне так грустно!

Мари покровительственно обняла дочь за плечи, и они вместе направились в сад. Через открытую дверь они увидели Нанетт. Лицо старушки выражало такое блаженство, что они обе, растроганные, улыбнулись. Матильда остановила мать, когда та собралась переступить порог.

— Мам, пускай бабушка поспит еще немного! В ее возрасте ей это на пользу, ты не считаешь? Я поздороваюсь с ней чуть позже.

— Как хочешь, дорогая! Тогда пойдем в кухню, выпьешь чего-нибудь прохладного!

Они устроились по разные стороны кухонного стола. Проникавшие сквозь ставни лучики солнца играли на смуглой коже Матильды, подчеркивая тонкость ее черт. Мари подумалось, что она нечасто видела дочь такой красивой. При этой мысли у нее сжалось сердце.

— Расскажи подробно, что случилось. Жиль воспринял новость плохо — это я поняла! Но он, несомненно, одумается и очень скоро переменит свое отношение к этому событию.

Матильда вздохнула. Было очевидно, что она в этом сомневается. Молодая женщина все несколько часов пути пыталась убедить себя в том же, но интуиция подсказывала ей, что надежда на чудо мала.

— Моя бедная крошка, мне бы так хотелось, чтобы ты была абсолютно счастлива, чтобы все у тебя в жизни ладилось... Ты знаешь, что Амели должна родить своего первого ребенка в сентябре? Они с Леоном — чудесная пара! Они счастливы вместе и прекрасно понимают друг друга. Семьи их родителей так за них рады!

— Амели мне писала. Я в курсе. И тоже очень рада за нее. Но однажды я все-таки выйду замуж за Жилья, и наших с ним детей он будет любить так же, как и я! Просто я не подобрала нужных слов, чтобы сказать ему о ребенке... Он не ожидал... Он просто не может представить, что скоро

станет отцом... Но он образумится! Мама...

Матильда разрыдалась, уронив голову на руки. Нужно было, чтобы Жиль изменил свое мнение, иначе...

Мари погладила дочь по голове. В детстве Матильде это очень нравилось, хотя она не так уж часто позволяла себя ласкать. Ну почему жизнь оказалась такой сложной для ее маленькой Ману?

— Мама, он сказал, что вид беременной женщины ему противен! И начал издеваться, говоря, что я скоро стану толстой и уродливой! Он не имеет права так говорить! Я знаю, что он ошибается! Ты родила пятерых детей и осталась красивой и стройной! Когда я заговорила о тебе, он расхохотался! А я дала ему пощечину!

Мари невесело усмехнулась. Она узнавала свою маленькую тигрицу!

— Говорить обо мне было, возможно, не самой удачной придумкой, поскольку твой Жиль меня и в грош не ставит. Но я с тобой согласна: он повел себя как хам! В беременной женщине нет ничего отталкивающего! Адриан находил меня хорошенькой и такой же желанной, как и раньше, когда я носила Камиллу!

Передернув плечами, Матильда произнесла жестко:

— Не сравнивай Жилья с Адрианом! Мне очень повезло с отчимом! Знаешь, мам, я ведь почти не помню папу. Адриан меня вырастил, он был со мной то ласковым, то строгим, а мне как раз это и было нужно. Можешь ему передать, что я считаю его своим отцом, и уже очень давно!

Взволнованная Мари встала. Она обошла стол и обняла свою взрослую дочь, а потом шепнула ей на ухо:

— Ты сама ему это скажешь, потому что ты остаешься с нами! Я приготовлю запеканку из картофельного пюре с трюфелями. Это ведь твое любимое блюдо, не так ли?

Матильда молча кивнула. Она обняла мать за талию и прижалась мокрым от слез лицом к ее животу. Молодая женщина закрыла глаза, и понемногу ее напряжение стало спадать. Никогда прежде Мари не видела свою Матильду — обычно холодную, волевою и энергичную — такой потерянной.

— Мам, ну почему Жиль такой злой? Он смотрел на меня чуть ли не с презрением, словно разлюбил! А ведь это его ребенка я ношу! Это плод нашей любви! Если бы ты только знала, как я его люблю... Не понимаю, как я могла раньше без него жить! Мне кажется, что меня не существовало до нашей встречи... Без Жилья меня просто нет! Я люблю его до сумасшествия...

Готов был пролиться новый поток слез. Мари никогда прежде не

видела Матильду в таком состоянии. Впервые молодая женщина так раскрылась перед своей матерью. Ее панцирь растрескался, открывая миру маленькую девочку, которой она до сих пор оставалась. Жажущая любви и страстная, Матильда наконец позволила проявиться своей ранимой и чувствительной натуре. Как ей должно быть плохо, если она до такой степени утратила самоконтроль!

— Дорогая, не плачь, — успокаивала дочку Мари, усаживаясь рядом. — Все в конце концов уладится!

— Ты сама не знаешь, что говоришь! — возразила молодая женщина. — Для тебя все просто и легко! Ты живешь с Адрианом, вы абсолютно счастливы и никогда не ссоритесь. И потом, у тебя красивый дом, все, кто тебя знает, тебя любят и тобой восхищаются, и ни единая туча не омрачает твой горизонт! Ты даже не представляешь, что я чувствую, ведь у тебя всегда все получается!

Мари не понравилась ее слова. Матильда была несправедлива. Уязвленная и расстроенная, она пару минут молча размышляла, а потом решила, что Матильде стоит кое-что узнать. Возможно, это поможет молодой женщине понять, что она — не первая и не последняя, кому приходится сталкиваться с трудностями. Матильде пора научиться видеть чуть больше, чем люди хотят показать...

— Матильда, ты говоришь о том, чего не знаешь! Послушай меня и не говори мне больше о том, что у меня легкая жизнь. Ты судишь о ней со стороны, дорогая! На нашу с Адрианом долю тоже выпало немало горя и переживаний. Я не говорю о войне, которая нас разлучила. Долгими месяцами я не получала ни от него, ни от Поля весточки и думала, что их уже нет на свете! Некоторые испытания причиняют нам очень много страданий. А осенью 1948-го я получила анонимное письмо, в котором Адриана обвиняли в том, что он — коллабо, и угрожали нам смертью. И все торговцы в городе получили такие же. Этот кошмар длился несколько недель. Мало-помалу отношение людей к нам изменилось, включая и пациентов Адриана... Но у нас остались и добрые друзья, которые в нас не сомневались. И если бы не проповедь добрейшего аббата Бурду, думаю, нам пришлось бы переехать в другое место... Я плакала ночами, а Адриан поседел, так он извелся.

Признание матери помогло Матильде стряхнуть с себя уныние. Взгляд ее черных глаз остановился на безмятежном лице матери. Она — и вдруг получала анонимные письма? Это казалось Матильде невероятным. Молодая женщина воскликнула:

— Мама, почему ты ничего не сказала? Ты должна была мне

рассказать!

— Не хотела тебя расстраивать. Мы предпочли сохранить это в секрете. Твой брат и сестры тоже ничего не знали. Когда все уладилось, я рассказала Лизон и Полю, мы тогда как раз были в «Бори». Это было после того, как... Ты помнишь, после моего неожиданного приезда в Брив. Ты была... с Жилем. Для меня это было таким потрясением!

Разве Матильда могла забыть тот день? Ощущение неловкости, которое она испытала, увидев мать на пороге, было не из тех, что легко стираются из памяти. Вырванная из объятий Жилия стуком в дверь, она была совершенно не в том состоянии, да и не в том виде, чтобы принять в своем доме мать.

— Это не объяснение! — пробормотала Матильда обиженно. — Ты не говорила мне даже тогда, когда Лизон и Поль уже все знали! И Нанетт знала, готова спорить!

Мари нахмурилась и сказала:

— Я бы не стала с ней делиться, но она услышала наш с Адрианом разговор, поэтому у меня не было выбора... Но хочу, чтобы ты запомнила: Камилла и Мелина до сих пор не знают о том деле, и пусть так все и останется! Автор этих писем твою приемную сестру называл безотцовщиной и, что еще хуже, утверждал, что я прижила ее с немцем... Это оскорбление — самое омерзительное!

Матильда и бровью не повела. Она была абсолютно равнодушна ко всему, что касалось Мелины. Мари между тем продолжала рассказывать:

— И только прошлой весной мы узнали, кто сочинял всю эту ересь! Оказалось, авторов двое — Элоди Прессиго, с недавних пор мадам Варандо, и ее муж Фирмен.

— Кто тебе сказал?

— Сын Макария, Гийом Герен. Он управляет банком в Лиможе. Это он не давал Полю ссуду. Этот юноша, чья бестолковость внушает мне жалость, приехал ко мне и, помимо прочего, похвалился, что тоже причастен к этому делу с анонимными письмами. Не зная меня, он испытывал ко мне ненависть. Остальное — детали, которые ни о чем тебе не скажут. Матильда, я рассказываю тебе все это по одной причине — хочу, чтобы ты поняла: не одна ты страдаешь, просто другие этого не показывают! Каждый сам решает свои проблемы. И слезы не помогут тебе справиться с твоими! Ты чувствуешь себя несчастной, я понимаю. Но жизнь продолжается — и вокруг тебя, и в тебе! Ты должна подумать о ребенке. Если ты родишь его вне брака, тебе придется столкнуться со злословием соседей, сплетнями... И однажды твоего малыша тоже назовут безотцовщиной! Ребенку очень

больно слышать такое! Старшие товарищи быстро объяснят ему, что это значит!

Матильда в панике закусил губу. Она поняла, что мать говорит истинную правду, и ей стало страшно. Отчаяние переполняло ее до такой степени, что об этой стороне проблемы она даже не подумала. Теперь она лучше понимала, какие чувства испытывала ее приемная сестра, слыша в свой адрес это слово — безотцовщина!

— Ну вот, а потом я потихоньку вернулась сюда!

Мелина, которая спустилась, чтобы в кухне взять шоколад и печенье, услышала добрую половину разговора между приемной матерью и Матильдой. Остановившись в метре от приоткрытой двери, она замерла. Стоя босыми ногами на керамической плитке, она какое-то время слушала, стараясь не дышать. Потом, не менее ловко, чем ее кошечка Опаль, прокралась по коридору и бесшумно поднялась на второй этаж. В комнату Камиллы, которая, сидя на кровати, красила ногти, Мелина ворвалась ураганом.

— Камилла! Матильда приехала! И она сейчас в кухне!

— Хм! — отозвалась старшая сестра. Новость ее не слишком обрадовала. — Посреди недели? Это странно!

— Погоди, это еще не все! Они говорили громко, и я остановилась возле двери и послушала. Знаю, это нехорошо, зато я узнала столько интересного! Во-первых, что Матильда беременна!

— Но... от кого? Она ведь в разводе! — выдохнула заинтригованная Камилла.

— У нее есть любовник! — торжествующе объявила младшая. — И это, кажется, ее компаньон Жиль! Если бы я пришла пораньше, то знала бы наверняка. Вот жалость!

Камилла закрыла глаза и стала вспоминать. Они с Мелиной и матерью пару раз бывали в салоне Матильды. Тогда-то девочки и увидели Жилья, парикмахера, который работал в другой части здания, где обслуживали мужчин.

— Ты права, Мелина! Это может быть только он! — сказала она. — Они были очень похожи на влюбленных! И постоянно подмигивали друг другу, я это помню!

Мелина присела рядом с сестрой и с таинственным видом добавила:

— Но у меня есть новость и пострашнее! Помнишь ту историю с анонимными письмами, ну, с теми, что мы тайком читали?

— Конечно! И мне до сих пор стыдно перед мамой, что мы рылись в ее комод! И что там с этими письмами?

— Так вот, это Элоди, та женщина из Прессиньяка, ну, та ведьма, их писала! Со своим мужем. И у них был соучастник. Угадай, кто?

Камиллу уже начали раздражать мелодраматические паузы, которые то и дело выдерживала сестра. Она легонько ущипнула Мелину за маленькую ручку, чтобы ускорить процесс:

— Ну же, рассказывай! И перестань строить из себя великого конспиратора!

— Как ты не понимаешь, я не знаю, стоит ли тебя так расстраивать... — Мелина подняла глаза к потолку. — То, что я собираюсь сказать, тебе явно не понравится! И уж совсем мне не хочется, чтобы ты, разозлившись, набросилась на меня!

— Мелина, говори! Или я сейчас точно разозлюсь! — пообещала Камилла.

— Что ж, ты сама этого хотела! Твой прекрасный принц — вот кто им помогал! Он все знал, и ему это казалось забавным, потому что он ненавидит маму Мари!

Камилла так сильно толкнула приемную сестру, что та свалилась с кровати. Глаза ее потемнели от гнева, когда она вскричала:

— Лгунья! Это все чепуха! Гийом никогда бы такого не сделал, я уверена! И зачем ему делать гадости моим родителям? Это бессмысленно! Ты совсем спятила!

— Если кто и спятил, то точно не я! — отозвалась Мелина, и в ее кошачьих глазах зажглись мстительные огоньки. — Думаю, это он сумасшедший! Клянусь, я только что слышала, как твоя мать рассказывала все это Матильде. А я вот ничуть не удивилась! В Прессиньяке, когда мы его в первый раз встретили, он стоял с Фирменом Варандо, мужем Элоди. И вечером, когда мы искали его в поселке, на велосипедах, он остановил машину перед их домом. Значит, все сходится! А в прошлом году, в апреле, Гийом приезжал в Обазин. И не меньше часа они с мамой Мари проговорили. А потом папа Адриан был очень злой, я его таким раньше не видела. И за обедом они нам запретили разговаривать с Гийомом и даже произносить его имя! Ну, вспомни!

Озадаченная Камилла не ответила. Аргументы Мелины были, как всегда, убедительны и многое объясняли. Девушка испытала жестокое разочарование: похоже, ее прекрасным мечтам о любви не суждено сбыться. Она спросила изменившимся голосом:

— Но почему все так происходит? Подумать только, ведь это ужасно! Родители никогда не позволят мне с ним встречаться и даже заговорить...

— Тебе придется поставить на нем крест, Камилла! Мало того что он

намного старше тебя, так еще и идиот, раз ввязался в это грязное дело с письмами! На твоём месте я бы нашла себе другого! Ты очень красивая, и все парни на тебя засматриваются! Вспомни, в воскресенье, когда мы выходили из церкви, какой-то парижанин глаз с тебя не сводил! И он был симпатичный...

Камилла, которая сильно побледнела, пожала плечами. Прошло много месяцев, но ее чувства не ослабли, и образ Гийома, как и прежде, жил в ее сердце.

— Я не виновата, что до сих пор думаю о нем! — прошептала она, распуская свои длинные волосы. — Но ты, похоже, права — я больше никогда его не увижу. И лучше его забыть!

Мелина вернулась на свое место на кровати и, обхватив руками колени, сказала лукаво:

— Есть один способ, ну, чтоб уж точно знать, стоит тебе о нем думать или нет! Потом ты быстрее сможешь его забыть и переключиться на других своих воздыхателей! Вот мой план: напиши этому Гийому! Я знаю, в каком банке он работает. Когда подслушиваешь под дверь, столько всего узнаешь... Объясни ему все, спроси, почему он помогал Элоди, и попроси о встрече!

Камилла расширенными от изумления глазами смотрела на лукавую мордочку приемной сестры. Откуда только у нее берутся такие идеи?

— Бедняжка, ты слишком часто смотришь кино! Я уже говорила это маме, но тебе все сходит с рук! То, что ты предлагаешь, — несусветная глупость! Бред какой-то!

— Я так не думаю, — протянула коварная девица, чьи сапфировые глаза сияли. — Кто не рискует, тот и не выигрывает! Если сделаешь, как я говорю, то, во-первых, если повезет, твой Гийом тебе ответит, а потом, кто знает, может, вы и встретитесь... Но как я могла забыть! Ты же мокрая курица, трусиха... Я зря трачу время, пытаюсь тебе помочь...

Растерянная Камила, которую последние слова приемной сестры задела за живое, тут же возразила:

— Ты плохо меня знаешь! Вот только... Я уверена, это не сработает. И не понимаю, зачем ему писать?

— Как это зачем? Разве ты не хочешь снова с ним встретиться?

— Даже если он и прочтет мое письмо, то сразу его выбросит и не ответит мне. А может, вообще не станет читать письмо, подписанное незнакомым человеком...

— Вам надо объясниться! А ты, между прочим, дочка Мари Меснье, значит, вовсе не незнакомый человек!

— А ты сможешь мне написать?

— Конечно, мокрая ты курица!

Камилла спрыгнула с кровати, схватила со стола листок бумаги и перо и передала все это Мелине. Та от нетерпения ерзала на месте, облизывая верхнюю губку, словно котенок, напившийся теплого молока. Одна из ее бесчисленных привычек...

***

Мари и Матильда были слишком поглощены своим разговором, чтобы прислушиваться к едва слышным шорохам в коридоре. Они бы встревожились, если бы могли предположить, что Мелина подслушивает. Пронзительный голос Нанетт отвлек их от беседы тет-а-тет:

— Кто это там чирикает в кухне? А, это ты, моя курочка! Ты в гости приехала или просто проезжала мимо и решила ненадолго заглянуть?

— Иди поцелуй бабушку, — шепнула Мари на ухо дочери. — И поболтай с ней немного! А я пока почищу картошку. Минут через пять я принесу вам лимонад!

Матильда встала и, сбросив туфли на каблуках, направилась в сад своей упругой походкой, подчеркивавшей ее округлые бедра и тонкую талию.

— Кто бы сказал — не поверила! Наша Ману приехала посреди недели! Здравствуй, моя крошечка, как дела?

— Хорошо, ба! — ответила Матильда, целуя в обе морщинистые, немного впалые щеки старушки. — Я смотрю, ты совсем избаловалась в последнее время! Спишь днем в саду... И, по-моему, даже похрапываешь...

— Что же ты хочешь? Твоя мать запрещает мне работать! Садись рядом, я на тебя посмотрю! — попросила Нанетт и добавила на патуа: — Черт побери, какая же ты у нас красавица!

Матильда и правда была сильно расстроена, если судить по тому, что она не возмутилась, услышав последнюю фразу; обычно было достаточно и слова на патуа, чтобы у нее «шерстка встала дыбом». Однако на этот раз она просто не обратила на это внимания и ответила слабой грустной улыбкой, поскольку комплименты она слышала так часто, что перестала на них реагировать. Однако старушку обмануть было нелегко; она сразу догадалась, что внучка чем-то расстроена.

— Что еще с тобой приключилось? Со мной можешь не манерничать, моя крошка Матильда! Мари, та рассказывает по капле! Я на ферме сама делала сыр, так вот, бывало, соберешь простоквашу, подвесишь над миской, и в нее сыворотка ну так медленно капает! Но меня не обманешь!

Ты из-за развода так извелась?

— Нет, бабушка! Мама, наверное, рассказала тебе про моего компаньона, Жилья... Я его люблю, и у нас будет ребенок. Но когда я ему об этом сказала, он разозлился и все закончилось ссорой!

— Скверное дело! — пробормотала Нанетт на патуа. — Так ты сунула ключ под дверь и вернулась к матери? И правильно сделала, Ману!

— Если бы все было так просто... Послушай, бабушка...

Мари приоткрыла ставни в кухне, чтобы впустить побольше света. Так ей было проще чистить овощи и выдавливать сок из лимонов, а еще она могла видеть ту часть сада, где сидела Нанетт. Она улыбнулась, отметив, какой радостью светится лицо старушки, как оживленно она разговаривает с Ману. Они представляли собой прелестную картину: солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, и листва создавали золотисто-зеленый фон, на котором вырисовывались силуэты ее средней дочери, одетой во все белое, и Нанетт — в черном.

«Они хорошо понимают друг друга! — подумала Мари, ополаскивая руки. — Но когда Матильда была маленькой, все было совсем не так!»

Мари встревожилась бы, услышь она слова своей дочери. Матильда говорила очень тихо, нагнувшись к уху бабушки...

— Ба, я не знаю, что мне делать! Понимаешь, если Жиль не хочет ребенка... Сейчас срок еще небольшой. Меня пару раз тошнило... Конечно, я целый день на ногах, и я так расстроилась из-за ссоры... Может, плод сорвется сам собой... А может, и нет... Ты часто бывала у своей подруги Маргариты, ты знаешь свойства трав, верно? Однажды ты рассказывала, что Маргарита давала какой-то настой незамужним и у тех случался выкидыш. Ты помнишь, что это были за травы? Я слишком сильно люблю этого мужчину, чтобы его потерять! Я с ума сойду, если он меня бросит!

Старушка только качала головой и вздыхала. Она взяла в свои натруженные руки тонкие пальчики Матильды и с бесконечным участием заглянула ей в глаза:

— Ты говоришь вздор, моя крошечка! Ты ведь всегда была сильной девочкой, ты ни за что не станешь избавляться от своего малыша! Что бы на это сказал Пьер, твой отец? Сказал бы, что так порядочные девушки не поступают! Конечно, я знаю, что это были за травы! Я их давала своим козам, но тебе ничего не скажу! Это то же убийство, в хороших семьях так не поступают! И со смертью шутки плохи! Ты можешь и себя загубить... Так получилось с одной девушкой из Вергонзака, она согрешила с каким-то шалопаем. Маргарита дала ей свой настой, дитя вышло из живота, но внутрь попала инфекция. Доктор ничего не смог сделать... Я это точно

знаю, потому что тот доктор был наш Адриан. Он плакал потом, бедняга!

У Матильды сжалось сердце. Она едва сдержала вздох раздражения. Ей, разумеется, не удастся заставить бабушку пойти против своих убеждений. Она интуитивно чувствовала, что ситуация с Жилем не изменится к лучшему, если между ними встанет ребенок. У нее не было выбора, если она хотела сохранить отношения с любовником. К тому же роль матери совершенно ее не привлекала. Жизнь, которая развивалась в ней, только расстраивала ее и пугала. Если бы не этот ребенок, они бы с Жилем не поссорились и он бы не ушел, хлопнув дверью! Материнский инстинкт оставался для нее понятием абстрактным, ничего похожего она не испытывала. И тут Матильде показалось, что решение найдено. Отчим любит ее и, возможно, сможет помочь! Ему придется ей помочь...

— Бабушка, клянусь, я бы его сохранила, этого малыша, но я не хочу остаться одна... Если Жиль уйдет, я буду очень несчастной, а значит, у моего ребенка не будет хорошей матери. А для него это хуже, чем если бы он и вовсе не родился!

Подошла Мари с подносом в вытянутых руках. Она объявила с лучезарной улыбкой:

— Домашний лимонад, прохладный и в меру сладкий! Еще я принесла сладкое: пирог «Четыре четверти», его испекла Камилла, и клубничное варенье. Сейчас позову девочек...

— Прошу, мама, не сейчас! — взмолилась Матильда. — И не обижайся, но я хочу поговорить на взрослые темы...

— Правильно сказала наша Ману! — поддержала внучку Нанетт. — Ее дело — не для ушей девчонок, которым бы только шушукаться да смеяться!

— Твоя правда, Нанетт! — уступила Мари. — Я просто подумала, что приятно будет посидеть в саду впятером и поесть пирога с лимонадом...

— Вечером мы соберемся все вместе за ужином! — сказала с досадой Матильда. — Или через полчаса, если хочешь... Я слишком расстроена, а ты знаешь, что в таком состоянии я легко вспыхиваю... Давай еще немного посидим втроем, ладно?

Нанетт смахнула невидимые крошки со своего фартука, потом поправила чепец. Твердым голосом она спросила у внучки:

— Он хотя бы красивый, твой Жиль? Если нет, то ты будешь дурой, если позволишь какому-то повесе водить себя за нос!

— Красивый, ба! Мой Жиль хорош собой, как кинозвезда, можешь мне поверить! И всегда гладко выбрит и ухожен. А как от него приятно пахнет, ты бы знала!

Мари со стуком опустила поднос на садовый столик. Она

рассердилась. Неужели она должна лишать себя приятного времяпрепровождения вместе с Нанетт и дочерьми только ради того, чтобы Матильда могла без помех расписывать достоинства своего любовника? И до какой же степени совершенства они дорастут, если никто ее не остановит? Откровенность дочери вывела Мари из себя. Но та едва ли заметила, как звонко стукнули стаканы, соприкоснувшись с кувшином. Все внимание молодой женщины было обращено на бабушку, а та, казалось, была на седьмом небе от счастья.

— Так он из тех, кто душитесь? — переспросила старушка. — Не таков был мой Жак! Он бы не брызгался одеколоном. Да и то сказать, брился-то мой муж раз в неделю, по воскресеньям! Но он бы точно не стал шуметь, скажи я ему, что беременна! Я беременела чаще, чем следовало, но только один ребеночек выжил! Я говорю о твоём отце, моём Пьере... Так что, моя курочка, соберись с силами и роди его на свет, своего малыша, уважь память отца!

Старушка замолчала. Плечи ее затряслись — Нанетт плакала. В силу возраста она не могла вспомнить мужа или сына без того, чтобы не пустить слезу.

— Старая я дура, реву как корова! Но ты меня расстроила своим рассказом! Виданное ли дело — мужчина отказывается от своего ребенка! У меня чуть сердце не остановилось!

— Бабушка, перестань, а то я тоже заплачу! Давай не будем больше себя мучить. Я легко вспыхиваю, ты же знаешь. Жиль кричал, я тоже... А я, выйдя из себя, разбила флакон в его салоне. Он просто взбеленился! Но он передумает — я имею в виду ребенка... Мы ведь так друг друга любим! Через пару дней, вот посмотришь, он придет просить прощения...

Нанетт и Матильда продолжали беседовать. Мари слушала вполуха и не участвовала в разговоре, который, к ее великому облегчению, теперь затрагивал более нейтральные темы. Глядя на дочь, она отдалась потоку воспоминаний. Вспомнила даже день, когда родилась Матильда. Это случилось в начале дождливой осени в «Бори». Она была очень красивым младенцем, но плакала даже с материнским соском во рту. Редкая ночь обходилась без крика. Уже тогда капризная и всем недовольная, Матильда требовала от родителей круглосуточной заботы и внимания. Ей было три месяца, когда от сердечного приступа умер Жан Кюзенак.

«Господи, как я тогда горевала! — думала Мари. — Дом был украшен к Рождеству. Мы были так счастливы... И мой бедный папа умер... Он даже не успел узнать Матильду...»

Церковный колокол пробил четыре раза. Буквально через секунду

появился Адриан. Он обошел всех пациентов, и теперь у него было немного свободного времени до запланированных на вечер посещений. Он узнал машину Матильды, оставленную на площади. Ее приезд его удивил. Он сразу же направился в сад, где его близкие обычно проводили жаркие часы после полудня.

Не успел он сделать и трех шагов, как в коридоре послышался топот ног: Камилла и Мелина спустились его поцеловать, обе радостные и взбудораженные.

— Папочка!

— Папа Адриан!

Матильда заставила себя улыбнуться, но внезапно ее охватила безмерная печаль. Адриан приласкал девочек, прежде чем подойти к ней поздороваться. Матильда была разочарована. Она ощутила укол ревности, и это случилось с ней не впервые...

***

— Мари, когда ты перестанешь считать Камиллу и Мелину невинными созданиями, которым ничего нельзя говорить и объяснять? Ты становишься смешной!

В очередной раз Адриан критиковал жену за ее попытки оградить девочек от реальной жизни. Впрочем, он прекрасно понимал, из каких побуждений супруга старается сделать так, чтобы дочери жили в идеальном мире.

Супружеская спальня всегда была тем местом, где они делились радостями и заботами, однако случалось здесь звучать и упрекам, и тогда назревала гроза.

— Прошу, не расстраивай меня еще сильнее! — взмолилась Мари. — Все идет не так, как мне хочется, хоть плачь! И сейчас не время для упреков!

— Ты преувеличиваешь, дорогая! Я просто хочу открыть тебе глаза на твои собственные поступки. Со старшими дочерьми было по-другому, я прекрасно это помню. Увы, ты упрямо видишь в Камилле и Мелине наивных девочек! Но подумай сама! Камилле восемнадцать, и она поступила в Эколь Нормаль. За годы учебы в лицее она успела узнать, что такое жизнь! Что до Мелины, то тут дело еще хуже...

Шокированная Мари возмутилась:

— Как это — «еще хуже»? Что это ты придумываешь про Мелину? Скажи лучше, что ты просто ее не любишь! Это ясно как день. И ты глаз с нее не спускаешь!

Адриан сердился все больше. Мари не только не хотела понять — она делала все возможное, чтобы переменить тему разговора, которая ей не нравилась. Он откинул простыню и сказал со вздохом:

— Господи, какая жара! Я начинаю сердиться, когда слышу от тебя такие глупости! Мари, если я присматриваю за Мелиной, то у меня есть на то причины. Сын Бруазини, Луччано, готов ради нее на все! У него даже аппетит пропал! Об этом мне рассказал его отец, славный Анжелло. Он — мой пациент, если ты помнишь. А еще есть Морис, сын фермера из Бейна. Каждый день бедняга десять километров катит на велосипеде по жаре, чтобы постоять у наших окон, дожидаясь, когда мадемуазель предстанет перед его восхищенным взглядом!

— Но ведь все это детские игры в любовь! — заявила Мари, желая саму себя в этом убедить.

Адриан так устал приводить одни и те же аргументы, что не сказал на это ничего. Мари не принимала реальность, которая ее не устраивала, и не хотела хоть что-то менять. Она ухватилась за мнимую невинность младших дочерей, чтобы как можно скорее забыть о предосудительном буйстве чувств Матильды. Согласиться с тем, что они вырастут, означало допустить перспективу их будущих любовных томлений. Как раз этого она больше всего и боялась.

Тишина установилась в комнате, замкнув супругов каждого в своих размышлениях. Мари вспоминала прожитый день, пытаясь понять, как получилось, что они с Адрианом поссорились.

Перед ужином по телефону позвонил Жиль. Он сказал, что хочет поговорить с женой. Матильда бросилась к аппарату и захлопнула за собой дверь кабинета Адриана, чтобы ей никто не мешал. Через минуту молодая женщина вышла. Щеки ее порозовели, глаза сияли от радости. Грусти как не бывало! Она превратилась в настоящий ураган счастья. Времени ей хватило только на то, чтобы проговорить:

— Мам, звонил Жиль! Он извинился, он по мне скучает! И хочет, чтобы я поскорее вернулась! Слава Богу, все наконец наладилось! Мама, бабушка, я так рада!

Матильда схватила сумочку, шляпу и ключи от машины. Поспешно перецеловав родственников, она убежала — с легким сердцем и не заботясь о том, что обманула ожидания матери и бабушки. Камилла и Мелина, которые как раз накрывали на стол, не поняли из сумбурных восклицаний сестры, почему она так стремительно уехала. Расспросы натолкнулись на однозначный и категоричный отказ Мари что-либо объяснять. Адриан не захотел усугублять ситуацию, но настроение у всех было испорчено, и

ужин прошел в мрачной атмосфере.

Мари никак не могла справиться с гневом и разочарованием. Вечер был испорчен. В очередной раз поведение дочери ее разозлило. Она так радовалась в предвкушении семейного ужина! Теребя край простыни, она сказала недовольным тоном:

— Матильда могла остаться хотя бы на ужин! Я сделала картофельную запеканку специально для нее, и никогда она не получалась такой вкусной!

Адриан погасил прикроватную лампу и встал, чтобы открыть ставни. В комнате сразу стало прохладней. Из кафе «Сюдри» доносилась музыка. Адриан вернулся в постель.

— Признаю, со стороны Матильды было невежливо вот так сорваться и уехать! — сказал он. — Но это не повод скрывать правду от Камиллы!

— Адриан, сколько раз я должна повторять? Я не собираюсь сообщать девочкам, что их сестра беременна от мужчины, который никак не может развестись. Прости, но тут нечему радоваться! Когда Матильда приехала, она была в отчаянии. Я была с ней ласкова, проявила понимание... Всему есть предел! Этот тип смеет сюда звонить, а она тут же бросается к нему! Если хочешь знать мое мнение, то это стыдно и унижительно! Ты тоже не выглядел слишком радостным, когда я тебе все рассказала!

— Признаю, ситуация неоднозначная. Но я поговорил с Матильдой и даже ее осмотрел. Мы прояснили некоторые вещи. Могу тебя заверить, твоя дочь искренне любит своего Жиля. А что касается любви вообще, то Камилла и Мелина уже знают, что это такое, нравится это тебе или нет!

Мари тотчас же нахмурилась. Ее поведение было Адриану непонятно. Ну как такая мудрая и чувственная женщина может до такой степени бояться взросления своих дочерей? Он хотел было обнять жену, но та сердито отстранилась.

— Перестань! Тебе не удастся меня умаслить! Первое, что я хочу узнать, — о чем вы говорили с Матильдой в кабинете?

— Это врачебная тайна!

— Если не скажешь, я уйду спать на кровать, которую приготовила для Матильды! Простыни свежие, и там мне будет удобнее, чем здесь, под боком у мужа, который надо мной насмехается!

Мари повернулась лицом к супругу. В глазах ее читался вызов. В лунном свете они смотрели друг на друга, ожидая, кто сдастся первым. Молчание прервал смех, причем хохотали оба, потому что оба знали, что у Мари не хватит духу выполнить свою угрозу. Совместные ночи были для них сокровищем, без которого они не могли жить, ни он, ни она...

— Любимая, добрая моя женушка! Тебе порой не дашь и двадцати,

такой ты бываешь наивной! Ладно, признаюсь: я очень расстроен, и есть из-за чего! Матильда решила, что не оставит ребенка, если Жиль этого не захочет. Я долго ее убеждал, но это напрасный труд. Ты ее знаешь... И я очень обеспокоен, не стану скрывать! В Бриве и в Тюле есть так называемые «фабрикантши ангелов», которые берут за свои услуги огромные деньги. И дело не только в том, что аборт нелегальны и, если об этом станет известно, женщине грозит серьезное наказание, но сама процедура очень опасна с медицинской точки зрения. Могут быть разные осложнения. Я постарался ей это объяснить, уверяю тебя, но ты же знаешь, какая она упрямая...

Испуганная Мари прижала руку к груди. Значит, этот кошмар еще не закончился!

— Господи! Только не Матильда! Не говори мне, что моя дочь думает о таком! Адриан, она на это способна... Я ее знаю! Ну почему ты раньше мне не сказал? Я бы не дала ей уехать! Нельзя позволить ей убить невинную душу! А вдруг она умрет? Адриан, нужно что-то предпринять!

— Успокойся, пожалуйста! Я попросил Матильду позвонить, если она вдруг почувствует себя плохо. Через два дня мы едем в Брив. Хочет она того или нет, я намерен поговорить с Жилем. И этому типу придется меня выслушать!

— Это будет непросто! Он не внушает мне доверия. И то, что он так быстро передумал, меня беспокоит. Он, можно сказать, оскорбил Матильду и вдруг звонит и умоляет ее вернуться! Не находишь это странным? Боюсь, эта история плохо закончится. А мне так хотелось бы, чтобы Ману наконец была счастлива и чтобы этот ребенок родился в полной семье! Тебе нужно быть очень осмотрительным и дипломатичным, дорогой, но говори с ним слишком жестко! Надеюсь, они поженятся рано или поздно...

Мари прижалась к Адриану, ища в его объятиях успокоения и защиты. Он обладал даром возвращать ей силу и стойкость.

— А я так радовалась, что мы увидим этап «Тур де Франс»! — прошептала она. — Теперь я даже не рада, что увижу Луизона Бобе во плоти, представляешь?

— Давай надеяться на лучшее! Я лично ни за что на свете не пропущу такое событие! Тридцать восьмая гонка проходит через Брив, и я могу своими глазами увидеть прибытие гонщиков! И поверь, ничто не испортит мне удовольствия!

Глава 25

Четырнадцатое июля ^[15]

Брив, 14 июля 1951 года

Ту часть дороги возле Гиерля, где должны были проехать участники «Тур де Франс», огородили. Там царила атмосфера всеобщего ликования. Тысячи зрителей наводнили городок. Муниципальные власти по такому случаю пустили несколько дополнительных автобусов из Клервивра и Жийяка и поезд Помпадур — Брив. Все толкались, локтями прокладывая себе путь к финишному участку дороги. Лучшие места были платными, причем за сидячие нужно было выложить по двести франков, а за место в первом ряду — триста. Но удовлетворение страсти не имеет цены...

Мари крепко держала Адриана под руку, а смеющиеся Камилла и Мелина следовали за ними, отдаваясь радостному волнообразному движению толпы.

— Здесь жизнь бьет ключом! — воскликнул Адриан. — Не помню, говорил ли я тебе об этом раньше, Мари, но я бы с удовольствием выбрал профессию велогонщика, если бы не стал врачом. Я искренне восхищаюсь нашими спортсменами! Проехать столько километров по дорогам Франции, перевалить через Пиренеи, потом через Альпы... Для этого нужно иметь мужество и недюжинную силу, и это восхищает! Ты хотя бы представляешь себе, сколько километров в каждом этапе? Это же нечеловеческая нагрузка! Сегодня они проедут двести шестнадцать, и дороги в нашем регионе не назовешь гладкими!

Мари, которую в толпе толкали со всех сторон, слушала мужа вполуха. Одной рукой она придерживала свою соломенную шляпку и тщательно следила за тем, чтобы кто-нибудь не зацепил острым предметом ее новое синее шелковое платье. Шум стоял невероятный, он поглощал все голоса.

— Матильда пообещала к нам присоединиться! — громко сказала она.

— Весьма неосмотрительно с ее стороны! Зрители взбудоражены, в толпе тут и там носятся мальчишки! — отозвался Адриан. — А где Камилла и Мелина?

— Вон они! Поджидают рекламную группу! Они еще совсем дети, я же говорила тебе! По-моему, там раздают флажки и бумажные шапочки. Еще я слышала, что будет спектакль марионеток, его устраивает сыроварня

«La vache qui rit».

В тени липы Адриан увидел буфетную стойку и увлек Мари туда.

— Уф, наконец-то нашлось место поспокойнее! — выдохнул он. — У нас есть еще немного времени, прежде чем покажутся лидеры. Я знаю маршрут наизусть! Выехав из Тюля, гонщики одолеют склоны Пуассака. Утром из Клермон-Ферран стартовало девяносто семь спортсменов. Этот этап трудный — им придется преодолеть перевалы Вантуз и Круа-Моран, потом будут остановки в Мон-Доре и Бурбуле. После Бор-лез-Орг, со 101-го километра, начинается коррезская часть трассы — последний прямой участок перед прибытием в Брив! У нас же им придется ехать по извилистым дорогам и взбираться на многочисленные холмы!

Мари засмеялась, так ее позабавил энтузиазм супруга. Настоящий спортивный комментатор национального радио! Как точно он запомнил все детали, описанные в статье во вчерашней газете! Мари тоже прочла выпуск ежедневной газеты «La Montagne»^[16], но запомнила только одно сильное и красивое выражение — «Гиганты гонки». Так назвал спортсменов мэри Брива в своем интервью для прессы.

— Дорогой, можно подумать, что ты жмешь на педали вместе с ними! — сказала Мари весело. — По-моему, в тебе погиб талантливый гонщик!

— Увы, я уже слишком стар, чтобы менять жизнь! Но ты сама знаешь, я не отказываю себе в удовольствии покататься на велосипеде по дороге на Бейна!

Растроганная Мари поцеловала супруга. Она получала удовольствие от этого праздника, от солнечного дня.

— Адриан, надеюсь, ты не забыл фотоаппарат в номере отеля? Будет жаль, если ты не сфотографируешь момент прибытия «гигантов гонки»!

Адриан улыбнулся и жестом фокусника извлек из кожаной сумки их недавнее приобретение — фотоаппарат.

— Вот он! А ну-ка, дорогая, встань на камень, и я увековечу тебя в этот день славы, которому мы радуемся вместе со всеми жителями Брива!

Мари послушно замерла на камне, чувствуя себя счастливой. И вдруг со своего места она увидела первую машину каравана прессы — ту, на которой была эмблема сыроварни «Bel».

— Адриан, скорее! Они едут! — крикнула она, поддаваясь охватившему толпу волнению.

С трудом они пробились в первый ряд. Внезапно на плечо Мари опустилась чья-то рука. От неожиданности она вздрогнула.

— Мамочка, с чего это ты проходишь мимо дочери, даже не удостоив ее взглядом?

— Матильда! Я тебя всюду искала! Но в такой толпе это не просто...

Женщины поцеловались. Мари удивил скромный наряд дочери, которая обычно выбирала весьма экстравагантную одежду. Сегодня на молодой женщине были полотняные брюки и серая рубашка. Адриан не стал скрывать своего изумления:

— С каких это пор наша Матильда одевается, как разведчик в тылу врага? Ты и про черные очки не забыла, и про шляпку! Настоящая кинозвезда инкогнито!

Матильда смущенно улыбнулась и сказала:

— Не знала, что правила хорошего тона нынче позволяют глумиться над будущей матерью! Ну здравствуй, папа Адриан! Скажи, ты не против, если я стану называть тебя так, как Мелина? Раньше мне это в голову не приходило...

— Папы хватит, моя девочка! — тихо отозвался тот. На Адриана нахлынула волна нежности. — Но раньше ты ни за что не хотела говорить мне «папа»! С шести лет ты, упрямец, называла меня или «отец», или «Адриан»!

Матильда бросилась к нему на шею, в глазах ее блестели слезы.

— Я была глупая! Теперь мне хочется называть тебя только так — папа!

Эта сцена немного испортила Мари настроение. Она знала по опыту, что, когда дочь начинает изливать нежность на кого-то из родных, это означает, что дела у нее идут не слишком хорошо. И все же она растрогалась.

— Идем, дорогая! Попробуем найти Камиллу и Мелину, — предложила она. — Я буду защищать тебя от толкотни своим телом! Я их вижу! Вон там, справа! Они хорошо устроились, хитрюги!

Камилла и Мелина подпрыгивали от нетерпения, поджидая гонщиков, о чьем приближении уже было объявлено. Обе в цветастых платьях и с платочками на волосах, они радовались тому, что оказались в самом сердце праздника. Внешне очень разные, обе светились улыбками. И, словно дети, держались за руки.

— Я подобрала три флажка! — похвасталась Мелина.

— А я один! Отдам его Жану, когда поедем в Прессиньяк, — отозвалась Камилла. — Мне так хотелось, чтобы и Лизон с детьми сюда приехала!

Мелина едва слышала ее слова. Она видела себя звездой дня — к примеру, невестой Луизона Бобе или той девушкой, которая на глазах у всех поднимется на эстраду и вручит букет победителю этапа. Адриан

вернул ее с небес на землю, ущипнув за руку. Девушка вздрогнула.

— Папа Адриан, ты меня напугал! Еще секунда — и я бы дала тебе пощечину, приняв за чужого!

— Неужели? — подхватил он. — Я бы очень удивился, маленькая дьяволица! Обычно ты не так строга с парнями, которые за тобой ухаживают...

Польщенная Мелина рассмеялась, но времени на ответ у нее не было — грянул шквал приветственных криков:

— Вон они! Едут!

— Руис идет первым! Он победит!

Загрохотали крики «ура!», сопровождаемые оглушительными аплодисментами. Адриан тоже увидел первого гонщика, испанца Бернардо Руиса, и пылко поприветствовал его. Голос комментатора из громкоговорителей сообщил зрителям о том, что испанский гонщик показал отличный результат на этом стовосьмидесятипятикилометровом участке. Следом за ним, сияя металлическими деталями и яркими майками, появилась группа лидеров.

— Поднажми, Бобе! — крикнула какая-то женщина при виде французского гонщика, чья популярность росла с каждым днем.

Что до Адриана, то он высматривал спортсмена, интересовавшего его больше других, — Роже Левека, который с начала гонки был в желтой майке лидера. По пятам за ним следовал Лоррен Бовен.

— Посмотри, Мари! В желтой! Это Левек! Какой молодец! Подумать только, какие лишения и издевательства ему пришлось перенести в концентрационном лагере! Вот достойный пример мужества!

Взволнованная Мари аплодировала гонщикам, которых встречал сумасшедший рев толпы. К Матильде вернулся ее хрустальный смех и порывистость, и это немного успокоило Мари.

— Мам, если у меня родится мальчик, я в память об этом дне назову его Луизон! Не знала, что это так здорово — видеть всех гонщиков на финишной прямой!

— Луизон — звучит очень мило! — сказала Камилла, обнимая свою взрослую сестру за талию. — Значит, ты ждешь малыша? Если бы не «Тур де Франс», неизвестно, когда бы я об этом узнала... Разумеется, нам никто не сказал, но так принято в этой семье!

Мари густо покраснела. Охваченная всеобщей радостной лихорадкой, она забыла, что беременность Матильды — все еще секрет. Мелина поспешила спрятать улыбку при виде растерявшейся приемной матери.

— Это правда, наша Матильда скоро станет мамой, — пробормотала

все еще красная от смущения Мари. — Адриан, куда ты?

— Попытаюсь подойти к Роже Левеку и Руису! Испанец сегодня совершил настоящий подвиг! Он пришел с таким отрывом, что это попадет в анналы истории гонок, я уверен! Оставляю тебя в приятной компании... трех твоих дочерей!

И, лукаво улыбнувшись, Адриан растворился в толпе. Он не собирался помогать жене выпутываться из затруднительного положения, ведь он столько раз ее предупреждал! Пусть, наконец, учится обращаться с Камиллой и Мелиной как со взрослыми! Мания Мари скрывать от девочек правду делала подобные ситуации неизбежными и в будущем... Мари спасло решение младших дочерей пойти прогуляться. Они поспешили окунуться в атмосферу праздника. Спектакль, бал и фейерверк должны были стать финальными аккордами этого незабываемого дня.

Оставшись наедине с Матильдой, Мари нежно обняла ее за плечи и предложила:

— Давай выпьем лимонада у стойки, дорогая! Там есть раскладные стулья и столики...

— Если ты хочешь... А кто присматривает за бабушкой?

— Жермен, наша приходящая прислуга. Я ей полностью доверяю. Подумать только, до Первой мировой я сама была служанкой, а теперь я — хозяйка! Я долго сопротивлялась, не хотела, чтобы у нас была прислуга, но последнее слово осталось за Адрианом, как всегда! Признаюсь, она — настоящий клад!

Матильда пожала плечами, в очередной раз поражаясь излишней, на ее взгляд, совестливости матери.

— Насколько я тебя знаю, ты наверняка все вычищаешь до ее прихода и подаешь ей кофе, разве не так?

— Как ты догадалась? — удивилась Мари. — Но ты права: это сильнее меня, мне не нравится быть госпожой. И в моем возрасте люди не меняются! Я могла быть прислугой всю жизнь или стала бы монахиней в аббатстве, если бы отец не забрал меня к себе. Жизнь иногда складывается так странно...

Молодая женщина вздрогнула при упоминании о монашеском существовании под сенью обазинского аббатства. Сама идея жизни в целомудрии ее возмущала. Для нее лишиться плотских радостей, навсегда заточить себя в темнице молитв и было святотатством!

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, мам! Кстати, Жиль тоже здесь, в толпе, со своими приятелями. Я хотела тебе сказать об этом раньше, ну а теперь самое время, когда мы одни: он больше не злится из-за

ребенка и пообещал, что признает его и даст свою фамилию. В итоге мысль, что он станет отцом, начала ему нравиться!

— На мой взгляд, он очень странный молодой человек! А что с разводом? Его жена отказалась от своих претензий?

Матильда отпила лимонада и задумчиво посмотрела на мать:

— Да. Не волнуйся об этом, все уладится. Я встречалась с ней и рассказала, что беременна. Она была со мной довольно-таки любезна. Возможно, мне надо было сходить к ней раньше. Она тоже хотела со мной поговорить, но я не совсем ее поняла... Она словно чего-то недоговаривает... Разговор у нас получился странный, словно она что-то хотела мне сказать и не могла... Но она согласилась дать ему развод, и это главное. Жиль пообещал на мне жениться.

Мари вздохнула с облегчением. У дочери все получилось! Ситуация наверняка нормализуется. Если Матильде повезет, ее дитя появится на свет в законном браке...

— Это прекрасные новости, дорогая! Я поспешу передать твои слова Нанетт. Теперь я могу тебе сказать: я очень боялась, что ты сделаешь глупость. Ты ведь не пожертвуешь своим ребенком ради этого мужчины, скажи?

— Нет, мам! Я об этом думала и поняла, что не смогу! И потом, ребенок перестал быть проблемой. Когда он появится на свет, Жиль непременно остепенится. Я его обожаю, но его привычка проводить вечер с друзьями меня раздражает. Я же так устаю, что сразу ложусь — читаю или сразу засыпаю... Я не могу веселиться до утра, как раньше!

Мари озабоченно нахмурила брови. Это был первый раз, когда Матильда признала, что у любовника есть недостатки. Значит, не все у них с Жилем так гладко, как она рассказывала! Мари с сожалением подумала о своем зяте, первом муже Матильды, невозмутимом Эрве. Он никогда бы не оставил жену в одиночестве, даже на вечер! Он был скучным супругом, бесспорно, но ласковым и заботливым.

— Прости мою откровенность, Матильда, но все это меня беспокоит! И потом, я нахожу, что ты не очень хорошо выглядишь. Тебе нужно больше отдыхать и не потакать всем капризам твоего Жилия. Манеры у него не улучшились, насколько я вижу! Подойти поздороваться со мной и Адрианом по-прежнему ниже его достоинства...

— Мам, я тебя умоляю! Зачем ему с вами здороваться, если он прекрасно знает, что вы знать его не желаете? Поэтому вам проще не сталкиваться нос к носу, ты не находишь? Обещаю, все наладится, когда родится малыш. Я люблю Жилия, и это главное. Я так его люблю! Ты бы

знала...

Матильда взяла мать за руку. На ее бледном лице играла мечтательная улыбка. Мари, не зная, как сложится будущее ее крошки Ману, довольствовалась тем, что тихонько пожала пальчики дочери в ответ на ее нежный жест. И взмолилась про себя:

«Господи, защити ее!»

***

Никогда раньше Брив не знал такого оживления! Ликование охватило горожан и приезжих, которых все еще было великое множество. Громкая музыка танцевального пятачка, устроенного организаторами гонки, привлекала и молодых, и людей постарше. Все спешили посмотреть на танцующие пары, которые демонстрировали свои таланты под звездным небом.

Как и было условлено, члены семьи Меснье собрались за столиком в ресторане. После великолепной трапезы, подтвердившей высокую репутацию заведения, Адриан предложил Мари прогуляться. Матильда не захотела составить им компанию: сразу по окончании ужина она сказала извиняющимся тоном:

— Не сердитесь на меня, пожалуйста, но я гулять не пойду! Я очень устала и лучше отправлюсь спать. Спасибо за прекрасный вечер, пап! До скорой встречи, мам!

Мари поцеловала дочь и ласково погладила ее по руке:

— Отдохни хорошенько, дорогая! Завтра утром, перед отъездом, я зайду к тебе в салон попрощаться!

— Хорошо! — уже на ходу ответила Матильда.

Немного расстроившись из-за поспешного ухода дочери, Мари прижалась к Адриану. У Камиллы и Мелины на уме было только одно — скорее пойти танцевать, и они торопливым шагом направились к танцплощадке. Оркестр как раз заиграл яву, за которой последовали танго, вальс...

— Надеюсь, Мелина будет хорошо себя вести! — вздохнул Адриан. — Поведение девочки меня беспокоит, Мари! Я уже три раза в этом месяце говорил с ней о ее поклонниках. Она на два года младше Камиллы, но в сто раз изворотливее и бесстыднее! Она слишком торопится стать взрослой! При нашем с тобой воспитании это просто не укладывается в голове!

Такого типа дискуссии они вели довольно часто. Не проходило дня, чтобы Адриан не заговаривал с женой о Мелине, и всегда в негативном ключе, упрекая Мари в том, что она слишком наивна и все спускает с рук

дочери Леони. Мари давно устала от этой «старой песни», потому ответила не сразу:

— Может, я и слепа, но я не стану упрекать Мелину в том, что она нравится мальчикам. Это — очевидность, но она тут ни при чем! Девочка забавляется, строя из себя кинозвезду, и не более того! Это ее навязчивая идея — стать звездой большого экрана. Поэтому чем больше ею восхищаются, тем она счастливее! Но это не мешает ей быть осмотрительной.

Адриана последняя фраза жены удивила, и он поспешил возразить:

— Мелина — осмотрительная? Ты шутишь? Она уже настоящая кокетка, и ты напрасно смотришь на ее проказы снисходительно, Мари, уверяю тебя... А успехи в школе? Не говори, что ты ими довольна! Это же полнейшая катастрофа!

— Я знаю, Адриан! Каждое воскресенье я занимаюсь с ней предметами, по которым она плохо успевает, но стараюсь не давить на нее. Я знаю Мелину! Если ее заставлять, она взбунтуется! Вот тогда-то и начнутся настоящие неприятности. Я, в отличие от тебя, люблю ее, а потому ей доверяю.

В очередной раз разговор закончился тем, что оба остались при своем мнении. А в это время их приемная дочь кружилась по танцплощадке. Ее черные волосы были убраны в шиньон, юбка розового платья порхала вокруг стройных ножек. Ее партнер уверенно ее вел и был достаточно хорош собой, чтобы у Мелины от счастья закружилась голова. Камилла стояла в нескольких шагах от танцплощадки и любовалась грацией приемной сестры, завидуя ее непринужденности и дерзости. Прижавшись спиной к фонарному столбу, с которого на нее падал свет, девушка напевала про себя мелодию, но танцевать не решалась. Ее уже несколько раз приглашали, но она отказывалась под предлогом, что ждет кого-то.

Это была полуправда. Она трепетно надеялась увидеть того, чей образ с лета 1949 года жил в ее сердце. И все же она уверяла себя, что ее прекрасный принц не придет на свидание, которое она назначила ему здесь, в Бриве, в этот самый вечер...

«Я сумасшедшая, раз послушала Мелину! — думала она и сгорала от волнения. — Мне не надо было отправлять то письмо! Что он теперь обо мне думает? И родители сидят так, что нас все время видно! Что, если Гийом все-таки придет? Господи, сделай так, чтобы он не появился! Если он придет, я не смогу с ним заговорить... я просто убегу! Но нет, он не станет ради меня приезжать в Брив! Он меня даже не помнит!»

Камилла, совершенно потерянная, опустила голову. Она много месяцев

мечтала снова увидеть этого молодого человека, но при мысли, что он может оказаться рядом, готова была бежать. Она горько сожалела о том, что надела легкое платье, открывавшее плечи и верхнюю часть груди. Нервным жестом Камилла пригладила обрамлявшие ее лицо шелковистые волосы.

— Мадемуазель Меснье?

Девушке показалось, что ее сердце вдруг перестало биться. Она подняла голову и увидела перед собой Гийома. Он неуверенно улыбался, верхняя губа его была оттенена тонкой полоской светлых усов.

— Вы ведь Камилла Меснье?

— Да, это я. Добрый вечер!

Мысли теснились в голове Камиллы. Смотрит ли на нее сейчас мать? А отец? Подойдут ли они, чтобы их разлучить? Испуганная подобной перспективой, девушка решила и жестом пригласила его последовать за ней:

— Идемте! Давайте отойдем чуть дальше... Быстрее!

Она схватила собеседника за руку и повела мимо молодежи, танцующей заводную польку.

Обернувшись, Камилла посмотрела на скамейку, где преспокойно сидели ее родители. Слава Богу, они ничего не заметили! Гийом, который находил ситуацию одновременно забавной и странной, без возражений последовал за девушкой. Наконец они остановились за обтянутой цветастой тканью эстрадой.

— Простите меня! — пробормотала Камилла. — Просто мой отец был недалеко... Он запретил мне к вам приближаться, поэтому я решила отойти подальше. Вы понимаете...

— Разумеется! Я знаю, каков он в гневе! Ваша мать тоже терпеть меня не может. Признаюсь, ваше письмо меня озадачило...

Девушка дрожала от волнения. Она не могла себя заставить посмотреть Гийому в глаза, а потому стояла и так изгибала свои пальцы, словно хотела завязать их в узел. Наконец она проговорила:

— Я не думала, что увижу вас! Спасибо, что пришли... Это так мило с вашей стороны!

— Вам не за что меня благодарить, мадемуазель! Я еще месяц назад решил, что приеду посмотреть на гонщиков «Тур де Франс». Даже если бы я не получил ваше загадочное послание, я бы был сегодня вечером в Бриве. Но, честно говоря, я вас искал... Вы ведь написали, что у вас ко мне «серьезный разговор»? Это ваши слова, верно?

Он не стал говорить, что был поражен, прочитав на конверте имя отправителя: «Камилла Меснье». В памяти тотчас же возникла картинка:

девушка с длинными волосами и голыми ножками на площади в Прессиньяке. Худенькая и порозовевшая от смущения, она показалась ему слишком неловкой, почти подростком. Но сегодняшняя его собеседница производила совсем иное впечатление: элегантно светлое платье подчеркивало изящество ее фигуры, красивые волосы волной спадали на плечи, а лицо, освещенное робкой улыбкой, и большие испуганные глаза были просто очаровательны!

Камилла была занята тем, что подыскивала слова, боясь показаться глупой, и не заметила, с каким вниманием Гийом ее рассматривает. После недолгого молчания он спросил:

— Так что, собственно, случилось?

— О! Я ни за что не решусь вам признаться! — дрожащим голосом проговорила Камилла.

— И все же попробуйте! Я не голодный злой волк, который бросается на балу на девушек!

Она смущенно улыбнулась. Ей так не хотелось тратить драгоценные секунды, когда он наконец был рядом, на эту историю с анонимными письмами! Он так вежлив... Так терпелив... И так хорош собой! Камилла наконец придумала, как ей выкрутиться.

— Дело в том, что родители запретили мне даже разговаривать с вами, но я не понимаю почему! — тихо сказала она. — Прошлой весной я видела вас с мамой на площади в Обазине. Я терпеть не могу недомолвки, а вы? Так вот, я подумала, что вы можете мне объяснить...

— И это все? — удивился Гийом. Он был явно раздосадован.

— Да... и нет!

— Я так и думал! Ну же, мадемуазель, будьте посмелее! Такой красавице просто стыдно быть трусихой! Раз я уже здесь, расскажите, что вас беспокоит!

Щеки Камиллы горели. Compliment молодого человека вознес ее на вершину счастья. И она решила, надеясь прогнать последнее облачко, затемнявшее горизонт ее надежд.

— Я спрашивала себя, не связано ли такое отношение к вам родителей с той мрачной историей с анонимными письмами, которые они получали... почти два года назад. Я не понимаю, какое вы могли иметь к ней отношение, но, признаюсь, пытаюсь найти ответ... И еще: я видела вас с Варандо в Прессиньяке. Я очень удивилась, узнав, что вы поддерживаете отношения с такими людьми, особенно с Элоди. Она причинила столько горя моей матери! Это на вас совсем непохоже!

Гийом выдержал удар. Снова эта гнусная история отозвалась болью в

его сердце. А ведь он уже решил было, что частично выплатил свой «долг», предоставив Полю ссуду на очень выгодных условиях. Со временем его роль пособника стала казаться ему незначительной. Но, стоя перед Камиллой, такой очаровательной в своей простодушии, он снова почувствовал себя виновным и опозоренным. Вздохнув, он сказал громко:

— Что ж, я удовлетворю ваше любопытство, юная дама! Я отвечу на ваш вопрос, но, надеюсь, больше вы не станете мне про это напоминать! Да, я был замешан в деле с анонимными письмами! Да, я заезжал к Варандо и теперь горько об этом сожалею! И, в определенной мере, я был их соучастником, и именно за это я приехал в Обазин просить прощения у вашей матери. Но ведь каждый может ошибиться, верно? Я повел себя как дурак, я верил всем бредням, которые годились, чтобы подпитать мою ненависть. У меня было ложное представление о вашей семье. Я делал ошибку за ошибкой, и я за это уже заплатил! Ну, теперь вы довольны? Я вам противен, правда? Скажите же это, не стесняйтесь! У вас есть на это право...

Его слова поразили Камиллу. Она никак не могла поверить в услышанное. Ее невинный вопрос породил вихрь, который унес девушку в мир подозрений и ненависти. Когда он пытался оправдаться, она ни на секунду не отрывала глаз от его лица. Молодой человек открыл перед ней свою душу. И, очарованная увиденным, Камилла влюбилась окончательно. Речь больше не шла о смутной мечте, принявшей образ Гийома, нет! Магическая сила его исповеди тронула сердце девушки, разбудила в нем настоящее, сильное чувство...

Гийом, нервничая, ожидал вердикта, но девушка молчала и смотрела на него такими глазами... В ее взгляде он прочел не обвинения, но светлый и сильный призыв, древний как мир... Наконец она заговорила дрожащим голосом:

— Зачем мне судить вас? Я не знала главного в этой истории и благодарна вам за то, что вы мне все объяснили. Детали для меня не имеют значения. Важно то, что вы осознали свою ошибку. Вы оскорбили моих родных, но, приехав к маме извиняться, вы доказали свое мужество. Когда я была маленькая, мама учила меня прощать. Даже если у нее самой не получается простить вас, я это сделать смогу! Я совсем не сержусь на вас, Гийом...

Камилле и вправду теперь не было дела до прошлого, до семейных тайн, о которых шепчутся взрослые после трапезы, когда дети уже выскочили из-за стола... Единственное, что имело значение, — это присутствие рядом юноши, о котором она так долго мечтала!

— Благодарю вас, мадемуазель!

— Называйте меня Камилла, мы ведь не в прошлом веке живем... Может, нам потанцевать немного?

Ей вдруг захотелось повеселиться. Серьезный разговор забылся под натиском нарождающейся любви. Опыаненная своими ощущениями и музыкой, улыбками и бокалом шампанского, выпитым в ресторане, Камилла чувствовала, что все ее существо переполняет волшебный восторг. И ей хотелось, как и остальным девушкам на танцплощадке, оказаться среди танцующих, в объятиях возлюбленного.

— Слушайте — оркестр играет вальс! Прошу вас, давайте потанцуем!

— Но... Что скажут ваши родители? — возразил Гийом. — Я не хочу, чтобы из-за этого разразился скандал! И потом, если ваш отец ударит меня, надо мной будут смеяться до конца вечера!

Молодой банкир не шутил. Он чувствовал себя виноватым и боялся новой встречи с доктором Меснье.

— Раз так, потанцуем здесь, в сторонке! — предложила Камилла, постепенно избавляясь от робости. — Под деревьями!

— Камилла, нет! Ваши родители наверняка уже вас ищут, вы давно пропали из их поля зрения! И если нас увидят вместе, нам обоим несдобровать... Будет лучше, если я вас покину! Я навсегда запомню вас как порядочную, замечательную девушку, которая пролила бальзам на мои душевные раны!

Камилла в отчаянии кусала губы: тот, кого она так любила, собрался уйти! Разумеется, она понимала, что он поступает правильно. Появление Мелины смешало все карты.

— Камилла, ты с ума сошла! Куда ты пропала? Если...

Девушка замерла как вкопанная, увидев Гийома. Она моментально сориентировалась в ситуации.

— Ах, ты не одна... Добрый вечер, мсье!

Гийом поклонился, приветствуя юную кокетку, очаровавшую его с первого взгляда. Знаток женщин, он оценил ее красоту, ее раздумывавшиеся от танцев щечки, ее большие голубые глаза, в которых было столько непостижимой страсти... Мелина правильно поняла его мужской многозначительный взгляд и поспешила сказать чуть жеманно:

— Я так хорошо проводила время, а ты чуть не испортила мне вечер! Папа Адриан разозлился из-за того, что ты куда-то пропала! И выругал меня за то, что я не знаю, где ты! Потом меня отправили тебя искать. Камилла, в общем, тебе еще крупно повезло!

— Мелина, прошу, придумай что-нибудь! Оркестр играет вальсы, и я

пригласила Гийома на танец... Мы будем танцевать здесь, подальше от родителей...

Молодой человек молча слушал разговор сестер, таких разных: Камиллы — светлокожей, понятной и боязливой, и Мелины, чьи смуглая кожа, черные волосы и нервное тело выдавали буйный темперамент.

— Медмуазель, не стоит беспокоиться! — сказал он наконец. — Как галантный кавалер, я просто уйду, дабы не создавать для вас затруднений!

— Нет! Моя сестра слишком расстроится! — воскликнула Мелина. — Камилла, я придумала! Я вернусь к родителям и скажу, что ты зацепилась за что-то, вырвала клочок из платья и побежала переодеваться в отель, благо он в пяти сотнях метров отсюда. Значит, моя история будет выглядеть вполне правдоподобной. Это дает тебе минут двадцать. Но потом ты должна будешь побежать в отель, порвать платье и переодеться! Скорее, играют «На прекрасном голубом Дунае», ты же хотела потанцевать! А теперь я убегаю, мой кавалер меня ждет...

И с этими словами Мелина удалилась, гибкая и грациозная. Гийом, оторопев от такой живости и изобретательности девушки, задумался. У Камиллы сердце оборвалось: случилось то, чего она больше всего боялась, — Гийом познакомился с ее приемной сестрой! Что, если он увлечется ею, как и остальные парни, оказавшиеся во власти соблазнительного вихря по имени Мелина? Камилла прекрасно понимала, что никогда не будет обладать такой же роковой красотой, как сестра.

— Потанцуем? — тихо предложила она.

То, о чем она мечтала два года, наконец сбылось: Гийом одной рукой обнял ее за талию, второй сжал ее миниатюрные пальчики. Глаза в глаза, они начали вальсировать. Вначале они чуть путались в па, но очень скоро стали двигаться слаженно и оба отдались во власть музыки. Сочувствующие тени от деревьев и музыка заключили их в кокон интимности. Они улыбались друг другу... Завязался разговор.

— Сколько вам лет, Камилла?

— Восемнадцать!

— Господи, как же вы молоды! А мне двадцать пять, представляете!

— Быть может, вы уже помолвлены?

— Нет, и уж точно не женат! Работа отнимает у меня все мое время. Еще я забочусь о матери, она так одинока! Я живу с ней...

— Как это благородно!

Камилла невероятно обрадовалась известию о том, что ее избранник холост. Гийом свободен! Значит, все возможно!

Но этот волшебный момент не мог длиться вечно... Ситуация

беспокоила Гийома, поэтому, когда танец закончился, он прошептал не без сожаления:

— Думаю, сейчас вам нужно бежать в отель! Иначе вас ждут неприятности. Я вас провожу. В городе много разных людей, и я не хочу, чтобы вас обидели...

Обрадованная Камилла согласилась и без всякой задней мысли взяла его под руку, как поступила бы, окажись на месте Гийома ее старший брат Поль. Девушка была на седьмом небе от счастья. С обезоруживающей наивностью она поведала ему о переполнявших ее чувствах, как будто речь шла о погоде:

— Я так рада снова вас видеть!

Эти слова заставили Гийома почувствовать себя неловко.

— Я могу еще вам написать? — осмелилась спросить девушка. — Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями. Родители, особенно мама, считают меня еще ребенком. Но она ошибается, понимаете? Я поступила в Эколь Нормаль в Тюле и через два года уже буду преподавать!

— Поздравляю, Камилла! А вот, полагаю, и ваш отель! Желаете, чтобы я подождал вас, чтобы проводить обратно к танцевальной площадке?

Такая деликатность поразила Камиллу. Как приятно было знать, что рядом человек, который заботится о тебе, думает о твоей безопасности... Гийом не может быть таким плохим, каким его считают родители! Уверенная в своей правоте, девушка решила, что теперь всегда будет на стороне своего прекрасного принца. Она и в открытую за него поборется, если понадобится!

— Спасибо, Гийом! Надеюсь, отец не выйдет мне навстречу. Он всегда беспокоится о своих дочерях... Понимаете, Мелина мне не родная сестра. Родители ее удочерили.

— Это объясняет, почему вы такие разные! Она показалась мне довольно-таки развязной, и, похоже, привыкла водить за нос родителей... Она подает вам не очень хороший пример!

Но Камилле не хотелось, чтобы Мелина снова оказалась между ею и Гийомом. Она оставила молодого человека ждать возле входа и быстро пересекла холл отеля. Перепрыгивая через ступеньку, она бежала вверх по широкой лестнице и, пьяная от счастья, напевала:

— Я танцевала с ним! Как он галантен, внимателен и мил! Господи, я люблю его... Я его люблю!

Гийом испытывал смутную тревогу. Он нервно мерил шагами мостовую. Он предложил проводить ее обратно, но Камилле хорошо бы поторопиться! Насвистывая, он окинул взглядом окрестности, но не

заметил ничего подозрительного. Мало-помалу он погрузился в размышления об этом вечере, проведенном в обществе девушки, которая, возможно, уже не была таким уж ребенком, но чья непорочность была очевидна. Внезапно кто-то грубо схватил его за руку. Удивленный, он обернулся и едва успел рассмотреть седовласого мужчину, прежде чем получил удар в лицо.

— Мерзавец!

Доктор Меснье! Тут же последовал еще один удар, на этот раз в челюсть. От боли у Гийома закружилась голова. Он пошатнулся...

— Убирайтесь отсюда, негодяй! — кричал Адриан. — Чтобы я больше не видел вас возле моей дочери! Хватит того, что ваш мерзавец папаша изнасиловал мою жену в штабе гестаповцев! Рассчитываете проделать то же самое с невинной девушкой? Не подходите к ней, слышите?

Ярость исказила лицо Адриана, который выкрикивал угрозы, не заботясь о том, что рядом, на террасе, за столиками сидели несколько постояльцев отеля. Он мог бы убить сына Макария, так как не помнил себя от гнева. Однако он сам испугался силы своей ярости и постарался взять себя в руки. Но было уже поздно: Гийом лежал на земле, он был в полубессознательном состоянии.

Безмерно радуясь тому, что довольно долго была наедине с Гийомом, Камилла быстро спускалась по лестнице. Он ждет ее, какое чудо! Все еще на седьмом небе от счастья, она выбежала на улицу и стала искать глазами своего прекрасного принца. И увидела его... лежащим на тротуаре. Рядом стоял бледный отец, переводя дух.

— Папа! Папа, оставь его! Он ничего не сделал!

Камилла подбежала и попыталась загородить собой Гийома. Единственное, о чем она думала, так это о необходимости его защитить. Адриан с размаху ударил ее по щеке.

— Поднимайся в номер. Немедленно!

— Папочка, умоляю, успокойся!

В один миг вся радость Камиллы улетучилась. Человек, который последние два года был для нее смыслом жизни, возможно, умер! Но даже если он и жив, отец лишил ее шансов на то, что этот молодой человек ее полюбит... Теперь он будет ее ненавидеть! И никогда сказка для нее не станет реальностью... Мир девушки рухнул за те пять минут, пока она переодевалась...

Сквозь туман горьких слез Камилла видела, как Гийом, спотыкаясь, удаляется. Он жив! Спасибо тебе, Господи! Щека пылала, но девушка не чувствовала боли.

— Я велел тебе вернуться в номер! — жестко бросил отец. — Я очень разочарован в тебе, Камилла! И не смей выходить, пока я не вернусь! Я иду за твоей матерью и Мелиной!

Убитая горем и непониманием, девушка пошла обратно в отель. Столько жестокости... и почему? Это было абсурдно и так несправедливо! Разве любовь — преступление? Почему она должна принести свои мечты в жертву давней истории, к которой она не имела никакого отношения?

«Я никогда его не прощу! — пробормотала она, падая на кровать. — Никогда!»

Гийом едва доковылял до своего автомобиля. Рухнув на сиденье, он закрыл глаза. Нос сильно болел, из разбитой губы текла кровь, но не в теле был источник его страданий... Плоть исцелится, а вот раны на сердце, оставленные обжигающими словами, — нет! Из его горящей груди вырвался вопль, подобный крику раненого животного.

«Неужели это никогда не закончится? Отец, я ненавижу тебя за то, что ты был наихудшим из негодяев! Ненавижу за все, что ты сделал! Дорогой мой отец, ты испоганил мою молодость, обесчестил достойную женщину... Предал меня, опозорил! Проклинаю тебя, даже мертвого...»

Ударами своих кулаков доктор Меснье дал ему, Гийому Герену, понять, что он никогда не сможет преодолеть стену, которой отгорожен их мир, мир порядочных людей с чистой совестью, от его мира... Он должен смириться с тем, что недостоин их, довольствоваться лишь мечтами. Камилла была такой же, как они, и он совершил грубейшую ошибку, просто приблизившись к ней...

Чуть раньше молодой человек почувствовал, что груз прошлого свалился с его плеч, и все благодаря прощению, которое подарила ему Камилла. Эта девушка, такая милая, разбудила в его сердце восхитительное волнение, от которого, впрочем, теперь не осталось и следа.

Он долго оплакивал смерть своих иллюзий.

Этой ночью Гийом ехал по дороге в Лимож на огромной скорости, рискуя жизнью. Однако смерть его не захотела...

Глава 26

Любовь без будущего

«Бори», 16 июля 1951 года

Четырнадцатое июля 1951 года навсегда осталось в памяти членов семьи Меснье. Невозможно было забыть ни прибытие гонщиков «Тур де Франс» в Брив, ни стычку Адриана с Гийомом Гереном. Для Камиллы же эти два события всегда будут связаны друг с другом. Неудивительно, что всю оставшуюся жизнь она будет испытывать неприязнь к этому спортивному мероприятию.

Девушка была безутешна! Она только что закончила писать письмо тому, кого продолжала любить.

— И что ты ему написала? — спросила Мелина.

Она сосала красный леденец из ячменного сахара, такой же яркий, как и ее губы.

В «Бори» у девушек была на двоих не только одна комната, но и одна широкая кровать. Каждый вечер они подолгу спорили, кому ложиться со стороны окна, а кому — со стороны двери.

— Я написала, что мне очень жаль, но это ничего не поправит! И я смогу снова его увидеть, только когда стану совершеннолетней. Но ждать мне придется еще три долгих года!

— За это время он женится!

— Нет! Я ему помешаю жениться! Я стану писать ему каждую неделю! Так он не сможет меня забыть. И скоро я признаюсь ему, что сильно его люблю. Он расчувствуется и согласится подождать, пока мне не исполнится двадцать один. И тогда мы поженимся!

Мелина кивнула, словно соглашаясь, но тут же расхохоталась:

— Ты грезишь наяву, бедная моя Камилла! Ты ведь даже не знаешь, нравишься ли ему... А ведь он ни разу тебя не поцеловал! Но я тебя понимаю... Он — симпатичный парень! И у него усики... Обожаю мужчин с усиками! Это так мужественно!

Камилла вздрогнула. Если Мелине придет в голову соблазнить Гийома, ситуация, которая и так сложна, станет безнадежной! Девушка прекрасно понимала, что ее младшая сестра невероятно привлекательна.

— Больше никогда так не говори о Гийоме! — воскликнула она

сердито. — Легко понравиться парню, если разрешаешь ему делать некоторые вещи...

Мелина скорчила обиженную гримаску, потом потянулась. С наигранной наивностью она спросила:

— О каких вещах ты говоришь? Не понимаю... Ну что я могу сделать, если Луччано целует меня в губы? А однажды вечером он попытался прикоснуться к моей груди! А Морис — тот и вовсе голову потерял! Попросил меня с ним переспать. Я отказалась. А ведь он мне очень нравится! И я не знаю, что...

— Тише! — оборвала ее Камилла.

Девушка с тревогой посмотрела в окно, выходящее в сад, где родители в компании Венсана, Лизон и их соседа пили кофе.

— Говори тише, идиотка! Ты с ума сошла, Мелина! Как ты можешь встречаться и с Луччано, и с Морисом! Что, если ты забеременеешь? Мама этого не переживет. А ведь она постоянно тебя защищает!

— Я просто тебя разыграла! Я — и вдруг забеременею? Как тебе это могло в голову прийти? Я не хочу детей. Я стану киноактрисой! И ничто мне не помешает. Можешь мне поверить!

Камилла ни секунды в этом не сомневалась. Мелина всегда добивается своей цели! Девушка пожалала плечами и перечитала письмо.

Мой дорогой Гийом,

Я пишу Вам из «Бори», что в Прессиньяке. Мы с родителями провели два дня в Бриве, а потом, как они и планировали, поехали навестить мою старшую сестру Лизон и моего брата Поля. До того памятного вечера я радовалась, что скоро увижу их всех, но сейчас меня уже ничто не радует.

Знали бы Вы, как я несчастна! Вы хотели меня защитить, а мой отец этого не понял. И он первый раз в жизни меня ударил!

Умоляю, не сердитесь на меня! Если это хоть немного Вас утешит, знайте, что моя мать, выслушав мои объяснения, стала Вас защищать. И даже сказала, что Вы не в ответе за ошибки своего отца. Мама — замечательный человек! Умоляю, Гийом, не лишайте меня Вашей дружбы! Я же испытываю по отношению к Вам самые теплые чувства.

Я решила, что буду часто писать Вам, даже если Вы не станете мне отвечать. Но если Вы все-таки решитесь, не пишите свое настоящее имя на конверте. Надо быть осмотрительными.

Искренне Ваша,

Камилла

Довольная, она запечатала письмо и поцеловала конверт. Она отправит его тайком завтра утром, когда пойдет в Прессиньяк. Не заботясь больше о

Мелине, поглощенной чтением журнала «Cinéma»^[17], Камилла спустилась на первый этаж. Надо было сделать выбор: выйти либо через парадную дверь, рискуя быть замеченной родителями, либо — через кухню. Если родители увидят ее, то непременно спросят, куда она собралась. Однако отныне Камилла не желала отчитываться за каждый свой шаг. Жить с ними становилось все труднее. Она быстро вышла через кухонную дверь. Ее тотчас же накрыло волной жара и запахов, присущих деревне: свежескошенного сена, хлева и полевых цветов.

Несколько минут — и она уже подходила к ферме. Невестка Лора как раз ополаскивала посуду. Она приветствовала девушку широкой улыбкой.

— Неужели ты пришла одна, Камилла? Какой приятный сюрприз! Жара тебя не пугает?

— Мне захотелось прогуляться! Мелина гулять пешком не любит, а родители разговаривают с Лизон и Венсаном, и темы все те же: реформирование системы образования, политика, экономика, приезд генерала де Голля в Коррез, плотина в Бор-лез-Орг, ну и так далее... Им хватит разговоров до самого ужина!

Лора рассмеялась. Молодая женщина буквально светилась — ее переполняла радость жизни. Она обрезала свои ярко-рыжие длинные волосы и с новой прической была похожа на подростка. Камилла окинула взглядом комнату, служившую Лоре и Полю кухней; она была такой же простой и яркой, как и хозяйка дома. На дубовом буфете, как обычно, стоял большой букет свежих цветов. Стол был завален овощами. Цвета овощей гармонично сочетались с их свежим огородным запахом. Лора, проследив за взглядом девушки, спросила:

— Ну, что скажешь об этом изобилии? Впечатляет, правда? Овощей у меня предостаточно, слава Богу! Еще у нас свое молоко, яйца и птица для жаркого. У меня есть все, что нужно, ну, или почти все. Я покупаю только сахар, соль, кофе и растительное масло. Поль мной гордится!

— А на фортепиано ты еще играешь?

— Увы, у меня не хватает времени, но меня к нему тянет! Возможно, я наверстаю упущенное, когда Люси пойдет в школу. Но ей пока только три с половиной. И за ней постоянно надо присматривать! Я только что уложила ее поспать немного, иначе она будет весь вечер капризничать. Прости меня, я заболталась и даже не предложила тебе кофе. Ты хочешь кофе?

— Нет, спасибо, Лора. А где Поль?

— Уже работает! Он хочет, пока коровы ночуют в поле, вычистить хлев. В этом году нам не придется покупать сено. Поль решил, что лучше наймет себе помощника и накопит своего собственного. Дела идут хорошо,

и это так радует! Но твой брат все равно мечтает о тракторе!

Опершись о подоконник, Камилла слушала. Ее волосы с золотистым отливом спадали на плечи, закрывая верх хлопчатобумажного платья в цветочек. Лоре она показалась очень хорошенькой. И все же она не могла не заметить, что за время, прошедшее после последнего приезда семейства Меснье в «Бори», девушка переменилась. Камилла казалась более взрослой, более серьезной, чем раньше. И, пожалуй, более грустной. Взгляд ее ореховых, как у матери, глаз часто затуманивался, как если бы девушку что-то мучило.

Лора задумалась. Что могло настолько изменить Камиллу, которая прежде была очень жизнерадостной? Она никогда не видела девушку такой меланхоличной.

— Ты, наверное, рада, что поступила в Эколь Нормаль. Скоро ты станешь учительницей. Это прекрасно!

— Знаешь, с недавних пор мне все равно, кем я буду. Иногда мне кажется, что не я выбрала для себя эту профессию. Родители постоянно повторяли, что я просто создана быть учительницей! Мама хотела направить на этот путь и Мелину, но это напрасный труд! Она, в отличие от меня, сказала свое твердое «нет»!

— Она по-прежнему мечтает стать актрисой? — с улыбкой спросила Лора. — Камилла, разреши мне дать тебе совет: прислушайся к своему сердцу, к интуиции. Тогда ты точно не ошибешься, уверяю тебя! Мы с Полем так и поступили, невзирая на множество препятствий и противоречивые советы наших близких... И мы ни секунды не жалели об этом!

— Спасибо, Лора, я это запомню! Хочу поздороваться с Полем, а потом пойду гулять. До вечера!

Девушка поцеловала невестку и поспешно вышла.

В резиновых сапогах и старых просторных штанах, которые были ему велики, Поль очищал стойла от навоза. Красный и потный, он не сразу услышал тоненький голосок сестры, которая решила не заходить в хлев — оттуда исходил острый запах мочи и перепревшей соломы. Не привыкшая к таким крепким ароматам, она почти задохнулась даже у раскрытой двери.

— Поль!

— А, это ты, сестричка! Подожди, не заходи сюда! Я иду!

Поль вышел на залитый солнцем двор и поцеловал гостью.

— Камилла, как поживаешь? Тебе понравилась гонка?

— Было забавно, — отозвалась она. — Я была в вашем доме. Какой же он замечательный! Вы это хорошо придумали — зацементировать

площадку перед фасадом. И веранда за домом — это просто великолепно! Как здорово, что вы здесь живете! Мне тут больше нравится, чем в Обазине!

— Ты и правда так думаешь? Знала бы ты, как я тут счастлив! В этом году мы вместе с Пласидом, работником папаши Ренара, засеяли два поля рожью и совсем немного земли отвели под пшеницу. У моих коров теперь будет отличная солома! Мало-помалу все получается. Но без трактора мне не обойтись! Ну нельзя же продолжать вкалывать, как в прошлом веке! Это потеря времени и сил. Представь себе эту картину: Пласид ведет пару коров, впряженных в плуг, стараясь, чтобы борозды были идеально прямыми. Мне пришлось купить на ярмарке лемех!

И Поль жестом указал на новенький лемех, стоявший рядом с колодой и мешками с известью. Потом он рассказал о смерти телочки. Это случилось на прошлой неделе.

— Видела бы ты бедное животное! Лежала здесь, в хлеву, на боку и мычала так, что сердце разрывалось. Лора придерживала ей голову, пока я пытался напоить ее водой с отрубями. Напрасный труд: последняя судорога, и она сдохла! Ветеринар сделал вскрытие. Оказалось, что у нее врожденный порок. Я не знал, что вскрытие стоит так дорого!

Камилла выразила сочувствие грустной улыбкой, и Поль заговорил о другом:

— С козами свои проблемы! У них недавно обнаружили мастит. Воспаление было сильным, особенно в сосках. Одна умерла, но теперь я буду осмотрительнее! Зато когда эти бестии здоровы, их никакая загородка не удержит! Просто ртуть! Весной двое козлят уничтожили грядки с салатом. Лора так рассердилась! Но видела бы ты Жана и Бертий, когда я показал им новорожденных козлят! Племянники дар речи потеряли от восторга — такие эти малыши хорошенькие!

Камилла кивнула в который раз, удивляясь энтузиазму Поля.

— Но самое главное — каждый месяц я плачу оговоренную сумму своему банку! Через два-три года я смогу купить трактор. Хватит надрываться, как наши предки, и да здравствует прогресс!

Камилла сорвала травинку и стала ее грызть. Стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более безразлично, она спросила:

— Но тогда тебе снова придется брать деньги в долг! Тебе ведь так повезло: банк согласился выдать тебе ссуду, и это благодаря Гийому Герену, я правильно поняла?

Поль вонзил вилы в землю и нахмурился.

— Долго же этот мсье Герен думал, прежде чем согласиться! Кстати, в

Прессиньяке он больше не показывается, и меня это нисколько не огорчает. Знала бы ты, Камилла, как тяжело и унижительно ждать жеста доброй воли от молодого кретина, который ест с золота и отказывает тебе в деньгах на развитие своего хозяйства! Но в конце концов он меня пожалел. Ну а вы, когда возвращаетесь в Обазин?

— Послезавтра, надо полагать, — вздохнула она. — Мы не можем оставаться дольше, потому что бабушка Нан скучает. Думаю, женщина, которая за ней сейчас присматривает, намучилась с ней!

Полю не терпелось продолжить работу, поэтому он сказал:

— Ты не забыла, сестричка, что сегодня вы ужинаете у нас? Мне, конечно, хочется еще с тобой поболтать, но...

Камилла поняла и поспешила попрощаться. На сердце у девушки было тяжело. Ей хотелось услышать из уст Поля имя Гийома, но результат ее разочаровал. Она прошла вдоль загородки, за которой дремали серые курочки породы леггорн и небольшое стадо гусей. Из овчарни доносилось жалобное бляение козлят, которых матери настойчиво отталкивали от своих сосков, приучая кушать самостоятельно.

«Вся моя родня довольна своей жизнью! — сказала себе Камилла. — Лизон и Венсан обожают друг друга, и у них уже трое детей. Поль и Лора тоже живут в любви и согласии, и их жизнь фермеров им в радость. Мелина получает любого парня, какого захочет, стоит ей только поманить его пальцем! О папе и маме я вообще молчу: целуются, как влюбленные, и это в их-то возрасте... А мне положено только учиться, и боже упаси произнести имя того, кого я люблю...»

Горькие слезы навернулись на глаза. Она вышла на проселочную дорогу, стирая жемчужные капельки, катившиеся по ее загорелым щекам. И вдруг ей в голову пришла идея; Камилла свернула направо и вошла под сень деревьев Волчьего леса. Летом они с матерью и Мелиной приходили сюда, и Мари показала им источник, журчавший на ложе из мха. Камилла плохо запомнила дорогу, но продолжала идти, положившись на интуицию.

«Мама говорила, что он исполняет желания! Я точно знаю, о чем попрошу...» — думала она, рыдая.

Камилла руками раздвигала колючий кустарник и папоротники, пробиралась через молодую поросль терновника. Ее сандалии уже были порядочно испачканы грязью, но она упорно шла по следам своей матери и многих девушек, живших в минувшие столетия. Все они однажды, устав горевать, приходили сюда, чтобы доверить свои надежды источнику в Волчьем лесу.

Наконец Камилла нашла тропинку. Дойдя до ручья, она присела на

влажную землю. Из самой глубины сердца поднялась жалобная мольба о счастливой любви:

— Я так хочу стать женой Гийома! Волшебный источник, ты ведь умеешь исполнять самые заветные желания! Помоги мне! Никогда я не полюблю другого! Господи, умоляю, сделай так, чтобы моя мечта сбылась!

Обазин, Рождество 1952 года

Мари прикрепила позолоченную металлическую птичку на одну из нижних веток елки.

— Луизон, посмотри, она сияет! Правда, у нас красивая елочка, вся в гирляндах и со звездой на макушке! Взгляни на эту птичку! Твоя мамочка ее обожала. Этой игрушке уже много лет...

Мари прекрасно помнила, как покупала эту елочную игрушку на рынке в Тюле, «городе семи холмов», как говорил ее отец.

С кресла раздался веселый лепет десятимесячного малыша. Он протягивал свои розовые ручки к елке — его привлекали блестящие украшения. Мари прежде не доводилось видеть такого послушного и спокойного ребенка, как сын Матильды.

— Может, на следующее Рождество выпадет снежок, мой маленький Луизон! Ты уже научишься ходить, и мы вместе слепим большого снеговика в саду! А пока нужно кушать бабушкин суп, чтобы поскорее вырасти!

С канапе послышался смешок — там Адриан читал газету «La Montagne».

— Этого малыша ты избалуешь еще больше, чем остальных! Хотя ему это пойдет на пользу. Матильда с ним не слишком ласкова. Что до его отца, то я лучше промолчу. В прошлое воскресенье мы пригласили его пообедать с нами в Бриве, и он стал критиковать мои политические взгляды! Этот фат, видите ли, не любит де Голля! Ну и на здоровье! Но я, как бывший сопротивленец, восхищаюсь генералом. И надеюсь, что он станет нашим президентом и республика, наконец, окажется в хороших руках! Мой голос я отдам за него не задумываясь. И уж точно не потерплю, чтобы жалкий парикмахериска диктовал мне, что я должен делать!

Мари сдержала вздох. Адриан три года избегал знакомства с Жилем, но в конце концов согласился с ним встретиться. Отношение четы Меснье к незаконному сожителю Матильды не изменилось, однако с рождением Луизона Мари стала более терпима к этому. Наконец состоялся долгожданный семейный обед, устроенный с одной целью — наладить отношения. В начале трапезы все смущались, атмосфера была натянутой.

Но вскоре Жиль, которого утомили нотации Адриана и его похвалы в адрес де Голля, ушел.

Так что Матильда приехала в родительский дом на Рождество без своего компаньона.

— Мари, хочу, чтобы ты знала: я больше и шага не сделаю навстречу этому Жилю Ведрену! Пусть бриолинит волосы, если ему это нравится, пусть пускает сигаретный дым прямо в лицо своему сыну в Бриве, но не у меня на глазах! Я свое слово сказал! — громыхнул Адриан.

— Тише! — взмолилась его жена. — Ты напугаешь Луизона! И не критикуй его родителей...

— Малышу всего десять месяцев, он не понимает!

— Он — разумеется, нет, но ведь на втором этаже его мать! Если Матильда тебя услышит... Ты прекрасно знаешь, она терпеть не может, когда ты критикуешь ее Жиля!

Адриан свернул газету и сказал тише, но вполне различимо:

— Мари, я не могу сдержаться, поведение этого парня меня возмущает! Жиль развелся, но ведь он не хочет жениться на Матильде! У меня это не укладывается в голове. Это стыдно! Каждый раз после разговора с Матильдой по телефону ты приходишь и говоришь, что она, похоже, плакала, судя по ее голосу... Если хочешь знать мое мнение, она вовсе не так счастлива, как хочет показать. Дела в ее салоне шли прекрасно, зачем же нанимать управляющего? Тут что-то не так! А ты, как обычно, отрицаешь очевидное. И этот малыш, признай, чаще видит свою нянечку, чем мать!

Мари взяла Луизона на руки и стала целовать его в щечки.

— Адриан, ты прекрасно знаешь, что у Матильды были сложные роды. Она не смогла вернуться к работе. Ей приходится нелегко...

— С этим я, пожалуй, соглашусь. Но скажи мне, Мари, чем она занимается целыми днями?

— Нас это не касается! Давай оставим эту тему! Сегодня Рождество, не будем портить праздник. Правда, Луизон? Держись за меня хорошенько, пойдем навестим бабушку Нан! Ты наверняка проголодался...

Адриан покачал головой. Мари в очередной раз поспешила убежать, как только разговор свернул на «скользкую дорожку». Это ее качество, почти не проявлявшееся в первые годы их брака, со временем стало серьезной проблемой. Он вздохнул.

Мелина столкнулась с матерью на пороге. Девушка пощекотала малыша, потом рассыпалась в чрезмерных похвалах елке:

— Она еще красивее, чем в прошлом году! Просто великолепная! Папа

Адриан, что ты думаешь о моем платье?

Если Мелина и хвалила что-нибудь или кого-нибудь, то только ради того, чтобы в ответ тоже получить похвалу. Теперь она ждала восхищенных возгласов. Девушка прекрасно знала, что красива, но ей хотелось все время это слышать, читать это во взгляде мужчины... в данном случае — в глазах Адриана, удобно расположившегося на канаве. Она покружилась перед ним, демонстрируя черное шерстяное платье, облегавшее ее стройную фигурку. Белый воротничок подчеркивал красоту ее персиковой кожи. Она выжидающе смотрела на приемного отца и, в конце концов получив свою порцию безмолвного восхищения, принялась напевать от радости, подражая своей любимой певице — несравненной Эдит Пиаф: «Пусть обрушится на нас голубое небо, путь уйдет из-под ног земля! Мне дела нет, если ты меня любишь! Мне плевать на весь этот мир!»

Адриан нарочито закрыл уши — ему нравилось подтрунивать над Мелиной. Потом сказал весело:

— О нет, Мелина, только не это! Каждый раз, когда мы встречаем Амели, она напевает эту песню! У меня сил нет ее слушать! В репертуаре Эдит Пиаф есть и другие песни! И если вы будете продолжать свои вокальные экзерсисы в этом доме, мне придется последовать примеру Алена Бомбара!

— Алена Бомбара? А кто это?

— Маленькая невежа! Ален Бомбар переплыл Атлантический океан на надувной лодке, без еды и питья! Если бы ты слушала новости по радио, то знала бы! Бомбар прибыл в место назначения двадцать третьего ноября. Совсем недавно, между прочим!

— И зачем ему это понадобилось? Он же мог умереть! Твой Ален Бомбар — сумасшедший!

— Вовсе нет, моя красавица! Он — мой коллега, доктор. Он решил на себе испытать, сколько времени человек может провести в море без пищи и воды. В жизни есть не только песни! Открой пошире глаза и уши и узнай, что происходит в мире, бестолковая моя дочь!

— Может, я и бестолковая, но жить без песен скучно! Тебе не нравится «Мне плевать на весь мир»? А я эту песню обожаю! Пусть я пою хуже, чем Амели, но никто не запретит мне напевать себе под нос. Скажи, папа Адриан, ты ничего нового во мне не замечаешь?

— Ничего!

— Ты обманываешь, я знаю! Я сделала себе волны на волосах щипцами для завивки! Как думаешь, мне идет?

— Хм... Терпимо! — пошутил он, зная наверняка, что Мелина

разозлится, не услышав ожидаемых похвал, затем более серьезным тоном добавил:

— Ты слишком сильно накрутилась. Тебе ведь не выступать сегодня на сцене, насколько я знаю?

Глаза Мелина подвела карандашом, губы накрутила ярко-красной помадой. Она, как обычно, переусердствовала с макияжем. Но она считала, что иначе ее могут просто не заметить!

Она обошла вокруг канапе, опустилась на колени за спинкой и заискивающе прошептала Адриану на ухо:

— Сегодня — нет, но скоро это случится! Не забывай, ты пообещал, что в будущем году отвезешь меня в консерваторию в Бордо на прослушивание!

— Отвезу, но только в том случае, если сдашь экзамен на степень бакалавра^[18]. Поэтому в твоих интересах приналечь на учебу. Кстати, а где Камилла?

— Они с Матильдой обсуждают всякие детские дела и модные прически... Папа Адриан, у меня к тебе серьезный вопрос!

На этот раз Мелина не стала жеманничать. Она присела на канапе и уставилась на Адриана своими ярко-голубыми глазами. Он смутился и заметил вслух:

— Чем взрослее ты становишься, тем больше похожа на мать! Леони так же смотрела на собеседника, словно хотела заглянуть прямо в душу! Ну, что у тебя за вопрос? Я тебя слушаю!

Мелина выглядела смущенной. Наконец она улыбнулась и сказала:

— Я узнала, что несколько лет назад в Обазин приезжал Фернандель. Это правда, папа Адриан?

— Правда! Он приезжал, чтобы спеть для военнопленных, а жил в Обазине в отеле «Сент Этьен». Там в свое время останавливались и другие знаменитости, например, твоя обожаемая Эдит Пиаф. Она приезжала сюда отдохнуть.

Девушка с серьезным видом кивнула.

— Я помню. Один раз мы с Камиллой даже видели ее в окне второго этажа! Как подумаю, что она ходила по нашей площади, по нашему городку, у меня сердце замирает! Но больше меня интересует Фернандель. Может, он еще сюда приедет? И тогда я смогла бы к нему подойти... и попросить маленькую роль в его фильме... Представляешь, как это было бы здорово! Ну пап, не делай такое лицо!

Адриан выглядел озадаченным. Он знал, что эта тема очень волнует Мелину, и не хотел ее расстраивать, поэтому сказал:

— Хорошо уже то, что ты знаешь, чего хочешь! Если уж тебе что-то взбредет в голову... Я вижу только одно решение: следить за тем, кто приезжает в отель «Сент Этьен»! Думаю, у тебя все получится! Правда, тебе нет еще восемнадцати... Однако об учебе не забывай, пожалуйста!

Раздосадованная Мелина подошла к окну и прижалась носом к стеклу. На улице шел дождь.

— Ты всегда так говоришь, папа Адриан! Ты прекрасно знаешь, что я стараюсь, но в лицее мне скучно... Ух ты, Венсан и Лизон приехали!

С приходом молодой четы и их троих детей дом оживился. Нанетт, весьма бодрая, несмотря на свои восемьдесят шесть, была радостно взволнована.

— Спасибо тебе, добрый Господь! — пробормотала она. — Лизон, моя девочка, иди я тебя поцелую! А вот и вы, мои крошки! Как вы выросли! А где Пьер, где этот славный паренек?

Растроганная Мари со слезами на глазах наблюдала за происходящим. На руках у нее был Луизон. Она тоже поспешила поздороваться с гостями:

— Здравствуйте, мои дорогие! Как я рада, что вы все-таки приехали! Для меня Рождество без детей — не настоящий праздник!

Напуганный громкими возгласами и смехом, маленький Луизон был готов заплакать. Пьер, младший сын Лизон, похоже, тоже. Он с тревогой смотрел на прабабушку, чей громкий голос его пугал, равно как и чепец, который раскачивался при каждом движении головы старушки.

— Поцелуй свою бабушку Нан! — сказал ему Венсан. Он находил, что его младшенький слишком робок.

— Не заставляй его! — отозвалась Нанетт. — Этот малыш меня боится! Как тут не испугаться, если я уже такая морщинистая, прямо как сушеная слива!

На шум спустилась Матильда, следом за ней — Камилла. Они обе уже оделись к полночной мессе. Жан и Бертий оказались не такими боязливymi, как их братик. Они тут же с визгом повисли на шее у теть.

Лизон с тревогой посмотрела на Матильду. Сестра показалась ей похудевшей и очень бледной, несмотря на толстый слой тонального крема. Она была одета во все красное. На своего малыша Матильда не обращала никакого внимания. Мари же успокаивала его поцелуями и лаской.

Через час Лизон, воспользовавшись тем, что все были чем-то заняты, поднялась в спальню, где ее мать только что уложила Луизона. Мари уже переоделась и теперь расчесывала волосы перед зеркалом.

— Мам, можно мне войти? — спросила Лизон, постучав в дверь

родительской спальни.

— Конечно! Как видишь, я прихорашиваюсь... Если я еще могу выглядеть хорошенькой...

— Ты очень красивая, мама, и все тебе это говорят!

Мари пожала плечами. Она не слишком беспокоилась о том, как выглядит, и все же еще раз посмотрела в зеркало и только потом повернулась к дочери.

— Знаешь, малыш твоей сестры такой спокойный! Я уложила его в кроватку, и он сразу заснул! Можно подумать, этот ребенок боится доставить кому-нибудь хлопоты!

Лизон вздохнула — у нее сложилось такое же впечатление.

— Мам, я оставила Матильду в кухне с бабушкой Нан. Я очень за нее беспокоюсь! Мне показалось, что она неважно выглядит. И Жиль, разумеется, с ней не приехал!

Мари печально опустила голову.

— Твой отец больше не хочет с ним встречаться. У Жилия нет шанса бывать у нас в доме, и я об этом сожалею. А вот Матильда, похоже, относится к этому равнодушно. Она говорила, что ее возлюбленный считает нас ретроградами и вообще неприятными людьми. А я приложила столько усилий, чтобы организовать это знакомство! Представь, он рассмеялся, когда я спросила, какое у него образование! И мне показалось, что смеется он надо мной! Когда твоя сестра приехала вчера вечером, у нее были покрасневшие глаза и поджатые губы, но она ничего не захотела рассказывать. Камилла говорит, что вроде бы слышала, как Матильда ночью плакала. У меня сердце кровью обливается! Я пыталась ее развлечь, но Матильду ничего не интересует. Надеюсь, хотя бы Амели на мессе заставит ее улыбнуться. В детстве они дружили. Ее сыну, Жану-Марку, уже год и два месяца. Мне бы так хотелось, чтобы у Матильды была счастливая супружеская жизнь, как у Леона и Амели или Жаннетт и Люсьена! В общем, радоваться особо нечему!

— Я встречала Жилия два или три раза в Бриве. Мне он совсем не нравится, — сказала Лизон. — Мам, не может ли быть так, что Матильда что-то от нас скрывает? Это — единственно возможное объяснение! Может, он ее бросил и она не решается тебе в этом признаться? Я хочу пойти поговорить с ней, может, у меня получится что-то узнать.

— Поступай, как велит тебе сердце, Лизон! Я не знаю, что мне делать. Матильда меня избегает. Наверное, думает, что я ее осуждаю. Но ведь это не так! Если у нее проблемы, скажи ей, что двери этого дома открыты для нее в любой час дня и ночи!

— Хорошо, мама, я передам ей твои слова.

Лизон обняла мать и вышла.

Матильду она нашла в приемной медицинского кабинета Адриана. Возле открытого в дождливую ночь окна сестра курила сигарету.

— Ману, я почувствовала сквозняк из-под двери! Что ты тут делаешь совсем одна, в темноте? Я думала, вы с бабушкой болтаете!

— В кухне слишком жарко. Да и бабушка нашла себе дело поинтереснее — рассказывает про волка-оборотня малышам. Жан уже боится шевельнуться, а Бертий слушает с раскрытым ртом. Твой Пьер играет под елкой. А мне нужны покой и тишина...

Матильда говорила вполголоса, стараясь не смотреть на Лизон. Но старшей сестре хотелось услышать ответы на свои вопросы, а потому она сделала вид, что не поняла намека:

— Сегодня — праздник, мы собрались все вместе! У тебя вряд ли получится все время избегать нашего общества. Матильда, что с тобой? Мама очень беспокоится, да и я тоже. Скажи, что тебя печалит? У тебя такой спокойный и красивый малыш, и Жиль рано или поздно на тебе женится... Я в этом уверена! Ну, сестричка, ты можешь мне сказать, ведь я всегда выслушивала тебя и защищала...

Лизон присела рядом с Матильдой и обняла ее. Молодая женщина с удивлением смотрела на нее, стараясь прочесть в карих глазах сестры истинную причину такой заботы. Но увидела только тревогу, ласку и сочувствие. И тогда она прижалась к ее плечу. Подбородок Матильды задрожал, как у ребенка, который вот-вот заплачет. Губы ее приоткрылись, дыхание стало прерывистым, по щекам потекли слезы. Переполнявшие ее страдания наконец-то излились наружу, и Матильде стало легче.

— Лизон, мне так стыдно! Я даже тебе не могу сказать, что случилось! Ты такая правильная, такая чистая... И я всегда восхищалась тобой! Лизон, что со мной будет?

Молодая женщина дрожала всем телом. Лизон, испугавшись, обняла ее еще крепче, надеясь успокоить.

— Ману, не пугай меня! Успокойся и расскажи, что тебя мучит. Ничего не бойся. Все останется между нами. Клянусь! И потом, ты ведь не знаешь, какая я на самом деле! Я знаю о жизни намного больше, чем ты думаешь!

— О нет! Такое тебе бы даже в голову не пришло! Я с ума схожу, Лизон! Уже много дней я живу с этим, и это меня убивает... Мне страшно, Лизон! Я не знаю, что мне делать!

— Это связано с Жилем, правда? Что он натворил? Он ходит к проституткам? Видишь, я не боюсь произнести это слово! Ну же, скажи

мне! Он обманывает тебя с Одиль, твоей ученицей? Я угадала?

Матильда закрыла глаза. Признание стоило ей огромных усилий, и она не осмеливалась посмотреть в ясные глаза старшей сестры. Надломленным, незнакомым голосом она пробормотала, запинаясь от отвращения:

— Да, он мне изменяет... Но с мужчиной, своим старым другом по лицу! Я застала их... в нашей постели!

***

— С мужчиной? — переспросила ошарашенная Лизон. — Боже милосердный! Я о таком слышала, но и подумать не могла, что Жиль...

Матильда плакала навзрыд, вцепившись в руку сестры. На смену кратковременному облегчению пришло бесконечное отчаяние. Она призналась Лизон, и ей было мучительно стыдно.

— Сестричка, милая! Ты так страдала и не могла никому рассказать! Матильда, ты должна с ним расстаться! От такого человека ничего хорошего не дождешься! Мама готова принять тебя в своем доме вместе с Луизоном. Ты немного успокоишься и сможешь как следует все обдумать. Когда силы к тебе вернуться, все покажется тебе не столь ужасным, и ты будешь знать, что делать!

— Но я до сих пор люблю его! — простонала Матильда. — Я его люблю! Не знаю, как такое возможно, но я люблю его и схожу с ума от ярости и ревности! Представь, они стали надо мной насмехаться, когда я их застала! Жиль смеялся... О, у меня не хватит слов, чтобы описать эту сцену! Мне хотелось убить обоих! Меня рвало всю ночь — от отвращения и от горя. Счастье, что Луизон остался на ночь у своей няньки! Я теперь даже не решаюсь приносить сына в свою квартиру. Он, конечно, еще очень маленький, но мне страшно... Не хочу, чтобы его отец даже приближался к нему!

Лизон, конечно, готова была ко многому, но только не к этому! Больше всего ее потрясло то, что сестра до сих пор любила этого мерзавца. Увидев его за столь противоестественным занятием, она должна была испытать такое отвращение, которое убило бы ее страсть к нему! Невзирая на огромное желание понять и принять, Матильду она не понимала. И не находила слов, которые помогли бы залечить такую рану. Адриан нашел бы, что сказать... Ничто уже не удивляло его, сельского врача, который посмотрелся в жизни всякого. Лизон, сама не своя от волнения, наконец заговорила:

— Матильда, ты не можешь больше его любить! Он просто использует

тебя. Соберись с силами и брось его! Ты не одинока, у тебя есть Луизон, есть мы. Однажды ты повстречаешь настоящего мужчину и он потеряет голову от любви к тебе. Жизнь покажется тебе прекрасной, и ты забудешь все эти гадости. Не убивайся так из-за этого типа, он не стоит твоих слез! Он тебя не достоин!

Сестра ничего на это не сказала. Она по-прежнему прижималась к Лизон и плакала. В этот момент дверь приемной тихонько открылась и вошла Мари.

— Ману, крошка моя! — выдохнула она.

— О нет, мам! Только не ты! — вырвалось у Матильды.

Мари быстро закрыла за собой дверь и, приложив палец к губам, подошла ближе.

— Не кричи! Не надо всех будоражить. Я с тобой, и я сумею тебя защитить. В Брив ты не вернешься. Этот человек день за днем разрушает тебя. Когда ты в последний раз смотрела на себя в зеркало? Ты ужасно выглядишь! Я не желаю видеть, как ты мучаешься! Мы с Адрианом поедem и заберем твои вещи, прихватим с собой и Поля, если понадобится. Этот мерзавец должен держаться от тебя и твоего сына подальше!

Матильда вскочила и повернулась лицом к матери.

— Не знаю, что ты успела услышать, мама, но я не хотела, чтобы ты это знала! Кто угодно, но не ты! Ты не должна мараться в такой грязи... Моя жизнь не должна вас...

Матильда внезапно побледнела и упала на пол. Спазмы сотрясали ее исхудавшее тело, дыхание стало прерывистым, глаза закатились.

— Лизон, беги скорее за Адрианом! И скажи, чтобы пришел один! Прошу, сделай так, чтобы остальные не знали!

Молодая женщина, шокированная нервным припадком, не сразу поняла, что от нее требуется. Спокойствие и решительность Мари помогли ей немного прийти в себя. Она пошла за отчимом.

Это было самое странное Рождество, которое знал гостеприимный дом доктора Меснье. По крыше стучал дождь, в печной трубе свистел порывистый ветер, но в столовой было тепло и спокойно. Вся семья, за исключением Мари и Матильды, собралась за столом.

Важно сохранить видимость благополучия и не испортить праздничный вечер... Детям Рождество должно запомниться прекрасным, как обычно.

Лизон была очень взволнована, но старалась казаться веселой и деятельной. Она зажгла свечи на елке, устроила Нанетт возле печи и каждому налила бокал белого вина. Она делала все, что раньше было

обязанностью Мари, чтобы был соблюден праздничный ритуал. Адриан во всем помогал приемной дочери. Он пояснил остальным, пока те не начали задавать вопросы:

— Матильда наверху, ей нужно прилечь — она заболела. Мари посидит с ней немного, но обязательно спустится к десерту.

Венсан, обменявшись с женой взглядами, понял, что случилось что-то серьезное. Он подхватил игру Лизон и во время трапезы был чрезвычайно многословен, желая отвлечь Жана и Бертий, которые расстроились из-за того, что за столом не было бабушки. Детский смех стал им наградой за старания.

Камилла и Мелина были весьма озадачены, но воздержались от вопросов, поскольку тон Адриана говорил сам за себя.

Нанетт же была недовольна и хотела, чтобы все это поняли. Пригубив вина, она сказала громко:

— Плохо, что наша Ману заболела в Рождественский вечер! Скажи, мой зять, нет ли средства, чтобы быстро поставить ее на ноги? Нам будет тоскливо без нее на полночной мессе! И почему Мари так долго не спускается? Ману давно не ребенок!

Старушку раздражало малейшее нарушение традиций. Приезд Лизон с детьми так ее обрадовал, что она решила пойти в церковь со всеми. Ее огромный зонт, сохранившийся с двадцатых годов, ожидал ее в вестибюле.

— Поешь хорошенько, бабушка! — посоветовала ей Лизон. — Как только Матильда уснет, мама спустится. Кто еще хочет индейки? А картошки?

Адриан заставлял себя сидеть за столом, но аппетита у него не было. Перед глазами стояла страшная картина: Матильда на полу в приемной в полубессознательном состоянии. Он уколол ей успокоительное, но не состояние приемной дочери его волновало больше всего. Последние слова Мари, которые та ему шепнула, до сих пор звучали у него в ушах: «Мне нужно с тобой поговорить. Это важно!»

Сейчас он был больше муж, чем доктор, и он волновался, ожидая этого разговора. Что бы ни случилось с Матильдой, он не сомневался, что причиной этого был Жиль. В очередной раз из-за этого мерзавца случилась драма, это бесило Адриана.

— Ешьте пока сыр, а меня позовите, когда на столе будет пирог! — внезапно сказал он. — Пойду посмотрю, как там моя пациентка, и подменю Мари. Она, бедняжка, наверное, умирает от голода!

Он поймал себя на том, что соврал на удивление убедительно. Его жена не сможет заставить себя проглотить ни кусочка, в этом не было

сомнений. Но предлог был вполне подходящим. Мелина посмотрела на него чуть насмешливо, но промолчала. Она поднялась и вставила в электрофон диск — рождественские песни в исполнении Тино Росси, корсиканского певца, которого обожали все французские женщины. Нанетт захлопала в ладоши от восторга и воскликнула:

— Хорошо поет этот парень! Почти как наш Хосе, когда выводит «*Ave Maria*»...

Глава 27

Тревоги и огорчения

Адриан и Мари столкнулись на лестничной площадке. Ее лицо походило на маску из античной трагедии. Бросаясь в объятия к мужу, она прошептала:

— Наша Ману спит.

— Ты можешь мне, наконец, объяснить, что происходит?

Мари помнила каждое слово из признания дочери, но ей было сложно говорить об этом, даже с Адрианом. Природная стыдливость вынуждала Мари подыскивать наименее шокирующие слова. Даже говорить в доме о гомосексуальности Жилия казалось ей святотатством, тем более в рождественский вечер. Адриан ждал ответа, не спуская с нее требовательного взгляда. Мари начала рассказывать:

— Послушай, это такой стыд! Матильда застала Жилия... в их постели. Он был не один... Они занимались... Ты ведь понимаешь, что я хочу сказать? Но не с женщиной... С мужчиной! Адриан, у меня это не укладывается в голове! Я родилась не от последнего дождя и знаю, что такое бывает, но чтобы с Матильдой... Не понимаю! Такие мужчины, они не могут делать это... с женщинами, я хотела сказать... Матильда должна была догадаться раньше, ты не думаешь? Неужели можно долго жить с человеком и не заподозрить в нем пристрастие к... таким вещам? Стоит мне подумать об этом, и к горлу подкатывает тошнота! Это так... отвратительно! И моей бедной Матильде пришлось пережить такой шок!

— Черт! — выругался Адриан. — Только этого не хватало! Какая сволочь этот Жиль, какой мерзавец! Хоть бы он оставил нашу Ману в покое! Но ведь он разрушил ее семью! Наверняка он ее обманывает с самого начала их связи! Гомосексуалисты не любят женщин, это общеизвестный факт! Но зачем тогда он жил три года с такой красивой женщиной, как Матильда, да еще и сделал ей ребенка? Это необъяснимо! Какой подлец!

Мари пыталась следить за мыслью Адриана, который говорил тихо и быстро, словно сам с собой. Она чувствовала, что муж так же возмущен поведением Жилия, как и она сама. И все же Мари не могла не заметить, что упоминание о гомосексуальности не шокировало ее супруга. Похоже, ему в

своей врачебной практике приходилось сталкиваться с этим.

— Адриан, я спущусь и побуду немного с детьми. Но в церковь я не пойду. Знал бы ты, как Матильда меня напугала! Никогда с ней не случилось таких припадков! А что, если он повторится? Не хочу оставлять ее одну, разве можно быть уверенным... В общем, я останусь дома и, если она проснется, присмотрю за ней.

— Ты права. Бедной Матильде сейчас очень плохо. Она вся на нервах с того самого дня, когда все узнала, и это объясняет ее реакцию, когда она, наконец, смогла открыться. Матильда после пережитого наверняка ощущает себя униженной, преданной. Если бы она его не любила...

Оба какое-то время молчали, каждый погрузился в мрачные размышления. Наконец Адриан со вздохом сжал руку Мари и сказал:

— Мы должны помочь ей пройти это испытание и сделать так, чтобы она никогда больше не встречалась с этим человеком. Любой ценой!

— Конечно! Теперь, когда мы знаем правду, нам будет легче ее защитить!

Они нежно поцеловались, чтобы успокоить и подбодрить друг друга. Доктор Меснье на цыпочках вошел в комнату Матильды, а его супруга спустилась на первый этаж.

Через час Мари провожала своих родных в церковь. На улице шел проливной дождь. Образовалась движущаяся колонна раскрытых зонтиков. Адриан поддерживал под руку Нанетт, Лизон и Венсан вели Жана и Бертий (маленького Пьера уложили спать), а Камилла с Мелиной замыкали шествие, вскрикивая, когда случайно попадали ногой в лужу.

Мари крикнула им с порога:

— Передайте всем от меня привет!

Для Мари, как и для любого искренне верующего католика, полночная месса всегда была событием очень радостным. У бывшей сироты было тяжело на сердце оттого, что сегодня ей не удастся побывать на церковной службе. Впервые после своего переезда в Обазин Мари не услышит пение девочек из приюта под аккомпанемент фисгармонии, на которой будет играть, как всегда, мадемуазель Мори. Мать Мари-де-Гонзаг и мадемуазель Берже непременно заметят ее отсутствие, она это знала.

Мари вздохнула и вернулась в теплый дом. Мысленно она перенеслась в просторную церковь аббатства, где витал запах фимиама, который она так любила. Маленькая Мадлен, превратившаяся в красивую девушку, конечно же, станет рядом со своей мамой Тере. И будут гореть свечи вокруг яслей — символа Рождества. Внезапно она вспомнила о другом событии, и эта мысль окончательно ее расстроила. Двадцать восьмого марта 1951 года

Мари-Эллен Дрюлиоль стала мадам Тассен. Церемония бракосочетания получилась особенно трогательной. Сестры усыпали плитку в центральном проходе церкви листьями плюща; во время самого обряда под вековыми сводами прозвучала песня, которой Мари никогда не забыть:

Рука об руку мы пойдем по жизни,
На доброго Господа возложим свои надежды!
Твои горести станут моими,
А твое счастье — нашим счастьем...

Мари-Эллен родила мальчика, Этьена, причем ровно через год после свадьбы, день в день. Она часто гуляла с ним по площади. Каждый раз, глядя на нее, Мари с сожалением думала о Матильде. Ее дочери никогда не испытать этого простого счастья, которое выпало на долю Мари-Эллен! Отгородившись от мира своей верой и своими принципами, Мари не сомневалась в том, что ничего подобного не произошло бы, если бы ее дочь согласилась обвенчаться с Эрве. Для нее в этом была непогрешимая логика, и это было бы так... обнадеживающе! Что до Жилия, то этому типу наверняка плевать на все, что для других свято!

«Господи, ну как можно жить без веры, не видя перед собой прямого пути, по которому нужно идти? Ну почему моя дочь пала так низко? Как может она любить такого отвратительного человека?»

Сердце стучало так сильно, что все ее тело, казалось, вздрагивало от каждого его биения. Стоило ей вспомнить о Жиле, как в памяти сразу же всплыли слова Матильды... Мари, сама того не желая, представила себе кровать в комнате квартиры над парикмахерским салоном, двух мужчин на ней, их телодвижения... Отвращение и недоумение заслонили все остальные чувства. Двое мужчин... Каким образом ее дочь оказалась замешанной в этой истории? Как вообще могло с ней случиться такое?

Детский крик донесся со второго этажа, возвращая ее к реальности. Она ведь осталась дома, чтобы присматривать за малышами и Матильдой! Мари, задыхаясь от тревоги, взбежала по лестнице. По спине стекла струйка холодного пота, сердце билось как сумасшедшее. В коридоре второго этажа она замерла в нерешительности — которую дверь открыть? В комнату, где спит Луизон, или где уложили Матильду? Раздался еще один пронзительный вопль.

— Луизон!

Кричал мальчик. Она вбежала в комнату и...

— Господи милосердный! Матильда...

Дочь, с растрепанными волосами, стояла посреди комнаты, сжимая в кулаке что-то блестящее. Лицо и ночная сорочка были в пятнах крови.

Луизон, сидя в своей кроватке, тянул ручки к бабушке.

Мари колебалась, охваченная паникой. Она направилась было к Матильде, но ужас на личике ребенка заставил броситься к нему. Она взяла мальчика на руки и сказала:

— Я сейчас вернусь, Ману, прошу, дождись меня!

И зашептала малышу на ушко, выходя из комнаты:

— Бабушка уложит тебя на свою кроватку, дорогой! Ты уснешь, и тебе приснятся самые яркие и добрые сны...

Их с Адрианом спальня находилась в противоположном конце коридора. Мари вошла, включила лампу и уложила Луизона. Мальчик не сопротивлялся, он уже зевал.

Мари вышла, погасила свет и вздохнула. Теперь предстояло заняться Матильдой. Она вернулась в комнату дочери, заранее напуганная тем, что ей предстояло там увидеть.

— Ману, дорогая, что ты сделала?

Мари подошла к дочери и заметила, что она вся дрожит. Под ногами Мари услышала хруст. Это были осколки зеркала. Она отвела Матильду к постели и уложила ее. Та позволила это, безвольная, как кукла. Включив прикроватную лампу, Мари, наконец, поняла, откуда кровь: многочисленные осколки остались в ранках на лице дочери, на лбу был сильный порез, но все это не представляло серьезной опасности. На красивой груди Матильды, чуть пониже шеи, выделялось коричневое пятно гематомы.

— Я все время буду с тобой, моя крошка Ману! Я тебя полечу, и все будет хорошо, верь мне!

Казалось, дочь не слышала ее и мрачно смотрела на мать.

Мари принесла миску с теплой водой, тонкое полотенце и пинцет. Нужно было как можно скорее вынуть осколки и промыть ранки.

— Бедная моя Ману! Сделать с собой такое из-за этого мерзавца! Ты шокирована, я это понимаю, но ведь ты должна подумать о своем сыне...

— Зачем нужен ребенок, которого не любит его отец? — пробормотала вдруг Матильда. — Жиллю нравится делать так, чтобы Луизон расплакался, а потом ругать его! Мама... не уходи! У меня больше нет сил...

— Я останусь здесь, с тобой, обещаю! Но что ты сделала с лицом? И зачем?

— Мне больше незачем быть красивой... Жиль... Он меня теперь не любит! И я решила себя изуродовать. Вот!

Она говорила, запинаясь. Мари уже поняла, что за драма разыгралась в этой комнате. Когда действие успокоительного закончилось, Матильда

проснулась. На стене, между комодом и платяным шкафом, висело зеркало в резной деревянной раме. Мари купила его у торговца подержанными вещами на ярмарке. Матильда встала и, увидев свое отражение в зеркале, сорвала его и в отчаянии ударилась о него лицом, поранив себе нос, лоб и щеки.

— Но зачем так себя мучить? — со вздохом спросила Мари и вынула из ранки на щеке осколок зеркала. — Ты ведь действительно могла изуродовать себя! Дорогая, тебе всего тридцать! Не думай больше об этом чудовище! Жиль в моих глазах чудовище, другого слова не подобрать, — порочное, жестокое, эгоистичное чудовище! Он и тебя увлек на скользкую дорожку, но ты у нас сильная, ты выберешься!

Матильда ее не слушала. Ее взгляд снова затуманился, руки задрожали. Наконец она проговорила тихо:

— Mam, мне нужен укол! Я хочу заснуть, чтобы перестать думать, и никогда не просыпаться... Я так давно не спала! Стоит мне закрыть глаза, как я их вижу... Они целуются взад-вперед... голые. Они прижимаются друг к другу, потные...

Услышав это, Мари окаменела. Она не хотела ничего об этом знать. Столь отвратительные образы нужно гнать из ее дома и из головы. Пусть Матильда замолчит и поскорее уснет! Но у дочери, похоже, снова начинался нервный припадок, и фразы беспорядочно срывались с ее окровавленных губ:

— Мама, спаси меня! Я их слышу! Я всюду их вижу! Жиль... Он его ласкал... как меня! Его лицо... Он улыбался... Глаза были такими ласковыми... И он говорил ему такие нежные слова, каких я никогда от него не слышала... А потом... Он стал заниматься с ним любовью... Я знала, что ему это нравится... Он каждый раз пытался меня заставить, но я не хотела! И он бесился... Он меня бил...

Последние слова объяснили Мари происхождение гематомы. Она прикоснулась кончиками пальцев к отметине на груди дочери.

— Сюда?

Матильда поморщилась, будто от боли, но тут же заговорила снова. Она не могла остановиться. Так долго копившееся в ней страдание рвалось наружу. Это был неконтролируемый поток слов.

— Это самый свежий след... Жиль бьет меня уже год. Когда родился Луизон, он словно с цепи сорвался! Я перестала ходить на работу. Клиентки смотрели на меня косо, особенно если синяки были на видном месте... Мне пришлось нанять управляющего. Ты, мама, ничего не замечала. А я так боялась, что ты увидишь! Но тональный крем меня

спасал. Я держалась молодцом все эти месяцы, но больше не могу. Это слишком... На прошлой неделе я раньше обычного вернулась от няни Луизона. В квартире пахло табаком и алкоголем. Я услышала голоса, звуки... Скрипела кровать. Я сразу все поняла! Я сняла туфли и тихонько подошла к двери в другую комнату. Я думала застать его с женщиной... Какая я идиотка! Правда? Хотела поймать их на горячем... И у меня получилось!

Матильда разразилась истерическим смехом. Несколько минут она изъяснялась внятно, но теперь, похоже, снова потеряла над собой контроль. По изрезанным щекам заструились слезы, безумный смех сотрясал худое тело. Мари испугалась. Как же это остановить?

— Матильда! Ману!

Но молодая женщина ее не слышала.

«Господи, моя дочь сходит с ума! И Адриана нет дома! Что мне делать?»

Мари колебалась. Оставить Матильду одну было слишком опасно. Что, если она встанет с кровати? В таком состоянии она способна на все... Снова станет себя терзать или того хуже! Мари задрожала от одной мысли об этом.

Она разрывалась между страхом и осознанием необходимости что-то предпринять, когда с первого этажа донесся какой-то звук. Кто-то вошел в дом! Мари сбежала вниз по лестнице и бросилась к входной двери. Камилла, которая не ожидала увидеть мать такой перепуганной, застыла на месте, так и не выпустив дверную ручку.

— Мама, что с тобой?

— Дорогая, слава Богу, ты пришла! Не знаю, зачем ты вернулась, но умоляю, беги скорее за отцом! Пускай возвращается немедленно! Прошу тебя!

Девушка не стала ждать объяснений. Она сразу поняла, что случилось что-то серьезное.

— Уже бегу! Бабушка забыла свой кошелек, но это не страшно!

— Это не страшно! Быстрее, Камилла, быстрее!

Мари поспешила вернуться в комнату Матильды, которая так и лежала на кровати, уставившись в потолок.

Несколько минут спустя прибежал Адриан. Мари в нескольких словах объяснила, что произошло. Он осмотрел раны молодой женщины, уделив особое внимание ее лицу. Гематому он тоже, конечно же, увидел.

— Господи, вот несчастье!

Матильда пришла в себя. Узнав отчима, она в отчаянии вцепилась в

его пиджак:

— Папа! Почему ты не рассказал мне, что мужчины делают это друг с другом? И хуже всего то, что я до сих пор его люблю! Я его хочу! Он мне нужен! Он — мой! Если он пообещает мне не иметь больше дела с этим Патриком, я его прощу... Я слышала истории о таких мужчинах, но никогда этому не верила! Один раз, в Бриве, в кафе, какой-то тип обозвал Жилия грязным педиком, но я подумала, что он просто хотел посильнее его оскорбить. Я не поняла... Папа, я не знала... Клянусь тебе!

Матильда вдруг отпустила отца, оттолкнув его, и села на постели. Она хотела встать, уехать... Вырваться из рук тех, кто ее удерживал... Небывалый гнев утроил ее силы. Молодая женщина отбивалась как сумасшедшая и даже попыталась впиться ногтями в лицо склонившейся над ней матери.

— Отпустите меня! Мне нужно к нему! Он меня ждет! Если я не приеду, он уйдет с Патриком! Я хочу уехать!

Мари никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Если бы рядом не было мужа, она бы не пережила этого ужаса!

— Держи ее хорошенько! — велел он. — Я принесу лекарство, нужен препарат посильнее!

— Хорошо! Но только поторопись!

Адриан в коридоре столкнулся с Лизон. Когда Камилла прибежала сказать, что Адриан должен вернуться домой, молодая женщина тоже ушла из церкви, понимая, что может понадобиться ее помощь. Отчим сказал ей:

— Мари с Матильдой. Я спущусь за лекарством и сразу вернусь.

Лизон кивнула и вошла в комнату сестры.

— Мапочка, я пришла! Что у вас тут случилось? И что у Ману с лицом?

Мари так и не успела стереть всю кровь, которая уже засохла. Многочисленные порезы чуть припухли. Лизон, естественно, не ожидала застать младшую сестру в таком состоянии.

— Я потом все объясню, Лизон! Помоги мне ее держать!

Матильда рыдала так, что едва могла дышать. Внезапно она начала звать Жилия детским, тоненьким голоском. Вернулся Адриан со шприцем в руке. Он ввел Матильде новую дозу успокоительного. Молодая женщина говорила все тише... Наконец ее тело обмякло, дыхание стало ровнее. Вскоре она уснула и лицо ее прояснилось.

Мари, Адриан и Лизон смотрели друг на друга, бледные и встревоженные. Каждому казалось, что он попал в кошмарный сон, который все никак не заканчивался. Лизон задала вопрос, который уже

давно крутился в голове у матери:

— Что нам теперь делать?

Ответ Адриана немного их успокоил:

— Я позвоню коллеге, он специализируется на нервных болезнях. Пусть приедет и осмотрит Матильду. Одно ясно — ей нужны покой и сон.

— Я хочу чего-нибудь выпить, — сказала белая как полотно Мари. — Чашку хорошего кофе... У меня просто нет больше сил!

Адриан обнял жену за талию и, поддерживая, помог ей спуститься в кухню. Лизон шла следом.

Кухня встретила их приятным запахом жаркого. Стратегическое место в доме, эта комната в очередной раз послужила приютом для их истерзанных сердец. Мари упала на стул. У нее было ощущение, что там, на втором этаже, она лишилась последних сил. Но Мари понимала, что силы ей вскоре понадобятся. Адриан сварил кофе, а Лизон положила на тарелки по кусочку яблочного пирога, испеченного Камиллой, и шоколадного «Рождественского полена», купленного в кондитерской в Бриве, и подала ее матери.

— Матильда купила этот прекрасный торт специально для меня! Она знала, что мне его очень хочется, но здешний булочник этих традиционных рождественских тортов не печет! Так мило с ее стороны вспомнить об этом! И это «полено» так красиво украшено! Оно наверняка понравилось детям!

Со слезами на глазах Мари смотрела на красно-золотую фигурку домового, серебристую елочку и кремовую веточку остролиста с красными ягодами.

Лизон нечасто доводилось видеть мать плачущей. Молодая женщина расстроилась еще больше — ведь это означало, что Мари очень плохо.

— Мамочка, держись! Нам всем нужно надеяться на лучшее. Мы нужны Матильде! Ты ее знаешь — она несдержанная, нервная, увлекающаяся! Эта история ее, конечно же, потрясла, но она справится! Все уладится...

— Я хочу этого всем сердцем! — прошептала Мари.

Адриан плеснул себе в бокал коньяка и присел рядом с женой. Состояние приемной дочери его сильно тревожило. Он прекрасно понимал, что она нуждается в заботе и постоянном присмотре. Сейчас было не время расслабляться и отчаиваться! Мари должна это понять и поскорее взять себя в руки. Чтобы ее подбодрить, Адриан изложил свое видение ситуации:

— Нужно надеяться на лучшее, дорогая! Матильда, несомненно, оправится от шока, который ей пришлось пережить. Но не стану от тебя

скрывать: ей понадобится помощь, а еще время, чтобы принять очевидные для нас, но пока не для нее решения.

— Но ты ведь ее слышал! — воскликнула Мари. — Она до сих пор его любит! Если она решит вернуться и он снова будет ее бить...

— Я бы не называл это любовью! — резко произнес Адриан. — Твоей дочерью руководит страсть — болезненная, навязчивая. В последнее время я читал книги по психологии, чтобы лучше понимать некоторых моих пациентов. Эта наука определяет страсть как деструктивное избыточное чувство, которое заставляет человека закрыть глаза на реальность и влечет за собой безумное желание обладать объектом своей страсти. Но Матильду мы вылечим! Черт возьми, она — сильная девочка! И мы найдем доводы, которые ее урезонят, она поймет, что сбилась с пути...

Немного успокоившись, Мари придвинулась к супругу и положила голову ему на плечо. Тронутый до глубины души, Адриан погладил ее по голове, желая поделиться своей нежностью и силой. Мари вздохнула и сказала:

— Никто не должен знать о Жиле! Пусть это останется между нами. Если девочки хоть что-то узнают, я этого не переживу! Нанетт тем более не должна знать! Такой стыд!

Адриан передернул плечами.

— Ты, конечно, права. Представляю, как это восприняли бы в Обазине! В наших краях такое услышишь нечасто. Но в некоторых парижских кругах это никого бы не удивило...

— Неужели? — не поверила Лизон.

— Разумеется! Есть примеры и в артистической среде — Кокто, Колетт, Жид, Оскар Уайльд, Пруст... Перечень мог бы быть намного длиннее. Гомосексуальность не имеет границ.

— Колетт? — переспросила Мари. — Но ведь она — женщина? И одна из моих самых любимых писательниц!

— Любовь к представителям своего пола присуща не только мужчинам, дорогая. Колетт любила женщин и никогда не пыталась это скрывать. Я удивлен, что ты не увидела это в ее произведениях, ведь некоторые пассажи весьма показательны. Кстати говоря, мужчин она тоже любила...

— Увы, я читала далеко не все, — вздохнула Мари. — Я жду пенсии, чтобы утолить свою жажду чтения!

— Я не хочу вас огорчить еще сильнее, ситуация и так печальна, но вы должны понять, что сексуальная норма у всех разная.

Лизон чувствовала себя все более неловко. Рассуждения Адриана

разнились с ее взглядами на жизнь до такой степени, что шокировали ее. Она не могла не сказать ему об этом:

— То, что ты говоришь, поражает меня, папа! Для меня существует только традиционная семья, любовь, дети. Все остальное — извращения! Женщина... с другой женщиной? Это просто бессмысленно! Как и связь мужчины с мужчиной! Я этого не понимаю. Когда ты упомянул Кокто, ты имел в виду поэта Жана Кокто?

— Да, именно Жана Кокто. Да, тебе это трудно понять... Как же вам объяснить? Он любил мужчину, вернее юношу, и они жили вместе. Это может показаться вам странным и даже отвратительным, но у любви нет ни лица, ни пола... Когда я был в интернатуре в Париже, я знал двух докторов, которые любили друг друга. Да, двух молодых мужчин... Над такими парами все смеются, их презирают... Поэтому они старались, чтобы никто ни о чем не догадался. Сначала я их избегал, потому что осуждал, но потом узнал их лучше и стал им симпатизировать, отбросил свои предрассудки. Вот они-то и рассказали мне о своих отношениях и о том, что любовь иногда ходит странными путями...

Внезапно Адриан смутился и опустил голову. Не было необходимости вдаваться в детали. Мари и Лизон не нужно было знать больше. Обе образованные и умные, они смотрели на жизнь одинаково, следовали жестким моральным принципам, получив религиозное воспитание, которое делало их слишком наивными для современного мира. Поэтому сложная область «порочной любви» была для них тайной за семью печатями.

— Возвращаясь к нашей ситуации, — продолжил Адриан, — скажу, что этот Жиль — подлейшее существо! Я спрошу совета у моего товарища-юриста, мэтра Риго, — он практикует в Тюле. Ну, довольно уже об этом прискорбном деле! Почему бы вам обоим не пойти в церковь? Вы попадете хотя бы на конец службы! А я буду присматривать за Матильдой и детьми.

Мари хотела отказаться, но машинально кивнула. В церкви с ее благостной атмосферой ей, конечно же, станет легче, особенно после пережитого столкновения с пороком. Это святое место всегда было для нее приютом, когда на душе становилось тяжело. Среди верующих, пришедших порадоваться Рождеству, ее горе смягчится. Лизон тоже согласилась, радуясь тому, что вернется к мужу. Их любовь была спокойной и нежной, и Венсан, слава Богу, никогда не поднимал на нее руку.

Оставшись в одиночестве, Адриан сжал кулаки. Ему было больше шестидесяти, но он испытывал горячее желание немедленно отправиться в Брив и заставить этого Жилия пожалеть о содеянном.

«Ну ничего, пусть я уже не так молод и силен, но ты дорого заплатишь

за страдания Ману!»

***

Этим утром Матильда проснулась с ощущением, что наконец вынырнула из пучины горя. Она потянулась, зевнула и стала ждать, когда появится Камилла, — младшая сестренка по утрам приносила ей завтрак и делала это с поразительной пунктуальностью. Молодая женщина посмотрела на детскую кроватку, которую мать поставила для Луизона. Она была пуста. Рано утром Мари забрала малыша, чтобы накормить его кашей.

«Моя дорогая мамочка...» — подумала Матильда с нежностью.

Вот уже неделю Матильда не вставала с постели. Все члены семьи заботились о ней, были к ней очень добры. Даже Мелина поиграла немного в сиделку — она приходила, чтобы почитать Матильде.

В дверь коротко постучали, вошла Камилла с подносом.

— Счастливого 1953 года, Ману!

— Спасибо, Камилла! Сегодня уже первое января?

— Да! А в июне мне исполнится двадцать! Мне не терпится стать совершеннолетней и жить так, как я считаю нужным!

Матильда нахмурилась и сказала со вздохом:

— Надеюсь, у тебя это получится лучше, чем у меня! Я думала, что родители не должны мешать мне поступать по-своему, но, возможно, стоило к ним прислушаться. Став свободной, я наделала столько глупостей!

Камилла ничего на это не сказала — ей не хотелось расстраивать старшую сестру. Она была уверена, что сумеет сделать свое будущее счастливым. Камилла поцеловала Матильду и вышла.

Молодая женщина снова осталась одна. Она выпила немного кофе и не прикоснулась к гренкам со сливочным маслом и джемом. Она чувствовала себя печальной и преждевременно состарившейся из-за своих любовных терзаний. Мысли шли по кругу, без конца приводя ее к неутешительному выводу:

«У меня в жизни были одни только поражения... Я разорвала наш с Эрве брак, а ведь он славный парень и очень терпеливый... И что осталось от моей невероятной любви? Ничего, кроме воспоминаний... Жиль и его жадные губы, его ласки...»

Дрожь удовольствия пробежала по ее телу. Опьяненная яркими воспоминаниями, она закрыла глаза. Стон желания сорвался с ее губ. Жиль... Ее великолепный возлюбленный...

— Я не должна больше думать о нем! — прошептала она.

В это мгновение в комнату вошла Лизон. Она решила остаться ненадолго в Обазине, а Венсан с детьми должен был вернуться в Прессиньяк.

— Доброе утро, Матильда! Что скажешь, если я предложу отпраздновать Новый год в хорошей компании? Мы пригласили в гости Амели с Леоном и Мари-Эллен. Ты сможешь спуститься и посидеть час или два с нами у елки? Вы все — ты, Амели и Мари-Эллен — молодые мамочки, и вам будет о чем поговорить. Вечер в приятном обществе пойдет тебе на пользу. Не хватает только Жаннетт, но она со своим Люсьеном живет теперь в Лиможе. Их сыну Жоэлю десять месяцев, как и твоему Луизону!

Но Матильде совершенно не хотелось встречаться с подругами. Они жили именно той жизнью, какую Мари желала своей дочери. Теперь у Матильды не было с ними ничего общего. И потом, подруги детства непременно начнут расспрашивать о работе, о планах на будущее, о сыне... Матильда чувствовала, что не вынесет этих расспросов и их заинтересованных взглядов. Однако она ценила то участие, с каким отнеслась к ней вся семья, и ей не хотелось ставить родных в неловкое положение, открывая свою подноготную посторонним. Она прошептала смущенно:

— Не думаю, что смогу встать, Лизон. Я чувствую себя лучше, но мне будет тяжело поддерживать разговор о погоде и природе... и, тем более, обо всем остальном. Что, по-твоему, мне отвечать Амели, если она не справится со своим любопытством? Мама рассказала ей о моем разводе, но о Жиле — ни слова. Мне очень жаль. Не стоило все это устраивать ради меня!

Лизон всмотрелась в лицо сестры. Раны от порезов на щеках и на лбу побледнели, кое-какие из них Адриану пришлось зашивать. Но самые болезненные раны, невидимые, были у Матильды на сердце, и они еще не скоро зарубцуются... Если это вообще возможно.

Лизон вздохнула и, взяв сестру за руку, сказала:

— Как хочешь, Ману! Но я считаю, что ты беспокоишься напрасно. Мама им уже все объяснила. Они знают, что Луизон рожден вне брака. Но ведь они — твои подруги и очень тебя любят. Поверь, тебе не надо бояться неуместного любопытства с их стороны. У тебя еще есть время передумать. Камилла печет сладкие пироги. Если ты решишь остаться в спальне, мы принесем тебе по кусочку каждого. Ладно, я забираю поднос и уйду!

Матильда легла и расслабилась, но тут в дверь снова постучали. Вошел Адриан, на его лице играла улыбка. Ему Матильда была по-

настоящему рада. Все эти дни отчим частенько заходил к ней и они подолгу разговаривали. Терпеливый, внимательный и понимающий, он никогда не сердился. Она могла говорить с ним откровенно, не опасаясь его шокировать. Адриан знал разные стороны жизни. В его обществе она не чувствовала себя ни виноватой, ни пристыженной. Никогда она не смогла бы говорить так с матерью или с Лизон. Уговоры отчима, приводимые им аргументы в конце концов помогли ей здраво посмотреть на ситуацию.

— Доброе утро, моя крошка, и счастливого Нового года!

— Доброе утро, папа! Как приятно так тебя называть!

Адриан присел на край кровати и внимательно осмотрел лицо Матильды.

— Тебе очень повезло, моя красавица! Через неделю ты уже сможешь показаться на улице! Немного тонального крема — и никто ничего не заметит, я тебя уверяю! Ты собираешься подняться сегодня?

— Нет! Мне так нравится, когда за мной ухаживают, что я ни за что не откажусь от роли «тяжелобольного»! Вы все ко мне так внимательны! Представь, даже бабушка Нан собралась с силами и поднялась меня проведать! Она поражает меня! Такая крепкая для своего возраста! Я понимаю, это не решение проблемы, но я все чаще думаю, что неплохо было бы остаться в этой комнате навсегда!

Адриан, придя в замешательство, откашлялся. Он не знал, стоит ли сообщать приемной дочери то, с чем он, собственно, к своему великому сожалению, и пришел. Ее искренность озадачила его. А что, если, услышав новость, Матильда снова закатит истерику? Не в силах выдерживать больше ее вопросительный взгляд, он сказал:

— Ману, я хотел от тебя это скрыть, но не могу. Ты знаешь, до какой степени мне отвратительна ложь! В общем, звонил Жиль. Твоя мать взяла трубку, потом передала ее мне. Он спрашивал, как ты, и изложил свою версию событий. Если ему верить, вы просто сильно поссорились. Сказал, что ты угрожала ему тем, что он никогда больше не увидит Луизона. Если хочешь знать мое мнение... В общем, я был категоричен и предупредил, что мы пожалуемся на него в полицию, если он снова попытается тебя обидеть.

Матильда смертельно побледнела. Она натянула простыню до подбородка и грызла ее, а в ее черных глазах отражались растерянность и тоска.

— Матильда, Жиль сказал, что все объяснил тебе про Патрика... своего любовника! Уж прости, что выражаюсь так прямо. Это правда?

— Да, папа. Он мог говорить что угодно, я ему не поверила. Якобы

они вместе жили в пансионате, пока учились в лицее в Бордо. И тогда начались их «отношения». Жиль сказал, что ему было стыдно и он решил бороться с этой своей склонностью и начал встречаться с девушками. В меня он якобы по-настоящему влюбился, я ему понравилась... А этот грязный тип Патрик повстречал его в Бриве... случайно! И их связь возобновилась! Не находишь, что это как-то по-детски? Неужели он полагал, что я поверю в это и буду молча терпеть? Никогда! Я ведь ревную! Ревную до сумасшествия! Я ненавижу его за то, что он со мной сделал, и в то же время так по нему скучаю! Папа... Это... это сильнее меня! Я люблю его до потери пульса, и мне так плохо... Без него я — ничто! Знаешь, раньше я не понимала, о чем поет Эдит Пиаф в своей песне «Мой мужчина»... А теперь я знаю, что женщина может сойти с ума из-за мужчины до такой степени, что все простит ему... Мне будет достаточно, если он пообещает больше никогда не встречаться со своим любовником! Я сразу же вернусь! И мне все равно, женится он на мне или нет! Я буду счастлива просто потому, что он рядом! Пусть даже он не любит меня так, как я люблю его!

Адриан расстроился. В затуманенном взгляде Матильды он читал с недавнее ее желание — животную потребность увидеться с Жилем, прикоснуться к нему, отдаться ему...

Доктором Меснье овладело разочарование. Он столько сделал, чтобы помочь приемной дочери справиться со своей навязчивой идеей! И теперь ему приходилось признать свое поражение. Он не смог ее вразумить... Его вдруг охватил гнев, недовольство собственной беспомощностью.

— Как вырвать это сумасшествие из твоего тела и твоей души, Матильда? — спросил он. — Неужели у тебя не осталось ни капли самолюбия? Ты призналась, что он мучил твоего ребенка, бил тебя... Даже если ты его любишь, найди в себе силы отказаться от этого человека! С тем, кто издевается над тобой, ты не будешь счастлива! Ты ведь можешь забыть его и посвятить себя ребенку. Любовь бывает не только плотской! Что ты знаешь о сердечных чувствах? А если тебе написать Эрве? Он искренне любил тебя. Может, он только того и ждет, чтобы ты его позвала, и вы снова будете вместе, вместе воспитаете Луизона...

— Нет! Никогда! Я не смогу! Только не это!

Матильда закрыла глаза, прижав кулаки к груди. Ее дыхание стало прерывистым, сердце забилось быстрее, лоб покрылся капельками пота, во рту у нее пересохло. Все начиналось сначала... Страх и надежда, боль и чувство вины сплелись в один клубок. Жиль снова заполнил собой ее вселенную. Все опять стало возможным, потому что он набрался смелости

и позвонил! Теперь она считала, что ему, разумеется, тоже стыдно! И, быть может, он ждет ее... А что, если он, устав ждать, вернется в объятия Патрика? Нет! Нужно торопиться! Нужно действовать, пока он не передумал! Слабая надежда, словно звезда, мерцавшая в ночи, превратилась в вихрь уверенности. Она должна немедленно увидеться с ним! Но для начала нужно позвонить, чтобы он не уехал! Она села на постели и положила руки Адриану на плечи. Он не позволит ей уехать в Брив, если она расскажет о своих планах! Что ж, в таком случае она соврет.

— Папа, не пугайся. Но я должна поговорить с ним! Пойми, мне надо знать, что ему от меня нужно. Тогда я смогу принять решение, уверяю тебя! В любом случае я не собираюсь с ним снова встречаться и хочу сразу ему об этом сказать. Еще мне надо забрать свои вещи из той квартиры...

— Матильда, я не уверен, что это хорошая мысль, но если это тебе поможет...

— Спасибо, папочка! Я очень тебя люблю!

Молодая женщина прыгнула с кровати и надела пеньюар. Адриан проводил ее на первый этаж и открыл дверь в свой кабинет.

— Оставляю тебя одну, Матильда! Прошу тебя, будь с этим типом твердой! Не оставляй ему даже намека на надежду!

— Хорошо! Я так ему и скажу, не переживай!

Нанетт, сидя за столом в кухне, чистила картошку. Она вскрикнула от удивления, когда вошла Матильда. Мари, у которой на коленях сидел Луизон, от неожиданности уронила детскую книжку. Молодая женщина была причесана и одета. Она сказала весело:

— Привет всем! Ну что, мой мальчик, ты рад видеть маму?

Луизон робко улыбнулся и протянул к ней ручки. Матильда подхватила его и закружилась с ним. Мальчик засмеялся от удовольствия.

— Дорогой, как тебе хорошо у бабушки! А твоя противная мамаша на много дней тебя забросила! Ты сердисься на меня за это, мой маленький Луизон?

К Мари наконец вернулся дар речи. Она ничего не понимала в происходящем, поэтому спросила у дочери:

— Что происходит, Ману? Лизон сказала, что ты не захотела вставать.

— Я передумала, как видишь!

— Я так рада, что ты опять на ногах! — воскликнула Нанетт. — Ты, моя крошечка, хорошей, крепкой породы, как и твой отец! Твоя нога уже не болит?

Чтобы не беспокоить старушку, Мари сказала ей, а также Камилле и Мелине, что Матильда упала и повредила ногу.

— Я в порядке, бабушка! Мне вдруг так захотелось выпить с вами кофе, в теплой кухне, возле печки, глядя на моего прекрасного мальчугана! А где девочки? И Лизон?

— Ушли за покупками в город. Адриан пошел с ними, но, думаю, он зайдет в кафе «Сюдри»... поболтать с приятелями! — с лукавым видом добавила Мари.

Матильда с полчаса посидела в кухне на стуле у печи, который так любила ее бабушка. Нанетт завязала с ней беседу, поэтому Мари воспользовалась моментом и подошла к печи. Она с тревогой посматривала на дочь, но не замечала в ее поведении ничего странного. Наконец она вздохнула с облегчением, радуясь в душе: «Господь услышал мои молитвы! Ей стало лучше. Какое счастье видеть, как она ласкает своего сына!»

Когда Мари стала накрывать на стол, Матильда прошла вслед за ней в столовую. Там она усадила Луизона в детский манеж. Мальчик сразу же склонился над игрушками, что-то довольно лепеча.

— Мам, я только что звонила Жилю! Высказала все, что накипело на душе, и мне сразу стало легче! Я сказала, что мы расстаемся. На этот раз он не кричал, мне показалось, он даже расстроился. Теперь я чувствую себя освобожденной! И это благодаря вам! Вы так обо мне заботились, окружили любовью и вниманием! И я смогла откровенно поговорить обо всем с Адрианом... Кошмар закончился, я здорова! Это никогда не вернется! Я буду строить новую жизнь, обещаю тебе!

Мари мечтала об этом моменте, но не осмеливалась поверить в реальность происходящего. Наконец-то она видела перед собой свою дорогую Ману! Она притянула дочь к себе и крепко обняла.

— О дорогая, как я за тебя рада! Мне было так страшно!

Мари не хотелось выпускать дочь из объятий. Радость ее была так же сильна, как глубоко было пережитое ею отчаяние. Она гладила свою девочку по голове, целовала ее в лоб и щеки... Ее Ману снова с ней!

— Мамочка, я так тебя люблю! — прошептала Матильда. — Скажи, я могу пожить у вас еще несколько недель? А потом я подыщу себе квартиру, но уже в Тюле, и новую работу. Мне плевать, что я буду снова работать простой парикмахершей! Мой салон приносит регулярный доход, так что мне на все будет хватать.

Они какое-то время вполголоса обсуждали планы на будущее. Когда Адриан вошел в комнату, он удивился, застав молодую женщину в таком хорошем настроении. Она дала ему те же объяснения, что и матери.

Матильда пообедала вместе со всеми. За обильной трапезой все были очень оживлены. Лизон и Мари приготовили замечательные деликатесы,

чтобы как следует отметить выздоровление сестры и дочери. Нанетт без конца нахваливала еду — запеканку с трюфелями, жареную гусятину, законсервированный летом домашний зеленый горошек... Настроение за столом было праздничное, как если бы эта трапеза была компенсацией за неудачную рождественскую, когда все началось...

Мелина болтала без умолку. Сначала она пересказала содержание всех фильмов, которые посмотрела в последнее время в Бриве, потом сообщила, что Луччано Брузани, ее бывший поклонник, обручился с дочкой каменотеса, тоже итальянкой.

Камилла вела себя сдержанно. Она уже полтора года втайне от всех переписывалась с Гийомом Гереном. Они обменивались безобидными новостями, рассказывали друг другу забавные случаи из своей повседневной жизни... как хорошие друзья. Но последнее письмо она получила целых две недели назад. Молчание Гийома ее беспокоило.

Все смеялись и болтали за семейным столом, но при этом каждый думал о своем.

Лизон вдруг сказала, глядя на Матильду:

— Силы к тебе вернулись, и ты теперь сможешь посидеть в компании Амели и Мари-Эллен! Утром мы повстречали их на площади. Обе умирают от желания тебя увидеть!

— Нет! — твердо ответила Матильда. — С вами мне хорошо, но их я видеть не хочу. Вы же знаете, какая я кокетка! Я сейчас неважно выгляжу.

— Не настаивай, Лизон! — посоветовала дочери Мари.

— Мари права! Не нужно принуждать нашу Ману! — добавил Адриан.

Матильда поблагодарила родителей улыбкой. Ближе к трем часам дня она объявила:

— Я поднимусь к себе. Луизон пусть поспит на диване, тогда Амели и Мари-Эллен смогут им полюбоваться. Я тоже отдохну немного. Прошу, не приносите мне пирог, я так наелась в обед, что до самого ужина не проглочу ни крошки!

Молодая женщина расцеловала сына, потом, словно в шутку, все семейство. Заметив удивленные взгляды, она воскликнула, уже выходя:

— Я так вас всех люблю!

Никто и не подумал ее беспокоить. Вечер пролетел незаметно благодаря присутствию двух семейных пар с детишками. Мари-Эллен и Амели, обе очень тактичные, не спрашивали о причине отсутствия Матильды. Разумеется, все шумно восторгались тремя малышами, а те радостно лепетали, сидя вокруг кучи игрушек, в то время как их родители

смеялись, пели и оживленно беседовали.

Когда гости ушли, Мари поспешила подняться наверх, чтобы передать Матильде добрые пожелания ее обазинских подруг. Да и время ужина уже подошло...

Комната была пуста, постель не застелена. Инстинктивно Мари заглянула в шкаф, где стоял чемоданчик дочери. Его на месте не оказалось. Сердце Мари сжали тиски страха. Крик паники готов был сорваться с ее губ, но она прикрыла рот ладонью. Испуганная, ничего не понимающая, она стала нервно осматривать комнату. Наконец она увидела белый конверт на комодке, под вазой с ветками остролиста.

«Нужно сначала сесть, сделать глубокий вдох и успокоиться! — сказала она себе. — Ни к чему пугать всех в доме!»

Мари присела на край кровати. Руки дрожали так сильно, что конверт удалось вскрыть только со второй попытки. Сложенный листок бумаги, казалось, склеился и никак не желал раскрываться. Мари отругала себя за неловкость. Наконец развернула его. Сначала она не понимала значения слов. Ее взор словно затуманился. Не сразу она осознала, что это слезы мешают ей читать. Сердитым жестом она вытерла глаза и прочла следующее:

Дорогая мамочка и все остальные!

Я уезжаю в Брив. Вернусь завтра или послезавтра. Переночую в отеле. Не беспокойтесь обо мне. Я ничего вам не сказала о своих планах, потому что папа Адриан и ты, мама, не отпустили бы меня. Но мне нужно поговорить с Жилем, он умолял его простить. Я не собираюсь этого делать, не тревожьтесь! Но мне все равно надо с ним встретиться, ради Луизона. Он ведь так и не признал его, мальчик носит мою фамилию. Я не хочу, чтобы Жиль его когда-нибудь еще видел. Поймите, все это так меня мучит, что я хочу побыстрее решить эти проблемы. Мне нужно расставить все точки над «i»! Заодно заберу свою одежду и некоторые личные вещи.

Благодаря вам я чувствую себя более сильной и смогу встретиться с ним и сказать, что между нами все кончено.

Мама, оставляю Луизона на тебя. Что бы ни случилось, позаботься о нем! Ты — лучшая мать в мире, поэтому я спокойна.

Ваша Матильда

Мари перечитала письмо дважды, сомневаясь в том, что все правильно поняла. Она не знала, что и думать. Объяснения казались вполне приемлемыми, если бы не последние фразы... Что имела в виду Матильда, написав «что бы ни случилось»? Эти слова кладбищенским эхом

отозвались в ее сердце.

Мари спустилась в столовую. Она была очень бледна. Не говоря ни слова, она увела Адриана в кабинет, закрыла дверь на ключ и показала ему письмо. Он тут же разнервничался:

— Господи, уехать тайком от всех! И мы ничего не услышали! Даже как ее машина отъезжала от дома! Если бы только я мог допустить, что она так поступит...

— Адриан, что нам делать? Она уехала больше четырех часов назад! И уже наверняка успела поговорить с этим человеком! Почему бы ей не вернуться сегодня вечером? И как объяснить ее поспешный отъезд девочкам?

Адриан привлек жену к себе. Обнимая ее, он шепнул, стараясь ее успокоить:

— Я очень устал, дорогая! Но завтра я с утра поеду в Брив. Обойду все отели, если понадобится! Не волнуйся так. Матильда сильнее, чем мы думаем. Ей действительно нужно поставить точку в этой связи с Жилем, чтобы освободиться окончательно и жить дальше... Давай будем доверять ей! Ты сама видела, какая она была днем спокойная. И в хорошем настроении!

— Да, ты прав! — вздохнула Мари. — Признаюсь, я не очень удивлена. Матильда всегда была девочкой с характером! О таких говорят «огонь страсти, пламя любви». Если ей удалось превозмочь в себе страсть к Жилю, она будет к нему безжалостна. Нам же остается только ждать. Знаешь, она попросила нас приютить ее у себя на несколько недель. Я так обрадовалась!

Мари прижалась лбом к щеке Адриана. Они долго стояли так, успокаивая друг друга, как, впрочем, каждый раз, когда на них обрушивались невзгоды. Их любовь, основанная на нежности и взаимопонимании, служила им щитом, нерушимой преградой на пути любого несчастья. Они еще не знали, но им в очередной раз предстоит выдержать удар судьбы. Очень скоро и вопреки всем их усилиям!

Глава 28

Мрак отчаяния

Матильда ехала быстро, намного быстрее, чем следовало. Нетерпение заставляло ее рисковать понапрасну. И никогда путь от Обазина до Брива не казался ей таким долгим. Она не могла думать ни о чем, кроме скорой встречи с Жилем. Все остальное было неважно. Она не чувствовала ни угрызений совести, ни смущения. Она уже забыла о том, что убежала из дому тайком, как воровка, и о том, что родителей, несомненно, огорчило ее прощальное письмо. Сестры, конечно же, станут спрашивать, почему ей пришлось так стремительно уехать, Нанетт пожалуется на патуа, что крошка Ману ее бросила. Матильда сделала окончательный выбор. Однако время сейчас играло против нее. Каждая минута вдали от Жилья уменьшала ее шансы вырвать его из когтей Патрика. Какая абсурдная, нелепая ситуация! Матильда снова с головой погрузилась в свой любовный бред. В то время как автомобиль послушно несся по дороге, она говорила сама с собой и не замечала этого.

«Обычно девушки борются с соперницей, которая красивее или богаче, мне же в соперники достался мужчина... И он даже не красивый!»

Истеричный визгливый смех, похожий на крик отчаяния, заметался в салоне автомобиля. Сарказм и безнадежность разрывали ей сердце. Чем ближе был Брив, тем больше она боялась. Жиль умолял ее приехать поскорее. Он хотел объясниться, извиниться перед ней... Значит, ей есть на что надеяться! И молодая женщина старалась в это верить. Жиль ее любит, ждет... Они начнут новую жизнь и забудут... Все вернется к нулевой отметке...

Молодая женщина мысленно листала свои воспоминания. Она прекрасно помнила, как Жиль в первый раз переступил порог ее салона. Он представился мужским парикмахером и засыпал ее убедительными аргументами в пользу расширения ее дела и внедрения на рынок парикмахерских услуг новинки — спаренного салона, где могли бы обслуживаться и женщины, и мужчины. Довольно интересная, с точки зрения развития бизнеса, идея была преподнесена этим соблазнительным мужчиной блестяще. В течение месяца Жиль приходил несколько раз, искусно перемежая разговоры о деле с комплиментами в адрес ее салона.

Он показал себя терпеливым и решительным. Матильда быстро поддавалась очарованию его пламенного взора — так в дешевых женских романах говорилось о подобных черных глазах в обрамлении густых длинных ресниц.

Потом они в первый раз оказались вместе в постели роскошного отеля. Жиль открыл Матильде ее собственное тело и его способность испытывать наслаждение, ввел в мир безграничной чувственности. До этого молодая женщина не подозревала, что удовольствие может быть таким сильным! Каждый раз, когда Матильда думала об этом, она вся дрожала от желания, едва сдерживая крик нетерпения.

«Никогда больше не знать радости, которую он мне дарил... Никто другой не сможет дать мне то, что дает он!»

Она крепко сжала руль своего «Пежо 203», который тут же занесло. Вспоминались ночи любви, волнующие картины их сплетенных потных тел и экстатические крики, лихорадка страсти... Оба были ненасытны. Их дни были отмечены любовными схватками!

«Моя беременность все испортила! Нужно было сделать аборт! Я казалась ему отвратительной с моим огромным животом! А мне хотелось заниматься любовью, как раньше... Он отказывался, и я с ума сходила из-за этого! И тогда он начал меня бить. Это все из-за Луизона! Он нас разлучил!»

Услышав эти слова, произнесенные ею, Матильда испугалась. Что заставляет ее так говорить о своем сыне? С ужасом она вспомнила, что однажды утром Луизон, проголодавшись, криком разбудил Жюль. Склонившись над младенцем, она едва удержалась, чтобы не надавать ему пощечин. Какой демон внутри нее заставлял ее вести себя подобным образом?

В Матильде не было ничего от спокойной и ласковой матери. Заботливая, понимающая и щедрая душой, та никогда бы не поступила так со своим ребенком! Но ведь Нанетт часто говорила, что Матильда очень похожа на Пьера, своего отца, о котором у нее остались весьма смутные воспоминания. Молодая женщина не знала, что у Пьера был такой же, как у нее, взрывной темперамент и неутолимая страстность. Никто не рассказывал ей, как страдал Пьер в периоды четырех беременностей жены, следовавших одна за другой, в то время как сама Мари погружалась в свое материнство и отстранялась от него. Он часто думал, что дети стали барьером между ним и женой. Только Лизон Мари рассказала правду, и та хранила этот секрет.

Матильда считала себя гадким утенком в семье, с присущими только

ей пороками. Осознание своей природы заставило ее замкнуться в одиночестве, от которого она ужасно страдала. Если бы она узнала о страсти, связавшей Пьера и Леони, ей было бы проще принять свое отличие от остальных членов семьи. Но даже в этом жалком утешении ей было отказано во имя морали, ради соблюдения приличий. Многим жилось бы легче, если бы близкие люди больше общались с ними и относились к ним с терпением и пониманием...

«Брив! Слава Богу!»

Матильда на большой скорости проехала мимо первых домов. Город показался пустым и серым под черными тучами, обещавшими новые дожди. Было очень холодно. Молодая женщина припарковала автомобиль перед своим парикмахерским салоном и с тревогой посмотрела на себя в зеркало заднего вида.

«Как ужасно я выгляжу из-за этих порезов! Ну зачем я это сделала? Дура! И ничего не сказала про них Жилью! Он смотреть на меня не захочет!»

Она вспомнила ужас, пережитый в рождественский вечер, когда она посмотрела на себя в зеркало: круги под глазами, распухшие от рыданий губы... Это было лицо обманутой, сломленной женщины. Злость руководила ею в стремлении уничтожить доказательства своего позора... Изуродованная и страшная, она могла не бояться, что ей еще когда-нибудь придется любить и страдать. Но все переменялось: Жиль ждал ее, и Матильда горько сожалела о своем саморазрушительном порыве.

Матильда сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и открыла дверцу авто, бормоча про себя, как молитву: «Жиль, прошу, будь ласковым и любящим! Не отталкивай меня, умоляю!»

Последние шаги до двери квартиры показались невероятно трудными. Чем ближе она к ней подходила, тем сильнее дрожала от страха. Затаив дыхание, дважды постучала в дверь. Знакомый голос предложил войти.

Жиль стоял у окна. В халате, с мокрыми волосами, он повернулся к ней и как-то странно улыбнулся. И тогда она увидела его — «соперника», который сидел в кресле и листал журнал.

— Что он тут делает? — спросила она, бледнея.

— Развлекает меня, чтобы мне не было скучно! Но теперь Патрик может пойти пройтись, раз уж ты приехала!

Патрик не заставил себя просить дважды. Жиль направился к ней. Матильда уже приготовилась ощутить его руки на своей талии, но он прошел мимо нее и закрыл дверь... на ключ! Она сразу поняла, что любовник не настроен ее ласкать.

Чувство тревоги усилилось. Что это могло значить? Внезапно молодая женщина почувствовала себя тряпичной куклой в тщательно отрежиссированной мизансцене. Решив хотя бы сыграть спокойствие и уверенность, она направилась в свою спальню, чтобы поставить чемодан. Но от видимости покоя не осталось и следа, когда ее глазам предстала плачевная картина.

— Жиль, что на тебя нашло? Ты сумасшедший?

На полу валялись ее вещи — платья, блузки, тончайшее белье, костюмы, шубки... Она наклонилась, чтобы поднять юбку, и только тогда увидела, что все вещи чем-то измазаны, а большинство нарядов изорваны и изрезаны ножницами.

— Но... почему? — простонала она.

Ответом на ее вопль был все тот же звук — щелчок замка двери. Повернувшись, Матильда увидела, что Жиль похрустывает костяшками пальцев. Потом кулаки его сжались и он стал приближаться к ней... с циничной улыбкой на губах, которые так искусно любили ее!

Жиль подошел к ней вплотную, но не дотронулся до нее. От него несло алкоголем. Он вдруг захохотал и долго не мог остановиться. Это было невыносимо! Чтобы заставить его замолчать, молодая женщина обняла его за шею, но он оказался проворнее — резко отстранился и с размаху ударил ее по щеке. Она упала на грудь лохмотьев. Испуганная, Матильда уцепилась за его ноги и взмолилась:

— Жиль, любовь моя, я сделаю все, что захочешь! Ты не увидишь больше Луизона, если это все из-за него! Я буду смирной и послушной! Ты ни в чем не сможешь меня упрекнуть! Я больше не буду заговаривать о Патрике! Пусть он даже останется здесь... если это доставляет тебе удовольствие, но только будь со мной! Мы будем жить втроем, если ты не можешь без него! Я согласна, пускай... Я готова все понять, я на все согласна, умоляю!

Прозвучал циничный смешок, от которого у нее кровь застыла в жилах. Ударом ноги в челюсть он заставил ее отпустить свои ноги. Матильда, несмотря на полубессознательное состояние, поняла, что он тянет ее за руку. На секунду, когда Жиль наклонился, чтобы ее поднять, она ощутила мускусный, «южный» запах его тела. Он швырнул ее на постель. Молодая женщина на мгновение поверила, что он хочет ее, что любит. Она стала срывать с себя одежду, призывая его своим обнаженным телом, протянула к нему руки...

Он не спешил подходить. Презрительным тоном он произнес слова, которые пронзили ее сердце:

— Хочешь секса, да? Жалкая идиотка, посмотри на себя! Ты — страшная, ты — тряпка... Да лучше сдохнуть!

Кулаки закончили работу, начатую словами. Удары сыпались вслепую на ее обнаженное тело, становясь все тяжелее. Внезапно дыхание Жилия стало прерывистым. Он возбуждался, когда бил ее, она это знала. И тогда он начал кричать:

— Хочешь, чтобы я тебя взял? На все ради этого готова? Ты хорошо сказала, потаскуха ты мерзкая! Ты знаешь, чего я хочу! Сейчас я тебе напомню!

Он перевернул ее на живот и вошел в нее так, как делал это с Патриком. Матильда закричала от боли и унижения. Жиль продолжал двигаться в ней, возбуждаемый криками и попытками молодой женщины вырваться от своего палача.

Получив удовлетворение, он плюнул ей в лицо и сказал:

— Теперь будет либо так, либо никак! И к тому же с Патриком, чтобы получать еще большее удовольствие!

***

Наступила ночь, первая ночь нового, 1953 года. Матильда бродила по улицам Брива. Было очень холодно, но она не мерзла в своем тоненьком модном бежевом плаще. Она только подняла воротник и вцепилась в его уголки пальцами. На черных волосах был берет.

Редкие прохожие видели в ней всего лишь хорошо одетую молодую женщину. Было слишком темно, чтобы кто-то из гуляющих в это позднее время мог разглядеть ее потерянный взгляд, горькую усмешку и струящиеся по щекам слезы. Ее отчаяние слилось с ночью...

Не заподозрили бы они и того, что все ее истерзанное тело болит, но этой боли было не сравниться с бесконечным страданием души.

«Я все потеряла! — думала Матильда. — На этот раз все кончено! Я никогда не осмелюсь вернуться в Обазин. Не хочу, чтобы ко мне прикасалась мама, мои сестры, кто-либо...»

Ее беспрерывно тошнило. Ей хотелось исторгнуть из себя свое тело... Все, что он заразил собой! Она не могла даже произнести его имя...

«Он — чудовище! Ненавижу! Он никогда меня не любил! Это невозможно! То, что он со мной сделал, просто ужасно!»

Неспокойные воды Корреза привлекли ее внимание. Матильда сама не заметила, как ноги привели ее на мост Кардинала. Речка, раздутая декабрьскими дождями, ворчала, словно огромное животное, которое торопливо бежало мимо берегов. Молодая женщина погрузилась в

созерцание серого потока, уносящего с собой белесые ветки деревьев, похожие на чьи-то кости.

— Я больше так не могу! — со стоном выкрикнула она.

Внезапно живот скрутило от боли. Матильда согнулась пополам, ухватившись рукой за край парашюта. Она будто наяву снова пережила ту жуткую сцену... тот кошмар!

Матильда резко повернулась — ей показалось, что чей-то голос прошептал ей на ухо отвратительные угрозы. Но ее окружали только ночь и тишина — вокруг не было ни души.

Только сейчас молодая женщина поняла то, что отказывалась принять с того самого дня, когда застала Жюль с любовником. Вся ее история любви — это иллюзия! Она полюбила порочного мужчину, а он ее не любил. Их страсть была прекрасной, но это была только плотская сторона любви. Жюль позволил ей расцвести, показал неизведанные ранее грани удовольствия. Потребности тела привязали ее к любовнику, возникла иллюзия любви, но на самом деле речь шла только о сексе. Рабыня своего тела, Матильда знала, что не сможет вернуться к «правильной и приличной» жизни. И что ей оставалось делать? Бросить сына и согласиться жить втроем, стать рабыней, исполняющей любой каприз извращенца?

Она была не из тех женщин, которые имеют нескольких мужчин одновременно, и уж точно не из тех, кто будет с кем-то делить любимого мужчину. Она опустилась на самое дно. Матильда не могла даже представить, что ее так унижат... Она чувствовала себя оскверненной тем, что он с ней сделал, но еще противнее было открывать в себе собственную темную сторону. Она унижалась свыше всякой меры... Жить с этим было выше ее сил. Никто не должен узнать об этом, особенно ее семья! Довольно горя она принесла близким, чтобы взвалить на них еще и это! Проснувшееся чувство собственного достоинства придало ей сил, которых ей долгое время недоставало. Она порылась в сумочке и нашла маленький конвертик с не подписанной еще открыткой. Начертала на открытке короткое послание, вложила ее в конверт и крупными буквами написала на нем адрес родителей. Конверт Матильда сунула обратно в свою сумочку и положила ее возле парашюта.

Мимо на низкой скорости проехал автомобиль и свернул на соседнюю улицу. Город, казалось, уснул, утонув во тьме зимней ночи, хотя уличные фонари исправно горели. Матильда подождала немного, желая удостовериться, что других машин поблизости нет. Отчаявшись и полная решимости, она вскочила на парашют и встала над разбушевавшимся

Коррезом, на мгновение закрыла глаза и произнесла последнюю молитву:

«Я больше не могу жить... Мама, прости меня, но я не могу так... Ни один ангел не придет мне на помощь! Я стою не больше, чем проститутки! Я сама ввергла себя в этот ужас, я просила любви у этого чудовища, я унижалась до последнего... Я недостойна вас... Мой маленький Луизон заслуживает лучшей матери! Господи, помоги мне!»

Внезапно она вспомнила себя маленькой девочкой в церкви, в Обазине. Лизон и Поль держали ее за руки и уговаривали вести себя смирно... Ману — так тогда ее все звали — вспомнила, что в тот день на ней было новое платье с кружевным воротничком, и Мари в то утро завила ей волосы. Пьер, их отец, погиб накануне в автомобильной аварии.

— Папа!

Мощные ледяные воды сомкнулись, поглотив этот отчаянный крик. Маленькая девочка, которая так и не сумела стать взрослой, наконец воссоединилась с тем единственным человеком, который мог бы понять ее и простить.

Обазин, 2 января 1953 года

Церковный колокол прозвонил десять раз. Адриан, недовольный тем, что не успел выехать в Брив раньше, терзал галстук, который никак не желал завязываться. Однако кто мог предусмотреть, что рано утром ему придется бежать накладывать гипс на сломанную руку?

Мари положила руки на плечи супругу и заставила его повернуться к себе лицом. Она нежно улыбнулась ему, хотя сердце снедало беспокойство, и, пока колокол отбивал свои удары, завязала галстук красивым узлом.

Вместе они спустились по лестнице, и, прежде чем попрощаться, Мари в последний раз повторила все свои наставления, хотя уже успела утомить ими мужа за завтраком:

— Постарайся ее убедить, умоляю! Ты должен уговорить ее вернуться с тобой! Адриан, а что, если ты не найдешь нашу Ману? Прошу, отыщи ее и привези домой! Нанетт что-то подозревает! Со вчерашнего вечера меня расспрашивает! Я чуть ли не обрадовалась, что у нее разболелась нога, — теперь она не встанет с постели раньше полудня!

Все еще в пижаме и с собранными на затылке в пучок волосами, Камилла сбежала по лестнице. Она собиралась завтракать. Увидев в вестибюле родителей, она подошла их поцеловать и спросила удивленно:

— Куда ты, пап?

— В Брив!

— Почему ты вчера не сказал? Мне нужны новые туфли, и я могла бы

поехать с тобой!

— Я еду не для того, чтобы ходить по магазинам, Камилла! — резко произнес Адриан, лоб которого пересекла морщина озабоченности. — Мне нужно заняться вещами Матильды. Думаю, не стоит это от тебя скрывать: она уходит от Жиля! Вчера ты меня чуть с ума не свела своими расспросами!

Спустилась Мелина с Луизоном на руках.

— Какой он тяжеленький, наш малыш! — воскликнула она.

В этот момент зазвонил телефон.

— Господи, мне сегодня не дадут уехать! — пробормотал Адриан. — Кто-нибудь ответьте, пока я обуваюсь!

Мелина, которой было в удовольствие исполнить подобную просьбу, передала Луизона Камилле и побежала в кабинет.

— Папа Адриан, это тебя! Но я не знаю, кто это...

Рассерженный Адриан направился в свой кабинет, на ходу бормоча проклятия.

— Хм, папа сегодня не в настроении! — прокомментировала Мелина.

— Неудивительно после того, что случилось! — отозвалась Мари. — Матильда уехала без предупреждения, вы ведь уже это знаете? Я обзвонила все отели в Бриве, но она нигде не сняла номер. Ваш отец едет в ее салон. Мне не хочется расстраивать вас этой историей, мои дорогие, но...

Мари в тревоге ломала руки. Этот телефонный звонок был абсолютно некстати. Она, кусая губы, ждала возвращения Адриана. Ее материнское сердце сжималось от дурного предчувствия. Она подумала, что это могла быть Матильда: «Возможно, она звонит сказать, что возвращается в Обазин. Господи, сделай так, чтобы это была она!»

Но Адриан все не возвращался. Явно случилось что-то непредвиденное... Мари больше не могла ждать, а потому торопливым шагом направилась в кабинет. Камилла и Мелина с озадаченным видом переглянулись.

— Мне кажется, Матильда ведет себя скверно! — сказала Камилла. — Так бегать за мужчиной, который не хочет на ней жениться.... У нее что, нет никакой гордости?

Мелина расхохоталась и произнесла насмешливо:

— Кто бы говорил! Ты сама преследуешь Гийома своими письмами! Бедняжка, он получает по одному каждую неделю! Готова поспорить, если он не возьмет тебя замуж, ты уйдешь в монастырь! Погоди-ка, я как раз вспомнила про Мадлен! Для нее нет в жизни большего счастья, чем жить в аббатстве! Она говорит, что это ее родной дом! Еще одна, кто кончит

монашкой... Вам будет нескучно вместе! Я вас так и вижу сидящими над вышивкой и бормочущими молитвы!

Камилла сжала губы, чтобы не отвечать на колкие выпады. Ей не хотелось пугать племянника, который весело лепетал у нее на руках. И все же она сквозь зубы произнесла угрожающим тоном:

— По крайней мере, я выйду замуж девственницей, в отличие от некоторых... Как подумаю, что ты спала с Морисом... Ты — потаскушка и лгунья! Думаешь, я не вижу твоих маневров с папой? Ты притворяешься послушной дочкой, чтобы он позволил тебе поступить в консерваторию! Если бы он знал правду...

— Только расскажи ему про Мориса, и я расскажу, что ты переписываешься с Гийомом, кретинка ты несчастная!

Камилла и Мелина обе переводили дух, чтобы обменяться еще парой «любезностей», как вдруг осознали, что в доме стало странно тихо. Заинтригованные, девушки моментально забыли про ссору и обменялись встревоженными взглядами. Адриан очень торопился уехать до этого телефонного звонка, но надолго задержался в кабинете. Единственная дверь, которая вела на улицу, находилась здесь, в вестибюле. Значит, он должен был пройти мимо них, причем уже несколько минут назад. С другой стороны, если бы родители разговаривали, они бы слышали их голоса. Что же тогда означает эта тишина?

— Пойду посмотрю, что они там делают! — сказала Камилла. — Надеюсь, они нас не слышали!

Мелина побледнела. Больше всего она опасалась, что однажды маска спадет с ее лица. Она постоянно внутренне раздваивалась, скрывая свою демоническую личину за ликом светлого ангела.

Камилла передала Луизона Мелине и неуверенным шагом направилась к кабинету. Еще до того, как постучать, она уже знала: что-то пошло не так в это январское утро... Раздражительность и спешка отца, телефонный разговор, грозивший затянуться до бесконечности... Возникло предчувствие, что произошло нечто серьезное. Ей показалось, что кто-то всхлипывает. Да, кто-то плачет! Это была мать. С ватными ногами и сбившимся от тревоги дыханием, Камилла решилась постучать.

— Входи! — мрачно отозвался отец.

Девушка открыла дверь. Адриан сидел в своем кресле, обхватив голову руками. Мари примостилась на банкетке, использовавшейся при осмотре пациентов. Она дышала тяжело, лицо было мокрым от слез.

— Мамочка! Папа! Что случилось?

Ответ мог быть только один. Камилла его уже угадала, но боялась

услышать. И хотя прежде ей не доводилось с этим сталкиваться, она интуитивно поняла, что в дом вошла смерть. Она ощущала ее невидимое присутствие, ее беспощадную тяжесть, грозившую их раздавить... одного за другим.

— Твоя сестра умерла! — пробормотала Мари. — Наша дорогая крошка Ману... О Боже, Боже...

Мари раскачивалась взад и вперед, бормоча молитву. Адриан наконец поднял голову. Лицо его выглядело безмерно усталым, глаза покраснели от слез, оставивших следы на щеках. Он с трудом заговорил:

— Камилла, это ужасно... Матильду нашли на берегу Корреза. Она умерла от гиперемии в холодной воде. Пока еще не ясно, как это случилось. Мне нужно туда поехать. Твоя мать останется дома, с вами. Позаботьтесь о ней, ты и Мелина. И ни слова Нанетт! Я сам ей расскажу, когда вернусь.

— Хорошо, — произнесла безжизненным голосом Камилла.

Адриан встал с таким трудом, словно страшная новость превратила его в дряхлого старика. Дрожащей рукой он взял свою шляпу и добавил перед тем, как уйти:

— Я уже позвонил Полю. Мы с ним и Лизон встретимся в Бриве. Какой это для них шок! Бедные...

— Папа, а ты сможешь вести машину? — с беспокойством спросила Камилла.

— Мне придется, дорогая! Надо сделать так, чтобы тело Матильды привезли в Обазин. Кому-то нужно уладить формальности. Твоя мать не сможет...

Мари встала — бледная, задыхающаяся. Она почти крикнула:

— Ты заблуждаешься, Адриан! Я все сделаю ради Матильды! Ее похоронят здесь, в Обазине, и погребальная церемония пройдет в нашей церкви! Камилла, выйди! Я хочу поговорить с твоим отцом!

Как только они остались одни, Мари сказала приглушенным голосом:

— Если это самоубийство, никто не должен об этом узнать! Умоляю, сделай все, что можно! Ты — врач, так что у тебя может получиться! Ты меня прекрасно понял! Если об этом станет известно, мою дочь похоронят не на кладбище и не отпоют. И я тогда тоже умру!

Адриан пообещал, что постарается скрыть подробности этого дела, и вышел. Мари долго стояла, прижавшись носом к стеклу. Второй раз за свою жизнь она потеряла ребенка. Первый, Жан-Пьер, прожил всего несколько часов. С тех пор страх потерять еще кого-то жил в ней, жил все эти годы. А теперь Матильда — своевольная, дерзкая, ранимая маленькая Ману, которая обожгла крылья о пламя жизни и не вынесла этой боли.

Мари вдруг возненавидела эту жизнь, забравшую у нее дочь, но все еще теплившуюся в ней самой. Она все бы отдала, чтобы оказаться на месте Ману. Зачем ей теперь жить? Мари хотелось умереть... Но ведь у нее были еще малыш Луизон, Мелина, Камилла, Адриан и Нанетт! Разве могла она их оставить?

«Я должна выдержать этот удар! — сказала она себе. — Я буду оплакивать свою дочь потом, когда ее тело предадут земле. Боюсь, у Нан не выдержит сердце, когда она узнает. Я же не могу оставить Луизона. Бедный малыш, у него больше нет мамы... В записке Матильда просила меня о нем позаботиться. А Камилла? У меня не нашлось даже двух-трех утешительных слов для нее! Господи! Это так мучительно!»

И снова Мари разрыдалась. Еще вчера Матильда была здесь, под крышей этого дома, в своей уютной постели. Читала журналы и пробовала кушанья, которые Камилла и Мелина по очереди приносили ей в комнату. Мари отрицала жестокую реальность. Ей хотелось призывать смерть, кричать, выть, как воют волки в зимнем лесу! Кричать от боли, терзавшей ее материнское сердце! Кричать от отчаяния и чувства вины! Да, она упрекала себя в том, что не спасла дочь, когда это еще было возможно.

«Ману, девочка моя! Почему ты убежала? Если бы только я поднялась к тебе, а не развлекалась с гостями... Я думала, ты поправились, одумалась! Ты же собиралась жить с нами! Господи, как же мне плохо!»

Легкий шорох вырвал ее из пучины горя, в которой она чуть не утонула. Мари обернулась и увидела в дверях Мелину и Камиллу. Обе были в слезах, перепуганные.

— Мамочка, ты кричала... Так громко...

Мари смотрела на них недоуменно, словно не понимала обращенных к ней слов. Кричала? Она сама себя не слышала. Неужели она до такой степени потеряла голову? Внезапно кровь заледенела у нее в жилах: внук! Ведь за ним должны были присмотреть девочки!

— Где Луизон? Вы же не оставили его сидеть на детском стульчике одного? Он — единственное, что осталось у меня от Матильды! Что, если он упадет, разобьет себе голову...

Мари, испуганная, выбежала в коридор. Ворвавшись в кухню, она схватила мальчика и, плача, стала покрывать его поцелуями.

— Мой дорогой, мой маленький! Любовь моя! Бабушка с тобой! Она никогда тебя не оставит!

Камилла бросилась к матери. Она плакала навзрыд.

— Прости, мамочка! Я не должна была его бросать, но я так испугалась за тебя! Прошу, не плачь! Или мы все тут сойдем с ума...

Мелина, которая была очень бледна, тоже прижалась к Мари и обняла ее, бормоча:

— Прости нас за Луизона! Мама Мари, я так тебя люблю! И мне так жалко Матильду!

Так они и стояли какое-то время, обнявшись, а малыш, оказавшийся в кольце трех пар рук, таращил свои огромные удивленные глазенки.

— Что это за крики в доме? — вдруг раздался у них за спиной раскатистый хриловатый голос. — Кто-то из девочек должен был принести мне мой цикорный кофе! Я ждала, ждала...

Опираясь рукой на дверную ручку, Нанетт сердито уставилась на них. Старушка вытянула свою сухонькую шею, ее желтоватые седые волосы были гладко зачесаны назад. Луизон, который никогда не видел Нанетт без чепца, испуганно вскрикнул.

— Глупый он у вас, этот мальчишка! Это твоя бабушка, которую оставили умирать от жажды в постели!

То, чего не должно было произойти, все-таки случилось. Мари вздохнула. Она не сможет... Это слишком!

— Не говори так, Нан! Умоляю!

Нанетт присмотрелась к ней повнимательнее. Обмануть ее было непросто.

— Почему вы все плачете? Прямо как кающиеся Магдалины, право слово! Да еще и в три ручья! Что, немцы снова вернулись? Началась война?

Мари снова вздохнула, быстро вытерла глаза и, взяв старушку под руку, попыталась увести ее в комнату.

— Идем, моя Нан! Я помогу тебе одеться. А потом я подам тебе обед.

— Есть раньше остальных? Я просила мой кофе! Ты же знаешь, я либо ем вместе со всеми, либо вообще не ем! Что еще случилось? Ты видела себя в зеркале? Сама на себя не похожа, словно все несчастья мира на тебя свалились!

Нанетт бодрилась, как обычно. Мари это знала, но она ощущала, как дрожит ее тело от прилагаемых усилий. Адриан беспокоился из-за того, что в последнее время Нанетт сильно похудела.

— Нан, пожалуйста, делай как я прошу! Я заболела, понимаешь, и мне тоже надо пойти прилечь! Девочки принесут тебе твой цикорный кофе и присмотрят сегодня за Луизоном.

Но старушка заупрямилась. Она не позволит себя провести! Болит нога или нет, она не вернется в постель, пока ей не скажут, что случилось в этом доме! Тоном, не допускающим возражений, Нанетт потребовала:

— Посмотри мне в глаза, Мари! Ты вовсе не больна! Ты сама не своя

из-за Матильды! Ну, говори! За все то время, что я живу в этом доме, и даже еще раньше, в «Бори», я всегда знала, когда ты что-то от меня скрываешь!

Взгляд светлых глаз приемной матери пронзил Мари. Решимость ее поколебалась — она была не в состоянии долго сопротивляться этому безмолвному приказу. У нее просто не осталось сил... Опершись рукой о спинку стула, она начала тихо:

— Моя Нан...

— Говори! Наша Ману?.. Боже всемогущий!

Нанетт больше ничего не нужно было спрашивать. Она повернулась и сама доковыляла до своей комнаты, придерживаясь руками за стены. Сгорбившись, она села в свое кресло у окна. Мари последовала за ней и опустилась на колени у ее ног.

— Бедная моя Нан! Матильда нас покинула. Несчастный случай... в Бриве. Адриан поехал туда. Я потеряла мою девочку, Нан! Господи, ну почему она умерла? Я до сих пор не могу поверить... Не могу... И не смогу никогда!

В комнате повисла гнетущая тишина. Мари положила голову Нанетт на колени и утонула в жесточайшем отчаянии. Нанетт что-то невнятно бормотала на патуа, ее тонкие губы дрожали, по морщинистым щекам текли слезы. Пораженная горем в самое сердце, она крестилась и, качая головой, повторяла:

— *Quau malur! Quau malur!*

Глава 29

Жизнь продолжается

Обазин, 5 января 1953 года

Отныне для Мари жизнь четко разделилась на две части: годы до смерти Матильды и жизнь после этой утраты, от которой она так никогда полностью и не оправилась. Ей и раньше доводилось терять близких: первого ребенка — Жан-Пьера, отца — Жана Кюзенака, мужа — Пьера, Жака — мужа Нанетт, Леони — свою единственную подругу... Сколько страданий! Однако течение жизни не оставляло ей времени на сомнения, сможет ли она со всем этим справиться...

На этот раз потеря дочери погрузила Мари в хаос отчаяния и угрызений совести. Матильде исполнилось всего тридцать, и перед ней была еще целая жизнь! Смерть не должна была забирать ее так рано! Мари никак не удавалось смириться с этим новым ударом судьбы. Понимая, что судьбы вершатся не на земле, она все равно терзалась упреками, обвиняя себя в том, что оказалась недостаточно бдительной, чтобы предотвратить драму...

Похороны стали для нее еще одним испытанием. Утром того дня, когда она собиралась доверить своего ребенка Господу, бывшая сирота из «Волчьего Леса» сказала своему супругу:

— Я не была для нее хорошей матерью! Я не смогла ее понять... Это случилось по моей вине! Она, конечно же, чувствовала себя всеми покинутой... Я больше никогда не смогу смеяться. Не смогу веселиться или петь, наслаждаться миром и покоем, ведь моя дочь умерла, лишив себя всех земных радостей! Я — единственная виновница этого, Адриан, и все началось не вчера! Я никогда доверительно с ней не говорила... даже когда она рассталась с Эрве ради Жилия. Я, верная своим принципам, считала, что это ниже моего достоинства... Я не помогла собственной дочери...

Адриан, который любил Матильду, несмотря на то что она была не родной дочерью, тоже очень горевал. Он ответил жене ласково:

— Не суди себя так строго! Ману отказывалась от нашей помощи. Мы с ней были слишком разными, она это чувствовала. Тот, кто мог бы ее понять, давно умер. Твоя дочь была так похожа на своего отца, твоего первого мужа! Если бы он был жив, кто знает, может, она нашла бы другой

выход. Но все это — только предположения. Ты ничего не могла сделать, так получилось. Время утишит боль. У тебя есть дети и внуки. Ради них ты должна справиться с этим горем. Им нужно снова видеть тебя улыбающейся! Однажды ты удивишься, когда услышишь свой собственный смех. Переживать потерю близкого человека очень тяжело, но мы справимся. Умоляю, Мари, не вини себя в смерти Матильды! Я виноват так же, как и ты, ведь и я подумал, что ей стало лучше... В первый день нового года я разрешил ей позвонить Жилю, потому что она попросила об этом, а он воспользовался этим звонком, чтобы уговорить ее приехать к нему в Брив. Вот кто виноват больше, чем мы с тобой! Когда я позвонил в его дверь, чтобы сообщить о смерти Матильды, он всего лишь нахмурился и вздохнул. Словно я побеспокоил его ради пустяка! Потом заявил, что она приходила, но вскоре ушла, не забрав с собой вещи. Она показалась ему нервной, говорила бессвязно. В одном он не соврал: она именно ушла, потому что машина так и осталась стоять перед парикмахерским салоном. Жиль отдал мне чемодан, который Матильда оставила в квартире наверху...

Принять смерть Матильды без объяснений было невозможно. Адриан и Мари пытались понять, что произошло в Бриве, куда с такой поспешностью уехала дочь. Однако у них не было ничего, кроме прощальной записки Матильды, начертанной впопыхах на открытке:

Мама, прости меня! Я больше не могу. Оставляю тебе Луизона. Люби его очень сильно. И никогда не забывай, что я тебя люблю.

Твоя Ману

Эти слова подтвердили предположение Мари: ее дочь покончила жизнь самоубийством! Но что заставило ее пойти на такое?

— Адриан, вспомни, она первого января казалась такой спокойной и радостной за обедом! Наверняка случилось что-то, что толкнуло ее на суицид! Жиль наверняка ее прогнал, а она не смогла этого пережить!

— Может, и так... Теперь мне кажется — задним умом мы все сильны, увы! — что у Матильды была затяжная депрессия. Желание уничтожить себя проснулось в ней еще до того, как она уехала в Брив. Я счел, что сначала ей нужно набраться сил, а уж потом показываться профессору, о котором я рассказывал. Теперь я так злюсь на себя за это, Мари, если бы ты знала!

Исцелятся ли они когда-нибудь от печали, которая переполняла их души в тот день? Доктору Меснье пришлось выполнить деликатное поручение, данное ему женой, — сделать так, чтобы Матильду, даже если версия самоубийства подтвердится, похоронили на кладбище, как

положено, по христианскому обряду.

Поэтому Адриану пришлось навестить отца Бруса, преемника аббата Бурду, и изложить ему факты и свое мнение медика:

— Моя жена не смогла бы скрыть от вас правду о смерти дочери, но она — добрая христианка и отвергает любую ложь. Матильда бросилась в Коррез. Она не могла рассуждать здраво, не могла смириться с реальностью, которая причинила ей страдания. Я — врач и могу вас заверить, что у этой молодой женщины было нервное заболевание с тех пор, как она пережила сильный шок. Она нуждалась в лечении, но мы не успели показать ее специалисту. Ее поступок — не результат здравого размышления, но неконтролируемый импульс, продиктованный отчаянием. Прошу, отче, считайте смерть этой настрадавшейся женщины несчастным случаем.

Адриан не мог знать, что накануне поговорить со священником приходила мать Мари-де-Гонзаг. Она тоже просила за Матильду. Ее слова тронули сердце священнослужителя:

— Разве можем мы добавить страданий матери, и так жестоко испытываемой судьбой? Я утверждаю, отче, что это очень порядочная семья. Доктор Меснье — исключительно добрый и милосердный человек, прекрасный врач, всегда готовый помочь неимущим. Мари и Лизон, ее старшая дочь, — женщины, достойные всяческих похвал, очень набожные...

В Обазине многие сожалели о трагической и безвременной кончине Матильды, оставившей этот мир в тридцатилетнем возрасте. Семья Меснье была уважаема и любима многими, поэтому весь городок разделял их скорбь. С неба грозил просыпаться снег, свистел северный ветер, но гроб молодой женщины был украшен тепличными цветами. Все оплакивающие Матильду не думали о расходах, опустошая запасы цветочников в Тюле и Бриве, хотя время года для этого было неподходящим.

Перед открытым гробом, установленным в одной из просторных комнат дома, прошли, утирая слезы, подруги умершей — Амели, Мари-Эллен и Жаннетт — в сопровождении супругов. Ставни были закрыты, комнату освещали свечи, пахло ладаном.

— Какая она красивая! — повторяли люди. — Какое несчастье!

Нанетт сидела на стуле чуть поодаль, перебирала четки и молилась. Каждый посетитель подходил сказать ей несколько утешительных слов. Она отвечала слабой улыбкой и возвращалась к своим молитвам. Это была волнующая картина — слезы, не переставая, катились по ее щекам, словно из неистощимого источника.

Мать Мари-де-Гонзаг и Мари-Тереза Берже, которые часто помогали прихожанам в организации похорон, помогли в этом и Мари. Поддержка этих милосердных женщин была для нее очень ценна. Они даже пришли, чтобы бдеть у гроба Матильды вместе со своей подругой. Мари сказала им:

— Пока ее тело здесь, я держусь. Какая она красивая! На губах такая спокойная улыбка, а ведь она умерла после падения в воду... Непонятно, правда?

— Божественное милосердие бесконечно, Мари! — ответила мать-настоятельница. — У Матильды душа была мятущейся. Она при жизни не искала утешения в вере, но теперь она, наверное, обрела мир.

— Надеюсь, отец Ману Пьер встретил ее там, на небесах, — прошептала Мари. — Мне так хочется, чтобы они были вместе!

— Молитесь, моя дорогая подруга! — шепнула ей мама Тере. — Это правда, Матильда выглядит такой безмятежной! Знаете ли вы, что Хосе специально приехал, чтобы спеть «*Ave Maria*» в память о вашей дочери?

Мари вздохнула. Все были так добры к ней! Друзья окружили их семейство заботой и вниманием, как только о драме стало известно. В момент глубочайшего горя это имеет особенное значение. Присутствие детей и внуков тоже стало для Мари утешением. Лоре пришлось остаться на ферме, чтобы позаботиться о скотине, но она прислала своей свекрови трогательное письмо.

Камилла и Мелина взяли на себя заботу о Луизоне. Они играли с ним, готовили ему еду, укладывали спать в кровать, и это помогало не думать о том, что в доме покоится тело Матильды. Этот неожиданный траур внушал им страх и озадачивал. Обе сестры одновременно открыли для себя реальность смерти, которая гасит радость и жизнь. Эта трагедия сблизила их, и, хотя ни та ни другая не заговаривала об этом, обеим было стыдно, что они ссорились в тот момент, когда родители узнали страшную новость.

В аббатскую церковь волнами вливались молчаливые прихожане. Бледная, вся в черном, Мари смотрела на установленный перед алтарем гроб. Она знала, что все их друзья собрались здесь.

Жан-Батист Канар с детьми — Жаннетт, Леоном и юным Даниэлем, который учился в семинарии в Тюле, так как хотел стать священником, заняли свои места на скамье недалеко от членов семейства Меснье.

Марк Лажуани приглаживал свои седые усы, а другой рукой держал за руку Амели, которая глубоко сожалела о смерти своей подруги детства. Рядом с ними сидели Дрюлиоли. Глава семейства, мясник, обеспечивал Мари и ее близких мясом во время последней войны.

Неожиданно для всех приехала Лора. Ее короткие волосы покрывал

черный платок. Она бросилась на шею Мари со словами:

— Мамочка, дорогая! Я не могла не быть с вами рядом в такой день! Малышку я оставила с матерью, она передает вам свои соболезнования. Папа пообещал присмотреть за фермой.

Лора горько плакала, розовощекая и рыжеволосая, такая нежная и ласковая... Мари прижала ее к сердцу. Поль, потрясенный до глубины души смертью сестры, растрогался при виде жены. Не в силах больше сдерживаться, он расплакался у нее на плече. Лизон была единственной, кто держался стойко. Она понимала, что кому-то нужно сохранять выдержку, чтобы присматривать за семейством.

Именно она, Лизон, утешала Нанетт, отгородившуюся от всех молчанием. Сжавшись в комок, старушка бесконечно бормотала молитвы на патуа, словно заклинание, которое отгоняло злые силы. Старушка отказывалась от пищи, не вставала и чуть что — сразу сердилась. Первый раз в жизни она была без чепца на людях, он так и остался лежать на комодке.

С присущим ей терпением Лизон заставила ее немного поесть и успела даже уделить немного внимания матери. Она долго расчесывала красивые волосы Мари, в которых все больше становилось седины. Самые взрослые из детей, Жан и Бертий, очень расстроились, ведь в доме было непривычно тихо и грустно. Лизон пыталась, как могла, их утешить, спрашивая себя иногда, откуда у нее берутся на все это силы.

Почти все жители Обазина и окрестных деревушек собрались в церкви. Приехала даже семья Денни, проживавшая на мельнице в Сапинье. Коммерсанты держались ближе к центру, где сидели рабочие карьера и их супруги. Большинство собравшихся не знали Матильду, но уважали доктора Меснье и пришли, чтобы его поддержать. Учителя государственной школы возложили великолепный букет из роз, как и мадам Барре, вторая учительница частной школы.

Во время отпевания Мари стояла, высоко подняв голову. Она пела вместе с сиротами и молилась за душу своей дочери. Если печаль становилась невыносимой, она смотрела на круглые щечки Луизона, сидевшего на коленях у Мелины, и самообладание возвращалось к ней. Она говорила себе: «Матильда доверила мне это невинное дитя! Спасибо, Господи, что его отец даже не вспомнил о нем. Адриан хочет, чтобы мы получили официальное право опеки. Я не успокоюсь, пока мы этого не добьемся. Пока я жива, Жиль не подойдет к Луизону! Я сама воспитаю этого малыша, и он будет счастливым, будет радоваться жизни! Он никогда не будет испытывать недостатка в любви! Слышишь, Ману, я клянусь тебе

в этом! Твой сын станет хорошим человеком, которым ты могла бы гордиться!»

Путь на кладбище стал для всех новым испытанием. Приглушенные рыдания и горестный шепот сопровождали кортеж.

Плачущая Камилла мельком увидела, что поодаль стоит какой-то мужчина, но ведет себя так, словно не хочет, чтобы его заметили. Присмотревшись к нему, она вдруг почувствовала, как быстро забилось ее сердце, — силуэт показался ей знакомым... Она не верила своим глазам! Это был Гийом, высокий и худощавый, в черном габардиновом костюме и серой фетровой шляпе, наполовину скрывавшей его лицо. Никто не обращал на него внимания, и тем более Мари. Она не сводила глаз с гроба дочери, на который все по очереди бросали горсти земли.

Несмотря на боль утраты, Камилла испытала робкую радость. Она, стараясь не привлекать внимания, выбралась из толпы. Когда Гийом увидел ее, он улыбнулся, но выглядел встревоженным.

— Камилла!

— Гийом... Вы приехали! Это так мило...

— В Прессиньяке мне рассказали, что случилось. Не волнуйтесь, клянусь, это была не Элоди. С тех пор, как она получила письмо от вашей матери, в котором та пообещала при случае подать на нее жалобу за анонимные письма, я не общаюсь с Варандо.

— Но как вы узнали, что мама ей писала? — тихо спросила Камилла.

— Фирмен, ее муж, остается клиентом нашего банка. Я не могу запретить ему приезжать в мое отделение в Лиможе. Он упрекнул меня в том, что я их выдал, но это меньше всего меня заботит. Сегодня я хотел выразить вам сочувствие, я понимаю, как это больно...

Камилла внимательно посмотрела на молодого человека. Он все еще носил тонкие усики, его светлые глаза были грустны.

— Камилла, я недавно потерял мать. Это — единственная причина моего молчания после ваших последних писем. У нее было больное сердце. Теперь я остался совсем один. Мои старшие брат и сестра приезжали на похороны, но они оба живут очень далеко отсюда...

В порыве нежности Камилла взяла Гийома за руку. Они оба переживали страшное горе — потерю родного человека...

— Мне очень жаль, что ваша мать умерла... В жизни бывают такие тяжелые моменты! Моей сестре было всего тридцать. Признаться, мы с ней не были очень близки. Пожалуй, она даже пугала меня своей страстностью, порывистостью... Она много лет жила в Бриве. Думаю, она наложила на себя руки, но официально объявлено, что произошел несчастный случай.

Мои родители ни за что не скажут мне правду! Они до сих пор считают меня ребенком! Как бы то ни было, мама старается держать нас, своих младших дочерей, подальше от реальной жизни. Она хочет, чтобы мы жили в утопическом мире, где нет порока, смерти и ненависти... Я устала так жить! Это бессмысленно, понимаете? Гийом, все, что я писала вам в своих письмах, — истинная правда!

Камилла разволновалась, изливая Гийому свою печаль. Внимательный и терпеливый, он слушал, любясь ее милым лицом — щеки девушки порозовели, глаза заблестели... Он заметил маленькую родинку у нее на щеке, которую время от времени скрывала порхающая на ветру прядь. У обоих было тяжело на сердце, но рядом с девушкой он ощущал удивительное спокойствие, даже безмятежность.

— Моя дорогая Камилла, я очень рад, что увидел вас! Это странно, но мне кажется, что мы знакомы всю жизнь. Наверное, все дело в нашей продолжительной переписке...

— Я чувствую то же самое! — шепнула она, краем глаза поглядывая на родителей.

Гийом понял, чего она опасается. Он тоже чувствовал себя не слишком уверенно на кладбище, ведь доктор Меснье или его жена могли его узнать. Он сказал тихо:

— Я не хочу, чтобы из-за меня у вас были неприятности. Но пообещайте мне, Камилла, что в этом году мы еще увидимся!

— Конечно! Это мое самое большое желание! Давайте отойдем в сторону!

Она увлекла его за собой на другую аллею. Оттуда им был виден первый ряд окруживших могилу людей.

— Видите, Гийом, пожилую женщину в черном с чепцом на голове? Это моя бабушка, пусть и не родная, Нанетт! Раньше она жила в «Бори». Красивая молодая женщина в сером костюме — это моя сестра Лизон, она учительница в Прессиньяке. Поля вы знаете...

— Очень мало, — признался Гийом. — Я встречался с ним в банке и на ферме. Он, безусловно, хороший человек, и мне стыдно, что я терзал его с этой ссудой. Послушайте, Камилла, я совершил много ошибок... Однажды я вам все расскажу. И все-таки знайте, я искренне восхищаюсь вашей семьей! Вы такие дружные, такие благородные... Я даже не сержусь на вашего отца за то, что он меня ударил в тот вечер, четырнадцатого июля, в Бриве. Он вас защищал! На его месте я поступил бы так же, это несомненно!

Гийом все еще держал руку девушки в своей руке. Их пальцы

переплелись, словно сами собой, и потом их руки так сильно сжались, что Камилла покраснела от смущения. И она предложила неожиданно даже для себя самой:

— Я подумала... Что, если вы подойдете, чтобы выразить маме свои соболезнования? Ей будет очень приятно...

— Даже не думайте об этом, Камилла! Это совсем неподходящий момент! Ваша мать и так слишком огорчена. Я не хочу ее расстраивать еще больше. А ваш отец, конечно же, разозлится!

— Тогда напишите ей! — предложила она. — Мне бы так хотелось переписываться с вами и встречаться открыто, ни от кого не прячась! Гийом, вы сделаете это? Ради меня!

Он посмотрел на девушку, а она смотрела на него. Она ждала, и надежда светилась в ее прекрасных глазах. Ему вдруг так захотелось обнять ее, успокоить! Да, он сделает все, лишь бы снова с ней встретиться! Осознание этого пришло к нему внезапно. В его исстрадавшемся сердце дружба уступила место более сильному, глубокому, волнующему чувству.

— Обещаю, Камилла! Я еще раз попрошу у вашей матери прощения.

Толпа двинулась к выходу из кладбища. Гийом быстро поднес пальчики Камиллы к губам и нежно их поцеловал.

— Я ухожу. До скорой встречи!

Она стояла и смотрела, как он удаляется широким шагом. Камилле казалось, что она спустилась с небес на землю. Ей вдруг стало очень одиноко. Она вздохнула, из глаз брызнули слезы. Ее сестра умерла, а тот, кого она любила, ушел из-за давних счетов между их родителями...

Лизон, обнаружив младшую сестренку рыдающей, обняла ее за плечи и попыталась утешить:

— Камилла, крошка моя! Это ужасная трагедия! Будь сильной, дорогая! Душа нашей Матильды обрела покой, я в этом уверена!

Камилла молча кивнула, ей было немного стыдно — она не сказала сестре о настоящей причине своих слез. Но ведь она оплакивала и смерть Матильды тоже! Девушка прижалась к Лизон, ища немного ласки, и спросила с беспокойством:

— Как мама?

— Она держится из последних сил. Адриан отведет ее домой. Идем скорее, ей нужно, чтобы мы были рядом, мы поможем ей справиться с этим испытанием! Счастье, что у нас остался Луизон! Этот ангелочек — благословение всем нам...

Обазин, 15 января 1953 года

Решение было принято. Мари переводила взгляд с Мари-Терезы Берже на Адриана и обратно. Она сидела, сложив руки на коленях, пальцы ее нервно сжимались и разжимались.

— Мама Тере, с вашей стороны очень любезно, что вы согласились зайти! Я хочу сообщить вам важную новость, но сначала хочу поблагодарить вас за маленький отпуск, который вы мне дали на время траура. Теперь о главном: я хорошо подумала и решила, что больше не буду работать учительницей в частной школе в аббатстве. Я не могу больше отдавать себя работе, которая отнимает слишком много времени и энергии. Знаю, я еще не достигла пенсионного возраста, но это неважно.

— Ваше решение окончательно, Мари? — мягко спросила мама Тере.

— Да! Мне нужно воспитывать внука. И для меня это — священный долг! Супруг предложил мне нанять для него нянечку, которая станет жить в нашем доме, но меня такой вариант не устраивает. Еще у меня есть Нанетт... Ах, мама Тере, после смерти Матильды она угасает с каждым днем! Скоро мы ее потеряем, я это чувствую... Поймите, у меня нет больше сил.

Мари заплакала. Это случалось с ней каждый раз, когда она вспоминала о дочери или ласкала Луизона. Однако она продолжила, всхлипывая:

— Дорогая мама Тере, простите, что создаю вам трудности... Думаю, мадам Барре вряд ли сможет взять мой класс. Но для меня пришло время посвятить себя семье. Время протекло слишком быстро, и я уделяла так мало внимания важным вещам... Да и моей ранимой Матильде тоже. С самого ее рождения я жаловалась на ее бесконечный плач, на ее капризы... Я слишком часто ее наказывала и ругала, не понимая, что она просто нуждалась во мне, как и мои остальные дети... И я ее потеряла!

Мари хотела было что-то добавить, но не смогла. Жестом извинившись перед мамой Тере, она вышла из комнаты. Адриан, который полностью одобрял решение супруги, сказал:

— Мари наверняка пошла к Нанетт. Как вы понимаете, я присматриваю за своей супругой... Она очень плохо себя чувствует. Мы много говорили о трагедии, и я могу вас заверить, что решение отказаться от должности учительницы — результат здравого размышления.

— Я знаю, что нашей Мари сейчас очень плохо, мсье Меснье. Мы все много молимся, чтобы она обрела душевный покой. Передайте ей, чтобы не беспокоилась о своих ученицах, и хорошенько заботьтесь о ней! Я сама пока заменю ее, и у меня есть на примете человек, который сможет взять ее класс. Молодая женщина, очень способная...

— Огромное спасибо, мадемуазель Берже! Как дела у вашей Мадлен? Она уже должна была поправиться после ангины!

— Мадлен чувствует себя прекрасно, спасибо!

Адриан, проводив гостью, закрыл входную дверь и вздохнул. Он не был уверен в том, что его жена сделала правильный выбор, решив закончить учительскую карьеру. Что до него самого, то он еще даже не думал отходить от дел! Обязанности доктора, всегда хлопотные, помогали ему пережить утрату. Мари долго не могла справиться с горем. Много слез она пролила бессонными ночами, терзаясь все теми же угрызениями совести и задавая себе вопросы, на которые не было ответов. Потом пришел день, когда боль, оставаясь весьма ощутимой, стала выносимой... Возможно, именно Луизону удалось вытащить бабушку из бездны отчаяния. Мари пришлось снова вернуться к жизни — разве ей можно отчаиваться, когда нужно растить маленького внука? Она поклялась Ману, что позаботится о нем.

Мари действительно убежала в комнату Нанетт. Старушка вот уже неделю не вставала с постели. Приемную дочь она встретила жалобным:

— А, это ты, моя курочка! А где наш малыш?

— Он спит, моя Нан! Луизон — спокойный, как ангелочек! Я принесу его тебе, когда он проснется.

— Конечно принеси! Знай, Мари, я не увижу, как это дитя будет расти! И мне очень жаль...

— Нан, дорогая, ты так говоришь, потому что устала, вот и все! Но ты попьешь укрепляющие средства, будешь хорошо кушать и скоро поправишься!

Нанетт отрицательно помотала головой. Мари с испугом отметила, что ее кожа стала прозрачной, «пергаментной», а под ней теперь была заметна синеватая сеточка вен. Она сильно похудела, черты лица заострились.

— Нан, дорогая, побудь с нами хоть немного! Не уходи так рано! Ты должна увидеть, как вырастет твой правнук Луизон! Ты нужна ему! И мне ты тоже нужна! Умоляю, поживи еще!

— Нет, Мари, думаю, мое время пришло! Знаешь, доченька, когда умерла Ману, я второй раз потеряла своего сына! В нашей Матильде я видела своего Пьера, в них много общего... Она так была на него похожа! Даже будучи совсем крошкой! И поэтому я была с ней строга. Уж можешь мне поверить! Моего Пьера мне приходилось колотить, и не раз, чтобы наставить на путь истинный!

Старушка теперь все чаще вспоминала прошлое. Да, когда-то у нее хватало сил догнать мальчишку в коротких штанишках и отшлепать его.

— Я была крепкая, моя курочка, в молодые-то годы! Помнишь, как я месила тесто на хлеб? Там нужна сила, чтобы дать ему побольше воздуха... И сено умела сгребать! Помогала своему Жаку в поле, а вечером варила суп и мыла посуду. И я была счастливой, Мари! Послушай...

Мари вытерла слезы и склонилась к ее изголовью.

— Я слушаю тебя, моя Нан!

— Скажу тебе одно: когда я умру, не убивайся по мне так сильно! Поплачь, моя доченька, без этого нельзя. Но в мои годы уже пора встретиться с добрым Боженькой! Я уже рассыпаюсь на ходу, моя курочка! Там, на небесах, я увижу моего Пьера и Ману! И оттягаю их за уши, уж поверь мне, за то, что они столько горя тебе причинили! Помнишь, я ругала тебя, когда ты собралась замуж за Адриана? Но теперь я не жалею, что так вышло, этот человек — святой! А мой Пьер был удалец только за юбками бегать, выпить лишнего да кричать с вечера до утра. И все-таки он тебя любил, Мари, можешь не сомневаться! И наша Матильда, она тоже крепко тебя любила...

Совсем обессилев, Нанетт умолкла и закрыла глаза. Испугавшись, Мари схватила ее за руку и взмолилась:

— Нанетт! Моя милая Нан!

— Я еще тут, моя курочка! Сил у меня уже нет, но я не уйду, не сказав тебе последнее «прощай»! Ты научила меня хорошим манерам, верно? Моя милая барышня из «Бори», моя крошка... Счастье, что ты досталась мне в дочки. Ну, иди теперь к Луизону! Не хватало еще, чтобы он плакал! А потом, когда у тебя будет минутка, свари мне цикорного кофе.

— Хорошо, Нан, дорогая! Я скоро вернусь!

***

Нанетт угасла через десять дней, получив последнее причастие. Бывшая сирота была рядом со своей приемной матерью до самого конца. Старушка прижимала руку «своей курочки» к сердцу до того самого момента, пока оно не перестало биться и она, наконец, не отправилась в мир иной, где ее дожидался сын, которого она собиралась как следует отчитать! Когда с уст старушки слетел последний выдох, Мари навсегда закрыла ее светлые глаза, которые столько раз сверкали лукавством или гневом...

Семья собралась снова, чтобы пережить еще одни похороны. Сердца, все еще кровоточащие после смерти Матильды, теперь страдали еще и от потери той, которую все так любили. Нанетт была, можно сказать, краеугольным камнем в доме, голосом рассудка и сердца, обличителем и

одновременно сокровищем любви в чистейшем виде! Жизнь без нее утратила свой вкус и свой рельеф. Стул у печки стоял пустым, и только кошечка Мелины Опаль время от времени вспрыгивала на него в поисках той, которая так любила ее гладить и разговаривать с ней на патуа... Отношения между старушкой и детьми Мари от двух браков и дочерью Леони были очень разные, и все же Нанетт для каждого из них была бабушкой, а для Мари — настоящей матерью.

Похоронили Нанетт через три недели после того, как проводили в последний путь Матильду. Такое же множество людей провожало и старушку, ставшую местной достопримечательностью, к месту ее последнего упокоения. Похоронили ее рядом с внучкой.

Мари постепенно подготовила себя к уходу своей Нан, с которой в последние дни подолгу разговаривала, и все же сердце ее обливалось кровавыми слезами. Временами ей казалось, что оно уже никогда не перестанет болеть. Чаще, чем когда-либо, она смотрела на улыбающегося Луизона, играла с ним в детские игры, прислушивалась к первым невнятным словам... Это юное, послушное и такое ласковое существо вернуло ее к жизни.

Через два дня после похорон Нанетт Мари получила письмо из Лиможа. Она удивилась, прочитав имя отправителя: Гийом Герен. Первое, что ей захотелось сделать, — это выбросить письмо, но после некоторых колебаний она вскрыла его и прочла:

Дорогая мадам,

хочу выразить Вам свои искренние соболезнования по случаю двух утрат, которые обрушились на Вас одна за другой. Я тоже потерял мать, за неделю до последнего Рождества, и, уверяю Вас, я понимаю Вашу горе и всем сердцем Вам сочувствую. Я причинил Вам много зла, я это знаю, и снова искренне прошу у Вас за это прощения. Бывают ошибки, о которых мы сожалеем потом всю жизнь. Мои — из их числа.

С глубочайшим уважением,

Гийом Герен

Мари сложила листок и беззвучно заплакала. Как понятны ей были страдания сына Макария! Теперь она знала, насколько тяжел груз осознанных ошибок. Совесть никогда не даст ей забыть, как она виновата перед Матильдой. Мари горько сожалела о том, что относилась так плохо к молодому человеку, у которого хватило духу признать свои ошибки и попросить прощения. Он заслужил сострадание!

Прошлого не изменить, но будущее всегда дает человеку шанс сгладить последствия своих плохих поступков. Самое трудное — это

признать свою вину, честно и объективно. У кого вымаливать прощение за то, что она столько недодала собственной дочери?

К сожалению, Камиллы рядом не оказалось, иначе она услышала бы, как мать прошептала:

— Я прощаю вас, Гийом!

Эти несколько слов пролились бы целебным бальзамом на истерзанное сердце юной влюбленной, наконец давая ей надежду...

Глава 30

От любви к ненависти

Обазин, 25 марта 1953 года

Мари поставила в вазу нарциссы «жонкиль», которые только что срезала в саду. Ярко-желтые цветы придали комнате более радостный вид. Бывшая комната Нанетт обрела, благодаря настойчивости Адриана, свое первоначальное назначение — снова стала гостиной. Доктор Меснье счел, что это поможет супруге справиться с тоской, охватившей ее после смерти приемной матери. Он считал, что сохранять нетронутой комнату покойной нельзя — это только усилит боль, заставит чаще вспоминать о печальном событии...

Мари согласилась. Были куплены новые ковры, переклеены обои. Адриан подарил ей новую мебель. Мелина и Камилла радовались таким переменам.

«Мой дорогой Адриан! Он всегда такой внимательный и деликатный! Купил мне столько красивых вещей просто потому, что, по его словам, «пришла весна и надо ей радоваться!» Это правда, весна в этом году ранняя, но не стоит из-за этого поднимать столько шума! Как он добр ко мне, мой Адриан!»

Супруг не знал, что еще придумать, чтобы порадовать жену. Так было всегда; таким образом он говорил ей «я тебя люблю!». Зная, что Мари сочтет такой подарок слишком щедрым, он сказал, что все это — в честь ее дня рождения.

«Мне уже шестьдесят!» — подумала Мари.

Время летело быстро, даже слишком быстро... отнимая у нее тех, кого она так любила! Мари подняла голову и посмотрела на две фотографии на стене, висевшие как раз над цветами. Одна из них — портрет Матильды, который по ее заказу увеличили в Тюле. Она выбрала снимок, на котором дочь жизнерадостно улыбалась. Обрамленное черными кудряшками лицо излучало полнейшее счастье.

В те дни, когда Мари начинала мучить себя размышлениями о том, была ли ее дочь вообще счастлива, она подходила к портрету, долго смотрела на него и, в конце концов, успокаивалась.

«Тебя сфотографировали в «Бори» летом! Дорогая, как я по тебе

скучаю! Я не хочу, чтобы Луизон забыл тебя, я часто ему про тебя рассказываю... Словно ты с нами, просто уехала куда-то далеко...»

Мари перевела взгляд на другой портрет, на котором была запечатлена Нанетт с маленькой Камиллой на коленях. Вся в черном и со снежно-белым чепцом на голове, пожилая женщина была величава и серьезна.

«Моя добрая Нан! Как жаль, что ты тогда не захотела улыбнуться, твоя улыбка так часто согревала мне сердце! В тот раз ты заупрямилась, твердила, что потеряла уже два зуба... Я ужасно по тебе скучаю! Никто больше не говорит на патуа в этом доме!»

Луч солнца проник в окно и упал на желтые нарциссы. Послышался детский смех, и Мари обернулась. Луизон сидел в своем манеже и протягивал ручки к лучу, пытаясь его схватить. Он что-то бормотал, и в этом бормотании его бабушка уже слышала отдельные слоги, почти слова.

— Мой дорогой мальчик, мой обожаемый ангелочек! После обеда мы с тобой пойдем гулять, посадим тебя в колясочку! Жаль упускать такой солнечный теплый день! Мой милый ленивец, тебе уже пора учиться ходить, ведь тебе год и месяц!

Мари опустила на колени перед Луизоном и разрешила говорить своему сердцу с ребенком, которого ей дала судьба. Она-то думала, что у нее к шестидесяти годам материнские инстинкты притупились, однако для нее было невыразимым счастьем растить это дитя.

Ее день начинался очень рано — мальчика нужно было покормить с ложечки кашкой, потом следовало купание (раз в два дня), потом ритуал причесывания — мания Мари, а потом игры, чтобы внук правильно и быстро развивался. После полуденного приема пищи приходило время сна, потом — прогулка, ужин и, наконец, укладывание в кроватку с ласками, колыбельными и считалочками.

Жизнь втроем — она, Адриан и Луизон — стала для нее новым, уникальным опытом. Никогда раньше чета Меснье не знала такой радости. Адриан женился на Мари, когда она уже была матерью троих детей. Потом, после смерти Жака, к ним переехала Нанетт. Камилла и Мелина приезжали домой на выходные и каникулы. Сама Мари всегда работала, не считаясь со временем, — сначала в приюте, потом на ферме и в Большом доме, учительствовала в Прессиньяке и, наконец, в Обазине. Но теперь она занималась только Луизоном, открывая для себя преимущества жизни домохозяйки.

Адриану были по душе такие перемены. Жена больше времени уделяла ему и дому, а по вечерам, когда малыш засыпал, они удобно устраивались в гостиной и вели долгие и пылкие споры на ту или иную

тему.

Раньше Мари редко выкраивала время на чтение газет, теперь же она получала удовольствие, обсуждая с мужем последние события, о которых рассказывала пресса. Их точки зрения не всегда совпадали, но это только «добавляло перца» дискуссии. Адриан живо интересовался политикой и следил за тем, что происходит в Советском Союзе после кончины Иосифа Сталина, который умер 5 марта 1953 года. Мари с удовольствием читала статьи о последних достижениях в медицине, о развитии социальной сферы и об эмансипации женщин. Теперешний образ жизни дал ей то, о чем она так долго мечтала, — возможность приобщиться к сокровищницам литературы. Она прочла последние произведения Колетт и начала «В поисках потерянного времени» Марселя Пруста. Романы помогали ей забыть о своем горе, она теперь часто мечтала и размышляла.

Луизон был ребенком спокойным и веселым. Он не протестовал, когда бабушка усаживала его в манеж. Несколько кубиков, картонной книжки и деревянного поезда ему было достаточно для счастья. Он складывал свои сокровища друг на друга и звонко смеялся, когда вся эта шаткая горка рассыпалась. Вот и сегодня, видя, что малыш занят своими игрушками, Мари решила забрать маленькую этажерку из комнаты Камиллы. Она хотела поставить ее возле проигрывателя, чтобы складывать на нее пластинки.

«А вместо нее я поставлю ей красивый столик из красного дерева на одной ножке, привезенный из «Бори». Я знаю, что он ей очень нравится. Она часто мне это говорила, но, я уверена, просто постеснялась его попросить. Послезавтра Камилла возвращается домой на пасхальные каникулы. Для нее это будет приятный сюрприз!»

Мари еще раз посмотрела на Луизона. Малыш по-прежнему спокойно играл в манеже. Она поднялась по лестнице — уже не так быстро, как раньше. Теперь она поправилась, а вот после смерти Матильды у нее долго был плохой аппетит. Потом у нее начались жуткие приступы голода. Адриан посоветовал ей есть сколько хочется и что хочется. Мари стала настоящим гурманом и часами пропадала в кухне, готовя изысканные блюда, выпекая всевозможные пирожные и торты.

Вся семья только радовалась этому ее увлечению кулинарией. Родные не только получили возможность пробовать новые вкуснейшие блюда, но и были счастливы тем, что Мари нашла для себя увлекательное занятие. Всем известно: лучший способ противостоять горю — это действовать. Отчаяние перестает казаться таким беспросветным, когда ум и руки заняты. Лизон и Лора стали присылать ей оригинальные рецепты, а обазинский булочник

даже поделился некоторыми секретами приготовления бриошей и другой сладкой выпечки.

Немного запыхавшись, она вошла в комнату Камиллы и стала быстро снимать с полочек этажерки вещи дочери. Она наведет здесь порядок позже, когда уложит малыша спать днем. На полках было множество бумаг, мелкие предметы, без сомнения, забытые здесь на годы. Увидев стопку писем, перевязанную розовой ленточкой, весьма объемистую — их было штук сто, — Мари удивилась. Она взяла ее и с любопытством стала перебирать конверты. Первый, чуть пожелтевший, был отправлен из Лиможа в августе 1951 года. И почерк отправителя был везде одинаковый. Она подумала: «Я не знала, что Камилла с кем-то постоянно переписывается! Однажды она что-то говорила о подруге из Эколь Нормаль, которая живет близ Лиможа. О чем пишут друг другу, ведь они столько времени проводят вместе? Поразительно!»

Сначала Мари владело банальное женское любопытство, но внезапно она ощутила смутное беспокойство. Причиной его были эти письма, однако она не могла понять, что именно ее беспокоит. Почерк на конверте притягивал к себе ее взгляд — плотный, угловатый, с легким наклоном влево... Он был ей как будто знаком. Ощущение дежавю помешало положить связку писем на ковер и продолжить освобождать этажерку. Внезапно Мари вскочила и бросилась в свою спальню.

«Нет, это невозможно! Я должна проверить!»

Мари открыла ящик своего секретера, в котором хранила все письма с соболезнованиями. Она быстро их вынула и нашла искомое послание — то самое, подписанное Гийомом Гереном.

— Я была права! Это тот же почерк... — прошептала она, совершенно потерянная.

Мари не знала, что и думать. Удивление и непонимание заставили ее забыть о сидящем в своем манеже Луизоне. Крик, а за ним плач вернули ее к реальности. Сломая голову она кинулась на первый этаж, все еще сжимая в руке конверт.

— Мамочка идет! — крикнула она. — Бедный малыш, я о тебе совсем забыла!

Мари пришлось подождать, пока Луизон уснет, чтобы получить ответы на мучившие ее вопросы. Адриан, который сделал все возможное и невозможное, чтобы приехать домой пообедать с ней, нашел свою супругу озабоченной и рассеянной. Он решил, что она думает о своих умерших родных, а потому не стал спрашивать.

Когда супруг уехал, Мари, убедившись, что внук крепко спит,

вернулась на второй этаж. Она перенесла этажерку в гостиную и прибрала выложенные из нее вещи, а потом присела на канapé со стопкой писем в руках. Она не знала, что и думать. Камилле, ее серьезной и ласковой дочери, в июне должно было исполниться двадцать. Мари полностью ей доверяла. Но эти письма, перевязанные розовой ленточкой, поставили ее в тупик. Уважая право на личную жизнь своих дочерей, она никогда не позволяла себе читать их переписку, однако теперь она наугад взяла из стопки письмо.

«Только одно! Просто посмотрю, кем оно подписано!»

Мари быстро нашла искомую строчку. Действительно, это были письма Гийома. По воле случая ее взгляд упал именно на то место послания, где мелькнуло слишком хорошо знакомое имя — Элоди. И она стала читать:

[...] я вам уже объяснил, Камилла, каким образом я оказался участником этой отвратительной истории и как я об этом сожалею. Но на прошлой неделе мне пришлось встретиться с мужем Элоди, Фирменом, сам вид которого отныне мне ненавистен. Он снова оскорблял меня, клялся отомстить за мое «предательство», как он выразился. Я все рассказал моей бедной матери, и она умоляла меня попытаться в будущем получить прощение вашей матери. А пока скажу, что счастлив быть вашим другом посредством нашей переписки.

С наилучшими пожеланиями,

Гийом

У Мари было ощущение, что она упала с небес на землю. Тон письма был по-настоящему приятельским, и, судя по всему, молодые люди были настолько близки, что обменивались мнениями по самым разным поводам. Мари снедало любопытство. Забыв о приличиях, она стала читать другие письма. Гийом часто упоминал в них, и в весьма лестных выражениях, всех членов семьи Меснье — Лизон, Бертий и Жана, Лору и Люси, иногда — Нанетт, но чаще других ее, Мари. Выходило, что Камилла подробно рассказывала ему в своих письмах об их жизни...

Она проследила развитие этой дружбы от лета 1951 года до самого последнего письма, датированного вторым марта 1953 года. Из него она узнала о встрече Камиллы и Гийома в Тюле, в общественном парке. Молодой человек с чувством вспоминал о сладости их поцелуев.

В этих письмах Мари нашла много деталей, которые ее очень заинтересовали. По мере прочтения ее все больше охватывал праведный гнев, заставляя, наконец, вернуться в свое нормальное состояние после долгого оплакивания Матильды и Нанетт.

— Адриан был сто раз прав! — воскликнула она, качая головой. — Я действительно слишком наивна! Ну почему я не хотела его слушать, когда он предупреждал меня, что за девочками нужно присматривать? Господи, какая же я глупая!

***

Камилла стояла перед Мари, скрестив руки на груди. Удивленная холодным приемом матери, девушка спросила у нее, что случилось. Мелину услали в кухню присматривать за Луизоном.

Мари направилась в комнату дочери, и та молча пошла следом. Едва за ними закрылась дверь, Мари перешла в атаку:

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Мама, что на тебя нашло?

— Не замечаешь никаких перемен в комнате? Посмотри вот туда! Надеюсь, перестановка тебе нравится!

Девушка посмотрела в указанном направлении... и побледнела.

— Мама, куда делась этажерка, которая стояла там, под окном?

— Наконец-то ты поняла! Мне она понадобилась, и я заменила ее этим красивым столиком. Проблема в том, что мне пришлось выложить все твои вещи перед тем, как отнести ее в гостиную...

— Куда ты положила мои вещи? — воскликнула Камила, начиная сердиться.

— О каких именно вещах ты говоришь? Об этом хламе, что валялся на полках? Или о стопке писем, перевязанной розовой ленточкой?

Камилла покраснела и в одну секунду от гнева перешла к панике. Потом, понимая, что не должна подавать виду, как это ее взволновало, сказала тихо:

— Это мои письма, только мои! Надеюсь, ты их не читала.

— Увы, почерк был тот же, что и на письме с соболезнованиями, которое я получила в январе от Гийома Герена. Я пережила шок, можешь мне поверить! Я сравнила письма, чтобы убедиться... И, как говорится, открылись глаза. Я считала тебя серьезной девушкой, а ты — худшая из притворщиц!

— Мама, не говори так! Надеюсь, ты ничего не сказала папе! И вообще, все это — из-за него...

Камилла, с трудом сдерживая слезы, упала на свою постель и торопливо заговорила:

— Помнишь тот вечер 14 июля в Бриве? Я назначила Гийому встречу на танцах. И папа все испортил, когда ударил его. Думай, что хочешь, мама,

но Гийом — хороший парень, очень порядочный. Мне было так стыдно за грубость отца, что я решила ему написать. И он мне ответил. Вот и все!

— Ты снова врешь, Камилла! — вздохнула Мари. — Если ты назначила ему там свидание, значит, ты и раньше ему писала!

Девушка только отмахнулась.

— Мама, если хочешь знать, я влюблена в Гийома с той самой первой встречи в Прессиньяке, возле булочной родителей Лоры. Очень долго я лишь мечтала о нем. Он был для меня прекрасным принцем... Однажды он приехал в Обазин, помнишь?

— Помню.

— Я была так рада! Я ждала одного: чтобы ты ввела его в дом, чтобы он меня увидел! Но нет! Вы снова разбили мою мечту! Вы с папой запретили говорить о нем, приближаться к нему... И я узнала об анонимных письмах. Сначала мне было очень горько, что он во всем этом замешан. Потом я его простила... как положено любому доброму христианину... Но ты — нет!

Мари топнула, кулаки ее сжались. Она посмотрела на дочь и сказала, чеканя каждое слово:

— И ты рассказываешь о том, как должен поступать добрый христианин? Ты, которая осмелилась рассказать Гийому, что твоя приемная сестра спит с местным парнем! Спасибо, я узнала много интересного о Мелине! Но все это ты должна была рассказать мне, а не постороннему человеку! Тебе, наверное, хотелось, чтобы он еще раз над ней посмеялся, он ведь смеялся, когда Элоди назвала ее байстрючкой! Камилла, ты представляешь себе, как ты меня огорчила? А ведь мне и так совсем невесело... Я скорблю о твоей сестре и о Нанетт и вдруг узнаю, что мои дочери занимаются бог знает чем у меня за спиной, попирая принципы, которые я им внушала! Ты видишься с Гийомом втайне, ты с ним целовалась! А Мелина! Я просто не могу в это поверить! Как может девочка ее возраста...

Внезапно она почувствовала, что у нее не осталось сил сопротивляться реальности. Мари опустилась в кресло у окна.

— У меня теперь надежда только на Луизона! — прошептала она, растерянная, подавленная. — Хотя и он, возможно, будет вести себя плохо, когда вырастет... Вы, наверное, посмеялись от души над моей наивностью?

И она зарыдала, закрыв лицо руками. Камиллу мучила совесть. Она опустилась на колени возле матери.

— Мама, я люблю тебя всем сердцем! Но попытайся меня понять! Вы с папой бываете такими строгими! Вы славные, любящие, но вы столько

всего нам запрещаете! Я знала, что вы запретили бы мне писать Гийому. А признаться, что я люблю его, — значит, спровоцировать жуткий скандал в доме. Я считаю, что вы несправедливы к нему, и все это — из-за тех писем и из-за того, что он — сын Макария Герена, твоего заклятого врага! Ты ненавидишь Гийома, не зная его. Честное слово, глядя на вас, поверишь, что живешь в девятнадцатом веке!

Мари подняла голову и посмотрела в глаза дочери. Она не верила своим ушам. Вместо того чтобы просить прощения, Камилла отстаивала свою точку зрения и даже упрекала ее, свою мать! Мари поторопилась получить ответ на мучивший ее вопрос:

— Дорогая, я не относилась к Гийому плохо, пока он не рассказал мне правду об этих письмах, которые попортили столько крови твоему отцу и мне. Скажи, откуда ты про них узнала?

— У Мелины есть дурная привычка подслушивать под дверь. Это было в тот день, когда Матильда призналась тебе, что ждет ребенка. Ты рассказала ей об анонимных письмах, об Элоди, о Гийоме... А от нас с Мелиной ты снова скрыла правду! Уверяю тебя, мам, это возмутительно и унижительно, когда тебя считают ребенком, в то время как ты уже почти женщина! Одна моя подруга вышла замуж в семнадцать лет, и мне нужно было последовать ее примеру!

Откровения дочери разрывали Мари сердце. Пока она отстаивала невинность дочерей перед супругом, одна из них подслушивала у двери и узнавала о любом событии в семье, стоило ему случиться, а другая мечтала поскорее уйти из дома и жить в любви со своим прекрасным Гийомом! И вдобавок ко всему, Камилла считает, что во всем виновата она, ее мать! Какая ирония судьбы! И все же Мари не могла не признать, что в словах дочери много правды. Адриан говорил то же самое. Возможно, наконец пришло время принять реальность? Дочери уже совсем взрослые...

Камилла слишком долго ждала такой возможности, а потому просто не могла остановиться. Ей нужно было выговориться. Все это время она терзалась тем, что приходится скрывать свои чувства от матери и притворяться. Она сказала тихо:

— Мама, ты знаешь, что Гийом приходил на похороны Матильды? Он хотел поддержать меня. И, думаю, именно в тот день он в меня влюбился. Я это поняла по его письмам. Он любит меня, я это знаю, и я его тоже люблю!

— Я не знала... про похороны... Я читала не все письма. Послушай, Камилла, я признаю, что отказывалась замечать, что ты уже выросла, но тебе следовало рассказать мне о своих чувствах к Гийому. Честно говоря, он показался мне хорошим парнем в тот день, когда мы с ним

разговаривали у канала.

— Но ведь ты никогда не сможешь забыть, что он — сын Макария, правда? И папа тоже! Если бы ты знала, как мне было плохо оттого, что мне приходилось видеться с ним тайком! Скажи, у меня есть шанс общаться с ним, ни от кого не прячась? Мам, скажи! Я хочу, чтобы ты знала: я терпеливо ждала своего совершеннолетия, чтобы выйти за него замуж, с вашего согласия или без!

Сделав это признание, она наконец успокоилась, положила голову на колени матери и дала волю слезам. Открывая матери свое сердце, Камилла сильно рисковала, но теперь она была счастлива, что наконец смогла поговорить с Мари как женщина с женщиной. Возможно, мать сумеет простить ей все эти секреты и обман... Долгое молчание Мари ее насторожило. Девушка взмолилась, ища материнского участия:

— Мамочка, поговори со мной! Скажи, ты хотя бы понимаешь меня? Я никогда не полюблю другого! Я пыталась его забыть, стала интересоваться другими парнями и даже молодыми преподавателями, с которыми сталкивалась в Тюле, но никто не заставил мое сердце биться так, как оно бьется при виде Гийома! Я ничего не могу с этим поделать...

Матильда заметила в Камилле смутное сходство с Матильдой. Те же крепко сжатые губы, чуть приподнятые брови, а в ее глазах читалась отчаянная мольба о помощи — так смотрит ребенок, который боится, что его отвергнут... Нет, на этот раз она не повторит прежних ошибок! Поэтому, сделав над собой невероятное усилие, она поспешила успокоить дочь:

— Моя взрослая девочка, я хочу только твоего счастья! Дай я обниму тебя! Сейчас не время ссориться! Я уже потеряла одну дочь из-за своей слепоты, и больше этого не будет!

Камилла закрыла глаза. Не зная, как выразить свою признательность, она крепко прижалась к матери. Взволнованная Мари между тем вспоминала Матильду, которая умерла от несчастной любви. Нельзя было допустить, чтобы и Камилла так страдала. Главное — это чтобы она была счастлива, чтобы она жила! Мари не могла допустить еще одну драму! И она произнесла слова, которых девушка ждала уже несколько лет:

— Дорогая, давай договоримся, что с этого дня не будем ничего скрывать друг от друга! Если ты любишь Гийома и он тебя любит, значит, нам нужно с ним познакомиться ближе. Я узнаю его получше, а там посмотрим... Возможно, у него и правда много хороших качеств... Я перестану видеть в нем только сына Макария, в чем ты меня упрекнула!

— А папа? Я так боюсь, что он не согласится с тобой! Он ненавидит

Гийома! И никогда его не примет...

— Камилла, доверься мне! Я смогу убедить его! Это будет нелегко, Адриан упрям и не склонен прощать своих обидчиков. Но ведь и он желает тебе счастья! Камилла, я очень на себя злюсь, что заставила тебя так мучиться. Ты права, все мы делаем ошибки, и Гийом не виноват в проступках своего отца. Что до меня, то я повела себя глупо, желая оградить от всего плохого Мелину и тебя! Став старше, я забыла, какими девочки бывают любопытными и изобретательными! И мне так больно осознавать, что Мелина ведет себя столь безнравственно, хотя я дала ей семью, материнскую любовь и полностью ей доверяла...

Мари вынула из кармашка платок и вытерла глаза. Камилла поняла, какая буря грозит обрушиться на голову приемной сестры. Если Мелина и оказалась в затруднительном положении, то только по ее, Камиллы, вине! Мать никогда бы ничего не узнала, если бы она не написала об этом Гийому. Нужно было как-то выручить Мелину.

— Мама, не расстраивайся так из-за Мелины! Я рассказывала все эти гадости Гийому, чтобы он ее презирал! Я знаю, это мерзко! Но ведь она нравится всем парням! Поэтому я все время боялась, что он в нее влюбится, и наконец нашла способ отвратить его от нее... на случай, если они еще увидятся. Уверяю тебя, мамочка, я все придумала! Я люблю Мелину, но на ее фоне чувствую себя незаметной. Я так поступила из ревности, но сразу же об этом пожалела!

Мари испытала огромное облегчение, и на ее губах заиграла прежняя ласковая улыбка.

— Ты говоришь правду, Камилла? Мелина не... не сделала большой глупости? Поклянись, что сказала правду!

Девушка выдержала взгляд матери, в котором еще светился страх, и соврала, пообещав себе самой, что это будет в самый последний раз:

— Да, мам, клянусь! Ты знаешь Мелину, она мечтает только об одном — стать кинозвездой! И не рассказывай ей, что я о ней насочиняла, иначе мы разругаемся! И уж точно не рассказывай папе, прошу!

— Я желаю только мира в семье, Камилла, и вашего счастья. Я ничего не расскажу, обещаю. Но и ты, чтобы восстановить справедливость, должна рассказать правду о Мелине Гийому. Не нужно, чтобы он плохо думал о ней теперь, когда он почти вошел в нашу семью!

Мать и дочь еще долго разговаривали. Только сейчас Мари поняла, насколько они с Камиллой отделились друг от друга за последние годы. И то, что она случайно нашла эти письма, возможно, предотвратило новую трагедию! Наконец она погладила дочь по щеке и сказала со вздохом:

— Я очень рада, что между нами теперь нет секретов, дорогая! Иди скорее к Мелине! Она, наверное, уже вся извелась от любопытства!

Они спустились по лестнице, держась за руки. В это самое мгновение домой вернулся Адриан. Он радостно с ними поздоровался. На щеках жены он увидел едва заметные следы слез, но ее ласковая улыбка тотчас же его успокоила. Похоже, Мари забыла о том, что угнетало ее за обедом.

Оставаясь с Луизоном все время, что понадобилось матери и дочери для «наведения мостов», Мелина блестяще играла роль молодой мамочки. Она рассказала ему историю «Козочки господина Сегуэна», показывая красивые картинки из детской книжки. Внимательный и послушный мальчик, переворачивая странички, внимал увлекательному рассказу. Но время шло, и девушка приготовила малышу, который успел проголодаться, суп с вермишелью. Она как раз надевала на Луизона слюнявчик, когда остальные члены семьи вошли в кухню.

Как всегда любопытная, Мелина повернулась к Мари и сказала, хитро прищурившись:

— О чем вы там так долго разговаривали вдвоем, признавайтесь?

— Так, о пустяках, — ответила ей приемная мать и поцеловала в щеку. — Хочу сообщить тебе хорошую новость: скоро твоя сестра нам кое-кого представит. Насколько я знаю, с Адрианом она еще об этом не говорила. Речь пока не идет об обручении. Да и сам Гийом еще не заговаривал о браке. Как сказала бы Нанетт, «поживем — увидим!»

Июль 1953 года

Камилле не сиделось на месте. Она еще раз обошла дом, от сада до чердака. Ожидание только усиливало нервозность, и волнение ее достигло предела — в эту ночь она не сомкнула глаз.

Поистине чудесное событие было причиной ее волнения. Родители пригласили Гийома на обед!

Камилла, будучи прекрасной хозяйкой, проследила, чтобы все было безукоризненно. Плитка на полу и паркет сверкали чистотой, букеты цветов оживляли все комнаты, включая кухню, где она почистила все кастрюли и печку.

Адриан встретил ее по пути в гостиную и не удержался, чтобы не подшутить над дочерью:

— Скажи, а твой возлюбленный Гийом не захочет посмотреть наш погреб? Насколько мне известно, ты там не подметала!

— Папочка, не издевайся надо мной! Я хочу, чтобы везде было безукоризненно чисто. Ну, все может быть... Вдруг Гийом предложит мне

помочь убрать со стола или еще что-нибудь случится... Пойми, если он войдет в кухню...

Адриан поморщился. Ему совсем не нравилась перспектива помолвки Камиллы с этим молодым человеком. Помимо всего прочего, у них была серьезная разница в возрасте — семь лет! Он до сих пор относился к этому Герену с подозрением. Ни добрые слова Мари, ни волнующие признания дочери не развеяли его сомнений.

Камилла сняла фартук и догнала отца.

— Папа, будь с ним полюбезнее! И прошу, пожалуйста, не ставь его в неловкое положение неприятными вопросами! Мама считает, что не нужно говорить с ним о Макарии, Элоди и Поле!

— Прекрасно! Хорошо, хоть вы не запрещаете говорить о погоде, политике и спорте! Я лично настаиваю на том, чтобы твой будущий жених изложил мне свою точку зрения на брак. Надеюсь, он выдержит вступительный экзамен в нашу семью!

Девушка передернула плечами и удалилась танцующей походкой. Ей было горько думать, что отец относится к Гийому предвзято. К счастью, теперь ее во всем поддерживала мать! Камилла в сотый раз посмотрела на наручные часы и воскликнула взволнованно:

— Уже одиннадцать! Мне пора одеваться!

Перед дверью своей комнаты она столкнулась с Мелиной. При виде приемной сестры вся ее радость померкла. Мелина оставалась единственной серьезной угрозой ее столь долгожданному счастью и исполнению мечты. Глядя на Мелину, Камилла чувствовала, что ее уверенность тает, как снег на солнце. Она вдруг засомневалась в собственной привлекательности...

Камилла в отчаянии сказала:

— Ты собираешься обедать в этом наряде? Ты видела свое декольте? Мелина, прошу тебя, надень другую блузку! Ты нарочно это делаешь, честное слово!

Девушка только пожала плечами. Она очень тщательно выбрала туалет и не собиралась переодеваться. На ней была широкая, присобранная у талии юбка под пояс, в которой ее тоненький торс напоминал цветок в вазе; вырез на хлопчатобумажной черной блузке открывал верхнюю часть ее груди, подчеркивая дерзкие округлости. По плечам рассыпались великолепные черные волосы... Мелина знала, что красива, и рассчитывала доказать это их сегодняшнему гостю. С годами ее желание соблазнять только усилилось. Каждый раз, встречая нового парня, она словно бросала ему вызов...

— И как сильно ты накрасила губы! — продолжала Камилла. — Зачем тебе помада, у тебя губы от природы яркие!

— Какая ты зануда! — насмешливо бросила Мелина, притворно вздыхая. — В кои-то веки к нам в дом придет привлекательный молодой человек, а мне запрещают его очаровывать! Уж не боишься ли ты, что он выберет меня? Но ведь твой дорогой Гийом тебя любит!

Камилла испугалась не на шутку.

— Мелина, ну пожалуйста, надень хотя бы другую блузку! — взмолилась она. — Когда папа тебя увидит, он скажет то же самое!

— А вот и нет! Папа Адриан уже меня видел пять минут назад! Он сказал, что выгляжу великолепно и похожа на Джину Лоллобриджиду в ее последнем фильме, ну, ты слышала о нем, называется «Хлеб, любовь и фантазия». Поэтому я переодеваться не собираюсь! И на этом точка! Кто мешают тебе одеться так же, Камилла?

Их взгляды встретились. Одна готова была расплакаться, другая смотрела вызывающе и гордо. У Камиллы гнев возобладал над отчаянием, и она бросила приемной сестре в лицо:

— Знаешь, Мелина, мне хотелось бы, чтобы мама и папа сейчас оказались здесь и все слышали! Тогда бы они увидели тебя такой, какая ты есть на самом деле, а ты самая настоящая бесстыдница и дрянь!

Слова попали в цель: Мелина подняла руку, чтобы дать сестре пощечину, но та успела скрыться в своей комнате.

— Ты мне за это заплатишь! — бросила Мелина.

А Камилла уже кусала губы, сожалея, что оскорбила Мелину. Но страх потерять Гийома мешал ей мыслить здраво. Вместо того чтобы превращать приемную сестру в своего врага, ей нужно было бы заручиться ее поддержкой... Она села перед зеркалом и стала причесываться. В душе клокотала глухая ярость.

— Ненавижу ее! — пробормотала она. — Ведь я соврала маме, чтобы ее защитить, а она продолжает спать с Морисом! Однажды она поймет, что беременна, эта мерзкая комедиантка!

Нервное возбуждение мешало Камилле сосредоточиться. Она несколько раз собирала волосы в пучок и снова их распускала, недовольная результатом; перемерила три платья и не смогла выбрать, что надеть... Внезапно она услышала, что к дому подъехал автомобиль.

«О нет! Это, конечно, Гийом, а я еще не готова!»

С распущенными волосами, в розовом атласном пеньюаре, она выглянула из окна. Молодой человек заметил ее и радостно помахал рукой.

— Вы замечательно выглядите! — крикнул он.

Покраснев, Камилла отскочила от окна. Не терзаясь больше сомнениями, она собрала волосы в конский хвост, наложила немного румян на горящие щеки и надела голубое шелковое платье. Закрывая дверь своей комнаты несколько минут спустя, она сказала себе: «Он меня любит! А если так, чего мне бояться?»

Для Гийома это тоже было крещение огнем. Он ужасно нервничал. Этот обед в доме доктора Меснье обещал стать для него испытанием, требующим сверхчеловеческого напряжения, но ни за что на свете он бы от него не отказался! Любовь Камиллы многое изменила в его жизни. Он узнал безграничное счастье, и будущее представлялось ему теперь светлым и радостным. История их любви была самым прекрасным, что с ним случилось за всю его жизнь.

Он собрался с силами и постучал в дверь, надеясь, что Камилла спустится, чтобы ему открыть. Входная дверь открылась, и он с удивлением увидел Мари, которую узнал не сразу. Она короче остригла волосы, виски ее посеребрила седина, силуэт слегка отяжелел. Но эти ясные золотисто-карие глаза не узнать было невозможно! Когда-то они смотрели на него сначала с сочувствием, потом — с гневом... Дрожа от волнения, он пожал протянутую руку.

— Здравствуйте, Гийом! Входите скорее! О, какие чудесные цветы!

Молодой человек протянул ей букет из желтых роз и лилий и пробормотал:

— Я срезал их в своем саду сегодня рано утром...

Эти слова согрели сердце Мари. Она была очарована этим деликатным знаком внимания, полученным от банкира в строгом костюме и при галстуке. Поблагодарив его очаровательной улыбкой, Мари сказала:

— Я вас понимаю! Цветы, которые мы срываем сами, всегда самые красивые! Подарите их Камилле!

— О нет! Они для вас, мадам!

— Ну что ж, вы поступаете правильно, угождая своей будущей теще!

Увидев озадаченную улыбку на лице гостя, Мари засмеялась и проводила его в гостиную, где их ожидал Адриан. Мужчины не успели даже поздороваться, когда в комнату вбежала запыхавшаяся Камилла.

— Здравствуйте, Гийом! Это — мой папа, хотя вы уже знакомы, не так ли?

Адриан встал с кресла и, крепко пожав гостю руку, похлопал его по плечу:

— На этот раз, молодой человек, вас не станут сначала бить, а потом выяснять, что к чему! Это я вам обещаю.

После такого приветствия атмосфера в гостиной стала менее напряженной. Мари поставила букет на буфет в столовой. Потом она занялась аперитивом, дала Луизону печенье. Мальчик, которому скоро должен был исполниться год и шесть месяцев, бегал вокруг стола. Стоило Гийому предпринять попытку заговорить с ним, погладить по щечке, как он пугался и бежал к бабушке.

— Почему Мелина до сих пор не спустилась? — внезапно спросил Адриан. — Она до сих пор прихорашивается, это точно! Настоящий дьявол в юбке!

Это сравнение заставило Гийома улыбнуться, а сердце Камиллы — похолодеть. Она сердилась на отца за то, что он слишком снисходительно относится к своей приемной дочери. Сочтя нужным предупредить будущего зятя о том, что его ждет, Мари сказала, обращаясь к Гийому:

— Наша Мелина мечтает только о кино! Она вырезает из журналов фотографии Даниэль Даррье, Мишлин Пресль и Мартины Кароль. Но на сегодня главный ее кумир — итальянская актриса Джина Лоллобриджида, эта красивая брюнетка с задорным носиком. Вы ее наверняка видели на афишах фильма «Фанфан-Тюльпан» вместе с Жераром Филипом!

— Сегодня утром я как раз сказал Мелине, что они с этой актрисой чем-то похожи! — добавил Адриан.

Гийом вежливо ответил, что недавно видел этот фильм в Лиможе, но плохо помнит сюжет. Как только разговор зашел о Мелине, он понял, что Камилле это неприятно. Губы девушки задрожали, глаза погрузнели...

А Камилле, между тем, хотелось плакать. И на этот раз Мелине удалось ее затмить! Ей так хотелось, чтобы родители чаще интересовались не Мелиной, а ею, ее успехами в учебе, ее будущим замужеством...

В этот момент Адриан провозгласил:

— А вот и наша подающая надежды звездочка!

Мелина все правильно рассчитала: ее появление не должно было остаться незамеченным, а потому она решила чуть задержаться. Она вошла в гостиную отработанной походкой соблазнительницы, покачивая бедрами и высоко держа голову, чтобы выгодно подчеркнуть свою грациозную шею. Блузку она не передела, наоборот — она умудрилась сделать так, чтобы декольте стало еще более дерзким. Девушка, которую Гийом увидел на танцах в Бриве, за эти два года сильно изменилась. Он не мог не оценить ее оригинальной красоты и огненного темперамента, который угадывался в ее движениях и ослепительной улыбке. Он протянул ей руку, но она расцеловала его в обе щеки, коснувшись волосами его подбородка.

Столь вызывающее поведение Мелины огорчило Камиллу еще больше.

Она подумала даже, что сделает так, чтобы младшая сестра непременно за это поплатилась. Именно в этот миг она и вспомнила, что пообещала матери помочь подать обед. Теперь она об этом горько пожалела, поскольку ее отсутствие в комнате давало сопернице полную свободу действий. Гийом непременно попадет в коготки Мелины!

Мари наконец сообразила, что пора обратить внимание молодого человека на достоинства Камиллы, но этим только ухудшила ситуацию:

— Хочу, чтобы вы знали, Гийом, Камилла приготовила все сама! Торт — настоящее произведение искусства: бисквит с клубникой и взбитыми сливками!

— Мама, это же сюрприз! — взмолилась девушка.

— Не расстраивайтесь! — поторопился сказать Гийом. — Так даже лучше, я буду с бóльшим нетерпением ждать десерта! Какая вы эмоциональная, Камилла!

Мелина не могла упустить возможность отплатить сестре за утренние оскорбления. Устремив взгляд своих синих глаз на гостя, она выплеснула яд:

— У нашей Камиллы два приоритета в жизни: уборка и кухня! Жаль, но у бедняжки нет артистической жилки... Вот увидите, она станет прекрасной домохозяйкой, возле которой супругу останется только умереть со скуки! Остальное ей неинтересно, хотя для девушки ее возраста это просто невероятно! Представьте, она даже не знает, что ученые открыли ДНК! Хотя она могла бы это узнать, как и я, прочитав журнал «Nature», который выписывает папа Адриан! Похоже, это событие взволновало ученых!

Доктор Меснье круглыми от удивления глазами смотрел на приемную дочь.

— Что ж, Мелина, тебе снова удалось меня удивить! — воскликнул он. — Я не знал, что ты читаешь такие журналы!

Гийом опустил голову, чтобы спрятать улыбку. Он не вчера родился, а потому прекрасно понимал игру, которую вела юная брюнетка. Невероятная наглость этой девчонки забавляла его. Камилла неправильно поняла эту улыбку, она обиделась, сочла себя почти преданной.

Однако на этот раз нахалке не повезло: Мари, которой эта выходка Мелины очень не понравилась, решила вмешаться в разговор прежде, чем Камилла расплачется:

— Перестань подтрунивать над сестрой, Мелина! Оставь Камиллу в покое! Тому, кто чудом сдает экзамен бакалавра с годичным опозданием, имеет жалкие тройки в течение года и не читает ничего, кроме журналов о

кино, лучше бы попридержать язык! Хотя бы постыдилась петь нам тут про ДНК, ведь я сама тебе рассказала про эту статью сегодня утром! Зачем ты вообще об этом заговорила? Если не хочешь испортить нам обед, лучше выйди из комнаты! Кстати, не пора ли нам сесть за стол?

Девушка скорчила недовольную гримаску, но вслед за остальными заняла свое место за столом. Выговор в адрес Мелины прервал разговор, поэтому следующие несколько минут все смущенно молчали. Адриану пришла в голову спасительная идея поговорить о «Бори» и о Поле, хозяйство которого процветало. Гийом с радостью поддержал беседу, и вскоре они с увлечением обсуждали новинки в сельскохозяйственной технике, породы крупного рогатого скота, сложности жизни фермеров. Казалось, доктор Меснье забыл о своем предубеждении по отношению к молодому банкиру. Гийом показался ему начитанным и приятным собеседником, поэтому он затронул тему, которая его особенно увлекала, — о спортивных достижениях сэра Эдмунда Хиллари и его проводника Тенсинга Нургея.

— Только представьте, Гийом, они первыми поднялись на вершину Эвереста, самой высокой горы на планете! Это поразительно! Какую радость они испытали, поднявшись на высоту 8848 метров, на самую «крышу мира»! Если бы я был так молод, как вы сейчас, я бы мечтал пережить нечто подобное!

Гийом был растроган, обнаружив такой энтузиазм у человека далеко не юного. Он сказал на это следующее:

— Это правда, они наверняка были очень счастливы! Мы с Камиллой мечтаем о путешествиях. Вот увидите, вы будете часто получать открытки из разных стран!

Мари посмотрела на него с удивлением и испугом. И сказала полшутя, полусерьезно:

— Только не увозите мою дочь слишком далеко! Я, к примеру, не бывала нигде, кроме юго-запада Франции, и довольна жизнью!

Когда был подан десерт, Гийом последовал за Камиллой в кухню под предлогом, что ей нужно помочь отнести тяжелое блюдо. Поставив его на стол, он сказал тихо:

— Камилла, дорогая, я знаю, что вы обиделись на меня за ту улыбку! Но вы неправильно ее истолковали, уверяю вас! Злая выходка вашей сестры удивила меня... Просто я не привык к девичьим войнам! Как вы знаете, я жил один, с матерью. Я редко бываю вне дома. Меня удивило то, что ваш отец не рассердился, а улыбнулся я потому, что разгадал хитрость Мелины. Вы меня не так поняли.

Камилла долго смотрела ему в глаза, но не прочла в них ничего, кроме нежности и искренности. Гийом, обеспокоенный ее молчанием, продолжил:

— Я равнодушен к красоте Мелины, дорогая! Для меня вы — идеальная женщина! И другой мне не нужно. Ваша сестра не в моем вкусе. Это бабочка с яркими крыльями. Она, конечно, притягивает взгляд, ее легко поймать, но что потом с ней делать?

Взволнованная этим признанием, Камила смягчилась и прошептала:

— Я вам верю! Но будьте осторожны с Мелиной! Она живет только ради того, чтобы соблазнить!

— Со мной у нее нет шансов!

Они поцеловались и, сияющие от счастья, вернулись в столовую.

Вечером, когда Гийом уехал, Адриан позвал дочь в свой кабинет для личной беседы.

— Камила, твой возлюбленный сдал вступительный экзамен! Если забыть о том, что он — сын подлеца, а я боюсь плохой наследственности, должен признать, что он — симпатичный, образованный, вежливый и к тому же имеет приличное состояние. Он любит тебя, это очевидно. Мне жаль тебя огорчать, но я хотел бы, чтобы ты еще подождала, прежде чем принять такое серьезное решение, как выбор супруга. Тебе недавно исполнилось двадцать, и мне кажется разумным, если бы вы какое-то время встречались, чтобы получше узнать друг друга. В таком случае твое решение будет обдуманное, а значит, действительно правильным. Я же не дам тебе моего благословения раньше июня 1954 года, когда ты станешь совершеннолетней.

— Пап, но ведь обручиться мы сможем, скажи?

Адриан пожал плечами и посмотрел на календарь.

— Если тебя это порадует... Скажем, в конце сентября, в последние теплые дни... Мы устроим праздничный обед и отметим заодно твой выход на работу!

Камилла опустила голову, не желая, чтобы отец увидел, как она разочарована. Она кусала губы, чтобы сдержаться и не начать упрашивать его, заранее зная, что это не возымеет эффекта. Уже было чудом то, что родители согласились принимать Гийома в своем доме! Кроме того, ей было дано разрешение прогуливаться с возлюбленным вдоль Канала Монахов до самых монастырских руин.

Переубедить Адриана было невозможно. Без сомнения, у него были какие-то соображения на этот счет. А вот мама была полностью на ее стороне. Камила немного успокоилась, когда осознала, что скоро, очень

скоро ее мечта станет реальностью... при условии что она согласится подождать еще немного. Выходя из кабинета отца, она улыбалась, вспоминая день, проведенный в обществе возлюбленного.

«Мама приняла Гийома, я это прочла по ее глазам! У нее столько нерастроченной любви! И я знаю, что она будет относиться к нему так же хорошо, как к Мелине и к Луизону, как к своим родным детям! Господи, как я счастлива! Источник в Волчьем лесу исполнил мое желание!»

Начиная с этого воскресенья, Гийом был допущен в семейный круг Меснье. Камилла письмом сообщила радостную новость Лизон и Полю. Сводный брат ответил ей, по своему обыкновению, шутливо:

Дорогая сестричка!

Я очень тебе признателен за то, что ты выбрала себе в мужа банкира. Мне нужен трактор, причем я рассчитываю получить McCormick, предпочтительно красного цвета!

Твой брат Поль

Чтобы смягчить шутку, Поль добавил постскрипту:

Я от души желаю тебе счастья! Что ты думаешь о том, чтобы устроить свадьбу в Прессиньяке?

Это письмо рассмешило Адриана, но Мари возмутилась:

— По-моему, это слишком! С такими серьезными вещами, как брак, не шутят!

Камилла улыбалась. Она полагала, что, став родственниками, Гийом и Поль сумеют найти общий язык относительно инвестиций в ферму «Бори». У нее была иная забота, и ее имя было — Мелина.

Размолвка между сестрами переросла в настоящую открытую войну, призом в которой был Гийом. Камилле не нравилось, как ведет себя Мелина в его присутствии, и она решила расставить все точки над «i». Вечером, когда заходящее солнце окрасило в красный цвет близлежащие холмы, она вошла без стука в комнату младшей сестры, которая слушала радио.

— Мелина, выключи радио, я хочу с тобой поговорить!

— А я не хочу!

— Это серьезно! Каждый раз, когда мой жених приезжает к нам, ты вьешься вокруг него, как пчела над горшком с медом! Принимаешь соблазнительные позы, показываешь груди и ноги, как только представится малейшая возможность. А сегодня даже предложила ему сыграть в карты, хотя ты их ненавидишь! Скоро ты попросишь отвезти тебя в кинотеатр, в Тюль, и только ради того, чтобы остаться с ним наедине!

Мелина изобразила невинность, уязвленную несправедливыми

обвинениями. Наконец она ответила, жеманно растягивая слова:

— Бедная моя сестричка, ты все придумываешь! Мы были с ним в кино один-единственный раз, в Бриве, и то ты была с нами! У тебя короткая память!

— Не называй меня сестрой! — заявила Камилла. — Когда мама тебя удочерила, я надеялась, что у меня появилась милая младшая сестричка, но быстро поняла, что ты — злюка! И у тебя всегда получается перетянуть родителей на свою сторону! Меня от этого тошнит!

Чем больше горячилась Камилла, тем веселее становилось Мелине. Глаза ее заблестели от удовольствия, когда в голосе соперницы зазвучали гнев и тревога. Она встала, подошла к подаренному Адрианом зеркалу и стала рассматривать свое отражение. Налюбовавшись своей стройной фигуркой в полотняных брючках и блузке, она сказала со вздохом:

— Честно сказать, Гийом мне нравится! Он — славный парень и богатый к тому же! У него такая милая ямочка на подбородке, когда он улыбается. И усики у него привлекательные! И вообще, вы еще не помолвлены, насколько мне известно! Значит, у меня есть право попытаться счастья! Тем более что я тебе не сестра!

В Камилле клокотал гнев. Она могла бы накинуться на Мелину с кулаками, но что это даст? Нужно было найти другой способ заставить эту змею отказаться от задуманного. Она предприняла попытку победить Мелину ее же оружием и сказала спокойно:

— Ты напрасно тратишь силы на Гийома! Лучше оставь его в покое! Он сказал мне, что ему не нравятся такие девушки, как ты. Я рассказала ему, что ты уже спала с парнем. Он был шокирован, уверяю тебя!

— Если так, чего тебе опасаться? Ты же должна благодарить меня! Я действительно считаю, что оказываю тебе огромную услугу. Благодаря мне ты узнаешь, насколько он тебе верен! До сих пор твой возлюбленный не поддался на мои провокации. Разве ты этим недовольна?

— Маленькая дрянь! — выдохнула Камилла. — Если бы только ты исчезла из моей жизни! Да, катилась бы ты ко всем чертям! Ты — потаскуха, такая же, как и твоя мать!

Эти слова прозвучали, как смертельный выстрел. Мелина застыла, побледнев как полотно. Камилле показалось, что она словами всадила ей в сердце нож, и даже опасалась, что еще секунда — и приемная сестра упадет на ковер, истекая кровью. Ей стало очень стыдно. Ну как она могла сказать такое? Терзавшая Камиллу ревность превратила ее в жестокое и подлое существо!

— Прости! Я не хотела так говорить... Мелина, прости меня!

Но та стояла неподвижно, глаза ее затуманились. Наконец она очнулась и сказала хриплым голосом:

— Уходи, Камилла, или я...

Мелина схватила с каминной полочки бронзовую статуэтку и замахнулась. С испуганным визгом Камилла убежала.

После смерти Матильды Мари в течение многих месяцев создавала вокруг Луизона, своего «маленького солнечного лучика», атмосферу счастья и благополучия. Этот ребенок, такой спокойный и ласковый, увлек ее в свой мир игр, волшебных сказок, беззаботного смеха... Она полностью отдалась роли бабушки и обращала куда меньше внимания на остальных членов семьи.

Поэтому прошло три дня, прежде чем она заметила, что сестры не разговаривают друг с другом и стараются пореже встречаться. Раньше они любили вечерами, когда жители Обазина наслаждаются прохладой, прогуливаться вместе, теперь же девушки проводили вечернее время порознь. Мари решила прояснить этот вопрос, когда они с Камиллой утром оказались в кухне вдвоем.

— Вы с Мелиной поссорились? Жаль! Гийом завтра приедет на обед, и вы могли бы втроем поехать искупаться на озеро Триузон, в Невик... Это недалеко...

Камилла пожала плечами и пробормотала:

— Мне совсем не хочется купаться! Мама, больше всего я хочу поскорее выйти замуж и жить в Лиможе с Гийомом! Но мне придется ждать еще целый год! Папа неправ...

Озадаченная тем, что дочь так расстроена, Мари внимательно присмотрелась к ней и заметила покрасневшие веки, темные круги под глазами и бледность кожи. Эти наблюдения разбудили в ее материнском сердце тревогу:

— Не печалься, дорогая, время пройдет быстро! И потом, в октябре ты начнешь преподавать. Вот увидишь, учить детей — огромная радость!

Девушка опустила голову, погрузившись в созерцание остатков черного кофе на дне своей чашки. Для матери профессия, которой она отдала столько лет, была, возможно, самой прекрасной на свете, но Камилла не разделяла ее энтузиазма.

— Мама, я от этого не в восторге! Работа для меня — средство зарабатывать деньги, только это имеет значение. Гийому хочется, чтобы я была домохозяйкой. Он обещает, что мы будем много путешествовать...

Мари невесело улыбнулась. Адриан перед свадьбой тоже мечтал исходить всю Италию, Грецию... Но ведь у него все время была работа,

пациенты, дети, которых следовало воспитывать... И они так нигде и не побывали, если не считать нескольких недель, проведенных на берегу Атлантического океана. Их жизнь была счастливой, но реальность редко совпадала с желаниями, которые лелеяли супруги в первые годы совместной жизни...

— Поступай как хочешь, Камилла! — сказала Мари. — Чтобы быть школьной учительницей, нужно призвание. У меня оно есть. А еще это стало для меня навязчивой идеей! Кстати, ты знаешь, что твоя сестра добилась своего? В сентябре отец отвезет ее на прослушивание, но в Париж, а не в Бордо. В столице есть театральные курсы, которые считаются очень престижными. Если ее примут, одна из племянниц Адриана приютит ее у себя. И, я думаю, она перестанет приезжать домой на выходные. Я полагала, что наша Мелина будет остаток лета носиться по дому, сама не своя от радости, мечтая об этом прослушивании, но все получилось наоборот! Она еще мрачнее, чем ты!

— В Париж! — повторила Камилла. Во рту у нее пересохло.

— Ну да... И она, бедняжка, сказала мне странную вещь — что она наконец-то уедет из этого дома... Ты выйдешь замуж, твоя сестра будет жить в столице... Я знала, что это рано или поздно случится, но, признаюсь, меня это немного пугает... Мы с твоим отцом будем одни в этом огромном доме...

— Не так уж плохо, если Мелина уедет подальше, а у тебя останется Луизон! — сухо произнесла Камилла.

Ее тон рассердил мать. Мари показалось, что ей в лицо плеснули ведро ледяной воды. Она наклонилась над столом и, холодно глядя на дочь, сказала серьезно:

— Будь осторожна, Камилла! Еще немного, и ты все испортишь из-за отвратительного недостатка, который называется зависть! Я часто проводила уроки нравственности со своими ученицами, так что не могу не предостеречь тебя! От зависти и злопамятства полшага до ненависти и злости! Ты помнишь, отец твоего жениха, Макарий, причинил мне много горя именно из-за элементарной зависти. Прошу, ответь на мой вопрос: почему вы с сестрой поссорились?

Камилла вскочила и, не найдя в себе сил ответить, убежала и заперлась в своей комнате. Она провела там все утро и много плакала...

На следующий день Мелина поднялась очень рано. Она не стала прихорашиваться и оделась по-спортивно. Потом, сжимая в руке пожелтевшую фотографию, стала поджидать часа, когда должен был приехать Гийом.

— Мамочка, сегодня я за тебя отомщу! — прошептала она. — Ты всегда будешь для меня настоящей мамой, самой красивой на свете!

И девушка поцеловала портрет Леони с черными косами, радостно улыбающейся.

***

Кто-то, стоя на обочине дороги, ведущей из Брива в Обазин, махал рукой; Гийом притормозил и узнал Мелину. Он удивился и хотел было продолжить путь, но она буквально бросилась на капот автомобиля, и ему пришлось остановиться. У девушки в руках была довольно объемная сумка, лицо ее казалось более детским, чем обычно.

— Что стряслось? — спросил он. — Вы убежали из дома?

— Зачем бы мне убегать из дома? Я решила избавить вас от лишних хлопот, вот и все! Вся семья уехала купаться на берег Корреза. Мама Мари доверила мне собрать продукты для пикника и дожидаться вас, чтобы показать дорогу!

Молодой человек выключил двигатель и задумался. Ситуация была по меньшей мере странной.

— Но почему встретить меня не поручили Камилле? — шутливым тоном поинтересовался он. — Я был бы счастлив отвезти ее туда...

— Влюбленных не оставляют в машине наедине, пусть даже на пару километров! Папа Адриан строго следит за своей дочерью. Я — другое дело! Я ведь ничем не рискую...

Тон Мелины был провокационным, и в то же время в ее голосе улавливалась горечь. Гийом с видимым разочарованием открыл ей дверцу автомобиля.

— Раз так, не будем терять время! — сказал он. — Вообще-то я не взял с собой плавок. Ну ничего, посижу на берегу и полюбуюсь играми прекрасных наяд!

Мелина скорчила насмешливую гримаску, потом поудобнее устроилась на сиденье и, насвистывая, подставила лицо ветру.

— Вы едете так быстро! — сказала она. — Жаль, на такой скорости невозможно любоваться пейзажем!

Гийом смотрел на девушку и пытался понять, почему она на этот раз выглядит как-то по-детски. До него вскоре дошло: он впервые увидел Мелину без макияжа. В таком виде ее можно было принять за девочку. С трудом верилось, что она уже спала с парнем...

— Вам очень идет, когда вы не накрашены! — сказал он. — Совсем девочка!

— Могу вас заверить, что я уж не девочка! У меня есть любовник, и я этим горжусь!

— Надеюсь, однажды он на вас женится! Возможно, это произойдет довольно скоро, кто знает...

С таинственным видом Мелина приложила пальчик к губам, призывая его к молчанию. Кивком она указала на боковую дорогу, которая вскоре привела их к изгибу реки, берега которой поросли деревьями. Здесь был маленький галечный пляж, который ласкали сверкающие воды реки.

— Но... где же все? — удивился Гийом.

Мелина вышла из машины и в мгновение ока разделась. Теперь она стояла перед молодым человеком почти голая. В ореоле солнечного света ее худенькое, стройное, почти совершенное тело казалось прекрасным. Крошечный белый купальник подчеркивал ее округлости. Она протянула ему руку, дерзкая и ослепительная:

— Конечно, здесь никого нет! Вы поняли, что я устроила вам ловушку, но все же поехали! Не стройте из себя невинного мальчика, Гийом! Вы здесь, потому что вам этого хотелось! Ну же, смелее!

Молодой человек подумал о Камилле, которая, без сомнения, ждала его в Обазине, о последствиях этой эскапады, если о ней узнают его будущие тесть и теща. Рассерженный, он вышел из автомобиля, хлопнув дверцей, и, сунув руки в карманы, встал перед Мелиной:

— Мои поздравления! Вы наконец нашли лучший способ разлучить нас с Камиллой и очернить меня в глазах ваших родителей! Адриан не простил бы мне такого проступка, Камилла — тем более!

Мелина приехала сюда не затем, чтобы разговаривать. Она решила перейти ко второй части своего плана. Лицо ее, секунду назад такое лукавое, вдруг окаменело, в глазах блеснула ненависть. Она шагнула вперед, обняла Гийома за шею и подставила ему свои губы.

— Вам не хочется попробовать запретный плод? Зачем ждать целый год, чтобы получить удовольствие? Я тоже вас люблю и докажу вам это! Здесь и немедленно! Я — ваша!

Девушка дрожала — открытая, зовущая, жаждущая... Гийом сбросил обвивавшие его руки, оттолкнул Мелину и выкрикнул яростно:

— Маленькая идиотка! Я не собираюсь приносить в жертву свое будущее ради сомнительного удовольствия! Запомните раз и навсегда: я люблю Камиллу и хочу на ней жениться, и вам не удастся мне помешать! Я знаю, что такое ненависть, Мелина, и лучше, чем вы! Она — плохая советчица! Не знаю, за что вы хотите отомстить, но не втягивайте в это меня! И не пытайтесь рассказывать мерзости обо мне, когда вернетесь

домой! До свидания!

Он вернулся к своему «феррари» и сел за руль. Мелина же так и осталась стоять в растерянности. Зарычал мотор, и автомобиль развернулся. Этот звук вывел ее из оцепенения. Бросившись следом за автомобилем, она крикнула:

— Гийом, подождите!

Но «феррари» скоро скрылся из виду. Обескураженная и униженная, девушка упала на траву. Она не сомневалась в своем успехе! Такая мизансцена и... провал! Причем когда она была так близка к цели! Дрожащими руками она собрала свою одежду, потом легла в тени ивы. Когда захотелось есть, она достала из сумки пару сэндвичей, запила их лимонадом.

«Какой прекрасный день!» — подумала она с иронией, в то время как по ее щекам текли слезы.

В три пополудни она отправилась в обратный путь. Такая продолжительная пешая прогулка ее не пугала, хотя она никогда не любила подобное времяпрепровождение. Час спустя она пришла в Обазин, присела на бортик фонтана и стала смотреть на особняк, который столько лет называла своим домом.

«Здесь мне больше нечего делать!» — сказала она себе.

В то же мгновение дверь открылась и выбежала Мари. Злая как фурия, она накинулась на Мелину:

— Где ты была? Твой отец умирает от беспокойства!

Мари обняла девушку и крепко прижала к себе. Когда биение ее сердца стало спокойнее, она прошептала ей на ухо:

— Никогда так не пугай меня больше, дорогая!

Испытывая угрызения совести, Мелина прижалась к материнской груди и разрыдалась.

— Я встала очень рано и, увидев, что день обещает быть великолепным, решила сходить искупаться... одна! Прости меня, мама! Скажи, вы с папой правда меня любите, как родную дочку?

— Конечно, моя крошка! И я боюсь тебя потерять, ты меня слышишь? Ты — моя дочка, родная! Несносная временами, ну так что ж!

Мелина вздохнула с облегчением. Не все готовы ее отвергнуть! Камилла и Гийом не хотят ее знать, но родители — совсем другое дело! Они ее любят, и только это имеет значение!

Оскорбления, брошенные Камиллой в адрес Леони, так и остались неотмщенными, но сейчас было не время думать об этом. В таком состоянии Мелина не готова была услышать правду. Позже она поговорит с

Мари, которая, в этом не было сомнений, владеет всеми ключами к ее прошлому.

Гийом и Камилла пили чай в саду. Мелина, которая очень устала после многокилометровой прогулки, направилась в свою комнату. Ей хотелось просто отдохнуть, вспоминая нежные слова мамы Мари. Она присела на кровать, но стоило ей лечь, как кто-то постучал в дверь. Не дожидаясь позволения, в комнату ворвалась Камилла.

— Мелина, ты в порядке? С тобой ничего не случилось?

— Нет. Оставь меня в покое!

— погоди! послушай меня: я хочу попросить у тебя прощения за то, что сказала тогда... Это было гадко. Прошу, не злись на меня! Я была очень сердита. Ты ведь этого и добивалась...

И Камилла бросилась обнимать приемную сестру, прежде чем та успела отреагировать. Содрогаясь от рыданий, старшая сестра бормотала:

— Гийом опоздал, а потом мы позвали тебя обедать, но тебя дома не оказалось... Я все время беспокоилась о тебе. Папа оббегал весь городок, мама места себе не находила от беспокойства... Мелина, я не хочу, чтобы ты уезжала из-за меня в Париж! Я просто завидовала тебе, ревновала, вот и все! Я напридумывала себе всякого... Останься с нами, умоляю!

— Посмотрим, — ответила на это Мелина. — А простить тебя... Может, когда-нибудь и прощу. Но сейчас я хочу поспать.

Грустно улыбаясь, Камилла встала и уже от двери сказала тихо:

— Спи сладко, сестричка!

Оказавшись одна, Мелина вытянулась на кровати. Гийом ее не выдал, иначе Камилла ни за что бы не вела себя так... Девушка вздохнула и закрыла глаза. У нее было только одно желание: всегда быть в кругу семьи, здесь, в Обазине, как птичка в своем гнезде...

Глава 31

Свадьба в “Бори”

Прессиньяк, 17 июля 1954 года

Семья наслаждалась отдыхом в поместье «Бори». Предложение Поля всем понравилось. Было условлено, что церемония бракосочетания пройдет в прессиньякской церкви через четыре дня.

А пока в этот послеполуденный час все наслаждались прохладой в комнатах за закрытыми ставнями. И только жених и невеста решили, несмотря на жару, прогуляться в Шассенон. Выйдя из машины, Гийом и Камилла рука об руку пошли по затененной кронами деревьев тропинке. Они снова говорили о своей свадьбе. Теперь, когда мечта вот-вот должна была сбыться, нетерпение уступило место серьезности с налетом светлой грусти. Оба понимали, насколько ответственен этот шаг, и чуть-чуть жалели о том, что беззаботный период ухаживаний скоро закончится.

— Ты уверен, что мы правильно идем? — спросила вдруг Камилла.

— Конечно! Я часто приезжал сюда с моим другом Жаном-Анри Моро. Он — просто фанат этих руин! И мечта у него только одна — организовать настоящие раскопки! Не затем, чтобы найти сокровища, а ради великих археологических открытий!

— Я была здесь всего раз, пять лет назад. Это было в июле 1949-го, тем летом, когда я первый раз тебя увидела. Ты разговаривал с кем-то перед булочной в Прессиньяке, помнишь?

Гийом наклонился, поцеловал невесту и сказал игриво:

— Разве мог я забыть девушку в шортах с ногами богини? Но когда я узнал, что ты — дочка Мари из «Волчьего Леса», я сказал себе... Впрочем, это неинтересно... так, глупости! Не будем вспоминать о тех временах! Знаешь, Камилла, хотя твои родители и приняли меня, мне кажется, что твой отец всегда будет относиться ко мне настороженно. Для него я остаюсь сыном Макария. Это — страшное клеймо, он не простит мне этого никогда, даже если со мной ты будешь счастлива!

— Не надо об этом! Ты сам только что сказал, что не надо вспоминать прошлое! Я люблю тебя, и только это имеет значение! И раз ты не против, скоро я выйду за тебя замуж!

Гийом остановился и, чтобы выразить Камилле свои чувства, обнял ее.

Страстно прижавшись друг к другу, они позволили говорить своим губам. Их уста слились, сердца застучали быстрее... Желание познать иные удовольствия для обоих было мучительным. Время робких и почтительных поцелуев давно миновало. Вожделение терзало их с весны, но одно и то же соображение помогало сдерживаться, когда их тела соприкасались. Они не хотели уступать зову плоти, пока церковь не освятит их союз.

— Мой Гийом! — выдохнула Камилла, ласково высвобождаясь из его объятий. — Спасибо за то, что ты так уважительно ко мне относишься! За твоё терпение я ещё сильнее люблю тебя! Я знаю, что многие мужчины отказываются ждать первой брачной ночи под предлогом, что свадьба совсем скоро...

— Они — просто кретины! Я хочу, чтобы наш союз был священным и официальным. Тогда и только тогда ты станешь моей женой... во всех смыслах этого слова. Это хоть как-то сгладит последствия моих ошибок и ошибок моего отца...

Камилла заставила его замолчать, прижавшись к его губам своими нежными губками. Потом она взяла его за руку и потянула вперед:

— Больше ни слова об этом, любовь моя! Давай лучше посмотрим на знаменитые руины! Счастье, что сегодня жарко! Искатели сокровищ, наверное, отправились по домам отдохнуть в прохладе, предоставив нам свободу действий! Поль рассказывал, что не бывает и дня, чтобы сюда не приезжали люди с лопатами. Они копают всюду, надеясь найти гору золота. Просто невероятно! Если место выглядит хоть чуточку таинственно, о нём сразу начинают слагать легенды!

Вскоре перед ними выросли останки высокой стены. Оплетенная плющом, она, казалось, стояла здесь испокон веков.

— Мама рассказывала, что все это построили галло-римляне. Здесь был даже театр! Представь только: римляне в своих тогах сидели на каменных ступенях... Это здорово, правда?

Слушая невесту, Гийом невольно любовался ею. Камилла была наивна и жизнерадостна, как ребенок. Ее он находил куда более прелестной, чем все эти останки римской цивилизации. Поскольку девушка явно ожидала ответной реплики, он сказал:

— Может быть, мы встретим здесь Жана-Анри! Летом он проводит раскопки вместе с кюре из Шассенона, отцом Жаном-Мари Лекомптом. Я был бы рад тебя с ними познакомить. Уверен, тебе будет интересно с ними поговорить. Их страсть к археологии и вправду заразительна! Стоит им заговорить об этом месте, как их и не остановить! Правда, ты такая красивая, что они могут забыть даже о своих руинах, любуясь тобой.

В ответ на этот комплимент, который, Камилла это знала наверняка, был искренним, она пожала Гийому руку. Она была счастлива до сердечной боли. Они направились было к арочному входу в полуразрушенное помещение, когда из-за кустов донесся хриловатый голос:

— Говорю тебе, я найду это проклятое сокровище! Моя мать, Фаншон, твердила, что здесь оно точно есть! Она тоже приходила копать... Надо потрудиться, чтобы золотишко другим не досталось!

Гийом застыл на месте, все так же держа Камиллу за руку. Он побледнел.

— Этот голос... Это Элоди Варандо! — прошептал он. — Господи, как она тут оказалась? И надо же было ей прийти сюда именно сегодня!

Камилла вздохнула и спросила с легким раздражением:

— Может, ты ошибся? Все местные женщины говорят с таким акцентом...

— Нет! Она говорила о Фаншон, именно так звали ее мать. Уйдем скорее, пока они нас не заметили!

Девушка замешкалась на пару секунд, но этого оказалось достаточно: прямо перед ними возникло красное потное лицо с резкими чертами, обрамленное желтовато-седыми волосами. На Элоди был измазанный землей передник, да и платье было не чище.

— То-то я слышу, кто-то рядом разговаривает! Смотри, Фирмен, кто к нам пришел! Какие люди в таком месте!

И Элоди насмешливо покачала головой. Появился ее супруг, еще более красный, чем она. В мокрой от пота майке, с киркой в руке, он преградил им путь.

— Точно, это же мерзкий гад, сын Герена! Да с кем! С мадемуазель Меснье, докторской дочкой!

Камилла и Гийом в недоумении уставились на эту странную пару. Смотрелись супруги Варандо в роли неутомимых искателей сокровищ достаточно комично, однако же...

— Небось, ищут местечко поукомпнее, чтобы заняться непотребством! — воскликнула Элоди, открывая в кривой ухмылке свои далеко не безупречные зубы.

Фирмен разразился идиотским хохотом и, помахивая своей киркой, презрительно посмотрел на Гийома:

— Мсье Герену не приходится рыть землю, чтобы раздобыть пару су, не то что нам! Когда целый год вытряхиваешь денежки из клиентов, можно спать на золоте и покупать себе молоденьких курочек...

Последние слова вернули Камиллу к реальности. Она пришла сюда не

затем, чтобы выслушивать оскорбления четы Варандо, и уж точно не желала слышать, как ее называют «молоденькой курочкой»! Поскольку Фирмен встал у них на пути, выход был один — вернуться к машине. Она потрясла возлюбленного за руку и сказала:

— Идем!

Однако Гийом, похоже, не горел желанием следовать за невестой. Любовь к Камилле вернула ему чувство собственного достоинства. Он дрожал от гнева, испытывая непреодолимое желание наброситься на Фирмена и разбить ему лицо. Как он злился на себя за то, что когда-то водил дружбу с этими людьми! Камилла попыталась его увести:

— Не надо, он того не стоит!

Элоди прыснула так, что чуть не задохнулась. Когда же она отдышалась, то заорала, злющая, как гарпия:

— Она права, катитесь отсюда! Воркуйте где-то подальше от нас! Катитесь!

Камилле никогда прежде не доводилось видеть их в таком жалком состоянии. Вспомнился большой дом Варандо с белым фасадом и свежоокрашенными ставнями. Фирмен, похоже, имел неплохое состояние, нажитое благодаря спекуляциям на черном рынке во время последней войны. Зачем им мучиться на жаре, пытаться отыскать легендарные сокровища Шассенона? Причина скоро стала очевидна: Элоди вынула из корзинки бутылку вина и сделала пару долгих глотков прямо из горлышка. Должно быть, они начали выпивать и спиртное мало-помалу съедало их сбережения. Вот и сегодня они оба были порядочно пьяны.

Девушка по-настоящему испугалась и потянула Гийома назад. Элоди вытерла губы, с презрительной гримасой подняла свою лопату и снова стала копать. Фирмен подхватил бутылку и опустошил ее залпом. Зло швырнув ее за спину, он продолжил:

— Пока одни надрываются с заступом в руке, другие разъезжают на красивом новом тракторе! У нас в бистро все говорят, что Поль слишком загордился! Подумаешь, у него McCormick! Тебя, небось, благодарит, а, моя цыпочка?

Элоди сплюнула на землю и, глядя на Камиллу, добавила ехидно:

— Конечно, теперь твой братец ходит в банк, как к себе домой! Повезло этому потаскухину сыну, что у него и сестра не недотрога, как и ее мамочка!

— Это точно! Я ее еще когда-нибудь поимею! — похвалился Фирмен.

На этот раз Гийом утратил над собой контроль. Он не позволит двум пьянчугам оскорблять свою невесту и будущую тещу! Камилла была не из

тех, кого можно назвать доступной, а супруга доктора Меснье заслуживала всяческого уважения и даже восхищения! За эти месяцы он узнал ее лучше и буквально боготворил ее. Не помня себя от злости, молодой человек подскочил к Фирмену и что было силы ударил его кулаком в лицо. Элоди взвизгнула и стала звать на помощь. Подбежали гуляющие неподалеку люди. Фирмен бросил свой заступ и стал вытирать нос, из которого лилась кровь. Однако он не собирался признавать свое поражение: Элоди протянула ему лопату, и он сильно ударил Гийома ее рукояткой.

— Остановите их! — вскричала перепуганная Камилла.

Гийом, более проворный, чем его пьяный соперник, увернулся, и удар пришелся по краю щеки. Он остался стоять, а Фирмен, потеряв равновесие, свалился лицом в пыль. Встать сразу у него не вышло, и он капитулировал. Элоди подскочила к супругу и потянула его в тень орехового куста, выплевывая на ходу мыслимые и немыслимые оскорбления.

***

После непродолжительной снесты Мари помогала Лизон развешивать белье на заднем дворе. Венсан увел детей на ферму, чтобы показать новорожденного козленка.

— Мам, ты рада этому браку, скажи? — спросила молодая женщина.

— Очень рада! — ответила Мари. — Чем лучше я узнаю Гийома, тем больше он мне нравится! И потом, в мои годы пора научиться закрывать глаза на прошлое. У этого мальчика, по сути, не осталось родных после смерти матери. Думаю, он заслуживает нашей симпатии, и я буду рада, если у нас он будет чувствовать себя как дома. Выяснилось, что его брат и сестра не приедут на свадьбу...

— Почему они не приедут? — удивилась Лизон.

— Только потому, что их брат женится на одной из дочерей Мари из «Волчьего Леса»! Представляю, сколько гадостей им успел наговорить обо мне Макарий...

Женщины переглянулись поверх бельевой веревки. Они прекрасно друг друга понимали.

— Мама, Лизон, скорее сюда, Гийом ранен!

Растрепанная и перепуганная Камилла возникла между скатертями и простынями, указывая рукой в сторону дома.

Они втроем побежали туда. В кухне они увидели Гийома. Он сидел на стуле; на щеке, под глазом, синела гематома.

— Господи, что случилось, Гийом? — спросила озадаченная Мари.

Камилла не могла стоять спокойно, но и не знала, что полезного может

сделать. Лизон, как всегда предприимчивая, молча намочила чистое полотенце и приложила его к месту ушиба. Эти точные и спокойные жесты наконец привели Камиллу в чувство. Она стала рассказывать:

— Мы гуляли по Шассенону, среди руин. И вдруг столкнулись нос к носу с Элоди! Я давно ее не видела... Господи, какая ужасная женщина! Она нас оскорбляла, и ее муж тоже! Гийом не стерпел и набросился на Фирмена!

Мари попыталась представить себе эту сцену и тоном школьной учительницы, говорящей с провинившимся учеником, спросила:

— Значит, вы ударили его первым, Гийом?

— Да, мадам! Мне не следовало этого делать, но этот грязный тип оскорблял вашу семью... Камиллу и вас! Это было... Я не смог сдержаться...

Камилла перебила его. Глаза ее блеснули, щеки горели румянцем.

— Видела бы ты его, мам! Как только Элоди стала оскорблять тебя, Гийом потерял над собой контроль!

Молодой человек пожал плечами:

— Я не собираюсь позволять кому бы то ни было произносить подобное в моем присутствии! Это с их подачи я причинил вам столько горя этими анонимными письмами! Пора было заткнуть Фирмену пасть! У меня с ним свои счеты. Он чуть ли не каждый день наведывается в банк и устраивает скандал.

Мари ласково потрепала будущего зятя по плечу:

— Не расстраивайтесь, Гийом! Я сердилась было на вас, но это уже забыто! Камилла как-то напомнила мне, что нужно уметь прощать... Вам не следовало драться, но все равно спасибо, что защитили нас, ее и меня, от оскорблений.

Камилла подошла к жениху и, погладив его по волосам, продолжила рассказывать:

— Мам, я никогда не видела их такими злыми! Фирмен был очень пьян, и слава Богу! Он на ногах едва стоял! Но я все равно испугалась, ты бы знала как! Я подумала, что он убьет Гийома рукояткой лопаты! Похоже, мы не сможем спокойно гулять по окрестностям, пока эти двое живут в Прессиньяке!

Лизон сняла компресс и нанесла мазь на щеку Гийома, по ее уверениям, чудодейственную. Отступив на шаг, она сказала весело:

— Он таки сумел до вас дотянуться, мой бедный Гийом! Я еще раз помажу вам место ушиба вечером. И все же это будет чудо, если она исчезнет к субботе. Новобрачный с синяком под глазом — такого в нашей

семье еще не было! Да и кюре, я думаю, будет не очень доволен...

Мари улыбнулась, но вид у нее был серьезный, что выдавало волнение. Инцидент в Шассеноне напомнил ей свадьбу в Прессиньяке, которая закончилась смертью сына бакалейщика. И в тот раз Варандо оказались в центре драмы. Ну почему они постоянно встают на пути у нее и остальных членов их семьи? Мари обожала бывать в «Бори», а значит, не могла не встречаться с местными жителями, в том числе и с Элоди и Фирменом.

— Я начинаю сомневаться, что устроить свадьбу здесь — хорошая идея, — вздохнула она. — Это доставит удовольствие Полю и Лоре, но, если бы мы отмечали это событие в Обазине или Лиможе, не возникло бы неприятностей подобного рода!

Камилле передалась тревога матери, и она поспешила ее успокоить:

— Мамочка, мы об этом уже говорили! Я не хотела пышной свадьбы, а именно такой она бы получилась, если бы ты решила устроить ее у нас или в городе, где живет Гийом. Мы оба мечтаем о простой церемонии, в узком кругу родных, после которой все соберутся за столом в саду, как во времена Нанетт! В любом случае уже поздно менять планы! Не расстраивайся заранее, все будет хорошо!

— Надеюсь! Но стоит мне теперь посмотреть на Гийома, как у меня все внутри переворачивается!

Через час из Лиможа вернулись Адриан и Мелина. Они ездили туда, чтобы сходить в кино. Камилла поспешила в подробностях рассказать им недавнюю историю, в которой Гийом выглядел настоящим героем.

— Что ж, теперь вы точно готовы к свадьбе! — подытожил Адриан. — Мари, ты заметила, что всегда рядом найдется кто-то из семейства Варандо, чтобы доставить нам неприятности, если не сказать хуже... Они приставучие, как репейник!

Мелина с улыбкой посмотрела на лицо будущего зятя:

— Не беспокойся, Гийом, я одолжу тебе свой тональный крем! В церкви темно, никто ничего и не заметит!

Лизон и Камилла рассмеялись. Вышло так, что семейству Варандо все же не удалось испортить радостную атмосферу, царившую в «Бори». Мари подала прохладный лимонад и нарезанный кусочками кекс и сообщила новость, которая очень ее обрадовала:

— Завтра к нам приедет Жаннетт! Мне нужно будет приготовить ей комнату. К сожалению, Люсьен, ее супруг, не может приехать с ней. Он — булочник, и у него не бывает выходных. Но своих сыновей она привезет — Жоэля и Даниэля.

— Я так рада! — воскликнула Лизон. — Скоро здесь будет настоящий летний детский лагерь! Сколько соберется детей, подумать только! Жан, Бертий, Пьер — это только мои, потом Люси, дочка Поля, Луизон, сыновья Жаннетт... Будет жаль, если Амели не сможет приехать. С ее мальчиками, Жаном-Марком и Франсисом, которому в октябре исполнится годик, у нас было бы девять очаровательных дьяволят! Ой, я забыла Мари-Эллен, у которой тоже сын — Этьен! Как быстро летит время!

— Ее маленький Этьен — просто душа! — подхватила Мари. — Настоящий ангел! Он — ровесник Луизона, родились малыши в одном месяце. Мари-Эллен очень расстроилась из-за того, что не может приехать. Но я покажу ей фотографии, когда мы вернемся!

Мелина изменилась после той стычки с Гийомом на берегу Корреза, стала более взрослой, рассудительной и уже не искала ссор с Камиллой. И что самое невероятное — она научилась терпению! Вот и теперь, вернувшись из кинотеатра, она ждала, когда в беседе возникнет пауза, чтобы рассказать о своих впечатлениях. Как только мать замолчала, она поспешила заговорить, чтобы ее не опередил кто-то другой:

— Мы с папой посмотрели замечательный фильм — «Ювелиры лунного света» с начинающей актрисой Брижит Бардо! Она просто великолепна!

— Я бы даже сказал, она ослепительная красавица! — добавил Адриан, подмигнув Гийому.

Мари посмотрела на него с нежностью. Супруг не упускал возможности ее поддразнить. Притворившись уязвленной, она воскликнула:

— Адриан, что я слышу? А ты, Мелина, в следующий раз, когда на экране появится красивая девушка, закрывай своему отцу глаза!

— Обещаю, мам! Но ты не волнуйся, кое-что интересует папу куда больше, чем актрисы! Я даже думаю, что документальный фильм об испытаниях «Боинга 707» в Сиэтле впечатлил его сильнее, чем Брижит Бардо! На обратном пути он все время рассказывал мне о развитии авиации, от первых самолетов братьев Райт до «Боингов»! Я раньше не знала об этом ничего, а теперь, если, конечно, захотите, могу рассказать в красках о первых сумасшедших, которым захотелось летать!

И девушка закончила свой короткий рассказ звонким серебристым смехом. Вот уже год она называла Мари и Адриана просто мама и папа, поборов привычку, приобретенную в начале жизни в этой семье. Удивительным образом переменялся и ее характер: Мелина чувствовала себя теперь по-настоящему любимой и изо всех сил старалась обуздать

свои порывы.

Венсан привел детей ужинать. Луизон, которому исполнилось два с половиной, был милым мальчиком с круглыми щечками и такими же черными волосами, как и у Матильды. Спокойный и очень любознательный, он удивлялся всему новому, чего в «Бори», если сравнивать с привычной ему жизнью в Обазине, было предостаточно. Широко распахивать глазенки от удивления ему доводилось по нескольку раз в день, и все же он неизменно оставался сдержанным и послушным.

Бертий тоненьким голоском восьмилетней девочки стала рассказывать, что с ними случилось на ферме:

— Луизон не хотел уходить от маленьких козлят!

— И тогда дядя Поль показал ему крольчат! — добавил Жан, который был на три года старше сестры.

Мари моментально позабыла об Элоди и Фирмене. Она с любовью смотрела на веселые невинные мордашки своих внуков. Для нее они были обещанием счастья и смыслом продолжения жизни. Это была единственная непреложная истина в этом мире!

После ужина Камилла, Лизон и Мелина поднялись на второй этаж укладывать малышей, которые очень устали за день, проведенный на свежем воздухе.

Адриан с Венсаном устроились в гостиной за партией в шахматы. Чтобы им не мешать, Гийом вышел в парк выкурить сигариллу. Через несколько минут Мари последовала за ним.

Она остановилась на пороге и устремила взгляд на будущего зятя, который сидел на старой скамье под елью. Мари вспомнила, как девушкой часто приходила на это место. Дорогие ее сердцу фантомы из прошлого пронеслись перед ее мысленным взором... Она вспомнила Нанетт сорокалетней, сильной и энергичной, с неизменным лимузенским чепцом на голове и в рабочем халате поверх серого платья... Ее приемная мать любила посидеть здесь немного, делая паузы в работе, которой ее сильные руки переделали немало. Потом она увидела Жана Кюзенака, своего отца, такого элегантного в светлом полотняном костюме и в соломенной шляпе... А вот возник образ красавца Пьера, ее такого обидчивого жениха с черной прядью на лбу, своими голыми мускулистыми руками обнимающего ее за талию...

Гийом ощутил на себе чей-то взгляд и с удивлением обнаружил, что мать его невесты стоит, опершись о наличник двери. Он сразу понял, что она думает о чем-то своем, настолько она была неподвижной и задумчивой.

— Мадам, вы хорошо себя чувствуете? — спросил Гийом.

— О, простите, я не хотела вас беспокоить! Увидев вас на этой скамье, я утонула в воспоминаниях... Со мной это всегда происходит, когда я приезжаю в «Бори»! Здесь прошла моя юность, так что это неудивительно...

Молодой человек смутился. Наверное, она до сих пор сердится на его отца за то, что он когда-то выгнал ее семью из «Бори»? Он сказал тихо и неуверенно:

— Конечно, я понимаю!

Он смутился еще больше, когда Мари подошла и села рядом. Теперь сомнений не оставалось: она хотела с ним о чем-то поговорить. Но о чем?

— Гийом, мой вопрос может показаться вам некорректным, и все же я хотела бы знать истинную причину, по которой вы согласились провести свадебную церемонию в узком кругу, да еще в Прессиньяке! Признаюсь, этот вопрос мучит меня уже неделю.

Эта женщина не переставала его удивлять! Чувствуя себя очень неловко, он принялся излагать причины, что заставило его вспомнить тот период, который для обоих был тягостным.

— Я вам уже рассказывал о моей юности и о том, что мне трудно было принять правду об отце. Подростком я не обращал внимания на обидные слова наших соседей и знакомых в Лиможе. Для них я был сыном парии, мадам, сыном коллабо, и это никогда не изменится. Поэтому мне не хотелось бы видеть некоторых из них на своей свадьбе, а пришлось бы, если бы она состоялась в моем городе. Я хочу построить новую жизнь. Да, мне стыдно, что ваша дочь будет носить фамилию Герен, но я не могу от нее отказаться... Прошу вас, поверьте, я искренне люблю Камиллу и сделаю все, чтобы она была счастлива! Обещаю вам любить и заботиться о ней всю жизнь!

Растроганная волнением молодого человека и его признанием, Мари накрыла его руку своей:

— Я уверена, что так и будет, Гийом! А Камилла знает о ваших сомнениях?

— Да, и это меня очень огорчает! Она не перестает повторять, что я не виноват в том, что сделал мой отец. Но есть и другая причина устроить свадьбу здесь, и теперь речь уже идет о желании вашей дочери. Не говорите Камилле, что я вам признался, она рассердится! Понимаете, это наш секрет... На площади в Прессиньяке, недалеко от церкви, мы впервые увидели друг друга. Не смейтесь, это так романтично!

С мечтательным вздохом Мари кивнула. Вокруг них упоительно благоухали розы, и их аромат смешивался с запахом сена и дикой мяты. И

вдруг Гийом заговорил странным, глуховатым голосом:

— Мадам, можно теперь и мне задать вам вопрос?

— Конечно, Гийом!

— Я злюсь на себя заранее, что спрашиваю, но этот вопрос не дает мне покоя... Не знаю, как сказать, это так неприятно... и для меня, и для вас...

— Прошу вас, говорите, не бойтесь! Через три дня вы станете мне практически сыном...

— Вас не было с нами рядом, когда Адриан ударил меня в тот день, четырнадцатого июля, — как раз тогда маршрут «Тур де Франс» проходил через Брив. Я проводил Камиллу до отеля и ждал, чтобы отвести ее обратно на танцы. Сказанные вашим супругом в тот вечер слова мучают меня до сих пор! Я должен знать, правда ли это... Прошу вас, помогите мне!

Мари нахмурилась. Она припомнила, что ни она сама, ни Камилла не присутствовали при этом инциденте и Адриан никогда с ней об этом больше не заговаривал.

— Что же сказал вам мой муж? — спросила она с удивлением.

— Он... Я понял так, что... Как трудно это повторить! Так вот, он крикнул, что мой отец изнасиловал вас в штабе гестапо во время войны. Мадам, это правда?

Обжигающая волна — смесь стыда и смущения — прилила к щекам Мари. Она была очень сердита на Адриана за то, что он раскрыл третьему лицу этот страшный секрет, который она так никому, кроме него, и не доверила. Однако обманывать ей не хотелось.

— Да, это правда, — быстро произнесла она. — Вы никогда не должны были узнать об этом, Гийом! Мой муж напрасно сказал вам это. Война распаляет страсти, это общеизвестно! И Макарий воспользовался моментом. Он смог, наконец, утолить свою ненависть, причины которой мне до сих пор неизвестны. Но ведь он был не один такой! Как вы знаете, миллионы людей умерли в концентрационных лагерях только потому, что они были евреями! Бывают вещи, которые невозможно объяснить! Но вот мы с вами снова ворошим темное прошлое... Я ни на что не жалуясь, это — единственное, о чем вы должны помнить! Сколько женщин, участвовавших в Сопротивлении, умерли под пытками! Адриан и Поль вернулись домой из этого ада, а я практически не видела ужасов войны! Мою подругу Леони, мать Мелины, расстреляли немцы, а перед этим надругались над ней. Когда я думаю обо всех тех, кто вел себя действительно геройски, я понимаю, что то, что случилось со мной, не такая уж большая беда!

Признание Мари взволновало молодого человека. Он взял ее руку и поцеловал. Эта восхитительная женщина внушала ему огромное уважение.

— Я хочу попросить у вас прощения, — запинаясь, сказал он, — за все то зло, которое причинил вам мой отец... Мне очень хочется думать, что перед смертью он раскаялся. Отныне груз его ошибок мне будет нести еще труднее!

— Нет, Гийом, не говорите так! Перед вами вся жизнь! Умоляю вас, забудьте! Камилла именно так и поступила. И прошу, никогда не рассказывайте ей об этой отвратительной истории. Будьте счастливы оба, это станет для меня наилучшим утешением!

Гийом пообещал, а потом подумал, что Камилле очень повезло иметь такую мать...

Желая отвлечь его как можно скорее от неприятных переживаний, Мари переменяла тему:

— Скажите, а где вы планируете жить после свадьбы?

— Я выставил на продажу дом, в котором вырос. Мы поселимся в новом доме — в том, что на выезде из Лиможа. Вы помните эту небольшую виллу, я возил вас туда на прошлой неделе? Там хороший сад... В нем будут играть наши дети... Я хочу начать новую жизнь в стенах, которые не будят воспоминаний... С собой я возьму только кое-что из мебели — то, что особенно люблю.

Мари закрыла глаза и представила своих будущих внуков — ласковых, как Камилла, и белокурых, как Гийом. Она улыбнулась — картинка получилась очень радостной. Гийом добавил едва слышно:

— Мадам, вы когда-нибудь позволите мне называть вас мамой? Мне бы так хотелось иметь такую мать! Моя умерла, и я уже люблю вас так, как если бы был вашим сыном...

Эта просьба поразила Мари. Это было неожиданно — услышать от сына Макария, принесшего ей столько горя, просьбу об этом, как о милости! Она задумалась на мгновение, но сердце продиктовало ей верный ответ:

— Да, Гийом! И не надо этого долго ждать, я просто могу не дожить...

Под чьими-то шагами захрустел гравий. К ним подошла Камилла в легком платье.

— Я никак не ожидала застать своего жениха с тобой, мамочка! Вы что-то замышляете?

Мари встала и погладила дочь по щеке.

— Уступаю тебе свое место! Мы немного поговорили. Хорошего вам вечера, мои милые!

Если Мари думала, что в этот вечер с воспоминаниями и признаниями покончено, она ошибалась. Стоило ей войти в маленький живой тоннель, образованный кустами жимолости, которая притягивала ее своим сладким ароматом, как из полутьмы возникла Мелина.

— Мама, нам нужно поговорить! Это важно!

— Дорогая, ты меня напугала! Похоже, этим вечером все решили прогуляться! Ну, говори, что случилось?

Мелина взяла ее за руку и увлекла в темноту. Мучимая сомнениями и предположениями, девушка хотела наконец получить ответы на свои вопросы. Боясь, что решимость оставит ее, она поспешила начать:

— Мама, прости, но я, сама того не желая, услышала отрывок твоего разговора с Гийомом. Мне очень жаль! Я искала тебя всюду, потом вспомнила про скамейку под елью. Когда я подошла, то услышала, что ты говоришь о Леони. Умоляю, расскажи мне правду о моей матери! Ты никогда мне не говорила, что ее изнасиловали и убили немцы. Я уже взрослая, я должна знать! Можешь говорить открыто, прошу тебя!

Мари почувствовала, что ноги у нее стали ватными. Она оперлась о Мелину, которая, обняв ее за талию, помогла ей дойти до поросшей мхом низкой стены.

— Присядь, мамочка! Я не хотела тебя огорчать! Раньше я не была готова услышать правду о моей матери, о моем прошлом... Я боялась того, что могу услышать! Но теперь я уже не ребенок, которого нужно ограждать от правды. Слишком много тайн, которые меня ранят, слишком много непонятного...

Мари посмотрела на дочь Леони, в чьих голубых глазах горел огонь. Она была права: время тайн прошло. Гийом знал теперь все о своем отце, так почему бы и Мелине не узнать правду о матери? Однако следовало удостовериться, что это желание — не каприз и девушка не будет горько сожалеть о том, что ей стало это известно.

— Это так для тебя важно? Ведь это не вернет нам Леони!

Мелина крутанулась вокруг своей оси — до такой степени она нервничала — и воскликнула:

— Да, это очень важно! Знаешь, однажды мне сказали, что я — потаскуха... как и моя мать. Что мне об этом думать?

Мари вскочила и, взяв Мелину за подбородок, внимательно посмотрела ей в глаза.

— Кто осмелился сказать такое?

— Это уже неважно, мам! И этот человек уже попросил прощения! Как ты помнишь, и Нанетт часто говорила плохо о Леони...

Уязвленная этим признанием, Мари прижала руку к сердцу и закрыла глаза.

— Господи, это Камилла! Вот из-за чего вы в прошлом году поссорились и не общались несколько дней, а потом ты на целый день ушла из дома под предлогом купания в Коррезе! О моя крошка, мне так жаль! А что до Нанетт... Она — из другого поколения. И у нее были весьма ограниченные представления о мире. Сколько я ее ни убеждала, она стояла на своем. А теперь послушай, я расскажу тебе длинную и очень красивую историю любви мужчины и женщины, которые были мне очень дороги. Эти двое не могли отдаться своей страсти именно из-за меня. Речь идет о твоей матери Леони, которую я любила, как сестру, и о моем первом супруге Пьере.

Мелина вздрогнула от удивления. Они с Мари уселись рядышком на пристенок. Наступала летняя ночь, где-то рядом запел сверчок. Вне всяких сомнений, Мари из «Волчьего Леса» в последний раз рассказывала о двух молодых людях, полных жизненных сил, страстных и красивых, которым пришлось долго сопротивляться взаимному влечению, прежде чем уступить всепоглощающему желанию, и которые умерли трагически...

Воспоминания взволновали Мари, по ее щекам струились горькие слезы. Она закончила свой рассказ так:

— Пьер не был со мной счастлив. Я думала только о работе и детях. Мы не были созданы друг для друга, и все-таки мы друг друга любили... Все мы такие разные... Ты, дорогая, очень похожа на свою мать. Матильда унаследовала отцовский темперамент. Лизон и Камилла, как мне кажется, больше похожи на меня. Но одно я знаю наверняка и хочу, чтобы и ты тоже это знала: Леони была замечательным человеком и к тому же очень хорошей медсестрой. Она мечтала быть врачом, но — увы! — в начале века женщине было непросто получить соответствующее образование. Потом она приняла монашество, уже после твоего рождения. Леони посвятила себя Богу, ее помощь матери Мари-де-Гонзаг и маме Тере была неоценимой. В то время они как раз прятали в приюте еврейских девочек. А потом моя дорогая Леони ушла в маки, чтобы лечить раненых, и это стоило ей жизни... Я очень сожалею, что не смогла поцеловать ее в последний раз... Но теперь у меня есть ты, и я люблю тебя так же, как любила ее...

Мелина прижалась головой к плечу Мари. Она тихо плакала, умиротворенная и печальная. Ей так хотелось узнать мать, на которую она была похожа! Брюнетку с черными, как у нее, волосами и голубыми глазами, страстную и любящую приключения...

— Спасибо, мама Мари! Я давно хотела это узнать, но не осмеливалась об этом заговорить! Теперь мне гораздо лучше.

— Так и должно быть, моя девочка! Ну вот, я обрисовала тебе великолепный портрет Леони, а ты платишь мне за это давно забытым «мама Мари»! Мне впору обидеться... — пошутила Мари, но Мелина смутилась.

— Вырвалось, прости меня! Я очень сильно тебя люблю, это правда! А теперь идем в дом, ладно? Мне нужно еще чуть подправить платье подружки невесты...

Они встали и, все еще взволнованные, обменялись понимающими взглядами. Теперь они смотрели друг на друга по-новому. Воспоминания больше не будут причинять им страданий. Наступало время радости. Им предстояло отметить значительное событие, причем как следует — весело, с шутками, песнями и смехом! Гийом и Камилла поженятся и, как в сказках, будут жить долго и счастливо, и у них родится много детей...

Прессиньяк, 20 июля 1954 года

На глазах у всего семейства Поль ловко совершил маневр на своем великолепном тракторе, загоняя его в сарай. Спрыгнув с сиденья, он подбросил в воздух свою фуражку и звонко крикнул «ура!». Ко всеобщему удивлению, он подошел затем к Гийому и обнял его за плечи:

— Мой дорогой зять! Если б мы были девочками, я бы не только тебя обнял, но и расцеловал! Если бы не ты, не видать бы мне этой прекрасной машины!

Камилла расхохоталась, но Мари растрогалась до слез.

— Мама, иди сюда! Посмотри вблизи на это чудо! — крикнул Поль.

Адриан взял Мари за руку и повел в мягкие сумерки помещения, где стоял McCormick, напоминающий машину из будущего. Кузов был ярко-красным, стальные детали сверкали.

— Впечатляюще! Я говорила тебе, мой Поль, что твой дедушка Жан хотел выписать трактор из Штатов еще в двадцатых годах? В одном сельскохозяйственном журнале он увидел первые американские модели...

— Представляю, какие проблемы он бы нажил себе в то время! Наше приобретение до сих пор обсуждают в поселке, а сколько было завистливых взглядов! — сказала Лора. — Подумать только, до сих пор в Прессиньяке никто не видел трактора! Здесь все еще пашут на лимузенских коровах или на лошадях!

Уперев руки в бока, молодая женщина вздохнула. Было очевидно, что все эти пересуды относительно покупки McCormick ей не по душе. Гийом

посмотрел на нее внимательнее. Ему редко приходилось видеть жену Поля, и он находил, что она очень отличается от остальных женщин семейства. Сдержанная и даже не помышляющая о кокетстве, она удивляла его тем, что предпочитала платьям и юбкам свободную, напоминающую почти мужскую одежду. Похоже, то, как она выглядит, мало заботило Лору, в отличие от Мари и ее дочерей. Обычно она ходила в брюках, просторной рубашке и в кепке на коротко остриженных рыжих волосах.

Он поспешил ее утешить:

— Вот увидите, Лора, скоро все изменится! Это я вам говорю как управляющий банка. Фермеры, которые обрабатывают плодородные земли, подают все больше заявок на покупку трактора в кредит. Думаю, лет через десять наше сельское хозяйство будет оснащено техникой. Правда, на виноградниках лошадей будут использовать еще много лет, ведь лозы растут на небольшом расстоянии друг от друга!

— Гийом планирует всячески поддерживать фермеров Лимузена! — подхватила Камилла, прижимаясь к будущему супругу.

Поль светился от счастья. Теперь, когда у него был трактор, будущее ему представлялось безоблачным. Поля давали хороший урожай, скотина была здорова. Вначале было очень трудно, но это уже было в прошлом. Жена всегда поддерживала его во всех начинаниях, дочка Люси была просто чудо — послушная и красивая! Ее волосенки были светло-рыжими, но глаза — миндалевидной формы, золотисто-карие — были совсем такие, как у Поля. Сидя на чурбачке, девочка показывала Луизону, застывшему перед ней в полнейшем восхищении, свою лопатку и ведро. Трактор детей не интересовал совершенно.

Люси слезла с чурбачка, уселась на земле и стала объяснять двоюродному братику, неотрывно следившему за каждым ее жестом:

— А теперь я буду собирать камушки!

Поль продолжал перечислять достоинства своего стального помощника. Венсан, который уже не в первый раз слушал восторженные речи зятя, присел на вязанку соломы, зная, что у него есть время передохнуть, — молодой фермер оседлал своего любимого конька:

— У него есть фары, так что я смогу работать ночью, если возникнет такая необходимость! Сиденье удобное, с него не свалишься. Адриан, ты видел эти огромные колеса? Впечатляет, правда? Но благодаря им трактор очень устойчив. Мама, признай, мой McCormick — просто чудо! Еще я могу тащить за собой полный прицеп сена или соломы. Кстати, все то, что вы видите сейчас в сарае, я привез с поля сам, на тракторе! В первый раз в этом году у нас хватит своих сена и соломы, чтобы прокормить скотину!

Это просто замечательно!

Камилла и Гийом обменивались улыбками, слушая восторженную речь Поля. Он был сейчас куда больше похож на мальчика, восхищавшегося своей новой игрушкой, чем на фермера. Однако так здорово было порадоваться вместе с ним!

— Лора, мне кажется, еще немного — и твой супруг будет проводить и ночи здесь, рядом со своей большой игрушкой! Будь начеку!

— Лучше и не скажешь, Камилла! В день покупки он любовался им до двух ночи! Ладно, довольно об этом стальном чуде! Мама Мари, хотите посмотреть на моих цыплят?

Мари поспешила выйти из сарая. Мелина взяла мать за руку, второй схватила руку Лоры.

— Я иду с вами! Помнишь, Лора, у вас родились котята в крольчатнике и я взяла себе одного, мою маленькую Опаль? Бедняжка, лучше бы я ее оставила здесь...

Кошечка прожила не намного дольше, чем пес Мелины по имени Юкки, вот только смерть ее была случайной: однажды утром Адриан ехал по срочному вызову и нашел ее раздавленной на национальном шоссе.

— Я решила не заводить больше животных, — сказала Мелина Лоре. — И потом, в сентябре я уезжаю в Париж. Я поступила на актерские курсы Флоран.

Лора подняла глаза к небу:

— В Париж! Наша Мелина едет в Париж! Что ж, ты добилась своего! Это похвально. Я бы не смогла теперь вернуться в город. Когда мы бываем в Лиможе, от такого количества машин у меня кружится голова, а от городского воздуха я задыхаюсь!

Их догнали Лизон и Венсан с детьми. Они направлялись в поселок, в бакалейную лавку.

— Мам, доверяю тебе малышей! Похоже, у Луизона слипаются глазки!

— Хорошо, Лизон, я за ними присмотрю. А моего бутузика Луизона я уложу спать!

Мари взяла внука на руки и оглянулась, чтобы убедиться, что Жан, Бертий и Пьер идут за ними следом к курятнику. Звук клаксона заставил ее посмотреть на дорогу. Послышались знакомые голоса:

— Привет жителям Шаранты! Подкрепление прибыло!

На дороге остановилось такси, в открытых окнах которого были видны смеющиеся лица.

— Амели и Жаннетт! Какая радость! — воскликнула Мари. — И какой сюрприз!

Последовал целый концерт из объяснений и поцелуев. Жаннетт, которая держала на руках своего младшего ребенка, покраснела от радостных волнений.

— У меня не получилось приехать раньше, мадам Мари! И вот я встречаю Амели в Лиможе! Вы ее знаете — не успела я и глазом моргнуть, как она уже собрала чемодан и едет со мной на свадьбу! Мари-Эллен очень сожалеет, что не смогла приехать, но она не может оставить без присмотра детей и мясную лавку.

— Я знаю, Жаннетт, — ласково сказала Мари, успокаивая молодую женщину. — Она мне все объяснила. Нам бы очень хотелось, чтобы и она приехала с вами, но я знала, что, празднуя свадьбу в Шаранте, таких огорчений не избежать!

Все такая же живая и игривая, Амели пошутила:

— Мы не могли вас подвести! Камилла выходит замуж, а на свадьбе не будет ни одной профессиональной певицы? Это недопустимо! Я знаю, никто из нас не заменит вам Матильду, и все же я подумала, что я, если приеду, смогу вас хоть немного утешить... Она была моей лучшей подругой...

Эти слова тронули Мари до глубины души. Она обняла и поцеловала Амели, растроганная ее сердечностью.

— Спасибо, моя дорогая Амели! Нам бы вас действительно очень недоставало! Камилла обрадуется! Сейчас она в сарае, с женихом и Полем, любуются трактором. Мой сын совершенно потерял голову от счастья!

Жаннетт с улыбкой осматривала окрестности.

— Здесь вы выросли, мадам Мари, верно? И этот красивый дом на холме — это «Бори»?

— В точку! — ответила Мари. — А сейчас мы все на ферме, где жила в свое время и тяжело трудилась Жаннетт! И здесь моя дочь решила устроить свадебный пир. Ей хочется, чтобы свадьба была очень простой. Видите вон тот большой стол под навесом из винограда? Мы накроем его белоснежной скатертью, как того требует обычай, и украсим полевыми цветами. Их принесут дети — это будут маки, ромашки...

Мелина смотрела на маленького полугодовалого Даниэля. Малыш, круглая головка которого была покрыта светлым пушком, протягивал свои ручки к голубому небу. Его братик Жоэль, которому было два с половиной года, с любопытством оглядывался, но пока робел и держался за мамину юбку.

Мари так обрадовалась гостям, что совсем забыла о Луизоне. Звук зевка вернул ее к реальности. Она объявила веселой компании:

— Мы возвращаемся в «Бори»! Там хватит места для всех! Лора, вы не обидитесь, если мы вас покинем?

— Нет, мадам Мари, тем более что мне пора доить коз и кормить гусей. Завтра увидимся перед церковью! Как только мой драгоценный супруг замолчит, а это случится нескоро, я пришло к вам Камиллу, Гийома и Адриана.

По пути Мари рассказывала гостям, что их ждет завтра:

— Обряд венчания состоится в одиннадцать. Потом Поль привезет новобрачных на ферму на повозке, украшенной цветами, в которую он запряжет свой трактор, — никто и не сомневался, что без его стального друга тут не обойдется. Потом мы все вместе сядем за стол. В семь вечера Гийом и Камилла уедут в Лимож. Номер в лучшем отеле города уже заказан. И на следующее утро они на поезде отправятся в Венецию!

— В Венецию! — повторила Жаннетт. — Как романтично! Нашей Камилле очень повезло...

Амели сочла нужным сообщить гостеприимной хозяйке о своих планах:

— Леон ближе к вечеру приедет за нами на машине. Он всегда так занят... Но со мной сейчас моя славная Жаннетт! Малышей я оставила с матерью. И мне теперь кажется, что я в отпуске... Какое странное ощущение... Скажите-ка, этот маленький мужчинка, наверное, тяжеленький?

Луизон уже засыпал, приткнувшись к бабушкиному плечу. Мари погладила его по головке и сказала:

— Честно говоря, он и правда тяжеленький! Но и я еще крепкая! Любовь этого ребенка вернула мне молодость!

Маленький Жоэль скакал вокруг матери, радуясь возможности размять ноги после долгого сидения в автомобиле. Мелина, прислушиваясь к разговору женщин, срывала на обочине васильки. Ей было немного грустно. Она скучала по своему возлюбленному — красавцу Морису. Мелина была из тех женщин, которые радуются жизни только тогда, когда на них восторженно смотрят глаза мужчины. Ей было просто необходимо ощущать себя любимой, обожаемой. И потом, ей хотелось, чтобы он увидел ее в прекрасном розовом платье и в расшитой жемчугом шляпке из органди. Она никогда не рассказывала родителям об этом парне. Зачем? Ведь она не собиралась с ним обручаться и тем более выходить за него замуж. Зная Мари и Адриана, она понимала, что ее представление о жизни для них неприемлемо. Они будут настаивать на том, чтобы они с Морисом либо перестали встречаться, либо узаконили свои отношения. Как и Леони,

Мелина стремилась к свободе и независимости.

«Ну и ладно, буду танцевать с папой и Полем! — сказала она себе. — Это всего лишь свадьба! Скоро я уеду в Париж и вся моя жизнь изменится! Когда-нибудь я стану знаменитой, как Брижит Бардо, и весь мир увидит меня на обложках журналов!»

И она продолжала мечтать о славе и далеких путешествиях. Заходящее солнце бросало пурпурные лучи на ее раздумывавшееся лицо.

***

Последние два дня Элоди слонялась по поселку и рассказывала всем, кто хотел ее слушать, как этот «щенок Герен», «сын коллабо», напал на ее супруга. Она трепала языком, или, как выражался ее муж Фирмен, разбрасывала свой яд по ветру. Но в Прессиньяке она не пользовалась уважением, так что никто не верил ее бредням.

Элоди вполне годилась на роль героини романа в дурном вкусе. В девичестве она запятнала свою репутацию тем, что общалась с парнями, слишком торопилась задиравать свои юбки. Потом она вцепилась своими коготками в сына владельца табачного киоска по фамилии Прессиго. Несчастный погиб молодым в Первую мировую, оставив ее вдовой с двумя детьми, которых нужно было растить. Местные жители надолго запомнили ее иеремиады! Она уехала в Лимож и жила тем, что убирала в чужих домах... ну, и не чуралась оказывать другие услуги, как кое-кто утверждал. Она вернулась в Прессиньяк, чтобы стать женой Фирмена Варандо. Здесь все помнили о том, что на их свадьбе погиб местный парень, сын бакалейщика.

Фирмен посоветовал жене попридержаться язык:

— Ты зря надсаживаешься, моя цыпочка! Забыла разве, что они запросто могут пожаловаться на нас за те анонимные письма? Пойми, для местных хозяева «Бори» — уважаемые люди! И никто про них плохого слова не скажет. Венсан вбивает в головы детворе социалистические идеи, а сам живет в роскоши в своем громадном бараке! Вот что отвратительно! И мадам Мари люди уважают! Еще бы, ведь она — дочка богатого буржуа, муссюра Кюзенака!

Элоди, которая сочилась желчью, не желала сразу опускать руки. Она хотела отомстить им всем, поэтому сердито ответила мужу:

— Мне плевать, что ты думаешь! Я говорю, что было на самом деле: сын коллабо расквасил тебе нос! Мы тоже можем на них пожаловаться! Почему ты так быстро сдался? Ты же первый возмутился, когда Поль купил себе трактор! Этот щенок Герен не только дал ему денег на

машину и избил тебя всего, но и женится у нас под носом на потаскушке, такой же гордячке, как и ее мать!

Утомившись от собственных словесных излияний, Элоди выпила два стакана вина и упала на скамейку у двери. Она очень сожалела, что их дом стоит на боковой улочке и поэтому она не может видеть, что происходит на центральной площади. Злоба и ненависть варились в ней до того дня, когда церковные колокола зазвонили, объявляя всему миру о бракосочетании Гийома и Камиллы.

Прессиньяк, 21 июля 1954 года

Когда молодые обменивались кольцами, Мари не смогла сдержать слез. Она сама венчалась с Пьером в этой церкви... Воспоминания преследовали ее, несмотря на то что она решила не оглядываться назад. Камилла была такой красивой, что дух захватывало. Ее высокую прическу из золотисто-каштановых волос украшали белые шелковые цветы. Муслиновая фата спадала на плечи, а кружевное платье на атласном чехле делало ее похожей на принцессу из волшебной сказки.

В жемчужно-сером костюме и шляпе с высокой тульей, Гийом выглядел очень элегантно. Кроме всех членов семейства Меснье, Амели и Жаннетт, в церкви были и другие люди — на задних скамьях расселись несколько любопытствующих. Лора играла на фисгармонии, и ее пальцы, изнуренные тяжелой работой, без труда извлекали чарующие звуки.

Стайка нарядных детишек представляла собой очаровательное зрелище: у каждого в руках был маленький букет роз, срезанных Лизон. Девочки, Бертий и Люси, стояли позади невесты вместе с Мелиной, одетой в платье из органди. Жан, Пьер, Жоэль и Луизон вели себя смирно, пока священник произносил речь.

Адриан сидел очень прямо, исполненный достоинства. Как и полагается отцу, который гордится выдаваемой замуж дочерью, он не сводил с Камиллы глаз. Его недоверие по отношению к Гийому за тот год, пока молодые люди были обручены, исчезло без следа. Будущий зять сумел продемонстрировать свои лучшие качества и доказать глубину своих чувств к Камилле.

Новобрачные скромно соприкоснулись губами и обменялись сияющими улыбками — и церемония закончилась. Колокол зазвонил что было сил, и Гийом с Камиллой стали принимать поздравления близких.

— Слышишь, как поет Мария-Антуанетта? — спросила Мари у маленькой Люси.

— Нет! А где она?

— Там, на колокольне! Да-да, моя крошка, Марией-Антуанеттой зовут наш прессиныйякский колокол!

Мари рассмеялась, видя удивление на лице внучки. Девочка, которая робела от всей этой суеты, не осмелилась что-либо на это сказать. Решительно, эта шутка Нанетт переживет еще не одно поколение! Мари поторопилась угостить девочку конфетами.

Поль, подмигнув новобрачным, выбежал из церкви. Он поручил Венсану оставить свой обожаемый трактор у памятника павшим воинам на площади. Повозка нежно-голубого цвета стояла там же, вся украшенная яркими бумажными цветами. Мальчишки, тараща от удивления глазенки, рассматривали McCormick. Это было настоящее счастье — вблизи увидеть чудо техники, о котором нередко упоминали дома родители!

Сначала Поль замер в нерешительности, но потом гордо выпятил грудь и подошел к своей машине.

— Ничего не трогайте!

Стоя чуть в стороне, три уважаемых патриарха тоже любовались трактором и обменивались мнениями по этому поводу. Поль поздоровался с ними, забрался на сиденье и крикнул:

— Внимание! Я завожу мотор! Отойдите в сторону!

Мотор заурчал, и из выхлопной трубы вырвалось облачко серого дыма. Любопытствующие отошли, улыбаясь. Для них это было незабываемое зрелище!

Спрятавшись за стволом липы, Элоди поджидала, когда молодые выйдут из церкви. Гийом и Камилла заняли свои места в повозке, их тотчас же окружили дети. Под аплодисменты Жаннетт и Амели Мелина и Лизон осыпали их зернами риса. Адриан и Мари, держась за руки, помахали этой веселой компании.

— Некоторым все сходит с рук в этой жизни! — пробормотала Элоди. — Все у них есть, а другим Боженька и глаза-то дал только для слез...

И чтобы придать веса словам, она сплюнула на землю, повернулась и пошла прочь.

***

Праздничные блюда были простыми и очень вкусными. В качестве закуски Мари и Лизон предложили нарезанные овощи — редис, помидоры, посыпанные петрушкой, а на нежно-зеленые листочки салата латука разложили кусочки фуа-гра. Лора достала из своих запасов тушеную утку, к которой подали зеленый горошек и жареную картошку.

Адриан сам выбирал вино — местное белое, шарантское, сухое и

прохладное, и бордо великолепного темно-красного оттенка. Шампанское поставили охлаждаться в ведрах с водой у колодца.

— Все просто чудесно! Именно о такой свадьбе я и мечтала! — каждые пять минут повторяла Камилла.

Амели и Жаннетт имели возможность убедиться, что Мари позаботилась обо всем, — стол покрывала огромная белая скатерть, всюду в вазах, старинных бокалах и глиняных горшочках стояли букетики полевых цветов.

Гийом взирал на все глазами очарованного ребенка, чем еще больше расположил к себе всех членов семейства своей молодой супруги.

— Я даже не мечтал о таком восхитительном свадебном пире! — сказал он, поднимая свой бокал.

День выдался прекрасный, легкий ветерок смягчал июльскую жару. По лазурному небу плыли белые пушистые облака. Детский смех и гул разговоров смешивался с блеянием коз в находившейся неподалеку овчарне. Временами мычала корова на лугу, подзывая теленка. Сельский пейзаж дополняло множество летних запахов, но основным оставался аромат сена, которым было забито гумно.

Камилла часто поглядывала на Мелину, удивляясь сдержанности сестры. Улучив момент, она сказала ей, волнуясь:

— Сестричка, только представь, завтра утром я уезжаю в Италию! Это будет мое первое путешествие и мой медовый месяц! Мы будем присылать вам почтовые открытки, и Гийом сфотографирует меня в гондоле! Как мне не терпится скорее оказаться в Венеции!

— Я понимаю тебя, Камилла! И рада за тебя, — с улыбкой отозвалась Мелина.

Лизон принесла фигурный торт, изготовленный матерью Лоры, которая, помимо выпечки хлеба и булок, мастерски готовила сладости. Пока Адриан открывал шампанское, Амели запела «Гимн любви» из репертуара Эдит Пиаф, который часто напевала себе под нос.

Поль подхватил припев, следом за ним и Лизон. Луиза, поддавшись на уговоры своего сына Венсана, исполнила «Золотые хлеба» — к огромному удовольствию Мари, которая обожала эту песню.

Когда солнце утратило свою обжигающую силу и тени в радующем глаз зеленом саду смягчились, Поль предложил поводить хоровод, и дети подхватили эту идею, залиvisto хохоча.

— Какой прекрасный день! — сказала Мари Адриану. — Посмотри на Поля, как он счастлив! В тридцать пять он выглядит совсем юным! Ты был прав, работа на земле и сельский простор подходят ему как нельзя лучше!

— Конечно, — отозвался ее супруг. — И ты тоже сияешь счастьем! И выглядишь, как девушка! Этот день мы никогда не забудем, дорогая! Признаю, наша Камилла выбрала достойного супруга. Погоди-ка... Я слышу звук мотора. Это Леон!

Вскоре появился Леон, он был в своей униформе. Важный вид военного впечатлил Луизона, и он побежал к бабушке прятаться. Гийом вышел навстречу гостю и предложил ему бокал шампанского. Жаннетт стала подавать кофе.

Вскоре наступил момент расставания. Гости уезжали в Лимож. Были и слезы, и смех, и поцелуи, и пожелания счастья молодым. Жаннетт с детьми устроилась на заднем сиденье автомобиля Леона и Амели. Вскоре машина скрылась за поворотом дороги, ведущей в город.

Отъезд гостей ненадолго омрачил радостную атмосферу праздника. Мужчины отошли в сторонку выкурить по сигаре. Женщины стали убирать со стола, весело переговариваясь.

Лора занялась своими делами, которых на ферме было предостаточно. Она объявила, зная, что ее предложение заинтересует самых маленьких:

— Праздник кончился! Я иду кормить кур и гусей! Кто хочет мне помочь?

Бертий и Жан сразу вызвались идти с ней. Камилла воспользовалась моментом и повела Мелину на огород. Какое-то время они любовались ровными грядками с овощами, над которыми возвышались колышки с подвязанными к ним помидорами.

Камилла не знала, с чего начать разговор на интересующую ее тему. Она чувствовала себя глупой и неловкой и стеснялась младшей сестры. Наконец она решилась:

— Мелина, ты сегодня такая задумчивая... Что-то тебя огорчает?

— Ну уж нет, уверяю тебя! А вот ты, похоже, очень нервничала. В такой день это понятно! Ну, признай, я не ошиблась?

Новобрачная покачала своей широкой юбкой из стороны в сторону, а потом зашептала сестре на ухо:

— Я хотела у тебя спросить... Ну, ты понимаешь, этой ночью.... Что женщина чувствует... ну, с мужчиной? И что нужно делать... а особенно чего не нужно?

Покраснев, как помидоры Лоры, Камилла не осмелилась называть вещи своими именами. Мелина все моментально поняла и улыбнулась. Ответила она тоже очень тихо, с усмешкой сожаления:

— Спроси лучше у Лизон! Я знаю об этом не больше твоего...

— Но... Ты ведь спала с Морисом и даже много раз! Ты сама мне

говорила!

— Камилла, я несла невесть что, хотела, чтобы ты мне завидовала, хотела показать, что я ничего не боюсь, особенно парней! Знаю, это не очень-то умно... Но мне нужно было хоть чем-то похвалиться, ведь ты так хорошо училась и ты такая серьезная! С Морисом у нас был только флирт! Я не позволила ему зайти дальше. И не смотри на меня так, ты должна порадоваться за меня!

Камилла оторопела и посмотрела в упор на Мелину, а потом расхохоталась и ущипнула сестру за щеку:

— Ты все-таки талантливая актриса! А я угодила в ловушку, я верила каждому твоему слову! Счастье, что я не рассказала родителям! Они закатили бы скандал, а ты, оказывается, чиста, как ангел! Нет, иногда ты перегибаешь палку! Но ты права — я рада, что ошибалась в тебе, и, увы, я тоже ничего об этом не знаю! — пошутила она.

Мелина обняла сестру за шею и поцеловала.

— Да, я не знаю, как все это происходит, но уверена, что бояться тебе, Камилла, нечего! Это должно быть прекрасно, когда двое любят друг друга, как вы с Гийомом! Теперь мы поменялись ролями — ты все мне расскажешь, когда вы вернетесь из Венеции!

Камилла обещала. Они пошли в дом, подхватив свои длинные юбки, которые шелестели при каждом движении. Грациозные и легкие, одна в белом, другая в розовом, они были похожи на два цветка, которые по воле феи убежали с куста, чтобы потанцевать в косых лучах клонившегося к горизонту солнца.

После долгой церемонии прощания Гийом и Камилла тоже уехали в Лимож... получив напоследок массу ценных рекомендаций.

В этот вечер все в «Бори» улеглись рано. Западный ветер шелестел листвой, убаюкивая обитателей Большого дома. На темном небе появился месяц. Сны пришли на смену всем тревоблениям, а тела наслаждались заслуженным отдыхом после оживленного и полного эмоций дня. Но самые прекрасные ночи не всегда бывают самыми лучшими...

Глава 32

Дети Мари

Поместье «Бори», 21 июля 1954 года

В «Бори» стало совсем тихо. И только один его обитатель никак не мог уснуть и ворочался на постели. Сон не шел к Мелине, она думала о Камилле и Гийоме. Мысленно она проникла в их номер в отеле, где в это самое время, подальше от любопытных взглядов, разыгрывался любовный тет-а-тет. Интимная близость между супругами казалась ей чем-то немислимым. Лежа с закрытыми глазами, она представляла себе, о чем они говорят шепотом, их страстные поцелуи, обнажающиеся тела... все жесты любви, которые отныне были им дозволены.

Девушка глубоко вздохнула и сладострастно потянулась на своей постели. Ее тело, возбужденное столь нескромными фантазиями, мучило ее. Однажды она тоже познает это счастье — отдаться мужчине... Но пока никто из парней не вызвал в ней столь сильного чувства, чтобы она захотела перешагнуть через все запреты. В будущем оправдаются все ее ожидания, Мелина была в этом уверена. А пока она говорила себе, и без капли зависти, что Камилле очень повезло. В распахнутое окно проникал ночной ветерок. Сладкий аромат роз плыл вдоль фасада, опьяняя девушку. Ей казалось, что она лежит среди цветов. И вдруг в ночной тишине ей почудился раскат грома. Звук был такой странный, похожий на отдаленное рычание... Девушка открыла глаза и посмотрела на небо, видневшееся в оконном проеме: ни единой тучки, одни только звезды...

«Это не может быть гроза!»

Мелина села на постели. Инстинкт подсказывал, что происходит нечто аномальное. И тогда она заметила отражающееся в оконном стекле красное пятно. Она вскочила на ноги, выглянула из окна...

— О Господи!

Над фермой вздымались огромные языки пламени, что-то грохотало и падало. Послышались крики и испуганное мычание коров. Сарай был в огне! Мелина торопливо надела платье, сандалии и бросилась в комнату родителей, крича как сумасшедшая:

— Мама, папа, скорее! Ферма, ферма Поля горит!

Мари спрыгнула с кровати с перекошенным от ужаса лицом. Адриан

сразу же начал одеваться. Мелина не стала их ждать и выскочила со словами:

— Я скажу Венсану и побегу помогать!

Адриан хотел остановить ее, но не успел. Девушка уже тарабанила в дверь спальни Лизон и Венсана.

— Вставайте скорее, Бога ради! Сарай Поля горит! Я позвоню пожарным!

Мозг Мелины функционировал на удивление быстро. Стремительная и деятельная, она делала то, что было нужно, словно знала, что именно следовало предпринять. Она набрала номер пожарных и, сдернув с вешалки платок, повязала им голову. В следующее мгновение она уже бежала вниз по склону холма к ферме.

Пожар достиг таких масштабов, что девушка испугалась еще сильнее. Жар от огня шел страшный, он ощущался даже на расстоянии в двадцать метров. Мелина увидела Лору, которая выгоняла из хлева коз и направляла их, крича, на ближний луг. Испуганные животные отчаянно блеяли. Но где же Поль?

— Поль! Поль!

Снова появилась Лора. С перекошенным от страха лицом она схватила девушку за руку:

— Поль пошел выводить телок! Я бегу ему помогать!

— Я позвонила пожарным, они скоро будут!

Крик Мелины затерялся в оглушительном реве пожара. Лора убежала в хлев. Огромные языки пламени вздымались к звездам. Ни дать ни взять оранжевые змеи, извивающиеся на фоне ночного неба... Кошмарное зрелище, настоящий разгул стихии...

Мелина не могла решить, чем именно может помочь брату и невестке. Она могла бы выпустить кроликов из крольчатника, но, оценив обстановку, решила, что пока зверушки вне опасности.

— Куры!

Она влетела в курятник и стала, размахивая руками, выгонять птицу. Рядом испуганные гуси гоготали и били крыльями.

— Выходите! Скорее на улицу! Скорее!

Ужасный шум заставил ее вздрогнуть. Обернувшись, она увидела, как кусок горячей крыши падает на пристройку из старых досок, которую соорудили возле дома. Пламя перекинулось на стены и стало с неукротимой жадностью пожирать пристройку.

«Господи, из-за этого ветра все сгорит!» — в отчаянии подумала Мелина.

От ужаса у нее сжалось сердце. Но нельзя было поддаваться панике! Только теперь она припомнила слова Лоры «сарай... помогать Полю...» и бросилась их искать. Супругов она увидела перед воротами. Их силуэты вырисовывались на фоне огня, и казалось, будто они борются друг с другом.

Подбежав ближе, Мелина услышала, как Поль и Лора кричат друг другу:

— Нет, не входи! Огонь!

— Пусти меня! Успею... завести... выехать...

— Нет! Слишком поздно! Крыша рухнет!

Мелина поняла: Поль хотел спасти свой трактор. Но ему нельзя в огонь! Она хотела помочь невестке удержать Поля, но тут услышала треск огня с другой стороны. Она обернулась и...

— Господи, дом! Люси!

Ей хотелось крикнуть, но получился лишь шепот. Ужас сковал голосовые связки. Поль и Лора были слишком далеко, чтобы заметить эту новую опасность. И у нее не было времени их предупредить! Люси в доме... Да она же заживо сгорит там! Девушка бросилась к двери и оказалась в аду из обжигающе горячего воздуха и рычащего пламени.

Адриан, Венсан, Мари и Лизон прибежали несколькими секундами позже. Поль, чьи волосы обгорели, бросился к ним навстречу, крича как безумный:

— Люси! Моя Люси! Она там! И Мелина тоже!

— Они там! — рыдала Лора. — Мы были возле сарая... Мы видели, как она вошла в дом...

Мари, совершенно растерянная, подумала, что в следующую секунду она умрет на месте. Потери еще одного близкого человека ей не пережить! В голове не осталось ни единой мысли. Боль была так сильна, что она сама себя не слышала, повторяя:

— Люси! Мелина!

На столе в саду все еще лежала белая простыня, служившая на свадебном пиру скатертью. Венсан вбежал в беседку, схватил простыню, завернулся в нее и кинулся в дом. Лизон попыталась удержать его за руку:

— Нет! Не ходи! Наши дети...

Но Венсан оттолкнул жену и вбежал в горящий дом. Поль кинулся за ним. Со стороны Прессиньяка послышался рев сирены — пожарные уже ехали через поселок. Послышались крики. Адриан указал пальцем на дверь:

— Мари, вот они!

Из дома выбежали Венсан и Поль, они что-то несли вдвоем. Лора с хриплым криком бросилась к ним. Мари пришла в себя и побежала за невесткой, следом за ней — Лизон. Три женщины принялись тормошить завернутую в покрывало фигуру. Пришлось немного отойти, потому что пожар разгорался все сильнее. Задыхаясь, Поль стал разворачивать покрывало. Послышался тоненький голосок:

— Мама! Мамочка!

Это была Люси, Мелина держала ее на руках. Мари упала на колени, благодаря Бога и всех его ангелов. Девочки живы, обе!

Девушка дрожала всем телом, она не могла ни говорить, ни двигаться. Плачущий Адриан подошел к ней и ласково прошептал:

— Дорогая, теперь все хорошо! Ты спасла Люси! Давай ее сюда! Мы с тобой, мы рядом!

Скривившись от боли, Мелина разжала руки, которыми крепко держала девочку, и осторожно передала ее Лоре. В отблесках огня все увидели, в каком состоянии пребывает сама спасительница ребенка. Лицо Мелины, ее руки и плечи были покрыты красными пятнами и волдырями.

— Боже милосердный! — прошептал Венсан.

Адриан вспомнил, что он — доктор.

— Быстрее дайте воды! Венсан, Лизон, бегите к колодцу и принесите воды! Нужно охладить ожоги, и немедленно!

Остатки покрывала упали на землю, открыв взорам обгоревшее платье Мелины. Несмотря на боль, которую причиняли ей многочисленные ожоги, девушка сказала твердо и спокойно:

— Я в порядке, папа! Осмотри лучше Люси, прошу тебя! Она так сильно кашляет! От нейлоновой занавески валил отвратительный дым! Я пыталась там задерживать дыхание, но малышка могла надыхаться...

— Ты уверена, что можешь подождать, Мелина? — с беспокойством спросил доктор Меснье, который не знал, кому первому оказывать помощь.

— Конечно! У меня лишь несколько поверхностных ожогов. Войдя в комнату, я схватила девочку и замоталась в покрывало с ее постели. Поль... Где Поль?

— Здесь, рядом с тобой! — с трудом выговорила Мари.

Адриан осматривал сидящую на земле девочку. Перепуганный Поль склонился над ними. Услышав слова Мелины, он встал и подошел к приемной сестре. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он смог заговорить:

— Сестренка, ты спасла мне больше чем жизнь! Ты бросилась спасать нашу дочь, а я, как придурок, думал только об одном — как вывести из

сарая трактор! Я не заметил, как огонь перекинулся на пристройку и дом! А ты сразу поняла, как надо действовать, в отличие от меня! Я так зол на себя, ты бы знала! И я даже не могу прижать тебя к сердцу, ведь тебе будет больно!

Поль смотрел на нее такими глазами! Мелина поняла это послание братской любви и ответила на него слабой улыбкой.

Впервые между нею и Полем возникло ощущение настоящей близости. Этой ночью, когда его ребенок мог погибнуть, Поль осознал, что он и эта девушка — члены одной семьи. Мелина только что всем им доказала, как она их любит. И теперь он горько упрекал себя за то, что обращал на нее так мало внимания раньше. Рыдая, он проговорил:

— Прости меня! И огромное тебе спасибо! Мне жизни не хватит, чтобы отблагодарить тебя за этот героический поступок...

Подоспевшие на помощь действовали слаженно, однако, невзирая на все усилия пожарных и добровольных помощников, огонь разгорался все сильнее, и этому немало способствовали тонны сена и соломы в сарае. Половина жителей Прессиньяка прибежали помогать. Мужчины собирали инструменты, выносили из кухни, до которой пламя еще не добралось, мебель. Женщины выстроились в живую цепочку и предавали друг другу кудахчущую и гогочущую от испуга птицу.

Поль, немного придя в себя после пережитого шока, подытожил:

— Слава Богу, никто серьезно не пострадал и все живы! И я спас свою скотину! Все коровы на лугу за домом. И козы тоже.

Мари устроила Мелину на стуле в саду. Она прикладывала к ожогам на лице девушки влажный носовой платок, стараясь делать это как можно осторожнее.

— Тебе нужно в больницу, дорогая! У тебя почти не осталось бровей, да и ресницы сильно обгорели...

— Мама, мне плевать... Я так рада! Хоть раз в жизни я совершила стоящий поступок — спасла Люси! Знаешь, если бы она сгорела заживо в нескольких метрах от меня, я бы этого не пережила!

Мари посмотрела на Мелину и в ее глазах — она могла бы в этом поклясться! — увидела нечто новое. Ее девочка со столь непростым характером, войдя в охваченный огнем дом, стала другой. Языки пламени словно бы съели все недостатки девушки, открыв всему миру чистейшую жемчужину ее души. Испытание вернуло Мелину себе самой. Взволнованная до крайности, Мари прошептала:

— Думаю, я тебя понимаю! Когда ты сообразила, что девочка может погибнуть в огне, ты просто знала, что нужно сделать, верно?

— Да, мама.

— Ты доказала, что наделена храбростью наивысшей пробы — той, что отличает героев! Рискнув жизнью, ты спасла самое дорогое, что есть у Поля и Лоры, — их дочку! Они все потеряли за час, зато Люси жива! И я горжусь тобой, Мелина! Знаешь, я бы умерла от горя, если бы вы обе сгорели...

Подожли Адриан и Лора, прижимающая к груди свою девочку. Люси, похоже, успокоилась, но еще много месяцев ей по ночам будет сниться горящий дом, охватывающее ее пламя...

— Адриан отвезет меня в «Бори» на машине, — пояснила Лора. — Я уложу Люси вместе с детьми Лизон и вернусь. Мелина, у меня не было времени сказать тебе спасибо! Но не найдется слов, которые могут передать, что чувствует мое материнское сердце! Я буду вечно тебе благодарна!

Лора не смогла ничего добавить — слезы мешали ей говорить. Мелина встала и шепнула ей на ухо:

— Ты бы сделала то же, что и я, просто ты, помогая Полю, не заметила новой опасности. Давай больше не будем об этом. Я вот думаю, куда подевались твои гуси? Я же отогнала их на задний двор!

— Разве сейчас время думать о гусях? — удивилась невестка, плача и смеясь одновременно. — Ты у нас шутница! Не меняйся, Мелина, я люблю тебя такой, какая ты есть!

Пламя продолжало все пожирать на своем пути. Минут через десять в толпе добровольных помощников раздались возгласы:

— За сараем нашли обгоревшее тело!

Чуть позже пожарные принесли на носилках до половины обгоревшие останки женщины. Каждый спрашивал себя, кто бы это мог быть, поскольку узнать ее было невозможно. И вдруг Фирмен Варандо выступил вперед и, дрожа, пробормотал:

— Туфли... Это туфли Элоди! Она ушла куда-то часов в одиннадцать. О нет, надеюсь, это не она!

Недавно прибывшие на место пожара жандармы осмотрели труп и обнаружили обручальное кольцо. Оно, а еще зубы трупа не оставили сомнений: это была Элоди.

Поль недоумевал. Как могла супруга Фирмена оказаться ночью за сараем? Это была полная бессмыслица! Он обхватил голову руками и запричитал:

— Какой ужас! Скажите мне, что это неправда! Что она тут делала?

Мари и Лизон переглянулись. Одна и та же мысль посетила обеих,

страшная мысль. Такое же подозрение зародилось у многих, в том числе и у Фирмена. Он отшатнулся и застонал. В толпе слышались крики. Каждый торопился высказать свое предположение, привести свои доводы... Необъяснимая ненависть Элоди к Мари из «Волчьего Леса» и ее детям была в Прессиньяке всем известна.

— Она потеряла голову, я думаю! Но не могла же она поджечь ферму?!

— Мы проведем расследование, — отозвался начальник пожарной бригады. — И страховщики сделают то же самое!

Огонь стал утихать. Вскоре вернулись Лора и Адриан и узнали о том, что было обнаружено тело Элоди. Они долго обсуждали это известие с Полем.

— Господи, какая кошмарная ночь! — воскликнула Мари.

— И не говори! — отозвался Адриан. — Мне пришлось долго успокаивать Луизу. Бедная женщина чуть не умерла от переживаний! Она присматривала за детьми и из окна гостиной видела, как ширится пожар. Представь, она сочла нужным позвонить Гийому. Они с Камиллой уже выехали сюда и скоро будут!

Мелина теперь наблюдала за событиями со стороны. Она уже вполне владела собой и обмывала ледяной водой из ведра, которое для нее вытащили из колодца, свои обожженные лицо, руки и плечи, которые теперь ужасно болели. Но, невзирая на боль, лицо ее выражало спокойную решимость. Однако она предпочла сохранить принятые решения в тайне. Пока...

Перламутрово-розовый рассвет прогнал ужасы ночи и открыл взорам опустошенную огнем ферму. От нее остались только обгоревшие развалины причудливой формы. Здесь вздымалась к небу сломанная деревянная опора, там виднелись остатки рухнувшей стены... И всюду над усыпанной пеплом землей стелился дым. От его резкого запаха першило в горле. Местные жители постепенно разошлись, заверив Поля в своей готовности его поддержать.

— Мы поможем тебе, не сомневайся! — пообещал ему мэр. — Не надо так убиваться! Ты быстро отстроишься. И тебе повезло, что вся скотина уцелела!

— У меня в этом году излишек сена, — сказал один мужчина. — Заплатишь мне, когда сможешь.

Лора нервно пыталась очистить то, что осталось от утвари, приговаривая при этом:

— Нам повезло, ведь сейчас лето! Мы можем есть на улице и со временем приведем в порядок все, что уцелело!

Хотя Поль был счастлив тем, что Люси удалось спасти, он стал понемногу осознавать масштабы своих потерь. Несколько лет он работал как заведенный, и что у него осталось? Не веря своим глазам, он обводил взглядом останки хозяйственных построек и дома, где он пережил столько счастливых мгновений. Но что просто разрывало сердце, так это темный, покореженный остов сгоревшего трактора. Топливный бак взорвался, превратив машину в груды железного лома. Сев на землю перед сараем, Поль понурил голову и заговорил сам с собой:

— Ни колес не осталось, ни сиденья... Ничего! Столько денег за него отдал, и вот...

Адриан и Венсан успокаивали его как могли. Усталая Мари подошла к Мелине и присела с ней рядом.

— Если бы наша Нанетт дожила до этого дня, у нее бы сердце остановилось! — вздохнула она. — Но, думаю, Поль получит деньги по страховке, особенно если докажут, что причина пожара — чей-то злой умысел.

Девушка вздрогнула.

— Мам, ты и правда думаешь, что это Элоди подожгла ферму? Но это же невероятно! Сделать такое, зная, что могут сгореть три человека!

— Мелина, эта женщина была способна и на худшее! Твой отец думает, что она потеряла рассудок, ну, или вроде того, хотя внешне это почти не проявлялось. Это называется тихое помешательство, если я не ошибаюсь. Ты не знаешь о ней всего, что я знаю. Год назад Гийом рассказал мне, когда мы с ним заговорили о Варандо, что Элоди однажды похвалилась ему ужасным поступком. Он тогда еще приезжал к ним в гости... О, дорогая, будет лучше, если я все-таки тебе расскажу! Как-то осенью, вечером, она приехала в Обазин и бросила кусок отравленного мяса в наш сад...

— О боже! Мой Юкки! Значит, это она его убила! Мама, я тогда так горевала! Я даже стала злой...

— Да нет, ты не стала злой. Ты просто воспротивилась судьбе и стала чуть хитрее. Не плачь, Мелина! Скажи, ты точно решила ехать в Париж? Я подумала, что, если ты захочешь остаться, мы сможем взять другую собаку. Луизон тоже будет на седьмом небе от счастья, он так любит животных!

Мелина воскликнула:

— Какая замечательная мысль! Давай возьмем пуделя! Симпатичного черного пуделя, и я научу его разным трюкам!

— Но... ты же уедешь...

— Нет, мам, в Париж я не поеду. В этом году я еле-еле сдала на

бакалавра, получив жалкие тройки, хотя ты столько времени со мной занималась! Без тебя я бы ни за что не защитила диплом! Сегодня ночью я наконец поняла, чего действительно хочу. Актеры всего лишь развлекают зрителей. А я хочу делать что-то полезное! И я поняла, что именно это для меня важно. Поэтому я приняла решение и уже не передумаю: я стану медсестрой, как моя мать. Моя первая мать, я хотела сказать, Леони... Мне показалось, что это она помогла мне побороть страх перед огнем. Я делала все, как надо, хотя никогда не училась этому! Я чувствовала себя непобедимой! Если ты не против, в сентябре я поступлю в школу медсестер в Бриве.

Мари была не в состоянии вымолвить ни слова. Она поцеловала девушку в волосы, которые спас от огня платок. В глубине души она еще раз поблагодарила судьбу за то, что она привела ее к этому ребенку однажды в зимний день, в обазинской церкви.

— Думаю, добрый святой Этьен снова совершил чудо, дорогая! — сказала она наконец. — Леони гордилась бы тобой! Я доверю тебе один секрет: пока ты жива, она защищает тебя, я в этом уверена!

Утром молодожены уехали в Венецию, но до отъезда Гийом успел позвонить в банк и договориться о том, чтобы Поль смог получить определенную сумму, которая поможет ему встать на ноги. Надежда на покупку нового трактора успокоила Поля, и он стал меньше горевать. Что до восстановления фермы, то средства на это должна была выделить страховая компания.

Вопрос о том, где жить погорельцам, решился быстро. Луиза, мать Венсана, которая жила в маленьком флигеле в «Бори», согласилась на время переселиться в большой дом, где было много свободных комнат. Узнав новость, Люси от радости захлопала в ладоши — теперь она сможет чаще играть со своими двоюродными братьями и сестричкой!

Адриан, Мари и Мелина еще неделю провели в Прессиньяке. Они не сидели сложа руки. Кроме прочего, нужно было срочно соорудить хотя бы временные строения для коров, коз и птицы.

Основные работы были закончены еще до их отъезда в Обазин. Полю и его супруге с дочкой благодаря Лизон и Венсану было где жить, скотина тоже больше не ночевала под открытым небом.

Накануне отъезда вся семья собралась за столом, чтобы вместе поужинать. Адриан, воспользовавшись случаем, сказал Лоре:

— Ты сама выберешь себе новое фортепиано. Нельзя допустить, чтобы поступок несчастной сумасшедшей лишил тебя музыки! А пока ты можешь наигрывать свои гаммы на инструменте в «Бори».

Поль сообщил о выводах экспертов:

— В сарае нашли чужой бидон — у меня таких нет... Ну, вернее, то, что от него осталось... Это доказывает, что это был преднамеренный поджог. Поскольку Элоди нашли мертвой на том месте, откуда начался пожар, ее и сочли виновной!

Мари не удивилась. Слишком свежи были воспоминания о заносчивой и насмешливой девушке, которая пятьдесят лет назад приходила стирать белье в дом Амели Кюзенак вместе со своей матерью Фаншон. Стоило перемениться судьбе маленькой сироты — она в одночасье стала дочерью хозяина «Бори», — как завистливая Элоди воспылала к ней лютой ненавистью. Мари сказала со вздохом:

— Какая печальная история! И что теперь будет с Фирменом? Он бродит по поселку, как привидение!

— Он решил уехать из наших мест, — сообщил Поль. — Его дом уже выставлен на продажу. И я ни секунды не буду о нем жалеть! И не говори мне, что это не по-христиански, мама!

Мари не стала упрекать сына в бесчувственности. Он почти все потерял в одну ночь! Смерть задела его своим крылом, ведь из-за злодеяния Элоди они все могли сгореть заживо — и он, и его жена, и их дочь! На этот раз речь уже не шла лишь о недоброжелательстве! Она вздрогнула, представив возможные последствия этого преступления. Желая поскорее забыть последние события, она все свое внимание переключила на Луизона. Сидя у нее на коленях, сын Матильды играл с плюшевым мишкой.

Мари хотелось одного — поскорее вернуться домой, в Обазин. Мелина попросила ее пока никому не рассказывать о своем решении относительно выбора будущей профессии. Она опасалась, что родные сочтут это ее очередным капризом. Но Адриан, сам того не зная, нарушил их план.

Ожоги девушки начали заживать благодаря мазям, которые прописал Мелине приемный отец. Но красные пятна на лице девушки могли остаться на всю жизнь. Адриана это беспокоило, ведь Мелина мечтала стать актрисой... Поэтому в конце трапезы он поторопился ее успокоить:

— Не переживай, Мелина, ты еще так молода! Через месяц или два от этих отметин на лице не останется и следа! Ты еще легко отделалась, побывав в таком огне!

Девушка была смущена и обрадована тем, что отец так тревожится о ней. Она поняла, что настал момент сообщить ему о своих планах:

— Спасибо, папа, ты обо мне не переживай! Я не хотела говорить, боялась, что вы не примете мое решение всерьез. Дело в том, что теперь я

хочу стать медсестрой, а значит, не важно, красивое у меня лицо или нет, верно?

Признание Мелины вызвало всеобщее удивление, растроганные улыбки... Но никто и не подумал подтрунивать над девушкой. Все осознали, что она похожа на Леони не только внешне... Стало ясно, что ночь пожара сильно изменила девушку. Благодаря ее героическому поступку не только Люси была спасена! Вне всяких сомнений, Мелина поняла, в чем ее истинное призвание!

Обазин, 21 декабря 1958 года

Мари чистила овощи для супа и слушала радио. Супруг поручил ей важное задание: следить за ходом выборов. Адриан уехал навещать своих пациентов, он мог задержаться и пропустить момент оглашения результатов. Вся Франция ждала ответа на животрепещущий вопрос: станет ли генерал де Голль президентом республики?

Луизон рисовал за столом в кухне. Склонив черноволосую голову, он так старался, что даже высунул язык. Внезапно Мари услышала стук входной двери и стремительные шаги. Адриан! Ему навстречу ринулся лающий тоненьким голоском комок черной шерсти.

— Не прыгай, Капи! — крикнул Адриан пуделю Мелины.

Доктор Меснье очень нервничал. Заглянув в кухню, он спросил с беспокойством:

— Ну что, Мари?

— Пока передают, что, скорее всего, генерал будет избран. Предварительные подсчеты говорят в его пользу!

— Замечательно! Я послушаю радио у себя в кабинете, если ты не против. Ты же знаешь, я пламенный его сторонник!

Мари подошла и поцеловала его, пока он не заперся в кабинете. Как она любила его, своего супруга, чьи волосы уже стали белыми как снег! Годы неотвратимо шли, но их чувства не угасали. И им все так же было очень хорошо вместе.

— Иди скорее, дорогой! И не беспокойся обо мне, я в хорошей компании — с Луизоном и собакой. И потом, мне нужно приготовить обед!

Она вернулась к своему занятию, на ходу полюбовавшись рисунком внука. Теперь, когда Адриан вернулся, можно было сделать звук радиоприемника потише. Раньше Мари обожала слушать модную музыку и напевала ее себе под нос, но теперь все чаще предпочитала тишину, которая позволяла предаться размышлениям. Пока руки работали, она могла спокойно думать и вспоминать.

Ее все еще волновало то трагическое событие — пожар на ферме в «Бори» в ночь после свадьбы Камиллы. Прошло четыре года, но воспоминания были свежи, и Мари часто к ним возвращалась. С тех пор в новом сарае появился новый трактор, ферма приносила хороший доход. Старые стены толщиной в добрый метр выстояли все, кроме одной, и это позволило быстро отстроить дом. Благодаря выплаченной страховке дом Лоры и Поля буквально восстал из пепла. Теперь Лора могла музицировать сколько душе угодно на новом инструменте, подаренном Адрианом взамен прежнего, превратившегося в пепел и дым.

Мари подумала о том, что внучку не видела с лета. «Моей Люси уже десять! Как хочется ее увидеть! За четыре месяца она, наверное, так выросла!»

Приближалось Рождество, и через два дня вся семья должна была собраться в Обазине. Камилла и Гийом пообещали приехать вместе с дочерью Мирей, которой уже исполнилось три года. Лизон и Венсан с тремя своими детьми тоже приедут. Перспектива увидеть всех радовала Мари. В прошлом году только Камилла с мужем смогли приехать к ним на зимние праздники.

«Лишь бы не было так холодно, как в 1956-ом!» — подумала Мари с беспокойством.

Воспоминания о той лютой зиме заставили ее вздрогнуть. И она поторопилась подбросить в печь толстое полено.

«Господи! Страшно вспомнить! Такой мороз — это ненормально! Адриан чуть не попал в аварию на скользкой дороге!»

О феврале 1956-го у всех жителей Корреза сохранились ужасные воспоминания. На Францию с берегов Скандинавии обрушились потоки ледяного воздуха. Начались затяжные снегопады, а в Усселе температура опустилась до двадцати шести градусов ниже нуля по Цельсию! Морозы стояли две недели, в результате чего лопнули канализационные трубы и остановилось все строительство. В Бриве замерзла река, и в газетах публиковали фотографии отчаянных голов, катавшихся по льду Корреза на мотоциклах и даже на автомобилях.

Эта зима запечатлелась в памяти не только Мари и жителей их региона, но и всей страны. Всего во Франции жертвами небывалых холодов стало девяносто пять человек, но в их департаменте, благодарение Богу, никто не погиб. Поставив суп на огонь, Мари присела рядом с Луизоном спиной к теплой печке и склонилась над своей знаменитой записной книжкой с кулинарными рецептами.

— Я все время мысленно перебираю воспоминания, — сказала она

себе. — Лучше бы я составила рождественское меню и посчитала, сколько понадобится спальных мест. Нас будет пятнадцать, если Мелина в этот день не уйдет на дежурство. Это было бы скверно, потому что так хочется собраться всем вместе!

— Что ты там шепчешь, ба? — спросил Луизон.

— Не обращай на меня внимания, мое сокровище! Я в последнее время часто говорю сама с собой! Ну, ты закончил свой рисунок?

Мальчик, весьма гордый собой, протянул ей свой шедевр. Возле огромного солнца он нарисовал нечто странное. Увидев выражение лица бабушки, мальчик пояснил, смеясь:

— Это же Капи!

— Ну конечно! Я его сразу узнала! — соврала Мари. — Прекрасный рисунок, Луизон, дорогой!

Мальчик радостно перевернул страницу альбома и принялся рисовать зеленым карандашом тоненький круг. Через его плечо бабушка следила за тем, как появляется новый рисунок.

— Уж не инопланетянина ли ты рисуешь? — спросила она. — Помнишь, вчера я рассказывала тебе о маленьких человечках, которые прилетают на Землю из космоса?

Рука Луизона замерла. Мальчик нахмурил брови. Бабушка всегда рассказывает столько интересного, но употребляет слова, понять которые очень непросто! Он улыбнулся, радуясь, что ей так понравился его рисунок. Мари оставила его рисовать и снова занялась супом. Стоило ей поднять крышку кастрюли, как в ноздри ударил аппетитный запах.

— Суп почти готов! Давай, малыш, дорисовывай своего красавца инопланетянина и мой руки — скоро сядем за стол! Завтра мы с тобой будем наряжать елку, поэтому сегодня вечером тебе нужно лечь спать пораньше!

Снова вспомнив о космических путешествиях, Мари улыбнулась. Луизон посмотрел на нее с удивлением и снова занялся своим рисунком. Этот взгляд не укрылся от бабушки, поэтому она отвернулась, продолжая улыбаться. Инопланетянин Луизона напомнил ей о том, что случилось десятого сентября 1954 года. Об этом событии трубили все газеты юго-западного региона страны. В том числе и «La Montagne». Некий Антуан Мазо, порядочный крестьянин, который, однако же, был не прочь пошутить, на плато Мурьера, что близ Бюжа, ночью повстречал странного господина. Мазо, этот шестидесятилетний мужчина, шел с вилами в руке, когда наткнулся на незнакомца в странном головном уборе. Обменявшись с крестьянином рукопожатием и даже поцеловав его, удивительный господин

растворился в ночи. Услышав странный звук, Антуан обернулся и увидел «диковинный аппарат удлинённой формы, который летел над землей, как птица, только очень низко». Но скоро и он исчез из виду.

Придя домой, этот добрый человек обо всем рассказал жене и соседям. Это так и осталось загадкой, несмотря на проведенное жандармами расследование. В тот же самый день поступили и другие сообщения: люди видели красные диски на небе, за которыми тянулся шлейф голубого дыма. А двадцатого сентября летающий объект планировал над трактором фермера из Лашассана.

Разумеется, супруги Меснье следили за развитием этих событий, которые очень заинтересовали Мари. Адриан, человек более приземленный, поднимал все это на смех. Однажды, когда об этом зашла речь во время семейной трапезы, он даже пошутил:

— В наш прекрасный Коррез туристы прибывают издалека! Поскорее бы и мы, бедные земляне, стали летать на другие планеты! Сколько тайн было бы раскрыто!

Поль с нетерпением ждал, когда же и к нему наведаются «зеленые человечки»; Лора в эти истории совсем не верила. Гийом, который имел неплохие познания в астрономии, был озадачен. А старшие дети, затаив дыхание, слушали, что говорят взрослые. Играя, Жан перевоплощался в Антуана Мазо, а Бертий становилась инопланетянином...

— Мари! Мари!

Адриан отвлек супругу от размышлений. Она вышла в коридор и увидела, что он подпрыгивает на месте, воздев руки к потолку, крича при этом:

— Победа! Иди и поцелуй меня, дорогая! Сегодня — великий день! Все получилось! Де Голь — президент республики! Как я рад! Двадцать первое декабря 1958 года войдет в историю, можешь мне поверить!

Мари захлопала в ладоши, выражая свой восторг, а потом подошла к супругу. Адриан обнял ее за талию и закружил по коридору.

— Адриан, тебе не стыдно так сходить с ума, в нашем-то возрасте? Тебе ведь уже семьдесят!

— И что? Будь мне даже сто, я бы танцевал на месте, моя любимая женушка! И все-таки де Голля избрали! Представь, я жал руку президенту Франции! Я рад, что съездил в Обжа в феврале 1950-го. Я стоял в первом ряду, и он, посмотрев на меня, протянул мне руку. Я уверен, он узнал меня! Мы встречались, когда я ездил в Париж в конце войны. Мы тогда даже обменялись парой слов — выразили уверенность в победе...

Мари расхохоталась. Эту историю Адриан рассказывал ей не один

десяток раз. Он же, не в силах сдержать радости, продолжил:

— Какой видный, обаятельный мужчина наш генерал, и так гордо несет себя! И пусть замолкнут клеветники. В общем, у меня сегодня праздник! Мы за ужином пьем шампанское по такому поводу!

Из кухни пришел Луизон. Адриан поднял его на руки и расцеловал в обе щеки. Растроганная Мари, глядя на них с улыбкой, сказала:

— А теперь идемте есть суп, мои дорогие!

Через час зазвонил телефон. Друг доктора Меснье, зная о том, что Адриан — ярый сторонник де Голля, хотел обсудить с ним результаты выборов. Мари уложила Луизона спать и спустилась в гостиную. В темноте комнаты затаилась высокая ель. Она словно убежала из леса и здесь нашла себе приют... Мари закрыла глаза и вдохнула запах еловой смолы. Скорее бы наступило завтра, когда они с Луизоном станут наряжать это прекрасное дерево! Она прошептала, закрывая дверь:

— Еще одно Рождество в окружении детей... Спасибо тебе, Господи!

***

Месяц спустя Адриан как-то раз собрался выехать на срочный вызов. Мари уже отвела Луизона в школу. Она и Адриан решили, что ему уже пора учиться, потому что дома мальчик скучал. Он быстро привык к этой перемене в жизни и с радостью общался с детьми.

На улице шел холодный дождь. Видя, что муж торопливо надевает резиновые сапоги и берет свой чемоданчик, Мари спросила с беспокойством:

— Куда ты?

— В Куару! В старом карьере мсье Паке, который теперь принадлежит семье Ролл, несчастный случай. Серьезно ранен рабочий. Как жаль, что Мелины нет дома, она поехала бы со мной. Думаю, помощь мне бы не помешала!

— Я еду с тобой! — заявила Мари. — Я не медсестра, но могу пригодиться.

Адриан согласился, только попросил поторопиться. Мари надела непромокаемый плащ, сапожки на меху и последовала за супругом.

Через четверть часа они были на месте. В карьере царил паника. Начальник проводил их туда, где случилось несчастье.

— Доктор, я вызвал пожарных по вашему совету. Мои парни разрабатывали хороший пласт гранита. Розового, понятно дело! Все это наверняка из-за этих дождей! Огромный пласт обрушился...

Мари посмотрела по сторонам. Сюда они пришли, шлепая по грязи. Ей

не доводилось бывать в действующих карьерах. Жан-Батист Канар часто предлагал ей съездить посмотреть карьер Даниэля, работами в котором он руководил, однако ей этого не хотелось. Мари карьер казался иным миром, населенным мужчинами, большинство из которых были иностранцами — венграми, итальянцами, бельгийцами... Теперь она подумала о том, что у всех у них были жены и дети...

— Неужели ваши люди работают и в такую погоду? — спросила она у начальника карьера, увидев каменотеса в желтом плаще за работой.

— Конечно, мадам! Труд каменотеса тяжел! Летом они жарятся на солнце, загружая камень в грузовики, а зимой работают и в снег, и в дождь, и в мороз. Руки замерзают, движения становятся скованными, и из-за этого часто случаются травмы. Но это не сегодняшней случай!

Они пришли на место трагедии. Мари едва сдержала крик ужаса: на раскисшей земле лежал молодой мужчина. Он стонал — ногу ему придавило огромным камнем. Товарищи пытались освободить его, но глыба весила не одну сотню килограммов. Несчастный рабочий все еще сжимал в руке свою кирку, которой он откалывал куски гранита. Потребовалось немало времени, прежде чем, сдвинув камень, удалось освободить ногу пострадавшего.

Адриан опустился на колени и осмотрел раненого. Он огласил свой вердикт уже через пару минут:

— Два открытых перелома и травма грудной клетки. Нужно отправить его в больницу!

Адриан нащупал пульс больного, опасаясь, что могут быть и другие повреждения. Внезапно послышался глухой шум, перешедший в рокот. Кто-то потащил Мари в сторону. Начальник карьера закричал:

— Назад! Это обвал!

— Адриан! — вскрикнула Мари.

— Доктор, уходите скорее! — заорал один из каменотесов, подбежав к Адриану. — Все сейчас рухнет!

— Сначала возьмите беднягу! Здесь нужны носилки, но у нас нет выбора!

Каменотесы выполнили его распоряжение, Адриан стал собирать свои инструменты. Внезапно гора словно бы раскололась надвое. Вниз обрушилась смесь камней, земли и воды.

— Господи, Адриан! — раздался крик Мари.

Согнувшись пополам, доктор Меснье подбежал к жене. Следом за ним, словно преследуя его, катился камень. Он угодил Адриану в левую икру, сбив его с ног. Упало еще несколько камней, и все стихло. На том месте, где

минуту назад были раненый и врач, высилась огромная глыба, наполовину утонувшая в грязи.

Адриан прокричал, чтобы всех успокоить:

— Мы еще легко отделались! У меня все кости целы. Камень только задел меня.

Мари бросилась к супругу и обняла его, рыдая.

— Любовь моя, я не знала... Сколько раз ты так рисковал, а я спокойно ждала тебя дома!

— Мари, попроси, чтобы нас отвезли в Обазин, и вызови доктора Симона из Бейна. Он осмотрит мою ногу и займется раненым. Все, для меня с медициной покончено! Сил моих больше нет, ты меня слышишь? На этот раз это окончательное решение!

Она кивнула, не находя слов, чтобы выразить свою радость. Много месяцев Мари ждала этого решения. Адриан столько сил и времени отдал своим пациентам, что уже пора было отдохнуть — выйти на пенсию. Не помня себя от счастья, Мари сказала себе: «Теперь он никогда не уедет от меня в спешке хоть днем, хоть ночью, чтобы помочь попавшему в беду в любом уголке кантона!» Она так боялась потерять его, но теперь обрела насовсем!

Мари огляделась. Как тяжел труд каменотеса! По многу часов они проводят здесь, обтесывая гранитные блоки... И кому нужен весь этот камень? Дома, памятники, стены сооружали из каменных глыб, временами смертоносных, вдали от этой грязи. Одно предприятие заказывало камень для мостовой, другим нужно было облицевать гранитом фасад здания, а рабочие трудятся в ужасных условиях вот в таких карьерах. Она искренне им сочувствовала. Это не имело ничего общего с описаниями Жана-Батиста Канара. Послушать его, так в этой профессии не было ничего опасного. Она трудна, бесспорно, но начальник карьера, друг Адриана и Мари, чуть ли не с поэтическим вдохновением описывал жизнь рабочих, совместные обеды под солнцем или в ангаре, если погода стояла дождливая... Он говорил о своей бригаде как о семье, пусть и довольно необычной...

Еще один день навсегда запечатлелся в памяти мадам Меснье — таким, каким его восприняло ее чувствительное сердце.

Глава 33

Обазин, июнь 1961 года

Аббатская церковь с трудом вмещала толпу прихожан. В это прекрасное летнее воскресенье мессу должен был служить Даниэль Канар, который вырос в Обазине. Брат Жаннетт приезжал в городок с родителями, когда ему было три месяца, и вот теперь он смотрел на толпящихся в проходах церкви верующих с сияющей улыбкой на устах.

На сегодня были назначены и крестины сына Камиллы, рожденного в мае. Мари исполнилось шестьдесят восемь, но никто не давал ей больше пятидесяти пяти. По случаю она надела новый наряд — бежевый костюм с расшитым жемчугом шелковым цветком у воротничка. В толпе многие смотрели на нее с восхищением. Жаннетт подошла, чтобы с ней поздороваться.

— Добрый день, мадам Мари! Вы, как всегда, такая элегантная! — сделала она ей комплимент. — Камилла тоже выглядит превосходно! Знали бы вы, как я волнуюсь! Сегодня — великий день для моего любимого младшего братика!

Мари очаровательно улыбнулась молодой женщине и сказала:

— Я вижу, Жаннетт! Вы вся светитесь от радости, и я вас понимаю. Ваш брат выбрал замечательный путь! Совсем недавно его посвятили в сан, и вот он уже вернулся к нам и служит мессу в Обазине! А я вижу вас всех детьми, словно это было только вчера! Ваша мать и вы, совсем маленькие...

— Нас было шестеро, и все цеплялись за ее юбку! Ну, если быть точной, четверо самых маленьких уж наверняка! А наш Даниэль уже пять лет священник. Церемония посвящения была такой волнующей!

— Я знаю, Амели рассказывала мне о ней в деталях. Идемте, нужно поспешить, если хотим сидеть в первых рядах!

Мари оставила Жаннетт и подошла к Камилле. Дочь держала на руках своего малыша — красивого младенца, которому едва исполнился месяц. Она прошептала матери:

— Надеюсь, во время службы он не заплачет...

Гийом помахал теще рукой. Он пытался урезонить свою старшую дочь Мирей, которая бегала по центральному проходу. Девочке было всего шесть, и церковь представлялась ей прекрасным местом для игр.

Когда прихожане расселись, молодой священник поприветствовал их в Божьем храме и объявил, что после мессы будет проведен обряд крещения Базиля Герена.

Отец Даниэль был высоким молодым человеком с гармоничными чертами, придававшими его лицу выражение энергичности и безмятежности. Пламенная вера угадывалась в каждом его жесте, в его глазах, в интонациях голоса. И вот он приступил к причащению. Прихожане, получив облатку, чувствовали, что укрепились в своей вере. Мари не была исключением. Она ощущала мир в душе и в очередной раз положила на милосердие Божие.

Амели и Леон Канар стояли рядом с Жаннетт и ее отцом, Жаном-Батистом. Все они, несомненно, с уважением относились к молодому священнику и даже восторгались им. Они знали, что он избрал этот путь по велению сердца.

Наконец Камилла поднесла сына к купели. Малыш заплакал, ощутив прохладную освященную воду на своем лобике, но ласковый голос мамы быстро его успокоил.

Толпа постепенно вытекала из церкви и рассыпалась на группки, оживленные и говорливые. Люди на площади обсуждали мессу, женщины сопровождали свою речь широкими жестами и пересыпали ее восклицаниями.

Мари по случаю крестин внука устроила семейный обед. Перед тем как расстаться с друзьями, она пригласила их на торт после обеда. С тех пор как Адриан вышел на заслуженный отдых, часть своего свободного времени он посвящал саду. Мари решила поставить большой стол и плетеные стулья на великолепной ухоженной лужайке, окруженной цветущими клумбами, чтобы пообедать «в сельском стиле».

Обычно полуденные часы в июне бывали очень приятными. Сегодня день тоже выдался прекрасным. Камилла поставила коляску с сыном в тени ели. Мальчик спокойно спал, когда сотрапезники подняли бокалы за его здоровье.

Разговор шел своим чередом. Лизон и Венсан рассказывали Амели и Леону Канарам о своей работе в школе Прессиньяка. Жаннетт и ее муж Люсьен слушали Поля, говорившего об огорчениях и радостях жизни фермера.

Адриан, разумеется, предпочитал говорить о политике и обсуждать новости со своим зятем Гийомом. Главной темой дня был подвиг Юрия Гагарина, первого человека, полетевшего в космос. Это событие, по их мнению, стало предвестником будущих межпланетных полетов, которые

пока еще казались чем-то невероятным.

— Скоро человек ступит на Луну, Гийом, вот увидите! — пылко сказал Адриан.

Более спокойный, его зять ответил:

— Без сомнения! Но кто? Американцы или русские?

Недалеко от отца и мужа Камилла с бокалом шампанского в руке слушала рассказы Мари-Эллен о сыне Этьене. Ее единственное дитя было очень послушным. Вот только мальчик никак не хотел отказываться от мечты о маленьком братике...

Все смеялись, отовсюду слышались радостные возгласы. Дети, которых в саду собралось немало, играли вместе. Сидя в плетеном кресле, Мари наслаждалась этим зрелищем. Маленькая Мадлен превратилась в красивую улыбчивую молодую женщину. Рядом с ней стояла Мелина, как всегда ослепительная. Обе пока еще были незамужними.

Жан, сын Лизон, очень вырос. Молодому человеку вскоре должно было исполниться восемнадцать. Он часто помогал дяде Полю на ферме. Его сестра Бертий, ласковая девушка пятнадцати лет, училась очень хорошо. Пьер, светловолосый, как и его отец Венсан, был самым шаловливым из всех детей. Он исполнял малейшие капризы своей двоюродной сестры Люси. Обоим весной исполнилось по тринадцать. Пьер был худеньким и темноволосым, а Люси — рыженькой и пухленькой. Луизон вырос в крепенького девятилетнего мальчика с такими же черными, как у матери, волосами. Он был настолько серьезным и сдержанным, что это даже временами беспокоило Адриана. По его мнению, дети в таком возрасте должны шалить и играть, а не являть собой пример образцового послушания.

В сердце бабушки сын Матильды занимал особое место. Он рос в их доме, и она считала его своим собственным ребенком. Когда нужно было отнести монахиням одежду для бедных, он часто сопровождал ее.

Адриана немало удивлял тот факт, что Жиль, отец Луизона, так ни разу и не появился в их городке. Похоже, судьба сына совершенно его не волновала. Мари какое-то время опасалась, как бы он не приехал с требованием отдать ему ребенка, но парикмахер уехал из Брива, и от него не было никаких вестей. Опека над Луизоном была окончательно доверена доктору Меснье и его супруге. Мари вздохнула. Она никогда не узнает, что на самом деле произошло между Матильдой и Жилем в ту фатальную ночь в Бриве. Но зачем в очередной раз пробуждать горестные воспоминания? Это все равно ничего не изменит...

Мари стала думать о внуках.

Мирей, светловолосая и светлоглазая, как и ее отец, была младше Люси. Гийом обожал дочь и прощал ей почти все шалости. Самым маленьким был младенец Базиль, который спал в своей коляске.

С течением времени Мари научилась ясно видеть недостатки каждого человека, но и не забывать о его многочисленных достоинствах. Она была и любящей и строгой бабушкой, в зависимости от того, шла речь о грамматической ошибке или о давно желанной игрушке. Любовь ее к своим родным была безграничной. И все они ее обожали и уважали.

Сегодня к радостной стайке детей в саду семейства Меснье добавились Жан-Марк и Франсис — сыновья Амели и Леона, ласковый Этьен, сын Мари-Эллен, и Жоэль с Даниэлем — очаровательные отпрыски Жаннетт.

Маленький Кану́ — это было прозвище младшего сына Жаннетт и Люсьена, как раз подошел к Мари. Этот светловолосый и тоненький, если не сказать худенький мальчик очень любил приезжать с родителями в Обазин. Он гулял по площади, играл у фонтана или задерживался у скамейки, на которой его дедушка Жан-Батист так любил сидеть в компании отца Амели Марка Лажуани. Здесь почтенные обазинцы встречались, чтобы обменяться новостями, поговорить о делах в городке и событиях в мире. Мальчику же ужасно нравились белоснежные усы этих пожилых господ. Он останавливался рядышком и ждал, когда же один или другой спросит у него, пощекотав ему подбородок: «Ну, как дела, мой маленький Кану, все в порядке?» На этот вопрос мальчик всегда отвечал сияющей улыбкой.

Даниэль хотел было пройти мимо Мари, чтобы посмотреть, чем заняты хорошенькая Люси и ее кузен Луизон. Супруга доктора Меснье притянула его к себе и поцеловала:

— Кану, ты всем доволен? Сегодня у тебя есть с кем поиграть...

— Да, мадам Мари, — пробормотал ребенок.

— Скажи, большая конфета, которой тебя угостила тетя Амели, была вкусная?

Мальчик посмотрел на нее широко распахнутыми глазенками. Похоже, он не понимал, о чем речь. Забыв о своей робости, он воскликнул:

— У меня нет тети Амели! Моя тетя Ненетт вон там! Она дала мне конфету!

— Но ведь это и есть твоя тетя Амели!

Амели заметила, что племянник показывает на нее пальчиком. При виде озадаченного лица Мари она поспешила ей на помощь, заранее улыбаясь. Амели пояснила:

— Дорогая Мари, все очень просто! Для моих племянников я — тетя Ненетт. Они даже не знают, как меня по-настоящему зовут. Мило, правда? Ненетт — так хорошо звучит и весело... Мне это прозвище по душе!

Мари улыбнулась ей в ответ и, поцеловав еще раз Кану, отпустила его. Мальчик убежал. Он так и не понял, кто такая эта Амели.

Когда гости разошлись, Мари ненадолго осталась в гостиной одна. В этой комнате всегда было прохладно. Когда в ней не стояла елка, Адриан принимал здесь своих друзей, они беседовали и играли в бридж.

Мари приходила сюда каждый день и смотрела на портреты Матильды и Нанетт. Вот и сейчас она подошла и встала перед ними. В вазе под фотографиями стоял букет роз. И снова она обратилась к своим родным, которые уже давно ее покинули:

— Моя маленькая Ману, как я по тебе скучаю! Надеюсь, ты смотришь на нас с небес! Сегодня прекрасный день, правда? Твой Луизон часто приходит на тебя посмотреть, как и я. Может, он тоже с тобой разговаривает... Я этому очень рада, потому что не хочу, чтобы он забывал свою маму. А тебе, моя Нан, непременно понравилась бы сегодняшняя месса! Это было так волнительно! Казалось, Святой Дух снизошел в сердце каждого верующего, чтобы изменить нас к лучшему... Брат Жаннетт — настоящий духовный пастырь! Его вера так сильна, что, по моему мнению, могла бы двигать горы, как говорил Иисус. Нан, мы по тебе очень скучаем! Перестав слышать твое ворчание на лимузенском патуа, я совсем разучилась его понимать!

Прочитав короткую молитву, Мари поцеловала кончики пальцев и коснулась ими портретов умерших. Затем она вернулась в сад. Теперь походка у нее была не такой легкой, как раньше, когда она, маленькая сирота, бегала под солнцем по дороге, ведущей в Волчий лес.

21 июля 1969 года

Мари открыла ставни в гостиной, чтобы впустить предвечернюю прохладу. Солнце клонилось к горизонту, из сада доносилась песня сверчка.

Вскоре все обитатели дома доктора Меснье собрались в гостиной. Гостья, мама Тере, присела в кресло рядом с Мари. Она тосковала по своей Мадлен. Женщины очень сожалели о том, что виделись теперь намного реже. Мадлен в апреле 1966-го вышла замуж за славного парня из Лиможа — Жака Барди. Мари и мама Тере были очень рады поддержать Мадлен, делающую первые шаги в роли молодой супруги. Они ездили в Лимож, чтобы присутствовать при венчании ее и Жака в церкви Святого Петра.

Гийом и Камилла приехали погостить в Обазин со своими двумя детьми. Восемилетний Базиль возил по рисункам на ковре свою металлическую игрушечную машинку.

Адриан открыл бутылку сидра, Луизон принес печенье на блюде.

— И подумать не могла, что увижу подобное! — воскликнула Мари.

— И я тоже! — отозвалась мама Тере.

— Как здорово, что мы можем это видеть благодаря телевизору! — заявил Луизон.

Мари ласково улыбнулась подростку. Она отпила глоток сидра и сказала:

— Я знаю, что наука развивается семимильными шагами, но что подобное происходит в наши дни! Невозможно поверить! Правда, мне уже семьдесят шесть... Как быстро летит время! И все эти перемены в мире... Думать об этом немного странно...

— Ты права! — отозвался Адриан. — Но одно не меняется, несмотря на все уроки Истории: люди продолжают убивать друг друга. Мы безнадежны! Война в Алжире, потом во Вьетнаме... Страшно думать о том, что будет дальше, к чему этот ужас нас приведет! А что до научных свершений, то я знал, что это скоро случится! Вспомни, Гийом! Я это предрек, когда Гагарин полетел в космос!

Гийом, который сидел рядом с женой, отозвался живо:

— Совершенно верно! Но я не понимаю, почему вы не вспомнили май 1968-го! Эта мини-революция потрясла Францию! Было жизненно необходимо устранить старую систему и построить новую! И я очень рад, что Франция на референдуме сказала «нет» законопроекту генерала де Голля!

Мама Тере и Мари обменялись огорченными взглядами. Они не удивились, услышав сердитый ответ Адриана:

— Гийом, ты меня разочаровываешь! Когда приезжаешь в мой дом, оставляй свои убеждения за порогом! Было глупо голосовать против генерала! Я даже жалею, что живу в Коррезе, который отказался поддержать де Голля. Подумать только, в мае нашим президентом стал Помпиду! А эта темная лошадка Франсуа Миттеран? Что хорошего можно от него ждать?

Еще немного, и Гийом бросился бы в словесную баталию. Он внимательно следил за развитием событий в 1968-ом, а потом — и за президентской кампанией 1969 года.

— Думаю, Миттеран — человек будущего! Социалисты должны получить власть, это в интересах всего народа!

— Вот как? Это занятно — банкир играет роль защитника простого люда!

— И все же я предпочитаю свое место, которое мне досталось в результате немалых усилий, вашему, мой тесть! Семьи докторов являют собой фундамент буржуазии, и это тоже должно измениться...

— Замолчите оба! — прикрикнула на мужчин Мари, чувствуя, что эта дискуссия может закончиться ссорой. — Вы пугаете маленького Базиля! Хочу вам напомнить, что мы собрались не затем, чтобы спорить о политике! Если вы забыли, сегодня первый человек высадится на Луне!

— Мама права, — подхватила Камилла. — Луизон, сделай звук погромче! Смотрите, Нейл Армстронг надевает скафандр!

Мир, похоже, снова воцарился в гостиной. Мама Тере предложила всем угоститься яблочным пирогом — местным деликатесом, который Мари обожала. Она поблагодарила свою старую подругу улыбкой и сжала ей руку.

— Что остается неизменным — так это наша дружба! Приют закрыли четыре года назад, но, пока мы живы, мама Тере, будем перелистывать дорогие нам воспоминания. Это должно было случиться рано или поздно. В последний год его существования там почти не было сирот, из монахинь осталась только сестра Мари-дез-Анж...

Мадемуазель Берже на мгновение закрыла глаза. Она вспомнила мать Мари-де-Гонзаг, которая не дождала до этого печального события. Она мирно ушла за несколько месяцев до этого...

— Моя дорогая Мари, мне не на что жаловаться! Я смогла купить маленький домик в окрестностях Обазина, где с такой радостью принимаю вас с Луизоном. Моя семья оставила мне кое-что, поэтому я ни от кого не завишу материально. Мадлен навещает меня, а ее супруг Жак ухаживает за моим садом.

— Тише! — прикрикнул на них Луизон. — Ба, вы так громко говорите, что я не слышу диктора!

Все замолчали и стали смотреть на экран. Наконец американский астронавт ступил на лунную поверхность. Комментатор произнес слова, которые вошли в историю: «Маленький шаг для человека, но огромный — для человечества!»

Мари встала и подошла к окну. На потемневшем небе ярко светила луна, о которой поется во многих песнях. Супруга доктора Меснье пробормотала, глядя на нее:

— Там сейчас люди! Это невообразимо! Я живу так долго, что смогла стать свидетелем такого чуда!

Подошел Адриан, обнял ее за талию и нежно поцеловал в щеку.

— Это ты — настоящее чудо, моя любимая женушка!

Мари улыбнулась своему прекрасному супругу, положила голову ему на плечо и вздохнула, ощущая себя счастливой.

Эпилог

Письмо Мари дочерям, 10 июля 1970 года

Лизон, Камилле и Мелине!

Мои дорогие девочки, я очень рада, что вы, наконец, все вместе отправились в отпуск в Сен-Пале-сюр-Мер. Гийом сделал прекрасную инвестицию, купив в прошлом году эту виллу! Иметь зятя-банкира очень приятно и обнадеживающе, особенно для такой беспокойной матери, как я.

Я пишу вам одно письмо на троих. Как говорила моя славная Нан, «у меня настроение поболтать». Если бы вы знали, как часто я о ней вспоминаю! Я представляю, что бы она сказала на своем забавном грубоватом диалекте по поводу того, что происходит в этом современном мире, в котором даже я с трудом нахожу себе место.

В наши дни машин на улицах стало больше, чем пешеходов. Я испугалась на днях, приехав в Брив. Я не решалась переходить дорогу на проспектах! А ведь наша Матильда была одной из первых, кто осмелился сесть за руль! Теперь у вас у всех есть права, разумеется! Времена меняются, не так ли?

Я все время думаю о вашей сестре. Эта утрата до сих пор отдается болью в моем сердце, и это мой крест, потому что ни одна мать не перестает скорбеть о безвременно ушедшем ребенке. Представьте себе, вчера я получила письмо от мадам Ведрен. Это мать Жилия, бабушка Луизона. Эта несчастная женщина, вдова, оплакивает своего единственного сына, погибшего недавно в автокатастрофе. Она знала, что у них с Матильдой родился ребенок, но якобы не осмеливалась попросить о встрече. Думаю, она не слишком часто вспоминала о своем внуке, поскольку за все эти годы ни разу не попыталась с нами связаться. Но утрата сына заставила ее желать сближения с внуком. В жандармерии Брива ей дали наш адрес. В общем, мадам Ведрен смиренно просит позволить ей познакомиться с Луизоном. Можете представить, как я разволновалась! Мы с Адрианом долго об этом говорили и решили ответить согласием. Теперь осталось подготовить нашего дорогого внука к этой встрече.

Я очень сожалею, что так и не спросила у Жилия, что случилось в последние часы жизни Матильды. И он, и она унесли эту тайну в могилу.

Без сомнения, ее боль была так сильна, что мы даже не можем себе представить. Но давайте поговорим о приятном!

Я в свои почтенные семьдесят семь до сих пор много читаю, сидя в кресле, а Адриан предается своей новой страсти — решает кроссворды. Мне так забавно видеть его с очками на носу, карандашом, стирательной резинкой и словарем под рукой! И поскольку ему повезло с супругой — я ведь бывшая учительница, — он часто обращается ко мне за помощью...

Мы очень счастливы и, слава Богу, ни в чем не терпим нужды. Нашим любимым развлечением остаются посещения ярмарок в Обазине — они, как обычно, проходят на площади, прямо перед нашими дверьми. В апреле, как и каждый год, прошла ярмарка Святого Георгия. На нее съезжается все больше людей, которые с удовольствием пробуют местный сыр и вина Жиронды.

И зачем это я в письме рассказываю вам о своей будничной жизни? Вы ведь и так все это знаете! Наши разговоры, когда вы приезжаете, всегда вертятся вокруг детей и повседневных забот.

Наше прекрасное аббатство, которое я считаю своим первым домом, привлекает массу туристов, которые наводняют городок летом. По Обазину носятся с оглушительным ревом мотоциклы. Но самое грустное то, что закрылся приют. Я до сих пор сожалею об этом, хотя это печальное событие случилось в 1965 году. Прошло пять лет, пора бы привыкнуть!

Раз в неделю я навещаю нашу маму Тере. Она живет вместе с Мадлен и ее супругом Жаком в своем маленьком домике. Счастье, что они переехали к маме Тере и заботятся о ней! Я всех их очень люблю!

Я еще не имела случая вам рассказать, что наш новый булочник, мсье Шаража, готовит восхитительный хлеб! Вот уже два года, как они с супругой сменили нашего славного мсье Шаффина. В булочной много нововведений. Теперь там продают белый, ржаной и даже сельский хлеб, такой же вкусный, как и тот, что пекла когда-то Нанетт, и всевозможные пирожные и булочки. Все они очень простые, но это настоящий рай для сладкоежки! Адриан стал их почитателем, особенно когда узнал, что любезные булочки — уроженцы Серилака, деревушки, расположенной по соседству с той, где у него были пациенты. И вот мой дорогой муж ходит туда поболтать... и иной раз задерживается там куда дольше, чем мы, женщины...

Мне должно быть стыдно так говорить о моем дорогом, обожаемом Адриане. Единственное, чем мы разнимся, — так это тем, что он увлекается всем современным, а я то и дело мысленно возвращаюсь к годам моей молодости. Да-да, мне недостает прогулки в коляске под стук

лошадиных копыт по мостовой! Мне было так приятно видеть, как развевается на ветру лошадиная грива, ощущать резкий, ни с чем не сравнимый запах, который нравился мне так же, как и запах свежескошенного сена... Что ж, я действительно в глубине души осталась маленькой Мари из «Волчьего Леса», которая упивалась пьянящим воздухом полей и любила собирать фиалки на обочине дороги!

Но, увы, все вокруг меняется, и не в моих силах этому помешать. Я вспоминаю столько всего... Например, ощущение полнейшего счастья, когда я открывала книгу из библиотеки моего отца. Я испытывала при этом такой трепет! Я гладила золотой обрез, вдыхала запах бумаги. Теперь у нас есть телевизор — этот волшебный ящик, без которого Адриан не мыслит жизни. Что до моего дорогого Луизона, которому уже восемнадцать, то он обожает смотреть передачи про животных и футбольные матчи.

Сейчас он уехал на велосипеде в Бейна — тренируется перед региональными соревнованиями. Адриан сумел передать ему свою страсть к велосипедному спорту. Думая об этом, я улыбаюсь... а иногда и плачу, потому что мальчик носит имя знаменитого гонщика Бобе, которому Матильда так аплодировала в Бриве! Какой прекрасный был день! А ты, моя Камилла, тайно от всех танцевала со своим будущим супругом! Чего только не случается в жизни!

Я часто думаю о капризах судьбы, соединившей вас с Гийомом. Разве могла я предположить в те времена, когда Макарий обижал меня, что придет время, и я выдам дочь замуж за его сына? Вот что такое чудо любви, если хотите знать... Как сказала мне Мадлен сегодня утром, в нашей жизни часто случаются чудеса, которых мы совсем не ждем. Это чистая правда! Вот, к примеру, я, маленькая сирота, стала дочкой хозяина «Бори», а моя Леони, которую я приютила, познакомила меня с моим любимым Адрианом, давшим мне столько счастья! Вспомним и о том, как ты вошла в нашу семью, моя маленькая Мелина! Опять-таки, это подарок судьбы — то, что я встретила с дочкой моей обожаемой подруги, как и то, что я познала счастье воспитывать Луизона, которого мог отнять у нас его отец. Если подумать хорошенько, станет ясно, что жизнь — это череда огорчений и чудес, отмеченных любовью, — во всех ее проявлениях. Нежность, дружба, братская привязанность, страсть... Но хватит об этом, не хочу вас утомлять. Поговорим о другом...

Вчера я встретила с Жаннетт, которая приехала в Обазин в гости. Мне она показалась уставшей, но она все такая же веселая и добросердечная. Жаннетт рассказывала о своем брате Даниэле, который много времени посвящает молодежи из бедных кварталов. Теперь он

архипресвитер собора в Тюле. Он поведал сестре, что мечтает отправиться в Африку... Он исключительный человек, его все здесь очень любят и уважают!

Еще немного терпения, доченьки! Готова поспорить, что моя словоохотливость уже вас утомила и вы думаете: «Ну и болтушка наша мама!» Мне кажется, я даже слышу, как вы вздыхаете под шум прибоя. Надеюсь, погода у вас солнечная, и вы не рискуете понапрасну, катаясь на водных велосипедах, о которых вы мне столько рассказывали по телефону! Я остаюсь матерью-наседкой, хотя вам всем уже за тридцать! Но что вы хотите? В моем возрасте люди не меняются...

Ты, моя Лизон, постарайся хорошенько отдохнуть. Наслаждайся отпуском, пусть даже ты и скучаешь по Венсану. Жан в воскресенье мне звонил; он собирался обедать у Поля. Эти двое составляют прекрасную пару — соседи и партнеры! А наша Люси стажирруется в Бордо у какого-то адвоката, она ведь изучает право. И прошу, рассказывай мне новости о Бертий! Признаюсь, я очень за нее переживаю, ведь наша девочка готовится стать учительницей! С мая 1968-го в сфере образования появилось столько нововведений! И потом, ученики стали неуважительно относиться к своим наставникам! Когда я слышу, что они говорят в телевизионных репортажах, я с небес на землю падаю! И временами это меня так расстраивает! Я не считала себя слишком строгой учительницей, но дисциплина очень важна!

А ты, моя Камилла, думаю, стараешься присматривать за своей хорошенькой Мирей! Девушка в пятнадцать — а мне об этом кое-что известно, верно? — втайне уже мечтает о любви. В твоей семейной жизни не случилось ни единой грозы, и Гийом — прекрасный человек. Это доказательство того, что наследственность — еще не все... Но оставим прошлое прошлому!

И в конце напишу несколько строк тебе, моя крошка Мелина! Зная тебя, предположу, что ты скучаешь вдали от своего красавца Фредерика! Напомню тебе, что мы до сих пор не имели счастья с ним познакомиться. Я очень рада, что ты после стольких лет одиночества наконец встретила, как ты говоришь, родственную душу. И все-таки я хочу своими глазами увидеть мужчину, которому удалось тебя завоевать!

Дорогие мои дочери, что еще я могу вам сказать? Поскорее напишите или позвоните мне, я скучаю! И пришлите фотографии, я расставлю их на буфете. Адриан, как и я, начинает волноваться, когда мы подолгу не получаем от вас писем. Он становится с годами очень мнительным отцом. Но в его восемьдесят два это — наименьшая из бед! К счастью, здоровье у

него прекрасное, он крепок, как скала! Ничего удивительного, ведь он — коренной житель Корреза!

Наверняка вас порадует новость, что я скоро стану прабабушкой. Жена Жана мечтает о малыше. Ну что ж, отдохайте, мои дорогие, а моя рука уже устала писать, и мне еще нужны силы, чтобы ответить вашему брату Полю, который просит меня приехать в «Бори» хоть на пару дней. Но я с возрастом становлюсь похожей на Нанетт — предпочитаю оставаться дома, в старом особняке, в котором так люблю принимать вас всех. Чтобы почувствовать себя счастливой, мне нужна малость — открыть окно, выходящее на площадь, и полюбоваться крышами аббатства и церковной колокольней.

Медсестра из Брива привезла меня, трехлетнюю, в Обазин и передала на попечение сестрам конгрегации Святого Сердца Девы Марии. В стенах аббатства они отдавали мне всю свою любовь и доброту. Я была девочкой из монастыря — так в то время называли сирот. Я часто мечтала, что вырасту и приму постриг, но судьба распорядилась иначе. И слава Богу, иначе всех вас не было бы в этом мире!

Сегодня я беседовала с монахинями, которые недавно поселились в аббатстве. Они приехали из Иерусалима и из Марокко, чтобы основать общину по греческому обряду — конгрегацию Святого Этьена Обазинского. Мать-настоятельница всегда встречает меня с неизменной учтивостью.

Слава Богу, я еще могу пройтись по монастырскому саду, в котором прошло столько ярмарок, столько праздников! Настоящее соединяется с прошлым. В книге жизней, вне всяких сомнений, записано, что я должна была вернуться сюда, где прошло мое детство! Надеюсь, я проживу еще несколько счастливых лет на земле Корреза, который мне так дорог! Но не беспокойтесь обо мне! У меня нет мрачных мыслей, просто я искренне считаю, что смерть — это не конец. Любовь вечна. А в том, что вы меня переживете, нет ничего грустного.

Неужели звонит телефон? Оставлю вас на секунду...

Вы ни за что не догадаетесь, кто звонил! Дам подсказку: огромные озера, величественные леса, клены, кроны которых становятся красными осенью, олени-карибу, медведи и сочный акцент... Камилла, я уверена, ты уже догадалась! Да-да, наш дорогой Феликс снова приехал во Францию! Он проездом в Коррезе и спрашивал, можно ли заехать к нам, чтобы мы познакомились с его очаровательной супругой Селин и их двумя детьми. Как я рада! Вот это сюрприз так сюрприз! Кто бы мог подумать! Я пригласила их погостить у нас несколько дней. В нашем большом доме

теперь много свободных комнат. И Луизон будет рад компании. Думаю, он засыплет наших квебекских друзей вопросами, а потом будет мечтать о том, чтобы увидеть однажды их страну! Совсем как ты, Камилла, когда была еще девочкой...

Обазин, конечно, не может похвастаться такими красотами, как их дикий край, и все же на него стоит посмотреть! И потом, гости отвлекут нас от повседневной суеты. Мы повезем их в Колонь-ла-Руж. Никто еще не остался равнодушным к красоте этой деревеньки, особенно когда прожекторы освещают маленькую церковь, фасады замков и величественных зданий из серого песчаника!

Я пообещала остановиться, а сама продолжаю болтать. Простите меня, мои милые, но для меня приезд Феликса с семьей — радостная новость! После их отъезда у меня будет что вам рассказать. Об этом я и напишу в следующем письме.

Говорю вам «до скорой встречи!», мои доченьки, и целую вас крепко! Скорее бы пришло Рождество, мой любимый праздник, когда мы все вместе соберемся у огромной елки, здесь, в Обазине. Быть может, даже выпадет снег... Он всегда вызывает у меня мечтательное состояние. Но теперь мне точно пора заканчивать, чтобы не разрыдаться, вспоминая все снежные рождественские вечера, которые выпали на мою долю.

Я всех вас люблю!

Ваша мама

---

notes

Примечания

1

Диалектное лимузенское «хозяин». (*Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*)

Отрывок дан в переводе Валерия Брюсова. (*Примеч. пер.*)

3

Эти слова Нанетт говорит на лимузенском патуа.

Французские солдаты-фронтовики Первой мировой войны получили прозвище «роіи» — лохматый, волосатый.

5

Трудно иметь чистую рубашку при заляпанных сзади штанах (*патуа*).

6

Как дела? (*Патра.*)

7

Карточная игра.

«Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Мф. 17:20.

9

Консультативный представительский орган в департаменте.

Вот несчастье! (*Патук.*)

Я так устала! (*патуа*).

Вино из виноградных выжимок.

Безотцовщина (*патуа*).

Форма множественного числа от «мадемуазель». (*Примеч. пер.*)

15

День взятия Бастилии, национальный праздник Франции.

«Гора» (фр.).

«Мир кинематографа». (Примеч. пер.)

Во Франции диплом бакалавра получают после окончания средней школы.